Вестник Воронежского государственного университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ: ПРАВО
Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Серия: Право. 2023. № 1 (52). Январь – март

СОДЕРЖАНИЕ

105 ЛЕТ ЮРИДИЧЕСКОМУ ФАКУЛЬТЕТУ ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: ПУБЛИКАЦИИ УЧЕНЫХ ФАКУЛЬТЕТА

Старилов Ю. Н. Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений 7

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Сазонникова Е. В. Концепции профессора С. Н. Бабурина о нравственном государстве, территории государства и интеграционном конституционализме 33

Тонков Е. Е., Пожарова Л. А. Достоинство личности как приоритет государства созидающего 41

Судакова С. В. Электоральная активность в контексте религиозно-мировоззренческих ценностей личности: правовой и практический аспекты формирования в условиях светскости Российского государства 53

Хатеневич Т. Г. Правовые инструменты совершенствования менеджмента инновационной деятельности на примере опыта Республики Беларусь 66

Миролюбова С. Ю. Проблемы реализации свободы передвижения в период мобилизации (частичной мобилизации) на территории Российской Федерации 78

Антонченко В. В. Права человека и национальные интересы 89

Сафин И. Н. Правовое регулирование статуса столиц в зарубежных странах Содружества Независимых Государств 94

Сусликова К.С. О конституционном праве на достоверную информацию об окружающей среде и некоторых проблемах его реализации 104

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Петров А. Я. Самозащита прав человека: фундаментальные подходы 111

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Поваров Ю. С. Голосование на общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме с использованием информационной системы 118

Аулов Д. С. О перспективах использования технологии искусственного интеллекта в цивилистическом процессе России 123
Буянова М. О. Медиация как способ разрешения спортивных споров 131

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Лиликова О. С., Гусакова Ю. С. Государственная поддержка предпринимательства в условиях санкций (на примере IT-технологий)....138

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Давыдов К. В. Реформы современного административного права России: некоторые тенденции....144
Табельский С. В. О некоторых проблемах субъектного состава административно-процессуальных правоотношений 152
Звонова А. В. Реализация целей распоряжения Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р в части создания системы пробации России на основе опыта зарубежных стран 161

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Равнюшкин А. В. О добавлении в статью 6.1.1 КоАП РФ «Побои» квалифицированного состава (те же действия, совершенные в отношении несовершеннолетнего и (или) совершеннолетнего лица в присутствии несовершеннолетнего)....167

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО

Красюков А. В. Вещные налоговые правоотношения....175
Кириллов Д. А., Коренкова С. И. Запрет на притворность в бухгалтерском учете России (межотраслевая правовая характеристика)....182

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА

Маркунцов С. А., Маркунцова И. А. О необходимости разработки концептуальных основ моделирования уголовного закона 191
Тихонова С. С. Концептуальная проработанность уголовного закона «О пытках» в свете нормативных требований к концепциям законопроектов....198
Маслов А. Е. Злоупотребление тайной....207
Бушная Н. В., Вишникина Н. П. Скоррелированность цифровых технологий и современной системы мер пресечения 214
Сидорова Е. З. Муниципальная уголовная политика в сфере предупреждения преступности в образовательной среде....218
Вовк Е. В. Реализация принципа справедливости в процессуальных отраслях российского права 225
Махобей П. Ю., Фурсова И. А. Криминалистические аспекты адвокатской и прокурорской деятельности в уголовном судопроизводстве....231
Тройнина И. С. Некоторые аспекты задержания подозреваемого по уголовно-процессуальному законодательству России 239
Зашляпин Л. А. Объяснение эксперта в предварительном расследовании....243
Севостьянова С. О. Эксперт как субъект фальсификации доказательственной информации 250
Хлус А. М. Материальные элементы структуры взяточничества и их криминалистическая характеристика 257

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ПРАВО И ИНЫЕ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Афанасьев С. Ф. Об использовании искусственного интеллекта в правовой сфере.....263

Денисенко В. В. Цифровизация права и правовые процедуры в условиях гиперреальности.....269

Шестерина А. М. Потенциал использования технологий искусственного интеллекта в обучении креативным профессиям 277

Кусаинова А. К. Правовая природа смарт-контракта в контексте цифровизации 283

Ищенко Е. Н. Трансформации гуманитарного знания в цифровом пространстве: алгоритмизация *vs* понимание.....290

Лепехина Г. И. Информационные технологии, четвертая волна феминизма и перспективы его изучения.....295

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей.....304

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES: LAW
First published in 2006
Published quarterly

Series: Law. 2023. № 1 (52). Yanuary – March

CONTENTS

105TH ANNIVERSARY OF THE LAW FACULTY OF VORONEZH STATE UNIVERSITY: PUBLICATIONS OF FACULTY SCIENTISTS

Starilov Yu. N. Conservatism of the legal policy as a guarantee of progress in the sphere of administrative and other public legal relations 7

STATE AUTHORITY. LEGISLATIVE PROCESS. CONSTITUTIONAL LAW. PUBLIC MANAGEMENT. LOCAL SELFGOVERNMENT

Sazonnikova E. V. Professor S. N. Baburin on the moral state, the territory of the state and integration constitutionalism 33

Tonkov E. E., Pozharova L. A. Personal dignity as a priority of the creating state 41

Sudakova S. V. Electoral activity in the context of religious and worldview values of the individual: legal and practical aspects of formation in the secular conditions of the Russian State 53

Khatsianevich T. G. Legal instruments to improve the management of innovation activities on the example of the experience of the Republic of Belarus 66

Mirolyubova S. Yu. Problems of realization of freedom of movement during the period of mobilization (partial mobilization) on the territory of the Russian Federation 78

Antonchenko V. V. Human rights and national interests 89

Safin I. N. Legal regulation of the capital-cities' status in foreign countries of the commonwealth of independent states 94

Suslikova K. S. Constitutional right to reliable information about the environment and some problems of its implementation 104

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Petrov A. Ya. Human rights self-defense: fundamental approaches 111

CIVIL LAW AND PROCESS

Povarov Yu. S. Voting at the general meeting of owners of premises in an apartment building using the information system 118

Aulov D. S. On the prospects of using artificial intelligence technology in the civil process of Russia 123

Buyanova M. O. Mediation as a way to resolve sports disputes 131

LABOR LAW

Lilikova O. S., Gusakova Yu. S. State support for entrepreneurship in the conditions of sanctions (on the example of IT-technologies) 138

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS

Davydov K. V. Reforms of modern administrative law in Russia: some tendencies 144

Tabelsky S. V. On some problems of the subject composition of administrative procedural legal relations 152

Zvonova A. V. Implementation of the objectives of the decree of the government of the Russian Federation dated 04.29.2021 no. 1138-r regarding the creation of a probation system in Russia based on the experience of foreign countries 161

ADMINISTRARIVE RESPONSIBILITY

Ravnyushkin A. V. About the addition to article 6.1.1 of the Administrative code of the Russian Federation «Beatings» of qualified side (the same actions committed against a minor and (or) to an adult person in the presence of a minor) 167

FINANCIAL LAW. TAX LAW

Krasyukov A. V. Property tax relations 175

Kirillov D. A., Korenkova S. I. Feignfullness prohibition in Russian's accounting (cross-sectoral legal description) 182

CRIMINAL LAW. CRIMINAL PROCESS. CRIMINALISTICS

Markuntsov S. A., Markuntsova I. A. To the question of the need to develop the conceptual framework for modeling the criminal law 191

Tikhonova S. S. Conceptual elaboration of the criminal law «On torture» in the light of regulatory requirements to the concepts of draft laws 198

Maslov A. E. Abuse of secrecy 207

Bushnaya N. V., Vishnikina N. P. Correlation of digital technologies and modern system of preventive measures 214

Sidorova E. Z. Municipal criminal policy in the field of crime prevention in the educational environment 218

Vovk E. V. Implementation of the principle of justice in procedural fields of Russian law 225

Makhobey P. Yu., Fursova I. A. Criminalistic aspects of advocacy and prosecutorial activity in criminal proceedings 231

Troynina I. S. Some aspects of apprehending a suspect according to the criminal procedure legislation of Russia 239

Zashlyapin L. A. Explanation of the expert in the preliminary investigation 243

Sevostyanova S. O. Expert as a subject of falsification of evidentiary information 250

Khlus A. M. Material elements of the structure of bribery and their criminalistic characteristics 257

INTERDISCIPLINARY COOPERATION: LAW AND OTHER HUMANITIES

Afanasiev S. F. To the question of the use of artificial intelligence in the legal field 263

Denisenko V. V. Digitalization of law and legal procedures in conditions of hyperreality 269

Shesterina A. M. The potential of using artificial intelligence technologies in teaching creative professions 277

Kussainova A. K. Legal nature of a smart contract in the context of digitalization 283
Ishchenko E. N. Transformation of humanitarian knowledge in digital space: algorithmisation *vs* undustanding 290
Lepekhina G. I. Information technologies, fourth-wave feminism and the perspectives of its studying 295

Submission guidelines 306

105 ЛЕТ ЮРИДИЧЕСКОМУ ФАКУЛЬТЕТУ ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: ПУБЛИКАЦИИ УЧЕНЫХ ФАКУЛЬТЕТА

УДК 342.98
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/7-32

КОНСЕРВАТИЗМ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ КАК ГАРАНТИЯ ПРОГРЕССА В СФЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ И ИНЫХ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Ю. Н. Старилов
Воронежский государственный университет

CONSERVATISM OF THE LEGAL POLICY AS A GUARANTEE OF PROGRESS IN THE SPHERE OF ADMINISTRATIVE AND OTHER PUBLIC LEGAL RELATIONS

Yu. N. Starilov
Voronezh State University

Аннотация: рассматриваются отдельные аспекты воздействия административной правовой политики на формирование и изменение российского административного (материального и процессуального) права. В центр авторского повествования выводится консервативный подход к развитию сферы административных и иных публичных правоотношений, основанный на традиционных принципах как верховенства права, так и правового государства, и учитывающий национальные исторические, социальные, правовые, государственные стандарты и представления о предназначении государственной власти, публичной администрации, государственной службы, надлежащего публичного управления, эффективной судебной защиты. Целью правовой политики определяются созидание и обеспечение прогрессивного развития административного законодательства, обусловливающего конструирование и внедрение в юридическую практику нормативных правовых механизмов и процедур, гарантирующих надлежащие правовые параметры публичного управления и эффективную судебную защиту в области публичного правопорядка. Подвергаются критическому осмыслению используемые на практике некоторые юридические термины и институты, не способные в полной мере установить гармоничное и полноценное осуществление механизма правоотношений вне учета контекста национального правового регулирования. Административное право как наука в глобальном плане исследует стратегические подходы и оперативные порядки изменения общего административного законодательства, которые основываются на обновленных приоритетах развития исполнительной власти, административной системы, взаимодействия органов публичной власти с гражданами и организациями, внедрения полезных технологий цифровизации и искусственного интеллекта в режим реализации правоотношений в публичной сфере.
Ключевые слова: верховенство права, правовое государство, публичная власть, консерватизм, либерализм, правовая политика, административно-правовая политика, правовая рецепция, публичное управление, сфера административных и иных публичных правоотношений, административные акты, административные процедуры, административное судопроизводство, судебная защита, административная ответственность, прогрессивное развитие, цифровизация.

Abstract: some aspects of the impact of administrative legal policy on the formation and change of Russian administrative (substantive and procedural) law are considered. The author's narrative focuses on a conservative approach to the development of the sphere of administrative and other public

© Старилов Ю. Н., 2023

legal relations, based on the traditional principles of both the rule of law and lawful state, and taking into account national historical, social, legal, state standards and ideas about the purpose of state power, public administration, civil service, proper public administration, effective judicial protection. The purpose of the legal policy is to create and ensure the progressive development of administrative legislation, that determines the design and implementation in legal practice of regulatory legal mechanisms and procedures that guarantee the proper legal parameters of public administration and effective judicial protection in the field of public order. Some legal terms and institutions used in practice that are not able to fully establish the harmonious and full implementation of the mechanism of legal relations outside the context of national legal regulation are subjected to critical reflection. Administrative law as a science globally explores strategic approaches and operational procedures for changing general administrative legislation based on updated priorities for the development of the executive branch, the administrative system, the interaction of public authorities with citizens and organizations, the introduction of useful digitalization technologies and artificial intelligence in the mode of implementing legal relations in the public sphere.
Key words: rule of law, constitutional state, public authority, conservatism, liberalism, legal policy, administrative and legal policy, legal reception, public administration, sphere of administrative and other public legal relations, administrative acts, administrative procedures, administrative proceedings, judicial protection, administrative responsibility, digitalization.

> Иногда он был даже чересчур либерален и, быть может, устрашил бы меня резкостью некоторых своих положений, если бы они были высказаны не в то простодушное время, когда о «неблагонадежных элементах» не было и помина, а в «настоящее время, когда…».
>
> *Салтыков-Щедрин М. Е. Благонамеренные речи*

Правовой политике[1] в последние десятилетия посвящается множество научных трудов, причем написанных как в общем доктринально-теоретическом плане, так и в обособленном отраслевом правовом регулировании. Правовая политика всегда рассматривается в качестве важнейшего элемента государственной политики. Следовательно, в зависимости от новых жизненных обстоятельств, новых поворотов в установлении национальных приоритетов, социально назревших планирований, универсальной модернизации общества и государства выстраиваются и более актуальные планы совершенствования многообразных областей правопорядка как в частном, так и в публичном праве.

В самом начале статьи, в названии которой упор делается на *консерватизм* разрабатываемой правовой политики в сфере административных и иных публичных правоотношений, нужно отметить, что автор не идеализирует *консерватизм* и не прибегает к тотальной критике *либеральных* подходов в создании правовых институтов, развертывании системы правового регулирования вновь складывающихся отношений, порядков, процедур. Этим двум понятиям и, соответственно, двум видам правовой политики необходимо взаимодействовать; они рассматриваются в сравнении, у каждого из них имеются слабые и сильные стороны, преимущества и недостатки; допустимы как временное усиление соответствующей методологии в выстраивании административной системы, так и модернизация законодательства, замена устаревших стандартов управленческого и правового воздействия. Главное – проводить уравновешенную (сбалансированную) работу по достижению целей и решению задач совершенствования механизма правового регулирования. При этом практически всегда встает вопрос об изучении зарубежного опыта юридической регламентации соответствующих управленческих отношений, учете действующих в других странах законодательных актов, выделении в качестве приоритетных принципиальных положений, способных улучшить юридическую практику, а также проработке вопроса о возможном их использовании в процессе проведения отечественных правовых, судебных и административных реформ.

Правовая политика может способствовать *прогрессивному* развитию административного законодательства в случае, если она имеет цели и задачи, обусловливающие конструирование и

[1] См., например: *Серков П. П.* Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики) : монография : в 2 ч. М. : Норма, 2023. С. 305–870.

внедрение в юридическую практику нормативных правовых механизмов и процедур, гарантирующих надлежащие стандарты публичного управления и эффективную судебную защиту в сфере публичного правопорядка. Бесспорно, всякая правовая политика, задуманная для устойчивого[2] развития российского административного и административного процессуального законодательства, должна основываться на конституционных ценностях, юридических нормах, правовых принципах и процедурах. Здесь уместно привести слова председателя Конституционного Суда Российской Федерации профессора В. Д. Зорькина из его переработанной и изданной в 2023 г. монографии «Право против хаоса»: «Принцип верховенства права лежит в основе современной человеческой цивилизации»[3]. Именно поэтому председатель Конституционного Суда Российской Федерации называет ее цивилизацией права. А далее идут последовательные авторские суждения о «тайне беззакония, об опасности разрыва между нормативностью морали и закона»[4]. Верховенство права и верховенство Конституции Российской Федерации – основа и главнейший критерий для развития административного материального и процессуального права; правовые идеалы, которые можно представить и обосновать в сфере административных и иных публичных правоотношений, сами по себе концептуально выражаются в верховенстве права.

Несмотря на сложности в толковании доктрины верховенства права, сложились ясные критерии ее представления, трактовки и оценки; известны полезность и перспективность верховенства права при создании нового законодательства в странах, где данная теория не принималась во внимание на каком-то этапе своего развития. Верховенство права может доминировать при осуществлении как либеральной, так и консервативной правовой политики. Проведены весьма интересные исследования, в которых рассматривается вопрос с самых универсальных позиций о возможности укоренения и безраздельного господства в России *верховенства права*: «неустойчивость режима верховенства права» объясняется «правовым утилитаризмом», когда «на весах правосознания… отсутствует социальная норма верховенства права»[5]. Невозможно возразить авторскому подходу, заключающемуся в том, что верховенство права есть прочная основа для развития доктрины правового государства, базирующейся на «концепции писаной конституции как главного, имеющего высшую юридическую силу законодательного акта государства для стран континентальной системы права»[6].

Всемерно поддерживая концепцию верховенства права как систему принципов, направленных на обеспечение благополучия общества, полноценного взаимного контроля внутри государственной власти, юридической защиты прав и свобод граждан, надлежащего экономического развития, функционирование всех ветвей государственной власти, невозможно не поставить вопрос о заложенном в глубинах самого верховенства права *консерватизме* – с его требованиями: обеспечивать законное, справедливое, обоснованное и правильное рассмотрение и разрешение административного или иного дела (спора); определять ограничения усмотрения (административного или судебного) пределами установленной дискреции должностных лиц и судей; детерминировать надлежащие процессуальные статусы участников как административных процедур, так и судопроизводства; внедрять в практику публичной службы дисциплинирующие государственных служащих принципы государственной службы; узаконивать в системе контрольно-надзорной деятельности выразительные и плодотворные современные принципы осуществления государственного контроля и надзора. Эти и иные основополагающие положения действующего российского законодательства непременно раскрывают потенциал верховенства права и доказывают саму возможность

[2] Можно воспользоваться обозначенными в литературе подходами к определению устойчивости. К примеру, Б. В. Россинский понимает под устойчивостью «способность системы сохранять текущее состояние при влиянии внешних воздействий». См.: *Россинский Б. В.* Исполнительная власть в системе государственного управления : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. С. 308.

[3] *Зорькин В. Д.* Право против хаоса : монография. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2023. С. 5.

[4] Там же. С. 13–27.

[5] *Фогельсон Ю.* Социальная история российского права и возможность верховенства права в России // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6. С. 158.

[6] *Завгородняя А. А.* Верховенство права в российской модели конституционализма и динамичное равновесие интересов в обществе // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 12. С. 5.

принятия и интеллектуального разделения доминирующих ценностей данной концепции обществом, гражданами и государственным аппаратом. Очевидно, когда речь заходит о практике осуществления верховенства права, то вновь возникает разговор об отсутствующем консервативном подходе государства к правовому воспитанию, надлежащей борьбе с коррупцией, многочисленным изъятиям из общих принципов правоприменения применительно к той или иной группе людей, организаций, отдельных граждан, использованию неформальных воздействий при принятии должностными лицами правовых решений, забвению идеалов справедливости, честности и добросовестности. Хотя равенство перед законом и сам режим законности также находятся внутри концепции верховенства права.

В российской юридической науке за все годы исследования правовой политики в качестве традиционного сформировался подход по разработке *видов* правовой политики в зависимости от *отрасли права*. Теоретический анализ правовой политики в системе публичного права, и, главным образом, *конституционного*[7], обоснованно выходит на первый план научных изысканий. С одной стороны, конституционная реформа 2020 г. усилила юридическую реальность новейшими понятиями и институтами, например, такими терминами, как «публичная власть», «организация публичной власти», «единая система публичной власти», «федеральная территория», «предварительный конституционный контроль», «публичный правопорядок», институты гражданского общества и «поддержка институтов гражданского общества». В сущности, все эти терминологические политико-юридические новшества – результат правовой политики, который теперь целеустремленно и весьма содержательно оценивается, анализируется, изучается во взаимодействии; да и впереди стоят масштабные задачи по прогнозированию их перспективности и устойчивости[8]. По мнению ученых, конституционные поправки способствуют установлению прочных гарантий верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории страны, а также способны обеспечить гражданам реальные возможности в управлении делами государства[9]. С другой стороны, отмечается и «некоторая неудовлетворенность, поскольку очевидна дробность институтов власти»[10].

Движение в сторону консерватизма можно обнаружить и в новой редакции ст. 76 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», установившей запрет на обнародование в какой-либо форме особого мнения судьи или публичную ссылку на него. Как пишет А. К. Арановский, «выбытие институции из конституционно-правовой видимости позволяет, в частности, обсуждать не только саму возможность ее исчезновения, но и корреляции, причины, последствия таких перемен и движений в национальном праве, представлять их и трактовать в системном плане, в симптоматическом значении, в прогностической проекции»[11]. Мнения ученых об изменившемся в результате конституционной реформы 2020 г. правовом положении Конституционного Суда Российской Федерации в механизме разделения властей (например, сокращение числа судей[12]) также можно интерпретировать и как консервативную позицию в модернизации института конституционного контроля в стране.

Если говорить о государственном (публичном) управлении, сфере административных и иных публичных правоотношений, то, несомненно, новейшие требования по преобразованию публично-правовых институтов и административно-правовых режимов заставляют законодателей и ученых задумываться над главными направлениями правовой политики в сфере административного и административного процессуального права. В сущности, речь идет о со-

[7] См., например: *Толкачев К. Б.* Развитие конституционных основ российской правовой политики // Государство и право. 2023. № 2. С. 7–16.

[8] См., например: Реформа организации публичной власти : основные направления реализации : монография / отв. ред. А. Е. Постников, Л. В. Андриченко. М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. С. 10–11.

[9] См.: *Толкачев К. Б.* Указ. соч. С. 11.

[10] *Тихомиров Ю. А.* Креативные регуляторы в правовом и виртуальном пространстве // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 13.

[11] *Арановский К. В.* Верховенство права в частностях конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 6. С. 36.

[12] См.: *Велиева Д. С., Пресняков М. В.* Правовая определенность и права человека : монография. Саратов : Сарат. источник, 2021. С. 398. См. также: *Кряжкова О.* Российский Конституционный Суд в 2022 году: под знаком стабильности // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 1. С. 113–127.

вершенствовании административного правового регулирования управленческих и других отношений, непосредственно связанных с ними как по формам и способам взаимодействия, так и по надлежащему взаимному контролю. И одним из первых вопросов считается выяснение целеполагания в правовой политике в указанной области правоотношений, установка приоритета *консервативных начал* в ее содержании и потенциальном воздействии на реальные отношения по упорядочению процедур как в системе организации и функционирования публичного управления, так и при взаимодействии с гражданами и организациями.

Публичное управление претерпевает изменения, порой и кардинальные, в условиях возникновения и распространения кризисов или неблагоприятных развитий. Как известно, кризис в общественном развитии, деградация публично-правовых институтов, пандемия и иные глобальные негативные процессы, с одной стороны, а также стремительная информатизация, динамичное развитие электронного взаимодействия, цифровизация – с другой, – всё это создает весьма заметные стимулы для коренного пересмотра политики, государственно-правового строительства, замены приоритетов и парадигм прогрессивного развития. Законодатель и правительство начинают изменять систему и структуру публичного управления, устанавливать новые правовые положения, конкретизировать компетенции, модернизировать административные процедуры по принятию управленческих решений[13]. В более широком плане на систему и эффективность публичного управления воздействует само общество, иные социальные институты, создаваемые для осуществления социального контроля; государство предлагает заметно ослабить режим контрольно-надзорной деятельности, использует новые парадигмы централизации и децентрализации.

Разрабатываемая правовая политика может базироваться на проверенных временем конституционных целях и нормативных ориентирах, определяющих, в свою очередь, траекторию развития российского административного и административного процессуального права в нашей стране. Учитывая противоречия государственно-правового регулирования и отчасти неблагополучные результаты формирования сферы административных правоотношений, уместно сделать акцент на консервативности правовой политики, заключающейся в развитии и обеспечении стабильных, устойчивых и твердых по своему правовому содержанию институтов, лишенных в сущности «передовой» (с точки зрения поверхностной оценки, модных или модернизированных подходов) терминологии и юридической технологии, и приводящей, к сожалению, к нагромождению иностранных терминов, выработанных и приспособленных в соответствии с конституционными ценностями, нормами и институтами, доминирующими в иных национальных правопорядках. Сразу же можно предположить и, конечно, ожидать постановки вопросов относительно самих конституционных ценностей, их содержания и стандартов, развертываемых в других странах в соответствии с идеологией правового государства или верховенства права. Именно «погоня» за новой терминологией, с одной стороны, и желание быстро сделать административное законодательство современным, привлекательным, признаваемым, эффективно действующим – с другой, становились в недавнем прошлом главнейшими ориентирами модернизации административно-правовой системы.

В литературе можно встретить призыв «отказаться от следования насаждавшейся в предшествующие три десятилетия модели правового государства в ее неолиберальном, прозападном истолковании и сосредоточиться на построении модели правового и социального государства, достижении такого экономического и общественно-политического уклада, при котором право является прямым синонимом понятия о социальной справедливости»[14]. Иными словами, предлагается считать главнейшей целью формирование государства, в котором торжествуют *социальная справедливость* и *верховенство права*[15]. При этом обеспечение верховенства права не только не отрицается, но и ставится в каче-

[13] См.: Правовое управление в кризисных ситуациях : монография / С. Б. Бальхаева, Х. И. Гаджиев, С. А. Грачева [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М. : Проспект, 2022. С. 28–98.

[14] *Добрынин Н. М.* Правовое государство и социальная справедливость в условиях изменившегося миропорядка : посильные суждение о современной интерпретации «вечных конституционных идеалов» // Государство и право. 2022. № 11. С. 68.

[15] См.: Там же. С. 76.

стве цели и одновременно сверхзадачи для нашей страны, раскрывающейся в успешном взаимодействии и сочетании практики общественной жизни и конституционных норм, принципов, ценностей[16]. Все эти новые суждения базируются на авторских[17] представлениях (с которыми вполне можно согласиться) о крушении западной либеральной правовой идеологии, отречении от основополагающих социальных ценностей стремительным развертыванием санкционной политики с использованием имеющихся в западных странах соответствующих юридических инструментов.

Очевидно, что основой административно-правовой политики должны оставаться такие конституционно-правовые ценности, как правовое государство, верховенство Конституции Российской Федерации, права и свободы гражданина, разделение властей, эффективная судебная защита прав и свобод человека и гражданина, законные интересы, публичный правопорядок, судебный нормоконтроль за результатами административного нормотворчества. В сфере административных и иных правоотношений огромную важность всегда имеют *правовая определенность*[18] и ее незыблемость при изменении векторов политико-правового развития. Наряду с правовой определенностью и все остальные главные *принципы административных процедур*, созидая надлежащий и одновременно чрезвычайно высокий уровень правовой защиты субъектов права и взаимоотношений в системе публичного управления, содержательно показывают *консервативную* сущность механизма административного правового регулирования отношений внутри публичной администрации и ее взаимосвязи с гражданами и организациями. Именно такой подход является благоприятным в сфере публичных правоотношений.

Консерватизм административно-правовой политики целесообразно обеспечивать и развивать на уровне первостепенных теоретико-прикладных идей и суждений о своевременности, практическом значении, пользе и общественной востребованности предлагаемых для включения в сферу публичных правоотношений юридических нововведений. Здесь уместно привести мнение ученых, исследующих, например, проблемы *уголовной политики*, о том, что порождение неправильного вектора ее развития и снижение эффекта от государственных решений напрямую зависят от просчетов в процессах криминализации и декриминализации[19]. В более общем виде ученые, основываясь на анализе метаморфоз УК РФ 1996 г. на протяжении четверти века, констатируют, что «по своей природе это был растянувшийся по времени процесс вытеснения либеральной модели уголовной политики, постепенной смены базовых ценностей и воплощения новых идей в законе и на практике, подчас противоположных изначальному замыслу законодателя»[20].

Юридический прогресс обеспечивается преимущественно взвешенной, соразмерной консервативной политикой государства с целью развития главнейших отраслей права и законодательства, правовых институтов и разнообразных правил, регламентов, нормативных положений. Консерватизм правовой политики – залог формирования надлежащих административных и иных публичных правоотношений, приспособленных под исторически возникшую и развиваемую в стране систему публичной власти и управления, осуществления административной и судебной деятельности, функционирования государственной службы и публичного администрирования, деятельности служащих органов публичной власти. По опыту и наблюдениям, у многих людей зачастую возникает непринятие (даже если со временем мнение может и измениться) идеи или попытки внесения изменений в законодательные акты непроверенных в действии и недостаточно изученных правовых институтов, норм, порядков и правил, основывающихся на недостаточно обсужденных концепциях совершенствования законодательства. К сожалению, ошибки в законотворческой деятельности начинаются даже при обосновании создания нового закона или внесения каких-то дополнений в закон. К тому же в нашей стране появилась какая-то европейская мода давать обычным реформам законодательства (что не

[16] См.: *Добрынин Н. М.* Указ. соч. С. 77.

[17] См.: Там же. С. 69.

[18] О правовой определенности написано в течение последних лет множество научных трудов. См., например: *Велиева Д. С., Пресняков М. В.* Указ. соч. С. 54–88.

[19] См.: *Нудель С. Л.* Модернизация уголовной политики : проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 20.

[20] *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Фикции в уголовной политике // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 82.

соответствует нашим теоретическим представлениям, понятиям и подходам) характерные наименования, например, «регуляторная гильотина» (2020 г., в сущности проводилась реформа государственного контроля и надзора) или «процессуальная *революция*» (2017–2018 гг., что означало внесение изменений в российское процессуальное законодательство, учреждение апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции), «регуляторная песочница» (2018 г., в Банке России осуществлялась деятельность по использованию и приспособлению инновационных финансовых технологий, продуктов и услуг). Думается, поистине «*революционного*» в состоявшихся преобразованиях в указанных областях (контрольно-надзорной деятельности, судебной системы и правосудия, банковской работы) не произошло. Даже если бы и состоялись «революционные» решения, то зачем находить для них «рекламные обозначения»?!

Важнейшим критерием государственно-правового строительства всегда считалось обеспечение *прогресса* (или прогрессивного развития) в соответствующей сфере правоотношений. Если система законодательного и иного нормативного правового регулирования создает *правильные, прочные и устойчивые* юридические механизмы для выполнения функций публичной власти и ее органов, обеспечения эффективной правовой защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, надлежащего уровня экономического развития, общественной и государственной безопасности, то, несомненно, можно рассуждать и о прогрессе в реализуемой государством *правовой политике*. На различных этапах своего развития государство сочетает как *консервативные*, так и *либеральные* идеи, разрабатывая и предлагая обществу проекты модернизации правовой системы, законодательства или его отдельных компонентов. В некоторых случаях принятые законы, как оказывалось и оценивалось впоследствии, не смогли обеспечить планируемый правопорядок в той или иной области правоотношений и общественное одобрение новых законодательных актов, хотя на этапах обсуждения и принятия таких нормативных предписаний сомнений в их необходимости даже и не возникало. Здесь можно привести пример с законодательством о контрактной системе, закупках для обеспечения публичных нужд, заключении публично-правовых соглашений. А ведь какие демократические принципы были положены в основу указанных правоотношений (!): открытость и прозрачность информации о контрактной системе в сфере закупок (информационная открытость закупок); обеспечение конкуренции (отсутствие дискриминации и необоснованных ограничений конкуренции по отношению к участникам закупки); единство контрактной системы в сфере закупок; равноправие; справедливость; профессионализм заказчиков; ответственность за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд; стимулирование инноваций; эффективность осуществления закупок, целевое и экономически эффективное расходование денежных средств на приобретение товаров, работ, услуг; реализация мер, направленных на сокращение издержек заказчика; преодоление ограничений допуска к участию в закупке посредством установления неизмеряемых требований к участникам закупки. Однако многолетняя российская практика заключения публично-правовых соглашений заставляет находить и обсуждать критические аргументы в отношении сложившейся в стране контрактной системы и законодательства о ней, стремительно изменяемого на протяжении всего времени его применения. Очевидно, что данная система публичных закупок зарождалась и развивалась в России под мощнейшим влиянием зарубежного законодательства и правовой доктрины, которые были отнесены к «лучшим и примерным стандартам» публичного правового регулирования в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Но, как оказалось, простейшее «переписывание» основополагающих принципов, норм, процедур и правил зарубежных моделей публично-правовой контрактной системы не создает прочных и полезных практик реализации данного законодательства в другой стране. Между тем законодательство в данном виде продолжает действовать, а в специальной литературе обсуждается вопрос о кодексе публичных закупок как новом законодательном акте, объединяющем различные законы о контрактной системе, закупках и иных законодательных актах[21].

Прогрессивное развитие административного законодательства непременно зависит и от

[21] См.: *Андреева Л. В.* О кодексе публичных закупок : аргументы против его принятия // Предпринимательское право. 2023. № 1. С. 10.

правовой политики, поставленных целей и задач в создании юридических процедур и надлежащей модели судебной защиты в сфере соответствующих публичных правоотношений. Если говорить о правовой политике в области административных и иных публичных правоотношений, то все входящие в предмет административно-правового регулирования отношения получают динамичное и планируемое развитие только при условии, что развиваемые стандарты публично-правового регулирования полноценно отражены в планах правовой политики. Исследование вопросов совершенствования в течение последних 20 лет российского административного и административного процессуального законодательства и, следовательно, системы, структуры и содержания административного права и процесса позволяет говорить не только о реализации ярко выраженных либеральных идей в обеспечении эффективности публичного управления и функционирования исполнительной и судебной власти, но и о заметной *законодательной увлеченности* европейскими стандартами *верховенства права* и их некритическом восприятии и развитии на постсоветском пространстве. Разделяем точку зрения П. П. Серкова, который отмечает в качестве главного ориентира исследовательской работы способность решения научными трудами практических задач[22].

Как правило, в практике государственно-правового строительства актуализировались идеи *административной юстиции*, *административного судопроизводства*, *административных актов* и *административных процедур*. Именно эти сферы административного правового регулирования привносились в дискуссию о необходимости формирования на постсоветском пространстве сложившихся несколько десятилетий назад соответствующих достаточно крупных и сложно структурированных институтов. Прилагались значительные усилия для реализации новой правовой идеологии с целью обоснования необходимости построения, порой фактически с нулевого уровня, масштабных юридических образований. Как теперь видно, такие попытки в активизации законотворческой работы, обучение персонала органов публичной власти, последовательная пропаганда нового законодательства давали свои положительные плоды. Создавались модельные законодательные регулирования отношений в указанных сферах административного и судебного права, разрабатывались и предлагались для включения в национальную правовую систему стандарты осуществления публичного управления и юридической защиты прав, свобод и законных интересов. Как правило, национальный законодатель весьма некритично (хотя и не без заметного торможения воплощения этих идей в своих странах) подходил к масштабной правовой рецепции предлагаемых демократических институтов и процедур. В принципе складывалась объяснимая ситуация: если страна базируется на конституционных принципах правовой государственности (правового государства), значит, она должна иметь в структуре национального правопорядка соответствующие *управленческие процедуры* и *правозащитные механизмы*. Отдельные страны восприняли предлагаемые к включению в правовую систему институты в качестве полезных для практики и закрепили их в законодательстве; при этом предпринимаются шаги и по дальнейшему развитию данных институтов, ликвидации противоречий, даже если некоторые нововведения в полной мере и не приживаются. Это, кстати, и есть либеральные ценности, и их в подобном контексте не нужно противопоставлять консервативным началам в развитии административного материального и процессуального законодательства. Сегодня ученые изучают правовую политику в области *административного судебного процесса* (*административного судопроизводства*) с надеждой, что она позволит выработать главные подходы к созданию системы и структуры судебной процессуальной деятельности[23]. Как и прежде, вопросы

[22] См.: *Серков П. П.* К вопросу о показателях результативности юридической науки // Российская юстиция. 2022. № 12. С. 9.

[23] См.: *Белоусов С. А., Соколов А. Ю.* Правовая политика в сфере административного судебного процесса // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 110–122 ; *Стахов А. И.* Понятие и общая характеристика системы судебного административного процесса в Российской Федерации // Российское правосудие. 2023. № 3. С. 59–71. Здесь нужно обратить внимание на то, что дискуссионность проблемы в понимании административного процесса не позволяет авторам прийти к единому мнению даже в наименованиях; в названиях приведенных статей видны различные подходы: в одном случае – «административный судебный процесс», а в другом – «судебный административный процесс»?! А нужно было бы, как мне представляется, написать просто и правильно: «административное судопроизводство», ибо оно и

унификации цивилистического процессуального законодательства, включающего в свое содержание, по представлениям ученых-процессуалистов, и административное судопроизводство (КАС РФ), остаются и поныне в центре крупных дискуссий[24]. Построение КАС РФ на концепции административного иска считается весомым аргументом в пользу процессуальной унификации[25]. В теории развиты и иные подходы, демонстрирующие самостоятельность административной процессуальной формы[26].

Административное право (как общее административное, управленческое право), являясь в известной степени консервативным правовым регулятором сложной субординационной административной среды, само по себе диктует теоретикам и законодателям условия и порядки установления административно-правовых институтов. Здесь уместно вновь обратить внимание на уточнения *предмета науки* административного права и привести авторитетное мнение профессора Б. В. Россинского, включающего в данный предмет выявление «закономерностей общественных отношений, возникающих в процессе организации и деятельности системы исполнительных органов публичной власти, иных субъектов, наделенных исполнительными полномочиями, и разработку на этой основе необходимых теоретических положений, нормативных требований и практических рекомендаций, направленных на совершенствование процесса государственного управления»[27].

Кстати говоря, отдельные административно-правовые институты и даже крупные отрасли законодательства, развивающиеся в нашей стране с самого начала на своей (созданной уже в далекие советские годы), особой юридической платформе, практически не включались в предмет глубоких теоретических дискуссий на организованных в последние десятилетия зарубежными коллегами конференциях, т. е. не получали какого-либо влияния (критики или одобрения) со стороны зарубежных ученых. Например, не заинтересовала наших зарубежных коллег система российского законодательства об административных правонарушениях и, соответственно, не получила никаких критических суждений и предложений для развития или включения в нее элементов европейского административного права. Таким образом, КоАП РФ модернизируется под влиянием отечественной правовой политики и планов его реформирования, кстати, не всегда удачно и ко времени разработанных и предлагаемых российскому законодателю для реализации. Заслуживает внимания предложение по созданию так называемой «“линейки” правонарушений и нарушений этических норм в зависимости о их степени общественной опасности»[28], здесь речь идет о соотношении преступления, уголовного проступка (до настоящего времени не получившего нормативного правового установления) и этического нарушения.

Вряд ли нужно спорить с тем, что при отсутствии (в прошлом) в системе отечественного административного права полноценно развитых институтов *административного судопроизводства, административных актов* и *административных процедур* требовался анализ практики зарубежного административного правового регулирования указанных институтов. Обычное дело, когда в процессе разработки законодательных актов появляется интерес к зарубежным моделям административного правового регулирования отношений в соответствующих сферах публичного правопорядка. Но при этом целесо-

---

есть реально существующий вид административного процесса, что соответствовало бы и законодательному решению этого вопроса, и основным доктринальным подходам в исследовании данной, ставшей с годами простоватой, проблематики! Как уже многократно отмечалось, остальные юридические «движения» и «перемещения» в управленческом пространстве – это *процедуры*, *производства* и прочие обозначения административных активностей.

[24] М. А. Фокина, говоря об одновременной трансформации АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ, связывает обеспечение их внутренней и структурной общности со стремлением государства по унификации процессуального законодательства. См.: *Фокина М. А.* К вопросу о некоторых концептах цивилистического процесса : итоги двух десятилетий // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13, № 1. С. 21.

[25] См.: Там же. С. 23.

[26] С. А. Курочкин определяет административную процессуальную судебную форму как «систему однородных процессуальных требований (нормативных предписаний), предъявляемых к действиям суда и участников административного судопроизводства и нацеленных на достижение определенного законом материально-правового результата». См.: *Курочкин С. А.* Актуальные проблемы теории административного судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 4. С. 306.

[27] *Россинский Б. В.* Указ. соч. С. 254.

[28] *Клеандров М. И.* О единой «линейке» регулирования ответственности за право- и нормонарушения // Государство и право. 2022. № 10. С. 7.

образно обеспечивать доминирование «принципа критического взгляда» на устоявшиеся модели правовой регламентации в других странах; уместно осуществление *моделирования* юридических результатов возможной включенности зарубежных порядков и правил в отечественное законодательство, а также анализ прогнозируемых итогов слаженного взаимодействия общего публично-правового регулирования и решения специальных задач включения в российское право стандартов иностранных правовых механизмов. Как пишет П. П. Серков, «в правовом регулировании даже незначительные на первый взгляд детали имеют значение и потому заслуживают самого пристального исследовательского внимания». Разделяя это мнение, уместно одобрить и общий подход автора к «идее о механизме правоотношений» и необходимости «приспосабливаться к механизму правоотношений»[29]. Ведь простейшее перенесение на национальную правовую почву иностранных юридических принципов, изобретений и конструкций, которые весьма комфортно и с большой полезностью существуют и применяются в европейских странах, без известного «нормативного приспособления» к, например, российским правопорядкам, правилам, условиям, производствам и многочисленным процедурам, вряд ли оправданно, разумно и целесообразно. Так, законодательные стандарты европейских административных процедур элементарны и понятны. Если всмотреться в действующее российское *административное процедурное законодательство* (в той мере, в которой оно развито и действует в стране), то можно увидеть «невероятные» детализации правового регулирования административных процедур, содержащиеся как в законодательных, так и иных нормативных правовых актах (например, в административных регламентах исполнения государственных функций). Однако по своей сути данные правовые регулирования ничего общего не имеют с традиционными представлениями об административных процедурах. Принятые относительно недавно в отдельных постсоветских странах законы об административных процедурах, по словам самих правоприменителей, полноценно не работают; исследователи говорят о том, что необходимо время не только для точного соблюдения административно-процедурных норм, но и вообще для осознания масштабности и потенциала административно-процедурного законодательства. Многолетнее обоснование автором этой статьи идеи о необходимости принятия в России федерального закона «Об административных процедурах» непременно встречало не только поддержку со стороны ученых, но и большие сомнения в значимости такой административно-правовой новеллизации и административно-правовом реформировании. Коллеги говорили как о содержательных сложностях механизма административно-процедурного регулирования, так и о базовых терминах, которые, по их мнению, не отвечают традиционным доктринальным и нормативным стандартам управленческой деятельности: дескать, если заменить слово «процедуры» на, например, «производство», то проект выглядел бы куда более предпочтительным и понятным. Как видно, в этом также заключена консервативность в выстраивании самой административно-правовой терминологии.

Таким образом, возникает вопрос о более взвешенном, т. е. консервативном, подходе к обоснованию путей развития административного права и процесса, обязательному учету традиционных, десятилетиями развивающихся, порядков и правил в системе административного права, административного законодательства, вообще исполнительной власти, государственного управления, судебной системы. И здесь нельзя не согласиться с Ю. А. Тихомировым, призывающим «всемерно повышать качество государственного управления путем преодоления деструктивных явлений и использования методов прогнозирования, моделирования и рискологии, упорядочения системы и компетенции публичных органов на основе демократизации и цифровизации некоторых управленческих процессов»[30].

Цифровизация и *искусственный интеллект* (ИИ) уже давно стали важнейшими предметами исследования всякой государственной деятельности, правовых институтов или отдельных правовых норм. Беглый анализ научных трудов позволяет увидеть даже в их названии слова «цифровая трансформация»[31]. Цифровизация проч-

[29] *Серков П. П.* Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики). С. 221, 224.

[30] *Тихомиров Ю. А.* Указ. соч. С. 82. С. 14.

[31] См., например: *Штатина М. А.* Субъекты публичного управления в условиях цифровой трансформации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительно-

но укоренилась и в системе административного и административного процессуального права. А далее процессы цифровизации будут только нарастать, ускоряться и усиливать свое распространение в административно-правовой среде. Ученые пишут о праве на цифровизацию как о конституционном праве, под которым понимают «субъективное право любого лица на восприятие и применение норм права при помощи цифровых средств, включая право на отказ от использования последних»[32] и которое распространяется на разные отрасли права. Одни ученые предлагают считать цифровое право «самостоятельной комплексной отраслью (совокупностью норм) права»[33]. Другие придерживаются мнения, что вряд ли целесообразно создавать отдельную отрасль цифрового права, а сегодня оно – лишь «комплексная область юриспруденции, объединяющая юристов различных специальностей»[34]. Несмотря на различные представления о цифровом праве, самой цифровизации отношений, можно представить в качестве общего для исследователей мнение, что «задачей современного правоведения является выявление условий для реинтеграции значительных слоев населения в систему позитивного “государственного” права и сужения поля псевдоправовой мифологии, порождаемой надеждами на чудодейственный потенциал новых технологий, якобы способных создать новую парадигму правоотношений»[35]. В этом и заключается критический пересмотр ценностных ориентиров правового воздействия, который соответствует усилению внимания к консервативным представлениям о правовой политике и предлагаемым к внедрению новых юридических средств и институтов. Находит большую поддержку предложение о надлежащем государственном контроле за процессами расширения самого *киберпространства*, ибо безучастность государства к распространению цифровых технологий угрожает его «традиционным суверенным полномочиям»[36]. Если обратиться к исследованиям, посвященным проблеме внедрения цифровизации и искусственного интеллекта в сферу судопроизводства[37], то и здесь доминирует убежденность в необходимости осуществления действенного контроля человека при применении новых технологий, с тем чтобы гарантировать соблюдение традиционных принципов процесса разрешения и рассмотрения дел[38]. Правоведами актуализируются вопросы режима использования цифровизации и постоянно развивающихся информационных технологий, при котором усиливается воздействие на качество управленческой деятельности и систему публичного управления в кризисных ситуациях[39]. Цифровые правовые проблемы в будущем, очевидно, будут фокусироваться на развитии *цифрового профиля человека* как участника в том числе и публично-правовых отношений[40].

го правоведения. 2023. Т. 19. № 1. С. 55–68 ; *Гриценко Е.* Право на хорошее управление в условиях цифровой трансформации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 4. С. 15–36 ; *Затулина Т. Н.* Государственное управление : современный вектор развития и реализация в цифровой парадигме публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 12. С. 8–10.

[32] *Волос А. А.*, *Иванов А. А.* Цифровизация и конституция // Закон. 2022. № 12. С. 35. См. также: Право цифровой среды : монография / под ред. *Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой*. М. : Проспект, 2022 ; *Чаннов С. Е.* Применение права посредством цифровых технологий // Информационное право. 2022. № 2. С. 11–16.

[33] *Щенникова И. И.* Место цифрового права в системе российского права // Законодательство. 2023. № 3. С. 42. См. также: *Минбалеев А. В.* Понятие и природа цифрового права // Информационное право. 2022. № 4. С. 4–7.

[34] *Волос А. А.*, *Иванов А. А.* Указ. соч. С. 41–42. См. также: *Лазарев В. В.* Юридическая наука в свете перспектив цифровизации // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 5–19.

[35] *Хабриева Т. Я.* Технологические императивы современного мира и право // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 1. С. 10.

[36] *Романовский Г. Б.*, *Романовская О. В.* О цифровом суверенитете // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 9. С. 25.

[37] См.: *Лаптев В. А., Соловяненко Н. И.* Цифровое правосудие. Цифровой документ : монография. М. : Проспект, 2022. См. также: *Трезубов Е. С.* Тенденции цифровизации цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 5. С. 204–227.

[38] См.: *Дедов Д. И.* Право на справедливый суд : новые вызовы и возможности в условиях технологизации судопроизводства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 1. С. 44.

[39] См.: Правовое управление в кризисных ситуациях : монография / отв. ред. *Ю. А. Тихомиров*. С. 99–116.

[40] См.: *Мартынов А. В., Бундин М. В., Ширеева Е. В.* Правовые и функциональные аспекты создания цифрового профиля креативного человека // Законы России : опыт, анализ, практика. 2022. № 11. С. 85–97 ; № 12. С. 62–68.

Мы пока не можем предвидеть «юридическое будущее» государства и права, а также уровень развития в этих пространствах искусственного интеллекта. Но сегодня можно предположить, что искусственный интеллект (ИИ) «бессмыслен» с точки зрения настоящих умственных операций, ибо лишен, в сущности, интеллекта как *умственного начала* у человека, живущего и действующего. Искусственный интеллект не сможет зафиксировать смысловые значения и нагрузки, как, впрочем, он не способен генерировать идеи, признаваемые человеком достойными, справедливыми, разумными (с человеческой точки зрения) для развертывания и достижения желаемых результатов. *ИИ* не сможет развить идею в правильном и значимом для людей направлении. Искусственный интеллект, очевидно, может предоставить только сервис, упрощающий работу, выполняющих заранее заданные операции, функции и приказы. Уже встречаются статьи ученых, в которых проверяется искусственный интеллект в каком-либо деле, например, при написании научной статьи. По итогам таких экспериментов рождается мнение, что «искусственный интеллект... достаточно развит, чтобы написать статью, пригодную для публикации в юридическом журнале. Однако для этого нужен компетентный автор, который будет задавать ИИ корректные вопросы, а затем перепроверит результат»[41]. Практико-юридическое преломление проблемы использования искусственного интеллекта, например, в судебной деятельности, обусловливает тщательный анализ вопроса о его материальной и процессуальной правосубъекности, т. е. принятии законодателем решения «о делегировании ИИ специальной процессуальной правосубъектности», с тем чтобы разрешить «небиологическому интеллекту *ex officio*... отправлять правосудие по гражданским, административным или уголовным делам»[42].

Либерализм правовой политики можно проиллюстрировать не относящимся к праву и закону (зато широко используемым на практике в 90-е гг. прошлого столетия) принципом: «Можно всё!», – как будто бы механизм правового регулирования, построенный на этом принципе, обязательно будет создавать самые привлекательные правопорядки, о которых только и может мечтать население. Однако обеспечение *свободы* в широком смысле слова не должно ограничивать полноценность реализации *публичного правопорядка*. Невозможно спорить с тезисом об актуальности идеи по развитию «такого правопорядка, при котором субъекты права остаются свободными в своих действиях, ведущих к справедливым результатам, а результаты, требующие принесения в жертву свободы, не считаются справедливыми и не пользуются охраной права»[43]. Как пишет А. В. Солодилов, «именно право отделяет свободу от вседозволенности»[44]. Особенно отчетливо просматриваются по-новому задачи современного правового регулирования, связанные с достижением актуальных целей по обеспечению, собственно, публичных интересов при одновременном возрастании значимости таких конституционных ценностей, как: конституционный строй; государственное единство; конституционная законность; суверенитет; обеспечение благополучия, благосостояния граждан и справедливости; участие в управлении делами государства; воспитание патриотизма; запрет исполнения решений межгосударственных органов в противоречащем Конституции Российской Федерации истолковании; усиление единства исполнительной власти; эффективная судебная защита прав и свобод граждан и судебный нормоконтроль.

Консерватизм правовой политики заставляет законодателей сомневаться, даже в хорошем смысле «заблуждаться»[45], строго присматриваться к предлагаемым юридическим нововведениям, задумываться о ясности терминологии и пер-

[41] *Янковский Р. М.* Способен ли искусственный интеллект написать статью в юридический журнал? // Закон. 2023. № 3. С. 133.

[42] *Афанасьев С. Ф.* К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 3. С. 23.

[43] *Белов В. А., Скворцов О. Ю.* Справедливость *vs* свобода = право : антагонистическое противоречие и его решение (часть вторая) // Закон. 2023. № 3. С. 124.

[44] *Солодилов А. В.* Неправо : архаичная теоретическая конструкция или практический институт правового регулирования? // Российская юстиция. 2023. № 2. С. 8.

[45] Здесь уместно вспомнить М. Салтыкова-Щедрина, который писал: «Заблуждаться казалось естественным. "Заблуждаться" – это означало любить Отечество по-своему, не так, быть может, как начальство приказывает, но все-таки любить. Заблуждались преимущественно дворяне, потому что их наукам учили. Ежели бы не учили их наукам, то они и не заблуждались бы». См.: *Салтыков-Щедрин М.* Благонамеренные речи // Собр. соч. : в 10 т. М. : Правда, 1988. Т. 5. С. 504–505.

спективах правовой легализации. *Заблуждение* (*сомнение*) можно рассматривать как приемлемый вариант поведения и действий, связанных с выработкой и толкованием новейших правовых явлений, порядков и институтов. И только потом действовать, принимать окончательное решение, а на определенные промежутки времени в будущем спланировать структурный мониторинг действия нового законодательства. Консерватизм правовой политики в сфере административных правоотношений – это придирчивое и не моментальное перенесение на российскую юридическую почву правил публичного администрирования зарубежных моделей правовой регламентации. Осторожность и прогнозирование, как главные критерии правовой рецепции, способны обеспечить надлежащий уровень правового регулирования, ликвидацию обнаруженных пробелов в системе правового воздействия и сбалансированный учет общественных, государственных и частных интересов. Консерватизм заставляет сомневаться в планировании и содержании государственной деятельности, подготовке и издании нормативных правовых и административных актов. Лет двадцать назад, когда я присутствовал на международных форумах по модернизации государства и правовой системы, обратил внимание, как ученая молодежь быстро впитала в себя новую терминологию; особенно много говорили о «национальном правопорядке», «российском правопорядке», «развивающемся правопорядке». Обычный термин «правопорядок» (поскольку часто воспроизводился иностранными учителями) так запомнился коллегам, что использовался ими где нужно и где нет. Удивительно, как будто бы не было советского термина «правопорядок» и всего того теоретического обоснования развития данной терминологии?! Научные труды советских ученых забывались, а реанимирование старой (существующей) терминологии происходило без учета опыта ее теоретического анализа в прошлые годы. При этом воссоздание терминов в новых политико-правовых условиях с учетом иностранного опыта и подходов к толкованию не запрещается, а порой даже и приветствуется.

Либерализм позволяет эффективно решать оперативные вопросы, опираясь на пожелания граждан и их представления о лучшем устройстве публичной власти, надлежащем качестве осуществления публичного управления, необходимости борьбы с «плохими» чиновниками, решение которых будет направлено на достижение целей построения справедливых правовых порядков и процедур деятельности публичной администрации, ограничения правового статуса профессиональных чиновников, учреждения правовых режимов судебного контроля над государственным аппаратом. Возьмем, к примеру, историю с разработкой проектов двух кодексов об административных правонарушениях в рамках *новейшей административно-деликтной модернизации*[46]. Либеральный подход заключается в том, чтобы как-то превратить российский КоАП в новый федеральный закон об административной ответственности, ибо он, по мнению авторов реформы, перенасыщен изменениями и дополнениями, внесенными в него за последние два десятка лет. Конечно, в соответствии с некоторыми суждениями, уже пришло время пересмотра данного законодательного акта. И при этом необходимо включить в КоАП новые элементы *административно-деликтной процессуальной формы*[47], усиливающей юридическую защиту при применении административной ответственности. Консервативный взгляд заставляет исследователя и законодателя задуматься над вопросом: если будет принят новый КоАП, то до какого момента он останется стабильным и не требующим включения в него новых изменений и дополнений? Предстоит ответить также и на вопрос о наличии в нынешних правилах привлечения лица к административной ответственности противоречивых норм и процедур, препятствующих вынесению законного, обоснованного и справедливого постановления по делу об административных правонарушениях. Список вопросов к авторам такой реформы КоАП РФ

[46] Как отмечают ученые, институт административной ответственности, если на него посмотреть со сформулированных за последние 23 года интерпретационных позиций Конституционного Суда Российской Федерации, получил прогрессивное правовое развитие, сердцевиной которого стало утверждение конституционного права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство. См.: *Коблева М. М., Лусегенова З. С.* Актуальная методология понимания административной ответственности // Мировой судья. 2022. № 12. С. 26–33.

[47] Об актуальных вопросах отраслевой процессуальной формы см.: *Нестеров В. М.* Направления дифференциации процессуальной формы рассмотрения дел об административных правонарушениях // Российская юстиция. 2022. № 3. С. 60–65.

может быть значительным. Консервативное мнение приводит к выводу об отказе на нынешнем этапе от планов реформирования КоАП РФ. Ведь прошло более пяти лет с момента объявления реформы законодательства об административных правонарушениях, однако редки публикации, в которых содержатся настоящие, полноценные и заслуживающие внимания аргументы в пользу предлагаемых масштабных модернизаций административно-деликтного права. Однако заставляют критически отнестись к своему пониманию данного вопроса суждения С. Д. Князева, обосновывающего потребность в обновлении законодательства об административных правонарушениях, которое будет способствовать решению таких задач, как: гармонизация административно-деликтного законодательства; оптимизация правового фундамента административной ответственности; исключение коллизионных норм и содержательных противоречий; обеспечение эффективности правоприменения в сфере административно-правовой охраны.

К характеристике либерального подхода в создании ныне действующего КоАП РФ относится, с моей точки зрения, и включение в предметы ведения субъектов Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях установления законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления. Более того, иногда в субъектах Российской Федерации принимаются кодексы об административных правонарушениях (например, Кодекс города Москвы об административных правонарушениях). Сразу же возникает вопрос: о каком же уровне *кодификации* законодательства идет речь, когда действуют параллельно два кодекса – федеральный и региональный? Конечно, возможны объяснения на этот счет: дескать, один кодекс создается по федеральному законодательству, а другой – за нарушения региональных нормативных правовых актов. Казалось бы, имеется правовая логика развития законодательства об административных правонарушениях; однако именно в таком контексте она реально включается в либеральный подход по конструированию законодательства об административных правонарушениях. При этом приводятся аргументы, согласно которым федеральному законодателю неуместно устанавливать ответственность за нарушения «не своего» (а «чужого», т. е. законов субъекта Российской Федерации) законодательства. Более того, данный подход основывается на включенном в Конституцию Российской Федерации либеральном подходе самого общего формулирования базисных категорий, относящихся к характеристике сфер правового регулирования. Как известно, *производство по делам об административных правонарушениях,* возможно (так можно всего лишь предположить), отнесено в тексте Конституции Российской Федерации к *административному* и *административному процессуальному законодательству*. При этом при действовавшем в 1993 г. КоАП РФ (1993 г. – год принятия Конституции Российской Федерации) законодатель не счел (или просто забыл) необходимым установить в тексте Конституции Российской Федерации терминов «административная ответственность», «административное правонарушение», «производство по делам об административных правонарушениях»; иначе говоря, в Конституции «не нашлось места» для их воспроизведения. Децентрализация в сфере административных деликтных правоотношений получилась явно *сверхлиберальной* и, в сущности, из-за пробелов и противоречий создает для *судебной* и *административной* практики множество сложностей, разрушающих их единство (например, установление ответственности за нарушения правил благоустройства по законам субъектов Российской Федерации и судебное обжалование вынесенных постановлений по таким делам об административных правонарушениях в одних субъектах Российской Федерации происходит в порядке обжалования в суды общей юрисдикции, а в других – в арбитражные суды). Вряд ли таким образом можно достичь желаемого единства судебной практики и единообразия в административном правоприменении. В литературе распространено мнение, согласно которому зачастую встречается ситуация, «когда правовое регулирование “бежит” впереди его теоретического и конституционно-правового обоснования. В указанных условиях, думается, “багаж” правовых позиций Конституционного Суда относительно соблюдения требований формальной определенности в административно-деликтном законодательстве будет особенно вос-

требован»[48]. В числе глубинных пониманий очевидных необходимостей модернизации законодательства об административной ответственности находится позиция С. Д. Князева об отсутствии целесообразности нахождения в системе производства по делам об административных правонарушениях «арбитражно-процессуальных процедур»[49].

Могу предположить, что включение в Конституцию Российской Федерации термина «публичная власть» также является проявлением либеральной политики конституционной модернизации, изменения теории государствоведения и государственной власти. Доказательством этого является отсутствие у российского законодателя желания изменять и модернизировать российские законы с учетом новой терминологии «публичная власть» и «публичное управление». Как теперь видно, внедрение в конституционно-правовую материю понятия «публичная власть» без, может быть, должного критического анализа данных нововведений оказывает воздействие на само развитие государственного права, конституционного права, государственного строительства, принятие новых законов, развивающих конституционные принципы. Иногда можно подумать, что законодатели как будто наткнулись на какую-то стену непонятных терминов с невыясненным до конца значением для российской системы правоотношений признаков и факторов развития.

Консерватизм правовой политики в области административных и иных публичных правоотношений может создавать лучшие условия для правовой рецепции, так как приоритетными станут, во-первых, учет строгих юридических «рамок» перенесения в национальное правовое пространство зарубежных юридических моделей и, во-вторых, должная аргументация того, что предлагаемые модернизации идут на пользу национальным административным правопорядкам. Консерватизм в обосновании необходимости появления новых нормативных правовых актов в системе административного права должен гарантировать в итоге законность, обоснованность и справедливость принимаемых судами и административными органами в порядке правоприменения судебных и административных правовых решений, обеспечивать полноценность учреждаемых административно-правовых режимов, классическое понимание которых отражается в процессе законотворчества.

Консерватизм означает использование исследовательской энергии в защиту лучших представлений о сущности, структуре, предназначении и содержании административного и административного процессуального права. Он – залог установления точности правовых категорий в административном праве и толковании взаимосвязанности всех его частей. Результатом консервативной политики в сфере административных правоотношений становится такая всеми желаемая правовая определенность. Либеральные традиции обеспечивают внешние очертания правовой определенности. Однако когда возникает практическая потребность принятия желаемого правового решения, то правовая определенность размывается многочисленностью обоснований и приводит к желаемому правовому акту с противоречивым юридическим содержанием, обусловленным широким толкованием с примесью политико-правовых пристрастий.

Консерватизм создает уверенность общества, социальных групп, граждан, всех субъектов права, умеющих рассуждать и оценивать правовые события, в юридической защите в сфере административных и иных публичных правоотношений. Консерватизм – это формирование уверенности в создании надлежащего публичного управления, внутренних регламентах, производствах и процедурах. Лучшие модели публичного управления формируются и развиваются на основе конституционных ценностей. Законодатель должен формировать и пропагандировать уверенность в административно-правовой защите, в какой бы форме она ни выражалась: в административной жалобе или административном иске (судебной правовой защите).

Консерватизм правовой политики в административных правоотношениях – это гарантия принципа справедливости в реализации как ма-

[48] *Шишкина О. Е.* Качество административно-деликтного законодательства сквозь призму конституционного требования формальной определенности закона // Журнал конституционного правосудия. 2023. № 1. С. 25. См. также: *Стахов А. И.* О некоторых мерах по автономизации и оптимизации административно-деликтного судопроизводства в Российской Федерации // Российское правосудие. 2021. № 3. С. 13–23.

[49] См.: *Князев С. Д.* Актуальные проблемы кодификации законодательства об административной ответственности в контексте решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2022. № 5. С. 18.

териальных, так и процессуальных административно-правовых институтов. Общеизвестно, что именно в системе административного правового регулирования как ни в каких иных правоотношениях важна *справедливость*. Иногда люди могут простить правоприменителю (должностным лицам, государственным или муниципальным служащим) нарушение закона (принципа законности), но они будут всячески (и причем порой долго) упрекать его за оплошности в установлении, обеспечении или недостаточном отстаивании справедливости. Человеку запоминается его унижение несправедливым решением, административным действием (бездействием), которое было принято судом или должностным лицом, рассмотревшими публично-правовой спор (дело). При чем здесь консерватизм? Дело в том, что на его основе устанавливаются проверенные временем правовые порядки и правила, гарантированно характеризующие итоговое решение судьи или административного органа как справедливое! Либеральный правовой подход, зачастую базирующийся на передовой юридической терминологии, из-за своей привлекательности, увлеченности внешней стороной правового воздействия, предельной ясности благожеланий, способен создавать сценическую иллюзию правовой защищенности личности. Однако, когда государству нужно принять непопулярное для общества и населения решение, вся незыблемость и привлекательность установленного правового порядка вмиг рушатся, а государственное решение принимается с помощью «демократической силы», содержащей в своем арсенале средства политико-правового принуждения. Здесь можно привести пример с французским Сенатом (верхняя палата Парламента), который в марте 2023 г. поддержал предложенную правительством пенсионную реформу, несмотря на многотысячные долгосрочные протесты. Причем правительство избрало такой способ вынесения реформы на обсуждение, который обеспечивал вначале ограничение 50 днями парламентского обсуждения в обеих палатах Национального Собрания, а затем позволило ему использовать нормы Конституции Французской Республики, чтобы принять реформу без голосования депутатов[50]. А позднее Конституционный Совет Франции признал законной пенсионную реформу и утвердил повышение пенсионного возраста. Трудно найти современного либерала, который бы при появлении для его политической власти опасности, достойного политического противовеса или общественного возмущения не отыскал бы в тексте законодательных актов консервативные юридические положения и конструкции, упрощающие правовые процедуры принятия решений и устанавливающие возможности применения средств административного принуждения.

Создание надлежащих правовых гарантий, способствующих прогрессивному развитию сферы административных и иных публичных правоотношений, – это и есть консерватизм в реализации законотворчества с использованием политических устремлений как ученых, так и законодателей и нацеленных на внедрение традиционных, легко понимаемых и проверяемых средств юридической техники. Здесь, конечно же, сразу возникают вопросы. Что означает «*прогрессивное развитие*» или почему желаемый публичный правопорядок в меньшей степени может зависеть от *либеральных начал* правовой политики? На каких основаниях устанавливается такой односторонний приоритет консервативности? Это точно так же, как и с пониманием «справедливости». Ведь все в своей жизни неоднократно задавали вопрос: что такое справедливость? Каково ее понимание, видимые характеристики или основные свойства? А ведь, как известно, каждый по-своему трактует справедливость и индивидуально наделяет ее исходными признаками. Очевидно, во всех указанных дискуссиях следует руководствоваться самыми устоявшимися и распространенными в обществе представлениями как о прогрессе, так и о справедливости. Признание, согласие с установленными правовыми нормами, поддержка демократических правовых режимов и устоев – всё это следует относить к сложившимся традициям взаимоотношений общества и государственной власти. Развитие детализированных вертикальных взаимоотношений в системе публичной администрации и государственной службы, как правило, базируется на идеях консервативной правовой политики законодателя в регламентации государственно-служебных отношений, обеспечивающих защиту конституционного строя, суверенитета страны, государственную и общественную безопасность, прав и свобод человека и гражданина, публичных интересов организаций. Служебная дисциплина, служеб-

[50] URL: https://www.rbc.ru/politics/14/04/2023/643956709a794722d0d81f9a

ный правопорядок и дисциплинированность государственных служащих также следствие усиления государственно-правового воздействия на процесс формирования лучшей модели публичной службы.

Если обратить взор на исследования ученых-административистов из европейских стран, например Германии, с попыткой понять современные направления в исследовании институтов административного права, то выясняется, что в приоритете находится длящаяся уже несколько десятилетий дискуссия в связи с идеей создания «*нового* административного права». Отмечается, что «оно в любом случае преследует комплексный подход к руководству или надлежащему управлению, который выходит далеко за пределы преимущественно связанных с правовыми актами положений Закона об административных процедурах»[51]. Известный ученый-юрист, коллега-административист из Казахстана профессор Р. А. Подопригора, рассуждая о значимости принятия в 2021 г. *Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан*, отмечает: «К сожалению, опыт других государств, близких Казахстану по правовым традициям, показывает, что внедрение новых институтов, включая институт административных процедур, идет очень сложно. Это лишний раз подтверждает тезис о том, что дело не столько в формальном наличии закона, но и в более глубоких изменениях в правовой системе и правосознании»[52]. Данный вывод непременно подходит и для отечественных модернизаций административного права.

Обоснование необходимости принятия российского федерального закона об административных актах и административных процедурах – это, непременно, проявление консерватизма в административно-правовой политике, направленной на установление здравых требований к разработке административных актов и определение принципов административных процедур, созидающих прогрессивный правопорядок во взаимоотношениях граждан и органов публичной власти. Содержание будущего закона включает обязанности, правоограничения, требования к правовому акту органа публичного управления и процедурные правовые формы их принятия, вступления в силу и исполнения. Органы исполнительной власти и их аппарат, государственная и муниципальная служба с принятием закона «Об административных процедурах» получат юридический стандарт осуществления исполнительно-распорядительной деятельности. И Российская Федерации, бесспорно, может воспринять правовой дух административных процедур, приспособить идейное их содержание к нормативным реалиям, принять традиционные институты и принципы административных процедур в качестве основополагающих правовых регуляторов административных активностей, распространенных в публично-правовой сфере.

Как уже обсуждалось, некритическое отношение к привнесенным в российскую правовую теорию терминам и институтам на деле не формирует твердого убеждения в необходимости и юридической «живучести» в стране данных категорий либо и вовсе приводят к деградации вообще-то заслуживающих внимания иностранных правовых институтов. Речь, конечно, не идет о сотнях иностранных понятий и терминов, появившихся в российском законодательстве (например, в гражданском), начиная с 90-х гг. прошлого столетия. Создание новых правоотношений объясняло такую рецепцию права, включение в тексты законов новейшей терминологии и институтов. В нашем случае речь идет о глобальных правовых идеях и предложениях по модернизации сферы административных и иных публичных правоотношений. Например, термин «*хорошее управление*» (или «право на хорошее управление»), в сущности, понятен всем, но трудно объясним с позиций практической трансформации данной терминологии в административное законодательство. «Хорошим управлением» можно, очевидно, посчитать устранение

[51] *Элерс Д.* Развитие кодифицированного административно-процедурного права // Немецкая доктрина административного права и становление института административных процедур в странах Центральной Азии : материалы междунар. конф., приуроченной к 45-летию со дня принятия Закона об административных процедурах Германии (Ташкент, 25 мая 2021 г.) // Ученые записки Института государства и права Академии наук Республики Узбекистан. 2021. Т. 1 / отв. ред. Л. Б. Хван. Ташкент : Niso Poligraf, 2022. С. 79.

[52] *Подопригора Р. А.* Административные процедуры в Казахстане : новый этап // Немецкая доктрина административного права и становление института административных процедур в странах Центральной Азии : материалы междунар. конф., приуроченной к 45-летию со дня принятия Закона об административных процедурах Германии (Ташкент, 25 мая 2021 г.) // Ученые записки Института государства и права Академии наук Республики Узбекистан. 2021. Т. 1 / отв. ред. Л. Б. Хван. Ташкент : Niso Poligraf, 2022. С. 102.

в рамках «регуляторной гильотины» в течение 2019–2020 гг. из правового поля явно избыточного санитарно-эпидемиологического регулирования (требований) для отдельных сфер предпринимательской деятельности[53]. Как известно, «*хорошее управление*» – это надлежащее или эффективное публичное управление; в системное толкование термина включаются самые лучшие правовые принципы организации и функционирования исполнительной власти и ее органов, современные административные процедуры, административная культура и высокий стандарт осуществления функций государственного управления и предоставления публичных услуг[54]. Всё так! Однако указанная терминология не может изначально включиться в механизм правового регулирования из-за ее формальной *простоты* и отсутствия возможности точного толкования. Вообще невозможно спорить с тезисом о необходимости установления в стране *режима хорошего управления*, ибо *плохое управление* никому не нужно. Тем более что содержательная правовая аргументация данного термина весьма понятна, ясна и перспективна. Основная претензия к терминологии и ее включенности в традиционный государственно-правовой лексикон заключается в преувеличении значимости универсального обозначения чрезвычайно сложного и важного для исполнительной власти понятия и одновременно в пренебрежении накопленным в прошлые десятилетия потенциалом управленческих наук. Если эту тематику объединить в более широкие интерпретации, то можно уверенно присоединиться к словам профессора В. М. Сырых, который заключает, что прогресс науки вряд ли может базироваться на безрассудстве и доверчивости правоведов, пропагандирующих постмодернизм в теории права как учения, «не имеющего никаких оснований для занятия статуса ведущей доктрины современного российского правоведения»[55]. Вряд ли жизнеспособной окажется и «постклассическая парадигма метамодерна», в контексте которой учеными рассматриваются вполне понятные и объяснимые цивилистические процессуальные правовые отношения[56]. Повсюду не только наблюдаем, но и зачарованно повторяем внедренные в законодательство слова, принципиально всем знакомые и понятные, но используемые законодателем не в традиционных теоретических конструкциях. Например, «компетенция» применяется сегодня в наименованиях и предложениях, которые вряд ли должны их содержать. Возьмем, к примеру, образовательную сферу, российское законодательство об образовании. В литературе усиленно критикуется позиция, согласно которой «преподавателей обязали давать "компетенцию" (ст. 2 и др. Закона об образовании) и даже не потрудились объяснить, что это такое (наверное, кому-то из писавших текст закона просто понравилось английское "*competence*"»[57]. Трудно не заметить и «идеологическую» подоплеку в виде повсеместного использования данного понятия. Автор этих строк в конце 90-х гг. прошлого века в европейских странах в большом избытке наблюдал вывески на зданиях с примерно одним и тем же названием: «Центр компетенций» (разного профиля). И через несколько лет всё это перекинулось на фасады российских зданий. Отчего же так? Очевидно же, что лучше иметь свои собственные привлекательные идеи (политических и государственных деятелей, ученых, законодателей, управленцев), оборачивающиеся со временем в значительные и признаваемые концепции, да желательно такие, чтобы на них обратили внимание иностранные правовые школы.

Пытаемся ли мы увидеть сразу лучшие содержательные моменты в либеральной правовой политике, созидающей потом на практике новые административно-правовые институты? Часто нам достаточно каких-то новых и непривычных суждений о полезности обсуждаемого к внедрению в национальный правопорядок иностранного института, и на практике сразу же начинаем его «*прилаживать*» к российским правовым условиям. Если не получается извлечь максимальную полезность от такой рецепции, тем

[53] См.: *Смоляков П. Н.* Некоторые общие проблемы административного, административно-деликтного и уголовного законодательства (правоприменение в период пандемии) // Российское правосудие. 2022. № 10. С. 21.

[54] См., например: *Гриценко Е.* Указ. соч. С. 15–36.

[55] *Сырых В. М.* Постмодернизм в теории права – пустоцвет на живом древе юридического знания // Российская юстиция. 2022. № 12. С. 51.

[56] См.: *Зубович М. М., Коршакова К. В., Томбулова Е. Г.* Гражданские процессуальные отношения : перспективы трансформации // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12. № 2. С. 105.

[57] *Рассказова Н. Ю.* Школа навыков или школа знаний : каков путь российского образования // Закон. 2023. № 3. С. 148.

не менее наступает пора ожидания желаемого правового эффекта. Порой даже трудно согласиться с самой идеей внедрения нововведения в юридическую ткань законодательного материала. Однако желание иметь в наличии зарубежный правовой инструмент не дает возможности поставить под сомнение его первоначальную неэффективность и надуманность. Остается без ответа вопрос: почему закон должен быть таким, как он развит и действует в европейских странах?! Конечно, существуют наднациональные правовые системы, действующие принципиально одинаково для всех государств – членов такой объединенной системы. Однако и там имеются различные толкования и известные различия в регламентации управленческих порядков и процедур. Но базовые, принципиальные институты, на которых основывается административный порядок и судебная защита, одинаковы.

Невозможно утверждать, что и сегодня продолжается время «торжества бессистемного либерализма». Однако факты включения весьма «красивых» на первый взгляд терминов и институтов в российское законодательство – в большом количестве. Например, во все российские процессуальные кодексы был введен институт «*разумного срока*» – институт зарубежного процессуального права. Если бы он был инкорпорирован в российское процессуальное законодательство с сохранением неотъемлемых для него юридических свойств, системного влияния на весь судебный процесс, принципов и предназначения, то, очевидно, при этих условиях «разумный срок» демонстрировал бы позитивную направленность реформирования процессуального законодательства. Однако с включением в судебный процесс «разумного срока» остались нетронутыми традиционные для всех российских процессуальных законов *обычные процессуальные сроки*. КАС РФ устанавливает в качестве принципа административного судопроизводства «осуществление административного судопроизводства в разумный срок и исполнение судебных актов по административным делам в разумный срок» (ст. 6 КАС РФ); более детально данный принцип определен в ст. 10 КАС РФ. Трудно спорить с весьма позитивным процессуально-правовым потенциалом данной нормы КАС РФ. Но как быть с процессуальными сроками рассмотрения и разрешения административного дела? Замысел законодателя о «разумном сроке» понятен, его содержание дается в каждом учебнике по административному судопроизводству, в процессуальных законах, а также в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Но вопрос остается без ответа: зачем при разумном сроке сохранять все иные предельно точно определенные процессуальные сроки?! Процессуальный срок – на то он и срок совершения того или иного процессуального действия – точен и требует своего соблюдения. Разумный срок – лишь дополнительная гарантия, как бы на всякий случай, если судья по каким-то причинам будет затягивать судебный процесс или судопроизводство будет само затягиваться фактически по не зависящим от судьи обстоятельствам. Как известно, на практике судей, нарушающих процессуальные сроки, критикуют и к ним могут быть применены даже дисциплинарные наказания. При этом слова «разумный срок» как-то остаются вне внимания вышестоящих инстанций, и если судья начинает ссылаться на «разумный срок», аргументируя свои процессуальные действия в рамках данного «сверхлиберального» процессуального института, то, как правило, поддержки он никогда не находит. Главное – не нарушать точно определенных процессуальных сроков в системе судопроизводства. Более того, термин «разумный срок» вряд ли отражает традиционные правовые наименования в судебной процессуальной деятельности, сложившейся в нашей стране.

Консерватизм в развитии административного и административного процессуального права – в установлении и создании надлежащих *административных правопорядков*, гарантирующих точное и в соответствии с законом (надлежащее) исполнение должностных обязанностей в системе всей государственной службы, эффективное исполнение административных функций, правильное осуществление исполнительно-распорядительной деятельности. Консерватизм, с моей точки зрения, должен гарантировать развитие эффективных управленческих процедур в системе государственного управления. То есть и в научных исследованиях наступает момент, когда правовая теория в меньшей степени может заботиться о способах разрешения *юридических конфликтов*, возникающих в сфере административных и иных публичных правоотношений и при осуществлении публичного управления. Как известно, в течение последних 25 лет произошла концентрация вни-

мания на *административной конфликтологии* (кстати, и других видов конфликтологии, например, *конституционной*)[58] и способах разрешения публично-правовых споров. Не подвергаю никакому сомнению, что и конфликтология – важнейшая и интересная часть административно-правовой теории. Но, может быть, нормы административного права в первую очередь должны гарантировать *бесконфликтную* административно-правовую среду и *бесконфликтное* взаимодействие всех участников правоотношений? Может быть, новейшими направлениями исследований и должны стать тематики по развитию потенциала *позитивного* публичного управления, функций, порядков и административных процедур? А проблемы известного либерального толка, связанные с *судебным примирением* и использованием медиативных юридических инструментов, вряд ли должны включаться в центр административно-правовой политики. Как видно, медиация в настоящее время как научная проблема достигла вершины научного внимания, но лишена на практике адекватных признаний и использования. Вместе с тем развитие и этого правового института (весьма значительно поддерживаемого и идеологически) тоже есть проявление либерального подхода в создании правозащитных механизмов и правил. Да, и сами судебные формы юридической защиты должны быть сопоставимы с масштабами и границами процессуального правового регулирования. Ученые, надеясь на большое будущее примирительных процедур, призывают повышать «уровень правовой культуры и правосознания конфликтующих сторон»[59]. Однако, как известно, повышение правовой культуры и правосознания обычно приводит к активизации усилий по использованию судебных форм правовой защиты, традиционно используемой в системе судопроизводства. По мнению М. З. Шварца, «сейчас говорить и писать о медиации просто модно, но прижиться пока она не может. Юридические усилия для этого бессмысленны»[60]. Доказанным фактом является и малочисленность заключенных соглашений о примирении по делам, возникающим из административных правоотношений[61]. Иногда ученые, рассматривая принцип судебной защиты и принимая во внимание институт примирения сторон, делают вывод о «смещении вектора развития российского гражданского судопроизводства от состязательной его модели к модели либеральной»[62]. Вряд ли курс на повышение эффективности судебной защиты следует признавать движением в сторону либерализма, ибо такой общественный запрос находится в основе консервативной правовой политики, предоставляющей законодателю и правоприменителю возможности для осуществления базовых государственных функций и требований правовой государственности.

Консерватизм проявляется также в признании даже самой либеральной идеи политико-правового развития, но только после длительного и настоящего обсуждения, проведения научных форумов, согласований, моделирования правовых ситуаций, возникающих при включении в правовую систему предлагаемого нового правового института. В современных условиях полезно противопоставление прогрессивного консерватизма в выработке главных направлений правовой политики в области регламентации порядков рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, и административных процедур. Всякие новые полезные идеи и предложения по совершенствованию административно-правовых механизмов должны проходить апробацию в практике применения традиционных правовых механизмов. Невозможно не признать, что обсуждаемые вопросы сложны, ибо если, например, идет речь о создании или улучшении правовой защиты прав, свобод, законных интересов граждан и организаций, то здесь применимы *интернациональные* модели право-

[58] См.: *Третьяк И. А.* Конституционная конфликтология – новый раздел науки конституционного права // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 1. С. 30–34.

[59] *Загидуллин М. Р., Каримуллина А. Р.* К вопросу о принципах примирительных процедур // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 3. С. 79.

[60] *Шварц М. З.* Высшая школа – это не клуб по интересам // Закон. 2023. № 1. С. 12.

[61] См.: *Котлярова В. В.* К вопросу о заключении соглашений о примирении по делам, возникающим из публичных правоотношений // Мировой судья. 2022. № 10. С. 37. См. также: *Михайлова Е. В.* О правовой природе, принципах и правовом положении участников судебной примирительной процедуры // Государство и право. 2022. № 10. С. 18–30.

[62] *Лебедев М. Ю.* Принцип судебной защиты как вектор развития современного российского гражданского судопроизводства (часть 2) // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 3. С. 183.

вого установления *публичных интересов*[63] и правозащищающих порядков; ведь права и свободы, *законные интересы* – это наднационально-правовые категории и, как правило, с одним и тем же юридическим содержанием, а также необходимостью установления для них прочной государственной и общественной защиты. Здесь уместны и консервативные, и либеральные предпочтения в нормативном изложении указанных правоотношений; в данной сфере публичных правоотношений могут развиваться какие-то абстрактные и объединяющие воззрения на тот или иной административно-правовой институт, выделяя их значение в каждом конкретном случае.

Консерватизм правовой политики может отражаться и в установлении демократических административных порядков и обеспечении законности деятельности административных органов и должностных лиц. Например, консервативная правовая политика преобладала при реформе законодательства о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле, закончившейся принятием Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Во второй главе данного закона установлены принципы государственного контроля (надзора), муниципального контроля (ст. 7–14). Они сформулированы по-новому, с глубоким содержанием, необходимым толкованием, расширением границ традиционного понимания контрольно-надзорной деятельности, но и, что очевидно, с учетом европейских стандартов осуществления административной деятельности, как то: законность и обоснованность; стимулирование добросовестного соблюдения обязательных требований; соразмерность вмешательства в деятельность контролируемых лиц; охрана прав и законных интересов, уважение достоинства личности, деловой репутации контролируемых лиц; недопустимость злоупотребления правом; соблюдение охраняемой законом тайны; открытость и доступность информации об организации и осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля; оперативность при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля.

Соотношение консерватизма и либерализма в реализации административно-правовой политики вырабатывался и в соперничестве (порой, известном противостоянии) ученых-юристов и законодателя, принимавшего к рассмотрению новые законы или вносившего в них изменения в соответствии с новой административно-правовой реальностью. Как известно, весь постсоветский период ученые «бежали» за реформаторами и законодателем; иногда отставали в выработке научных представлений о существе законотворческой деятельности, иногда бездействовали, а после принятия и вступления закона в силу одни начинали критиковать его нормы, другие – хвалить, третьи – никаким образом не реагировали на нововведения, полагая, что законодатель всегда прав. И впрямь (и это тоже нужно признать), некоторые институты и даже отрасли законодательства появлялись в юридическом пространстве при непосредственном влиянии исследователей на российского законодателя. В сущности, административная реформа (2003–2005 гг.), административно-процессуальная реформа (создание КАС РФ в 2015 г.), реформа государственного контроля и надзора (2020 г.) и некоторые другие стали следствием первоначального научного осмысления и формирования соответствующих предложений по изменению российского административного законодательства.

Административно-правовая политика – динамичная система предлагаемых к внедрению в сферу административных и иных публичных правоотношений правовых норм, которые спрогнозированы на основе уже реально существующих или точно имеющих перспективу возникновения запросов и требований в улучшении механизма административного правового регулирования с целью установления адекватных новым социально-государственным условиям институтов, правил, порядков и процедур. И снова, несмотря на простоту замысла и изложения, востребованными являются слова Ю. А. Тихомирова, которые важны для разработки административно-правовой политики, о первостепенном значении в будущем всемерной поддержки научно-технического творчества и признания приоритетного значения научных выводов и рекомендаций «при подготовке проектов базовых законов, основных управленческих ре-

[63] См.: *Павлова М.* Законные и публичные интересы в административном судопроизводстве в России : проблемы толкования // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 5. С. 63–77.

шений и проектов преобразований в разных сферах»[64]. Прогрессивное развитие сферы административных и иных публичных правоотношений, если учитывать смысл и направленность правового регулирования в данной области, характер связей и взаимодействий в ней, доминирующие принципы публичного правопорядка, необходимость выработки надлежащих порядков публичного управления и государственной юридической защиты. Однако все эти общие категории конституционно-правового уровня должны подкрепляться всегда конкретными административно-правовым нормами, правилами, институтами, процедурами, которые в своем единстве и формируют эффективный механизм правоотношений. Правовая политика, содержащая известный консерватизм предлагаемых модернизаций, способна получить общественную поддержку и создавать полезные для правоприменительной практики юридические стандарты поведения, действий, принятия административных решений.

Осуществляемые в будущем административные реформы концептуально зарождаются в планируемых юридических стандартах административно-правовой политики, цель которой – улучшить публичное управление, гарантировать справедливость, обоснованность, целесообразность, общественную поддержку как масштабных результатов административного нормотворчества, так и индивидуальных административных правовых актов, базирующихся на потенциале законодательства об административных процедурах. Административное правовое регулирование испытывает на себе значительное воздействие со стороны политического процесса, многочисленных институтов политической власти и соответствующих процедур. Административное право как наука в глобальном плане исследует стратегические подходы и оперативные порядки изменения общего административного законодательства, которые основываются на обновленных приоритетах развития исполнительной власти, административной системы, взаимодействия органов публичной власти с гражданами и организациями, внедрения полезных технологий цифровизации и искусственного интеллекта в публичный правопорядок. При этом прогресс в сфере административных и иных публичных отношений достигается посредством актуализации административного законодательства и обеспечивается усилиями по отстаиванию идей приверженности традиционным ценностям, правовым порядкам, социальным, нравственным и культурным учениям.

[64] *Тихомиров Ю. А.* Указ. соч. С. 14.

Библиографический список

Андреева Л. В. О кодексе публичных закупок : аргументы против его принятия // Предпринимательское право. 2023. № 1. С. 8–13.

Арановский К. В. Верховенство права в частностях конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 6. С. 36–38.

Афанасьев С. Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 3. С. 12–31.

Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Фикции в уголовной политике // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 72–87.

Белов В. А., Скворцов О. Ю. Справедливость *vs* свобода = право : антагонистическое противоречие и его решение (часть вторая) // Закон. 2023. № 3. С. 114–125.

Белоусов С. А., Соколов А. Ю. Правовая политика в сфере административного судебного процесса // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 110–122.

Велиева Д. С., Пресняков М. В. Правовая определенность и права человека : монография. Саратов : Сарат. источник, 2021. 401 с.

Волос А. А., *Иванов А. А.* Цифровизация и конституция // Закон. 2022. № 12. С. 34–45.

Гриценко Е. Право на хорошее управление в условиях цифровой трансформации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 4. С. 15–36.

Дедов Д. И. Право на справедливый суд : новые вызовы и возможности в условиях технологизации судопроизводства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 1. С. 38–45.

Добрынин Н. М. Правовое государство и социальная справедливость в условиях изменившегося миропорядка : посильные суждение о современной интерпретации «вечных конституционных идеалов» // Государство и право. 2022. № 11. С. 68–78.

Завгородняя А. А. Верховенство права в российской модели конституционализма и динамичное равновесие интересов в обществе // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 12. С. 3–7.

Загидуллин М. Р., Каримуллина А. Р. К вопросу о принципах примирительных процедур // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 3. С. 70–83.

Затулина Т. Н. Государственное управление : современный вектор развития и реализация в цифровой парадигме публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 12. С. 8–10.

Зорькин В. Д. Право против хаоса : монография. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2023. 536 с.

Зубович М. М., Коршакова К. В., Томбулова Е. Г. Гражданские процессуальные отношения : перспективы трансформации // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 2. С. 90–113.

Клеандров М. И. О единой «линейке» регулирования ответственности за право- и нормонарушения // Государство и право. 2022. № 10. С. 7–17.

Князев С. Д. Актуальные проблемы кодификации законодательства об административной ответственности в контексте решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2022. № 5. С. 12–19.

Коблева М. М., Лусегенова З. С. Актуальная методология понимания административной ответственности // Мировой судья. 2022. № 12. С. 26–33.

Котлярова В. В. К вопросу о заключении соглашений о примирении по делам, возникающим из публичных правоотношений // Мировой судья. 2022. № 10. С. 34–37.

Кряжкова О. Российский Конституционный Суд в 2022 году : под знаком стабильности // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 1. С. 113–127.

Курочкин С. А. Актуальные проблемы теории административного судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 4. С. 293–312.

Лазарев В. В. Юридическая наука в свете перспектив цифровизации // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 5–19.

Лаптев В. А., Соловяненко Н. И. Цифровое правосудие. Цифровой документ : монография. М. : Проспект, 2022. 248 с.

Лебедев М. Ю. Принцип судебной защиты как вектор развития современного российского гражданского судопроизводства (часть 2) // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 3. С. 160–189.

Мартынов А. В., Бундин М. В., Ширеева Е. В. Правовые и функциональные аспекты создания цифрового профиля креативного человека // Законы России : опыт, анализ, практика. 2022. № 11. С. 85–97 ; № 12. С. 62–68.

Минбалеев А. В. Понятие и природа цифрового права // Информационное право. 2022. № 4. С. 4–7.

Михайлова Е. В. О правовой природе, принципах и правовом положении участников судебной примирительной процедуры // Государство и право. 2022. № 10. С. 18–30.

Нестеров В. М. Направления дифференциации процессуальной формы рассмотрения дел об административных правонарушениях // Российская юстиция. 2022. № 3. С. 60–65.

Нудель С. Л. Модернизация уголовной политики : проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 5–22.

Павлова М. Законные и публичные интересы в административном судопроизводстве в России : проблемы толкования // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 5. С. 63–77.

Подопригора Р. А. Административные процедуры в Казахстане : новый этап // Немецкая доктрина административного права и становление института административных процедур в странах Центральной Азии : материалы междунар. конф., приуроченной к 45-летию со дня принятия Закона об административных процедурах Германии (Ташкент, 25 мая 2021 г.) // Ученые записки Института государства и права Академии наук Республики Узбекистан. 2021. Т. 1 / отв. ред. Л. Б. Хван. Ташкент : Niso Poligraf, 2022. С. 91–102.

Право цифровой среды : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М. : Проспект, 2022. 896 с.

Правовое управление в кризисных ситуациях : монография / С. Б. Бальхаева, Х. И. Гаджиев, С. А. Грачева [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М. : Проспект, 2022. 280 с.

Рассказова Н. Ю. Школа навыков или школа знаний : каков путь российского образования // Закон. 2023. № 3. С. 147–148.

Реформа организации публичной власти : основные направления реализации : монография / отв. ред. А. Е. Постников, Л. В. Андриченко. М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. 200 с.

Романовский Г. Б., Романовская О. В. О цифровом суверенитете // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 9. С. 25–31.

Россинский Б. В. Исполнительная власть в системе государственного управления : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. 376 с.

Салтыков-Щедрин М. Благонамеренные речи // Собр. соч. : в 10 т. М. : Правда, 1988. Т. 5. 576 с.

Серков П. П. К вопросу о показателях результативности юридической науки // Российская юстиция. 2022. № 12. С. 3–10.

Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики) : монография : в 2 ч. М. : Норма, 2023. Часть первая : Правовая доктрина и меры правовой политики. 872 с.

Смоляков П. Н. Некоторые общие проблемы административного, административно-деликтного и уголовного законодательства (правоприменение в период пандемии) // Российское правосудие. 2022. № 10. С. 18–24.

Солодилов А. В. Неправо : архаичная теоретическая конструкция или практический институт правового регулирования? // Российская юстиция. 2023. № 2. С. 3–16.

Стахов А. И. О некоторых мерах по автономизации и оптимизации административно-деликтного судопроизводства в Российской Федерации // Российское правосудие. 2021. № 3. С. 13–23.

Стахов А. И. Понятие и общая характеристика системы судебного административного процесса в Российской Федерации // Российское правосудие. 2023. № 3. С. 59–71.

Сырых В. М. Постмодернизм в теории права – пустоцвет на живом древе юридического знания // Российская юстиция. 2022. № 12. С. 43–52.

Тихомиров Ю. А. Креативные регуляторы в правовом и виртуальном пространстве // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 5–16.

Толкачев К. Б. Развитие конституционных основ российской правовой политики // Государство и право. 2023. № 2. С. 7–16.

Трезубов Е. С. Тенденции цифровизации цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 5. С. 204–227.

Третьяк И. А. Конституционная конфликтология – новый раздел науки конституционного права // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 1. С. 30–34.

Фогельсон Ю. Социальная история российского права и возможность верховенства права в России // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6. С. 132–168.

Фокина М. А. К вопросу о некоторых концептах цивилистического процесса : итоги двух десятилетий // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13, № 1. С. 15–43.

Хабриева Т. Я. Технологические императивы современного мира и право // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 1. С. 5–12.

Чаннов С. Е. Применение права посредством цифровых технологий // Информационное право. 2022. № 2. С. 11–16.

Шишкина О. Е. Качество административно-деликтного законодательства сквозь призму конституционного требования формальной определенности закона // Журнал конституционного правосудия. 2023. № 1. С. 10–25.

Штатина М. А. Субъекты публичного управления в условиях цифровой трансформации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19, № 1. С. 55–68.

Щварц М. З. Высшая школа – это не клуб по интересам // Закон. 2023. № 1. С. 8–14.

Щенникова И. И. Место цифрового права в системе российского права // Законодательство. 2023. № 3. С. 38–43.

Элерс Д. Развитие кодифицированного административно-процедурного права // Немецкая доктрина административного права и становление института административных процедур в странах Центральной Азии : материалы междунар. конф., приуроченной к 45-летию со дня принятия Закона об административных процедурах Германии (Ташкент, 25 мая 2021 г.) // Ученые записки Института государства и права Академии наук Республики Узбекистан. 2021. Т. 1 / отв. ред. Л. Б. Хван. Ташкент : Niso Poligraf, 2022. С. 66–90.

Янковский Р. М. Способен ли искусственный интеллект написать статью в юридический журнал? // Закон. 2023. № 3. С. 126–133.

References

Andreeva L. V. On the public procurement code : arguments against its adoption // Entrepreneurial Law. 2023. № 1. P. 8–13.

Aranovsky K. V. The rule of law in the particulars of constitutional justice // Journal of Constitutional Justice. 2022. № 6. P. 36–38.

Afanasiev S. F. To the problem of material and procedural legal personality of artificial intelligence // Bulletin of the civil process. 2022. Vol. 12, № 3. P. 12–31.

Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Fictions in criminal policy // Journal of Russian law. 2023. № 2. P. 72–87.

Belov V. A., Skvortsov O. Yu. Justice *vs* freedom = law : antagonistic contradiction and its solution (part two) // Law. 2023. № 3. P. 114–125.

Belousov S. A., Sokolov A. Yu. Legal policy in the field of administrative litigation // Journal of Russian Law. 2023. № 1. P. 110–122.

Velieva D. S., Presnyakov M. V. Legal certainty and human rights : monograph. Saratov : Publishing house «Saratov source», 2021. 401 p.

Volos A. A., Ivanov A. A. Digitalization and constitution // Law. 2022. № 12. P. 34–45.

Gritsenko E. The right to good governance in the context of digital transformation // Comparative constitutional review. 2022. № 4. P. 15–36.

Dedov D. I. The right to a fair trial: new challenges and opportunities in the context of technologization of legal proceedings // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2023. № 1. P. 38–45.

Dobrynin N. M. Legal State and Social Justice in the Conditions of the Changed World Order : Possible Judgment on the Modern Interpretation of «Eternal Constitutional Ideals» // State and Law. 2022. № 11. P. 68–78.

Zavgorodnyaya A. A. The rule of law in the Russian model of constitutionalism and the dynamic balance

of interests in society // Constitutional and municipal law. 2022. № 12. P. 3–7.

Zagidullin M. R., Karimullina A. R. On the issue of the principles of conciliation procedures // Bulletin of the civil process. 2022. Vol. 12, № 3. P. 70–83.

Zatulina T. N. Public administration : a modern vector of development and implementation in the digital paradigm of public power // Constitutional and municipal law. 2022. № 12. P. 8–10.

Zorkin V. D. Law against chaos : monograph. 3rd ed., revised. and additional. Moscow : Norma, 2023. 536 p.

Zubovich M. M., Korshakova K. V., Tombulova E. G. Civil procedural relations : prospects for transformation // Bulletin of the civil process. 2022. Vol. 12, № 2. P. 90–113.

Kleandrov M. I. On a single «line» of regulation of responsibility for law and norm violations // State and Law. 2022. № 10. P. 7–17.

Knyazev S. D. Actual problems of codification of legislation on administrative responsibility in the context of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Russian Justice. 2022. № 5. P. 12–19.

Kobleva M. M., Lusegenova Z. S. Actual methodology for understanding administrative responsibility // Justice of the peace. 2022. № 12. P. 26–33.

Kotlyarova V. V. On the issue of concluding agreements on reconciliation in cases arising from public legal relations // Justice of the Peace. 2022. № 10. P. 34–37.

Kryazhkova O. The Russian Constitutional Court in 2022 : under the sign of stability // Comparative Constitutional Review. 2023. № 1. P. 113–127.

Kurochkin S. A. Actual problems of the theory of administrative proceedings // Bulletin of the civil process. 2022. Vol. 12, № 4. P. 293–312.

Lazarev V. V. Legal science in the light of digitalization prospects // Journal of Russian Law. 2023. № 2. P. 5–19.

Laptev V. A., Solovyanenko N. I. Digital justice. Digital document : monograph. Moscow : Prospekt Publishing House, 2022. 248 p.

Lebedev M. Yu. The principle of judicial protection as a vector of development of modern Russian civil proceedings (part 2) // Bulletin of the civil process. 2022. Vol. 12, № 3. P. 160–189.

Martynov A. V., Bundin M. V., Shireeva E. V. Legal and functional aspects of creating a digital profile of a creative person // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2022. № 11. P. 85–97 ; № 12. P. 62–68.

Minbaleev A. V. The concept and nature of digital law // Information law. 2022. № 4. P. 4–7.

Mikhailova E. V. On the legal nature, principles and legal status of the participants in the judicial conciliation procedure // State and Law. 2022. № 10. P. 18–30.

Nesterov V. M. Directions of differentiation of the procedural form of consideration of cases on administrative offenses // Russian justice. 2022. № 3. P. 60–65.

Nudel S. L. Modernization of criminal policy : problems of legal regulation // Journal of Russian law. 2023. № 1. P. 5–22.

Pavlova M. Legitimate and public interests in administrative proceedings in Russia : problems of interpretation // Comparative constitutional review. 2022. № 5. P. 63–77.

Podoprigora R. A. Administrative procedures in Kazakhstan : a new stage // German doctrine of administrative law and the formation of the institution of administrative procedures in the countries of Central Asia. Proceedings of the international conference dedicated to the 45th anniversary of the adoption of the Law on Administrative Procedures of Germany (Tashkent, May 25, 2021) // Scientific notes of the Institute of State and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. 2021. Vol. 1 // responsible. ed. L. B. Khvan. Tashkent : Niso Poligraf, 2022. P. 91–102.

The law of the digital environment : monograph / eds. T. P. Podshivalova, E. V. Titova, E. A. Gromova. Moscow : Prospekt, 2022. 896 p.

Legal management in crisis situations : monograph / S. B. Balkhaeva, Kh. I. Gadzhiev, S. A. Gracheva and others ; resp. ed. Yu. A. Tikhomirov ; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow : Prospekt, 2022. 280 p.

Rasskazova N. Yu. School of skills or school of knowledge : what is the path of Russian education // Law. 2023. № 3. P. 147–148.

Reform of the organization of public authority : the main directions of implementation : monograph / eds. A. E. Postnikov, L. V. Andrichenko. Moscow : Norma : INFRA-M, 2022. 200 p.

Romanovsky G. B., Romanovskaya O. V. On digital sovereignty // Constitutional and municipal law. 2022. № 9. P. 25–31.

Rossinsky B. V. Executive power in the system of public administration : monograph. Moscow : Norma : INFRA-M, 2023. 376 p.

Saltykov-Shchedrin M. Well-intentioned speeches : Collected. op. in ten volumes. Volume five. Moscow : Pravda Publishing House, 1988. 576 p.

Serkov P. P. To the question of indicators of the effectiveness of legal science // Russian justice. 2022. № 12. P. 3–10.

Serkov P. P. Legal relationship (Theory and practice of modern legal policy) : monograph : in two parts. Moscow : Norma, 2023. Part One : Legal Doctrine and Legal Policy Measures. 872 p.

Smolyakov P. N. Some general problems of administrative, administrative-tort and criminal legisla-

tion (law enforcement during a pandemic) // Russian Justice. 2022. № 10. P. 18–24.

Solodilov A. V. Wrong : an archaic theoretical construction or a practical institution of legal regulation? // Russian justice. 2023. № 2. P. 3–16.

Stakhov A. I. About some measures for autonomization and optimization of administrative and tort proceedings in the Russian Federation // Russian Justice. 2021. № 3. P. 13–23.

Stakhov A. I. The concept and general characteristics of the system of judicial administrative process in the Russian Federation // Russian Justice. 2023. № 3. P. 59–71.

Syrykh V. M. Postmodernism in the theory of law – a barren flower on the living tree of legal knowledge // Russian Justice. 2022. №. 12. P. 43–52.

Tikhomirov Yu. A. Creative regulators in the legal and virtual space // Journal of Russian Law. 2023. № 3. P. 5–16.

Tolkachev K. B. Development of the constitutional foundations of Russian legal policy // State and Law. 2023. № 2. P. 7–16.

Trezubov E. S. Trends in the digitalization of the civil process // Bulletin of the civil process. 2022. Vol. 12, № 5. P. 204–227.

Tretiak I. A. Constitutional conflictology – a new section of the science of constitutional law // Journal of Constitutional Justice. 2022. № 1. P. 30–34.

Fogelson Yu. Social history of Russian law and the possibility of the rule of law in Russia // Comparative constitutional review. 2022. № 6. P. 132–168.

Fokina M. A. To the question of some concepts of the civil process : the results of two decades // Bulletin of the civil process. 2023. Vol. 13, № 1. P. 15–43.

Khabrieva T. Ya. Technological imperatives of the modern world and law // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2023. № 1. P. 5–12.

Channov S. E. Application of law through digital technologies // Information law. 2022. № 2. P. 11–16.

Shishkina O. E. The quality of administrative and tort legislation through the prism of the constitutional requirement of the formal certainty of the law // Journal of Constitutional Justice. 2023. № 1. P. 10–25.

Shtatina M. A. Subjects of Public Administration in the Conditions of Digital Transformation // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2023. Vol. 19, № 1. P. 55–68.

Shvarts M. Z. Higher school is not an interest club // Law. 2023. № 1. P. 8–14.

Shchennikova I. I. The place of digital law in the system of Russian law // Legislation. 2023. № 3. P. 38–43.

Ehlers D. Development of codified administrative procedural law // German doctrine of administrative law and the formation of the institution of administrative procedures in the countries of Central Asia. Proceedings of the international conference dedicated to the 45th anniversary of the adoption of the Law on Administrative Procedures of Germany (Tashkent, May 25, 2021) // Scientific notes of the Institute of State and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. 2021. Vol. 1 / responsible. ed. *L. B. Khvan*. Tashkent : Niso Poligraf, 2022. P. 66–90.

Yankovsky R. M. Is artificial intelligence capable of writing an article in a legal journal? // Law. 2023. № 3. P. 126–133.

Воронежский государственный университет
Старилов Ю. Н., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, декан, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права
E-mail: juristar@vmail.ru

Поступила в редакцию: 14.11.2022

Для цитирования:
Старилов Ю. Н. Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 7–32. DOI: https:// DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/7-32

Voronezh State University
Starilov Yu. N., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured Scientist of Russian Federation, Dean, Head of the Administrative and Administrative Procedural Law
E-mail: juristar@vmail.ru

Received: 14.11.2022

Recommended citation:
Starilov Yu. N. Conservatism of the legal policy as a guarantee of progress in the sphere of administrative and other public legal relations // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 7–32. DOI: https:// DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/7-32

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

УДК 342
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/33-40

КОНЦЕПЦИИ ПРОФЕССОРА С. Н. БАБУРИНА О НРАВСТВЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ, ТЕРРИТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ИНТЕГРАЦИОННОМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ

Е. В. Сазонникова
Воронежский государственный университет

PROFESSOR S. N. BABURIN ON THE MORAL STATE, THE TERRITORY OF THE STATE AND INTEGRATION CONSTITUTIONALISM

E. V. Sazonnikova
Voronezh State University

Аннотация: публикация посвящена известным научным концепциям, разработанным профессором С. Н. Бабуриным. Изложены некоторые важные постулаты авторских концепций, коротко обращено внимание на историю формирования научных взглядов, фундирующих появление концепций, и показано развитие положений концепций в действующем законодательстве и современных научных публикациях.
Ключевые слова: нравственное государство, территория государства, интеграционный конституционализм, С. Н. Бабурин, государство, конституция.

Abstract: the publication is devoted to well-known scientific concepts developed by Professor S. N. Baburin. Some important postulates of these author's concepts are outlined, attention is briefly drawn to the history of the formation of scientific views that substantiate the development of concepts, and the development of the provisions of the concepts in the current legislation and modern scientific publications is shown.
Key words: moral state, territory of the state, integration constitutionalism, S. N. Baburin, state, constitution.

Концепции нравственного государства, территории государства и интеграционного конституционализма, введенные в философию государства, теоретико-правовую и конституционно-правовую науку известным общественным и политическим деятелем, выдающимся мыслителем современности профессором Сергеем Николаевичем Бабуриным, были выбраны для представления в данной публикации потому, что о каждой из них есть принадлежащее его перу монографическое сочинение, ставшее итогом многолетнего авторского исследования, а проблемы, которым они посвящены, без преувеличения относятся к вечным вопросам существования общества и государства.

© Сазонникова Е. В., 2023

О концепции нравственного государства по С. Н. Бабурину

Концепция нравственного государства раскрыта в монографии С. Н. Бабурина «Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма»[1]. Впоследствии эта тема была продолжена С. Н. Бабуриным в новых публикациях[2]. Новизна монографии

[1] См.: *Бабурин С. Н.* Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2020.

[2] См., например: *Бабурин С. Н.* Русская правда и государственно-правовые трансформации современной

С. Н. Бабурина заключается в том, что через аксиологию современного конституционализма и сравнение потенциальных возможностей государств разной цивилизационной культуры выявляются возможности и смысл духовно-нравственных ценностей в конституционализме, роль социальной консолидации общества, рассматриваются цивилизационные модели нравственного государства[3].

Изначально признаком «нравственный» было принято характеризовать только человека. Первые отечественные исследования, в которых было предложено рассматривать государство как «нравственный организм», «нравственную особь», появились, опираясь на известные дошедшие до нашего времени публикации, ориентировочно в середине XIX в.[4]

«Человечество существует, пока оно нравственно»[5], «нравственное государство – это государство добродетелей, воплощенное в конституционно закрепленной духовно-нравственной самоорганизации общества»[6]. «Смысл перехода к нравственному государству заключается в конструировании универсальной модели идеального государства, которое основывается на культурно-исторических и духовно-нравственных традициях каждой нации»[7], а «мировоззренческой основой нравственного государства выступают такие главные универсальные ценности общества, как справедливость и свобода»[8] – таковы основополагающие постулаты нравственного государства по учению С. Н. Бабурина.

С. Н. Бабурин убежден, что «нравственный авторитет в социуме стоит по степени уважения выше авторитета права» и «именно конституционализация нравственных норм наполняет правовую систему государства нравственными правовыми нормами». Поэтому велика значимость принятия в 2020 г. поправок к Конституции РФ для расширения ее духовно-нравственного содержания, особенно важно включение в ее текст ст. 67.1, 75.1[9].

21 апреля 2021 г. Президент РФ В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию РФ подчеркнул: «Духовно-нравственные ценности, о которых в ряде стран уже забывают, нас, напротив, сделали сильнее. И эти ценности мы всегда будем отстаивать и защищать»[10].

9 ноября 2022 г. был принят Указ Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[11]. Правовыми инструментами реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей согласно п. 25 вышеназванного указа являются: а) совершенствование нормативно-правовой базы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; б) разработка органами публичной власти документов стратегического планирования с учетом целей и задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей.

В свете изложенного в условиях федеративного государства тема нравственных основ жизнедеятельности общества и государства должна находить свое продолжение в законодательстве субъектов РФ с тем, чтобы обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны.

Обзор учредительных актов субъектов РФ показывает, что приверженность нравственным

России // Вестник Моск. гос. областного ун-та. Серия: Юриспруденция. 2022. № 1. С. 7–14 ; *Его же.* Значение ценностной динамики российского конституционализма XX в. // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 130–136 ; *Его же*. Духовно-нравственные уроки Ф. М. Достоевского в эпоху трансформации современных государств и мирового порядка // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 2. С. 257–267.

[3] См.: *Бабурин С. Н.* Аннотация монографии «Нравственное государство : русский взгляд на ценности конституционализма» // «ВКонтакте». URL: https://vk.com/wall619344421_2155?ysclid=lcf428kg7m860515207 (дата обращения: 02.01.2023).

[4] См., например: *Ободовский А. Г.* Теория статистики в настоящем состоянии, с присовокуплением краткой истории статистики. СПб., 1839. С. 5 ; *Шмидт К.* История педагогики Карла Шмидта, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурной жизнью народов / пер. Э. Циммермана. 3-е изд., доп. и испр. В. Ланге. М., 1877. Т. 1. С. 282.

[5] *Бабурин С. Н.* Нравственное государство : русский взгляд на ценности конституционализма. С. 116.

[6] Там же. С. 279.

[7] *Бабурин С. Н.* Нравственное государство как политико-правовая идея, время которой пришло // Междунар. журнал конституционного и государственного права. 2021. № 1. С. 14–20.

[8] *Бабурин С. Н.* Нравственное государство : русский взгляд на ценности конституционализма. С. 236.

[9] См.: Там же. С. 289–291.

[10] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 21 апреля 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[11] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

принципам предков закреплена как ценность в преамбулах уставов лишь нескольких субъектов РФ (Брянской, Кировской, Саратовской областей). В нескольких субъектах РФ есть законы, посвященные нравственному воспитанию всего населения (в Тверской области, Краснодарском крае), чаще же приняты законы в сфере нравственного воспитания подрастающего поколения – детей и молодежи. В отдельных субъектах РФ при высших должностных лицах предусмотрено создание консультативно-совещательных органов (в Новосибирской области) или координационных органов (в Волгоградской и Тверской областях, городе федерального значения Севастополе) по вопросам патриотического и духовно-нравственного воспитания.

В некоторых субъектах РФ в конце XX – начале XXI в. были приняты законы об охране общественной нравственности, однако в настоящее время действуют такие законы только в Республике Саха (Якутия) и в Магаданской области, а в других субъектах Федерации они по разным причинам утратили силу. Так, признание утратившим силу Закона Алтайского края «Об охране общественной нравственности» (1995 г.), как следует из пояснительной записки к соответствующему законопроекту, было обусловлено тем, что с 1 сентября 2012 г. вступил в силу Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», который упорядочил порядок оборота информационной продукции, способной причинить вред здоровью и (или) развитию детей; кроме того, по оценке членов рабочей группы, нормы закона фактически не действовали.

Размышляя о концепции нравственного государства С. Н. Бабурина, снова убеждаешься, что тема нравственных основ жизнедеятельности общества и государства неисчерпаема для исследования. Нравственное содержание осмысливается в ней применительно к многообразным направлениям внутренней и внешней политики государства, к самым разным эпохам, начиная с древнейших времен, в связи с поступками и решениями конкретных личностей, определяющими судьбу государства в тот или иной исторический период.

Правосознание нравственного выбора нации, нравственная миссия правосудия и народного контроля, духовно-нравственное измерение конституционного контроля, собственность в нравственном государстве, нравственные трансформации современного права, нравственный смысл награды за подвиг, нравственность наказания за преступления, нравственные начала в охранительных функциях государства, нравственное оздоровление международных отношений – вот лишь очень малая часть вопросов, которые охвачены концепцией нравственного государства С. Н. Бабурина.

С. Н. Бабурин высоко оценивает роль религии в нравственном воспитании людей, в частности, он пишет: «…своим формированием система собственно духовно-нравственных ценностей обязана религиям. Мировые религии всегда выступали носителями высоких нравственных идеалов, на которых выросли и народное творчество, и недосягаемые вершины человеческой мысли»[12]. Особую роль религиозных организаций для духовно-нравственного воспитания граждан отмечает профессор Сурен Адибекович Авакьян в своей авторской концепции конституционно-правового представительства[13].

Учение С. Н. Бабурина о нравственном государстве вызвало научный диалог о том, что представляет собой нравственное государство, можно ли добиться такого идеального состояния[14].

Важнейший вывод С. Н. Бабурина о форме нравственного государства как о достижимом идеале заключается в следующем: «Перед Российской Федерацией сегодня стоит великая задача, опираясь на свой могучий цивилизационный потенциал, взять на себя роль лидера в трансформации государств на высоких духовно-нравственных началах»[15].

---

[12] *Бабурин С. Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. С. 182.

[13] См.: *Авакьян С. А.* Представительство в конституционном праве : вопросы теории и практики. М., 2022. С. 405–407.

[14] См., например: *Загоров О.* Актуальное исследование благодетельного государства. С. Н. Бабурин. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма // Государство и право. 2021. № 7. С. 197–200 ; *Карасев В. И.* Право и мировоззрение в современном обществе. С. Н. Бабурин. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма // Там же. С. 83–93 ; *Керимов А. Д.* Нравственность, государство, капитализм : размышления о теории нравственного государства С. Н. Бабурина // Там же. 2022. № 1. С. 98–109.

[15] *Бабурин С. Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. С. 529.

О концепции территории государства по С. Н. Бабурину

Концепция территории государства раскрыта в монографии С. Н. Бабурина «Территория государства: правовые и геополитические проблемы»[16].

В книге рассматриваются основные характеристики и правовой режим территории государства, территориальный фактор в его внутренних и внешних функциях, вопросы правового режима территории в международном праве, проблемы государственных границ и государственной интеграции на постсоветском пространстве и некоторые другие вопросы[17]. С даты публикации книги прошло более четверти века, за это время произошло много событий, появились новые исследования, но столь многогранный научный труд, представляющий феномен территории государства сквозь призму правовых и геополитических проблем, продолжает оставаться единственным в своем роде.

Профессор С. Н. Бабурин отмечает, что «фиксация населения на определенной территории (седентаризм) стал основой социальной организации еще в догосударственные времена, но глобальное значение территориальный критерий приобретает при переходе от родового общества к государству»[18].

Не ставя своей целью обзор всей палитры взглядов, сложившихся при осмыслении феномена территории государства, возвращаясь к истокам представлений о территории как о признаке государства, имеет смысл напомнить, что тезис о территории как о неотъемлемом признаке государства в отечественное государствоведение был введен Львом Адамировичем Шалландом в диссертации на тему «Юридическая природа территориального верховенства»[19], за которую в 1903 г. он был удостоен Императорским Санкт-Петербургским университетом ученой степени магистра международного права. Вышеназванный научный труд принес Л. А. Шалланду широкую известность[20].

Как отмечает С. Н. Бабурин, «компетенция государства в отношении его территории определяется прежде всего понятиями суверенитета и юрисдикции», «существенным признаком территориального верховенства государства является принцип неотчуждаемости государственной территории»[21].

В Конституции РФ регулируются многие вопросы территориальной организации Российского государства. Принятые в 2020 г. поправки к Конституции РФ направлены на обеспечение стабильности и повышенной охраны территории нашего государства, в особенности важно включение в ее текст ч. 2.1 ст. 67, ч. 1 и 2 ст. 67.1, в том числе был закреплен новый компонент в составе территории государства – федеральная территория. В условиях федеративного государства в законодательстве субъектов РФ также находят закрепление вопросы территориальной организации. Тенденцией последнего времени в субъектах РФ является принятие законов о приграничном сотрудничестве, об участии граждан в защите государственной границы Российской Федерации (на территории конкретного субъекта РФ).

Вызывает большое внимание обоснование С. Н. Бабуриным безопасности территории как

---

[16] См.: *Бабурин С. Н.* Территория государства : правовые и геополитические проблемы. М., 1997.

[17] См. подробнее: *Загоруйко К. Ф.* Бабурин С. Н. Территория государства : правовые и геополитические проблемы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. 480 с. // Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право. Реферативный журнал. 1998. № 4. С. 13–18.

[18] *Бабурин С. Н.* Территория государства : правовые и геополитические проблемы. С. 15.

[19] Л. А. Шалланд, в частности, писал: «Слияние между тремя элементами (власть, население, территория) произошло, если так можно выразиться, сверху, под давлением надгосударственной необходимости; этим как раз и объясняется, что античный мир, не знавший ни принципа равенства государств, ни международного общения, не придавал территориальному началу никакого значения: пределы власти определялись фактическим местопребыванием граждан. Точно так же и Средние века с их частноправовым политическим строем не могли подняться до концепции властвования ex jure public, вращающегося в определенных территориальных границах. Лишь Новому времени суждено было создать и новую юридическую атмосферу, новую статику государственных сил, и вместе с тем установить прочную, неразрывную связь между государствами и их материальным субстратом». «Территория является… пространственным пределом властвования» (*Шалланд Л. А.* Юридическая природа территориального верховенства. Историко-догматическое исследование. СПб., 1903. Т. 1. С. 25–26, 33).

[20] См.: *Иваненко В. С.* Кафедра международного права : историческая справка. С. 27–29 // Страница кафедры международного права юридического факультета Санкт-Петербургского университета. URL: http://law.spbu.ru/AboutFaculty/Departments/mezhprava/About.aspx (дата обращения: 24.08.2021).

[21] *Бабурин С. Н.* Территория государства : правовые и геополитические проблемы. С. 39, 45.

самостоятельного признака государства. Характеризуя безопасность территории, ученый рассматривает его как понятие многогранное, подразумевающее «в том числе пространственную безопасность (территориальная целостность), политико-правовую, социально-экономическую, экологическую и культурную»[22].

Совершенно прав С. Н. Бабурин в том, что «территория государства является не только пространством его существования, но и основным воплощением представлений народа о своем государстве, своем Отечестве», «территория государства представляет собой материальное выражение верховенства и независимости населяющего ее народа»[23].

О концепции интеграционного конституционализма по С. Н. Бабурину

Концепция интеграционного конституционализма была раскрыта в монографии С. Н. Бабурина «Интеграционный конституционализм»[24]. Книга посвящена формированию (прежде всего на постсоветском пространстве) в процессе межгосударственной интеграции наднационального права, особенностям синтеза международного и конституционного права. Новизна монографии состоит в том, что впервые обоснованы понятие и основные черты интеграционного конституционализма, а также рассматривается влияние правовых проблем перехода человечества к устойчивому развитию на трансформацию конституционно-правовых отношений в межгосударственной интеграции[25].

Конституционализм – многогранный феномен; известны научные труды о глобальном, цифровом, экономическом, судебном, евразийском, мировом, российском, современном конституционализме и других его аспектах. Выдвижение нового термина «интеграционный конституционализм» примечательно уже само по себе, он характеризует особую ступень развития конституционализма, когда «происходит переосмысление роли государства как социального феномена и процессов межгосударственного взаимодействия, явно переросших как двусторонние взаимоотношения суверенных государств, так и формат деятельности международных объединений»[26].

Слово «интеграция» (лат. *integratio* – «восстановление», «восполнение», «соединение») в известных толковых словарях означает объединение частей в целое. Интегративный подход издавна присущ научному познанию. Интегративное правопонимание в последние десятилетия серьезно упрочило свое место в юридической науке, хотя трудности в его дальнейшей разработке и использовании сохраняются и сегодня[27]. При этом, как верно заметил В. Г. Графский, «синтезаторскому тематическому и проблемному конструированию подвергается не только понимание права, но и понимание государства»[28].

Осмысление интеграционного конституционализма по С. Н. Бабурину созвучно выводу И. А. Кравеца, что «конституционализм как правовое явление имеет не только национальное, но и международное, сравнительно-правовое измерение. Как доктрина и нормативный концепт он активно вовлечен в интеграционные процессы, в структуру интеграционного права. Конституционно-правовые институты оказывают значительное содействие международному общению и процессу интеграции через право, в которых активное участие принимает Российская Федерация»[29].

В концепции С. Н. Бабурина конституционализм не только рассматривается с точки зрения нормативного подхода к праву, но также показаны его политические и духовно-нравственные особенности. Очень интересны размышления ученого об интеграционном конституционализме как признаке и элементе перехода к устойчивому развитию, а также идея о формировании нового качества права третьего тысячелетия – права устойчивого развития[30]. Отдельная часть

[22] *Бабурин С. Н.* Территория государства : правовые и геополитические проблемы. С. 65.

[23] Там же. С. 476.

[24] См.: *Бабурин С. Н.* Интеграционный конституционализм. М., 2020.

[25] См. об этом подробнее: *Костюков А. Н., Третьяк И. А.* [Рецензия] // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 4. С. 153–157. – Рец. на кн.: *Бабурин С. Н.* Интеграционный конституционализм. М., 2020.

[26] *Бабурин С. Н.* Интеграционный конституционализм. С. 5.

[27] См. об этом подробнее: *Графский В. Г.* О непреодоленных трудностях в создании интегральной юриспруденции // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 19–24.

[28] Там же. С. 20.

[29] *Кравец И. А.* Глобальный и отечественный конституционализм в условиях формирования интеграционного права : конституционная телеология, футуризм и структура современных конституций // Право и политика. 2019. № 10. С. 3.

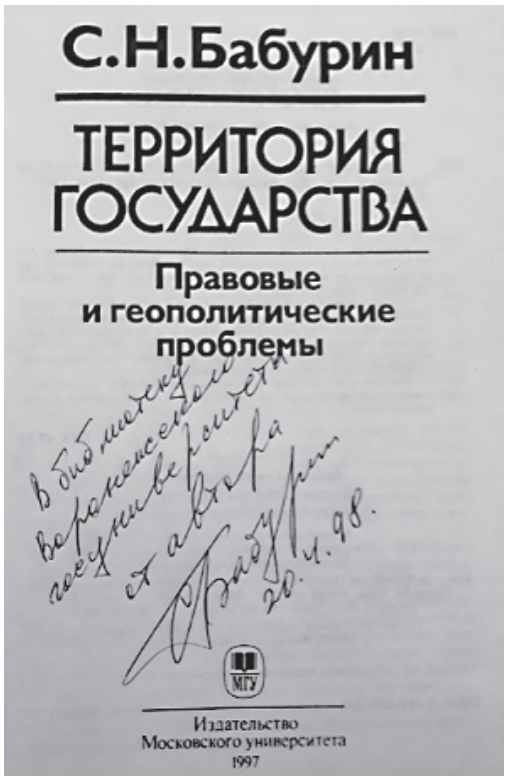
[30] См. о праве устойчивого развития подробнее: *Бабурин С. Н.* Интеграционный конституционализм как

книги посвящена теме конституирования Союзного Российско-Белорусского государства[31].

Таким образом, каждая из концепций, предложенных С. Н. Бабуриным, получила большую известность, вызвала широкую научную дискуссию, а также была продолжена ученым в новых публикациях.

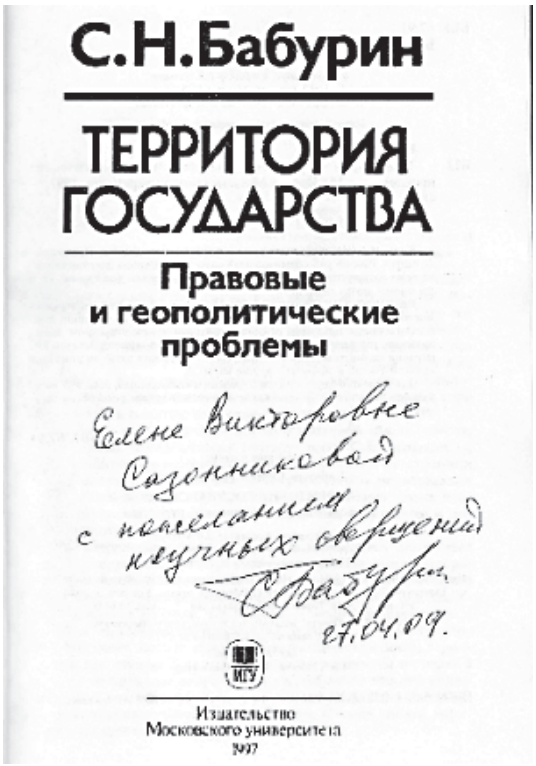
* * *

В отделе редких книг библиотеки ВГУ хранится книга С. Н. Бабурина с дарственной надписью в адрес университетской библиотеки.

Дарственная надпись профессора С. Н. Бабурина на книге «Территория государства: правовые и геополитические проблемы»: «В библиотеку Воронежского госуниверситета. [Подпись С. Н. Бабурина]. 20.4.98»

Профессор Сергей Николаевич Бабурин был научным консультантом по моей докторской диссертации. Благодаря этому событию у меня есть книга с дарственной надписью профессора.

Дарственная надпись профессора С. Н. Бабурина в адрес Е. В. Сазонниковой на книге «Территория государства: правовые и геополитические проблемы»: «Елене Викторовне Сазонниковой с пожеланием научных свершений. [Подпись С. Н. Бабурина]. 27.04.09»

Библиографический список

Авакьян С. А. Представительство в конституционном праве : вопросы теории и практики. М., 2022. 484 с.

Бабурин С. Н. Духовно-нравственные уроки Ф. М. Достоевского в эпоху трансформации современных государств и мирового порядка // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 2. С. 257–267.

Бабурин С. Н. Значение ценностной динамики российского конституционализма XX в. // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 130–136.

Бабурин С. Н. Интеграционный конституционализм как признак и элемент перехода к устойчивому развитию // Наука и образование : будущее и цели устойчивого развития : материалы XVI Междунар. науч. конф. : в 4 ч. М., 2020. Т. 4. С. 36–44.

Бабурин С. Н. Интеграционный конституционализм. М., 2020. 264 с.

Бабурин С. Н. Нравственное государство как политико-правовая идея, время которой пришло //

признак и элемент перехода к устойчивому развитию // Наука и образование : будущее и цели устойчивого развития : материалы XVI Междунар. науч. конф. : в 4 ч. М., Т. 4. 2020. С. 41.

[31] См. об этом также: *Бабурин С. Н.* О роли социального выбора, проблемах реализации договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. и интеграционном конституционализме // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 2. С. 231–237 ; *Его же.* Союзное государство как политико-правовой идеал русской нации // Образование и право. 2017. № 2. С. 29–36.

Международный журнал конституционного и государственного права. 2021. № 1. С. 14–20.

Бабурин С. Н. Нравственное государство : русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2020. 536 с.

Бабурин С. Н. О роли социального выбора, проблемах реализации договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. и интеграционном конституционализме // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 2. С. 231–237.

Бабурин С. Н. Русская правда и государственно-правовые трансформации современной России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 1. С. 7–14.

Бабурин С. Н. Союзное государство как политико-правовой идеал русской нации // Образование и право. 2017. № 2. С. 29–36.

Бабурин С. Н. Территория государства : правовые и геополитические проблемы. М., 1997. 480 с.

Графский В. Г. О непреодоленных трудностях в создании интегральной юриспруденции // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 19–24.

Загоров О. Актуальное исследование благодетельного государства. С. Н. Бабурин. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма // Государство и право. 2021. № 7. С. 197–200.

Загоруйко К. Ф. [Реферат] // Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право. Реферативный журнал. 1998. № 4. С. 13–18. – Реф. на кн.: *Бабурин С. Н.* Территория государства : правовые и геополитические проблемы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. 480 с.

Иваненко В. С. Кафедра международного права : историческая справка. С. 27–29 // Страница кафедры международного права юридического факультета Санкт-Петербургского ун-та. URL: http://law.spbu.ru/AboutFaculty/Departments/mezhprava/About.aspx (дата обращения: 24.08.2021).

Карасев В. И. Право и мировоззрение в современном обществе. С. Н. Бабурин. Нравственное государство : русский взгляд на ценности конституционализма // Государство и право. 2021. № 7. С. 83–93.

Керимов А. Д. Нравственность, государство, капитализм : размышления о теории нравственного государства С. Н. Бабурина // Государство и право. 2022. № 1. С. 98–109.

Костюков А. Н., Третьяк И. А. [Рецензия] // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 4. С. 153–157. – Рец. на кн.: *Бабурин С. Н.* Интеграционный конституционализм. М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. 264 с.

Кравец И. А. Глобальный и отечественный конституционализм в условиях формирования интеграционного права : конституционная телеология, футуризм и структура современных конституций // Право и политика. 2019. № 10. С. 1–23.

Ободовский А. Г. Теория статистики в настоящем состоянии, с присовокуплением краткой истории статистики. СПб., 1839. 122 с.

Шалланд Л. А. Юридическая природа территориального верховенства. Историко-догматическое исследование. СПб., 1903. Т. 1. 315 с.

Шмидт К. История педагогики Карла Шмидта, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурной жизнью народов / пер. Э. Циммермана. 3-е изд., доп. и испр. В. Ланге. М., 1877. Т. 1. 500 с.

References

Avakian S. A. Representation in constitutional law: questions of theory and practice: monograph. M., 2022. 484 p.

Baburin S. N. Spiritual and moral lessons of Dostoevsky in the era of transformation of modern states and the world order // Law Enforcement Review. 2022. Vol. 6, № 2. P. 257–267.

Baburin S. N. Significance of value dynamics of the 20th-century Russian constitutionalism // Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)). 2021. № 5. P. 130–136.

Baburin S. N. Integration constitutionalism as and element transition to the right // Science and education: the future and goals of sustainable development: materials of the XVI international scientific conference, in 4 parts. P. 4. M., 2020. P. 36–44.

Baburin S. N. Integrative constitutionalism. M., 2020. 264 p.

Baburin S. N. A moral state as a political and legal idea, the time of which has come // International journal of constitutional and state law. 2021. № 1. P. 14–20.

Baburin S. N. Moral State: russian view on the values of constitutionalism. M., 2020. 536 p.

Baburin S. N. On the role of social choice, the challenges of implementing the Treaty on the establishment of a United Russian-Belarusian State of December 8, 1999 and the integration constitutionalism // Law Enforcement Review. 2021. Vol. 5, № 2. P. 231–237.

Baburin S. N. Russkaya Pravda and State-legal Transformations of Modern Russia // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence. 2021. № 1. P. 7–14.

Baburin S. N. Union State as a politico-legal ideal the russian nation // Education and law. 2017. № 2. P. 29–36.

Baburin S. N. State territory: legal and geopolitical problems. M., 1997. 480 p.

Grafsky V. G. On Unsurmounted Difficulties in Creating Integral Jurisprudence // Journal of Russian Law. 2017. № 7. P. 19–24.

Zagorov O. A true study of a benevolent state S. N. Baburin. Moral State. Russian view on the values of constitutionalism // State and Law. 2021. № 7. P. 197–200.

Zagoruiko K. F. Baburin S. N. The territory of the state: legal and geopolitical problems. M. : Publishing house of Mosk. Univ., 1997. 480 p. // Domestic and foreign literature. Ser. 4. State and law: Abstract journal. 1998. № 4. P. 13–18.

Ivanenko V. S. Department of International Law: Historical background. P. 27–29 // Department of International Law of the Faculty of Law of St. Petersburg University. URL: http://law.spbu.ru/AboutFaculty/Departments/mezhprava/About.aspx

Karasev V. I. Law and worldview in modern society. S. N. Baburin. Moral state: russian view on the values of constitutionalism // State and Law. 2021. № 7. P. 83–93.

Kerimov A. D. Morality, state, capitalism: reflections on the theory of the moral state of S. N. Baburin // State and Law. 2022. № 1. P. 98–109.

Kostyukov A. N., Tretyak I. A. Review of the monograph by S.N. Baburin "The integration constitutionalism" (Moscow, 2020) // Law Enforcement Review. 2020. Vol. 4, № 4. P. 153–157.

Kravets I. A. Global and domestic constitutionalism in the context of the formation of an integration law: constitutional teleology, futurism and the structure of modern constitutions // Law and Politics. 2019. № 10. P. 1–23.

Obodovsky A. G. The theory of statistics in its present state, with the addition of a brief history of statistics. SPb., 1839. 122 p.

Shalland L. A. Legal nature of territorial supremacy. Historical and dogmatic research.Vol. 1. St. Petersburg, 1903. 315 p.

Schmidt K. The history of Karl Schmidt's pedagogy, outlined in the world-historical development and in organic connection with the cultural life of peoples / Per. Edward Zimmerman. Vol. 1. 3rd ed., add. and correct. Vihard Lange. M., 1877. 500 p.

Воронежский государственный университет
Сазонникова Е. В., доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права
E-mail: sazon75@mail.ru
Поступила в редакцию: 30.01.2023

Для цитирования:
Сазонникова Е. В. Концепции профессора С. Н. Бабурина о нравственном государстве, территории государства и интеграционном конституционализме // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 33–40. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/33-40.

Voronezh State University
Sazonnikova E. V., Doctor of Legal Sciences, Professor of the Constitutional and Municipal Law Department
E-mail: sazon75@mail.ru
Received: 30.01.2023

Recommended citation:
Sazonnikova E. V. Professor S. N. Baburin on the moral state, the territory of the state and integration constitutionalism // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 33–40. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/33-40.

УДК 342.72/.73
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/41-52

ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ КАК ПРИОРИТЕТ ГОСУДАРСТВА СОЗИДАЮЩЕГО

Е. Е. Тонков, Л. А. Пожарова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

PERSONAL DIGNITY AS A PRIORITY OF THE CREATING STATE

E. E. Tonkov, L. A. Pozharova
Belgorod State National Research University

Аннотация: авторы статьи обосновывают идею государства созидающего, в котором достоинство личности приобретает статус общепризнанного и конституционно обусловленного феномена, нормативно конкретизированного и позволяющего находиться ей под охраной государства в виде законодательных, институциональных и процессуальных гарантий. По их мнению, в современной России сложился определенный разрыв между уровнем развития правовой науки и уровнем развития отраслевого законодательства, от которого в значительной мере зависит не только состояние государственных связей, но и состояние защищенности человека и гражданина. Осознание личностью собственного достоинства нередко инициирует противодействие по отношению к несправедливости и попытку восстановления нарушенных прав, поэтому история развития общества во многом сопровождается отстаиванием человеком имеющихся прав и свобод. Феномен достоинства личности в государстве созидающем, являющемся альтернативой корпоративному или автократическому государственно-правовым режимам, способствует взаимодействию институтов морали и права. Право на достоинство предполагает невмешательство государства в частные дела, не противоречащие действующему законодательству, уважение частной жизни лица, служит барьером на пути создания в государстве тотальной регламентации повседневной жизни граждан, запрещающей любое свободомыслие. Исторический опыт свидетельствует, что игнорирование права на достоинство может привести к ситуации, когда незаконное вмешательство в сферу частной жизни станет нормой повседневной деятельности государственного аппарата, повлечет формирование атмосферы правового произвола. Уважение человеческого достоинства формируется в гражданском обществе, основанном на принципах законности, справедливости, взаимной ответственности между государством и личностью.
Ключевые слова: достоинство, личность, государство созидающее, право, политика, охрана, защита, коррупция, преступность, криминализация.

Abstract: the authors of the article substantiate the idea of a state of creation, in which the dignity of the individual acquires the status of a universally recognized and constitutionally determined phenomenon, normatively specified and allowing it to be protected by the state in the form of legislative, institutional and procedural guarantees. In their opinion, in modern Russia there is a certain gap between the level of development of legal science and the level of development of sectoral legislation, on which not only the state of state relations, but also the state of protection of a person and a citizen largely depends. A person's awareness of his own dignity often initiates opposition to injustice and an attempt to restore violated rights, so the history of the development of society is largely accompanied by a person's upholding of existing rights and freedoms. The phenomenon of the dignity of the individual in the state of creation, which is an alternative to corporate or autocratic state-legal regimes, promotes the interaction of institutions of morality and law. The right to dignity implies non-interference of the state in private affairs that do not contradict the current legislation, respect for the private

© Тонков Е. Е., Пожарова Л. А., 2023

life of a person, serves as a barrier to the creation in the state of a total regulation of the daily life of citizens, prohibiting any free thought. Historical experience shows that ignoring the right to dignity can lead to a situation where unlawful interference in the sphere of private life becomes the norm of the daily activities of the state apparatus, entails the formation of an atmosphere of legal arbitrariness. Respect for human dignity is formed in a civil society based on the principles of legality, justice, mutual responsibility between the state and the individual.
Key words: dignity, personality, state of creation, law, politics, protection, protection, corruption, crime, criminalization.

Достоинство личности, рассматриваемое в философии как осознание человеком и обществом факта обладания определенными нравственными качествами и репутационными параметрами с точки зрения юриспруденции является не только объектом охраны со стороны государства, но и потенциальной возможностью каждого отстаивать свои права любым не запрещенным законом способом. Если защита человека, его прав и свобод от посягательства со стороны государства – задача демократического общества, то защита личности, ее прав и свобод от самого общества с его разнообразными, пользующимися политическим и экономическим влиянием группами, которое тоже способно посягать на права и свободы индивидуума, является обязанностью государства.

Защита человека, его прав и свобод требует от государства активных действий и предоставления ему соответствующих прав. Человек, его права и свободы должны защищаться государством с помощью различных норм права, однако для признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека необходимы существенные усилия государства в материальной и духовной сферах, а также, что самое главное, его желание эти усилия предпринимать.

Достоинство личности – это всегда целостная категория, имеющая историко-конкретный характер. Ее особенности обусловлены и географическим положением государства, и размерами территории, и социально-экономическим и культурным развитием. Существенное влияние оказывает и национальный менталитет. В настоящее время сложился, на наш взгляд, существенный разрыв между уровнем развития правовой науки и отраслевого законодательства, от которого в значительной мере зависит состояние не только государственных связей, но и защищенности человека и гражданина.

В научной литературе встречается достаточно много работ, затрагивающих осуществление гражданином своего права на достоинство, которое зародилось на заре появления человеческого общества и представляет собой ценность, принадлежащую всем людям. Охрана достоинства личности государством служит индикатором его социально-политической и нравственной состоятельности, зрелости и формирует социологический ресурс для объективной оценки достигнутых параметров цивилизованности общества (если они вообще существуют и поддаются измерению).

Следует подчеркнуть, что достоинство нередко противостоит эмпирической причинно-следственной связи событий и диктует человеку закон, не совпадающий с его материальными интересами и практической целесообразностью, заявляя о себе вопреки якобы очевидной и необходимой логике фактов. Причина данного парадокса заключается в максимально широком диапазоне исследуемого феномена.

Можно предположить, что исторические ранние представления о достоинстве наблюдались еще в первобытном обществе, так как совместное проживание и труд служили способом существования человека «равного среди равных», являлись предпосылками формирования не только оценки его поведения со стороны других, но и собственной самодостаточности. Догосударственное общество представляло собой синергетическую систему поведения и взаимодействия людей и было способно вырабатывать ценностные ориентиры (мононормы), обеспечивая реализацию личностных потребностей по определенным правилам.

В догосударственном обществе, которое выступало в качестве нормативного определителя социальной справедливости на основе мононорм, личность почти всегда ассоциировалась с племенем, родом. Оскорбление одного лица считалось оскорблением целого рода или племени, обладавших действенными ресурсами и механизмами контроля за поведением человека.

Личность фактически поглощалась группой, к которой она относилась. Эти обычаи поддерживались силой устоявшегося и общепринятого порядка, властью привычки и массового мощного «прессинга» окружающих в отношении индивида. Равенство людей предполагалось как бы «само собой», что, вероятно, предполагало одинаковое уважение равных прав и достоинства каждой личности.

Если в праве предписания формулируются и реализуются в виде общеобязательных и установленных законодателем норм, то требования обычаев возникают и развиваются в самой практике массового поведения, в процессе постоянного и длительного взаимодействия людей, являясь отражением исторического жизненного опыта в общинных и индивидуальных представлениях, чувствах и воле. Процесс реализации требований господствовавших мононорм мог контролироваться всеми членами общества без исключения (естественно, что понятия дееспособности и правоспособности, как и характерное для институциональных норм разделение субъекта и объекта регулирования, отсутствовали).

Каждая последующая эпоха по-своему решала вечные проблемы человеческого достоинства, по-новому переосмысливая истины, которые предшественниками считались абсолютными.

Так, в элитологической науке Платона достоинство во многом определяется социальной стратификацией, однако с учетом психологии людей, которых он разделяет на избранных (aristos) и слуг, называемых им толпой или массой. В своем фундаментальном труде «Государство» Платон показывает, что толпа не может обладать достоинством, поэтому не представляет никакой ценности для избранных[1].

В работах немецких исследователей отмечается, что Платон различал следующие разновидности достоинства: природное (естественное) достоинство, дающееся от рождения; достоинство, формирующееся в результате воспитания; достоинство, приобретаемое посредством образования[2].

Расширительное понимание категории «достоинство» было обусловлено определенными этико-философскими концепциями того времени, в которых само достоинство или его исторические синонимы (например, честь) интерпретировались в нескольких различных смыслах. В ранней древнегреческой философии достоинство входило в сферу морали, практической мудрости, благоразумия, добродетели, которая, в свою очередь, включала все положительные качества человека.

Аристотель в учении о добродетелях, представленном в знаменитых трактатах «Никомахова этика», «Евдемова этика» и «Большая этика», утверждал, что добродетель является «похвальным приобретаемым свойством души» и каждый человек должен своим трудом, обучением и воспитанием стремиться к ее достижению. По его замечанию, всё, что мы имеем от природы, первоначально предоставляется нам лишь в виде возможностей, впоследствии реализующихся в действительности[3].

Аристотель называл теорию высшего блага, справедливости и добродетели политикой, а название «этика» было дано его учениками, которые записывали лекции великого философа. Связывая достоинство человека с его добродетельностью, цель и главную заботу политики он видел в том, чтобы придать гражданам известного рода хорошие качества и сделать их людьми, поступающими прекрасно[4].

По его мнению, законодатели могут влиять на добродетельность граждан путем выработки хороших привычек, которые со временем будут формировать черты характера индивида и заставлять находить удовольствие в добрых делах. Именно в работах Аристотеля мы впервые можем обнаружить дифференцированное понимание достоинства для отдельных социальных слоев населения. Рассматривая достоинство и честь как величайшее из внешних благ, он отмечал, что «великие люди требуют себе более всего чести и славы, сообразной их достоинствам» (Этика, IV), констатируя некоторую зависимость между достоинством и имущественным положением.

Придерживаясь указанной позиции, Аристотель приводит доводы, согласно которым «честь признается принадлежащей людям высокого рождения, правителям и богам, так как они выше других в силу каких бы то ни было благ, ибо благодаря им их уважают, хотя по справедливости, только хороший человек заслуживает

[1] См.: *Платон*. Собр. соч. М., 1994. Т. 4. С. 744.

[2] См.: *Ricken F.* Platonismus und Pragmatismus. Eine interpretation von Platon, «Politeia» // Theologie und Philosophie. Freiburg etc., 1995. Jg. 70, H. 4. P. 481–493.

[3] См.: *Аристотель*. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск, 1998. С. 167.

[4] См.: Там же. С. 158.

уважения, а кто соединяет имущественное положение и хорошие человеческие качества, того еще более уважают»[5].

Характеризуя принцип справедливости, который он считал «государственным благом»[6], Аристотель использует метод классификации социальных страт по отношению к достоинству, подчеркивая, что «…мерило достоинства не все видят в одном и том же: граждане демократии видят его в свободе, олигархии – в богатстве, а аристократии – в добродетели»[7]. Таким образом, в понимании Аристотеля, достоинство является комплексным понятием, складывающимся из таких элементов, как разумные суждения, добросовестное поведение, внутренние положительные качества, включая законопослушание, добродетельность и умеренность. Он доказывал, что добродетели – это социально-предписываемые и одобренные качества души, которые не даются человеку от природы, а воспитываются целенаправленным действием и упражнением.

В сознании жителей Древней Греции государство представляло такую организацию общественных отношений, где санкций законодателя опасались значительно меньше, чем порицания окружающих. Огромное, если не определяющее влияние, по-прежнему имело мнение общества, которое не только выражало интересы своих членов, но и выполняло правотворческую функцию, вырабатывая собственные нормативные регуляторы общественных отношений, преобразовывавшиеся впоследствии в законы. При этом важную миссию выполняло правовое общение, представляющее собой «практическое претворение навыков и форм справедливых индивидуальных и групповых взаимоотношений, которые обеспечены определенными гарантиями»[8].

Понятие достоинства развивалось параллельно с представлениями о чести, связанной с локализованной принадлежностью к определенному социальному слою, отличающемуся внутренним благородством и корпоративными кодексами чести, присущими только избранным.

Как отмечал О. Г. Дробницкий, «в этом отношении понятие чести становится подчиненным категории более высокого порядка – достоинству личности, «самоценности» человека как такового»[9]. Он подчеркивал, что выразители умонастроений деклассированной интеллигенции Эллады (киники), а еще более отчетливо – стоики, с их идеей космополиса и градацией обязанностей по концентрическим кругам, «провозглашают сохранение личного достоинства первейшей обязанностью человека»[10].

В римском праве отчетливо проявляется выделение юридических норм из первоначально совокупной синкретичности обычно-традиционных регуляций первобытного общества, в связи с чем достоинство (dignitas) во многом определялось кастово-сословными привилегиями и ассоциировалось с определенными статусными группами. Чем более почетную или престижную должность занимал гражданин, тем на более высокое достоинство он мог претендовать. Римский гражданин, как считалось, обладает теми или иными правами не от рождения, а в зависимости от того, какие права ему дает государство (или отказывает в них). Право на достоинство рассматривалось в римской юриспруденции как одна из привилегий, которая могла быть утрачена по усмотрению государства. Это подразумевало разную ответственность разных лиц за одни и те же действия, т. е. фактически легализовало избирательную юстицию. Рабы в римском праве рассматривались как вещи (servus est res), в связи с чем не могли претендовать на право достоинства, хотя с нравственной точки зрения, безусловно, им обладали.

Достоинство у римлян не дает каких-либо готовых моделей и образцов поведения, а предлагает лишь общее основание существующим нормам поведения и критерии для применения правил и парадигм в различных обстоятельствах. Обладая тем или иным правом на достоинство, человек может поставить перед собой и обществом вопрос, почему он должен следовать установленным нормам, и насколько они правомерны? Достоинство как бы фиксирует возросшую в условиях поздней античности автономию личности, поставленной в привилегированное положение по тем или иным основаниям.

В период Средневековья важнейшей отличительной чертой мировоззрения в европейских странах являлась ориентация на Бога и связанная с ним идея спасения. Представления о до-

[5] *Аристотель*. Указ. соч. С. 230–231.

[6] Там же. С. 521.

[7] Там же. С. 252.

[8] *Графский В. Г.* Правовое общение в прошлом и настоящем // Право и политика. 2011. № 1. С. 76.

[9] *Дробницкий О. Г.* Проблемы нравственности. М., 1977. С. 65.

[10] Там же.

стоинстве человека базировались на религиозно-мистифицированных представлениях о равенстве всех перед Богом и сотворении человека по божественному образу и подобию. Христианская церковь делает акцент на смирении, укрощении «плоти и гордыни» в противовес культу разума и воли человека в античные времена.

Выдающийся богослов и философ Фома Аквинский (Аквинат) полагал, что благо отдельного человека, общества и универсума определяется божественным замыслом, и нарушение человеком божественных законов является действием, направленным против его собственного блага. При этом закон определялся им как любое проявление разума, которое провозглашается ради общего блага тем, кто печется об обществе. Достоинство Аквинат ограничивал совестью, противящейся несправедливому закону[11].

Отражая кризис и противоречивость исторических условий Средневековья, понятие достоинства само оказывается сопряженным из внутренних противоречий. Тем не менее именно в Средние века право претендует на тот или иной «объем» достоинства, определяемый по принципу социальной стратификации, постепенно формализуется, обретая юридические параметры. С правовой точки зрения того времени человеческое достоинство отражало сословную принадлежность его носителя. Деление на сословия считалось богоустановленным и представлялось достаточно функциональным способом управления обществом.

Как же случилось, что по прошествии многих столетий и кровопролитных поисков оптимальной формы общежития людей, мы вновь вынуждены обращаться к решению проблемы единообразного понимания права на достоинство? Как произошло, что провозглашаемые Конституцией формально равные права всех людей на счастье реально обеспечивают «запрограммированное», по словам одного из героев самого популярного новогоднего фильма, счастье лишь небольшого меньшинства населения и его иллюзию всех остальных? Общечеловеческие ценности, содержащиеся в Основном законе, достаточно легко размываются самим течением практического бытия социума. Например, хотя природные ресурсы названы в Конституции основой жизни и деятельности народов, но их возможность нахождения в частной собственности оказалась удобным средством, позволяющим ограниченному кругу лиц выжимать из них максимальную прибавочную стоимость, стать подлинными олигархами, способными даже влиять на формирование выгодной для себя государственной политики. При этом Конституция превращается в надежное моральное и правовое прикрытие их корыстных интересов, занимаемого положения и неблаговидной деятельности, а государство всё больше приобретает очертания гоббсовского Левиафана, «искусственного человека», который постепенно забывает, что он был создан для защиты и охраны человека естественного[12].

По словам Президента России В. В. Путина: «…сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг к другу, поддержки и взаимопомощи – дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились»[13].

Декларируемые Конституцией принципы (да и она сама) становятся своеобразной охранной грамотой высшего социального слоя в стратификационном иерархическом пироге. Равенство олигархов, высокопоставленных чиновников и основной массы граждан оказывается абстракцией, фикцией, декорирующей фактическое положение дел, когда население абсолютно отстранено от получения даже минимальной доли доходов от использования природных ресурсов, а напротив, заключено в кабалу все возрастающих потребностей владельцев газовых трубопроводов и нефтяных вышек, угольных шахт и электростанций. Внешне Конституция продолжает выглядеть как общечеловеческий гарант справедливости, но на самом деле служит оправданием возродившихся капиталистических отношений на просторах разрушенного постсоветского наследия.

Отказ от верности идеалам добра и справедливости, содержащей в себе на генетическом уровне следы ритуализованного поведения, в

[11] См.: *Бандуровский К. В.* Проблемы этики в «Сумме теологии» Фомы Аквинского // Вопросы философии. 1997. № 9. С. 156.

[12] См.: *Гоббс Т.* Левиафан. Человеческая природа. О свободе и необходимости / пер. с англ. А. Гутермана. СПб., 2022. С. 9.

[13] Послание Президента Российской Федерации Владимира Путина Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 года // Российская газета. 2013. 13 дек.

целях получения выгодных перспектив, подкрепленных соответствующими гарантиями, оказался для современных нуворишей не таким уж сложным делом. Если при этом у некоторых из них и возникает чувство вины или стыда за нарушение требований верности, то оно весьма скоро ретушируется дивидендами. Противоречивые тенденции в различных сферах жизни российского общества не могли не найти своего отражения в праве, которое является универсальной системой нормативного регулирования социальных процессов, вследствие чего противоречия пронизывают сегодня все уровни системы отечественного законодательства. Несмотря на относительную самостоятельность, право, как и другие виды социальных норм, осуществляет специфические регулятивные функции не изолированно, а в тесном взаимодействии с другими социальными регуляторами, в частности моралью.

Как отмечал в связи с этим Гегель, который одним из первых с философской точки зрения наиболее полно и всесторонне исследовал характер связи и взаимодействия противоречивых предметов и явлений, «…всё, что существует, находится в отношении, и это отношение есть истина всякого существования. Благодаря отношению существующее – не абстрактно, не стоит само по себе, а есть лишь в другом, но в этом другом оно есть отношение с собою, и отношение есть единство соотношения с собою и соотношения с другими»[14].

Вся доступная нам реальность есть совокупность предметов и явлений, находящихся в самых разнообразных отношениях и связях друг с другом. Любые предметы и события – звенья одной бесконечной цепи, объемлющей всё существующее в мире в единое целое. При этом имеется в виду не только ориентированность на безусловное исполнение законов и совершенствование правоприменительной практики (хотя и то и другое чрезвычайно важно), но наполнение государственной деятельности качественно иным содержанием, подразумевающим в том числе использование нравственного потенциала общества.

Известно, что один из лидеров Великой французской революции М. Робеспьер, ставший впоследствии жертвой своего детища (помним, что «революция пожирает своих героев»), призывал заменить честь честностью, власть моды – властью разума, нормы приличия – обязанностями, правила хорошего тона – моделью поведения благопристойных людей. Моральное переосмысление основных ценностных ориентиров и нравственных идеалов, подтвержденное законотворческими инициативами революционеров, отражало результат качественного изменения общественного правосознания. Аналогичная ситуация спустя 120 лет повторилась и в России. Считаем необходимым подчеркнуть, что роль социальных, в том числе и правовых норм, не сводится к созданию непреодолимых ограничений для личности, но рассматривается в качестве фактора, определяющего поведение индивидуума в жизненно важных ситуациях и регулирующего отношения людей для достижения максимально возможного уровня свободы каждого из нас.

При всем многообразии и разнохарактерности отношений между правовыми ограничениями и правовыми возможностями в процессе реализации конституционных норм общим основанием для них является диалектическое противоречие, представляющее собой универсальную онтологическую структуру, присутствующую во всех сферах бытия. Основными признаками диалектических противоположностей правовых ограничений и правовых возможностей являются взаимополагание, взаимопроникновение и асимметрия, что означает наличие в каждом случае ведущей (доминирующей) и ведомой (подчиненной) сторон, каждая из которых характеризуется своей тенденцией изменений.

Как отмечалось в ст. 4 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г., «свобода состоит в возможности делать всё, что не вредит другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми границами, которые обеспечивают другим членам общества пользование этими же правами»[15].

Конституция современного государства предназначена для эффективной охраны и защиты прав и свобод человека, в чем и заключается ее смысл в цивилизованном обществе. Права человека и его интересы приоритетны по отношению ко всем иным правам, свободам и

[14] *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 301.

[15] *Маклаков В. В.* Современные зарубежные конституции : учеб. пособие. М., 1992. С. 98.

интересам, если они не ограничивают, а тем более, если не нарушают законные права, свободы и интересы других.

Еще И. Кант заметил, что в обществе отсутствует соответствие между добродетельным поведением и счастьем, которое он считал воздаянием за него. Как известно, Кант дифференцировал все императивы на гипотетические (рассматриваемые как средство для достижения цели) и категорические (когда предписание выступает как цель)[16]. Он полагал, что всеобщий закон нравственной жизни заключается в процедуре императивности, центром которой является долг (но не верность), а его нормативное содержание весьма различно у разных социальных слоев и даже групп.

Нормы права, являясь формализованными волевыми положениями, отражающими идеальные модели общественной практики, составляют материальную основу развития и совершенствования правовых форм государственной деятельности. Право не должно и не может регулировать все общественные отношения по мере их обновления, но, наряду с этим, в государственно-правовой теории существует необходимость в переосмыслении теоретических конструкций и анализе возникающих тенденций при рассмотрении юридических форм с учетом формирования нового нормативного содержания. Представляется важным с теоретической и практической точек зрения выявить обстоятельства, влияющие на развитие и содержание данной категории.

По словам В. С. Нерсесянца, «при всей своей относительной самостоятельности право, как и другие виды социальных норм, осуществляет свои специфические регулятивные функции не изолированно и обособленно, а в едином комплексе и тесном взаимодействии с другими социальными регуляторами»[17]. Теория правопонимания В. С. Нерсесянца в отечественной юридической литературе некоторое время назад активно пропагандировалась, несмотря на то что сводила сущность права к таким составляющим, как «равенство свободных и независимых друг от друга субъектов права по общему для всех масштабу, единой норме, равной мере»[18]. Обосновывалось, что право – это свобода как «существо правовой формы бытия»[19].

Таким образом, сущность права представлялась как формальное равенство, свобода и справедливость. Последователи В. С. Нерсесянца дополняют компоновку сущности права свободами человека, их защитой, выраженной в законе, который в силу этого становится правовым. Понятно, что указанные идеи привнесены из естественно-правовой доктрины и по существу являются ее прочтением на современный лад. Современное либеральное мышление предпринимает немалые усилия для переосмысления наиболее значимых характеристик права. Речь в первую очередь идет об определяющих признаках права, таких его характеристиках, как волевая нормативность, генетическая и функциональная связь с государством (правотворчество и обеспечение реализации правовых норм) и его обусловленность экономикой, политикой, интересами и др.

По мнению Н. А. Власенко, здесь «коэффициент» неопределенности достигает еще большего уровня и дополнительные комментарии вряд ли требуются[20]. Он справедливо считает нецелесообразным отрицать усилия ученых в поиске ответа на вопрос, что такое право и что является его основой с познавательных и прагматических позиций? Именно этим объясняется острота вопроса о результативности научных исследований и, соответственно, их методологической эффективности.

Тем не менее всё больше сторонников приобретает интегративный (интегральный) подход. Как вполне резонно напоминает В. В. Лазарев, «собственно юридические потребности – потребности разрешения юридических дел, юридических споров – требуют по возможности полной определенности в том, что есть право, а что таковым не является. Неопределенность здесь может оказаться пагубной как для властвующих, так и для подвластных…»[21].

В современной ситуации вопрос об определенности взаимоотношений государства и гражданского общества приобретает ключевое значение. Это объясняется не только беспрецедентным за последние десятилетия противостоянием с Западом, но и неизбежными, обусловлен-

[16] См.: *Кант И.* Соч. : в 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 1. С. 290.
[17] *Нерсесянц В. С.* Юриспруденция. М., 1998. С. 50.
[18] *Нерсесянц В. С.* Философия права. М., 1997. С. 17.
[19] Там же. С. 25.
[20] См.: *Власенко Н. А.* Проблемы продуктивности современного правопонимания : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Правовое регулирование в XXI веке». Белгород, 2016. С. 19–20.
[21] *Лазарев В. В.* Поиск права // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 5.

ными происходящими событиями трансформациями во внутренней политике. Рассуждая о генезисе диалога между государством и гражданским обществом, мы приходим к выводу, что причинами очевидного рассогласования, различных оценочных позиций стали обстоятельства как объективного, так и субъективного порядка.

Государство должно взять на себя ответственность за формирование реальных, а не декларативных предпосылок для создания новых отношений с гражданским обществом, преодоления разногласий и стабилизации как социально-экономического, так и политического положения. В противном случае нашу страну подстерегает серьезная опасность превращения в автократическое государство, в котором фактически нет гражданского общества, а все его декорации (профессиональные и творческие союзы, некоммерческие и религиозные организации) находятся под жестким державным контролем. Нет сомнений, что при такой расстановке сил, фактически находясь в плену политических иллюзий, по-настоящему социальное государство функционировать не может.

Противостоять угрозе автократической перспективы развития страны, по нашему мнению, может только государство созидающее[22]. Ю. Н. Старилов и О. С. Рогачева справедливо обращают внимание на подчеркиваемую взаимосвязь правозащитной и правоохранительной форм государственной деятельности в обеспечении гарантий охраны достоинства личности в государстве созидающем[23].

В чем основной смысл государства созидающего, каково его рациональное зерно, его философский камень? В государстве созидающем одной из важнейших задач ближайшего будущего (в случае адекватного восприятия нами «прорыва в новый технологический уклад») является адаптация политической, социально-экономической и правовой систем к новой геополитической ситуации. Основным принципом его деятельности является уважение к закону, обязательное не только для народа, но и для представителей органов власти.

Всеобъемлющее уважение к закону, как бы пафосно это ни звучало, должно превратиться, если хотите, в политическую религию созидающего государства, стать той национальной идеей, поисками которой так долго и безуспешно заняты наши политики, философы и государственные деятели. Модернизация юридических форм государственной деятельности, их совершенствование могут придать необходимый динамизм и результативность действиям органов власти по преодолению духовного кризиса, стать одним из определяющих факторов развития гражданского общества в сложных условиях неопределенности. Не случайно С. С. Алексеев отмечал, что «сложившиеся правовые формы являются средствами, инструментами… оптимального решения социальных задач»[24].

Используя авторитет и силу публичной власти, административный ресурс аппарата, государство созидающее способно выполнить роль мощного активатора общественной жизни, организовать эффективное управление обществом, обеспечить реализацию социальных обязательств, создание стимулов для развития частного сектора и повышения деловой активности. В государстве созидающем решающее значение имеет переосмысление фундаментальных правовых подходов к взаимоотношениям государства и личности, гражданина и права. Устаревшие (если не сказать – реакционные) идеологические стереотипы до настоящего времени превалируют в общественном правосознании, что не способствует современному пониманию юридических форм государственной деятельности как способа обеспечения приоритета прав человека в сфере публичной власти. Хотя активных дискуссий по этой проблеме в научных кругах в силу понятных причин сегодня практически нет, единое мнение так и не сложилось, что дает нам основания на собственное представление о ней.

Особое значение имеют иные подходы к оценке и переформатированию самой матрицы государственной деятельности. В государстве созидающем должен существовать основной, ведущий методологический подход к формированию правовой политики. Не единый и обязательный для всех, а преобладающий, доминирующий, выступающий базой методологического инструментария.

[22] См.: *Тонков Е. Е.* Государство созидающее как вектор развития современной России. М., 2019.

[23] См.: *Старилов Ю. Н., Рогачева О. С.* Государство созидающее : переосмысление сложившихся позиций и точек зрения на новой методологической основе // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2019. № 3. С. 376.

[24] *Алексеев С. С.* Право. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 351.

Только так можно заручиться хотя бы некоторой гарантией того, чтобы право в случае очередной политической целесообразности не сочеталось с произволом, как бывало неоднократно в нашей истории. По мнению Ф. Ницше, которое не прочь поддержать некоторые современные политики, «произвольное право необходимо… у всех у нас нет уже традиционного правового чувства, поэтому мы должны помириться с произвольными правами, которые суть выражения необходимости права вообще»[25].

Абстрагируясь от содержательного и терминологического анализа механизма правового регулирования, выполненного целым рядом блестящих и весьма авторитетных теоретиков права, подчеркнем, тем не менее, что результативность правового регулирования в государстве созидающем – это, прежде всего, достигнутая, реальная, а не смоделированная степень упорядоченности общественных отношений. Действенность правовых средств при этом усиливается формами их предъявления (организационными стандартами). Более того, как и любое правоотношение субъектов взаимодействия, процесс правового регулирования преобразует и само государство, получающее от общества обратную связь. Однако каждый субъект (как государство, так и общество) в процессе правового регулирования стремится к своим персонифицированно значимым результатам. Мы не можем недооценивать тот факт, что нередко публичные и частные интересы не могут признаваться тождественными. Однако поиск баланса между ними и компромиссных решений, порождающих наименьшие негативные последствия, составляет одну из приоритетных задач созидающего государства.

Граждане видят свой результат в преобразованных предметах и правовых явлениях (тех или иных юридических фактах), удовлетворении своих частных притязаний, а для государства эти результаты имеют качественно другую ценность, выступая в виде обобщенных показателей эффективности процесса правового регулирования. Прямая зависимость правового регулирования от характера его цели проявляется при любом масштабе государственной деятельности (абстрактная ли это цель – правовой идеал, или же – конкретная правоприменительная практика).

Сегодня кризисные тенденции затронули практически все политико-правовые формы общественной жизни. Трансформация отношений правового регулирования предполагает необходимость переосмысления сложившихся позиций и точек зрения на новой методологической основе. Эта потребность объясняется тем, что теоретические положения и формулы уже не в состоянии предоставить нам адекватные ситуации толкования происходящих перемен и, тем более, прогнозировать предстоящие катаклизмы. Качественная деформация политических и экономических отношений с Западом на фоне расширения субъектного состава Федерации является одновременно и поводом изменения содержательной характеристики всей правовой системы, а не только ее международно-правового аспекта.

По ироничному и прогностически точному замечанию И. А. Исаева, «амбициозная убежденность современной политико-правовой науки в чистом рационализме своих категорий и понятий в жизни постоянно сталкивается с неизвестно откуда возникающими феноменами иррационального и стихийного»[26].

Если в 90-х гг. XX в. и начале века нынешнего мы наблюдали разрушение монополии государственной собственности и сопровождение этого процессом приватизации, ухудшение общего экономического положения страны, в результате чего произошло снижение уровня жизни значительной части населения, то в настоящее время осуществляется перераспределение прав собственности при очевидном государственном вмешательстве в этот процесс.

Бифуркационные всплески социально-политических процессов приводят к тому, что криминальная деятельность нередко становится в глазах определенной части населения социально престижным занятием. Если в обычной ситуации лица, сознательно преступившие закон, ассоциируются в массовом сознании с маргинальными слоями общества, то в период консервации общественного влияния на государство они стремятся к позиционированию в качестве самостоятельной социальной группы. Правовой нигилизм, участие в противоправной деятельности, принадлежность к тем или иным преступным кланам и группировкам превращаются в предел желаний и социальных ожиданий. Часть

[25] *Ницше Ф.* Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 431.

[26] *Исаев И. А.* Власть и закон в контексте иррационального. М., 2006. С. 8.

населения, особенно молодежи, мечтает войти в состав криминальных структур.

Возрастающее распространение таких стереотипов и ориентаций позволяет предположить наличие нежелательных перспектив у российской коррупционной среды, которая имеет значительные социальные ресурсы. В целом проявившаяся активизация «беловоротничковой» преступности на федеральном и региональном уровнях становится симптомом, предвестником нежелательных социальных катаклизмов. На этом тревожном фоне приходится с сожалением констатировать неэффективность современной государственной стратегии противодействия коррупции, так как попытки политического руководства начать борьбу с ней пока успешно блокируются бизнес-бюрократией и недобросовестными чиновниками.

В связи с этим нельзя согласиться с позицией уважаемого нами В. В. Момотова, положительно оценивающего тот факт, что в последнее время в гражданском законодательстве появляются так называемые каучуковые (эластичные) нормы права, имеющие неконкретный и универсальный характер, «требующие судебной оценки, личностного измерения судьи». По мнению ученого, это «хороший пример взаимного влияния и взаимозависимости судебной практики и законодательства посредством восприятия судьи»[27]. На наш взгляд, это, напротив, свидетельство коллизий и пробелов в действующем законодательстве, содержащее коррупционный ресурс правоприменителя.

В свое время первый Национальный план противодействия коррупции породил великое множество других планов, программ, мероприятий, разработанных на всех уровнях государственного и муниципального управления, которые невольно могут «утопить» хорошую в общем-то идею в ворохе антикоррупционной отчетности. Государство до тех пор не сумеет справиться с возложенными на него функциями в правоохранительной сфере, пока его контрольно-надзорная деятельность не будет соответствовать философии осуществляемых преобразований во внутренней и внешней политике. Поэтому совершенствование юридических форм государственной деятельности должно осуществляться координированно, на основе единой концепции, с учетом их взаимозависимости, хотя они отличаются друг от друга содержанием реализуемых функций и, соответственно, характером действий, способов, методов, средств, а также направленностью юридических процедур и последовательностью их осуществления.

Неблагоприятный общий прогноз криминальной ситуации может существенно усугубиться прогрессирующими негативными процессами в экономике, несмотря на оптимистические заявления приближенных к власти политологов, возглавляющих якобы независимые фонды и другие структуры, финансируемые правительством непосредственно или опосредованно. Вместе с тем механизм правового регулирования предполагает во всех государственных органах определенную логическую структуру, алгоритм действий, их цикличность, функциональную взаимосвязь с иными публичными субъектами разных ветвей и уровней власти, нацеленность на эффективное выполнение поставленных задач. Достижению такого результата должны быть подчинены усилия всех составных элементов механизма правового регулирования.

Принципиально важно отделить юридические формы государственной деятельности от неправовых (неюридических). Мы придерживаемся позиции Н. И. Матузова, что в решении вопроса о сущности права, правовой системы необходима уверенность в определении границ собственно права и правил другой природы, действующих в обществе, четко знать, где кончается правовое поле и начинается неюридическое пространство[28].

Результатом анализа существующих подходов к оценке соотношения политики и права становится понимание того, что до настоящего времени в научной среде не сложилось однозначного представления о методологии исследования проблемы. Изменившиеся экономические, политические и социокультурные условия неизбежно обусловливают перенос акцентов с интересов общества на интересы личности. Это существенно влияет на саму парадигму управления обществом, инициируя трансформацию его целей, содержания, технологии, активизирует инновационные процессы, которые требуют ос-

[27] *Момотов В. В.* О влиянии судебной практики на развитие российского законодательства : российский опыт в исторической ретроспективе // Российская юстиция. 2022. № 9. С. 7.

[28] См.: *Матузов Н. И.* Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 103.

мысления и обоснования на теоретико-методологическом уровне.

Подобная ситуация будет возможна до тех пор и там, где имеются грубые управленческие просчеты, так называемые «глухие» места властной вертикали, где «сила права» ничего не может поделать с «правом силы». Поэтому ведущим стратегическим направлением становления государства созидающего в его стремлении вырваться из порочного круга политических иллюзий и неприемлемых амбиций является формирование системы активного воздействия граждан на государство через институты гражданского общества.

Понятие достоинства исторически сопряжено с понятием прав человека и поэтому рассматривается нами в неразрывной связи. Выступая в виде аксиологической детерминанты личности, достоинство формирует ее самооценку и одновременно экстраполирует ее на общество. В достоинстве воплощаются представления человека о своих притязаниях и о признанности этих притязаний окружающими – отдельными лицами, социальной группой, обществом в целом, государством.

В государстве созидающем достоинство личности приобретает статус общепризнанного и конституционно обусловленного феномена, нормативно конкретизированного и позволяющего ей находиться под охраной государства в виде законодательных, институциональных и процессуальных гарантий, а также осуществлять формализованную и неформализованную самозащиту в случае посягательства на ее права и свободы.

Государство созидающее базируется на совершенном, организационно устроенном гражданском обществе, не только юридически развитом с точки зрения позитивного права, но и характеризующимся гуманистической идеологией. Основополагающие естественно-правовые идеи, адаптированные к современному устройству общества, способствуют признанию государством созидающим достоинства личности как магистральной, стержневой ценности всех существующих правоотношений. Личность в нем наделяется возможностью выступать полноценным субъектом права, а государство принимает на себя обязательство охраны человеческого достоинства от посягательств третьих лиц и обеспечение уважительного отношения к населению, в том числе и со своей стороны. Равные возможности в обеспечении реализации прав человека служат показателем соблюдения государством достоинства личности.

Библиографический список

Алексеев С. С. Право. Опыт комплексного исследования. М., 1999.

Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск : Литература, 1998.

Бандуровский К. В. Проблемы этики в «Сумме теологии» Фомы Аквинского // Вопросы философии. 1997. № 9. С. 156.

Власенко Н. А. Проблемы продуктивности современного правопонимания // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Правовое регулирование в XXI веке». Белгород, 2016. С. 19–20.

Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1.

Гоббс Т. Левиафан. Человеческая природа. О свободе и необходимости / пер. с англ. А. Гутермана. СПб., 2022.

Графский В. Г. Правовое общение в прошлом и настоящем // Право и политика. 2011. № 1. С. 76.

Дробницкий О. Г. Проблемы нравственности. М. : Наука, 1977. С. 65.

Исаев И. А. Власть и закон в контексте иррационального. М. : Юристъ, 2006.

Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 1.

Лазарев В. В. Поиск права // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 5.

Маклаков В. В. Современные зарубежные конституции : учеб. пособие. М., 1992.

Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003.

Момотов В. В. О влиянии судебной практики на развитие российского законодательства : российский опыт в исторической ретроспективе // Российская юстиция. 2022. № 9. С .7.

Нерсесянц В. С. Философия права. М., 1997.

Нерсесянц В. С. Юриспруденция. М., 1998.

Ницше Ф. Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 1.

Платон. Собр. соч. М., 1994. Т. 4. С. 744.

Рикен Ф. Платонизм и прагматизм. Интерпретация Платона, «Politeia» // Теология и Философия. Фрайбург, 1995. № 70, вып. 4. С. 481–493.

Старилов Ю. Н., Рогачева О. С. Государство созидающее : переосмысление сложившихся позиций и точек зрения на новой методологической основе // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2019. № 3. С. 376.

Тонков Е. Е. Государство созидающее как вектор развития современной России. М., 2019. 392 с.

References

Alekseev S. S. Right. Comprehensive research experience. M., 1999. P. 351.

Aristotle. Ethics. Politics. Rhetoric. Poetics. Categories. Minsk : Literature, 1998.

Bandurovsky K. V. Problems of Ethics in Thomas Aquinas' "Summa Theology" // Questions of Philosophy. 1997. № 9. P. 156.

Vlasenko N. A. Problems of productivity of modern legal understanding // Proceedings of the international scientific-practical conference "Legal regulation in the XXI century". Belgorod, 2016. P. 19–20.

Hegel G. W. F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. M., 1974. T. 1.

Hobbes T. Leviathan. Human nature. On freedom and necessity: transl. from English. A. Guterman. SPb., 2022.

Grafsky V. G. Legal communication in the past and present // Law and Politics. 2011. № 1. P. 76.

Drobnitsky O. G. Problems of morality. M. : Nauka, 1977.

Isaev I. A. Power and law in the context of the irrational. M. : Lawyer, 2006.

Kant I. Opus in 6 vols. M., 1965. T. 4, part 1.

Lazarev V. V. Search for Law // Journal of Russian Law. 2004. № 7. P. 5.

Maklakov V. V. Modern foreign constitutions. Tutorial. M., 1992.

Matuzov N. I. Actual problems of the theory of law. Saratov, 2003.

Momotov V. V. On the impact of judicial practice on the development of Russian legislation: Russian experience in historical retrospective // Russian Justice. 2022. № 9. P. 7.

Nersesyants B. C. Philosophy of law. M., 1997.

Nersesyants V. S. Jurisprudence. M., 1998.

Nietzsche F. Works in 2 vols. M., 1990. T. 1.

Platon. Collected works. M., 1994. T. 4.

Ricken F. Platonismus and Pragmatismus. Eine interpretation von Platon, "Politeia" // Theologie und Philosophie. Freiburg etc., 1995. Jg.70, H. 4, p. 481–493.

Starilov Yu. N., Rogacheva O. S. State creating: rethinking the existing positions and points of view on a new methodological basis // Proceedings of the VSU. Series "Right". 2019. № 3. P. 376.

Tonkov E. E. The state of creation as a vector of development of modern Russia. M., 2019. 392 p.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Тонков Е. Е., доктор юридических наук, профессор, директор юридического института

E-mail: ETonkov@bsu.edu.ru

Пожарова Л. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права

E-mail: pozharova@bsu.edu.ru

Поступила в редакцию: 14.12.2022

Для цитирования:

Тонков Е. Е., Пожарова Л. А. Достоинство личности как приоритет государства созидающего // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 41–52. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/41-52.

Belgorod National Research University

Tonkov E. E., Doctor of Legal Sciences, Professor, Director of the Law Institute

E-mail: ETonkov@bsu.edu.ru

Pozharova L. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department

E-mail: pozharova@bsu.edu.ru

Received: 14.12.2022

Recommended citation:

Tonkov E. E., Pozharova L. A. Dignity of the individual as a priority of the state of creation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 41–52. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/41-52.

УДК 342.8
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/53-65

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ: ПРАВОВОЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СВЕТСКОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

С. В. Судакова
Воронежский государственный университет

ELECTORAL ACTIVITY IN THE CONTEXT OF RELIGIOUS AND WORLDVIEW VALUES OF THE INDIVIDUAL: LEGAL AND PRACTICAL ASPECTS OF FORMATION UNDER THE CONDITIONS OF THE RUSSIAN STATE SECULARITY

S. V. Sudakova
Voronezh State University

Аннотация: статья посвящена исследованию содержания и конституционно-правовых предпосылок электоральной активности граждан РФ в зависимости от их идейных установок. Особое внимание уделено анализу влияния религиозно-мировоззренческих убеждений личности на уровень ее вовлеченности в процесс реализации своего активного избирательного права. Рассмотрены наиболее распространенные проблемы этой сферы, предложены возможные правовые и организационные варианты их решения.
Ключевые слова: электоральная активность, активное избирательное право, религия, убеждения, выборы, органы государственной власти, местное самоуправление, светское государство, свобода совести.

Abstract: the article is devoted to the study of the content and constitutional and legal prerequisites for the electoral activity of citizens of the Russian Federation, depending on their ideological attitudes. Particular attention is paid to the analysis of the influence of personality's religious and ideological beliefs on the level of it's involvement in the process of exercising his active suffrage. The most common problems in this area are considered, possible legal and organizational options for their solution are proposed.
Key words: electoral activity, active suffrage, religion, beliefs, elections, public authorities, local self-government, secular state, freedom of conscience.

Почти тридцать лет Российская Федерация стремится к созиданию на своей территории демократического, правового и социального государства, в котором права и свободы личности признаются, защищаются и обеспечиваются в качестве высшей ценности, а вся полнота власти в стране в соответствии с Основным законом принадлежит ее многонациональному народу (ст. 1–3, 7 Конституции РФ)[1].

На эффективность воплощения в реальную действительность столь масштабного государственного идеала во многом влияет уровень реализации гражданами РФ своего активного избирательного права. Очевидно, что активное участие граждан в качестве избирателей в выборах различного территориального уровня спо-

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, 30.12.2008 № 7-ФКЗ, 05.02.2014 № 2-ФКЗ, 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru. 01.08.2021

© Судакова С. В., 2023

собствует легитимации политической системы в стране, конституционно обоснованному использованию избранными органами и должностными лицами мандата доверия электората[2]. Поэтому фокус нашего исследовательского интереса сосредоточен на содержании, конституционно-правовых и мировоззренческих предпосылках полноценной реализации электоральной активности граждан современной России.

По справедливому утверждению Л. Е. Тихоновой, «в большинстве исследований понятие электоральной активности ассоциируют именно *с уровнем явки на выборы*»[3], что и обеспечивает *ее внешнее выражение* (здесь и далее курсив наш. – *С. С.*).

О. В. Захаров рассматривает этот феномен в качестве «формы проявления потребности участия граждан в общественной жизни и активного отношения к ней»[4].

Ю. В. Капранова в структуре электоральной активности выделяет две составляющие – *ценностно-идейную* и деятельностную[5]. В юридической литературе анализируется также комплекс условий и факторов, способствующих как ее росту, так и снижению.

Например, О. В. Коваленко классифицирует условия, влияющие на электоральную активность, *на внутренние и внешние*. В качестве критерия такой классификации она выделяет уровень зависимости избирательной активности электората от внешних факторов существования и развития общества и государства (например, от социально-политической, экономической ситуации в государстве, гендерного и возрастного состава избирателей, уровня их правосознания и правовой культуры, особенностей мировоззрения личности и т. п.)[6]. Во многом аналогичной позиции придерживается и О. В. Захаров. Он также указывает на важность социально-демографических и мировоззренческих характеристик личности применительно к рассматриваемой проблематике. По его мнению, «пол, возраст, образование, социальный статус и др. не только свидетельствуют об избирательной активности, но и служат основой для поиска и нахождения наиболее эффективных социальных механизмов и технологий управленческого воздействия на эту сферу с целью преодоления абсентеизма»[7]. И это утверждение носит объективный характер.

С учетом вышеизложенного считаем, что электоральная активность представляет собой форму электорального поведения населения, которая с юридической точки зрения базируется на важнейшем конституционном праве граждан Российской Федерации *избирать в органы государственной власти и местного самоуправления*, обеспечивается *активными действиями электората* по *участию в выборах* различного уровня в качестве избирателей и основывается на целом *комплексе идейно-ценностных установок* каждой конкретной личности, включающих не только развитое правосознание и правовую культуру, но и иные мировоззренческие убеждения, обеспечивающие самоидентификацию личности в обществе и государстве.

Рассмотрим особенности влияния *религиозно-мировоззренческих убеждений личности* на уровень ее *вовлеченности в процесс реализации своего активного избирательного права*. Такое влияние, на наш взгляд, может быть обусловлено следующими факторами.

Во-первых, теми функциями, которые религия выполняет в обществе (главным образом, идеологической и компенсирующей функциями). Ведь в условиях отсутствия единой государственной идеологии у довольно широкого круга граждан нашей страны религиозные нравственные ориентиры вполне успешно заполняют существующий идеологический вакуум. Здесь также необходимо учитывать, что в сложные для развития государства периоды интерес со стороны общества именно к религиозной картине

[2] См. об этом подробнее: *Капранова Ю. В.* Формы и методы формирования и повышения электоральной активности как объекта управления // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 4. С. 29 ; *Бандикян М. Д.* Реализация активного избирательного права отдельными категориями граждан : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Пенза, 2020. С. 3.

[3] *Тихонова Л. Е.* Понятие «электоральная активность» и формы ее позитивного проявления // Приоритетные направления развития образования и науки : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. / редколлегия: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары. 2017. С. 53.

[4] *Захаров О. В.* Социальные механизмы воздействия на электоральное поведение : автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 2012. С. 11.

[5] См.: *Капранова Ю. В.* Формы и методы формирования и повышения электоральной активности как объекта управления // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 4. С. 35.

[6] См.: *Коваленко О. В.* Факторы, влияющие на электоральную активность отдельных категорий избирателей // Российское право : образование, практика, наука. 2015. № 2 (86). С. 42.

[7] *Захаров О. В.* Указ. соч. С. 11.

мира возрастает. В такое время люди более активно ищут поддержки в религиозной сфере, чем в периоды относительной стабильности.

Во-вторых, религиозное мировоззрение, если оно формируется последовательно и основано на глубоких духовных традициях, существенно влияет на многие сферы жизни человека, в том числе на его восприятие политических процессов, гражданскую активность, реализацию политических прав. Степень вовлеченности личности в сферу государственно-политических отношений во многом зависит от ее мировоззренческих убеждений относительно роли государства в жизни общества, его природы, ценности демократии как политического режима, ценности светских концепций прав и свобод личности, целесообразности участия граждан в тех или иных политических акциях, допустимости их влияния на формирование институтов власти.

Правовой аспект исследуемой проблематики может быть раскрыт следующим образом.

Первое о чем здесь стоит упомянуть – это конституционно-правовой базис, обеспечивающий светский характер Российского государства. Его устанавливает ст. 14 Конституции РФ, закрепляющая, что в нашей стране религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. При этом ст. 28 Основного закона гарантирует право на свободу совести и свободу вероисповедания как неотъемлемое, естественное право личности свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения, а также действовать в соответствии с ними.

Дальнейшая конкретизация этих положений происходит на уровне Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 11.06.2021) «О свободе совести и религиозных объединениях». Статья 4 разноаспектно регулирует взаимоотношения государства и религиозных объединений. В соответствии с конституционным принципом отделения религиозных объединений от государства государство не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии, не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов власти. Оно не вторгается в деятельность религиозных объединений, если последняя не противоречит законодательству. Согласно ч. 5 этой же статьи религиозное объединение не участвует в выборах в органы публичной власти, не участвует в деятельности политических партий и политических движений, не оказывает им материальную и иную помощь. При этом законодатель особо подчеркивает, что отделение религиозных объединений от государства не влечет за собой каких-либо ограничений прав их участников участвовать наравне с другими гражданами в управлении делами государства.

Избирательное законодательство Российской Федерации (федеральные законы от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в ред. от 28.06.2022) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»; от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ (в ред. от 01.04.2022) «О выборах Президента Российской Федерации»; от 22 февраля 2014 г. «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и др.) последовательно закрепляет норму о том, что «*участие гражданина Российской Федерации в выборах является свободным и добровольным.* Никто не вправе оказывать воздействие на гражданина с целью его принуждения к участию или неучастию в выборах, а также препятствовать его свободному волеизъявлению». Аналогичные принципы закреплены и в региональном избирательном законодательстве (например, в ч. 1–2 ст. 3 Избирательного кодекса Воронежской области)[8].

В данном контексте важно упомянуть, что принцип светскости Российского государства применительно к избирательному праву раскрывается и *в ст. 4 Федерального закона № 67-ФЗ,* согласно которой гражданин РФ имеет право избирать, быть избранным в органы власти, участвовать в референдуме независимо от каких-либо различий, в том числе *отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям.*

Косвенное положительное влияние на повышение электоральной активности вполне могут оказать также новеллы избирательного законодательства, предусматривающие новые, более удобные для граждан варианты участия в выборах: голосование в течение нескольких дней (ст. 63.1 ФЗ № 67) и дистанционное электронное голосование (ст. 64.1 ФЗ № 67). Это актуально, например, для представителей большинства христианских конфессий, которые в седьмой

[8] Избирательный кодекс Воронежской области : закон Воронежской области от 27 июня 2007 г. № 87-ОЗ. URL: https://docs.cntd.ru/document/819014996 (дата обращения: 30.07.2022).

день недели празднуют память воскресения Иисуса Христа, посещают богослужения, проводят праздник в кругу своей семьи и единоверцев. Далеко не все из этих людей готовы в этот день отвлекаться на вопросы политики и посещать избирательные участки. Поэтому при условии, если организация голосования в течение нескольких дней или электронного голосования будет осуществляться эффективно, в строгом соответствии с законом, справедливыми потребностями электората, а любые нарушения избирательных прав граждан будут своевременно пресекаться, то такие нововведения на выборах смогут конструктивно сказаться на электоральном поведении верующих избирателей.

Всем этим законодатель стремится обеспечить демократический характер выборов, апеллируя к правосознанию наших граждан, подразумевая высокий уровень правовой и электоральной культуры российского общества и постепенно ориентируя на него жителей нашей страны. Однако прямому правовому регулированию электоральное поведение избирателей не подлежит. Этим объясняется тот факт, что юридические предпосылки электоральной активности и особенности правового воздействия на эту сферу в научной литературе исследуются мало. Внимание ученых сосредоточено в основном на политическом, социологическом, практическом аспектах электорального поведения избирателей. Узконаправленное исследование механизма правового регулирования этих процессов пытается проводить, например, Т. Г. Шахназарян, работы которой имеют глубокую теоретическую составляющую. Она предлагает рассматривать «механизм правового регулирования в сфере электоральных отношений *как воспринимаемую в единстве систему всех последовательно организованных юридических средств*, использование которых обеспечивает эффективное специально-юридическое воздействие на электоральные отношения, т. е. урегулированные правом отношения в сфере избирательного процесса»[9].

Далее считаем логичным обратиться к официальной позиции наиболее востребованных в нашей стране религиозных организаций относительно *электоральной активности* верующих избирателей. Для этого целесообразно ознакомиться с доктринальными документами крупных централизованных религиозных организаций, где сформулированы их позиции по наиболее важным проблемам жизни современного общества и человека, в том числе затронута сфера государственно-конфессионального взаимодействия, отражено их видение собственных возможностей в решении насущных проблем современности[10]. К таким документам относятся социальные концепции и доктрины, официально утвержденные централизованными религиозными организациями.

1. Православие является доминирующим в России направлением христианства. По состоянию на 2021 г. к православию себя относят примерно 66 % россиян[11].

Основы социальной концепции Русской православной церкви (утв. Архиерейским собором в 2000 г.) в своей структуре содержат самостоятельный III раздел, именуемый «Церковь и государство», посвященный их взаимодействию. Такое сотрудничество, главным образом, основано на их невмешательстве в дела друг друга. В качестве разъяснения этой позиции в документе подчеркивается, что «существуют области, в которых священнослужители и канонические церковные структуры не могут оказывать помощь государству, сотрудничать с ним. К ним относятся: политическая борьба, предвыборная агитация, кампании в поддержку тех или иных политических партий, общественных и политических лидеров»[12]. Раздел V данного документа – «Церковь и политика» – более детально конкретизирует позицию РПЦ относительно политической сферы. В этом разделе особо подчеркивается, что «перед лицом политических разногласий, противоречий и борьбы Церковь проповедует мир и соработничество людей, придерживающихся различных политических взглядов. Она также допускает наличие различных политических убеждений среди ее епископата, клира и мирян, за исключением таких, которые явно

[9] *Шахназарян Т. Г.* Механизм правового регулирования в сфере электоральных отношений : понятие и структура // Kant. 2015. № 1. С. 93.

[10] См. подробнее: *Зуев Ю. П.* Социальные концепции религиозных объединений России : первый опыт самоопределения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 35.

[11] См. подробнее: В России за четыре года вдвое выросло число атеистов. URL: https://www.rbc.ru/society/23/03/2021/6059a2fd9a7947c314aab9c4 (дата обращения: 04.03.2022).

[12] См. подробнее: Основы социальной концепции Русской православной церкви. Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека. М., 2018. С. 13–29.

ведут к действиям, противоречащим православному вероучению и нравственным нормам церковного Предания». Участие церковного Священноначалия и священнослужителей в деятельности политических организаций, в предвыборных процессах и предвыборной агитации признано невозможным[13].

2. Ислам в России тоже имеет древние исторические корни. Основными регионами его распространения являются Среднее и Нижнее Поволжье, Сибирь, Северный Кавказ. Традиционно ислам исповедуют татары, башкиры, аварцы, чеченцы, лезгины, кабардинцы, карачаевцы, балкары, черкесы, кумыки, ингуши и часть осетин. Общая численность мусульман в России – более 20 млн человек[14]. В процентном выражении по состоянию на 2021 г. это составляет 6 %[15].

Социальная доктрина российских мусульман, принятая в обновленной редакции в июне 2015 г., тоже содержит в своей структуре специальный VI раздел, характеризующий «отношение мусульман к государству и политике». Доктрина рассматривает государственный закон в качестве общественного договора, имеющего обязательную силу для всех его участников – граждан этого государства. «Государство и его законы суть средство обеспечения естественных и основных прав всех своих граждан. В условиях действия закона, защищающего основные права и свободы человека, для всех мусульман является не только гражданским, но и религиозным долгом соблюдение норм законодательства своей страны как высшего договора между гражданами. Неисполнение действующего общественного договора (закона) и вытекающих из него гражданских обязанностей… признается греховным и недопустимым»[16]. Достаточно большое внимание в анализируемом документе уделено понятию «Родина», подчеркивается необходимость осуществления мусульманами своих гражданских прав и обязанностей, в том числе касающихся участия в жизни общества, в политической и общественной деятельности.

3. Буддизм. Традиционными регионами России, где живут буддисты, являются республики Бурятия, Тува, Калмыкия, Читинская и Иркутская области. Эти территории исторически самым тесным образом были связаны с влиянием монгольской и тибетских культур[17]. Численность этнических буддистов упомянутых регионов по данным религиозных организаций составляет около 900 тысяч человек. В последние годы буддийские общины возникли также в Москве, Санкт-Петербурге, Самаре и некоторых других крупных городах, не связанных с традиционными регионами распространения буддизма. Число буддистов в указанных городах, согласно опросам, составляет около 1 % от общей численности населения. Примерно такой же процент буддистов по состоянию на 2021 г. присутствует в масштабе всей страны. То есть общая численность буддистов в России составляет примерно 1,4 млн человек[18].

Социальная концепция буддизма вытекает непосредственно из его вероучения и в качестве официально утвержденного письменного документа не оформлена. Вклад современной буддийской общины в строительство гражданского общества состоит в открытом провозглашении религиозных ценностей в их социальном воспроизведении. Фундаментальными буддийскими ценностными доминантами являются следующие: отвержение любых форм насилия, религиозная, этнокультурная, расовая, социальная толерантность, миротворчество, неприятие любых форм деспотизма. Признание за человеком права на свободу выбора вполне сочетается с ценностями гражданского общества. Российскому правовому государству адресуется сообщение о социальной бесконфликтности и толерантности буддийских религиозных ценностей[19].

---

[13] Основы социальной концепции Русской православной церкви. Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека.

[14] См.: *Пискунов А. И., Бурдина О. Б., Рязанов С. М.* Мировые религии в современном социуме : основы вероучений и предотвращение преступлений на межэтнической и межконфессиональной почве : учеб. пособие. М., 2019. С. 64.

[15] См. подробнее: В России за четыре года вдвое выросло число атеистов. URL: https://www.rbc.ru/society/23/03/2021/6059a2fd9a7947c314aab9c4 (дата обращения: 04.08.2022).

[16] Социальная доктрина российских мусульман. М., 2017. С. 52.

[17] См.: *Пискунов А. И., Бурдина О. Б., Рязанов С. М.* Указ. соч. С. 26.

[18] Религии и конфессии в Российской Федерации. Блог Храмы, церкви, соборы, часовни, прочие святыни и объекты монастырей в столице России (автор Анатолий Сёмушкин). URL: https://monastyri-moskvy.ru/izbrannoe/religii-i-konfessii-v-rossijskoj-federacii/ (дата обращения: 09.08.2022).

[19] См. подробнее: *Островская-мл. Е. А.* Российский буддизм в оправе гражданского общества // Вестник

4. Протестантизм, начало которому положила эпоха Реформации, является одним из самых распространенных, наряду с православием и католицизмом, направлений христианства. Как исповедание веры он существует уже пять столетий и в наши дни охватывает своим влиянием около полумиллиарда людей во множестве стран мира, включая Россию[20]. По состоянию на 2021 г. число протестантов в нашей стране составляет примерно 1 %[21]. Но поскольку протестантские христианские деноминации пользуются стабильной востребованностью в российском обществе, а уровень интереса к их вероучению имеет тенденции к усилению, считаем целесообразным также обратить внимание на *Социальную позицию протестантских церквей России* (принята в качестве официального доктринального документа Консультативным советом глав протестантских церквей России в 2003 г.). В III разделе Социальной позиции, который называется «Церковь и государство», обозначено уважительное отношение к государству и подчеркивается, что «христиане-протестанты считают для себя обязательным исполнение законов страны». Раздел IV данного документа более детально раскрывает положительное отношение христиан-протестантов к участию в общественно-политической жизни, в том числе к реализации избирательных прав, обосновывая целесообразность конструктивной гражданской активности верующих граждан[22].

В контексте всех вышеприведенных рассуждений необходимо определить *статус доктринальных документов* религиозных организаций, осуществляющих свою деятельность на территории России, и их возможную роль в регулировании государственно-конфессиональных отношений. Действующее российское законодательство не содержит конкретного упоминания о социальных концепциях (доктринах) религиозных организаций и не характеризует их сферу воздействия на общественные отношения, связанные с религиозным элементом. Для этих целей законодатель использует термин общего характера – внутренние установления религиозных организаций. В частности, ч. 1–2 ст. 15 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» закрепляет, что «религиозные организации действуют в соответствии со своими внутренними установлениями, если они не противоречат законодательству Российской Федерации и обладают правоспособностью, предусматриваемой в их уставах. Государство уважает внутренние установления религиозных организаций, если указанные установления не противоречат законодательству Российской Федерации». Вместе с тем, как справедливо подчеркивает П. В. Сергеев, «нормативные правовые акты не дают какой-либо дефиниции внутренних установлений религиозных организаций, хотя сама по себе данная конструкция не нова и существует в российском постперестроечном праве весьма длительное время»[23].

В настоящее время в науке сложилось несколько подходов к пониманию юридической природы внутренних установлений. Например, Т. П. Ведешкина подчеркивает, что «данная правовая категория является оценочной, поскольку выработать исчерпывающее определение ее содержания крайне затруднительно. Более того, содержание понятия «внутренние установления» не будет идентичным в разных конфессиях ввиду наличия в основе каждой из них своих основных священных текстов». Она относит внутренние установления к *нетипичным источникам права*, поскольку «обязательным признаком нормативного акта является его издание особыми субъектами – компетентными государственными органами»[24]. Внутренние установления религиозных организаций таким признаком не об-

Русской христианской гуманитарной академии. 2008. Т. 9, № 1. С. 185–191.

[20] См.: *Смирнов М. Ю.* Реформация и протестантизм : словарь. СПб., 2005. С. 3.

[21] См. подробнее: В России за четыре года вдвое выросло число атеистов. URL: https://www.rbc.ru/society/23/03/2021/6059a2fd9a7947c314aab9c4 (дата обращения: 04.08.2022).

[22] Социальная позиция протестантских церквей России : принята Консультативным советом глав протестантских церквей России в 2003 г. // Официальный сайт христианского межконфессионального консультативного комитета. URL: https://www.xmkk.org/2014/02/479 (дата обращения: 09.08.2022).

[23] *Сергеев П. В.* Юридическая природа внутренних установлений религиозных организаций // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. № 3 (16). С. 270–273.

[24] *Ведешкина Т. П.* Внутренние установления религиозных организаций как нетипичный источник трудового права // Российское право : образование, практика, наука. 2020. № 4. С. 157, 161.

ладают. Противоположную позицию относительно правовой природы внутренних установлений имеет П. В. Сергеев. Он считает, что «под нормой права могут пониматься не только установленные государством предписания, *но и санкционированные или признаваемые им критерии дозволенного, запрещенного или предписанного*. С этой точки зрения ряд внутренних установлений (не противоречащих отечественному законодательству и имеющих регламентирующее значение) *вполне может быть отнесен к правовым нормам* в силу их признания в качестве регулятора деятельности религиозных организаций на уровне федерального закона»[25]. Его аргументация базируется на определении нормы права, сформулированном С. С. Алексеевым. Выдающийся ученый рассматривал норму права как «общеобязательное правило поведения, *выраженное в законах, иных признаваемых государством источниках* и выступающее в качестве критерия правомерно-дозволенного (а также запрещенного и предписанного) поведения субъектов права»[26].

Не менее важна и интересна точка зрения А. С. Смыкалина по этому поводу. Поскольку внутренние установления религиозных организаций *составляют сферу канонического права, то к его источникам новейшей эпохи* он относит в том числе и доктринальные документы крупных религиозных организаций нашей страны – основы социальных концепций (доктрин) и т. п., характеризующие их духовно-нравственную позицию в условиях светского государства[27]. При этом, анализируя соотношение канонического права и российской правовой системы, А. С. Смыкалин приходит к выводу, что «*каноническое право принимает характер корпоративного права*, нормы которого *взаимодействуют* с нормами государственного права»[28].

Таким образом, очевидно, что внутренние установления религиозных организаций (включая их доктринальные документы) приобретают *особою ценность* для современной правовой системы России как светского и многоконфессионального государства.

В результате проведенного анализа *широкого круга источников, имеющих важное правовое и регулирующее значение,* становится очевидным вывод, что в рамках правового поля негативного влияния религиозных объединений на электоральную активность верующих граждан не обнаруживается. Рассмотрим данный вопрос в сугубо практической плоскости.

Ю. В. Карпич, анализируя влияние религиозности на политический выбор православных верующих в России, обнаружила следующие основные закономерности.

1. Из-за особенностей российской религиозности исследуемый аспект электорального поведения требует существенных уточнений. Большинство россиян причисляют себя к одной церкви – Православной, но при этом не практикуют веру. В связи с этим целесообразно говорить о смещении православной принадлежности в сторону гражданской идентичности.

2. Политические установки верующих вполне могут зависеть от уровня их религиозности. Так, индекс воцерковленности разделяет группу верующих (выделенных по принципу самоидентификации) в зависимости от интенсивности религиозных практик. Этот индекс отражает вовлеченность человека в церковную жизнь, согласие верующих с влиянием церкви, которое она осуществляет через установление принципов «образа жизни» и «образа мысли». Наблюдение за практиками помогает сделать вывод об изменении мировоззрения. При воцерковлении вполне возможно изменение ценностных установок: могут усиливаться националистические, традиционалистские настроения; параллельно возможно снижение интереса к мирским делам в целом и участию в выборах в частности.

3. Влияние религиозности имеет дополнительный эффект. Религиозные убеждения складываются со светскими. При этом в случае согласования они будут способствовать электоральной поддержке действующей власти, в случае противоречия — подталкивать к другому варианту электоральных предпочтений или стимулировать абсентеизм.

4. Большая религиозность делает группу наиболее религиозных верующих требовательными к нравственности[29].

[25] *Сергеев П. В.* Указ. соч. С. 271.

[26] *Алексеев С. С.* Государство и право : учеб. пособие. М., 2019. С. 47.

[27] См. подробнее: *Смыкалин А. С.* Каноническое право (на примере Русской православной церкви XI–XXI вв.) : учеб. пособие. М. ; Екатеринбург, 2019. С. 45–49.

[28] Там же. С. 267.

[29] См. подробнее: *Карпич Ю. В.* Влияние религиозности на политический выбор православных верующих в России (на примере Липецкой области) // Вестник Пермского ун-та. Политология. 2020. Т. 14, № 4. С. 85–97.

Интересной позиции относительно влияния уровня религиозности граждан Российской Федерации на их электоральное поведение придерживаются Е. Р. Никулин и А. Е. Шубин. В своем исследовании социологической направленности они подчеркивают специфику постсекулярного пространства России, видя в религиозном сознании российского общества тенденции к усилению в силу особых исторических, национально-культурных и социальных причин. Проведя глубокий многоаспектный анализ влияния разнообразных религиозных и светских убеждений значительного числа респондентов (в анкетировании, проведенном исследователями, приняло участие 234 человека, проживающих в российских городах-миллионниках), Е. Р. Никулин и А. Е. Шубин пришли к следующим основным выводам.

1. Религиозный фактор имеет довольно ограниченную роль в российском электоральном процессе и не имеет решающего либо вообще значительного влияния на исход электорального цикла.

2. Несмотря на это, в России существует заметная разница между тем, как голосуют приверженцы различных религиозных убеждений. Респонденты, считающие себя православными христианами и мусульманами, отдают предпочтение одним и тем же политическим силам, с той значительной разницей, что мусульмане (как сунниты, так и шииты) в разы чаще посещают избирательные участки. Вероятнее всего это происходит из-за более высокой консолидации мусульманских семей и сообществ. Атеисты и агностики значительно реже голосуют за политические силы и кандидатов, представляющих правящие элиты, и реже посещают избирательные участки.

3. Чем меньше степень религиозности человека, тем с меньшей долей вероятности он отдает свой голос представителям действующей власти. Граждане, положительно относящиеся к представителям иных религиозных конфессий, чаще поддерживают политические организации, представляющие действующую власть, чем граждане, относящиеся к лицам иного вероисповедания нейтрально или отрицательно.

4. Усиление внутриконфессиональной консолидации граждан, придерживающихся православных взглядов, а также сокращение числа неверующих россиян либо их вовлечение в активную электоральную политику смогло бы сыграть весомую роль в расстановке сил на политической карте России[30].

Считаем целесообразным привести точку зрения М. И. Богачева и К. В. Сорвина относительно влияния православных священнослужителей на электоральные предпочтения прихожан. В процессе своего социологического исследования эти авторы отстаивают позицию, что «около 21,1 % опрошенных ими респондентов могут быть идентифицированы как подвергающиеся прямому политическому влиянию священников и членов православных общин». Их аргументация причин и последствий политизации религии, а также возможного влияния священнослужителей Русской православной церкви на электоральную активность верующих избирателей сводится к следующему.

1. В процессе проповеди и высказывания своей нравственной позиции священник в некоторых случаях затрагивает политические вопросы, упоминает о роли государства в жизни общества, в том числе обращаясь к знаковым событиям и глубоким проблемам отечественной истории дореволюционного, постреволюционного и советского периодов.

2. В процессе личного общения с конкретным прихожанином, когда тот обращается за духовным советом, в том числе в период выборов, священнослужитель может анализировать ситуацию через призму нравственной позиции церкви и давать конкретные рекомендации относительно электорального поведения верующего православного христианина. Эти авторы находят в такой деятельности священнослужителей признаки политической агитации (ч. 2 ст. 48 Федерального закона № 67) и классифицируют данные действия духовенства в зависимости от числа граждан, подпадающих под воздействие. То есть М. И. Богачев и К. В. Сорвин такую агитацию подразделяют на индивидуальную (может быть реализована в процессе личной беседы священнослужителя с прихожанином) и на массовую (реализация возможна в процессе коллективной проповеди). В зависимости *от степени очевидности призыва* они выделяют *прямую и косвенную агитацию*. К прямой, по их мнению, может быть отнесена информация, которая в явной и четкой форме побуждает человека к из-

[30] См. подробнее: *Никулин Е. Р., Шубин А. Е.* Влияние религиозной идентичности на политический выбор в современной России // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. Вып. № 9 (37). С. 287–306.

бранию или действиям обратного характера в отношении определенной партии или кандидата. Косвенной агитацией являются сведения, которые побуждают человека к голосованию за политическую силу или воздержанию от такового в неявном, завуалированном виде, когда информация о том или ином кандидате или партии преподносится в выгодном или же, наоборот, порочащем свете.

3. На электоральные результаты также может влиять публичная аффилиация политической силы с той или иной религией (например, присутствие первых лиц государства и глав регионов на праздничных богослужениях)[31].

Данная точка зрения авторов заслуживает внимания и глубокой научно-практической оценки, но в то же время носит весьма дискуссионный характер и не должна восприниматься однозначно, поскольку отождествление публичных выступлений священнослужителей в процессе пастырского служения и индивидуального духовного консультирования прихожан с предвыборной агитацией уместно далеко не во всех случаях, признаки предвыборной агитации четко закреплены в ст. 48 Федерального закона № 67-ФЗ, поэтому при оценке проповеди и иных высказываний духовенства по этим критериям необходимо соблюдать разумный баланс. Полный и категорический запрет служителям культа на упоминание в публичных выступлениях о роли государства в жизни общества и происходящих общественно-политических процессах вряд ли возможен. Здесь необходимо учитывать контекст конкретных выступлений, их цели, задачи, пропорцию высказываний сугубо политического характера и духовно-ориентированных разъяснений, вытекающих из профессиональной компетенции священнослужителя.

В данном контексте необходимо обратить внимание на стремительно расширяющиеся масштабы медиаслужения религиозных деятелей различной конфессиональной направленности (как отечественных, так и зарубежных), организованного посредством широкого использования современных IT-технологий. Сегодня каждая крупная религиозная организация стремится к развитию собственных интернет-ресурсов: официальных сайтов, теле- и радиоканалов, каналов на платформе популярных видеохостингов и мессенджеров (YouTube, RuTube, Telegram Messenger и др.), а также аккаунтов (виртуальных групп и сообществ) на площадке наиболее востребованных пользователями социальных сетей. Обилие программ просветительского характера, предполагающих духовно-религиозные разъяснения священнослужителей по различным вопросам личной и общественной жизни верующей части населения непрерывно расширяют свою интернет-аудиторию и оказывают значительное влияние на религиозное и светское самосознание многих людей.

В большей степени такие современные реалии информационного процесса стоит оценивать положительно. Однако встречаются и негативные результаты. Например, известный священнослужитель в интервью корреспонденту о необходимости участия в выборах высказал сначала нейтральную позицию Русской православной церкви по этому вопросу, а потом свою личную позицию о том, что ему в качестве оптимальной формы государственного правления импонирует конституционная монархия, авторитет выборов для него не слишком высок и не во всех случаях целесообразен. В данном случае, на наш взгляд, авторитетность личности священнослужителя вполне может повлиять на восприятие аудиторией его позиции. Аналогичные примеры встречаются и в других конфессиях.

Рассмотрим еще одну научную позицию относительно взаимовлияния общественных отношений, складывающихся в духовно-религиозной и электоральной сферах, которую, опираясь на разнообразие конфессиональных предпочтений российских граждан, предлагает И. А. Паленый[32]. Его аргументация по данным вопросам сводится к следующим основным выводам.

1. Гражданин, обладающий избирательным правом, в процессе реализации своих религиозных потребностей *становится обладателем и особой формы правосознания*, уровень и содержание которого зависит *от принадлежности к той или иной религиозной конфессии*. Исходя из этого гражданин формирует свое отношение к исполнению гражданского долга, в частности участия в выборах.

[31] См. подробнее: *Богачев М. И., Сорвин К. В.* Политика в церкви : воздействуют ли священники на электоральные предпочтения православных верующих? // Мир России. Социология. Этнология. 2019. № 4. С. 68–91.

[32] См. подробнее: *Паленый И. А.* Вопросы регулирования духовно-культурных отношений и избирательное право в Российской Федерации // Северо-Кавказский юрид. вестник. 2015. № 3. С. 152–157.

2. В ряде случаев целесообразно говорить *о непосредственной форме влияния* религиозных институтов на избирательный процесс в России. Так, граждане РФ, являясь членами той или иной религиозной организации и следующие канонам и правилам жизни, предписываемым этой организацией, могут на основании таких канонов отказаться от своих избирательных прав, что, без сомнения, отражается на политических процессах.

3. В некоторых случаях вполне возможна *смешанная форма влияния* религиозных институтов и религиозного самосознания граждан РФ на избирательный процесс, при которой происходит взаимодействие и слияние правового и религиозного правосознания. Это происходит, например, в ситуации когда тот или иной кандидат или партия в своей избирательной программе выдвигают соответствующие предложения, основанные на взглядах, близких религиозно-нравственной позиции приверженцев той или иной религии. Иными словами, участники избирательного процесса опираются в своем выборе на такую форму правосознания, которая базируется не только на праве, но и на нравственных и религиозных идеях.

4. В современных реалиях жизни возможна и *отрицательная форма влияния* религиозного института на политические (в том числе электоральные) процессы. Такое восприятие избирательной правосубъектности отдельными верующими гражданами может быть сформировано религиозными объединениями деструктивной направленности, так называемыми сектами, которые характеризуются высокой степенью закрытости и резко отрицательным отношением к светской жизни[33].

Считаем, что данная классификация форм влияния религиозных институтов на электоральный процесс является вполне объективной, имеющей определенное теоретическое и практическое значение. Однако целесообразно добавить к ней еще одну форму, а именно *форму влияния фактора религиозности, обусловленную индивидуальным духовно-нравственным поиском личности.* Это вызвано учетом вполне закономерного стремления верующего человека к совершенствованию своей духовной жизни, посредством самостоятельного изучения священных книг (обладающих высоким уровнем авторитета среди верующих) в соответствии со своей религиозной идентичностью. Важно понимать, что индивидуальная позиция человека, сформированная под влиянием изучения данных книг, вполне может привести к доминированию его религиозных потребностей над социальными и так называемому «уходу от мира». Такая позиция отстраненности от секулярного мира и общественных процессов, происходящих в нем, вполне может быть следствием неверного восприятия и интерпретации священных текстов конкретной личностью. Ведь эти тексты, безусловно, обладают высоким уровнем сложности и порождают широкое многообразие интерпретаций и толкований. В связи с этой особенностью священных текстов в 2015 г., по предложению Президента РФ, во избежание проблем в практике правоприменения в Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. от 14.07.2022)[34] были внесены поправки, запрещающие признание экстремистскими священных книг наиболее распространенных в России религий (Библии, Корана, Танаха и Ганджура), а также отдельных цитат из них (ст. 3.1 данного закона)[35]. С учетом сложности и неординарности этого объекта правового воздействия, такое законодательное решение стоит считать правильным.

В целях минимизации последствий отрицательного воздействия религиозных институтов на электоральный процесс и в целом на сферу реализации политических прав граждан считаем целесообразным принятие следующих правовых и организационных мер профилактического характера.

1. В ряде публикаций нами поддерживается и аргументируется позиция о целесообразности разработки и принятия Стратегии государственно-конфессиональной политики РФ, отвечающей современным достижениям правотворчества и реалиям правоприменения. В структуре такой Стратегии вполне возможен *специальный раздел, где следует конкретизировать соотношение интересов государства* в сфере реализации гражданами своих конституционных прав и обя-

[33] См.: *Паленый И. А.* Указ. соч. С. 152–157.

[34] Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

[35] См. подробнее: *Афанасьев С. Д.* Современная российская модель государственно-конфессиональных отношений : конституционно-правовые основы : дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. С. 88.

занностей (в том числе избирательных) и интересов религиозных объединений в сфере реализации свободы совести и вероисповедания.

2. Целесообразно также дополнить ст. 4 Федерального закона № 125-ФЗ *частью 2.2* в следующей редакции: «Российская Федерация обеспечивает полноценную реализацию своими гражданами комплекса их конституционных прав и обязанностей, создает условия для их защиты и всестороннего обеспечения, созидания гражданского мира и согласия на своей территории. Религиозные объединения, а также их служители и иной религиозный персонал в процессе своей деятельности, в публичных и иных выступлениях не вправе прямо или косвенно призывать к игнорированию гражданами основ конституционного строя Российской Федерации, конституционных прав и обязанностей человека и гражданина, неуважительному отношению к традициям, культуре, истории народов России».

3. На уровне Федерального закона № 125-ФЗ необходима конкретизация содержательной сути термина «внутренние установления религиозных организаций» и четкое упоминание о важности учета таких доктринальных документов, как социальные концепции (доктрины, позиции, основы и т. п.), централизованных религиозных организаций для гармонизации межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношений в стране. Фиксация этих конкретизирующих положений возможна в ст. 15 данного закона.

На наш взгляд, такие законодательные уточнения вполне оправданы и не нарушают конституционного принципа отделения религиозных объединений от государства. Ведь религиозные объединения функционируют на территории государства, их деятельность реализуется в законодательно установленных пределах, они выступают значимыми субъектами гражданского общества. И государство, и религиозные объединения по некоторым аспектам деятельности имеют общие цели, которые в своей основе сводятся к построению более справедливого общества с высокими нравственными идеалами. Как уже упоминалось ранее, Российская Федерация признает себя демократическим, правовым и социальным государством. А демократия, по справедливому утверждению Б. С. Эбзеева, «питается той духовной пищей, которая выработана в обществе. Она сильна лишь при условии, что она оплодотворена справедливостью, а народная воля и гражданская активность, бережно храня тысячелетнюю государственность, направлены не на разрушение, а на созидание»[36]. Именно такое видение фундаментальных основ демократии открывает для России широкие перспективы успешного развития.

Библиографический список

Алексеев С. С. Государство и право : учеб. пособие. М. : Проспект, 2019. 152 с.

Афанасьев С. Д. Современная российская модель государственно-конфессиональных отношений : конституционно-правовые основы : дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. 220 с.

Бандикян М. Д. Реализация активного избирательного права отдельными категориями граждан : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Пенза, 2020. 27 с.

Ведешкина Т. П. Внутренние установления религиозных организаций как нетипичный источник трудового права // Российское право : образование, практика, наука. 2020. № 4. С. 156–163.

Захаров О. В. Социальные механизмы воздействия на электоральное поведение : автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 2012. 28 с.

Зуев Ю. П. Социальные концепции религиозных объединений России : первый опыт самоопределения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 35–44.

Капранова Ю. В. Формы и методы формирования и повышения электоральной активности как объекта управления // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 4. С. 29–35.

Капранова Ю. В. Электоральная активность : подходы к определению и технологии ее повышения // Ученые записки Крымского федерального ун-та имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74), № 1. С. 31–36.

Карпич Ю. В. Влияние религиозности на политический выбор православных верующих в России (на примере Липецкой области // Вестник Пермского ун-та. Политология. 2020. Т. 14, № 4. С. 85–97.

Коваленко О. В. Факторы, влияющие на электоральную активность отдельных категорий избирателей // Российское право : образование, практика, наука. 2015. № 2 (86). С. 43–45.

Никулин Е. Р., Шубин А. Е. Влияние религиозной идентичности на политический выбор в современной России // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. Вып. № 9 (37). С. 287–306.

Основы социальной концепции Русской православной церкви. Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах

[36] *Эбзеев Б. С.* Конституция, власть и свобода в России : опыт синтетического исследования. М., 2014. С. 201.

человека. М. : Изд-во Моск. Патриархии Русской православной церкви, 2018. 176 с.

Островская-мл. Е. А. Российский буддизм в оправе гражданского общества // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2008. Т. 9, № 1. С. 185–191.

Паленый И. А. Вопросы регулирования духовно-культурных отношений и избирательное право в Российской Федерации // Северо-Кавказский юрид. вестник. 2015. № 3. С. 152–157.

Пискунов А. И., Бурдина О. Б., Рязанов С. М. Мировые религии в современном социуме : основы вероучений и предотвращение преступлений на межэтнической и межконфессиональной почве : учеб. пособие. М. : Проспект : Пермский ин-т ФСИН России, 2019. 136 с.

Сергеев П. В. Юридическая природа внутренних установлений религиозных организаций // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. № 3 (16). С. 270–273.

Социальная доктрина российских мусульман. М. : Алтын Мирас, 2017. 96 с.

Смыкалин А. С. Каноническое право (на примере Русской православной церкви XI–XXI вв.) : учеб. пособие. М. : Проспект ; Екатеринбург : Изд. дом Уральского гос. юрид. ун-та, 2019. 394 с.

Тихонова Л. Е. Понятие «электоральная активность» и формы ее позитивного проявления // Приоритетные направления развития образования и науки : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. / редколлегия: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары, 2017. С. 52–55.

Шахназарян Т. Г. Механизм правового регулирования в сфере электоральных отношений : понятие и структура // Kant. 2015. № 1. С. 90–93.

Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России : опыт синтетического исследования. М. : Проспект, 2014. 336 с.

References

Alekseev S. S. State and law: textbook. M. : Prospekt, 2019. 152 p.

Afanasiev S. D. Modern Russian model of state-confessional relations: constitutional and legal foundations: diss. ... Ph.D. M., 2020. 220 p.

Bandikyan M. D. Implementation of active suffrage by certain categories of citizens: author. diss. ... Ph.D. Penza, 2020. 27 p.

Vedeshkina T. P. Internal regulations of religious organizations as an atypical source of labor law // Russian law: education, practice, science. 2020. № 4. P. 156–163.

Zakharov O. V. Social mechanisms of influence on electoral behavior: Ph.D. diss. ... cand. sociological Sciences. M., 2012. 28 p.

Zuev Yu. P. Social Concepts of Russian Religious Associations: The First Experience of Self-Determination // State, Religion, Church in Russia and Abroad Journal. 2010. № 4. P. 35–44.

Kapranova Yu. V. Forms and methods of forming and increasing electoral activity as an object of management // Yurist-Pravoved. 2021. № 4. P. 29–35.

Kapranova Yu. V. Electoral activity: approaches to the definition and technology of its increase // Uchenye zapiski Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky Jurisprudence. 2022. T. 8 (74), № 1. P. 31–36.

Karpich Yu. V. The influence of religiosity on the political choice of Orthodox believers in Russia (on the example of the Lipetsk region // Bulletin of the Perm University. Political science. 2020. Vol. 14, № 4. P. 85–97.

Kovalenko O. V. Factors affecting the electoral activity of certain categories of voters // Russian law: education, practice, science. 2015. № 2 (86). P. 43–45.

Nikulin E. R., Shubin A. E. Influence of Religious Identity on Political Choices in Contemporary Russia // Skif. Issues of student science. 2019. Issue 9 (37). P. 287–306.

Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church. Fundamentals of the teaching of the Russian Orthodox Church on dignity, freedom and human rights. M. : Publishing house of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2018. 176 p.

Ostrovskaya-ml. E. A. Russian Buddhism in the framework of civil society // Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities. 2008. Vol. 9, № 1. P. 185–191.

Paleny I. A. Questions of regulation of spiritual and cultural relations and suffrage in the Russian Federation // North Caucasian legal bulletin. 2015. № 3. P. 152–157.

Piskunov A. I., Burdina O. B., Ryazanov S. M. World religions in modern society : the foundations of beliefs and the prevention of crimes on interethnic and interfaith grounds: a textbook. M. : Prospect ; Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2019. 136 p.

Sergeev P. V. Legal nature of the internal regulations of religious organizations // Baltic Humanitarian Journal. 2016. № 3 (16). P. 270–273.

Social doctrine of Russian Muslims. M/: Publishing House «Altyn Miras», 2017. 96 p.

Smykalin A. S. Canon law (on the example of the Russian Orthodox Church of the XI–XXI centuries): textbook. allowance. M. : Prospect ; Yekaterinburg : Ural State Law University Publishing House, 2019. 394 p.

Tikhonova L. E. The concept of «electoral activity» and the forms of its positive manifestation // Priority

directions for the development of education and science. Collection of materials of the II International scientific-practical conference. In 2 volumes. Editorial Board: O. N. Shirokov [et al.]. Cheboksary. 2017. P. 52–55.

Shakhnazaryan T. G. The mechanism of legal regulation in the field of electoral relations: concept and structure // Kant. 2015. № 1. P. 90–93.

Ebzeev B. S. Constitution, power and freedom in Russia: Experience of synthetic research. M. : Prospekt, 2014. 336 p.

Воронежский государственный университет
Судакова С. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права
E-mail: sophyasudakova@mail.ru

Поступила в редакцию: 14.11.2022

Для цитирования:
Судакова С. В. Электоральная активность в контексте религиозно-мировоззренческих ценностей личности: правовой и практический аспекты формирования в условиях светскости Российского государства // Вестник Воронежского государственного университета Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 53–65. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/53-65.

Voronezh State University
Sudakova S. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Constitutional and Municipal Law Department
E-mail: sophyasudakova@mail.ru

Received: 14.11.2022

Recommended citation:
Sudakova S. V. Electoral activity in the context of religious and worldview values of a personality: legal and practical aspects of formation in the secular conditions of the Russian State // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 53–65. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/53-65.

УДК 343; 338.984
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/66-77

ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕНЕДЖМЕНТА ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Т. Г. Хатеневич

Учреждение образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий»

LEGAL INSTRUMENTS TO IMPROVE THE MANAGEMENT OF INNOVATION ACTIVITIES ON THE EXAMPLE OF THE EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

T. G. Khatsianevich

Educational Institution «BIP – University of law and social-information technologies»

Аннотация: обозначена проблема определения круга субъектов современного менеджмента инновационной деятельности и развития экономических отношений, определена роль государства и его институтов в обеспечении эффективного функционирования национальной инновационной системы. Государство рассматривается в качестве управляющего субъекта осуществления инновационной политики, что предопределяет необходимость совершенствования механизмов государственного стимулирования создания и внедрения инноваций. В числе основных элементов менеджмента инновационной деятельности названы правовые средства. Развитие правовых инструментов управления инновационной активностью должно способствовать позитивным изменениям в экономической сфере общественной жизни. Эти изменения возможны не только при активном участии государства в качестве управляющей инстанции в сфере инновационной политики, но и усилении его роли как организатора механизмов благоприятствования инициативной инновационной деятельности субъектов хозяйствования. Предложены правовые средства совершенствования инновационного менеджмента, позволяющие повысить результативность инновационного развития экономики с учетом определения возможных пределов участия государства в решении этой задачи.
Ключевые слова: инновации, управление инновационной деятельностью, инновационный менеджмент, инновационная экономика.

Abstract: the paper outlines the problem of determining the range of subjects of modern management of innovation activity and the development of economic relations, determines the role of the state and its institutions in ensuring the effective functioning of the national innovation system. The state is considered as a managing subject for the implementation of innovation policy, which predetermines the need to improve the mechanisms of state incentives for the creation and implementation of innovations. Among the main elements of the management of innovation activities, legal means are identified. The development of legal instruments for managing innovation activity should contribute to positive changes in the economic sphere of public life. These changes are possible not only with the active participation of the state as a governing body in the field of innovation policy, but also with the strengthening of its role as an organizer of mechanisms that favor the initiative innovation activity of business entities. Legal means of improving innovation management are proposed, which make it possible to increase the effectiveness of innovative development of the economy, taking into account the determination of the possible limits of state participation in solving this problem.
Key words: innovation, innovation management, innovation management, innovation economy.

© Хатеневич Т. Г., 2023

Республика Беларусь, как и Российская Федерация, стремится к обеспечению доступными средствами экономически благоприятной среды для реализации интересов человека и развития бизнеса. Такая экономическая политика направлена на неуклонный рост благосостояния и повышенияе качества жизни, защиту материальных, социальных и культурных интересов граждан. В то же время современные условия усиливающейся межгосударственной конкуренции, финансово-экономические кризисы последних десятилетий в мировой экономике предопределяют ситуацию, когда для успешного экономического роста необходимы создание и освоение перспективных инновационных технологий и институтов. Это невозможно без продуманного менеджмента инновационной деятельности.

Одним из инструментов управления инновациями, создания и внедрения инновационных товаров в гражданский оборот является инновационная политика. Роль государства в разработке и реализации инновационной политики весьма значима. Именно государство выступает в качестве надрыночного института, определяет необходимые условия для развития инновационной активности. Государство берет на себя функцию управляющего субъекта в развитии инновационно-конкурентной среды общественных отношений. Это связано с необходимостью совершенствования на национальном уровне механизмов содействия созданию и распространению инноваций.

Достижение стратегических целей повышения конкурентоспособности национальной экономики посредством инновационных преобразований требует не только повышения эффективности регулирующей роли государства, но и приложение усилий бизнеса. Только совместная работа по выявлению и использованию инновационного потенциала может создать кумулятивный эффект движения в заданном направлении инновационного преобразования общества. В связи с этим необходимо отметить следующее. С одной стороны, государство осуществляет воздействующее регулирование инновационных общественных отношений. С другой стороны, принимает деятельное участие в создании и внедрении в гражданский оборот конкурентоспособного инновационного продукта. В этом отношении государственные институты наравне с частным бизнесом участвуют в инновационной деятельности. Являясь активной стороной инициатив по модернизации практики управления инновационной деятельностью, государство одновременно должно использовать для стимулирования экономического и социального развития общества потенциал инновационного предпринимательства различных структурных элементов общества. Государство, используя публично-правовые инструменты, создает условия, при которых развивается предпринимательская среда, благоприятная для инновационной активности.

В целом управление инновационной сферой включает деятельность, определяющую согласованную работу органов государственного управления, местного управления и самоуправления и представителей хозяйствующих субъектов по созданию благоприятных режимов осуществления инновационной активности, учитывающую как частные, так и публичные интересы и обеспечивающую рациональное использование государственных ресурсов.

Таким образом, развитие механизмов и инструментов управления инновационным предпринимательством и как итог их эффективного функционирования, создание для этого необходимых инфраструктурных, финансовых, трудовых, организационных, правовых и информационных условий – сложная государственная задача, для решения которой требуется выявление, объединение и использование ресурсов и резервов науки, производства, предпринимательства.

Изучение экономических аспектов инновационного менеджмента, инновационной политики государства нашло отражение в работах белорусских и российских исследователей (А. В. Барабаш, Н. Е. Бондаренко, О. М. Комарова, И. Е. Рисин, Ю. И. Трещевский, В. Н. Шимов, А. Г. Шумилин и др.)[1]. Различные правовые

[1] См.: *Барабаш А. В.* Воздействие государства на развитие инновационной деятельности в современной российской экономике : автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 2010 ; *Бондаренко Н. Е.* Государственная политика в условиях формирования национальной экономики : автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 2010 ; *Комарова О. М.* Развитие государственного управления инновационной деятельностью региональных экономических систем : автореф. дис. … канд. экон. наук. СПб., 2010 ; *Рисин И. Е.* Теоретические аспекты государственного управления инновационным развитием экономики // Государство и бизнес в современной экономике : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 2021. С. 102–

аспекты построения инновационного общества, развитие инновационного законодательства также были предметом изучения белорусских и российских ученых (М. С. Абламейко, И. Л. Бачило, Т. В. Ефимцева, Ю. Г. Иванцова, С. С. Лосев и др.)[2]. Несмотря на проводившиеся исследования, вопросы определения места, роли, пределов деятельности государства как субъекта управления инновационной сферой недостаточно научно разработаны, что обусловило выбор темы настоящей работы.

Нормативное правовое регулирование является одним из основных инструментов управления распространением инноваций. Так, белорусский ученый, внесший вклад в теоретическое обоснование развития государственной системы инновационного развития экономики А. Г. Шумилин среди таких блоков, воздействующих на инновационное развитие, как государственные органы управления инновационной деятельностью, субъекты инновационного процесса, потребители и рынок инновационной продукции и знаний, называет также нормативное правовое обеспечение инновационной деятельности[3]. Российские ученые Е. В. Александрова, С. А. Мохначев, С. Н. Суетин, Н. П. Шамаева называют среди основных составляющих инновационной системы наряду с материальными составляющими (центры трансфера технологий, технопарки, технополисы, венчурный бизнес и др.) законодательную базу[4].

Действительно, законодательство – это важнейший регулятор конкурентоспособной национальной инновационной системы. Проведение прогрессивной инновационной политики, сориентированной в том числе и на государственную поддержку инновационной деятельности, предполагает завершение формирования правовых механизмов функционирования инновационного предпринимательства и управления им. На данный момент государство, воздействуя на инновационную сферу, установило правовые основы инновационной политики и взаимодействия государственных и предпринимательских структур на инновационном рынке. Например, Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь определены ключевые инструменты расширения сферы инновационной активности и восприимчивости белорусской экономики в контексте нейтрализации внутренних и внешних источников угроз национальной безопасности в научно-технологической сфере[5]. Схожим образом определены параметры научно-технологического развития Российской Федерации согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Ее цель – обеспечение технологической независимости и конкурентоспособности страны, достижение национальных целей развития и реализации стратегических национальных приоритетов[6]. Инновационная деятельность как решающий фактор экономического развития в целом становится одним из важнейших условий безопасности государства, предоставляя дополнительные возможности усилить заслон навязыванию чуждых параметров существования. Поэтому государство с учетом необходимости реализации целей и задач, сформулированных в указанных документах, должно выступать не только ини-

105 ; *Трещевский Ю. И.* О перспективах инновационного развития Воронежской области // Воронежской области – 85 лет : материалы науч.-практ. конф. Воронеж, 2019. С. 112–125 ; *Шимов В. Н., Крюков Л. М.* Инновационное развитие экономики Беларуси : движущие силы и национальные приоритеты. Минск, 2014 ; *Шумилин А. Г.* Формирование государственной системы инновационного развития национальной экономики : автореф. дис. … д-ра экон. наук. Минск, 2016.

[2] См.: *Абламейко М. С.* Правовые проблемы построения информационного общества в Республике Беларусь: теория и практика : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Минск, 2012 ; *Бачило И. Л.* Предмет, методы и система информационного права // Актуальные проблемы информационного права : учебник / отв. ред. И. Л. Бачило, М. А. Лапина. М., 2016. С. 14–42 ; *Ефимцева Т. В.* Место инновационного права в системе отраслей российского права : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014 ; *Иванцова Ю. Г.* Механизм совершенствования информационного законодательства в условиях перехода Республики Беларусь к информационному обществу : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Минск, 2020 ; *Лосев С. С.* Актуальные проблемы развития институтов права интеллектуальной собственности в Республике Беларусь. Минск, 2018 ; *Хатеневич Т. Г.* Совершенствование средств уголовно-правовой охраны прав ребенка в условиях цифровизации общественных отношений // Юстиция Беларуси. 2020. № 8 (221). С. 31–36.

[3] См.: *Шумилин А. Г.* Указ. соч. С. 29.

[4] См.: Факторы развития инновационной экономики региона / Е. В. Александрова [и др.] // Фундаментальные исследования. 2015. № 12 (ч. 2) С. 331.

[5] Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : указ Президента Республики Беларусь от 10 ноября 2010 г. № 575 // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE».

[6] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

циатором, но и гарантом активизации инновационных трансформаций.

Правовую основу дальнейшего устойчивого инновационного развития Республики Беларусь закладывают утвержденные в 2021 г. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг.[7], определяющая перспективы современной экосистемы инноваций, а также Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг., направленная на повышение конкурентоспособности национальной экономики[8].

На протяжении последнего десятилетия в Республике Беларусь были введены в действие различные документы, направленные как на определение правовых основ государственной инновационной политики[9], так и на решение многих специальных проблем стимулирования процессов создания и освоения инноваций[10]. В сферу их регулирования включены общественные отношения с участием государственных органов и государственных организаций, осуществляющих воздействие на инновационную сферу деятельности субъектов предпринимательства. Отметим, что особенность общественных отношений, связанных с государственным управлением инновационной деятельностью, заключается в том, что такие отношения не являются однородными, нельзя их отнести к разновидности общественных отношений, именуемых в научной литературе комплексными. Это совокупность многообразных общественных отношений, урегулированных разрозненными нормативными правовыми актами различной юридической силы. Они определяют состав предмета правового регулирования различных отраслей права: гражданского, финансового, налогового, авторского, таможенного, информационного. Полагаем в связи с этим дискуссионной обозначенную в научных трудах позицию о своевременности создания Инновационного кодекса[11] и о формировании отрасли инновационного права[12]. В то же время согласимся, что системное нормативное правовое регулирование на уровне кодифицированного документа должно сопровождаться, прежде всего, определением базовых категорий. В данном случае необходимо провести работу по разграничению таких смежных понятий, как инновационная экономика, цифровая экономика, инновационное общество, информационное общество, инновационное законодательство, информационное законодательство, предпринимательское законодательство[13]. Исследования в сфере информаци-

[7] Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы : указ Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE».

[8] О государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы : указ Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348 // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE».

[9] О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь : закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-З (в ред. от 06.01.2022) // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE».

[10] Об утверждении Положения о порядке создания субъектов инновационной инфраструктуры : указ Президента Республики Беларусь от 3 мая 2007 г. № 1 (в ред. от 12.03.2018) // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE» ; Об освобождении от обложения ввозными таможенными пошлинами и налогом на добавленную стоимость товаров, предназначенных для обеспечения научной, научно-исследовательской и инновационной деятельности : указ Президента Республики Беларусь от 4 апреля 2006 г. № 202 (в ред. от 15.09.2016) // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE» ; О некоторых мерах по стимулированию реализации инновационных проектов : указ Президента Республики Беларусь от 20 мая 2013 г. № 229 (в ред. от 07.05.2020) // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE» ; О порядке формирования и использования средств инновационных фондов : указ Президента Республики Беларусь от 7 августа 2012 г. № 357 (в ред. от 07.05.2020) // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE».

[11] См.: *Новикова Л. Н.* Инновационная политика Республики Беларусь : проблемы реализации и пути совершенствования // Перспективы инновационного развития Республики Беларусь : сб. науч. статей. Брест, 2014. С. 303 ; *Политаев В. И.* Значение Инновационного кодекса Российской Федерации для развития отрасли высоких технологий // Russian Journal of Innovation Economics. 2018. Т. 8, № 2. С. 283–296.

[12] См.: *Ефимцева Т. В.* Место инновационного права в системе отраслей российского права : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014 ; *Шафалович А. А.* Право, государство и инновационное развитие : некоторые теоретические проблемы // Научные труды Белорусского гос. экон. ун-та. Минск, 2019. Вып. 12. С. 582.

[13] Тесные связи между инновационной деятельностью, предпринимательством и государственным управлением, в том числе в части их правового регулирования, имеет следствием то, что, например, в Республике Казахстан разработан Предпринимательский кодекс, который включает положения, регулирующие в том числе инновационные отношения; отдельная глава посвящена государственной поддержке индустриально-инновационной деятельности. Одновременно на уровне взаимодействия государств – участников СНГ был подготовлен и в 2014 г. принят модельный Инновационный кодекс государств – участников СНГ.

онного права и информационного законодательства показывают[14], что решение ряда вопросов инновационного развития экономики, техники и технологий, системы социального управления обслуживает формирующаяся новая отрасль информационного законодательства (развитие Парка высоких технологий, систем искусственного интеллекта, нарушение авторских прав в этой сфере и др.). Таким образом, одной из проблем создания теоретических основ совершенствования правовой системы путем принятия кодифицированных актов становится разграничение сфер регулирования общественных отношений информационным и инновационным правом.

Упорядочение отношений в инновационной сфере предполагает необходимость своевременного и опережающего общественное развитие полного правового регулирования, преодоление его фрагментарности. Функционирующий ныне массив нормативных правовых актов, определяющих направления и механизмы поддержки инновационного предпринимательства, в условиях динамичного совершенствования общественных отношений и стремительных трансформаций сферы высоких технологий, мировой экономики, нуждается в гибком и быстром совершенствовании. Многие нормативные правовые акты, регулирующие отношения инновационной сферы общественных отношений, вступили в силу более десяти лет назад[15]; они неоднократно дополнялись и изменялись. Но такое отрывочное их совершенствование, конечно же, не может системно обеспечить правовые стимулирование, охрану и продвижение новых достижений и передовых решений, компетентно упорядочить бурно развивающиеся отношения, направляющие экономику к переходу на новый технологический уклад. Поэтому стандартом государства инновационного типа должно стать перспективное правовое регулирование – основанное на гибкости и применимости норм права в конкретных историко-политических и экономических условиях и их направленности на долгосрочную перспективу. Совершенствование законодательства, определяющего инструменты поддержки инновационной деятельности, следовало бы основывать на предварительно проведенных научных исследованиях. В настоящее время недостаточно научных разработок, обосновывающих способы заполнения пробелов инновационного законодательства, исследований его систематизации и в итоге создающих теоретическую основу целостной системы консолидированных нормативных правовых актов. Присоединимся к мнению о том, что «нужны не единичные нормативные правовые акты в этой области или даже большое их количество, а именно продуманная их система, активизирующая ресурсы государства и гражданского общества»[16].

Государственный менеджмент инновационной деятельности осуществляется в форме разработки и воплощения программ инновационного развития, осуществления прогнозирования технологического развития, проведения технического нормирования и стандартизации. Указанные и иные формы государственного регулирующего воздействия также нормативно регламентированы. В частности, государство ответственно за определение малого числа основных прорывных направлений, для поддержки и развития которых будут мобилизованы материальные, временные и человеческие ресурсы.

[14] См.: *Абламейко М. С.* Правовые проблемы построения информационного общества в Республике Беларусь : теория и практика : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Минск, 2012 ; *Бачило И. Л.* Предмет, методы и система информационного права // Актуальные проблемы информационного права : учебник / отв. ред. И. Л. Бачило, М. А. Лапина. М., 2016. С. 14–42 ; *Иванцова Ю. Г.* Механизм совершенствования информационного законодательства в условиях перехода Республики Беларусь к информационному обществу : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Минск, 2020.

[15] О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь : закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-З (в ред. от 06.01.2022) // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE» ; Об утверждении Положения о порядке создания субъектов инновационной инфраструктуры : указ Президента Республики Беларусь от 3 мая 2007 г. № 1 (в ред. от 12.03.2018) // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE» ; Об освобождении от обложения ввозными таможенными пошлинами и налогом на добавленную стоимость товаров, предназначенных для обеспечения научной, научно-исследовательской и инновационной деятельности : указ Президента Республики Беларусь от 4 апреля 2006 г. № 202 (в ред. от 15.09.2016) // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE» ; О порядке формирования и использования средств инновационных фондов : указ Президента Республики Беларусь от 7 августа 2012 г. № 357 (в ред. от 07.05.2020) // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE».

[16] *Шафалович А. А.* Право, государство и инновационное развитие : некоторые теоретические проблемы // Научные труды Белорусского гос. экон. ун-та. Минск, 2019. Вып. 12. С. 581–588.

В отношении таких перспективных направлений научной, научно-технической и инновационной деятельности периодически осуществляется нормативная актуализация. Так, в настоящее время к приоритетам отнесен искусственный интеллект и робототехника (наряду с развитием информационного общества, электронного государства и цифровой экономики)[17]. При этом следует отметить, что нормативное обеспечение государственного менеджмента технических, технологических и программных решений в сфере развития искусственного интеллекта явно отстает от имеющегося зарубежного опыта. Например, в Российской Федерации указанные аспекты инновационного развития экономики урегулированы давно и в полном объеме. Были приняты Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.[18], Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и роботехники до 2024 г.[19] и другие нормативные правовые акты в развитие указанных. Новые технологические решения формулируют вызовы для всей правовой системы Республики Беларусь в ситуации, когда отсутствует специальное регулирование, учитывающее специфику развития информационных систем, помогающих человеку принимать решения. Это определяет насущную необходимость незамедлительно начать работы по определению основ правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с решением задач в области искусственного интеллекта.

Белорусское законодательство, закрепляющее инструменты стимулирования инновационной деятельности, отличается хорошо разработанным понятийным аппаратом. Сформулированы и широко применяются такие понятия, как «инновация», «инновационный проект», «государственная инновационная политика», «принципы государственной инновационной политики», «государственно-частное партнерство в сфере инновационной деятельности», «государственное регулирование инновационной деятельности» и др.[20] Понятийный аппарат свидетельствует о высокой культуре нормотворчества, нашедшей отражение в ходе совершенствования инструментов национальной инновационной политики. Однако отметим, что при определении понятий и терминов все же не были учтены цели устойчивого развития и факторы риска, которые предопределяют поведение субъектов предпринимательских отношений в инновационной сфере. В частности, бережное и рациональное отношение к окружающей среде следует рассматривать в качестве принципа осуществления инновационной деятельности. Такое требование можно было бы отразить при определении признаков инновации, которая должна в этой связи рассматриваться шире, чем просто достижение научно-технического прогресса. Продвижение инноваций невозможно без учета социального фактора, что предполагает взаимовлияние экономических субъектов и окружающей среды. Главенствующей целью государственной инновационной политики было и остается не только наращивание экономического роста, но и благосостояние человека и сохранение благоприятной экологии (в широком понимании этого слова). Эти ключевые моменты должны найти отражение при совершенствовании инновационного законодательства.

Одним из элементов механизма государственного менеджмента в инновационной сфере является стимулирование развития инновационной инфраструктуры. Правовая инфраструктура – это компонент информационной инфраструктуры инноваций. Другими компонентами инновационной инфраструктуры будут выступать специализированные инновационные центры (субъекты инновационной инфраструктуры) и финансовые институты. Задачами инновационного менеджмента на государственном уровне является не только правовое и информационное обеспечение, прогнозирование важных направлений научно-технической и структурно-инвестиционной политики, разра-

[17] О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы : указ Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. № 156 // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE».

[18] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.) : указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[19] Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г. : распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[20] О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь : закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-З (в ред. от 11.05.2016) // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE».

ботка научно-технических программ, но и в целях стимулирования инноваций – финансирование, кредитование научно-технической деятельности, налогообложение, государственный заказ и др.

К субъектам инновационной инфраструктуры относят научно-технологические парки, центры трансфера технологий, венчурные организации, инновационные фонды и др. Государством значительное внимание уделяется поддержке развития белорусского технопаркового движения. На территории страны во всех областных центрах и других городах работает 18 научно-технологических парков[21], определены основы нормативного правового регулирования их создания и функционирования. Общая прибыль резидентов технопарков по данным Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь за 2019 г. составила 63 877 млн белорусских рублей[22]. При этом доля продукции технопарков в общем объеме производства инновационной продукции невелика. Как утверждает А. Г. Климков, доля выручки компаний-резидентов технопарка Синьчжу (Тайвань) в 2017 г. от общего значения ВВП Тайваня составила около 5 %; аналогичная доля выручки китайских технопарков в 2013 г. превысила 30 %. В то же время аналогичное значение показателя по Республике Беларусь в 2018 г. составило не более 0,1 %[23]. В определенной мере это может быть обусловлено недостаточностью мер стимулирования деятельности резидентов технопарков. Правовые инструменты главным образом нацелены на поддержку малого инновационного предпринимательства, в связи с чем в законодательстве не предусмотрены налоговые льготы, подобные тем, которые разработаны и действуют для резидентов Китайско-белорусского индустриального парка «Великий камень»[24], Парка высоких технологий[25], свободных экономических зон. Их резидентами могут являться крупные производства. Для технопарков и их резидентов предусмотрено освобождение от земельного налога, налога на недвижимость; закреплена пониженная ставка налога на прибыль в размере десяти процентов; от налога на добавленную стоимость освобождаются обороты по реализации на территории Республики Беларусь научно-исследовательских, опытно-конструкторских, опытно-технологических работ, зарегистрированных в государственном реестре[26]. Установлены понижающие коэффициенты арендной платы. Определены и другие преференции в налоговой и таможенной сферах. Однако такие преимущества обусловлены не статусом резидента технопарка (субъектный признак), а фактом производства и реализации высокотехнологических товаров, участия в формировании фонда инновационного развития (функциональный признак) и др. Расширение системы поддержки развития инновационной инфраструктуры может быть осуществлено с учетом опыта Российской Федерации в части включения в пакет льгот и стимулов программ, предлагающих технопаркам и их резидентам субсидирование, выделение грантов, привлечение иностранных инвестиций, компенсации регионам на создание парков, возмещение затрат на обучение персонала и др. (что предполагает поддержку еще до момента выпуска высокотехнологической продукции)[27].

В Республике Беларусь разработано специальное законодательство, определяющее правовой режим свободных экономических зон, Парка высоких технологий, белорусского индустриального парка «Великий камень»[28]. К сожалению,

[21] Официальный сайт Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь. Беларусь и Россия планируют провести конкурс технопарков союзного государства [HTML]. URL: http://www.gknt.gov.by/news/2021/belarus_i_rossiya_planiruyut_provesti_konkurs_tekhnoparkov_soyuznogo_gosudarstva/?sphrase_id=19626 (дата обращения: 26.01.2022).

[22] Официальный сайт Белорусского института системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы. Технопарки Республики Беларусь [HTML] // URL: http://www.belisa.org.by/pdf/2021/site_Technoparks_2021.pdf. (дата обращения: 26.01.2022).

[23] См.: *Климков А. Г.* Совершенствование деятельности научно-технологических парков Республики Беларусь : автореф. дис. … канд. экон. наук. Минск, 2019.

[24] URL: https://industrialpark.by/ (дата обращения: 27.01.2022).

[25] URL: https://www.park.by/ (дата обращения: 27.01.2022).

[26] Налоговый кодекс Республики Беларусь. Особенная часть (в ред. от 31.01.2021) // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE».

[27] Программа «Создание в РФ технопарков в сфере высоких технологий». Технопарки России. URL: https://www.tadviser.ru/index.php (дата обращения: 26.01.2022).

[28] О свободных экономических зонах : закон Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 213-З (в ред. от 10.12.2020) ; О Парке высоких технологий : Декрет Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12 (в ред. от 18.03.2021) ; О совершенствовании специального правового режима Китайско-Белорусского ин-

такое специальное регулирование не предусмотрено по отношению к технопаркам, работающим на базе университетов. Итак, в налоговом, таможенном законодательстве, законодательных актах предусмотрены определенные льготы для субъектов, инвестирующих в исследования и разработки, а также производящих инновационную и высокотехнологическую продукцию. Однако следует продолжить работу по совершенствованию нормативного правового регулирования стимулирования малого инновационного предпринимательства, технопаркового движения страны, в том числе с учетом опыта зарубежных государств. Одна из проблем законодательной поддержки активности технопарков – отсутствие специального нормативного правового акта. Это имеет следствием неопределенность правового статуса резидентов технопарков и так называемой управляющей организации, недостаточную системность налогового стимулирования их деятельности. Необходимо урегулировать порядок создания и функционирования ассоциаций (консорциумов) технопарков. Их появление прогнозируется в ближайшее время. В едином законодательном акте, предметом регулирования которого должны стать общественные отношения, возникающие при создании (ликвидации), функционировании технопарков, следовало бы функционально разграничить понятия технопарка, управляющей компании технопарка, установить критерии и виды технопарков, порядок и критерии оценки эффективности технопарков, целостно урегулировать общественные отношения, связанные с государственной поддержкой резидентов технопарков, дополнив меры, предусмотренные налоговым законодательством, льготами, предоставляемыми как по субъектному, так и по функциональному признакам, использовав опыт закрепления правового режима, применяемый в отношении Парка высоких технологий.

Активность в инновационной сфере во многом зависит от финансовых ресурсов, которыми располагает предприятие, кредитных ставок, материальной поддержки со стороны государства, платежеспособного спроса на инновации, низких экономических рисков, коротких сроков окупаемости новых продуктов. В условиях рыночной экономики перечисленные факторы одновременно встречаются достаточно редко. Поэтому главным образом государство берет на себя обязанность обеспечить бизнес дополнительными инструментами финансирования, способными влиять на инновационный рост, при этом затрачивая незначительные ресурсы. Для этих целей государством создаются условия для функционирования венчурных фондов. Венчурное финансирование не относится к традиционным механизмам поддержки инноваций, но является наиболее удобной формой инвестирования в создание и распространение инноваций. Государственное стимулирование венчурной экосистемы направлено на обеспечение инновационного развития экономики в противоположность ситуации, когда основным источником финансирования инноваций должны быть собственные средства предприятий и по понятным причинам могут быть недоступны традиционные формы финансирования. Система норм права, санкционируемых государством, является ключевым элементом инфраструктуры венчурного финансирования. Помимо этого, государство может управлять движением инвестиционных потоков, направляя их в высокотехнологичные проекты, а также внося финансовый вклад в развитие венчурной деятельности: либо напрямую инвестируя государственные средства в компании, создающие инновационный продукт, либо инвестируя государственные средства через венчурные фонды. Ни в одном государстве венчурная индустрия не может быть развита на высоком уровне исключительно благодаря рыночным методам. Дозированное прямое или косвенное государственное воздействие будет благотворно для интенсивности венчурного инвестирования.

В Республике Беларусь поддержка и стимулирование венчурной деятельности осуществляется на государственном уровне путем принятия определенных нормативных положений. В частности, были сформулированы и в дальнейшем уточнены определения венчурной организации, венчурного проекта, определены направления деятельности венчурной организации, установлены пути финансирования венчурных проектов, порядок отбора венчурных проектов[29]; отдельно предписан порядок регистрации венчурной организации как юридического лица в

дустриального парка «Великий камень : указ Президента Республики Беларусь от 12 мая 2017 г. № 166 (в ред. от 31.10.2019) // «ЭТАЛОН-ONLINE».

[29] О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь : закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-З (в ред. от 06.01.2022) // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE».

качестве субъекта инновационной инфраструктуры и лишения (утраты) такого статуса[30]. Кроме того, для фондов инновационного развития сформулирована задача финансирования инновационных проектов, что создает предпосылки для сравнения их правовой природы с правовой природой венчурных организаций. Однако такие меры все же недостаточны в деле стимулирования потенциальных инвесторов. Поэтому исследователями в разные годы было предложено разработать Концепцию развития венчурной деятельности[31], принять специальный законодательный акт о венчурной деятельности[32], внедрить распространенные в международной практике инструменты английского права, решить вопрос с субсидиарной ответственностью инвесторов[33]. Высказано мнение, что венчурное финансирование важно и для развития технопарков[34]. Следовало бы также на уровне законодательного акта определить принципы национальной модели венчурного финансирования, учесть при этом параметры соотношения государственного и частного вклада в инвестирование (обратим внимание при этом, что выделение бюджетного финансирования венчурным предприятиям через государственные инвестиционные фонды может быть достаточно уязвимым с точки зрения оценки коррупционных рисков); необходимо продолжить работу по развитию правовых элементов механизмов страхования и гарантирования венчурных инвестиций. Успешность зарубежных примеров таких механизмов (что предлагается заимствовать[35]) не исключает необходимости их адаптации к национальным институтам права с учетом особенной правовой системы и устоявшихся традиционных норм гражданского права, при условии неукоснительного обеспечения национальных приоритетов развития. Аргументация в пользу определенных образцов налоговых и финансовых преференций должна быть оценена всесторонне, их встраивание в развивающиеся экономические отношения и уже имеющееся правовое обеспечение не должно нарушать сбалансированность и системность имеющегося регулирования.

Предметом отдельного исследования могут быть оставшиеся за пределами настоящей работы вопросы законодательного обеспечения всесторонней защиты прав и интересов субъектов инновационной деятельности, участников инновационного цикла, включая защиту прав собственности, промышленной и интеллектуальной собственности и др.

Таким образом, государство, принимая на себя функцию управляющего субъекта инновационной деятельностью, на начальном этапе вынуждено быть ориентировано на создание и организационных, и экономических, и финансовых условий для инноваций и особенно правовых условий, создающих основу политики поддержки инноваций. Задачами дальнейшего совершенствования механизмов государственного управления инновационной деятельностью являются опережающее развитие нормативно-правовой базы, которая могла бы обеспечить устойчивое стимулирование инновационных проектов, привнесение в инновационную систему таких свойств, как современность, адаптивность и гибкость.

Для эффективного управления инновационными секторами экономики на национальном уровне, когда государство выполняет руководящую роль, многое уже предпринято как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации. В то же время в целях обеспечения высоких темпов экономического роста следовало бы продолжить работу по совершенствованию правовых инструментов государственного воздействия в инновационной сфере.

1. Необходимо на законодательном уровне определить пределы социальной ответственности бизнеса в ходе преобразования новшества в инновацию. В частности, следовало бы сформулировать перечень средств добровольного вкла-

[30] Об утверждении Положения о порядке создания субъектов инновационной инфраструктуры : указ Президента Республики Беларусь от 3 мая 2007 г. № 1 (в ред. от 12.03.2018) // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE».

[31] См.: *Нехорошева Л. Н.* Модели государственного регулирования развития венчурной деятельности : мировой опыт и проблемы стран СНГ // Научные труды Белорусского гос. экон. ун-та. 2009. С. 239.

[32] См.: *Лосев С. С.* Актуальные проблемы формирования законодательства Республики Беларусь об инновационной деятельности // Научные труды Белорусского гос. экон. ун-та. 2011. С. 532.

[33] См.: *Некрашевич К.* Венчурное финансирование как способ привлечения иностранных инвестиций // Банкаўскі веснік. 2019. Жнівень. С. 49.

[34] См.: *Климков А. Г.* Совершенствование деятельности научно-технологических парков Республики Беларусь : автореф. дис. … канд. экон. наук. Минск, 2019. С. 15.

[35] См.: *Некрашевич К.* Венчурное финансирование как способ привлечения иностранных инвестиций // Банкаўскі веснік. 2019. Жнівень. С. 50.

да субъектов предпринимательства в развитие социальной и экологической сфер, гарантии бережного и рационального отношения к окружающей среде при реализации инновационной политики. Экологические приоритеты инновационной деятельности должны иметь значение во всех без исключения сферах экономики.

2. Субъекты инновационной инфраструктуры нуждаются в дальнейшем развитии государственного регулирования их деятельности. Их правовой статус должен быть предметно определен специальным законодательством, как это сделано в отношении Парка высоких технологий, индустриального парка «Великий камень» и других функционирующих в стране свободных экономических зон. Это позволит повысить эффективность системы управления технопарками, целостно и системно на принципах согласованности и единства определить специальный правовой режим их функционирования, дополнить меры их государственной поддержки. В числе важных вопросов упорядочения деятельности технопарков – правовое регулирование создания и функционирования ассоциации консорциума) технопарков – в целях защиты интересов данных субъектов инновационной инфраструктуры и согласованного продвижения их продукции в международной торговле.

3. При всех положительных аспектах и практической значимости заимствования институтов других национальных правовых систем (при развитии законодательного механизма государственной поддержки венчурной оживленности субъектов инновационной деятельности), в первую очередь речь должна идти не о некоем механическом перенятии, а о творческом подходе и учете при этом исторических, национальных, политических, экономических и других условий и особенностей той или иной страны. Только при таком подходе можно рассчитывать на то, что переносимые из других систем нормы и институты будут не только формально существовать в структуре правовой системы или даже ее разбалансировать, но и эффективно осуществляться.

4. В Республике Беларусь следовало бы приступить к созданию предпосылок для развития основ правового регулирования новых общественных отношений, складывающихся в связи с разработкой и применением технологий искусственного интеллекта и робототехники. Трансформация системы нормативного регулирования для обеспечения возможности создания и применения таких технологий в различных сферах экономики должна обеспечивать соблюдение прав граждан и безопасность личности, общества и государства. Совершенствование законодательства различной отраслевой принадлежности в этих целях должно быть осуществлено с учетом накопленной богатой зарубежной законотворческой практики, как это было осуществлено в Российской Федерации.

Полагаем, что решению социально-экономических задач государств – участников Договора о создании союзного государства будет способствовать научное обеспечение унификации, сближения и гармонизации подходов к определению инструментов государственного воздействия на инновационное развитие экономических отношений. Совершенствование менеджмента инновационной деятельности с учетом успешного опыта двух государств позволит продолжить развитие институциональной структуры национальных инновационных систем в рамках совместной деятельности, будет способствовать выравниванию динамики процессов их интеграции в глобальную инновационную систему мира и в целом достижению целей устойчивого развития на основании национальных интересов государств.

Библиографический список

Абламейко М. С. Правовые проблемы построения информационного общества в Республике Беларусь : теория и практика : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Минск, 2012. 25 с.

Барабаш А. В. Воздействие государства на развитие инновационной деятельности в современной российской экономике : автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 2010. 25 с.

Бачило И. Л. Предмет, методы и система информационного права // Актуальные проблемы информационного права : учебник / В. И. Авдийский [и др.] ; отв. ред. И. Л. Бачило, М. А. Лапина. М. : Justitia, 2016. С. 14–42.

Бондаренко Н. Е. Государственная политика в условиях формирования национальной экономики : автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 2010. 27 с.

Ефимцева Т. В. Место инновационного права в системе отраслей российского права : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014. 332 с.

Иванцова Ю. Г. Механизм совершенствования информационного законодательства в условиях перехода Республики Беларусь к информационному обществу : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Минск, 2020. 24 с.

Комарова О. М. Развитие государственного управления инновационной деятельностью региональных экономических систем : автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2010. 26 с.

Лосев С. С. Актуальные проблемы развития институтов права интеллектуальной собственности в Республике Беларусь. Минск : Колорград, 2018. 256 с.

Новикова Л. Н. Инновационная политика Республики Беларусь : проблемы реализации и пути совершенствования // Перспективы инновационного развития Республики Беларусь : сб. науч. статей / редкол. : П. С. Пойта [и др.]. Брест : Альтернатива, 2014. С. 303–305.

Политаев В. И. Значение Инновационного кодекса Российской Федерации для развития отрасли высоких технологий // Russian Journal of Innovation Economics. 2018. Т. 8, № 2. С. 283–296.

Рисин И. Е. Теоретические аспекты государственного управления инновационным развитием экономики // Государство и бизнес в современной экономике : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 2021. С. 102–105.

Трещевский Ю. И., *Рисин И. Е.*, *Трещевский Д. Ю.* О перспективах инновационного развития Воронежской области // Воронежской области – 85 лет : материалы науч.-практ. конф. Воронеж : Изд. дом ВГУ, 2019. С. 112–125.

Факторы развития инновационной экономики региона / Е. В. Александрова [и др.] // Фундаментальные исследования. 2015. № 12 (ч. 2). С. 331–336.

Шафалович А. А. Право, государство и инновационное развитие : некоторые теоретические проблемы // Научные труды Белорусского гос. экон. ун-та. Вып. 12 / отв. ред. В. Н. Шимов. Минск : БГЭУ, 2019. С. 581–588.

Шимов В. Н., *Крюков Л. М.* Инновационное развитие экономики Беларуси : движущие силы и национальные приоритеты. Минск : Белорусский гос. экон. ун-т, 2014. 199 с.

Шумилин А. Г. Формирование государственной системы инновационного развития национальной экономики : автореф. дис. ...д-ра экон. наук. Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2016. 56 с.

Хатеневич Т. Г. Совершенствование средств уголовно-правовой охраны прав ребенка в условиях цифровизации общественных отношений // Юстиция Беларуси. 2020. № 8 (221). С. 31–36.

References

Ablameiko M. S. Legal problems of building an information society in the Republic of Belarus : theory and practice: abst. dis. ... cand. legal sciences. Minsk, 2012. 25 p.

Barabash A. V. The impact of the state on the development of innovation in the modern Russian economy : author. dis. ... can. econ. sciences. M., 2010. 25 p.

Bachilo I. L. Subject, methods and system of information law // Actual problems of information law: textbook / V. I. Avdiysky [et al.] ; resp. ed. I. L. Bachilo, M. A. Lapina. M. : Justitia, 2016. P. 14–42.

Bondarenko N. E. State policy in the conditions of the formation of the national economy : abst. dis. ... cand. econ. sciences. M., 2010. 27 p.

Efimtseva T. V. The place of innovation law in the system of branches of Russian law : abst. dis. ... dr. jurid. sciences. M., 2014. 332 p.

Ivantsova Yu. G. The mechanism for improving the information legislation in the context of the transition of the Republic of Belarus to the information society : abst. dis. ... cand. jurid. sciences. Minsk, 2020. 24 p.

Komarova O. M. Development of state management of innovative activities of regional economic systems : abst. dis. ... cand. economy sciences. St. Petersburg, 2010. 26 p.

Losev S. S. Actual problems of development of intellectual property law institutions in the Republic of Belarus. Minsk : Kolorgrad. 2018. 256 p.

Novikova L. N. Innovative policy of the Republic of Belarus: problems of implementation and ways of improvement // Prospects for innovative development of the Republic of Belarus / P. S. Poita [et al.]. Brest : Alternative, 2014. P. 303–305.

Politaev V. I. Significance of the Innovation Code of the Russian Federation for the development of the high-tech industry // Russian Journal of Innovation Economics. 2018. Vol. 8, № 2. P. 283–296.

Risin I. E. Theoretical aspects of state management of innovative development of the economy // State and business in the modern economy : materials of the II International scientific and practical conference. Voronezh : Scientific Book, 2021. P. 102–105.

Treshchevsky Yu. I., *Risin I. E.*, *Treshchevsky D. Yu.* On the prospects for innovative development of the Voronezh region // Voronezh region – 85 years : materials of the scientific-practical conference. Voronezh : Publisher: VSU Publishing House, 2019. P. 112–125.

Factors of development of the region's innovative economy / E. V. Aleksandrova [et al.] // Fundamental research. 2015. № 12 (part 2). P. 331–336.

Shafalovich A. A. Law, state and innovative development: some theoretical problems // Scientific works of the Belarusian State Economic University. Issue. 12. Minsk: BSEU, 2019. P. 581–588.

Shimov V. N., *Shimov V. N.*, *Kryukov L. M.* Innovative development of the economy of Belarus : driving forces and national priorities. Minsk : Belarusian State Economic University, 2014. 199 p.

Shumilin A. G. Formation of the state system of innovative development of the national economy : abst. dis. … dr. econom. sciences. Minsk : Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, 2016. 56 p.

Khatsienevich T. G. Improving the means of criminal law protection of the rights of the child in the conditions of digitalization of public relations // Justice of Belarus. 2020. № 8 (221). P. 31–36.

Учреждение образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий»

Хатеневич Т. Г., кандидат юридических наук, доцент кафедры специальных юридических дисциплин

E-mail: tx16101979@gmail.com

Поступила в редакцию: 01.02.2022

Для цитирования:

Хатеневич Т. Г. Правовые инструменты совершенствования менеджмента инновационной деятельности на примере опыта Республики Беларусь // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 66–77. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/66-77.

Educational Institution «BIP – University of law and social-information technologies»

Khatsianevich T. G., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Special Legal Disciplines Department

E-mail: tx16101979@gmail.com

Received: 01.02.2022

Recommended citation:

Khatsianevich T. G. Legal instruments to improve the management of innovation activities on the example of the experience of the Republic of Belarus // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 66–77. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/66-77.

УДК 342.72/.73, 342.742.3
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/78-88

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В ПЕРИОД МОБИЛИЗАЦИИ (ЧАСТИЧНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ) НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С. Ю. Миролюбова
ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ

PROBLEMS OF REALIZATION OF FREEDOM OF MOVEMENT DURING THE PERIOD OF MOBILIZATION (PARTIAL MOBILIZATION) ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

S. Yu. Mirolyubova
Federal Research Centre for Projects Evaluation and Consulting Services

Аннотация: исследуются проблемы законодательного регулирования и применения мер, ограничивающих свободу передвижения в период мобилизации, а также проблема установления и привлечения к административной и уголовной ответственности граждан, призванных на военную службу по мобилизации, пребывающих в запасе, за неисполнение ограничительных мер и уклонение от призыва на военную службу по мобилизации. Отмечается, что призыв граждан РФ на военную службу по мобилизации выявил некоторую несогласованность правовых актов в военной сфере, которые необходимо гармонизировать. Несмотря на пробелы в законодательстве, защита Отечества является конституционным долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации. Предлагается внести дополнение в ст. 5 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении».
Ключевые слова: мобилизация, частичная мобилизация, свобода передвижения, право на выезд за границу, военное положение, военное время, призыв на военную службу, ограничение права на свободу передвижения, военное право, военная служба, ответственность за уклонение от мобилизации, воинский учет.

Abstract: the problems of legislative regulation and the application of measures that restrict freedom of movement during the period of mobilization, as well as the problem of establishing and bringing to administrative and criminal responsibility citizens called up for military service on mobilization, who are in reserve, for non-compliance with restrictive measures and evading conscription for military service are investigated on mobilization. It is noted that the conscription of citizens of the Russian Federation for military service on mobilization revealed some inconsistency in legal acts in the military sphere, which need to be harmonized. Despite the gaps in the legislation, the defense of the Fatherland is a constitutional duty and an obligation of a citizen of the Russian Federation. It is proposed to amend Art. 5 of the Federal Constitutional Law of January 30, 2002 № 1-FKZ «On Martial Law».
Key words: mobilization, partial mobilization, freedom of movement, the right to travel abroad, martial law, wartime, conscription, restriction of the right to freedom of movement, military law, military service, responsibility for evading mobilization, military registration.

Отмечается, что стратегическая стабильность в текущем веке намного более сложно достигается, чем это было в веке предыдущем. Мы более не живем в биполярном мире. Сегодня у нас полицентричная архитектура безопасности[1]. Экстерриториальность деформирует между-

© Миролюбова С. Ю., 2023

[1] См.: *Дынкин А. А.* Стратегическая стабильность и архитектура безопасности // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2018. № 2(98). С. 41–43.

народный правопорядок и выступает формой вмешательства во внутренние дела государств[2].

В условиях новой реальности одни ученые разрабатывают доктринальное понимание военного права как системы установленных государством военно-правовых норм, в том числе имеющих экстерриториальный характер. Выделяют проблему определения военных методов для решения задач военной безопасности[3]. Другие развивают право военного времени как подотрасль военного права[4]. Есть статьи, посвященные отдельным вопросам организации военных судов в период мобилизации и в военное время[5]. Появились научно-практические статьи правового режима частичной мобилизации в России[6]. Вместе с тем научных статей на тему особенностей реализации права на свободу передвижения в период мобилизации (частичной мобилизации) пока нет. Поскольку право на свободу передвижения является одним из основных прав и свобод человека, то необходимо исследовать ограничение свободы передвижения в пределах территории РФ и права на выезд из Российской Федерации в период мобилизации (частичной мобилизации) с момента ее объявления.

В соответствии со ст. 59 Конституции РФ защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации несет военную службу в соответствии с Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»[7].

Указом Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации»[8] с 21 сентября 2022 г. в Российской Федерации объявлена частичная мобилизация. Осуществляется призыв граждан Российской Федерации на военную службу по мобилизации в Вооруженные силы Российской Федерации.

В соответствии со ст. 1, ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»[9] в целях обороны устанавливаются воинская обязанность граждан Российской Федерации, которые исполняют воинскую обязанность в соответствии с Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

Согласно ст. 1 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» воинская обязанность граждан Российской Федерации (далее – граждане) предусматривает воинский учет, пребывание в запасе, призыв на военную службу. В период мобилизации, воинская обязанность граждан определяется федеральными конституционными законами, федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также предусматривает призыв на военную службу по мобилизации; прохождение военной службы в период мобилизации.

В соответствии со ст. 17 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»[10] призыв граждан на военную службу по мобилизации проводится в соответствии с федеральными законами. Призыву на военную службу по мобилизации подлежат граждане, пребывающие в запасе, не имеющие права на отсрочку от призыва на военную службу по мобилизации.

В соответствии со ст. 51.2 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» запас состоит из мобилизационного людского резерва и мобилизационного людского ресурса.

Мобилизационный людской резерв составляют граждане, пребывающие в запасе и заклю-

---

[2] См.: *Савенков А. Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 337.

[3] См.: *Савенков А. Н.*, *Кудашкин А. В.* Военное право : постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7–34 ; *Кудашкин А. В.* Право вооруженных конфликтов – ядро военного права : проблемы и актуальность современных исследований // Право в Вооруженных силах – военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 86–91.

[4] См.: *Батырь В. А.* Право военного времени как подотрасль военного права // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 3 (184). С. 88–104.

[5] См.: *Калашников В. В.* О некоторых вопросах организации и деятельности военных судов в период мобилизации и в военное время // Военное право. 2022. № 1 (71). С. 169–172.

[6] См.: *Корякин В. М.* Правовой режим частичной мобилизации в Российской Федерации // Право в Вооруженных силах – военно-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 24–30.

[7] URL: https://base.garant.ru/178405/ (дата обращения: 01.10.2022).

[8] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426999/ (дата обращения: 01.10.2022).

[9] URL: https://base.garant.ru/135907/ (дата обращения: 01.10.2022).

[10] URL: https://base.garant.ru/136945/ (дата обращения: 01.10.2022).

чившие контракт о пребывании в мобилизационном людском резерве. Мобилизационный людской ресурс составляют граждане, пребывающие в запасе и не входящие в состав резерва. Таким образом, граждане РФ, призванные на военную службу по мобилизации, входят в мобилизационный людской ресурс.

Согласно ст. 21 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» при объявлении мобилизации граждане, подлежащие призыву на военную службу, обязаны явиться на сборные пункты в сроки, указанные в мобилизационных предписаниях, повестках и распоряжениях военных комиссариатов, федеральных органов исполнительной власти, имеющих запас.

Гражданам, состоящим на воинском учете, с момента объявления мобилизации воспрещается выезд с места жительства без разрешения военных комиссариатов, федеральных органов исполнительной власти, имеющих запас.

Буквальное толкование данного положения закона говорит о том, что выезд с места жительства возможен при наличии разрешения военных комиссариатов, федеральных органов исполнительной власти, имеющих запас.

Данное положение ст. 21 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» уточняется в п. 52 постановления Правительства РФ от 27 ноября 2006 г. № 719 «Об утверждении Положения о воинском учете»[11], в котором указано, что в период мобилизации и в военное время выезд граждан, состоящих на воинском учете, с места жительства или места пребывания производится с разрешения военного комиссара муниципального образования (муниципальных образований) по письменным заявлениям граждан с указанием причины убытия и нового места жительства или места пребывания.

Таким образом, для реализации права на свободу передвижения и выбор места жительства (места пребывания) в период мобилизации (частичной мобилизации) граждане, состоящие на воинском учете, при смене места жительства или места пребывания должны обратиться к военному комиссару муниципального образования (муниципальных образований) за разрешением на выезд с места жительства или места пребывания с письменным заявлением с указанием причины убытия и нового места жительства или места пребывания.

Положение ст. 21 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. №31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» и п. 52 постановления Правительства РФ от 27 ноября 2006 г. № 719 «Об утверждении Положения о воинском учете» необходимо рассматривать в системном единстве с положениями ст. 10 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» и п. 50–51 постановления Правительства РФ от 27 ноября 2006 г. № 719 «Об утверждении Положения о воинском учете», чтобы понимать, какая административная или уголовная ответственность возможна за нарушение п. 21 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации».

Согласно ст. 10 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» граждане обязаны явиться в двухнедельный срок в военный комиссариат для постановки на воинский учет, снятия с воинского учета и внесения изменений в документы воинского учета при переезде на новое место жительства и (или) место пребывания, в том числе не подтвержденные регистрацией по месту жительства и (или) месту пребывания, либо выезде из Российской Федерации на срок более шести месяцев или въезде в Российскую Федерацию. Граждане, подлежащие призыву на военную службу, выезжающие в период проведения призыва на срок более трех месяцев с места жительства и (или) места пребывания, в том числе не подтвержденные регистрацией по месту жительства и (или) месту пребывания, должны лично сообщить об этом в военный комиссариат либо в местную администрацию соответствующего поселения, муниципального или городского округа, осуществляющую первичный воинский учет.

В соответствии с п. 50 постановления Правительства РФ от 27 ноября 2006 г. № 719 «Об утверждении Положения о воинском учете» граждане, подлежащие воинскому учету, обязаны состоять на воинском учете по месту жительства или месту пребывания, в том числе не подтвержденным регистрацией по месту житель-

[11] URL: https://base.garant.ru/190272/ (дата обращения: 01.10.2022).

ства и (или) месту пребывания, в военном комиссариате, а в поселении, муниципальном или городском округе, на территориях которых отсутствуют военные комиссариаты, а также в отдельных населенных пунктах муниципальных округов, на территориях которых имеются военные комиссариаты (за исключением населенных пунктов, на территориях которых воинский учет граждан осуществляется военными комиссариатами), – в органах местного самоуправления; являться в установленные время и место по вызову (повестке) в военный комиссариат или иной орган, осуществляющий воинский учет, по месту жительства или месту пребывания; сняться с воинского учета при переезде на новое место жительства и (или) место пребывания (на срок более 3 месяцев), в том числе не подтвержденные регистрацией по месту жительства и (или) месту пребывания, а также при выезде из Российской Федерации на срок более 6 месяцев и встать на воинский учет в 2-недельный срок по прибытии на новое место жительства и (или) место пребывания, в том числе не подтвержденные регистрацией по месту жительства и (или) месту пребывания, или возвращении в Российскую Федерацию.

В соответствии с п. 51 постановления Правительства РФ от 27 ноября 2006 г. № 719 «Об утверждении Положения о воинском учете» граждане, подлежащие призыву на военную службу и выезжающие в период проведения призыва на срок более 3 месяцев с места жительства и (или) места пребывания, в том числе не подтвержденные регистрацией по месту жительства и (или) месту пребывания, обязаны лично сообщить об этом в военный комиссариат или иной орган, осуществляющий воинский учет, по месту жительства или месту пребывания.

Таким образом, при обычном режиме граждане обязаны состоять на воинском учете по месту жительства или месту пребывания, в том числе если у них нет регистрации по месту жительства и (или) месту пребывания. При переезде на новое место жительства и (или) место пребывания, в том числе без регистрации по месту жительства и (или) месту пребывания, либо выезде из Российской Федерации на срок более шести месяцев или въезде в Российскую Федерацию в двухнедельный срок сняться с воинского учета и встать на воинский учет по новому месту жительства и (или) месту пребывания, в том числе не подтвержденному регистрацией по месту жительства и (или) месту пребывания, или возвращении в Российскую Федерацию.

В период общей или частичной мобилизации гражданам, состоящим на воинском учете, дополнительно необходимо получить разрешение военного комиссара муниципального образования (муниципальных образований) на выезд с места жительства (места пребывания), обратившись с письменным заявлениям, указав причины убытия и адрес нового места жительства или места пребывания.

Следует отметить, что в ст. 21 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» устанавливается ограничение права на свободу передвижения и выбор места жительства для определенной группы граждан при наступлении определенных условий на неопределенный период времени. К определенной группе граждан относятся граждане, которые состоят на воинском учете и пребывающие в запасе. Определенным условием, при котором ограничивается реализация права на свободу передвижения, является дата начала общей или частичной мобилизации на территории России.

Кроме того, если в Федеральном законе от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» говорится только о месте жительства, то в Федеральном законе от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» и постановлении Правительства РФ от 27 ноября 2006 г. № 719 «Об утверждении Положения о воинском учете» указывается место жительства и (или) место пребывания, в том числе не подтвержденные регистрацией по месту жительства и (или) месту пребывания.

Таким образом, несмотря на то, что существует некоторая несогласованность определений места жительства (пребывания) в указанных федеральных законах, для реализации права на свободу передвижения и выбор места жительства (места пребывания) с момента объявления общей или частичной мобилизации граждане, состоящие на воинском учете, должны не только уведомить военного комиссара по месту жительства (месту пребывания), но и получить у него разрешение на смену места жительства (места пребывания), в том числе, если место жительства (место пребывания) не подтверждены регистрацией по месту жительства и (или) месту пребывания.

В то же время в нормативных актах не установлен порядок выдачи военным комиссаром муниципального образования (муниципальных образований) гражданам, состоящим на воинском учете, разрешения при смене ими места жительства (места пребывания) в период мобилизации (частичной мобилизации). Кроме того, в Федеральном законе от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» и Федеральном законе от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» не установлены основания для отказа гражданам, состоящим на воинском учете, в случае обращения ими за разрешением в военные комиссариаты при выезде с места жительства в период мобилизации (частичной мобилизации).

Следует также отметить, что законодательно не установлена административная и (или) уголовная ответственность за выезд граждан, состоящих на воинском учете, пребывающих в запасе, с места жительства без разрешения военных комиссариатов, федеральных органов исполнительной власти, имеющих запас, с момента объявления общей или частичной мобилизации.

Ответственность граждан за уклонение от мобилизации (частичной мобилизации) и нарушение воинского учета в период мобилизации (частичной мобилизации)

При мобилизации (частичной мобилизации) в соответствии с п. 3 ст. 10 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» граждане обязаны: являться по вызову военных комиссариатов, федеральных органов исполнительной власти, имеющих запас, для определения своего предназначения в период мобилизации и в военное время; выполнять требования, изложенные в полученных ими мобилизационных предписаниях, повестках и распоряжениях военных комиссариатов, федеральных органов исполнительной власти, имеющих запас.

В соответствии с п. 52 постановления Правительства РФ от 27 ноября 2006 г. № 719 «Об утверждении Положения о воинском учете» граждане, получившие мобилизационные предписания или повестки военного комиссариата, обязаны выполнять изложенные в них требования.

Согласно п. 3 ст. 10 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» граждане за неисполнение своих обязанностей в области мобилизационной подготовки и мобилизации несут ответственность в соответствии с российским законодательством.

Вместе с тем специальная административная и (или) уголовная ответственность на граждан за неисполнение своих обязанностей в области мобилизационной подготовки и мобилизации, включая частичную мобилизацию, законодательством не установлена.

Несмотря на эти законодательные пробелы, защита Отечества является конституционным долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации. Граждане Российской Федерации несут военную службу и обязаны исполнять воинскую обязанность, которая в период мобилизации (общей или частичной) также предусматривает призыв на военную службу по мобилизации; прохождение военной службы в период мобилизации.

Согласно п. 1–3 постановления Правительства РФ от 27 ноября 2006 г. № 719 «Об утверждении Положения о воинском учете» воинский учет предусматривается воинской обязанностью граждан и обеспечивается государственной системой регистрации призывных и мобилизационных людских ресурсов. Основной целью воинского учета является обеспечение полного и качественного укомплектования призывными людскими ресурсами Вооруженных сил РФ, других войск, воинских формирований и органов в мирное время, а также обеспечение в периоды мобилизации, военного положения и в военное время потребностей Вооруженных сил РФ, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований в мобилизационных людских ресурсах путем заблаговременной приписки (предназначения) граждан, пребывающих в запасе, в их состав. Обеспечение исполнения гражданами воинской обязанности является одной из задач воинского учета.

В ст. 8 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» предусмотрено, что граждане обязаны состоять на воинском учете. Воинский учет граждан осуществляется военными комиссариатами по месту их жительства, а граждан, прибывших на место пребывания на срок более трех месяцев, – по месту их пребывания. От-

сутствие у граждан регистрации по месту жительства и месту пребывания не освобождает их от обязанности состоять на воинском учете и не может служить основанием для отказа в постановке их на воинский учет. Воинский учет граждан, не имеющих регистрации по месту жительства и месту пребывания, а также граждан, прибывших на место пребывания на срок более трех месяцев и не имеющих регистрации по месту пребывания, осуществляется военными комиссариатами по месту, указываемому гражданами в заявлении в качестве места их пребывания (учебы), по форме и в порядке, которые устанавливаются Положением о воинском учете. Военные комиссариаты осуществляют воинский учет граждан через свои структурные подразделения по муниципальным образованиям.

Согласно ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» в случае неявки граждан в указанные в повестке военного комиссариата или иного органа, осуществляющего воинский учет, место и срок без уважительных причин, а также в иных случаях, установленных настоящим федеральным законом, они привлекаются к ответственности в соответствии с законодательством РФ.

В соответствии со ст. 21.5 КоАП РФ[12] неявка гражданина, состоящего или обязанного состоять на воинском учете, по вызову (повестке) военного комиссариата или иного органа, осуществляющего воинский учет, в установленные время и место без уважительной причины, неявка в установленный срок в военный комиссариат для постановки на воинский учет, снятия с воинского учета и внесения изменений в документы воинского учета при переезде на новое место жительства, расположенное за пределами территории муниципального образования, место пребывания на срок более трех месяцев либо выезде из Российской Федерации на срок более шести месяцев или въезде в Российскую Федерацию, а равно несообщение в установленный срок в военный комиссариат или в иной орган, осуществляющий воинский учет, об изменении семейного положения, образования, места работы или должности, о переезде на новое место жительства, расположенное в пределах территории муниципального образования, или место пребывания – влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере от пятисот до трех тысяч рублей.

Относительно уголовной ответственности граждан, пребывающих в запасе, за уклонение от военной службы по мобилизации (частичной мобилизации) можно заметить следующее. Часть 1 ст. 238 Уголовного кодекса РФ[13] об уклонении от призыва на военную службу не может быть применима к гражданам, призванным на военную службу по мобилизации, пребывающим в запасе, при уклонении их от призыва на военную службу по мобилизации. Согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы»[14] субъектами преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ, являются граждане мужского пола, достигшие возраста 18 лет, состоящие или обязанные состоять на воинском учете и не пребывающие в запасе, подлежащие в установленном законом порядке призыву на военную службу.

Согласно ст. 17 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. №31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» призыву на военную службу по мобилизации подлежат граждане, пребывающие в запасе. Таким образом, учитывая п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» граждане, уклоняющиеся от призыва по мобилизации, но состоящие в запасе, не являются субъектами преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ.

На наш взгляд, введение административной и (или) уголовной ответственности после введения мобилизации или частичной мобилизации за выезд граждан, состоящих на воинском учете, с места жительства без разрешения военных

[12] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. URL: https://base.garant.ru/12125267/ (дата обращения: 02.10.2022).

[13] Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. URL: https://base.garant.ru/10108000/ (дата обращения: 02.10.2022).

[14] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76081/ (дата обращения: 02.10.2022).

комиссариатов, федеральных органов исполнительной власти, имеющих запас, целесообразно, если только такой выезд граждан с места жительства привел к определенным негативным последствиям, например к нарушению гражданами воинского учета и (или) уклонению от призыва граждан РФ на военную службу по мобилизации в Вооруженные силы РФ.

Ограничение свободы передвижения и права на выезд из Российской Федерации граждан, призванных на военную службу, при мобилизации (частичной мобилизации)

Как отмечается в современной литературе, широкое признание имеет точка зрения, согласно которой ограничение прав и свобод человека на основании федерального акта (а не нормативного правового акта РФ иного уровня, включая постановления Правительства и ведомственные акты) является одним из основных условий допустимости ограничения прав человека. Более того, подчеркивается, что иными нормативными актами не могут регулироваться не только основания, но и порядок, сроки, условия и иные признаки этих ограничений, а также невозможность ограничения прав и свобод граждан на основании указов Президента РФ и постановлений Правительства РФ[15].

Так как Российская Федерация обладает дискреционным правом установления ограничения свободы передвижения, то органы государственной власти и органы местного самоуправления не вправе устанавливать ограничения права на свободу передвижения в силу того, что их полномочия ограничиваются осуществлением определенных исполнительно-распорядительных действий, связанных с ограничением права на свободу передвижения.

Таким образом, приказы военных комиссаров «Об объявлении мобилизации»[16] отдельных субъектов РФ, в которых гражданам, пребывающим в запасе, временно проживающим на территории данного субъекта РФ, предписывается немедленно убыть к месту постоянного жительства, не соответствуют ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и действующему законодательству в области мобилизации.

Статья 27 Конституции РФ состоит из двух частей. Первая часть защищает свободу передвижения в пределах территории Российской Федерации. Вторая часть гарантирует свободу выезда за пределы Российской Федерации. По мнению некоторых ученых, ст. 27 Конституции РФ закрепляет два различных основных права[17].

На наш взгляд, право на свободу передвижения человека и гражданина состоит из относительно самостоятельных личных прав, которые можно разграничить на две основные группы по критерию территориальных пределов реализации: право на свободное перемещение в пределах Российской Федерации и право на свободный выезд из России и беспрепятственное возвращение на территорию Российской Федерации. Разграничение права на свободу передвижения на две основные группы по критерию территориальных пределов реализации «определяет» для каждой группы прав самостоятельное законодательное регулирование и допустимые ограничения. Система конституционно-правовых ограничений права на свободу передвижения включает в себя два основных режима ограничений: общий и специальный. В специальном режиме ограничений можно выделить следующие формы проявления: а) ограничения в условиях чрезвычайного и военного положения; б) ограничения, обусловленные особенностями правового статуса отдельных категорий граждан; в) ограничения, связанные с правовым статусом определенных территорий Российской Федерации. Специальный правовой статус отдельных категорий граждан предусматривает ограничение свободы передвижения, выбора места жительства (пребывания) на территории Российской Федерации, свободного выезда за пределы Российской Федерации[18]. Например, для военнослужащих или лиц, призванных на военную службу по мобилизации, существует так называемый специальный режим подразумеваемых ограничений, который согласуется

[15] См.: *Пчелинцев С. В.* Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов. М., 2006. С. 215–216.

[16] Об объявлении мобилизации : приказ военного комиссара Самарской области от 21 сентября 2022 г. № 188. URL: https://pv.samregion.ru/press-center/sobytiya/prikaz-voennogo-komisara-samarskoj-oblasti-ot-21-09-2022-%E2%84%96-188/ (дата обращения: 03.10.2022).

[17] См.: *Чернышева О.* Право на свободу передвижения : стандарты Совета Европы // Конституционное право : восточноевропейское обозрение. 2001. № 2 (35). С. 48–50.

[18] См.: *Миролюбова С. Ю.* Право на свободу передвижения в пределах Российской Федерации : конституционно-правовой аспект. М., 2013. С. 18, 42.

с правовыми позициями Конституционного Суда РФ[19].

Неоднозначно выглядит ситуация, связанная с ограничением права на выезд из Российской Федерации в период мобилизации (частичной мобилизации). В ст. 15 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»[20] мобилизация (частичная мобилизация) не упомянута в качестве случая, при котором возможно временное ограничение права гражданина РФ на выезд из Российской Федерации. Вместе с тем если гражданин РФ в соответствии с законодательством РФ призван на военную службу, то до окончания военной службы право гражданина РФ на выезд из Российской Федерации временно ограничивается (п. 2 ст. 15 Федерального закона № 114-ФЗ).

На основании того, что п. 2 ст. 15 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» не конкретизирует основания призыва на военную службу, и в ст. 1 и 2 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» указывается, что воинская обязанность граждан РФ имеет общий характер и предусматривает прохождение военной службы по призыву, то можно сделать вывод, что п. 2 ст. 15 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» может быть применим к гражданам РФ, призванным на военную службу по мобилизации (частичной мобилизации). Таким образом, при призыве гражданина РФ на военную службу по мобилизации (частичной мобилизации) его право на выезд из Российской Федерации может быть временно ограничено до окончания военной службы по мобилизации (частичной мобилизации).

В ст. 8 Закона РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»[21] в качестве условия ограничения права граждан РФ на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации в период общей или частичной мобилизации не указан. Если присмотреться к ст. 8 данного закона более внимательно, то очевидно, что свобода передвижения ограничивается на определенных территориях с определенным правовым режимом. По сути, ограничение права на свободу передвижения, выбор места жительства (места пребывания) в пределах Российской Федерации служит мерой обеспечения особого правового режима, который действует на определенной территории.

Поскольку мобилизация (частичная мобилизация) в силу ст. 1 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» является комплексом мероприятий, то призыв граждан на военную службу по мобилизации в Вооруженные силы РФ входит в комплекс таких мероприятий и не является особым правовым режимом определенной территории.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» под мобилизацией в Российской Федерации понимается комплекс мероприятий в условиях военного времени. В соответствии с ч. 1 ст. 18 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» состояние войны должно быть объявлено федеральным законом. В ч. 2 ст. 18 данного федерального закона указывается, что с момента объявления состояния войны или фактического начала военных действий наступает военное время, которое истекает с момента объявления о прекращении военных действий, но не ранее их фактического прекращения.

[19] О воинской обязанности и военной службе : федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ // Российская газета. 1998. 2 апр. ; О статусе военнослужащих : федер. закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 22. Ст. 2331 ; По делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона РФ от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне» в связи с жалобами граждан В. М. Гурджиянца, В. Н. Синцова, В. Н. Бугрова и А. К. Никитина : постановление Конституционного суда РФ от 27 марта 1996 г. № 8-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 13. Ст. 1768 ; По делу о проверке конституционности положений частей 1 и 3 статьи 8 Федерального закона от 15 августа 1996 г. «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой А. Я. Аванова : постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 1998 г. № 2-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 4. Ст. 531.

[20] О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : федер. закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ. URL: https://base.garant.ru/10135803/ (дата обращения: 03.10.2022).

[21] URL: https://base.garant.ru/10102748/ (дата обращения: 03.10.2022).

Следует отметить, что законодательно не установлено, что военное время является особым условием или особым правовым режимом, который вводится на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях. Фактически военное время – это определенное состояние, в котором осуществляется комплекс мобилизационных и иных мероприятий. Видимо, поэтому военное время не указано в ст. 8 Закона РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» в качестве основания ограничения права на свободу передвижения в пределах Российской Федерации.

В то же время согласно ст. 1 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»[22] военное положение, под которым понимается особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях, связан с общей или частичной мобилизацией, которая должна быть объявлена ранее или при введении военного положения на территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях.

Реализация права на свободу передвижения может быть ограничена во время военного положения в государстве. Статья 87 Конституции РФ предусматривает, что в условиях военного положения ограничение права на свободу передвижения применяется органами государственной власти в качестве меры обеспечения режима военного положения на основании указов Президента РФ, с определенным сроком действия.

В соответствии с Указом Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 года № 756» в некоторых субъектах РФ, где не было введено военное положение, высшим должностным лицам (органам исполнительной власти) субъектов РФ, перечисленным в п. 3 данного указа Президента РФ, указано реализовать определенные меры, в том числе временное отселение жителей в безопасные районы с обязательным предоставлением таким жителям стационарных или временных жилых помещений; введение и обеспечение особого режима въезда на территорию и выезда с нее, а также ограничение свободы передвижения по ней.

При этом в п. 3–4 ч. 2 ст. 7 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» четко указано, что на основании указов Президента РФ на территории, на которой введено военное положение, применяются меры, в том числе временное отселение жителей в безопасные районы с обязательным предоставлением таким жителям стационарных или временных жилых помещений; введение и обеспечение особого режима въезда на территорию, на которой введено военное положение, и выезда с нее, а также ограничение свободы передвижения по ней.

Очевидно, что меры, указанные в Указе Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 года № 756»[23] направлены на обеспечение безопасности жизни и здоровья населения в определенных субъектах РФ, несмотря на то, что там не введено военное положение. По сути, на территории указанных субъектов РФ установлен особый правовой режим, который включает в себя ограничительные меры, в том числе по ограничению реализации права на свободу передвижения и выбор места жительства (места пребывания).

В связи с этим, на наш взгляд, ст. 5 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» нуждается в уточнении и дополнении. Необходимо из ч. 2 ст. 5 указанного закона убрать слово «только» и статью дополнить положением о том, что меры, предусмотренные ст. 7 настоящего федерального конституционного закона в исключительных случаях могут применяться на основании указа Президента РФ при введении военного положения в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации как на территории, на которой введено военное положение, так и на территориях, на которых военное положение не введено.

[22] URL: https://base.garant.ru/184121/ (дата обращения: 23.10.2022).

[23] URL: http://kremlin.ru/events/president/news/69632 (дата обращения: 23.10.2022).

Следует отметить, что ограничение права на свободу передвижения в пределах территории Российского Федерации и право на выезд из Российской Федерации в период мобилизации (частичной мобилизации) устанавливается для определенной группы граждан РФ (граждане, состоящие на воинском учете и пребывающие в запасе) при наступлении определенных условий (дата начала общей или частичной мобилизации на территории России) на неопределенный период времени.

Объявление частичной мобилизации и мероприятия по призыву на военную службу граждан РФ по мобилизации выявили некоторую рассогласованность законодательного регулирования в сфере военных отношений. В связи с этим необходимо совершенствовать правовое регулирование в данной сфере при соблюдении Конституции РФ, в частности п. 3 ст. 55, при введении ограничений свободы передвижения в пределах Российской Федерации и права на выезд из Российской Федерации. Необходимо установить порядок выдачи военным комиссаром муниципального образования (муниципальных образований) гражданам, состоящим на воинском учете, разрешения при смене ими места жительства (места пребывания) в период мобилизации (частичной мобилизации). Возможно, следует рассмотреть вопрос о введении административной ответственности за выезд граждан, состоящих на воинском учете, пребывающих в запасе, с места жительства без разрешения военных комиссариатов, федеральных органов исполнительной власти, имеющих запас, с момента объявления общей или частичной мобилизации, если только такой выезд граждан с места жительства привел к определенным негативным последствиям, например к нарушению гражданами воинского учета и (или) уклонению от призыва граждан РФ на военную службу по мобилизации в Вооруженные силы РФ.

Правоприменение показало, что в ст. 5 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» необходимо внести дополнение о том, что меры (временное отселение жителей в безопасные районы с обязательным предоставлением таким жителям стационарных или временных жилых помещений; введение и обеспечение особого режима въезда на территорию, на которой введено военное положение, и выезда с нее, а также ограничение свободы передвижения по ней), предусмотренные ст. 7 указанного законодательного акта в исключительных случаях могут применяться на основании указа Президента РФ при введении военного положения в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации как на территории, на которой введено военное положение, так и на территориях, на которых военное положение не введено.

Библиографический список

Батырь В. А. Право военного времени как подотрасль военного права // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 3 (184). С. 88–104.

Дынкин А. А. Стратегическая стабильность и архитектура безопасности // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2018. № 2 (98). С. 41–43.

Калашников В. В. О некоторых вопросах организации и деятельности военных судов в период мобилизации и в военное время // Военное право. 2022. № 1 (71). С. 169–172.

Корякин В. М. Правовой режим частичной мобилизации в Российской Федерации // Право в Вооруженных силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 11 (304). С. 24–30.

Кудашкин А. В. Право вооруженных конфликтов – ядро военного права : проблемы и актуальность современных исследований // Право в Вооруженных силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 86–91.

Миролюбова С. Ю. Право на свободу передвижения в пределах Российской Федерации : конституционно-правовой аспект. М., 2013.

Пчелинцев С. В. Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов. М., 2006.

Савенков А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М. : Проспект, 2020. 448 с.

Савенков А. Н., *Кудашкин А. В.* Военное право : постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7–34.

Чернышева О. Право на свободу передвижения : стандарты Совета Европы // Конституционное право : восточноевропейское обозрение. 2001. № 2 (35). С. 48–50.

References

Batyr V. A. Wartime law as a sub-branch of military law // Lex Russica (Russian Law). 2022. Vol. 75, № 3 (184). P. 88–104.

Dynkin A. A. Strategic stability and security architecture // Bulletin of the Russian Fund for Fundamental Research. 2018. № 2 (98). P. 41–43.

Kalashnikov V. V. On some issues of organization and activities of military courts during the period of mobilization and in wartime // Military Law. 2022. № 1 (71). P. 169–172.

Koryakin V. M. Legal regime of partial mobilization in the Russian Federation // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2022. № 11 (304). P. 24–30.

Kudashkin A. V. The law of armed conflicts – the core of military law: problems and relevance of modern research // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2021. № 12 (293). P. 86–91.

Mirolyubova S. Yu. The right to freedom of movement within the Russian Federation: the constitutional and legal aspect. M., 2013. P. 157.

Pchelintsev S.V. Problems of restriction of the rights and freedoms of citizens in the conditions of special legal regimes. M. : Norma, 2006. P. 215–216.

Savenkov A. N. State and law during the crisis of modern civilization. M. : Prospekt, 2020. 448 p.

Savenkov A. N., Kudashkin A. V. Military law: problem setting and solutions // State and law. 2021. № 4. P. 7–34.

Chernysheva O. The right to freedom of movement: standards of the Council of Europe // Constitutional Law: East European Review. 2001. № 2(35). P. 48–50.

ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ
Миролюбова С. Ю., кандидат юридических наук, эксперт научно-технической сферы
E-mail: ontologylaw@gmail.com

Поступила в редакцию: 10.11.2022

Для цитирования:
Миролюбова С. Ю. Проблемы реализации свободы передвижения в период мобилизации (частичной мобилизации) на территории Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 78–88. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/78-88.

Federal Research Centre for Projects Evaluation and Consulting Services
Mirolyubova S. Y., Candidate of Legal Sciences, Expert in the Scientific and Technological Sphere
E-mail: ontologylaw@gmail.com

Received: 10.11.2022

Recommended citation:
Mirolyubova S. Yu. Problems of realization of freedom of movement during the period of mobilization (partial mobilization) on the territory of the Russian Federation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 78–88. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/78-88.

УДК 340.114.3
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/89-93

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

В. В. Антонченко
Дальневосточная пожарно-спасательная академия МЧС России

HUMAN RIGHTS AND NATIONAL INTERESTS

V. V. Antonchenko
Far East fire and rescue academy of EMERCOM of Russia

Аннотация: право непосредственным образом влияет на национальную безопасность и обеспечение национальных интересов: то или иное правовое воздействие, оказывая не только регулятивно-организующее, но и стабилизирующее, а также стимулирующее влияние на общественные отношения, способно облегчить либо затруднить достижение объективно значимых общественных целей и выполнение государственных задач. Формируя правосознание и общую правовую культуру, право создает ту или иную систему общественных отношений, непосредственно влияющих на реализацию интересов граждан, а следовательно, и их поведение: отношение к существующему правопорядку, законопослушность, активность и инициативу. Правовая система, основанная на признании приоритета прав человека перед другими общественными ценностями, является мощным фактором, обеспечивающим поступательное развитие общества и успешность государства. Способствуя реализации и охране национальных интересов, право современного демократического правового государства, определяющее направленность его характера, методы и приемы достижения целей, само является государственным достоянием и цивилизационной ценностью, требующей защиты. Эффективно защитить свои национальные интересы государство способно лишь тогда, когда граждане чувствуют себя в нем комфортно, а общество – не раздираемо противоречиями.
Ключевые слова: право, государство, национальные интересы, национальная безопасность, стратегия национальной безопасности, права человека.

Abstract: the law directly affects national security and ensuring national interests: one or another legal influence, exerting not only regulatory and organizing, but also stabilizing, as well as stimulating influence on public relations, can facilitate or hinder the achievement of objectively significant public goals and the fulfillment of state tasks. Forming a sense of justice and a general legal culture, law creates a particular system of public relations that directly affect the realization of the interests of citizens, and, consequently, their behavior: attitude to the existing rule of law, law-abiding, activity and initiative. The legal system based on the recognition of the priority of human rights over other social values is a powerful factor ensuring the progressive development of society and the success of the state. Contributing to the realization and protection of national interests, the right of a modern democratic rule of law, which determines the direction of its character, methods and techniques for achieving goals, is itself a state treasure and a civilizational value that requires protection. The state is able to effectively protect its national interests only when citizens feel comfortable in it, and society is not torn apart by contradictions.
Key words: law, state, national interests, national security, national security strategy, human rights.

Национальные интересы в широком смысле могут быть определены как наиболее значимые цели и задачи суверенного государства, имеющие высший ценностный смысл и выступающие ориентиром самостоятельной политической деятельности государства, артикулирующим определенные свойства внутренней и внешней политики. В узком смысле национальные инте-

© Антонченко В. В., 2023

ресы связаны с понятиями обретения и сохранения национальной идентичности, принадлежности к определенной нации, народу, культурному пространству.

Национальные интересы государства выражаются в его внутренней и внешней политике, в том числе в политике правовой. Понятие «национального интереса» как неотъемлемой части мировой политики, зародившееся в период становления национальных государств в XVII в. и окончательно сформированное после Второй мировой войны, нашло свое место в позитивном праве России только в 2009 г.[1] Национальные интересы – явление более широкое, чем понятие национальной безопасности; первые относятся ко второму как общее к частному. Сегодня, в век технологий, способных причинить вред миллионам людей, вопросы безопасности человека и стабильности общества приобретают новую актуальность. Эти вопросы могут быть решены лишь в условиях устойчивой общественно-политической системы.

Понятие «национальный интерес» может быть по-разному интерпретировано в зависимости от личных предпочтений, идей и целей руководителей, принимающих политические решения, и чиновников высокого ранга. Более того, национальные интересы объективно различаются для разных социальных групп и слоев общества. По образному выражению Ж.-Б. Дюрозеля, «любое размышление об объективном национальном интересе является субъективным»[2]. Среди множества подходов к понятию национальных интересов преобладают два, которые условно можно определить как либеральный (идеалистический) и государственнический (этатический). Первый подход основан на признании приоритетности удовлетворения всей совокупности интересов граждан; государственные интересы здесь должны быть подчинены интересам гражданского общества и демократических начал[3].

Сторонники второго подхода связывают существование национального интереса с обеспечением государственного суверенитета, наращиванием экономического потенциала, гарантиями безопасности страны, обеспечиваемой как военными, так и политико-дипломатическими средствами. С этой позиции национальный интерес учитывает множество объективных факторов – социально-экономических, геополитических, демографических и т. д., является базовой категорией любого государства и не может сводиться к совокупности интересов граждан[4].

Существует также и третье направление политико-правовой мысли, полагающее, что в век всеобщей глобализации расширение межгосударственных, межнациональных, а также неправительственных связей снимает значимость проблемы государственных суверенитетов; что распространение влияния транснациональных корпораций, свободное движение людей, капиталов и технологий размывает национальные интересы, которые постепенно теряют свою актуальность и значимость[5].

Некоторые ученые (О. Аболин, Д. Фурман и др.) объясняют существование понятия «национальный интерес» потребностью в консолидации разрозненного общества на основе ложного единства интересов и, таким образом, манипулировании обществом.

Реализация государством своих задач и функций преследует определенные цели и так или иначе служит (или должна служить) общественному благу, которое и является сутью национальных интересов в самом широком смысле данного понятия. Объективно существующий базовый интерес любого общества состоит в согласовании потребностей всех его членов, групп и слоев. Право как системная совокупность закрепленных государством правил и возможность лица совершать те или иные юридически значимые действия способно обеспечить данный интерес, положив его в основу правовой политики в целом.

Благополучие государства, его суверенитет и безопасность зависят не только от успехов в

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 20. Ст. 2444.

[2] *Duroselle J.-B.* Tout empire périra. Une vision theoriqu des relations scene internationale. Paris, 1992.

[3] См.: *Аболин Ю.* Отказ от принципа «абсолютного суверенитета» // Полис. 1995. № 1. С. 72–74 ; *Фурман Д. Е.* Внешнеполитические ориентиры России // Россия и мусульманский мир. Бюллетень реферативно-аналитической информации. 1995. JSfe 12 (42).

[4] См.: Запад : новые измерения национальной и международной безопасности / О. А. Колобов [и др.]. Н. Новгород, 1997 ; *Моргентау Г.* Реалистическая теория международной политики // Теория международных отношений. Н. Новгород, 2001. С. 130–141.

[5] См.: *Молчанов М. А.* Дискуссионные проблемы понятия «национальный интерес» // Полис. 2000. № 1. С. 7–22.

экономике и не столько от мощи вооруженных сил и спецслужб. Так, Советский Союз, мощное в экономическом и военном плане государство, стремительно прекратило свое существование по причине системной дезинтеграции в государственном, общественно-политическом устройстве и социальной структуре.

В основе существования любого государства лежит его экономика как хозяйственная деятельность общества по производству, распределению и потреблению создаваемых обществом благ. Право, опосредуя общественные отношения между участниками этой деятельности в системе общественного воспроизводства, способно либо сдерживать и подавлять экономическое и социальное развитие государства и общества, либо ускорять его. Правовые средства в своем реальном функционировании в процессе специальной правовой деятельности приводят к достижению определенного результата в решении социально-экономических, политических, нравственных и иных задач и проблем, стоящих перед обществом и государством на современном этапе[6].

Национальные интересы являются, как правило, и стратегическими национальными приоритетами, получающими свое развитие в конкретных программах и правовых актах; их обеспечение и защита осуществляется правовыми средствами государственными органами при всемерной поддержке общества и граждан (гражданского общества). Они провозглашаются, как правило, в официальных правовых актах государств: в России в настоящее время национальные интересы определены Указом Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»[7]. К таковым, в частности, относятся: сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан; защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны; поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества и т. д.

Провозглашенные в указе национальные интересы соответствуют жизненно важным потребностям граждан, общества и государства и сочетают в себе либерально-идеалистический и государственнический подходы, а открывающий данный перечень тезис о «сбережении народа» явно отсылает нас к публицистике А. И. Солженицына[8], намекая, таким образом, на преобладание первого.

Право создает единое правовое пространство как сферу формирования и действия системы нормативных актов. Это пространство, помимо собственно единого законодательства, должно включать в себя единые правопонимание, правосознание, правовую культуру и юридическую практику. Регламентация юридическими нормами моделей правомерного поведения самого государства, его субъектов, органов, должностных лиц и граждан в своих государственных границах является необходимым условием обладания государством суверенитета на своей территории. Применительно к федеративному государству именно верховенство Конституции и федеральных законов на всей его территории служит юридическим выражением суверенитета и гарантией целостности государства.

Право как феномен цивилизации и культуры весьма зависимо и уязвимо от правовой традиции, присущей тому или иному обществу и государству на определенном историческом этапе развития. Представляется, что правовые традиции как принципы и тенденции правового бытия влияют на развитие общества и государства даже более, чем собственно писаное право. Так, неписаный характер Конституции Великобритании, существующей в форме обычаев, традиций и общепризнанных соглашений, не ставит под сомнение реальность существующих в этой стране прав и свобод, обеспечиваемых государством; так же как и монархическая форма правления не умаляет ни демократии, ни роли народа как источника государственной власти.

В то же время при отсутствии этического и морально-нравственного основания позитив-

[6] См.: *Сапун В. А.* Теория правовых средств и механизм реализации права : дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 56.

[7] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1 (дата обращения: 10.08.2022).

[8] См.: *Солженицын А. И.* Как нам обустроить Россию : посильные соображения. Л., 1990.

ное право может стать просто механизмом, обслуживающим интересы и политические идеи правящей верхушки. Право, лишаясь этических критериев, перестает выполнять свою социальную роль, лишается возможности выполнять функцию регулирования и развития отношений, соответствующих интересам граждан, общества и государства, т. е. перестает соответствовать общественным интересам в их истинном понимании; в таком случае эти интересы и идеи суть преступны[9]. Если властная принудительность является единственной отличительной особенностью права, то право не может не потерять воспитательную и оценочную функции, не может не превратиться в псевдоправо[10]. К сожалению, история знает множество примеров, когда псевдоправо формирует в государстве псевдоправовой порядок; такие государства, несмотря на их видимую устойчивость, вовсе не являются стабильными.

Так, по бессмысленным и жестоким правовым нормам германское государство в период диктатуры НСДАП (с 1933 по 1945 г.) уничтожило миллионы людей, однако крах его идей, якобы олицетворявших национальные интересы и самих государственных структур нацистской Германии, хотя и потребовал бесчисленных жертв, но был изначально предрешен. Очевидно, что для нации, которая пытается обеспечить свой национальный подъем за счет других, потери будут значительно больше приобретений. В крайних случаях проявления национального эгоизма нацию неминуемо ожидает катастрофа.

Полагая, что этический критерий является обязательным условием существования права, представляется, что лишенная разумности, негуманная и деспотичная правовая норма (и правовая система в целом) способна какое-то время обеспечивать государственный произвол, но не пользуясь как поддержкой большинства населения внутри страны, так и на международном уровне, такой режим рано или поздно обречен на трансформацию или распад. Нюрнбергский процесс 1945–1946 гг. и его результаты свидетельствуют об однозначном преобладании философско-правового подхода в представлениях о природе права над формально-юридической позитивистской позицией.

Нельзя не согласиться с Э. А. Поздняковым в том, что подлинный национальный интерес возникает лишь там, где интересы граждан сближаются с интересами государства[11]. От степени этого единства в конечном счете зависит и стабильность общества, и безопасность государства, которое, провозглашая национальные интересы, само служит средством их реализации и охраны.

В подавляющем большинстве современных государств вопрос национальных интересов является чисто политическим и связан, в большей степени, с национальной безопасностью, с проблемой обеспечения суверенитета и территориальной целостности. Не многие государства сегодня могут позволить себе в значительной степени отождествлять национальные интересы с интересами своих граждан; подчинять государственные интересы праву в его философско-правовом либерально-идеалистическом понимании. Однако те государства, которые выбрали этот путь и отличаются максимальной открытостью и свободой, имеют, как правило, наивысшие показатели экономического роста, обеспечивающего социальную стабильность и благополучие населения. Недаром в список государств с высоким индексом человеческого развития – показателем, который учитывает достаток, продолжительность жизни и образованность населения, ежегодно входят примерно одни и те же страны: Норвегия, Ирландия, Швейцария, Исландия, Швеция и пр.[12]

Право в его подлинном, не стесненном позитивистским пониманием смысле является не только высокоэффективным регулятором и условием реализации и охраны национальных интересов, но и уникальной социальной ценностью. Как всякая ценность, нуждается в защите и само право. И главное здесь – соблюдение в государстве принципов справедливости, гуманизма, правовой безопасности человека, возможности ограничения его прав только законом и не более, чем это необходимо для защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, законных прав других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства.

[9] См.: *Антонченко В. В.* Право и общественные интересы // Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 174–183.

[10] См.: *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства. М., 2002. С. 34.

[11] См.: *Поздняков Э. А.* Нация, национализм, национальные интересы. М., 1994. С. 94.

[12] Сайт Human Development Reports / United Nations Development Programme. URL: http://hdr.undp.org/ (дата обращения: 10.08.2022).

Библиографический список

Аболин О. А. Отказ от принципа «абсолютного суверенитета» // Полис. 1995. № 1. С. 72–74.

Антонченко В. В. Право и общественные интересы // Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 174–183.

Запад : новые измерения национальной и международной безопасности / О. А. Колобов [и др.]. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 1997. 345 с.

Молчанов М. А. Дискуссионные проблемы понятия «национальный интерес» // Полис. 2000. № 1. С. 7–22.

Моргентау Г. Реалистическая теория международной политики // Теория международных отношений. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2001. С. 130–141.

Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М. : Норма, 2002.

Поздняков Э. А. Нация, национализм, национальные интересы. М. : Прогресс–Культура, 1994.

Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права : дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002.

Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию : посильные соображения. Л. : Сов. писатель, 1990. 64 с.

Фурман Д. Внешнеполитические ориентиры России // Россия и мусульманский мир. Бюллетень реферативно-аналитической информации. 1995. № 12 (42).

Duroselle J.-B. Tout empire périra. Une vision theoriqu des relations scene internationale. Paris : Armand Colin, 1992. 345 p.

References

Abolin O. A. Rejection of the principle of "absolute sovereignty" // Polis. 1995. № 1. P. 72–74.

Antonchenko V. V. Law and public interests // Asia-Pacific region : economics, politics, law. 2022. Vol. 24, № 1. P. 174–183.

The West : New dimensions of national and international security / O. A. Kolobol [et al.]. N. Novgorod : UNN Publishing House, 1997. 345 p.

Molchanov M. A. Debatable problems of the concept of "national interest" // Polis. 2000. № 1. P. 7–22.

Morgenthau G. Realistic theory of international politics // Theory of International Relations. N. Novgorod : UNN Publishing House, 2001. P. 130–141.

Nersesyants V. S. General theory of law and the state. M. : Norm, 2002.

Pozdnyakov E. A. Nation, nationalism, national interests. M. : Progress – Culture, 1994.

Sapun V. A. Theory of legal means and mechanism of realization of law: dis. … doct. jurid. Sciences. N. Novgorod, 2002.

Solzhenitsyn A. I. How can we equip Russia: Feasible considerations. L. : Soviet writer, 1990. 64 p.

Furman D. Foreign policy guidelines of Russia // Russia and the Muslim world. Bulletin of Abstract and Analytical Information, 1995. № 12 (42).

Duroselle J.-B. Tout empire périra. Une vision theoriqu des relations scene internationale. Paris : Armand Colin, 1992. 345 p.

Дальневосточная пожарно-спасательная академия МЧС России (г. Владивосток)

Антонченко В. В., кандидат юридических наук, заместитель начальника по учебно-научной работе

E-mail: antovadim@yandex.ru

Поступила в редакцию: 17.08.2022

Для цитирования:

Антонченко В.В. Права человека и национальные интересы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 89–93. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/89-93.

Far East fire and rescue academy of EMERCOM of Russia

Antonchenko V. V., Candidate of Legal Sciences, Deputy Head of the Far Eastern Fire and Rescue

E-mail: antovadim@yandex.ru

Received: 17.08.2022

Recommended citation:

Antonchenko V. V. Human rights and national interests // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 89–93. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/89-93.

УДК 342.25
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/94-103

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАТУСА СТОЛИЦ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

И. Н. Сафин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

LEGAL REGULATION OF THE CAPITAL-CITIES' STATUS IN FOREIGN COUNTRIES OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

I. N. Safin

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: проводится анализ конституций, законов о статусе столиц, об административно-территориальном делении, о местном самоуправлении стран СНГ. Рассматривается тождественность основных положений законов о статусе столиц в ряде стран как проявление конвергенции правовых систем стран СНГ и как одна из основных характеристик правового регулирования статуса столиц. Сделаны выводы о наделении столицы особым статусом в связи с осуществлением столичных функций и о низкой степени самостоятельности органов местного самоуправления в столицах, что объясняется повышенным вниманием органов государственной власти.
Ключевые слова: столица, местное самоуправление, территориальное управление, статус столицы, Содружество Независимых Государств, функции столицы.

Abstract: the author analyzes the constitutions, laws on the capital-city status, on administrative and territorial division, and on local self-government in the CIS countries. The author considers the identity of the main provisions of the laws on the capital-city status in a number of countries as a manifestation of the legal systems convergence in the CIS countries and as one of the main characteristics of the legal regulation of the capital-city status. There are conclusions in the paper about the granting of a special status to the capital-cities in connection with the implementation of the capital-cities functions and the low degree of independence of local self-government bodies in the capitals, which could be explained by the increased attention of state authorities.
Key words: capital-city, local self-government, territorial administration, status of the capital-city, Commonwealth of Independent States, capital-city functions.

В 1991 г. Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР) и Украина образовали Содружество Независимых Государств[1] (далее – Содружество, СНГ)[2].

Следует отметить, что направления конституционного развития государств Содружества в целом аналогичны, об этом можно судить и по

[1] В соответствии с Протоколом от 21 декабря 1991 г. к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств сторонами Соглашения являются Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан и Украина. Согласно Указу Президента Украины от 19 мая 2018 г. № 139/2018 «О решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 2 мая 2018 г. «О приостановлении действия для Украины отдельных международных договоров, заключенных в рамках Содружества Независимых Государств» принято решение об окончательном прекращении участия Украины в уставных органах СНГ.

[2] Для целей статьи названия государств – участников СНГ приводятся в соответствии с указанными в конституциях краткими или дополнительными наименованиями.

© Сафин И. Н., 2023

тексту конституций, и по форме государственного устройства, и по стремлению следовать основным демократическим ценностям. Исследователи отмечают, что общий «рецепт» конституции постсоциалистического государства представляет собой относительно успешное сохранение социалистического прошлого и имевшихся конституционно-правовых институтов, приводимых при этом в соответствие с новыми реалиями, а также инклюзию выработанных в ходе демократического строительства собственных идей[3].

Государства Содружества объединяет не только членство в организации, сложившиеся связи, историческая общность народов и единое геоэкономическое пространство. Данные государства отказались от федеративной формы государственного устройства и являются унитарными по форме государственного устройства[4]. Исключение составляет Российская Федерация – федеративное государство, поэтому исследование касается только зарубежных стран СНГ.

Б. А. Страшун отмечал, что в унитарных государствах чисто симметричное устройство встречается нечасто и выделял особый статус столиц по сравнению с остальными территориальными единицами высшего уровня[5]. Целью данного исследования является проверка справедливости данного тезиса на основе анализа конституционно-правовых норм зарубежных стран Содружества, а также выявление ключевых особенностей правового регулирования статуса столиц.

Конституции стран Содружества: закрепление норм о статусе столиц

Анализ конституций стран Содружества представляется особенно необходимым, поскольку включение тех или иных положений в текст конституции подчеркивает их значимость для государства, общества, личности.

Согласно единственной релевантной статье Конституции Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 г. город Баку является столицей Азербайджана[6]. При этом перечень административно-территориальных единиц или их видов не приводится.

В Конституции Республики Армения от 5 июля 1995 г. указано, что город Ереван является столицей Армении и общиной, а особенности территориального управления и местного самоуправления в городе Ереване установлены законом[7]. Всего в Республике выделяются два вида административно-территориальных единиц: марзы (области) и общины.

Конституция Республики Беларусь содержит положения о том, что город Минск является столицей Беларуси, а его статус определяется законом[8]. Территория Республики Беларусь включает в себя области, районы, города и другие административно-территориальные единицы. Отдельно город Минск упоминается в нормах о республиканском референдуме и об избрании Совета Республики – одной из палат парламента Республики Беларусь. Исходя из содержания и способа построения данных норм, можно сделать вывод, что предполагается равнозначность областей и города Минска.

В соответствии с Конституцией Республики Казахстан столицей Казахстана является город Астана, статус которой наряду с административно-территориальным устройством Республики определяется законом[9]. Посредством конституционного закона в столице может устанавливаться особый правовой режим в финансовой сфере. Это положение было внесено в Конституцию Республики Казахстан в 2017 г. и

[3] См.: *Нечкин А. В.* Конституции стран СНГ и других постсоциалистических государств : сравнительно-правовой обзор // Российское право : образование, практика, наука. 2018. № 5 (107). С. 81.

[4] См.: *Мишин А. А.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учеб. для вузов. М., 2013.

[5] См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть : учеб. для вузов / отв. ред. Б. А. Страшун. М., 2010. С. 801. URL: https://znanium-com.proxylibrary.hse.ru/catalog/product/216065 (дата обращения: 20.04.2021).

[6] Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 г. // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. URL: https://ru.president.az/azerbaijan/constitution (дата обращения: 20.04.2021).

[7] Конституция Республики Армения от 6 декабря 2015 г. // Официальный сайт Президента Республики Армения. URL: https://www.president.am/ru/constitution-2015/ (дата обращения: 20.04.2021).

[8] Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп. от 17.10.2004) // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/ (дата обращения: 21.04.2021).

[9] Конституция Республики Казахстан : принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 22.04.2021).

связано с созданием и организацией деятельности на территории столицы Международного финансового центра «Астана»[10]. Конституцией предусмотрены также нормы об избрании Сената (одна из палат парламента), о республиканском референдуме, в них упоминается столица. Акимы (руководители местных исполнительных органов) областей, городов республиканского значения и столицы назначаются на должность Президентом Республики, который имеет право на отмену или приостановление действия актов акимов областей, городов республиканского значения и столицы. Перечень видов административно-территориальных единиц не приводится.

В Конституции Кыргызской Республики закреплено, что города Бишкек (также является столицей) и Ош являются городами республиканского значения, статус которых определяется законом[11]. Перечень видов административно-территориальных единиц не приводится.

Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994 г. устанавливает, что столицей является город Кишинэу (Кишинёв), статус которой регламентируется органическим законом[12]. В статье об административно-территориальном устройстве приводится перечень видов административно-территориальных единиц, в котором отдельно выделено только автономно-территориальное образование Гагаузия (город Кишинёв не выделяется).

Согласно Конституции Таджикистана столицей Республики Таджикистан является город Душанбе[13]. В соответствии с Конституцией город Душанбе, Горно-Бадахшанская автономная область, области, города и районы республиканского подчинения приведены в нормах, посвященных избранию палаты национального парламента – Маджлиси милли, назначению и освобождению судей военных судов, отдельным вопросам судебной системы. Президент Таджикистана назначает и освобождает председателей административно-территориальных единиц, имеет право распустить местные представительные органы. В Конституции приводится перечень видов административно-территориальных единиц, отдельно выделена Горно-Бадахшанская автономная область, но не город Душанбе.

Конституция Туркменистана содержит положения о том, что город Ашхабад является столицей[14]. Предусмотрено также, что в состав одной из палат парламента (Халк Маслахаты) входят по восемь представителей от каждого велаята (административно-территориальная единица) и города Ашхабада. В Конституции Туркменистана приведены виды административно-территориальных единиц, среди которых город Ашхабад, или столица, напрямую не упоминается.

Конституция Республики Узбекистан включает статью о том, что город Ташкент является столицей Узбекистана[15]. В разделе об административно-территориальном устройстве приводится перечень видов территориальных единиц, при этом город Ташкент, или столица, не выделяется. В статье Конституции об изменении границ между территориальными единицами Узбекистана город Ташкент перечисляется наряду с областями и Республикой Каракалпакстан Представительство в верхней палате парламента осуществляется в равном количестве – по шесть человек – от Республики Каракалпакстан, областей и города Ташкента. Президент Узбекистана назначает хокимов (возглавляет представительную и исполнительную власть) областей и города Ташкента, а также председателей судов областей и города Ташкента и их заместителей. Народные депутаты Республики Каракалпакстан, областей и города Ташкента пред-

[10] Конституция Республики Казахстан : науч.-практ. комментарий (Конституционный Совет Республики Казахстан, 2018 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38623503 (дата обращения: 22.04.2021).

[11] Конституция Кыргызской Республики : принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 г. // Централизованный банк данных правовой информации. Министерство юстиции Кыргызской Республики. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru (дата обращения: 22.04.2021).

[12] Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994 г. // Государственный реестр правовых актов. Министерство юстиции Республики Молдова. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=111918&lang=ru (дата обращения: 22.04.2021).

[13] Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. // Министерство юстиции Республики Таджикистан. URL: https://adliya.tj/ru/constitution (дата обращения: 23.04.2021).

[14] Конституция Туркменистана // Информационная система «ПАРАГРАФ». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31337929#pos=113;-58 (дата обращения: 23.04.2021).

[15] Конституция Республики Узбекистан // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: https://lex.uz/docs/35869 (дата обращения: 23.04.2021).

ставляют рекомендации в отношении членов Центральной избирательной комиссии Республики Узбекистан. Вновь текст Конституции позволяет судить о равнозначности областей и столицы.

Конституция Украины содержит следующие положения: 1) город Киев является столицей и имеет специальный статус; 2) местные государственные власти осуществляют исполнительную власть в Киеве с учетом особенностей, определенных в отдельных законах; 3) вопросы осуществления местного самоуправления в городе Киеве определены отдельным законом[16]. При этом указанные особенности устанавливаются отдельными законами не только для Киева, но и для Севастополя (в настоящее время Севастополь входит в состав Российской Федерации и является городом федерального значения). В Конституции Украины приводится подробный перечень административно-территориальных единиц и их виды.

Законодательство стран Содружества о статусе столиц и местном самоуправлении

Конституционно-правовое регулирование статуса столиц стран Содружества в большинстве случаев дополняется правовыми актами о статусе столиц, которые приняты в Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, Республике Молдова, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане, Украине[17]. Специальный закон не принят в Азербайджане и Армении, где действует Закон Республики Армения от 15 января 2009 г. № ЗР-5 «О местном самоуправлении в городе Ереване». Представляется целесообразным начать проведение анализа правового регулирования статуса столиц с тех стран Содружества, где принят специальный закон.

В законах о статусе столиц, принятых в Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане, Украине, имеются структурные единицы, согласно которым столица признается административным и политическим центром государства. В ряде законов добавляются другие аспекты центральной роли столицы: экономика, образование, наука, культура. В Законе Республики Молдова от 17 июня 2016 г. № 136 «О статуте муниципия Кишинэу» такой характеристики не содержится.

Территория столицы, как правило, отличается от иной государственной территории значительной концентрацией центральных органов власти[18]. Размещение органов государственной власти, местного самоуправления, представительств иностранных государств является одной из функций столицы[19]. В рассматриваемых законах Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Украины закреплено положение о том, что столица является местом нахождения резиденции главы государства, органов государственной власти, дипломатических представительств, консульских учреждений. При этом в Казахстане, Кыргызстане, Туркменистане допускается расположение отдельных органов государственной власти вне столицы. Законами о статусе столиц Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана предусматривается нахождение в столице оригинала конституции государства. Законом «О статуте муниципия Кишинэу» размещение в столице органов государственной власти, представительств и учреждений иностранных государств прямо не предусмотрено.

В осуществлении функций столиц Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Украины предусмотрено участие государственных органов, что выражается в различных формах: утверждение правовых актов, касающихся столицы (Казахстан, Туркменистан),

[16] Конституция Украины от 28 июня 1996 г. (254к/96-ВР) // Верховная рада Украины. Официальный веб-портал парламента Украины. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80#Text (дата обращения: 23.04.2021).

[17] Закон Республики Беларусь 12 июля 2000 г. № 410-З «О статусе столицы Республики Беларусь – города Минска» ; Закон Республики Казахстан от 21 июля 2007 г. № 296-III «О статусе столицы Республики Казахстан» ; Закон Кыргызской Республики от 12 декабря 2013 г. № 218 «О статусе столицы» ; Закон № 136 от 17 июня 2016 г. «О статуте муниципия Кишинэу» ; Закон Республики Таджикистан от 2 января 2018 г. № 1494 «О статусе столицы Республики Таджикистан» ; Закон Туркменистана от 26 марта 2016 г. № 368-V «О статусе столицы Туркменистана» ; Постановление Верховного Совета Республики Узбекистан от 18 ноября 1991 г. № 420-XII «О статусе и структуре управления города Ташкента – столицы Республики Узбекистан» ; Закон Украины от 15 января 1999 г. № 401-XIV «О столице Украины – городе-герое Киеве».

[18] См.: Территория в публичном праве / И. А. Алебастрова [и др.]. М., 2013.

[19] См.: *Таболин В. В.* Столицеведение : правовые подходы к исследованию // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 8. С. 3–9.

в том числе генерального плана (Беларусь, Таджикистан, Туркменистан), содействие в осуществлении функций столицы (Кыргызстан, Таджикистан), взаимодействие с центральными государственными органами (Беларусь, Украина). Статьи о содействии органов государственной власти в осуществлении функций столицы в законах Кыргызстана и Таджикистана практически полностью идентичны и касаются разработки и реализации целевых программ развития, осуществления планов по развитию объектов инфраструктуры.

Законы о статусе столиц Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Украины, кроме полномочий, как правило, предусмотренных законами о местном самоуправлении, наделяют представительные, исполнительные органы дополнительными полномочиями, связанными с функциями столицы. Например, согласно Закону «О статусе столицы Республики Таджикистан» маджлис народных депутатов города Душанбе (представительный орган) наряду с полномочиями, предусмотренными законодательством, обеспечивает реализацию функций столицы. Киевский городской голова наделяется дополнительными полномочиями в целях обеспечения осуществления городом Киевом столичных функций. Киевскому городскому Совету предоставляются дополнительные права в связи с осуществлением городом Киевом столичных функций. Закон Кыргызской Республики «О статусе столицы» предусматривает дополнительный перечень вопросов местного значения, помимо тех, что определены Законом Кыргызской Республики от 15 июля 2011 г. № 101 «О местном самоуправлении».

Законы о статусе столиц Беларуси, Таджикистана, Туркменистана включают понятие статуса столицы, определяемое как правовое положение, предусматривающее права, обязанности, гарантии, связанные с осуществлением функций и задач столицы. Другим общим положением в законах указанных стран является закрепление особенностей обеспечения безопасности и общественного порядка в столице. Необходимо также отметить тождественность формулировок о дополнительной регламентации проведения массовых мероприятий (собрания, митинги и т. д.), о возможности установления особенностей въезда, учета и регистрации граждан, движения транспорта, санитарно-эпидемиологических мер.

Идентично сформулированы и положения законов о статусе столиц Беларуси, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана о задачах органов власти в столице, к которым относятся: 1) создание условий для: а) выполнения столицей роли центра государства в различных направлениях; б) деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, дипломатических представительств иностранных государств, расположенных в столицах; в) организации и проведения международных и общегосударственных мероприятий; 2) повышение конкурентных возможностей столицы, обеспечение устойчивого развития города; 3) развитие столицы как центра международных отношений. В законе о статусе столицы Кыргызстана аналогичные положения включены в статью о функциях органов местного самоуправления.

В Душанбе, Ашхабаде, Астане архитектурная, градостроительная и строительная деятельность должна осуществляться в соответствии с генеральным планом. В Астане и Ашхабаде дополнительно создается градостроительный совет столицы, возглавляемый руководителем местного исполнительного органа. Важно отметить, что и положения об элементах инфраструктуры столицы практически тождественны в законах о статусе столиц Казахстана и Туркменистана.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос гарантий, а также материального и финансового обеспечения осуществления столичных функций. Данные положения в законах о статусе столиц Беларуси, Таджикистана, Туркменистана предусматривают выделение необходимых материальных и финансовых средств, необходимых для осуществления функций столицы. В законах о статусе столицы Белоруссии, Кыргызстана, Таджикистана имеются положения о гарантиях, которые заключаются в передаче имущества и принятии мер, необходимых для осуществления функций столицы. Согласно закону о статусе столицы Таджикистана финансирование расходов на выполнение функций столицы учитывается при принятии бюджета Республики, столице выделяются субвенции и субсидии, предусмотрено представление государственных гарантий инвестициям. В законе о статусе столицы Казахстана положений о гарантиях или материально-финансовом обеспечении осуществления столичных функций не имеется. Отдельная глава о финансово-экономических основах предусмотрена в законе о статусе

столицы Кыргызстана, например мэрия может создавать фонд развития города. Особенности бюджета города Киева определяются Бюджетным кодексом Украины. В случае принятия органами государственной власти решений, требующих дополнительных расходов, такие решения сопровождаются передачей необходимых ресурсов. Наконец, доходы бюджета города Киева формируются в том числе за счет трансфертов из государственного бюджета на выполнение столичных функций.

Исследование показало, что многие положения в законах о статусе столицы Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Украины схожи либо тождественны. В научной литературе подтверждается непрерывная конвергенция правовых систем и формирование единого правового пространства Содружества, одним из направлений которых является унификация законодательства[20]. В рамках Содружества деятельность по сближению законодательства государств осуществляется Межпарламентской Ассамблеей СНГ, принявшей более 550 модельных правовых актов[21]. Позиция стран – участников Содружества заключается в том, что модельное законотворчество ориентирует национальные законодательства на общепризнанные правовые нормы и лучшие примеры законотворчества. Представляется, что такая позиция имеет право на существование, однако в законодательстве должны быть учтены особенности общественных отношений в отдельно взятом государстве. Практически полная тождественность, «слепое» заимствование отдельных структурных единиц правовых актов не может свидетельствовать о качестве правовых актов, тем более, когда правовой акт регулирует статус столицы.

Закон от 17 июня 2016 г. № 136 «О статуте муниципия Кишинэу» существенно отличается по содержанию от законов Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Украины. Основные положения Закона «О статуте муниципия Кишинэу» посвящены деятельности муниципального совета, генерального примара, возглавляющего администрацию муниципия, претора (представителя примара в конкретном секторе управления), претуры, организации муниципальных публичных служб, вопросам, связанным с муниципальным имуществом и формированием муниципального бюджета. Муниципий Кишинэу обладает автономией в принятии решений, а также организационной, управленческой и финансовой автономией, которая предусмотрена и для других административно-территориальных единиц, где осуществляется местное самоуправление в соответствии с Законом от 28 декабря 2006 г. № 436 «О местном публичном управлении». В целом следует отметить, что Закон «О статуте муниципия Кишинэу» не содержит каких-либо положений, обусловленных специфическим статусом столицы.

В Узбекистане было принято постановление Верховного Совета Республики Узбекистан от 18 ноября 1991 г. № 420-XII «О статусе и структуре управления города Ташкента – столицы Республики Узбекистан»[22]. Представляется, что данное постановление устарело или утратило силу, так как 17 августа 2018 г. был принят Указ Президента Республики Узбекистан «О правовом эксперименте по внедрению особого порядка управления в городе Ташкенте»[23]. Данный эксперимент предполагает коренное реформирование системы управления города Ташкента. Содержание дорожной карты по коренному реформированию системы управления города Ташкента совпадает с подходами, заложенными в законах о статусе столиц Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана. Кабинету министров Республики Узбекистан рекомендовано с учетом международного опыта

[20] См.: *Третьякова О. Д.* Юридическая конвергенция : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2012. С. 14.

[21] Решение Совета глав государств СНГ «О развитии и укреплении межпарламентского сотрудничества стран Содружества Независимых Государств» // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: http://cis.minsk.by/ (дата обращения: 23.04.2021).

[22] Указанное постановление отсутствует в свободном доступе, а также на портале Национальной базы данных законодательства Республики Узбекистан, официальном сайте хокимията города Ташкента, Правительственном портале Республики Узбекистан. Документ имеется только в платных информационных системах (например, norma.uz). Для получения документа были направлены письма в официальном сайте хокимията города Ташкента и администраторам портала norma.uz, ответ в настоящее время не получен.

[23] О правовом эксперименте по внедрению особого порядка управления в городе Ташкенте : указ Президента Республики Узбекистан от 17 августа 2018 г. № УП-5515 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: https://lex.uz/acts/3871319 (дата обращения: 20.04.2021).

внести проект закона Республики Узбекистан «О статусе столицы Республики Узбекистан»[24].

Закон Азербайджанской Республики от 13 июня 2000 г. № 892-IQ «О территориальном устройстве и административно-территориальном делении» предусматривает положение, в соответствии с которым статус столицы Азербайджанской Республики – города Баку устанавливается соответствующим Законом Азербайджанской Республики. Закон Азербайджанской Республики от 2 июля 1999 г. № 698-IQ «О статусе муниципалитетов» не содержит положений, связанных с регулированием статуса столицы. Мониторинг баз правовых данных, а также различных новостей, связанных с городом Баку, дает основание предполагать, что закон, регулирующий статус столицы Азербайджана, не был принят[25]. Более того, 9 марта 2021 г. была опубликована информация, что депутат парламента Азербайджана готовит законопроект «О статусе Баку»[26].

Азербайджан является единственным государством – членом Совета Европы, в котором не создан представительный орган местного самоуправления, не избирается мэр города, это подтверждается сведениями из средств массовой информации. В связи с этим Конгресс местных и региональных властей Совета Европы отмечал в 2012 г., что Азербайджан не выполнил обязательства, добровольно принятые им после ратификации Европейской хартии местного самоуправления[27].

В соответствии с Законом Республики Армения от 9 декабря 2019 г. № ЗР-252 «О территориальном управлении» в Ереване осуществляется территориальное управление, особенности которого устанавливаются Законом «О местном самоуправлении в городе Ереване». Согласно Закону Республики Армения «Об административно-территориальном делении Республики Армения», в областях и городе Ереване осуществляется государственное управление, а в общинах – местное самоуправление. В соответствии с Законом Республики Армения от 15 января 2009 г. № ЗР-5 «О местном самоуправлении в городе Ереване» Ереван является муниципалитетом. Закон «О местном самоуправлении в городе Ереване» не содержит формулировок, обусловленных столичным статусом. Какие-либо гарантии, обусловленные столичным статусом, отдельно не регламентированы, кроме передачи имущества Еревану на праве собственности. Территориальное управление в Ереване осуществляет Министерство территориального управления Республики Армения. Определенные функции территориального управления в Ереване могут передаваться другим республиканским органам исполнительной власти постановлением Правительства Республики.

Представляется важным рассмотрение вопроса о порядке наделения полномочиями руководителей исполнительной власти в странах Содружества. Есть группа государств, в которых назначение на должность руководителей исполнительных органов в столицах и освобождение их от должности осуществляется Президентом (Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан). Такой порядок наделения полномочиями свидетельствует о низкой степени самостоятельности административно-территориальной единицы и повышенном внимании органов государственной власти. В других государствах (Армения, Кыргызстан, Республика Молдова, Украина) мэр или генеральный примар, или городской голова наделяются полномочиями по итогам выборов.

Закон Республики Казахстан от 23 января 2001 г. № 148-II «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» содержит ссылку на закон, устанавливающий особое регулирование в вопросах местного самоуправления в городе Алматы[28].

[24] В настоящее время на портале Национальной базы данных законодательства Республики Узбекистан соответствующий закон отсутствует.

[25] Закон, регламентирующий статус столицы Азербайджана или особенности местного самоуправления в Баку отсутствует в Единой электронной базе правовых актов Министерства юстиции Республики Азербайджан (http://www.e-qanun.az/), в информационных системах «ПАРАГРАФ» (https://online.zakon.kz/Lawyer), «Законодательство стран СНГ» (https://base.spinform.ru/).

[26] Депутат Милли Меджлиса готовит законопроект «О статусе Баку» // Информационное агентство «Report». URL: https://report.az/ru/milli-mejlis/deputat-milli-medzhlisa-gotovit-zakonoproekt-o-statuse-baku/ (дата обращения: 20.04.2021).

[27] Местная и региональная демократия в Азербайджане : резолюция 345 (2012) Конгресса местных и региональных властей // Официальный сайт Совета Европы. URL: https://rm.coe.int/168071a538 (дата обращения: 20.04.2021).

[28] О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан : закон Республики Казахстан от 23 января 2001 г. № 148-II (с изм. и доп. по состоянию на 12.03.2021) // Информационная система «ПАРАГРАФ». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_

Город Алматы является городом республиканского значения[29]. Наконец, положения Конституции Республики Кыргызстан сформулированы таким образом, что установление специального правового регулирования для города Бишкека обусловлено не статусом столицы, а статусом города республиканского значения. Закон Кыргызской Республики от 12 декабря 2013 г. № 219 «О статусе города Ош» построен аналогичным образом с законом, регулирующим статус города Бишкека, имеется много схожих положений. Более того, в ряде конституций, как было рассмотрено выше, столицы отдельно в перечне административно-территориальных единиц могут не выделяться. Представляется, что указанные обстоятельства свидетельствуют о размывании статуса столицы, равнозначности столичного города и других городов.

В заключение необходимо рассмотреть вопрос соотношения территориального или государственного управления и местного самоуправления, исходя из законодательства стран Содружества. В Азербайджане в городе Баку осуществляется территориальное управление, местное самоуправление представлено только на уровне муниципалитетов, образованных в составе столицы. Закон Республики Армения от 15 января 2009 г. № ЗР-5 «О местном самоуправлении в городе Ереване» предусматривает осуществление в городе Ереване территориального управления и местного самоуправления[30]. В столице Беларуси – городе Минске осуществляется местное управление и самоуправление (Закон Республики Беларусь от 12 июля 2000 г. № 410-З «О статусе столицы Республики Беларусь – города Минска»). Согласно Закону Республики Казахстан от 23 января 2001 г. № 148-II «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» на территории административно-территориальных единиц осуществляется местное государственное управление и самоуправление. В столице Кыргызстана – городе Бишкеке осуществляется государственное управление и местное самоуправление[31]. Согласно Закону Республики Таджикистан «Об органах самоуправления поселков и сел» местное самоуправление осуществляется именно на этом уровне[32]. В столице Туркменистана – городе Ашхабаде действует государственное управление и местное самоуправление. На территории столицы Узбекистана – города Ташкента осуществляется государственное управление и местное самоуправление, аналогичное регулирование предлагается Указом Президента Республики Узбекистан от 17 августа 2018 г. № УП-5515 «О правовом эксперименте по внедрению особого порядка управления в городе Ташкенте»[33]. Наконец, в городе Киеве осуществляется как управление, так и местное самоуправление[34]. Приведенные положения указывают на огосударствление местного самоуправления, снижение степени самостоятельности органов местного самоуправления. Исследователи отмечают, что формируется административная модель местного самоуправления, где исполнительно-распорядительные органы муниципальной власти испытывают на себе непосредственное влияние исполнительных органов государственной власти[35]. Степень контроля государственной власти над территорией и людьми, проживающими в столице, является одним из факторов, определяющих роль столицы[36]. Исключение составляет сложившееся правовое регулирование в городе Кишиневе, где осуществляется публичное управление, однако пред-

id=1021546#pos=5;-106 (дата обращения: 20.04.2021).

[29] Об особом статусе города Алматы : закон Республики Казахстан от 1 июля 1998 г. № 258-I (с изм. и доп. по состоянию на 12.03.2021) // Информационная система «ПАРАГРАФ». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1009786#pos=2;-106 (дата обращения: 20.04.2021).

[30] URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=3484&lang=rus (дата обращения: 20.04.2021).

[31] О статусе столицы : закон Кыргызской Республики от 12 декабря 2013 г. № 218. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/205092 (дата обращения: 20.04.2021).

[32] URL: https://medt.tj/documents/main/normativno-pravovie-akti/zakonodatelnie-akti/ru/02550-ru.pdf (дата обращения: 20.04.2021).

[33] URL: https://lex.uz/acts/3871319 (дата обращения: 20.04.2021).

[34] О столице Украины – городе-герое Киеве : закон Украины от 15 января 1999 г. № 401-XIV // Информационная система «Континент». URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30460622&show_di=1#pos=4;-122 (дата обращения: 20.04.2021).

[35] См.: *Чихладзе Л. Т.* Исполнительно-распорядительные органы муниципальной власти в государствах – участниках СНГ // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2013. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolnitelno-rasporyaditelnye-organy-munitsipalnoy-vlasti-v-gosudarstvah-uchastnikah-sng-1 (дата обращения: 20.06.2021).

[36] См.: *Готтман Ж.* Столичные города // Логос. 2013. № 4 (94). С. 15–38.

ставляется, что речь идет именно о местном самоуправлении[37].

Таким образом, содержание норм конституций, касающихся вопросов о статусе столицы, в большей степени, указывает на некоторое размывание столичного статуса, приравнивание столиц к областям и аналогичным административно-территориальным единицам, лишь в отдельных случаях свидетельствует об особом статусе или повышенном внимании органов государственной власти к столицам.

Правовое регулирование статуса столиц в странах Содружества, как правило, дополняется законами о статусе столиц, которые приняты не во всех государствах. Содержание специальных законов указывает на особый статус столицы, предоставление гарантий и дополнительных материальных, и финансовых в связи с осуществлением столичных функций, наделением столицы ролью центра государства. Более пристальное внимание государственной власти к столицам характеризуется установлением особенностей обеспечения безопасности и общественного порядка, регламентации проведения массовых мероприятий, особенностей въезда, движения транспорта, санитарно-эпидемиологических мер, а также требований к генеральному плану столиц. Тем не менее, на практике имеет место придание особого статуса и равноценных привилегий и другим городам рассматриваемых государств. Содержание правового регулирования в Республике Молдова существенно отличается от аналогичных законов других стран Содружества. Соответствующие законы Армении и Украины также предлагают иное регулирование статуса столицы.

Рассмотрение вопросов о порядке наделения полномочиями руководителей исполнительной власти и о соотношении территориального или государственного управления и местного самоуправления в столицах стран Содружества позволяет сделать вывод, что в большинстве стран СНГ имеет место огосударствление местного самоуправления, а также снижение степени самостоятельности органов местного самоуправления в столицах, что также может свидетельствовать о повышенном внимании органов государственной власти к столичным городам.

В рамках исследования выявлено, что в законах о статусе столиц Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Украины (значительная часть стран Содружества) имеется много аналогичных (вплоть до тождественности формулировок) положений. Наличие тождественных положений объясняется общей тенденцией конвергенции правовых систем и формирования единого правового пространства Содружества, одним из направлений которых является унификация законодательства. Представляется, однако, что вопросы правового регулирования статуса столицы не могут быть «слепо» заимствованы, а должны предполагать учет особенностей складывающихся общественных отношений в рассматриваемой сфере.

[37] О статуте муниципия Кишинэу : закон от 17 июня 2016 г. № 136. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=111918&lang=ru (дата обращения: 20.04.2021).

Библиографический список

Готтман Ж. Столичные города // Логос. 2013. № 4 (94). С. 15–38.

Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть : учеб. для вузов / отв. ред. Б. А. Страшун. М. : НОРМА : ИНФРА-М, 2010. 896 с.

Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учеб. для вузов. М. : Статут, 2013. 520 с.

Нечкин А. В. Конституции стран СНГ и других постсоциалистических государств : сравнительно-правовой обзор // Российское право : образование, практика, наука. 2018. № 5 (107). С. 81–91.

Таболин В. В. Столицеведение : правовые подходы к исследованию // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 8. С. 3–9.

Территория в публичном праве / И. А. Алебастрова [и др.]. М. : НОРМА : ИНФРА-М, 2013. 320 с.

Третьякова О. Д. Юридическая конвергенция : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2012.

Чихладзе Л. Т. Исполнительно-распорядительные органы муниципальной власти в государствах – участниках СНГ // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2013. № 5. С. 52–57.

References

Gottman G. Capital-cities // Logos. 2013. № 4 (94). P. 15–38.

Constitutional (state) law of foreign countries General part: Book for universities / managing editor. B. A. Strashun. M. : Norma INFRA-M Publishing House, 2010. 896 p.

Mishin A. A. Constitutional (state) law of foreign countries. Textbook for high schools. M. : Statut, 2013. 520 p.

Nechkin A. V. Constitutions of the CIS countries

and Other Post-Socialist States: A Comparative Legal Review // Russian law: education, practice, science. 2018. № 5 107. P. 81–91.

Tabolin V. V. Country capital studies: legal approaches to research // State Power and Local Self-government. 2020. № 8. P. 3–9.

Territory in Public Law / I. A. Alebastrova [et al.]. M. : Norma INFRA-M Publishing House, 2013. 320 p.

Tret'yakova O. D. Legal convergence : abstract of the dissertion of the candidate of legal sciences. Vladimir, 2012.

Chihladze L. T. Executive administrative organs of municipal authority in the participating states of the CIS // Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 5. P. 52–57.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Сафин И. Н., аспирант Департамента публичного права

E-mail: safin.in2@gmail.com

Поступила в редакцию: 23.06.2022

Для цитирования:

Сафин И. Н. Правовое регулирование статуса столиц в зарубежных странах Содружества Независимых Государств // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 94–103. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/94-103.

National Research University «Higher School of Economics»

Safin I. N., Post-graduate Student of School of Public Law

E-mail: safin.in2@gmail.com

Received: 23.06.2022

Recommended citation:

Safin I. N. Legal regulation of the capital-cities' status in foreign countries of the Commonwealth of Independent States // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 94–103. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/94-103.

УДК 342.7;502.1
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/104-110

О КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ НА ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ ОБ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ И НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

К. С. Сусликова
Воронежский государственный университет

CONSTITUTIONAL RIGHT TO RELIABLE INFORMATION ABOUT THE ENVIRONMENT AND SOME PROBLEMS OF ITS IMPLEMENTATION

K. S. Suslikova
Voronezh State University

Аннотация: раскрывается понятие права на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии. Подчеркивается важная роль цифровизации экологической информации и обращается внимание на проблемы и задачи, которые необходимо решить в этом направлении для реализации данного права.
Ключевые слова: конституционное право, конституционное право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды, достоверная информация, благоприятная окружающая среда, экологическая информация, цифровизация экологической информации.

Abstract: in this article, the author reveals the concept of the right to a favorable environment and reliable information about its condition, emphasizes the important role of digitalization of environmental information and draws attention to the problems and tasks that need to be solved in this direction to implement this right.
Key words: constitutional law, constitutional right to reliable information on the state of the environment, reliable information, favorable environment, environmental information, digitalization of environmental information.

Согласно ст. 42 Конституции РФ[1] каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Конституционное право граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды является одним из фундаментальных прав человека наряду с другими основными (конституционными) правами.

В настоящее время 155 государств мира признают право человека на здоровую окружающую среду в своих конституциях или нормативных актах конституционной значимости[2]. Кроме того, такое право упоминается в международных декларациях, не имеющих обязательной силы, например в Стокгольмской и Рио-де-

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. (с учетом поправок, внесенных законами Рос. Федерации о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Сусликова К. С., 2023

[2] См.: *David R.* Boyd, «Catalyst for change: evaluating forty years of experience in implementing the right to a healthy environment», in John H. Knox and Ramin Pejan, eds., The Human Right to a Healthy Environment (Cambridge University Press, 2018), p. 17–42.

Жанейрской. В Стокгольмской декларации по окружающей среде и развитию 1972 г. указывается, что «человек имеет основное право на свободу, равенство и благоприятные условия жизни в окружающей среде, качество которой позволяет вести достойную и процветающую жизнь и несет главную ответственность за охрану и улучшение окружающей среды на благо нынешнего и будущих поколений»[3]. После Конференции правительства стран-участников была учреждена Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП), которая остается ведущим учреждением в мире по проблемам окружающей среды. На Всемирной конференции в Рио-де-Жанейро 14 июня 1992 г. в Декларации по окружающей среде и развитию было провозглашено, что вопросы, касающиеся экологии, решаются более целесообразно и эффективно тогда, когда к их решению привлечена общественность в лице заинтересованных граждан. Пункт 10 Декларации закрепляет право каждого человека получить доступ к той информации об окружающей среде, которая находится в ведении государственных органов, включая информацию об опасных веществах, экологически опасной деятельности, а также иметь возможность принимать непосредственное участие при обсуждении и осуществлении экологических решений[4]. На конференции были приняты два основных документа: 1) «Декларация Рио-де-Жанейро» из 27 принципов, развивающих 26 принципов Стокгольмской конференции ООН по окружающей человека среде; 2) «Повестка дня на XXI век» – план действий по достижению экологически устойчивого развития.

Начиная со Стокгольмской конференции 1972 г., проблема окружающей среды была включена в рамки устойчивого развития. Все цели устойчивого развития ООН (ЦУР) в той или иной степени связаны с окружающей средой. В июне 1997 г. в Нью-Йорке была созвана специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по проблемам экологии и устойчивого развития, посвященная претворению в жизнь «Повестки дня на XXI в.». Она вошла в историю как «Встреча на высшем уровне по проблемам Земли» или «Рио+5». 6–8 сентября 2000 г. на встрече глав государств и правительств стран – членов ООН в Нью-Йорке были согласованы восемь целей развития тысячелетия (ЦРТ), достичь которые к 2015 г. договорились стремиться все государства – члены ООН. В августе-сентябре 2002 г., через 10 лет после конференции «Рио-92», в Йоханнесбурге (ЮАР) прошел Всемирный саммит по устойчивому развитию («Рио+10»). В 2005, 2008 и 2010 гг. цели развития тысячелетия рассматривались на встречах высокого уровня в Нью-Йорке. В 2012 г. в Рио состоялась конференция ООН по устойчивому развитию, получившая название «Рио + 20». В 2013 г. в Нью-Йорке было проведено специальное мероприятие, посвященное достижению ЦРТ. В итоговом документе, принятом государствами-членами, мировые лидеры подтвердили свою приверженность делу выполнения задач ЦРТ и договорились провести в сентябре 2015 г. саммит с целью принятия нового набора целей. Два года спустя, в 2015 г., на саммите ООН по устойчивому развитию была принята Повестка дня на период до 2030 г. и 17 целей устойчивого развития[5].

В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» от 25 сентября 2015 г. утверждены цели и задачи государств – членов ООН в области устойчивого развития. В преамбуле этого документа говорится: «Мы преисполнены решимости уберечь планету от деградации, в том числе посредством внедрения рациональных моделей потребления и производства, рационального использования ее природных ресурсов и принятия неотложных мер в связи с изменением климата, с тем чтобы планета могла обеспечивать удовлетворение потребностей нынешнего и будущих поколений, …чтобы все люди могли жить в условиях процветания и благополучия и чтобы экономический, социальный и технический прогресс продолжался в гармонии с природой»[6]. На очередной конференции ООН Stockholm+50 в 2022 г. были пересмотрены и дополнены принципы устойчивого развития 1972 г. (в том числе право на чистую, благоприятную и устойчивую

[3] Стокгольмская декларация : принята в г. Стокгольме 16 июня 1972 г. на конференции ООН по проблемам окружающей человека среды. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml

[4] Декларация по окружающей среде и развитию : принята конференцией ООН по окружающей среде и развитию в г. Рио-де-Жанейро 3–14 июня 1992 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml

[5] URL: https://www.un.org/ru/conferences/environment

[6] URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf

окружающую среду): обозначены срочные меры и конкретные действия, которые необходимо предпринять до 2030 г., для обеспечения процветания и благополучия всего человечества, биологического разнообразия, жизни нынешних и будущих поколений на здоровой планете[7].

Право на жизнь в условиях здоровой окружающей среды признается лишь несколькими имеющими обязательную юридическую силу международными и региональными конвенциями, касающимися конкретных секторов. В существующих региональных и международных документах по этому вопросу отсутствует всеобщее или полное определение сферы применения и содержания этого права. Региональные соглашения, в которых признается право на здоровую окружающую среду, как правило, относятся к праву в области прав человека и не учитывают специфику экологических вопросов[8].

Обеспечение благоприятной окружающей среды в России – одна из важнейших целей государственной политики в области экологического развития[9]. Осуществляется масштабная цифровизация массива данных, касающихся информации об окружающей среде, создаются экологические государственные информационные системы. Таким образом, право граждан на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии является стремительно развивающимся институтом как международного, так и национального права.

Истории развития права человека на благоприятную окружающую среду и получение достоверной информации о ее состоянии в России посвятили свои труды такие ученые, как С. А. Боголюбова, М. М. Бринчук, В. М. Дикусар, Н. Д. Дурманов, Б. В. Ерофеев, В. В. Клейн, С. Н. Кравченко, Л. А. Скобелева, А. В. Яблоков и др. В жизни общества в целом и в экологических отношениях в частности произошли существенные изменения, оказавшие непосредственное влияние на все сферы жизни, в том числе касающиеся обеспечения права на благоприятную окружающую среду и получения достоверной информации о ее состоянии.

Статья 42 Конституции РФ включает в себя следующие правомочия: конституционное право каждого на благоприятную окружающую среду; право каждого на достоверную информацию о состоянии окружающей среды; право каждого на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Эти три правомочия объединены и включены в одну норму в силу своей неразрывной взаимосвязи. Полагаем, что право каждого на достоверную информацию о состоянии окружающей среды и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением, выполняет гарантирующую роль по отношению к конституционному праву каждого на благоприятную окружающую среду.

Статья 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» закрепляет, что благоприятная окружающая среда – это «окружающая среда, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов»[10]. То есть согласно данному определению, качество окружающей среды – это состояние окружающей среды, которое характеризуется физическими, химическими, биологическими и иными показателями и (или) их совокупностью, а также «качество обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов». Соответственно, опираясь на смысл закона, можно определить конституционное право каждого на благоприятную окружающую среду как состояние среды обитания, качество жизни, труда, отдыха, соответствующие определенным экологическим, санитарно-эпидемиологическим, гигиеническим стандартам, предполагающим пригодные и качественные для употребления пищу и воду, а также надлежащий атмосферный воздух.

Право каждого на достоверную информацию о состоянии окружающей среды имеет определяющее значение для реализации права на благоприятную среду. Конституционная норма о

[7] URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/37743/SAP.pdf?sequence=3&isAllowed=y

[8] Пробелы в международном экологическом праве и касающихся окружающей среды документах : к заключению Всемирного пакта о защите окружающей среды : доклад Генерального секретаря ООН. URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/27070/SGGaps_RU.pdf?sequence=5&isAllowed=y

[9] Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года : утв. Президентом РФ 30.04.2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[10] Об охране окружающей среды : федер. закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 26.03.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.

праве граждан на достоверную информацию является важным основанием для получения такой информации от всех допустимых источников. Данная норма предоставляет также возможность доводить информацию до сведения общественности для того, чтобы уполномоченные субъекты правоотношений принимали меры по предоставлению актуальных, правдивых сведений об экологической обстановке на всей территории страны, в том числе меры, направленные на недопустимость экологических правонарушений.

В соответствии со ст. 23 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[11] граждане имеют право на регулярное получение достоверной и своевременной информации о факторах, способствующих сохранению здоровья или оказывающих на него вредное влияние, включая информацию о санитарно-эпидемиологическом благополучии территории проживания (в том числе информацию о состоянии воздуха, воды и т. п.), рациональных нормах питания, продукции, работах, услугах, их соответствии санитарным нормам и правилам и др.

Однако проблемы реализации, охраны и защиты конституционного права граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды до сих пор полностью не решены. В настоящее время граждане, органы государственной власти и местного самоуправления больше обеспокоены социальной, экономической и политической ситуацией в стране, и социально-экономические проблемы преобладают над экологическими.

Невысокий уровень экологической культуры российского общества и правящей элиты обусловливает недопонимание важнейшей роли экологической безопасности для обеспечения национальной безопасности России. Национальная безопасность Российской Федерации, высокое качество жизни и здоровья граждан, устойчивое развитие страны могут быть реализованы только в условиях экологической безопасности, т. е. при сохранении природной окружающей среды и поддержании соответствующего ее качества. С этой целью следует формировать и последовательно проводить единую государственную политику в сфере экологии, направленную на сохранение окружающей среды, рациональное использование природных богатств. При этом необходимо привлекать граждан и общественные организации для реализации такой политики. Предоставление государством обществу возможности контроля за своей деятельностью, отсутствие препятствий для получения информации о действиях органов государственной власти позволяет обеспечить транспарентность государственного управления, усовершенствовать методы борьбы с коррупцией и злоупотреблениями должностными полномочиями[12].

В настоящее время в Российской Федерации сформирован значительный массив экологического законодательства, включая документы стратегического планирования (различные государственные программы, стратегии, основы и т. д.). Такой объем принимаемых нормативных актов создает впечатление особенного внимания к экологическим вопросам. Но если обращаться к различным отчетам государственных органов, касающихся окружающей среды, то в большинстве случаев мы видим либо стабильные (без выраженной положительной или отрицательной динамики), либо отрицательные характеристики, а именно: отсутствие в значительном числе отчетов положительной динамики в сторону улучшения качества окружающей среды (воды, атмосферного воздуха, почв)[13]. Тем не менее все эти нормативные документы необходимо оцифровать с использованием компьютерных технологий и баз данных в рамках стремления государства к информационной открытости и доступности органов власти для граждан и их организаций. Цифровая трансформация госу-

[11] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 11.06.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

[12] См.: *Бутусова Н. В., Сусликова К. С.* К определению права на достоверную информацию о состоянии окружающей среды в Российской Федерации // Конституционализм и государствоведение. 2020. № 4 (20). С. 7–8.

[13] См., например: Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2017 году» ; Обзор состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2019 год. Официальный сайт Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2018 году». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дарства – одна из ключевых национальных целей развития страны, а государственные информационные системы, в том числе экологические, являются одним из ее компонентов. Как отмечается в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденной указом Президента РФ, «информационные и коммуникационные технологии стали частью современных управленческих систем во всех отраслях экономики, сферах государственного управления, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка»[14]. Использование таких технологий в современном информационном обществе, а также развитие технических возможностей формируют новую цифровую среду, в том числе в экологических правоотношениях.

Однако экологическая информация, которую государственные органы размещают на своих официальных ресурсах в сети «Интернет» часто устаревшая, вовремя не обновляется, а следовательно, не соответствует действительной экологической ситуации. Поэтому проблема достоверной информации о состоянии окружающей среды и возможность граждан и их объединений воспользоваться этой информацией пока не решена ни на федеральном уровне, ни на иных уровнях публичной власти, поскольку не завершена цифровизация экологической информации. В рамках национальных программ и проектов уже созданы и продолжают создаваться различные автоматизированные информационные системы, которые требуют значительных финансовых и временных затрат и на сегодняшний день не являются эффективно действующими. Нередко разделы сайтов и информационных систем находятся в тестовом режиме, в разработке либо являются недоступными и недействующими[15].

Для понимания причин нецелесообразного использования цифровых технологий обратимся к отчету Счетной палаты об экологических государственных информационных системах (ГИС) за 2015–2020 гг.[16] ГИС способны хранить и обрабатывать большой массив полной, достоверной и оперативной информации. На основании анализа факторов, влияющих на создание и использование ГИС, Счетная палата выявила следующие риски неэффективной эксплуатации данных систем:

– отсутствие полного объема достоверных данных как на этапе создания, так и в ходе эксплуатации ГИС;

– затягивание сроков создания ГИС;

– дублирование функций разных систем;

– устаревшие программно-технические комплексы ГИС;

– осуществление модернизации системы, не приводящей к повышению эффективности ее использования.

Конкретным примером неэффективного действия и расходования бюджетных средств стала ГИС «Наша природа» (находится в ведении Минприроды и Росприроднадзора), созданная для общественного контроля в области охраны окружающей среды и природопользования, которая в числе прочего позволяет гражданам сообщать о незаконных свалках и вырубке леса. С 2013 г. на ее создание, доработку и эксплуатацию израсходовано уже свыше 119 млн рублей, однако система до сих пор полноценно не функционирует. За последние три года в ней зафиксировано всего 192 обращения граждан. Авторы отчета рассчитали стоимость обработки одного сообщения в информационной системе, и она оказалась около 623 тыс. рублей. При этом электронные обращения граждан также принимаются на едином портале государственных услуг, что делает дальнейшую эксплуатацию ГИС нецелесообразной[17].

До сих пор не создана также информационная система государственного экологического мониторинга, формирование которой было предусмотрено законом еще в 2011 г. Она не сможет эффективно функционировать из-за отсутствия данных. Дело в том, что система должна включать в себя информацию из наблюдательной сети Росгидромета, которая создана не полностью. Так, наблюдение за загрязнением атмосферного воздуха ведется только в 221 из 1117 городов.

[14] О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. URL: www.kremlin.ru/acts/bank/41919

[15] См.: *Сусликова К. С.* Проблемы цифровизации экологической информации в Российской Федерации как одно из условий ее достоверности // Општествените промени во глобални от свет: Зборник на научни трудови / Осми мегународна научна конференција. Штип, 2021. С. 58.

[16] Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. Экологические ГИС. 2020. № 12. URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/fdf/fdfa306ca7498d6522d5100d4a76c670.pdf

[17] Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. Экологические ГИС. 2020. № 12. URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/fdf/fdfa306ca7498d6522d5100d4a76c670.pdf

Количество гидрологических постов с 2012 г. не только не выросло, а даже сократилось на 279 единиц. Сейчас по всей стране их чуть больше трех тысяч, из них: 99 – законсервированы и не работают, а автоматизировано меньше 1/3[18].

Еще одна ГИС Росгидромета, которая содержит данные об обстановке в Мировом океане, технически устарела. Треть оборудования полностью вышла из строя, а сама система не обновлялась с 2013 г.[19] Это приводит к снижению точности прогноза о возникновении аварийных ситуаций.

Представляется, что существующее положение вещей является результатом несовершенства технологий как сбора и анализа экологической информации, так и самой цифровизации этой информации, а также соответствующей правовой базы. Данная ситуация значительно затрудняет доступ граждан и их объединений к достоверной и оперативной экологической информации.

Таким образом, следует осуществлять цифровизацию экологической информации одновременно с соответствующими изменениями законодательства, корректировкой и совершенствованием существующих механизмов предоставления экологической информации для открытого доступа. В соответствии с ч. 2 ст. 24 Конституции РФ органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом. Статья 42 Конституции указывает, что информация о состоянии окружающей среды должна быть достоверной. Следовательно, необходимо законодательно предусмотреть и гарантировать ответственность тех органов и должностных лиц, которые предоставляют гражданам и общественным организациям заведомо ложную информацию о состоянии окружающей среды (экологическую информацию), заведомо ложные результаты экологической экспертизы и/или оценки воздействия на окружающую среду.

Целесообразно создание единого координирующего органа, который будет осуществлять контроль за деятельностью и отчетностью уполномоченных органов в области охраны окружающей среды с целью оперативного выявления и последующего устранения возникающих противоречий в предоставляемой отчетности о результатах их деятельности (ежегодные, квартальные, ежемесячные доклады о состоянии атмосферного воздуха, воды, почв, лесов, животного мира и т. д.). В связи с этим необходимо разработать механизм согласования информации о состоянии окружающей среды, предоставляемой компетентными государственными органами (Роспотребнадзор, Росгидромет), с учетом и на основе выводов экологов, ученых, специалистов в этой области.

Безусловно, важным является обновление технического программного обеспечения, которое собирает, консолидирует, хранит и обрабатывает информацию в наиболее краткие сроки, а также дальнейшее совершенствование устаревших методик экологического мониторинга.

[18] Там же.
[19] Там же.

Библиографический список

Бутусова Н. В., Сусликова К. С. К определению права на достоверную информацию о состоянии окружающей среды в Российской Федерации // Конституционализм и государствоведение. 2020. № 4 (20). С. 7–8.

Сусликова К. С. Проблемы цифровизации экологической информации в Российской Федерации как одно из условий ее достоверности // Општествените промени во глобални от свет : Зборник на научни трудови / Осми мегународна научна конференција. Штип : Универзитет Гоце-Делчев, 2021. С. 58.

David R. Boyd, «Catalyst for change: evaluating forty years of experience in implementing the right to a healthy environment», in John H. Knox and Ramin Pejan, eds., The Human Right to a Healthy Environment (Cambridge University Press, 2018). P. 17–42.

References

Butusova N. V., Suslikova K. S. To definition of the right to reliable information about the environment in the Russian Federation // Constitutionalism and political science. 2020. № 4 (20). P. 7–8.

Suslikova K. S. Problems of digitalization of environmental information in the Russian Federation as one of the conditions for its reliability // Општествените промени во глобални от свет: Зборник на научни трудови / Осми мегународна научна конференција. Штип : Универзитет ГоцеДелчев, 2021. P. 58.

David R. Boyd, «Catalyst for change: evaluating forty years of experience in implementing the right to a healthy environment», in John H. Knox and Ramin Pejan, eds., The Human Right to a Healthy Environment (Cambridge University Press, 2018). P. 17–42.

Воронежский государственный университет
Сусликова К. С., аспирантка
E-mail: k-suslikova@mail.ru

Поступила в редакцию: 25.01.2023

Для цитирования:
Сусликова К. С. О конституционном праве на достоверную информацию об окружающей среде и некоторых проблемах его реализации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1. С. 104–110. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/104-110.

Voronezh State University
Suslikova K. S., Post-graduate Student
E-mail: k-suslikova@mail.ru

Received: 25.01.2023

Recommended citation:
Suslikova K.S. Constitutional right to reliable information about the environment and some problems of its implementation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 104–110. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/104-110.

УДК 349.2
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/111-117

САМОЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

А. Я. Петров
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

HUMAN RIGHTS SELF-DEFENSE: FUNDAMENTAL APPROACHES

A. Ya. Petrov
National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: на основе анализа норм российского права и прежде всего ч. 2 ст. 45 Конституции РФ рассматриваются актуальные правовые вопросы самозащиты прав человека.
Ключевые слова: самозащита прав, самооборона, самоуправство, понятие, субъекты, способы, формы самозащиты, право на самозащиту, межотраслевой институт права.

Abstract: in the article, based on the analysis of the norms of Russian law and, above all, Part 2 of Art. 45 of the Constitution of the Russian Federation considers topical legal issues of self-defense of human rights.
Key words: Self-defense of rights, self-defense, arbitrariness, concept, subjects, methods, forms of self-defense, the right to self-defense, intersectoral institution of law.

Вся деятельность человека по самозащите имеет цель – создание и поддержание оптимальных условий для реализации его прав, свобод и законных интересов. Востребованность самозащиты обусловлена высокой степенью оперативности и простотой защиты, осуществляемых субъектом права самостоятельно.

Прообразом самозащиты прав являлись самооборона и самоуправство. По мере становления государственной власти самоуправство было дифференцировано законодателем на наказуемое и разрешенное (самопомощь). Самозащита является родовым понятием, объединяющим самооборону, самопомощь (во внедоговорных отношениях) и меры оперативного воздействия (в договорных отношениях). Самооборона направлена на отражение нарушения, а самопомощь – на восстановление нарушенного права[1].

А. Ф. Кони в 1866 г. впервые в отечественном правоведении ввел в науку термин «самозащита» и выразил свое мнение на самозащиту. Примечательно, что она рассматривается *как неотчуждаемое право*. «Отнять у человека защиту в тех случаях, когда общество ее дать не может, значило бы совершенно уничтожить объективное равенство между людьми». По мнению А. Ф. Кони, «в силу стремления к самосохранению человек старается избежать опасности и принимает все меры к ее отвращению; он имеет на это право, которое должно быть рассматриваемо как прирожденное»[2].

Юридической наукой XIX – начала XX в. было выработано три взгляда на самозащиту. Основоположник российской цивилистики Д. И. Мейер и его последователи считали, что «самозащита может выразиться или в виде самообороны, то есть личного отражения посягательств на право, или в виде самоуправства, то есть самоличного восстановления уже нарушаемого права». Другие, напротив, рассматривали самозащиту как оборону личности и имущества от насилия,

[1] Дореволюционными исследователями самозащиты гражданских прав являлись К. Н. Анненков, Н. Л. Дювернуа, А. Ф. Кони, Д. И. Мейер, С. А. Муромцев, И. А. Покровский, Н. Д. Сергеевский, В. М. Хвостов, Г. Ф. Шершеневич и др.

[2] *Кони А. Ф.* О праве необходимой обороны. М., 1866.

© Петров А. Я., 2023

в противоположность самовольному восстановлению нарушенного права (самоуправству). выделяли две формы самостоятельного осуществления права: самозащиту и самопомощь.

Известный правовед Д. Д. Гримм назвал *самозащиту* «самовольным отражением чужого неправомерного нападения, клонящегося к изменению существующих отношений», а *самоуправство* – «самовольным нападением с целью восстановления такого положения вещей, которое соответствовало бы существующему или воображаемому праву лица, совершающего нападение».

Некоторые юристы выделяли две формы самостоятельного осуществления права: самозащиту и самопомощь.

Возрождение интереса к «институту» самозащиты в конце 1950-х гг. было связано с введением в действие Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик 1961 г. и ГК РСФСР 1964 г. Советские правоведы именуют самозащиту исключительным порядком защиты гражданских прав, применяемым при невозможности осуществления их судебной или административной защиты.

В научных трудах 1970–1980 гг. было выработано четыре основных подхода к определению понятия самозащиты. В. П. Грибанов, В. А. Рясенцев, М. И. Усенко определяли самозащиту как «совершение управомоченным лицом дозволенных законом действий фактического порядка, направленных на охрану его личных или имущественных прав и интересов» во внедоговорных отношениях.

Некоторые исследователи предлагали трактовать самозащиту, во-первых, в широком смысле – как «предусмотренные законом односторонние действия юридического или фактического характера, применяемые управомоченным на их совершение субъектом и направленные на пресечение действий, нарушающих его имущественные или личные права»; а во-вторых, как гражданско-правовое понятие. Содержание самозащиты определялось им как «допускаемые законом односторонние действия заинтересованного лица, направленные на то, чтобы обеспечить неприкосновенность права и ликвидацию последствий его нарушения». Принудительное осуществление права управомоченным лицом допускается в ряде случаев как исключение (Г. Я. Стоякин).

Итогом развития цивилистической доктрины стала концепция *субсидиарной самозащиты,* допускаемой в ограниченных случаях необходимую оборону («меры оперативного воздействия»).

Вместе с тем в советской правовой науке сформировалась негативная тенденция, которая не преодолена и в современном правосознании: рассматривать самозащиту как вспомогательный (второстепенный) способ защиты прав и свобод[3].

Во многих случаях субъекты выбирают самозащиту в качестве «резервного» способа защиты принадлежащих им прав. Востребованность самозащиты обусловлена, с одной стороны, недостаточно эффективным функционированием судебной защиты частных прав, а с другой – высокой оперативностью, простотой и доступностью мер защиты, осуществляемых без участия юрисдикционных органов.

Самозащита прав есть неотъемлемая часть правовой охранительной системы: ее отсутствие не может быть адекватно восполнено другими формами защиты.

Эффективность в России самозащиты прав невысока. Одними из главных причин этого являются пробелы и коллизии в действующем законодательстве, а также погрешности юридической техники: не закреплено понятие «самозащита прав»; условия правомерности самозащиты прав указаны нечетко или вообще не указаны; существующие перечни способов защиты и самозащиты прав являются закрытыми (не учтен принцип «разрешено то, что не запрещено» (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ); не закреплено правило, что при соблюдении условий правомерности конкретный способ самозащиты может быть по усмотрению субъекта реализован в любой форме.

Этимологическое значение самозащиты. В классическом русском языке «самозащита» – термин, состоящий из двух частей: само и защита. Первая часть «само» означает:

1) направленность чего-нибудь на самого себя;

[3] В советской юридической литературе к исследованию самозащиты гражданских прав обращались видные ученые-цивилисты М. М. Агарков, В. П. Грибанов, О. Э. Лейст и др. Отдельные аспекты самозащиты гражданских прав в договорных отношениях были затронуты в трудах таких ученых, как Ю. Г. Басин, В. С. Белых, М. И. Брагинский, С. Н. Братусь, В. В. Витрянский, Т. И. Илларионова, Е. Г. Комиссарова, Н. С. Малеин, Д. В. Микшис, С. В. Сарбаш, Е. А. Суханов, В. А. Тархов, Ю. К. Толстой, В. Ф. Яковлев и др.

2) совершение чего-нибудь без посторонней помощи, непроизвольно, автоматически.

Защита (защитить) означает:

1) охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности;

2) предохранить, обезопасить от чего-нибудь[4].

При определении понятия самозащиты прав необходимо учитывать ее диалектическую связь с защитой, так как не может быть то, что несвойственно защите прав в целом.

Самозащита является элементом фундаментальной категории – «защита прав».

Согласно ч. 2 ст. 45 Конституции РФ каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Сущность конституционного права человека – защищать свои права всеми не запрещенными законом способами как одного из естественных и неотъемлемых прав, определяющих правовой статус личности. Право на самозащиту гарантирует человеку возможность предпринимать по собственной инициативе правомерные действия для защиты нарушенных принадлежащих ему прав и свобод. Право на самозащиту является эффективным средством обеспечения и защиты таких общепризнанных прав человека, как право на жизнь, честь и достоинство, право на личную неприкосновенность, право собственности и др.

Право на самозащиту является субъективным конституционным правом, которое гарантируется государством. Об этом свидетельствует включение права на самозащиту в главу 2 Конституции РФ, в которой представлены все основные права и свободы человека и гражданина, которые подлежат защите.

С введением в современное российское законодательство юридической конструкции «самозащита гражданских прав» (ст. 12, 14 ГК РФ) естественным образом возник вопрос о содержании термина «самозащита». Однако кодекс ограничился упоминанием о допустимости самозащиты гражданских прав, предоставляя тем самым свободу судебному и доктринальному толкованию. К таким дискуссионным аспектам относится в первую очередь понятие самозащиты прав.

Юридическая наука не выработала единого подхода к понятию самозащиты. Высшие судебные инстанции не уделяют должного внимания понятию самозащиты, несмотря на значительное число судебных актов, в которых встречается ссылка на ст. 12, 14 ГК РФ, вопрос о понятии самозащиты судами общей юрисдикции не затрагивается. Однако решения (определения, постановления) судов не могут являться ориентиром в данном вопросе. Кроме того, практика применения норм о самозащите достаточно противоречива, что обусловливается неполнотой правового регулирования этих отношений, наличием в нем пробелов, нечеткостью формулировок некоторых норм права.

В связи с этим научное определение самозащиты права приобретает исключительно важное практическое значение[5].

Институт защиты прав традиционно являлся объектом многочисленных исследований, категория самозащиты прав, напротив, до последнего времени оставалась «на периферии» научного поиска. Сохранилась эта тенденция и в начале XXI столетия. Неюрисдикционная защита прав и свобод недостаточно исследована в теории права, в отраслевых юридических науках. Фрагментарные упоминания в современных работах не отражают ее реального значения.

К сожалению, наметилась тенденция различного понимания самозащиты прав в конституционном, международном, гражданском и трудовом праве, тем самым нарушается принцип единства права.

Так, в конституционном праве самозащита рассматривается в различных аспектах:

а) как право на самозащиту;

б) межотраслевой институт права;

в) способ защиты прав;

г) форма защиты прав.

В цивилистике термин «самозащита гражданских прав» употребляется как минимум в трех различных значениях:

1) неюрисдикционная форма защиты гражданских прав, проявляющаяся через действия заинтересованного лица;

2) право на самозащиту, определяемое как элемент правоспособности, правомочие в составе субъективного гражданского права;

3) гражданско-правовой институт.

[4] См.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 230.

[5] Значительный вклад в исследование вопросов и проблем права на самозащиту внесли труды зарубежных ученых Г. Иеринга, А. Рерихта, В. Ройтера, А. Харендта, Л. Эннекцеруса и др.

Под правом человека на самозащиту понимается юридически закрепленная и гарантированная возможность каждого человека совершать определенные действия по обоснованному и законному предупреждению, пресечению и восстановлению нарушений его прав, свобод и законных интересов[6].

Современная концепция самозащиты как неюрисдикционной формы защиты прав позволила снять с повестки дня устаревший взгляд на самозащиту как на «субсидиарный» порядок защиты прав, допускаемый государством «в виде исключения в ограниченных случаях»[7].

Право на самозащиту не является абсолютным, самозащита не должна выходить за пределы действий, необходимых для пресечения правонарушения, и должна быть соразмерной нарушению; самозащита осуществляется в одностороннем порядке[8].

Юридическую основу самозащиты составляют нормы Конституции РФ (ст. 45). Самозащита находит закрепление в отраслях права: самозащита гражданских прав (ст. 12, 14 ГК РФ), самозащита трудовых прав (ст. 379–380 ТК РФ). Во всех случаях это действия управомоченного лица, направленные на защиту своих прав и интересов, которые осуществляются без обращения за помощью в государственные, муниципальные или общественные организации[9].

Самозащита представляется действенным, а иногда единственным способом защиты личностью своих интересов, тем более что она является активной формой реализации конституционного права на защиту своих прав всеми способами, не запрещенными в законе[10].

По мнению В. А. Усановой, право человека на самозащиту является неотъемлемым правом, т. е. права индивида правомерными средствами защищать свои права, свободы и законные интересы.

Право человека на самозащиту образует комплексный правовой институт. Субъективные права, которые могут быть использованы человеком для самостоятельной защиты своих прав, свобод и законных интересов можно условно разделить на основные, т. е. закрепленные в конституционном законодательстве, и дополнительные, т. е. установленные в отраслевом законодательстве[11].

Самозащита рассматривается в качестве неюрисдикционной формы защиты прав, способа, субинститута в структуре отрасли права. Следовательно, термин «самозащита прав» имеет три значения:

– неюрисдикционная форма защиты (восприятие самозащиты прав в таком качестве является исходящей ступенью в исследовании понятия);

– способ защиты;

– подинститут.

Представляется не совсем правильным суждение, что к несудебной форме защиты можно отнести самозащиту, включающую деятельность личности по необходимой обороне, крайней необходимости; забастовку, самозащиту гражданских прав, право личности на создание общественных объединений и на обращение в общественные объединения[12].

Напротив, юридическая природа и специфика самозащиты прав более четко проявляется при ее сравнении с мерами оперативного воздействия, необходимой обороной, крайней необходимостью, самоуправством.

Большинство схожих с самозащитой являются термины (понятия) «необходимая оборона» и «крайняя необходимость», «меры оперативного воздействия», «самооборона» охватываются

---

[6] См.: *Оробинский А. Ю.* Конституционное право человека и гражданина Российской Федерации на самозащиту прав и свобод : автореф. … канд. юрид. наук. М., 2009.

[7] См.: *Микшис Д. В.* Самозащита в гражданском праве России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2006.

[8] См.: *Маргацкая Н. А.* Самозащита работниками трудовых прав : некоторые правовые аспекты. М., 2010.

[9] Первая попытка ввести в трудовом праве представление о возможности защитить свое право на здоровые и безопасные условия труда была предпринята Основами законодательства Российской Федерации об охране труда от 6 августа 1993 г. Федеральный закон «Об основах охраны труда в Российской Федерации» от 17 июля 1999 г. № 181-ФЗ (ст. 8) содержал более четкую формулировку права работника на отказ от выполнения работ в случае возникновения опасности для его жизни и здоровья вследствие нарушения требований охраны труда, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами, до устранения такой опасности.

[10] См.: *Казакова Е. Б.* Самозащита как юридическое средство : проблемы теории и практики : автореф. дис.… канд. юрид. наук. Тамбов, 2006.

[11] См.: *Усанова В. А.* Конституционное право человека на самозащиту в Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2003.

[12] См.: *Новгородова Ю. Н.* Несудебная защита прав человека : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2006.

термином «самозащита прав». «Самоуправство» представляет собой правонарушение.

Предлагается разграничить понятие «самозащита прав» с такими категориями, как «злоупотребление правом», «меры оперативного воздействия», «удержание», «забастовка», «необходимая оборона», «крайняя необходимость», и показать, что основания и условия правомерности самозащиты прав, способы самозащиты прав и формы их реализации образуют «механизм» самозащиты прав.

Действия в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости с целью защиты жизни и имущества обороняющегося лица, находящегося в состоянии крайней необходимости, а также жизни и имущества третьих лиц, считаются самозащитой, необходимая оборона, самозащита прав – это правомерное деяние.

Самопомощь, т. е. правомерное, самостоятельное восстановление нарушенных прав, совершенное без обращения к юрисдикционным органам, также признается самозащитой, если без немедленного вмешательства осуществление требования может оказаться невозможным или существенно затруднительным.

Понятие «самозащита» необходимо отграничивать от смежных категорий и, прежде всего, от такого понятия, как «самоуправство». Самозащита допускается законом, а самоуправство – запрещено. К условиям правомерной реализации самозащиты относятся следующие: способы самозащиты не должны выходить за пределы действий, необходимых для их реализации, а вред, причиненный реализацией права на самозащиту, не должен превышать предотвращенный вред. При нарушении хотя бы одного из условий самозащита становится самоуправством.

По мнению М. Н. Мальцева, различие самозащиты и самоуправства заключается не в том, что первая – правомерное деяние, а второе – правонарушение. Самоуправство охватывает собой достаточно широкий круг действий, куда кроме прочих (например, осуществление не действительного, а предполагаемого права) по общему правилу включаются случаи несоблюдения условий правомерности самозащиты прав[13].

Самозащита и злоупотребление правом (общая теория права) представляют собой деяния, имеющие разные функции. Самозащита направлена на предупреждение и пресечение нарушений прав, злоупотребления правом – на причинение вреда. Самозащита приобретает признаки злоупотребления правом, когда при внешней правомерности целью субъекта является не предупреждение или пресечение нарушения, а причинение вреда.

Существует мнение, что самозащита ограничена действиями, которые были крайне необходимы. Оригинальность такого обоснования очевидна.

Под самозащитой прав по российскому законодательству понимаются совершаемые без посторонней помощи и не запрещенные законодательством действия (бездействие) человека, направленные на пресечение нарушений принадлежащих им прав.

Самозащита прав должна реализовываться на основе презумпции правомерности человека о предоставлении ему прав, свобод и законных интересов. Самозащите присущ принцип соразмерности нарушения, а также принцип реальности нарушения. Наиболее сложным является принцип разумной и объективной оценки необходимости, значимости и эффективности самозащиты прав. Реализация лицом своего права на самозащиту – это деятельность человека, осуществляемая в одностороннем порядке по отражению, пресечению нарушений, включающая в себя возможность причинения вреда, а также восстановления прежнего положения, условием возникновения которого является нарушение или реальная угроза нарушения его прав, свобод и охраняемых законом интересов.

Основания самозащиты прав – это жизненные обстоятельства, наличие которых допускает ее реализацию. Так, возникновение опасности для жизни и здоровья работника является основанием для отказа от выполнения трудовых обязанностей.

Для квалификации действий работника в качестве самозащиты трудовых прав необходимо установить: есть ли основание для применения работником самозащиты (в качестве такового выступает неисполнение или ненадлежащее исполнение работодателем возложенных на него обязанностей, нарушающее или препятствующее осуществлению трудовых прав работника).

[13] См.: *Мальцев М. Н.* Самозащита субъективных прав по российскому законодательству : теоретико-правовое исследование : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

Юридическим основанием для совершения действий по самозащите является неотчуждаемое право на самозащиту. Это право имеет охранительный характер, поскольку возникает в результате объективно противоправного деяния или события, влекущего нарушение права или создающего реальную угрозу такого нарушения, и заключается в возможности совершения односторонних действий, направленных на защиту другого (охраняемого) права.

Основанием осуществления работником защиты принадлежащего ему трудового права выступает действительное нарушение или оспаривание его работодателем. Реализация права на защиту своих трудовых прав требует от работника соблюдения установленной законом нормы об извещении работодателя либо иного представителя работодателя в письменной форме о соответствующем отказе от выполнения работы. Приостановка работы в целях самозащиты работником своих трудовых прав не прекращает трудового правоотношения.

Условия правомерности самозащиты прав есть совокупность социально оправданных и закрепленных в законодательстве норм (правил) к действиям субъекта самозащиты прав и нарушению. Соответствие социально-юридическому назначению и соразмерность распространяются на любые способы самозащиты прав независимо от отраслевой принадлежности их норм. Условиями правомерности самозащиты трудовых прав являются наличность и реальность угрозы или посягательства. Специальные условия правомерности самозащиты прав могут существовать у конкретных мер и зависят от отраслевой принадлежности правоотношения.

В частности, В. В. Коробченко полагает, что условиями допустимости самозащиты работником трудовых прав выступают:

во-первых, реальность (осуществимость) действий работника в порядке самозащиты (очевидно, что в примере с работником, занятым во вредных условиях труда, он не может самостоятельно установить время начала и окончания работы, время перерывов в работе и т. п. с целью обеспечения соблюдения установленной для него нормы рабочего времени);

во-вторых, достаточность действий работника для пресечения нарушения его прав.

Исходя из этих критериев, отказ от выполнения работы (приостановка работы) представляет собой единственно возможную форму самозащиты работником трудовых прав, ибо никаким иным образом работник не в состоянии самостоятельно пресечь действия (бездействие) работодателя, нарушающие его права[14].

Ограничивая перечень случаев допустимого применения самозащиты, федеральный законодатель:

1) исходил из того, что использование работником данного способа защиты должно быть соразмерно нарушению его права;

2) ориентирован в том, что работник не лишен возможности прибегнуть к иным способам защиты своих прав в случае любого их нарушения работодателем (обращение в комиссию по трудовым спорам, в суд, в органы государственного надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства);

3) учитывал необходимость обеспечения баланса интересов сторон трудового договора, поскольку самозащита (в особенности, когда она приобретает коллективный характер) способна повлечь неблагоприятные последствия для работодателя[15].

Самозащита прав возможна при наличии следующих обстоятельств:

1) имеется нарушение права или попытка его нарушения;

2) возникает необходимость пресечь правонарушение;

3) следует применить меры, соответствующие характеру и содержанию правонарушения.

Библиографический список

Горбачева С. В. Самозащита прав по российскому законодательству : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.

Казакова Е. Б. Самозащита как юридическое средство : проблемы теории и практики : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2006.

Кони А. Ф. О праве необходимой обороны. М., 1866.

Коробченко В. В. Самозащита трудовых прав : проблемы правоприменения // Общее и специальное законодательство о труде и социальном обеспечении. Четвертые Гусовские чтения. М., 2019.

Мальцев М. Н. Самозащита субъективных прав по российскому законодательству : теоретико-пра-

[14] См.: *Коробченко В. В.* Самозащита трудовых прав : проблемы правоприменения // Общее и специальное законодательство о труде и социальном обеспечении. Четвертые Гусовские чтения. М., 2019. С. 323.

[15] См.: Там же.

вовое исследование : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

Маргацкая Н. А. Самозащита работниками трудовых прав : некоторые правовые аспекты. М., 2010.

Микшис Д. В. Самозащита в гражданском праве России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2006.

Новгородова Ю. Н. Несудебная защита прав человека : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2006.

Оробинский А. Ю. Конституционное право человека и гражданина Российской Федерации на самозащиту прав и свобод : автореф. … канд. юрид. наук. М., 2009.

Усанова В. А. Конституционное право человека на самозащиту в Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2003.

References

Gorbacheva S. V. Self-defense of rights under Russian law: Author's abstract. dis. … cand. jurid. sciences. N. Novgorod, 2005.

Kazakova E. B. Self-defense as a legal means: problems of theory and practice. Abstract of the thesis. dis. … cand. jurid. sciences. Tambov, 2006.

Koni A. F. On the right of necessary defense. M., 1866.

Korobchenko V. V. Self-defense of labor rights: problems of law enforcement / General and special legislation on labor and social security. Fourth Gus Readings. M., 2019.

Maltsev M. N. Self-defense of subjective rights under Russian legislation: theoretical and legal research. Abstract of the thesis. dis. … cand. jurid. sciences. Saratov, 2006.

Margatskaya N. A. Employees' self-defense of labor rights: some legal aspects. M., 2010.

Mikshis D. V. Self-defense in the civil law of Russia. Abstract of the thesis. dis. … cand. jurid. sciences. Tyumen, 2006.

Novgorodova Yu. N. Non-judicial protection of human rights. Abstract of the thesis. dis. … cand. jurid. sciences. Tambov, 2006.

Orobinsky A. Yu. The constitutional right of a person and a citizen of the Russian Federation to self-defense of rights and freedoms. Abstract of the thesis dis. … cand. jurid. sciences. M., 2009.

Usanova V. A. Constitutional human right to self-defense in the Russian Federation. Abstract of the thesis. dis. … cand. jurid. sciences. Volgograd, 2003.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Петров А. Я., доктор юридических наук, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения

E-mail: alexey.petrov@yandex.ru

Поступила в редакцию: 14.12.2022

Для цитирования:

Петров А. Я. Самозащита прав человека: фундаментальные подходы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 111–117. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/111-117.

National Research University «Higher School of Economics»

Petrov A. Ya., Doctor of Legal Sciences, Professor of the Labor Law and Social Security Law Department

E-mail: alexey.petrov@yandex.ru

Received: 14.12.2022

Recommended citation:

Petrov A. Ya. Human rights self-defense: fundamental approaches // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 111–117. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/111-117.

УДК 347.13, 347.471
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/118-122

ГОЛОСОВАНИЕ НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ СОБСТВЕННИКОВ ПОМЕЩЕНИЙ В МНОГОКВАРТИРНОМ ДОМЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

Ю. С. Поваров
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева

VOTING AT THE GENERAL MEETING OF OWNERS OF PREMISES IN AN APARTMENT BUILDING USING THE INFORMATION SYSTEM

Yu. S. Povarov
Samara National Research University named after academician S. P. Korolev

Аннотация: системно раскрываются способы и порядок голосования по вопросам повестки дня общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, проводимом в форме заочного голосования с использованием информационной системы (прежде всего, в ракурсе сопоставления различных форм проведения собрания); особое внимание уделяется аспекту надлежащего оформления протокола такого собрания.
Ключевые слова: форма проведения собрания, заочное голосование, государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства, решение собственника, протокол собрания.

Abstract: the article systematically discloses the methods and procedure for voting on the agenda of the general meeting of owners of premises in an apartment building, held in the form of absentee voting using an information system (primarily in terms of comparing various forms of holding a meeting); special attention is paid to the aspect of proper execution of the meeting protocol.
Key words: form of meeting, absentee voting, the state information system of housing and communal services, decision of owner, protocol of meeting.

Наглядной демонстрацией адекватного внедрения информационных технологий в юридическую практику в жилищной сфере является проведение общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме (далее – ОССП, собрание) посредством заочного голосования с использованием государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства (далее – система, ГИС ЖКХ), а равно иных информационных систем (включая создаваемую на основании решения высшего исполнительного органа государственной власти субъекта России региональную информационную систему)[1].

Данный прогрессивный механизм функционирования ОССП[2] как обязательного и ключе-

[1] Особенности, предусмотренные ст. 47.1 ЖК РФ для ОССП в форме заочного голосования с использованием ГИС ЖКХ, в основном действуют при проведении собрания с использованием и иных информационных систем (ч. 13 ст. 47.1 ЖК РФ). Вместе с тем преференция в части допустимости заочного формата уже для первого собрания (в изъятие из общего правила ч. 1 ст. 47 ЖК РФ) рассчитана на случаи применения не любой информационной системы, а только ГИС ЖКХ и при соблюдении ряда условий – региональной информационной системы (см. ч. 2.1, 14 ст. 47.1 ЖК РФ, письмо Минстроя России от 8 апреля 2021 г. № 8402-ОГ/04).

[2] В литературе часто встречается весьма позитивная оценка исследуемой формы проведения ОССП: так, А. Е. Камышановой этот «…способ представляется удобным, прогрессивным и более защищенным от фальсификаций и злоупотреблений…» (*Камышанова А. Е.* Дистанционное собрание собственников помещений многоквартирного дома : правовое регулирование граж-

© Поваров Ю. С., 2023

вого органа управления (хотя и не обладающего самостоятельной правосубъектностью) рассматривается в Жилищном кодексе Российской Федерации (далее – ЖК РФ) в качестве специальной ***разновидности проведения собрания путем заочного голосования*** (ст. 44.1, 47, 47.1), при этом он явно:

а) ***противопоставляется другому варианту заочной формы*** – проведению собрания посредством заочного голосования ***опросным путем***, когда голосование производится путем передачи в определенное место (или по установленному адресу) оформленных в письменной форме решений собственников по вопросам, поставленным на голосование. Подчеркнем, что противопоставление двух указанных видов *одной и той же* заочной *формы* не стоит абсолютизировать, ибо и при проведении ОССП посредством заочного голосования с использованием системы допускается «обычная» передача письменных решений собственников (другое дело, что опросный формат не предполагает голосования в электронной форме). В связи с этим важно четко «…различать формы проведения собрания … и формы голосования (устная, письменная, электронная)»[3] (собственно электронное *голосование* не исчерпывает всех способов голосования при проведении *собрания* в заочной форме при помощи системы);

б) «привязывается» ***только к одной из форм проведения собрания – посредством заочного голосования***. При проведении же ОССП путем очного либо очно-заочного голосования система собственно для *голосования* не задействуется (что, к слову, применительно к очно-заочной форме не кажется аксиоматичным[4]); впрочем, с учетом разнообразия ее «функционала» (размещение сообщений о проведении собрания, хранение протоколов ОССП и пр. см. п. 1 ст. 47.1 ЖК РФ) она, а также другие информационные системы потенциально могут использоваться при организации собрания в иных, чем заочное голосование, формах[5]. Полагаем, что использование системы при заочном голосовании нельзя идентифицировать как механизм обеспечения дистанционного участия членов гражданско-правового сообщества в *заседании* в контексте положений п. 1 ст. 181.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), поскольку подобное онлайн-участие относится к ситуации голосования на заседании[6], т. е. *очного* голосования в терминологии ЖК РФ[7].

Итак, ***голосование*** собственников по вопросам повестки дня проводимого в разбираемом формате ОССП ***может происходить двумя способами***:

– во-первых, путем *указания решения* по каждому вопросу повестки дня при голосовании в ***электронной форме*** (при этом, как и всегда, названное решение выражается формулировками «за», «против» или «воздержался»).

В данного рода механизме позволительно усмотреть развитие общих положений ГК РФ о том, что решение собрания может быть принято без проведения заседания посредством отправки, в том числе с помощью технических средств, документов, содержащих сведения о голосовании (п. 1.1 ст. 181.2); но, справедливости ради, полную смысловую корреспонденцию мы, пожалуй, не наблюдаем (ГК РФ все-таки говорит об *отправке документов*, тогда как ЖК РФ – об *указании решения*);

– во-вторых, традиционным образом (без обращения к электронным средствам) – посредством *передачи* администратору ОССП оформ-

данским и жилищным законодательством // Семейное и жилищное право. 2022. № 4. С. 37).

[3] *Коваленко Ю. Н.* Развитие альтернативных форм проведения общих собраний сособственников // Гражданское право. 2022. № 1. С. 31.

[4] Очно-заочный формат не подразумевает электронного голосования, что, в частности, вытекает из предписаний ч. 3 ст. 47 ЖК РФ.

[5] Если же речь идет о «собрании в форме заочного голосования с использованием системы», то применение системы приобретает, если угодно, почти «тотальный» характер (большинство организационных моментов созыва, подготовки и проведения ОССП реализуется через систему).

[6] Таким образом, «…дистанционные собрания … отнесены к форме совместного присутствия» (*Шиткина И. С., Севеева К. В.* Дистанционные общие собрания участников хозяйственных обществ : эффективность новелл российского законодательства // Вестник арбитражной практики. 2022. № 3. С. 8), в свете чего именовать изучаемое заочное голосование с использованием системы «дистанционным собранием» (как это нередко делается в литературе), полагаем, не совсем корректно.

[7] Напомним, что ГК РФ, отказавшись от термина «форма проведения собрания», рубрицирует способы принятия решения собрания – через голосование: а) на заседании; б) без проведения заседания (заочное голосование); в) совмещенно (на заседании и заочно). Вполне понятно, что впереди нас ожидает кропотливая работа по «синхронизации» терминологии ГК РФ и иных нормативно-правовых актов, включая ЖК РФ.

ленных в ***письменной форме*** *решений* (ч. 6 ст. 47.1 ЖК РФ).

Означенная диверсификация способов голосования имеет выход на дискуссионную проблему соотношения письменной и электронной форм. Думается, в ЖК РФ косвенно проводится концепт их размежевания (хотя, заметим, в ч. 7 ст. 47.1 буквально заявляется о голосовании (а не о решении) в электронной форме). Одним из главных моментов комплексного осмысления затронутой тематики видится вопрос о влиянии наличия подписи (и, что еще более важно, о формах ее выражения) для оценки акта изъявления воли как письменного[8].

Вообще, сочетание исследуемых способов, позволяющее субъектам воспользоваться наиболее удобным для них вариантом выражения воли и обеспечивающее, как следствие, эффективную реализацию их управленческих правомочий и максимизацию учета «пожеланий» собственников помещений (делая принимаемое на собрании решение более репрезентативным), видится здравым и полезным.

Из анализа положений ч. 6–7 ст. 47.1 ЖК РФ вытекает, что разбираемые способы мыслятся законодателем как ***альтернативные*** (т. е. собственник должен выбрать *один* из двух способов голосования на собрании по *всем* вопросам повестки дня). Интересным в связи с этим может оказаться казус, когда лицо одновременно проголосовало и в электронной форме, и посредством передачи письменного решения (техническая возможность чего принципиально не исключается, в том числе, с учетом наличия временного зазора между получением письменного решения и размещением его электронного образа в системе администратором собрания – см. ч. 10 ст. 47.1 ЖК РФ), и при этом позиция собственника не является идентичной; логичным здесь скорее всего было бы применение (в порядке аналогии закона) правил ч. 6 ст. 48 ЖК РФ о недействительности *всех* противоречащих друг другу решений.

Обратим внимание на то, что ЖК РФ для обозначения оформляющего волеизъявление собственника акта оперирует понятием «решение *собственника*» (а не, к примеру, более традиционным термином «бюллетень для голосования»). Такое словоупотребление само по себе, конечно, не является порочным (тем более что ГК РФ в текущей редакции ясно допускает терминологический плюрализм – см. п. 1.1 ст. 181.2); вместе с тем стоит констатировать, что нормативный текст – в условиях «параллельного» использования законодателем внешне сходного до степени смешения понятия «решения, принятые *собранием*» – оказывается несколько сложным для восприятия (по крайней мере, «рядовым» гражданином). Весьма симптоматично, что Требования к оформлению протоколов общих собраний собственников помещений в многоквартирных домах, утв. приказом Минстроя России от 28 января 2019 г. № 44/пр (далее – Требования № 44/пр), в отличие от ЖК РФ, не единожды упоминают о «письменных *решениях (бюллетенях)* собственников» (см. п. 8, 20).

Любопытно, что в ч. 6 ст. 47.1 ЖК РФ делается оговорка об осуществлении голосования собственниками **лично**. В этом измерении и в условиях нормативного «минимализма», среди прочего, возникает вопрос, к какому способу голосования приурочено данное замечание? Грамматическое толкование обсуждаемого законоположения не позволяет прийти к четкому умозаключению. Однако, имея в виду общие (и вполне оправданные) предписания ч. 1 ст. 48 ЖК РФ о легитимности осуществления голосования собственником и лично, и через своего представителя (при этом нетрудно заметить отсутствие корреспонденции между приведенным правилом, сформулированным кстати для любого собрания вне зависимости от формы его проведения, и требованием ч. 6 ст. 47.1 ЖК РФ об исключительно личном голосовании), присутствуют весомые формальные резоны для суждения о приложимости ограничительной нормы ч. 6 ст. 47.1 ЖК РФ ***только к электронному голосованию*** (для которого *презюмируемое* исключительно *личное* изъявление воли, по-видимому, детерминируется особым алгоритмом действий пользователя для входа в ГИС ЖКХ[9]).

[8] Это обусловлено тем, что электронный формат (как таковой) совершения акта обычно не воспринимается как весомый предлог для априорного отрицания письменного характера акта. Показательно, что, например, разработанные УНИДРУА Принципы международных коммерческих договоров исходят из того, что «письменная форма» означает любой вид сообщения, который сохраняет *запись информации*, содержащейся в нем, и *способный быть воспроизведенным в осязаемой форме* (ст. 1.10).

[9] Сказанное не снимает с повестки дня всех вопросов: так, за скобками означенного подхода неоправданно остается момент изъявления воли собственника помещения через законного представителя (к примеру, опекуна).

Темпоральный аспект голосования, полагаем, раскрывается в ЖК РФ, безотносительно к способу голосования[10] (при этом единообразный подход в целом кажется рациональным и справедливым): оно должно состояться ***до даты и времени окончания***, которые определяются с учетом предусмотренной законом продолжительности голосования (не менее чем 7 дней и не более чем 60 дней с даты и времени начала проведения голосования – см. ч. 8 ст. 47.1).

Особенностью здесь является то, что голосование с помощью системы должно проводиться в указанные временные пределы ***без перерыва*** (ч. 9 ст. 47.1 ЖК РФ). Между тем совершенно очевидно, что подобное уточнение органично в отношении голосования в *электронной* форме; в ситуации же передачи письменного решения собственника в расчет все-таки должны приниматься обстоятельства, объективно препятствующие «непрерывности» действий администратора собрания (режим рабочего времени и т. п.).

Доказательством голосования собственника «стандартным» путем является, прежде всего, оформленное им в письменной форме решение, электронный образ которого подлежит обязательному размещению (администратором собрания) и хранению в системе (см. ч. 1, 10, 12 ст. 47.1 ЖК РФ). Каких-либо документов, верифицирующих принятие собственником решения с помощью системы, не предусмотрено; с учетом этого, как верно комментирует Минстрой России в письме от 5 мая 2019 г. № 16223-ОО/04, прилагать подобного рода «оправдательные» документы к протоколу ОССП не требуется, достаточно фиксации соответствующей информации в протоколе. Отсюда крайне актуальным становится момент его надлежащего составления, в том числе с точки зрения (не)обязательности подписания **протокола**. К сожалению, затронутый оформительский ракурс проработан в законодательстве несколько противоречиво (несмотря на то, что нарушение правил протоколирования способно привести к инвалидации решения собрания – см. подп. 4 п. 1 ст. 181.4 ГК РФ).

ЖК РФ говорит об *автоматическом* формировании (причем именно в форме протокола) решений ОССП, принятых по результатам голосования с использованием системы, а равно о хранении в системе протоколов ОССП, *сформированных* с использованием системы (см. ч. 11, 12 ст. 47.1). Данные указания дают повод для заявления об отсутствии потребности в собственноручном подписании протокола заочного голосования (тем более, что сравнительно надежная аутентификация администратора собрания достигается благодаря особому режиму доступа к ГИС ЖКХ, а в силу «циркуляра» п. 1 ст. 160 ГК РФ, который может быть задействован в порядке аналогии закона, требование о наличии подписи считается выполненным при использовании способа, позволяющего достоверно определить лицо, выразившее волю).

С другой стороны, норм, прямо отменяющих действие общих (субсидиарно применяемых) правил п. 3 ст. 181.2 ГК РФ касаемо подписания протокола о результатах заочного голосования, в ЖК РФ не содержится. Кроме того, в силу ч. 4 ст. 46 и ч. 2 ст. 47.1 ЖК РФ в месте или по адресу, которые определены решением собрания (помимо системы!), должны храниться *копии* протоколов ОССП (в свою очередь, Минстрой России в письме от 8 апреля 2021 г. № 8402-ОГ/04В указывает на необходимость размещения в системе *скан-образов* протоколов). Наконец, Требования № 44/пр, не «забывая» о возможности использования при проведении собрания системы (см. п. 8), непреложно предписывают подписание протокола ОССП (с детализацией реквизитов подписи, в перечень которых, в том числе, входит *проставленная* подпись!) и определяют круг необходимых подписантов (см. п. 4, 21–23). Изложенное (вкупе с тезисом о сомнительности квалификации автоматического формирования протокола в системе в качестве «иного способа подтверждения» результатов голосования, который на основании п. 3 ст. 181.2 ГК РФ может быть, в частности, предусмотрен законом[11]), напротив, опосредует небеспочвенность утверждения о необходимости соб-

[10] Думается, что сравнительное сопоставление редакций ч. 6–8 ст. 47.1 ЖК РФ дает основания именно для такого вывода.

[11] Вообще, вопрос об ином, чем протоколирование, способе подтверждения изложен в ГК РФ «бегло» и весьма небрежно (достаточно сказать, что такой способ может вводиться, как гласит п. 3 ст. 181.2, «настоящим *Кодексом, законом*…», хотя помещение ГК РФ и закона в один ряд, очевидно, некорректно). Подробнее об этом см.: *Поваров Ю. С.* Протокол и иные способы подтверждения проведения заседания и (или) результатов голосования участников гражданско-правового сообщества // Нотариус. 2021. № 7. С. 7–11.

ственноручного подписания протокола ОССП и при заочном голосовании с помощью системы. Выявленная несогласованность нормативных предписаний, разумеется, нуждается в оперативном устранении (как представляется, в направлении упрощения режима «цифрового» протоколирования).

Библиографический список

Камышанова А. Е. Дистанционное собрание собственников помещений многоквартирного дома : правовое регулирование гражданским и жилищным законодательством // Семейное и жилищное право. 2022. № 4. С. 36–38.

Коваленко Ю. Н. Развитие альтернативных форм проведения общих собраний сособственников // Гражданское право. 2022. № 1. С. 30–33.

Поваров Ю. С. Протокол и иные способы подтверждения проведения заседания и (или) результатов голосования участников гражданско-правового сообщества // Нотариус. 2021. № 7. С. 7–11.

Шиткина И. С., Севеева К. В. Дистанционные общие собрания участников хозяйственных обществ : эффективность новелл российского законодательства // Вестник арбитражной практики. 2022. № 3. С. 3–16.

References

Kamyshanova A. E. Remote meeting of owners of the premises of an apartment building: legal regulation of civil and housing legislation // Family and housing law. 2022. № 4. P. 36–38.

Kovalenko Yu. N. Development of alternative forms of holding general meetings of co-owners // Civil law. 2022. № 1. P. 30–33.

Povarov Yu. S. Minutes and other ways of confirming the holding of the meeting and (or) the results of voting of participants in the civil law community // Notary. 2021. № 7. P. 7–11.

Shitkina I. S., Seveeva K. V. Remote General Meetings of Participants of Business Companies: Effectiveness of Novelties in Russian Legislation // Bulletin of Arbitration Practice. 2022. № 3. P. 3–16.

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева

Поваров Ю. С., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права

E-mail: cl-su@mail.ru

Поступила в редакцию: 29.12.2022

Для цитирования:

Поваров Ю. С. Голосование на общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме с использованием информационной системы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 118–122. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/118-122.

Samara National Research University named after academician S. P. Korolev

Povarov Yu. S., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Civil and Business Law Department

E-mail: cl-su@mail.ru

Received: 29.12.2022

Recommended citation:

Povarov Yu. S. Voting at the general meeting of owners of premises in an apartment building using the information system // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 118–122. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/118-122.

УДК 347.9
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/123-130

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Д. С. Аулов
Воронежский государственный университет

ON THE PROSPECTS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY IN THE PROCESS OF RUSSIA

D. S. Aulov
Voronezh State University

Аннотация: рассматривается проблема перспективности цифровизации цивилистического процесса в современных российских реалиях. Исследуются вопросы дефинитивного определения искусственного интеллекта, его места в системе гражданских правоотношений, значения для процессуальной науки и судебной практики. Делаются выводы о целесообразности использования искусственного интеллекта в качестве компаньона судьи и преждевременности идеи полного перехода к электронному правосудию.
Ключевые слова: искусственный интеллект, гражданский процесс, цифровизация судопроизводства, предиктивное правосудие.

Abstract: in this paper, the problem of the prospects of digitalization of the civil process in modern Russian realities is considered. The issues of the definitive definition of artificial intelligence, its place in the system of civil legal relations, its significance for procedural science and judicial practice are investigated. The author draws conclusions about the expediency of using artificial intelligence as a judge's companion and the prematurity of the idea of a complete transition to electronic justice.
Key words: artificial intelligence, civil process, digitalization of judicial proceedings, predictive justice.

Активное внедрение информационных технологий в юридическую деятельность бросает вызовы, требующие пересмотра подходов правового регулирования общественных отношений в условиях цифровой экономики. Процессы автоматизации и роботизации представляют собой уже не научную фантасмагорию, а объективную реальность, получившую не только теоретическое обоснование, но и практическое применение. Яркими ее примерами являются внедрение ПАО «Сбербанк» робота-юриста, способного осуществлять проверку правоспособности юридических лиц, автоматизация процедуры принятия решений сотрудниками службы судебных приставов и др. Известен и успешный опыт иностранных государств по интеграции искусственного интеллекта в правовые реалии. Например, в США действует платформа аналитики судей и судов «LegalAnalyticsPlatform», в странах Европы – программа «предсказанного правосудия»[1]. Недавно стало известно, что в одном из американских судов представление интересов стороны по делу доверили роботу-юристу.

Внедрение цифровых технологий по-прежнему является одним из приоритетных направлений правовой политики и Российского государства. Так, в соответствии с «Национальной стратегией развития искусственного интеллек-

© Аулов Д. С., 2023

[1] См.: *Бирюков П. Н.* Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие» : зарубежный опыт // Lex Russica. 2019. № 11 (156). С. 79–87.

та на период до 2030 года», утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (далее – Национальная стратегия, Стратегия), одной из ключевых целей реализации которой является создание условий «для эффективного взаимодействия государства, организаций…», «для улучшения уровня жизни населения…»[2].

В юридической доктрине активно обсуждается вопрос цифровизации судопроизводства и разработки так называемого «машиночитаемого права» в целях оптимизации процедуры защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Некоторые шаги в этом направлении уже предпринимаются. В частности, регламентированы и реализованы на практике инструменты видео-конференц-связи и онлайн-заседаний, функционируют государственные автоматизированные системы «Правосудие» и «Мой арбитр». В рамках недавно состоявшегося X Всероссийского съезда судей его делегатами обсуждались перспективы использования искусственного интеллекта непосредственно при отправлении правосудия, в частности мировыми судьями при подготовке и вынесении судебных приказов[3].

Вместе с тем, как справедливо отмечается в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г., в настоящее время отсутствует специальное законодательное регулирование, которое учитывало бы особенности применения роботехники при совершении юридически значимых действий[4].

Дефиниция «искусственный интеллект» и ее правовое значение

События последних лет способствовали совершенствованию механизма обработки большого объема информации и, как следствие, трансформации системы отправления правосудия. Результатом данных преобразований стала частичная деритуализация и дематериализация цивилистического процесса. В первом случае речь идет об исключении традиционных установок из судоустройственной и судопроизводственной деятельности; во втором – о цифровизации правосудия путем создания виртуального судебного пространства (например, введение онлайн-заседаний). В связи с этим все чаще встает вопрос правовой регламентации искусственного интеллекта как в материальном, так и в процессуальном праве[5].

Доктринальное толкование рассматриваемой дефиниции в большинстве случаев сводится к совокупности характеристик и свойств как результата научно-технической деятельности человека. С позиции познавательного процесса (онтологический аспект в философии) искусственный интеллект представляет собой «машинный разум», созданный по подобию человеческого, однако не обладающий аналогичными когнитивными и мыслительными способностями[6].

Попытку сформулировать собственно юридическое определение делает в своем диссертационном исследовании и П. М. Морхат. По его мнению, искусственный интеллект – это «полностью или частично автономная самоорганизующая (и самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая, в том числе биокибернетическая, система (юнит), не живая в биологическом смысле этого понятия, с соответствующим математическим обеспечением, наделенная/обладающая программно-синтезированными (эмулированными) способностями и возможностями…»[7].

Думается, для целей права предлагаемые определения не являются репрезентативными в силу их чрезмерно «технического характера»

[2] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

[3] О развитии судебной системы Российской Федерации : постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

[4] Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года : распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 35. Ст. 5593.

[5] См.: *Афанасьев С. Ф.* К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. № 3. С. 12–31 ; *Трезубов Е. С.* Тенденции цифровизации цивилистического процесса // Там же. № 5. С. 204–227.

[6] См.: *Хисамова З. И., Бегишев И. Р.* История становления и теоретико-правовые подходы к толкованию понятия «искусственный интеллект» // Алтайский юрид. вестник. 2020. № 3 (31). С. 31–38.

[7] *Морхат П. М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности : гражданско-правовые проблемы : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 92–93.

и загруженности специальной технологией, не свойственной юриспруденции. Для преодоления возникшей неопределенности в доктрине предлагается использовать один из следующих подходов – дескриптивный или утилитарно-конструктивистский.

Первый характеризует искусственный интеллект через категорию сущность и основные свойства (аналог человеческого мышления, способность автономного принятия решений, способные приводить к созданию интеллектуального достижения). Вместе с тем встает дискуссионный вопрос о признаках субъектности искусственного интеллекта и его возможной квалификации как участника правоотношений.

Второй подход сложился в противоположность рассмотренному нами первому. Его сторонники полагают вполне допустимым определение искусственного интеллекта без обращения к свойствам, имитирующим способности человеческого сознания. Такого рода детерминирование искусственного интеллекта приводит к выделению характеристик, позволяющих определить его как правовое явление, используемое в инструментальном плане: объектность, способность к рационализации совершаемых действий, служебный (вспомогательный) характер.

Единственным на сегодняшний день нормативным правовым источником, в котором предпринята попытка определить термин «искусственный интеллект», является Национальная стратегия искусственного интеллекта, в которой он представлен как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Принимая во внимание инвариативность представленных взглядов, представляется целесообразным рассматривать искусственный интеллект в широком и узком смыслах. Так, в Стратегии различается «слабый» искусственный интеллект, способный «решать узкоспециализированные задачи», и «сильный» (универсальный), предназначенный для его использования в различных сферах научного знания.

Применительно к цивилистическому процессу, на наш взгляд, релевантным представляется понимание технологий искусственного интеллекта в узком смысле (выступающий, по сути, как утилитарно-конструктивистский), согласно которому цифровизация судопроизводства рассматривается как способ оптимизации отправления правосудия, а искусственный интеллект – как вспомогательный инструмент для ее реализации. Не случайно в юридической доктрине в связи с этим уже ведутся активные дискуссии о перспективах развития в отечественной цивилистике так называемого «предсказанного правосудия» (в научных изданиях можно также встретить термин «предиктивное правосудие»)[8].

Искусственный интеллект с позиции теории правосубъектности

Наряду с определением юридического понятия искусственного интеллекта не менее дискуссионным является вопрос определения его места в системе правоотношений – субъект права или объект права. В настоящее время сформировалось несколько концепций правосубъектности искусственного интеллекта: 1) применение положений законодательства по аналогии с физическими лицами; 2) идея равнозначности правовому режиму животных; 3) аналогия юридического лица (роботы-агенты); 4) теза «субъект – вещь»; 5) концепция «электронного лица». Вместе с тем каждая из предлагаемых концепций не лишена недостатков.

1. Искусственный интеллект не обладает в полной мере ключевыми атрибутивными свойствами человеческого сознания (воля, интерес, самосознание, автономия мышления и принятия решений). В действительности, весьма затруднительно говорить о наличии у него полной правосубъектности (право-, дееспособности, деликтоспособности) и способности быть полноправным участником гражданских правоотношений. Иное свидетельствовало бы, например, о признании за искусственным интеллектом возможности вступать в брак, нести гражданско-правовую ответственность, участвовать в деятельности корпораций, отправлении правосудия и т.п. Следует согласиться с мнением

[8] См., например: *Брановицкий К. Л., Ярков В. В.* Возможные направления трансформации цивилистического процесса в условиях цифровизации и пандемии : предиктивное правосудие // Право и цифровая экономика. 2021. № 4. С. 7–13. См. также: *Соседова М. В.* Возможность применения искусственного интеллекта при рассмотрении отдельных гражданских дел : предсказанное правосудие // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 5. С. 32–37.

А. А. Иванова, что «крайне сложно, если вообще возможно, перевести на машинный язык такие понятия, как «злоупотребление правом» или «внутреннее убеждение судьи», которые обусловлены субъективным восприятием информации человеком и не всегда основываются на следовании определенному алгоритму. «Нелогичность права – это его свойство, которое лежит на поверхности»[9].

2. В отличие от животных искусственный интеллект создается не самой природой в ее естественных условиях, а благодаря творческому и умственному труду человека. Кроме того, считается, что искусственный интеллект способен считывать эмоции и самостоятельно моделировать поведенческую ситуацию. В то же время животные не обладают такой способностью, они не наделены склонностью к самоанализу и критическому мышлению, их действия или бездействие обусловлены инстинктом.

3. В 2016 г. юридической фирмой Dentons был разработан законопроект, заключающийся во внесении в действующее гражданское законодательство поправок и претворении в жизнь идеи специальной правосубъектности робототехники. Впоследствии в правовой доктрине стали активно выдвигаться предложения по рассмотрению искусственного интеллекта в качестве «электронного лица» (робота-агента)[10].

Особенностью концепции «субъект – вещь» является дуалистический характер определения правовой природы искусственного интеллекта: с одной стороны, он выступает в качестве объекта (вещи), поскольку у него есть собственник, а с другой – искусственный интеллект представляет собой вещь, наделенную волей и сознанием, что, к слову, близко к идее робота-агента. Безусловно, представленный подход идет вразрез устоявшейся классической теории лиц в гражданском праве, известной еще со времен права римского. Так, вещь (*res*) в римском праве – это предмет материального мира, не способный быть субъектом права, выступающий в качестве ценности, блага или комплекса прав и обязанностей и обладающий правовой целостностью[11]. Иными словами, под вещью традиционно понимается неодушевленный предмет.

Правовой статус искусственного интеллекта, близкого к юридическому лицу, также вызывает сомнения. В некотором смысле искусственный интеллект выступает как фикция, поскольку предпосылкой действий, совершаемых роботизированной техникой, служит программное обеспечение, алгоритмы и система кодов, разработанных и внедренных человеком, а не воля самой машины на их совершение. Ввиду обозначенного вопрос квалификации искусственного интеллекта по признакам юридического лица (имущественная состоятельность, организационное единство, самостоятельная имущественная ответственность, выступление в гражданском обороте от своего имени, автономия воли при осуществлении деятельности) и классификационной принадлежности (по организационно-правовой форме, цели деятельности, наличию или отсутствию системы корпоративных прав и обязанностей и др.) порождает еще большую уверенность в несостоятельности данной концепции применительно к искусственному интеллекту.

Таким образом, идея признания за искусственным интеллектом правосубъектности физического или юридического лица вопреки использованию принципов, аналогичных работе головного мозга человека, в настоящее время видится преждевременной. При совершенствовании технологий искусственного интеллекта и максимальном приближении к мыслительно-познавательной деятельности человека в будущем возможно их наделение правовым статусом квазисубъекта[12] или особого субъекта права.

Следовательно, на современном этапе искусственный интеллект в системе гражданских правоотношений справедливо относить к объектам гражданского права (ст. 129 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ))[13], поскольку он представляет собой не что иное, как результат интеллектуальной деятельности (про-

[9] LegalTech и юристы будущего / И. Кондрашов [и др.] // Закон. 2017. № 11. С. 20–36.

[10] См.: *Аксенова М. А.* Концепция «электронного лица» в правовом пространстве // Юрист. 2020. № 7. С. 18–24.

[11] См., например: *Скловский К. И., Костко В. С.* О понятии вещи. Деньги. Недвижимость // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 115–143.

[12] См.: *Лаптев В. А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 96.

[13] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301 ; 2022. № 16. Ст. 2601.

грамма, программное обеспечение), созданный с целью осуществления вспомогательной функции при осуществлении гражданских правоотношений.

Место искусственного интеллекта в системе процессуальных отношений

Цифровизация судопроизводства стала одним из ключевых векторов оптимизации и совершенствования цивилистического процесса. Принимая во внимание систему методов, составляющих основу гражданских процессуальных правоотношений, вопрос о правовом положении искусственного интеллекта в судопроизводственной деятельности следует рассматривать еще более категорично. В частности, одним из устоявшихся процессуальных постулатов в свете цифровизации является сохранение независимости судьи при использовании технологий. Последние должны выступать исключительно в качестве вспомогательного механизма при отправлении правосудия, не влияя на сущность и содержание судебного акта, принимаемого по итогу рассмотрения и разрешения дела. В связи с этим можно вести речь об инструментальном подходе к использованию цифровых технологий и достижений в судопроизводстве.

В противовес данным выводам в научной литературе приводится тезис о том, что использование в правосудии искусственного интеллекта позволило бы максимально объективно, беспристрастно и, самое главное, справедливо принимать решения, строго следуя нормам закона. Однако не всё так однозначно, как представляется сторонникам данной идеи.

Во-первых, будучи объектом гражданских правоотношений, искусственный интеллект априори по своей природе и содержанию не может трансформироваться в субъект гражданских процессуальных правоотношений. В отсутствие волевого и сознательного компонента представляется весьма сомнительным участие искусственного интеллекта в процессе. Так, например, суд как центральная фигура в осуществлении правосудия назначается в установленном законом порядке, обладает властными юрисдикционными полномочиями, а при разрешении дела и оценке представленных доказательств руководствуется своим внутренним убеждением. Как справедливо отмечает В. В. Момотов, «специфика судейской работы, связанная с умением не только применять и понимать закон, изучать и определять роль различных факторов при принятии решения, но и учитывать в некоторых случаях психологические и даже этические аспекты, делает такую работу непосильной для искусственного интеллекта»[14]. Обращает на себя внимание и получивший закрепление в Европейской этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах[15] принцип пользовательского контроля, в соответствии с которым:

– судья вправе не согласиться с решением, предлагаемым к принятию искусственным интеллектом, а вынести свое собственное по рассматриваемому делу;

– любому лицу предоставлено право на обращение в суд без использования искусственного интеллекта, а равно право на обжалование решений, вынесенных искусственным интеллектом.

Безусловно, цифровые технологии создают правовую основу и гарантии объективизации правоприменительной деятельности, однако подобные преобразования заставляют задуматься о дальнейшем существовании в гражданском законодательстве морально-нравственных паттернов и оценочных категорий, используемых индивидуально и с учетом обстоятельств конкретного дела (в частности, такие как «добросовестность», «злоупотребление правом» (ст. 10 ГК РФ), «компенсация морального вреда» (ст. 151 ГК РФ), «степень заботливости и осмотрительности» (ст. 401 ГК РФ), «разумный срок судопроизводства» (ст. 6.1 ГПК РФ)).

Во-вторых, внедрение технологий искусственного интеллекта неминуемо скажется на стабильности принципов гражданского судопроизводства как отправных начал правосудия по гражданским делам, что потребует не толь-

[14] *Момотов В. В.* Искусственный интеллект в судопроизводстве : состояние, перспективы использования // Вестник ун-та имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 190.

[15] См.: Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях (CEPEJ (2018)14) (вместе с «Углубленным исследованием вопроса…», <Видами использования>, «Глоссарием», «Контрольным перечнем вопросов…», «Пояснительной запиской») : принята в г. Страсбурге 03.12.2018–04.12.2018 на 31-м пленарном заседании Европейской комиссии по эффективности правосудия. URL: https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-work/quality-of-justice (дата обращения: 15.01.2023).

ко их пересмотра, но и возможного отказа от некоторых из них. Прежде всего, в контексте принципа доступа к правосудию повсеместная технологизация ограничит право лица на обращение в суд и сделает затруднительной или невозможной в принципе подачу документов по усмотрению лица (на бумажном носителе, в электронном виде). В рамках самого судебного разбирательства сторонам по делу придется столкнуться с ограничением действия принципа состязательности сторон (необходимость в реализации права быть выслушанным и услышанным при переходе на «электронные рельсы правосудия» попросту отпадет). Существенно снизится в этом случае и роль суда в руководстве процессом, в частности при оказании содействия в реализации прав лицами, участвующими в деле (в том числе в примирении сторон), в создании условий для полного и всестороннего исследования доказательств. Принципы гласности и устности утратят свою значимость за ненадобностью. Претерпит существенную корреляцию и оценка представленных в дело доказательств на предмет их относимости, достоверности, допустимости и достаточности, поскольку в настоящее время процедура доказывания предопределяется тесной коммуникацией между судом и участниками процесса, а также судейским усмотрением в каждом конкретном случае. Принятие таких юридически значимых решений, как вынесение судебного решения (как известно, судебные акты принимаются именем Российской Федерации), по сути, поставит под сомнение актуальность принципов осуществления правосудия только судом, единоличного (или коллегиального) рассмотрения гражданских дел, а также, как нами уже упоминалось выше, независимость судей. Можно ли будет при замещении судьи на технологии искусственного интеллекта говорить о правосудии в принципе? Не исчерпает ли оно себя подобной трансформацией?

В-третьих, при осуществлении правосудия судья руководствуется не только буквой, но и духом закона, поскольку цель разрешения гражданского дела по существу состоит не только в правильном применении норм материального и процессуального права с последующим применением их по отношению к спорящим сторонам, но и восстановление справедливости. Не случайно ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод[16] гарантирует каждому обратившемуся в суд, прежде всего, право на справедливое судебное разбирательство.

Думается, что при использовании технологий искусственного интеллекта как результата алгоритмизации человеческими руками с полным замещением работы судьи-человека будет нарушаться целостность процесса в его классическом и устоявшемся понимании. Правоприменительная деятельность осуществляется не только посредством особой процессуальной формы, но и судейского усмотрения, предполагающего наличие свободы действий и выбора в рамках правовых норм. А оно, как справедливо отмечает А. В. Аргунов, «формируется через правосознание, идеологические нормы-принципы, которые ложатся в основу законного выбора судьи и не могут быть переведены в компьютерный код»[17].

С учетом рассмотренного целесообразным представляется электронное обеспечение правосудия через внедрение искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации в качестве помощника судьи. Представленный подход можно рассматривать как дополнительную гарантию реализации прав и свобод человека и гражданина.

О направлениях использования технологий электронного обеспечения правосудия

В настоящее время научно-технические достижения ограничиваются их использованием в суде, как правило, при решении задач технического характера (например, автоматическое распределение дел между судьями). Вместе с тем в целях оптимизации судоустройственной и судопроизводственной деятельностей представляется оправданным и допустимым использование искусственного интеллекта в следующих направлениях:

– автоматизация юридического перевода;

– автоматизация делопроизводства в суде (классификация и распределение судебных документов, формирование и ведение дел);

– интеллектуальный мониторинг судебных ошибок и расчета вариантов принятия судебно-

[16] См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 24.06.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

[17] *Аргунов А. В.* Искусственный интеллект рассудит? // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5. С. 48.

го решения (на основе мониторинга аналогичной или схожей судебной практики по заданным судьей исходным данным, например в форме ключевых фраз, слов, обстоятельств дела и т. п.).

Наряду с указанными предложениями, не меньший научно-практический интерес вызывает проблема использования искусственного интеллекта при рассмотрении отдельных категорий дел. Думается, в современных условиях такая возможность представляется пока только в отношении однотипных судебных дел, разрешаемых в порядке приказного производства. Программное обеспечение, построенное на модели искусственного интеллекта, позволит судье оптимизировать деятельность по вынесению судебных решений в части подготовки их проектов. Впоследствии с развитием технологий и увеличением диапазона глубины обработки информации перечень таких дел можно увеличить, дополнив его делами, рассматриваемыми в порядке упрощенного производства, а также дела с небольшим объемом исходных данных (например, о расторжении брака в отсутствие спора о детях, о взыскании задолженности по договору).

Привлекательной в правовом смысле является идея оптимизации однотипных судебных дел с участием нескольких лиц на стороне истца или ответчика (процессуальное соучастие, групповые иски). Однако подобные преобразования видятся преждевременными в силу особенностей рассмотрения упомянутых категорий дел. Вопреки численному составу и однородности заявленных требований, данные дела требуют недопущения судейской ошибки и активной роли суда в руководстве процессом при рассмотрении гражданского дела. По нашему мнению, сомнительной представляется перспектива передоверия искусственному интеллекту разрешения вопросов о присоединении к группе лиц, замене представителя группы лиц в процессе, распределении судебных расходов по делу и вынесении решения в отношении соистцов (соответчиков) или каждого участника группы лиц, поскольку данные вопросы требуют непосредственного участия судьи и его усмотрения в разрешении вопроса в пользу той или иной стороны с учетом всех обстоятельств дела. Кроме того, не стоит забывать, что в настоящее время групповые иски являются малоизученным явлением в юридической доктрине и не получили пока широкого распространения и повсеместного применения в судебной практике.

Осуществление судебной деятельности в условиях цифровизации требует детального рассмотрения и оценки перспектив внедрения механизмов упрощения и ускорения судебного разбирательства как с теоретической, так и практической точек зрения.

По мнению Комиссии по гражданско-правовому регулированию в сфере робототехники Европейского Парламента, постепенно искусственный интеллект перерастет из категории слабого в сильный, благодаря чему сумеет бросить вызов способностям человека к самоконтролю, анализу и критическому мышлению, ставя под сомнение наличие только у человека возможности руководствоваться собственными эмоциями и убеждением при реализации прав и свобод.

Следовательно, цифровизация правосудия не должна стать исключительно средством объективного разрешения споров и конфликтов. Внедрение искусственного интеллекта в право не должно нивелировать место и роль человека в нем, а также обесценивать основополагающие принципы национального и международного права (справедливость, гуманизм, безопасность, эффективность и др.).

Библиографический список

Аксенова М. А. Концепция «электронного лица» в правовом пространстве // Юрист. 2020. № 7. С. 18–24.

Аргунов А.В. Искусственный интеллект рассудит? // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5. С. 48.

Афанасьев С. Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. № 3. С. 12–31.

Бирюков П. Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие» : зарубежный опыт // Lex Russica. 2019. № 11 (156). С. 79–87.

Брановицкий К. Л., Ярков В. В. Возможные направления трансформации цивилистического процесса в условиях цифровизации и пандемии : предиктивное правосудие // Право и цифровая экономика. 2021. № 4. С. 7–13.

Воронцова И. В., Луконина Ю. А. Дефиниция «искусственный интеллект» и ее семантико-процессуальное значение в судебной системе России и зарубежных стран // Российский судья. 2020. № 10. С. 41–45.

Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 96.

Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве : состояние, перспективы использования // Вестник ун-та имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 190.

Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности : гражданско-правовые проблемы : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2018. 420 с.

Скловский К. И., Костко В. С. О понятии вещи. Деньги. Недвижимость // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 115–43.

Соседова М. В. Возможность применения искусственного интеллекта при рассмотрении отдельных гражданских дел : предсказанное правосудие // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 5. С. 32–37.

Трезубов Е. С. Тенденции цифровизации цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2022. № 5. С. 204–227.

Хисамова З. И., Бегишев И. Р. История становления и теоретико-правовые подходы к толкованию понятия «искусственный интеллект» // Алтайский юридический вестник. 2020. № 3 (31). С. 31–38.

References

Aksenova M. A. The concept of "electronic person" in the legal space // Lawyer. 2020. № 7. P. 18–24.

Argunov A. V. Artificial intelligence will judge? // Bulletin of the civil process. 2018. № 5. P. 48.

Afanasiev S. F. On the problem of material and procedural legal personality of artificial intelligence // Bulletin of the civil process. 2022. № 3. P. 12–31.

Biryukov P. N. Artificial intelligence and "predicted justice": foreign experience // Lex Russica. 2019. № 11 (156). P. 79–87.

Branovitsky K. L., Yarkov V. V. Possible directions for the transformation of the civil process in the context of digitalization and a pandemic: predictive justice // Law and digital economy. 2021. № 4. P. 7–13.

Vorontsova I. V., Lukonina Yu. A. The definition of "artificial intelligence" and its semantic and procedural significance in the judicial system of Russia and foreign countries // Russian judge. 2020. № 10. P. 41–45.

Laptev V. A. The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. № 2. P. 96.

Momotov V. V. Artificial intelligence in legal proceedings: state, prospects for use // Bulletin of the O. E. Kutafin (MSUA). 2021. № 5. P. 190.

Morkhat P. M. The legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems: dissertation … Doctor of Law. M., 2018. 420 p.

Sklovsky K. I., Kostko V. S. About the concept of a thing. Money. Real Estate // Bulletin of economic justice of the Russian Federation. 2018. № 7. P. 115–143.

Sosedova M. V. The possibility of using artificial intelligence when considering individual civil cases: predicted justice // Arbitration and civil process. 2020. № 5. P. 32–37.

Trezubov E. S. Trends in the digitalization of the civil process // Bulletin of the civil process. 2022. № 5. P. 204–227.

Khisamova Z. I., Begishev I. R. The history of formation and theoretical and legal approaches to the interpretation of the concept of "artificial intelligence" // Altai Legal Bulletin. 2020. № 3 (31). P. 31–38.

Воронежский государственный университет
Аулов Д. С., аспирант кафедры гражданского права и процесса
E-mail: denis.aulov@yandex.ru

Поступила в редакцию: 25.01.2023

Для цитирования:
Аулов Д. С. О перспективах использования технологии искусственного интеллекта в цивилистическом процессе России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 123–130. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/123-130.

Voronezh State University
Aulov D. S., Post-graduate Student of the Civil Law and Process Department
E-mail: denis.aulov@yandex.ru

Received: 25.01.2023

Recommended citation:
Aulov D. S. On the prospects of using artificial intelligence technology in the civil process of Russia // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 123–130. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/123-130.

УДК 4414
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/131-137

МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРТИВНЫХ СПОРОВ

М. О. Буянова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

MEDIATION AS A WAY TO RESOLVE SPORTS DISPUTES

M. O. Buyanova
National Research University «Higher Scool of Economics»

Аннотация: проводится анализ понятия «медиация», которое закреплено в действующем российском законодательстве. Доказывается, что в спортивных спорах именно медиация может обеспечить более быстрое и конфиденциальное альтернативное их урегулирование с наименьшими потерями, сохранением делового сотрудничества и способностью развития партнерских отношений. Анализируются основополагающие принципы медиации, определяющие ее выгодные отличия от судебного разрешения конфликта – добровольность, беспристрастность медиатора, равенство сторон и конфиденциальность. Автор определяет преимущества медиации в сравнении с судебным (в том числе арбитражным) рассмотрением и обосновывает необходимость принять Типовое положение о медиативном органе спортивной федерации или лиги, направленное на досудебное разрешение спортивных конфликтов. Данный акт позволит не только определить положение медиативного органа, но и внести понимание для участников о правилах и порядке рассмотрения спортивных споров. Положение должно быть направлено на урегулирование медиативной деятельности, которая осуществляется специальными органами, созданными на уровне общероссийских спортивных федераций (Медиативный орган).
Ключевые слова: медиация, спортивный спор, медиатор, арбитраж, спортсмены, медиационное соглашение, спорт, спортивная федерация.

Abstract: the article analyzes the concept of "mediation", which is enshrined in the current Russian legislation. It is proved that in sports disputes it is mediation that can provide a faster and more confidential alternative settlement with the least losses to resolve the conflict while maintaining business cooperation and contributing to the development of partnerships. The fundamental principles of mediation are analyzed, which determine its beneficial differences from judicial conflict resolution – voluntariness, impartiality of the mediator, equality of the parties and confidentiality. The author defines the advantages of mediation in comparison with judicial (including arbitration) consideration and justifies the need to adopt a Model provision on the mediation body of a sports federation or league aimed at pre-trial resolution of sports conflicts. Such a provision will allow not only to determine the position of the mediation body, but also to make an understanding for the participants about the rules and procedure
Key words: mediation, sports dispute, mediator, arbitration, athletes, mediation agreement, sport, sports federation.

Актуальной тенденцией последних десятилетий в сфере разрешения споров можно считать поступательное развитие внесудебных методов, прежде всего медиации, что предопределяется не только желанием государства разгрузить, а граждан соответственно избежать громоздкой судебной системы, но и пониманием важности мирного разрешения спора, сохранения дружественных отношений между его сторонами.

В современном мире спорт – это не только разновидность досуга, но и серьезная профессиональная сфера, в которой выдающиеся спорт-

© Буянова М. О., 2023

смены имеют возможность заключать многомиллионные контракты как со спортивными организациями, так и с различного рода компаниями, заинтересованными в рекламном продвижении за счет известных людей. Участие в спортивной деятельности (речь идет о профессиональном спорте) предполагает заключение контрактов, осуществление плотного информационного взаимодействия спортсменов и руководства спортивных организаций, осуществление различных форм деятельности помимо непосредственно спортивных соревнований. Обязанности спортсмена, равно как и обязанности организации, к которой он относится, оформляются на уровне контрактов, ограничивающих некоторые возможности спортсмена (например, момент разглашения информации, полученной спортсменом в ходе участия в деятельности спортивной организации). Всё это определяет юридический аспект спортивных отношений[1].

Применительно к области юридических споров одним из развитых в обществе механизмов их преодоления является судебная система, на уровне которой производится квалификация ситуации с точки зрения действующих норм права и вынесение решения в пользу той или иной стороны.

Спортивные споры, как правило, разрешаются путем арбитража в Спортивном арбитражном суде (НЦСА) или органами спортивных федераций и лиг (например, в Палате по разрешению споров ФИФА).

Использование специального порядка рассмотрения спортивных споров особенно важно в спорте, потому что сторонам часто нужно разрешать споры быстро и с минимальными затратами.

Помимо судебной (арбитражной) модели разрешения конфликтов, существует практика медиации, в рамках которой проясняются интересы конфликтующих сторон и вырабатывается решение, устраивающее каждую из них[2].

Медиация сегодня завоевывает все большую популярность как сравнительно быстрый, конфиденциальный и недорогой метод разрешения спортивных споров.

Кроме того, Федеральный закон № 329 «О физической культуре и спорте в Рроссийской Федерации» прямо указывает, что общероссийская спортивная федерация или соответствующая профессиональная спортивная лига для целей досудебного урегулирования споров вправе прибегать к процедуре ***медиации*** в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Медиация – это конфиденциальный и добровольный тип альтернативного разрешения споров, при котором независимая третья сторона в виде медиатора помогает сторонам в переговорах с целью мирного урегулирования конфликтов.

По общему правилу процесс медиации обычно начинается с проведения совместного заседания, когда каждая сторона будет иметь возможность сделать заявление, в котором еще раз излагается позиция по нерешенным вопросам. Затем медиатор будет проводить частные беседы с каждой стороной, чтобы конфиденциально обсудить проблемы и изучить варианты возможного урегулирования[3]. Если урегулирование конфликта в итоге достигнуто, это подтверждается соглашением, которое обычно заключается и подписывается на следующий день после процесса медиации или вскоре после него.

Поскольку спортивный спор – разногласия субъектов в спортивных правовых отношениях по поводу взаимных прав и обязанностей, то соответственно главный субъект данного спора – спортсмен. Наряду со спортсменом в конфликте принимают участие и другие субъекты, вплоть до болельщиков и СМИ. Таким образом, спортивные конфликты – многосоставные и комбинированные. Кроме того, такие конфликты по своей сути – эмоционально-психологические[4].

Одновременно с этим, даже вне сферы отношений спортсмена и спортивной организации, имеет место ряд аспектов его юридической определенности – имущественные отношения, участие в бизнес-проектах, семейные вопросы и т. д. И во всех сферах могут иметь место кон-

[1] См.: *Алексеев С. В.* Спортивное право России : учеб. для вузов / под ред. П. В. Крашенинникова. Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 2013. С. 64.

[2] См.: *Марков С. М.* Медиация – альтернативный инструмент разрешения спортивных конфликтов (споров) : преимущества и перспективы для Дальнего Востока и Сибири // Седьмые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения : в 3 т. 2013. Т. 2. С. 161–166.

[3] См.: *Ищенко С. А.* Правовая характеристика и система спортивных арбитражных судов (САС) в международном спортивном движении // Государство и право. 2002. № 12. С. 78–80.

[4] См.: *Погосян Е.* Спортивные споры // Гражданский и арбитражный процесс. 2009. № 8. С. 54.

фликты, участие в которых может существенно повредить профессиональному развитию и, следовательно, карьере спортсмена.

Кроме того, в сфере спортивных отношений (если речь идет о командном взаимодействии) большое значение имеет межличностный аспект отношений спортсменов, поэтому преодоление конфликтов в спортивной среде является одним из важнейших условий повышения эффективности спортивных команд. Всё это в совокупности определяет важность социальных механизмов, направленных на преодоление конфликтов в спортивной и сопутствующих сферах.

Партнерские отношения возможно сохранить, используя такие способы разрешения споров, при которых не подавляются права и интересы одного за счет поощрения и признания прав другого.

Даже в случае эмоционально нестабильных переговоров медиатор таким образом координирует процесс, чтобы возможно было вернуть стороны к конструктивному диалогу и восстановить психологически комфортную атмосферу.

В спортивной среде соблюдение этих условий представляется особенно актуальным. Субъекты спортивных отношений не могут существовать изолированно друг от друга. Развитие спорта зависит от сотрудничества участников спортивных отношений. Занятие профессиональным спортом предполагает участие в спортивном клубе, а спортивные достижения и успехи во многом зависят от тренерской работы и внутренних правил спортивного клуба.

В связи с вышеизложенным полагаем, что именно медиация может обеспечить более быстрое и конфиденциальное альтернативное урегулирование споров. Медиация позволяет с наименьшими потерями урегулировать конфликт, сохраняя деловое сотрудничество и развивая партнерские отношения.

На первый фланг выступают следующие преимущества медиации в сравнении с судебным (в том числе арбитражным) рассмотрением.

1. Эффективность (договоренности, достигнутые в добровольном порядке, как правило, выполняются по законам совести и чести), конфиденциальность, равноправие (в медиации учитывается справедливое равноправие, отсюда вытекает защита интересов «слабой стороны» в дилемме «спортсмен – федерация», ориентация в споре на интересы, а не позиции сторон, быстрота (ограниченные законом рамки проведения процедуры медиации), стоимость процедуры (в буквальном и переносном значении), самостоятельный выбор посредника-медиатора и места проведения процедуры медиации.

2. Гуманитарные принципы – верность, вежливость, мужество, правдивость, простота (они вполне согласуются с мировоззренческой установкой спортсменов восточных единоборств).

3. Высокая вероятность достижения взаимовыгодного решения и сохранения дружественных отношений между сторонами спора.

Кроме того, многие исследователи утверждают, что мировые и медиационные соглашения обеспечивают более высокую долю добровольного исполнения и надежности, чем арбитражные решения, поэтому менее нуждаются в принудительном исполнении.

4. Медиация может способствовать урегулированию конфликтов различной природы, в том числе тех, которые находятся за рамками прямого правового регулирования.

Следовательно, институт медиации достаточно хорошо изучен с теоретической и практической точки зрения, особенно в тех государствах, где медиация институализирована. Сама возможность привлечь медиатора, обладающего специальными знаниями в сфере спорта, будет способствовать справедливому и грамотному разрешению спора, так как только при соблюдении этих условий можно говорить об исполнимости медиационного соглашения, не имеющего юридической силы в преобладающем большинстве юрисдикций.

Несмотря на то что медиация в спорте – явление новое, в некоторых европейских государствах и международных спортивных организациях уже применяются медиативные технологии для разрешения спортивных споров. При этом в качестве посредников могут выступать не только представители спортивных организаций, утвержденные в качестве профессиональных медиаторов, но и иные, обладающие специальными знаниями в области спорта и утвержденные сторонами в качестве таковых лица. Основными требованиями при этом являются, во-первых, наличие соглашения между сторонами (как правило, между спортивными клубами, если разногласия возникают за пределами одного спортивного клуба) или внутреннего по-

ложения (регламента) спортивного клуба, предусматривающего проведение медиации для урегулирования внутренних конфликтов и разногласий, а также желание сторон участвовать в проведении медиации и активно заниматься поиском взаимоприемлемого решения[5].

Незначительное распространение спортивной медиации в России обусловлено тем, что отсутствует достаточное количество подготовленных специалистов как для представления сторон в процессе медиации, так и для исполнения функции медиатора (посредника). При этом следует учесть тот факт, что спортивный медиатор, помимо навыков в области посредничества, должен также обладать познаниями в области спорта (вида спорта, спортивной дисциплины). Поскольку ст. 8.1 Федерального закона «О примирительной процедуре с участием посредника (медиации)» не предъявляет специальных требований к посреднику (хотя и допускает возможность установления требований соглашением сторон), представляется важным закрепить квалификационные требования на уровне документов спортивных организаций[6].

По нашему мнению, медиация выступает в качестве одного из самых эффективных способов разрешения конфликтных ситуаций, поскольку она позволяет находить решения, которые в максимальной степени отвечают интересам участвующих в конфликте сторон. Кроме того, немаловажным фактором востребованности медиации для спортсменов является то, что она представляет собой от начала до конца контролируемый процесс, в котором спортсмен обладает возможностью оценивать вырабатываемое соглашение на всех этапах его формирования.

Медиация может быть также востребована спортивными организациями, в рамках контракта с которыми работает профессиональный спортсмен, поскольку для них очень важным моментом является сохранение мотивации вовлеченных в их деятельность спортсменов, что предполагает необходимость урегулирования возможных конфликтов таким образом, чтобы каждая из сторон в конечном счете была удовлетворена выработанным решением.

Отдельно следует отметить важность медиации как инструмента решения споров для тренеров, работающих со спортивными коллективами, поскольку в данном случае нередким явлением становится соперничество между спортсменами и вызванные им конфликты, что может негативно влиять на психологический климат в коллективе и, соответственно, сказываться на его спортивных результатах. Нередко «административный ресурс» тренера может способствовать подавлению конфликта, но не его разрешению, что на долгосрочную перспективу приводит лишь к усугублению проблемы. В данном случае наиболее востребованной является не столько юридическая, сколько психологическая (восстановительная) медиация, ориентированная на преодоление межличностных конфликтов и формирование предпосылок сотрудничества между сторонами конфликта, их примирения.

В спортивной сфере присутствует множество факторов, определяющих эффективность развития спортсменов и их показатели в рамках проводимых соревнований. Одним из важнейших факторов эффективного построения спортивной карьеры является своевременное устранение отвлекающих факторов, а также тенденций нарушения взаимодействия между спортсменами, если речь идет о командных видах спорта. Не менее важны конструктивные отношения между тренером и спортсменом, а также отношения с организацией, в рамках которой он осуществляет выстраивание своей карьеры. Вместе с тем нередкой ситуацией является возникновение конфликтов и противоречий различного плана, в которые оказываются втянуты спортсмены. Для того чтобы адекватно противодействовать подобного рода явлениям, важно использовать эффективные методы устранения конфликтов, одним из которых является медиация в спортивной сфере.

Таким образом, медиация выгодно отличается от судебного решения спортивных споров, а также от попыток самостоятельного их решения спортивными агентами и тренерами в силу того, что профессиональный, опытный медиатор, будучи беспристрастной стороной, обладающей навыками ведения переговоров и согласования интересов разных сторон, имеет куда большие шансы на благоприятный результат.

Большинство специалистов отмечают, что в настоящее время проведена колоссальная рабо-

[5] См.: *Прокопец М. А., Рогачев Д. И., Вегер Ф. де*. Разрешение футбольных споров. Анализ практики Палаты по разрешению споров ФИФА, РФС и Спортивного арбитражного суда (г. Лозанна). М., 2012. С 41.

[6] См.: *Алексеев А. В.* Указ. соч. С. 41.

та по реформированию защиты трудовых прав спортсменов, в частности внесено множество изменений в процедуру медиации[7].

Процесс медиации направлен на заключение между конфликтующими сторонами медиативного соглашения. На медиатора при этом возлагается поиск путей и способов разрешения конфликта для последующего заключения такого соглашения.

А. В. Лучников отмечает, несмотря на то что медиативное соглашение исполняется на принципе добровольности, однако согласно действующему законодательству требования, прописанные в соглашении, исполняются под угрозой применения спортивных санкций[8].

Таким образом, проведенный нами анализ применения медиации при рассмотрении спортивных споров позволил охарактеризовать ее как востребованный и перспективный способ разрешения споров в спортивной среде. Медиативные технологии представляют собой способ взаимодействия в обществе на основе консенсуса, сотрудничества и взаимного принятия сторон, что соответствует современным представлениям о развитии спорта в обществе.

Представляется, что медиация в скором времени может стать одним из наиболее эффективных способов разрешения спортивных споров в нашей стране. В спортивных отношениях зависимость субъектов друг от друга очень велика: без клуба спортсмену негде играть, без спортсмена же нет и самого клуба. При этом обе стороны заинтересованы в быстром нахождении решения и сохранении нормальных отношений, позволяющих совместно, а главное успешно работать дальше.

По нашему мнению, сегодня назрела необходимость принять Типовое положение о медиативном органе спортивной федерации или лиги, направленном на досудебное разрешение спортивных конфликтов.

Такое положение позволит не только определить положение медиативного органа, но и внести понимание для участников о правилах и порядке рассмотрения спортивных споров. Положение должно быть направлено на урегулирование медиативной деятельности, которая осуществляется специальными органами, созданными на уровне общероссийских спортивных федераций (Медиативный орган).

Положение должно содержать общие нормы и направления регулирования деятельности Медиативного органа. Организация, которая хочет утвердить на своей базе Медиативный орган, вправе изменить некоторые нормы указанного Положения, учитывая специфику ее вида спорта и деятельности.

Принятие Типового медиативного соглашения позволит каждой стороне иметь юридическое представительство при медиации. Однако медиаторам, как правило, запрещается предоставлять юридические консультации или юридическое представительство какой-либо из сторон в ходе процесса. Медиативное соглашение также может включать и согласованную ставку (вознаграждение) для медиатора.

Чтобы помочь сторонам действовать честно и открыто (тем самым обеспечив беспрепятственный процесс), следует также разработать Кодекс поведения для посредничества. В соглашение о посредничестве обычно встраивается структура, в которой излагаются ключевые и соответствующие моменты спора, подчеркивается взаимная заинтересованность обеих сторон в достижении решения и включается общее заявление о том, что решение было достигнуто. Как только будет достигнуто предварительное решение, оно должно быть записано в соглашение о посредничестве вместе со всеми необходимыми изменениями.

Основным принципом включения такого положения о медиативном органе должна стать необходимость прикладывать сторонами всевозможные усилия для достижения поставленной цели – досудебное разрешение спортивного спора.

В Типовом положении должны быть раскрыты права и обязанности медиатора.

Так, к правам медиатора относятся:

– необходимость обращения к сторонам конфликта за дачей показаний по спору;

– составление медиативного соглашения в случае, если стороны смогли прийти к общему решению и договориться между собой;

– медиатор должен предпринимать различные законодательно допустимые меры для предотвращения или разрешения возникшего конфликта между сторонами.

[7] См.: *Каменков В. С.* Потенциал медиации по индивидуальным спортивно-трудовым спорам // Спорт : экономика, право, управление. 2018. № 2. С. 21–25.

[8] См.: *Лучников А. В.* Альтернативные способы урегулирования спортивных споров : спортивный арбитраж, медиация // Право и общество. 2021. № 2 (3). С. 65–67.

К обязанностям медиатора относятся:

– оказание квалифицированной помощи в случае обращения к нему сторон спора;

– оказание консультативной помощи по вопросам предотвращения или разрешения конфликтных ситуаций;

– обращение в правоохранительные органы в случае, когда в процессе его деятельности выяснится, что одна из сторон готовится совершить или совершило административное правонарушение или уголовное преступление, или иное деяние, посягающее на общественные интересы и общественный порядок.

На наш взгляд, в Положение должно быть также включено требование о том, чтобы перед назначением или утверждением потенциальный медиатор должен подписать заявление о принятии, доступности, беспристрастности и независимости.

Потенциальный медиатор должен сообщить в письменной форме федерации (лиге) о любых фактах или обстоятельствах, которые могут поставить под сомнение независимость медиатора в глазах сторон, а также любые обстоятельства, вызывающие обоснованные сомнения в его беспристрастности. Федерация (лига) предоставляет такую информацию сторонам в письменном виде и устанавливает предельный срок для любых их замечаний.

Роль медиатора заключается в поиске способов для примирения конфликтующих сторон[9]. Медиативный орган имеет право выносить решения о своей собственной юрисдикции, включая любые возражения в отношении существования, объема или действительности Арбитражного соглашения или в отношении того, могут ли быть определены все требования и встречные требования, поданные в арбитраже.

Следовательно, в отличие от судьи или арбитра медиатор не является лицом, принимающим решения. Медиатор выступает, главным образом, в роли посредника, который помогает сторонам прийти к собственному решению по урегулированию спора.

Библиографический список

Алексеев С. В. Спортивное право России : учеб. для вузов / под ред. П. В. Крашенинникова. Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 2013. 927 с.

Ищенко С. А. Правовая характеристика и система спортивных арбитражных судов (САС) в международном спортивном движении // Государство и право. 2002. № 12. С. 78–80.

Каменков В.С. Потенциал медиации по индивидуальным спортивно-трудовым спорам // Спорт : экономика, право, управление. 2018. № 2. С. 21–25.

Лучников А. В. Альтернативные способы урегулирования спортивных споров : спортивный арбитраж, медиация // Право и общество. 2021. № 2 (3). С. 65–67.

Марков С. М. Медиация – альтернативный инструмент разрешения спортивных конфликтов (споров) : преимущества и перспективы для Дальнего Востока и Сибири // Седьмые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения : в 3 т. 2013. Т. 2. С. 161–166.

Новиков А. В., Слабкая Д. Н. Процедура медиации : функции, типы и стадии медиации // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 1А. С. 48–54.

Погосян Е. Спортивные споры // Гражданский и арбитражный процесс. 2009. №8. С. 52–54.

Прокопец М. А., Рогачев Д. И., Вегер Ф. де. Разрешение футбольных споров. Анализ практики Палаты по разрешению споров ФИФА, РФС и Спортивного арбитражного суда (г. Лозанна). М., 2012. 488 с.

References

Alekseev S. V. Sports law of Russia: textbook for universities / edited by Dr. yurid. of Sciences, prof. P. V. Krasheninnikova. Ed. 4th, reprint. and additional. M., 2013. 927 p.

Ishchenko S. A. Legal characteristics and the system of sports arbitration courts (CAS) in the international sports movement // State and Law. 2002. № 12. P. 78–80.

Kamen'kov V. S. The potential of mediation in individual sports and labor disputes. Sports : economics, law, management. 2018. № 2. P. 21–25.

Luchnikov A. V. Alternative ways of settling sports disputes : sports arbitration, mediation. Law and society. 2021. № 2 (3). P. 65–67.

Markov S. M. Mediation – an alternative tool for resolving sports conflicts (disputes): advantages and prospects for the Far East and Siberia // Seventh Baikal International Socio-humanitarian readings: materials: in 3 vol. 2013. Vol. 2. P. 161–166.

Novikov A. V., Slabkaya D. N. Mediation procedure. Functions, types and stages of mediation // Issues of Russian and international law. 2021. Vol. 11, № 1A. P. 48–54.

Poghosyan E. Sports disputes // Civil and arbitration proceedings. 2009. № 8. P. 52–54.

[9] См.: *Новиков А. В., Слабкая Д. Н.* Процедура медиации : функции, типы и стадии медиации // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 1А. С. 48–54.

Prokopets M. A., Rogachev D. I., Weger F. de. Resolution of football disputes. Analysis of the practice of the FIFA Dispute Resolution Chamber, the RFU and the Court of Arbitration for Sport (Lausanne). M., 2012. P. 488.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Буянова М. О., доктор юридических наук, профессор

E-mail: moduianova@mail.ru

Поступила в редакцию: 30.01.2023

Для цитирования:

Буянова М. О. Медиация как способ разрешения спортивных споров // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 131–137. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/131-137.

National Research University «Higher Scool of Economics»

Buyanova M. O., Doctor of Legal Sciences, Professor

Received: 30.01.2023

Recommended citation:

Buyanova M. O. Mediation as a way to resolve sports disputes // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 131–137. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/131-137.

УДК 346.9
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/138-143

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ IT-ТЕХНОЛОГИЙ)

О. С. Лиликова, Ю. С. Гусакова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

STATE SUPPORT FOR ENTREPRENEURSHIP IN THE CONDITIONS OF SANCTIONS (ON THE EXAMPLE OF IT-TECHNOLOGIES)

O. S. Lilikova, Yu. S. Gusakova
Belgorod State National Research University

Аннотация: санкции, введенные в 2022 г. в отношении РФ, продемонстрировали, насколько сильно экономика нашей страны зависит от импортных информационных технологий. Сегодня перед государством стоит задача – сделать технологический рынок РФ конкурентоспособным, следовательно, необходимо принимать меры государственной поддержки предпринимательства в сфере IT-технологий.
Ключевые слова: государственная поддержка, предпринимательство, IT-технологии, налоговые льготы.

Abstract: the sanctions imposed in 2022 against the Russian Federation demonstrated how much the economy of our country depends on imported information technologies. Today, the state is faced with the task of making the technology market of the Russian Federation competitive, therefore, it is necessary to take measures of state support for entrepreneurship in the field of IT-technologies.
Key words: state support, entrepreneurship, IT-technologies, tax benefits.

Современная геополитическая и экономическая обстановка являются довольно сложными. Из-за определенных событий во внешнеполитической деятельности Российской Федерации в отношении нашего государства введены санкции, подавляющее число которых ударило именно по малому и среднему сегменту предпринимательства. В настоящее время положение предпринимателей, которые, по сути, составляют основу современного рынка в стране, является нестабильным и гораздо более сложным, чем в период пандемии COVID-19. Во многом это обусловлено приостановками поставок товаров из-за границы, запретом осуществления валютных операций, девальвацией рубля и пр.

Поскольку санкции ударили наиболее сильно именно по предпринимателям, государство разработало систему мер поддержки малого и среднего бизнеса, которые должны помочь предприятиям «остаться на плаву» в этот непростой период. Рассмотрим их более подробно.

Стоит отметить, что многие меры поддержки являются аналогичными тем, которые принимались государством в связи с коронавирусом. Так, предпринимателям разрешат взять кредитные каникулы на срок до шести месяцев, что позволит им в течение этого периода не платить по своим кредитным обязательствам. Однако такие кредитные каникулы предоставляются не всем предпринимателям, а только тем, чья деятельность относится к перечню, закрепленному в постановлении Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 337[1]. Например, такими отраслями в

© Лиликова О. С., Гусакова Ю. С., 2023

[1] Об утверждении перечня отраслей, в которых осуществляет деятельность заемщик, указанный в части 1

соответствии с Перечнем являются рыболовство и рыбоводство, производство одежды, бумаги, бумажных изделий, производство электрического оборудования, розничная торговля автомобилями, автомобильными деталями, деятельность железнодорожного транспорта и пр. На наш взгляд, мера поддержки довольно эффективная, но вызывает сомнение срок, на который можно взять кредитные каникулы. Дело в том, что у многих предприятий в настоящее время уровень дохода падает, и нет гарантий, что он вернется на досанкционный уровень к концу кредитных каникул. Если это не произойдет, предприятие будет вынуждено закрыться. Считаем, что целесообразнее было бы продлить кредитные каникулы на срок до одного года или же предусмотреть возможность их пролонгации с 6 до 12 месяцев в случаях, если финансовое состояние предприятия не изменится и его доходов не хватит для оплаты обязательств по кредитам.

Кроме того, в 2022 г. были запущены три льготные программы кредитования малого и среднего бизнеса, общий смысл которых сводится к тому, что предпринимателям, которые будут брать кредит для осуществления своей деятельности, предлагается сниженная налоговая ставка. В зависимости от льготной программы она варьируется от 8,5 до 15 % годовых[2]. Учитывая, что Центральный банк РФ поднял ключевую ставку до 20 %, такое снижение процентной ставки для кредитования предпринимателей является весьма перспективным способом снижения финансового бремени на предприятия.

Немаловажной мерой поддержки предпринимательства является введение моратория на проведение проверок. Смысл этой меры заключается в том, что до конца 2022 г. запрещаются все проверки предприятий малого и среднего бизнеса, а также ИП. Исключение составляют случаи, когда требуется внеплановая проверка ввиду существования реальной угрозы жизни и здоровью людей[3].

Отдельной группой мер поддержки малого и среднего предпринимательства являются налоговые меры. Прежде всего стоит отметить, что в течение всего 2022 г. был продлен срок уплаты всех налогов. Эта мера впервые была использована в 2020 г. в период пандемии и в целом зарекомендовала себя как весьма эффективная. Уменьшается также размер пеней, который будет начисляться за просрочку некоторых видов налоговых платежей. Более того, с 1 марта по 1 сентября 2022 г. ФНС запрещено подавать заявления о банкротстве компаний, у которых имеются задолженности по налогам и взносам. Это тоже своеобразная мера, связанная с отсрочкой исполнения компаниями своих налоговых обязательств. С 10 марта по 1 июня 2022 г. запрещены такие блокировки счетов предпринимателей-должников, в том числе и ИП, которые по всем обязательствам отвечают своим имуществом. Данное правило не распространяется на предпринимателей, чьи счета уже были арестованы по состоянию на 10 марта, а возбужденные в отношении их исполнительные производства также не прекращаются и не приостанавливаются.

Изменения коснулись и ставок по НДС. В частности, со II квартала 2022 г. по II квартал 2027 г. гостиницы и иные места отдыха могут применять по своим услугам нулевую ставку по НДС. Для получения льготы необходимо, чтобы гостиница соответствовала нескольким условиям:

1) находиться в реестре объектов туристической индустрии;

2) должна быть введена в эксплуатацию в 2022 г.

Главная цель применения налоговых мер – снижение налогового бремени на предпринимательский сектор, чтобы дать им возможность стабилизировать свою деятельность с учетом новых условий, в которых приходится работать.

В условиях санкций, действующих в настоящее время, особенно актуальной для государства стала проблема поддержки предпринима-

статьи 7 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа» и о признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 337 (в ред. от 17.06.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 11. Ст. 1716.

[2] Меры поддержки бизнеса и граждан с 01.03.2022 // Бухгуру: бухгалтерский интернет-журнал. URL: https://buhguru.com/novye-mery-podderzhki-biznesa-i-grazhdan-2022-sankczii-protiv-rossii (дата обращения: 27.09.2022).

[3] Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля : постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 11. Ст. 1715.

Таблица

Сравнение ставок по оплате страховых взносов на заработные платы сотрудников IT-сферы

Вид страхового взноса	Общий показатель на 2017 г., %	2017 г., %	2021–2022 гг., %
Обязательное пенсионное страхование	22	8	6
Обязательное медицинское страхование	5,1	4	0,1
Обязательные взносы на случай временной нетрудоспособности	2,9	2	1,5

тельства и в сфере IT-технологий. Во многом это обусловлено тем, что введение санкций в отношении Российской Федерации существенно сократило число информационных разработок, импортируемых в нашу страну, а также обнажило проблему нехватки технических специалистов для разработки российского высокотехнологичного оборудования. Все это стало причиной активной государственной деятельности по оказанию поддержки информационному сегменту предпринимательства, которое способствовало бы его активному развитию и сделало бы российский IT-рынок конкурентоспособным. По верному замечанию Ф. Р. Франгян, цифровизация бизнеса стала актуальной не только для крупных предприятий, но и для микропредприятий[4].

Впервые о необходимости поддержки предпринимательства заговорили еще в 2021 г., так как государство к 2024 г. планировало полностью «оцифровать» экономику и социальную сферу, однако такие нововведения далеко не всеми учеными и действующими юристами оцениваются положительно. Полагаем целесообразным сначала рассмотреть основные мероприятия, которые реализуются государством.

Итак, 2 марта 2022 г. был подписан Указ Президента РФ № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации»[5]. Прежде всего в рамках рассматриваемого указа необходимо было установить нулевую ставку по налогу на прибыль. Данная преференция должна действовать до 31 марта 2024 г., как и ряд иных налоговых послаблений для IT-сферы. На наш взгляд, это вполне закономерная и обоснованная мера, поскольку субъекты предпринимательской деятельности должны ежегодно уплачивать в государственный и муниципальный бюджеты довольно большие суммы налогов. Освобождение предпринимательства от налогового бремени позволит более рационально распоряжаться денежными средствами, в том числе в большей степени вкладывать их в свое развитие, а не в уплату налогов. Кроме того, по данным электронного издания «Главбух», в настоящее время в Правительстве РФ активно обсуждается вопрос относительно расширения налоговых льгот для IT-компаний, которые получают доходы за счет осуществления рекламной деятельности, а также установки и тестирования отечественных IT-продуктов[6].

Помимо вышеуказанного, в 2021 г. были существенно снижены процентные ставки по оплате страховых взносов на зарплату сотрудников, работающих в информационной сфере. В 2022 г. эти ставки сохранились. Целесообразно провести соотношение в виде таблицы.

Таким образом, ставки по оплате страховых взносов для сотрудников IT-сферы до сих пор остаются одними из самых низких в области предпринимательства. Это стимулирует работодателей расширять штат, привлекая к работе новых, талантливых сотрудников. В целом данную меру оцениваем как весьма эффективную.

Кроме того, в соответствии с подп. 26 п. 2 ст. 149 Налогового кодекса РФ компании, которые занимаются разработкой программ для электронно-вычислительных машин (ЭВМ) освобождены от уплаты НДС при передаче исключительных прав[7]. Однако данная привиле-

[4] См.: *Франгян Ф. Р.* Сравнительный анализ поддержки цифровизации малых и средних предприятий в России и за рубежом // Инновации и инвестиции. 2022. № 3. С. 174.

[5] Российская газета. 2022. № 46.

[6] Новые налоговые льготы для IT-компаний в 2022 г. из-за санкций // Главбух : электронный журнал. URL: https://www.glavbukh.ru/art/386858--novye-nalogovye-lgoty-dlya-it-kompaniy-v-2022-godu-iz-za-sanktsiy (дата обращения: 27.09.2022).

[7] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 26.03.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.

гия не является безусловной. Для того чтобы применять ее, компания должна соблюсти следующие условия: все разработки должны иметь отечественное происхождение, а также быть зарегистрированными в реестре, установленном постановлением Правительства РФ от 16 ноября 2015 г. № 1236.

Налоговые льготы являются не единственными преференциями, которые в 2022 г. были предоставлены IT-компаниям. Широкий общественный резонанс вызвало требование Правительства о предоставлении отсрочки от прохождения военной службы сотрудниками информационных компаний. Условия предоставления отсрочки от армии установлены постановлением Правительства РФ от 28 марта 2022 г. № 490 «Об утверждении Правил предоставления права на получение отсрочки от призыва на военную службу гражданам РФ, работающим в аккредитованных организациях, осуществляющих деятельность в области информационных технологий»[8]. Предоставление отсрочки возможно на следующих условиях:

1) лицо должно осуществлять рабочую деятельность в течение 11 месяцев в IT-компании, предшествующих месяцу призыва;

2) работник должен иметь высшее образование по соответствующей специальности;

3) трудовой договор должен быть заключен в течение года с даты окончания обучения в вузе.

Таким образом, только при соблюдении указанных условий лицу может быть предоставлена отсрочка от прохождения военной службы. На наш взгляд, это достаточно мощный стимул для будущих выпускников технических вузов по IT-специальностям продолжать свою трудовую деятельность в соответствующих компаниях, а не заниматься иными видами трудовой деятельности. Кроме того, сейчас в вузах обучается достаточно талантливая молодежь, которая гораздо сильнее интегрирована в IT-пространство и может нестандартно и эффективно решать поставленные задачи. Приток таких выпускников в IT-компании позволит активно развивать эту сферу.

Обратим внимание и на то, что отсрочка от армии до 27 лет на период работы в IT-компании позволит практически полностью исключить текучку молодых специалистов в компаниях и на предприятиях. Единственное, что пока не совсем понятно из этой инициативы, это будет ли предоставляться отсрочка только в случае непрерывной работы на одном предприятии или же молодому специалисту будет предоставляться возможность менять место работы с одной компании на другую в IT-сфере, но с сохранением отсрочки. На наш взгляд, целесообразнее было бы руководствоваться вторым вариантом.

Если подобные меры поддержки будут реализованы в полном объеме, то это позволит вывести сферу IT-предпринимательства в России на совершенно новый уровень. Не только уже существующие компании получат дополнительный стимул работать, развиваться и внедрять свои технологии и разработки на российский рынок, но будут появляться и новые предприниматели, особенно из числа бывших студентов технических вузов.

Еще одной нестандартной льготой для работников IT-сферы является предоставление льготной ипотеки по ставке всего лишь до 5 % годовых. Порядок предоставления ипотеки урегулирован федеральным законом от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ (в ред. от 26.03.2022) «Об ипотеке (залоге недвижимости)»[9], однако, несмотря на достаточно четкое правовое регулирование данного процесса, фактически получить ипотеку очень сложно. Во многом это обусловлено дороговизной недвижимости, а также высокой ключевой процентной ставкой, которая устанавливается Центробанком РФ. В совокупности из-за этого приобрести свое жилье очень сложно, так как люди физически не могут выплачивать ежемесячные платежи[10]. Установление льготной ставки в 5 % (общая ключевая ставка на сегодняшний день составляет 14 %) призвано решить эту проблему. С одной стороны, эта мера делает жилье для сотрудников IT-сферы доступным, а с другой – стимулирует специалистов работать в IT-компаниях, тем самым развивая эту структуру. В целом данная мера целесообразная, однако судить о ее эффективности пока не представляется возможным, поскольку прошло слишком мало времени, чтобы провести соотношение между уровнем развития IT-сферы и числом льготных ипотек, выданных работникам.

[8] Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 14. Ст. 2271.

[9] Российская газета. 1998. № 137.

[10] См.: *Гребенникова В. А., Остапенко М. И.* Обзор современного состояния рынка ипотечного кредитования в Российской Федерации // Современные технологии управления. 2022. № 1 (97). С. 1.

С ипотекой тесно связано и кредитование бизнеса в сфере IT. В соответствии с положениями анализируемого нами указа Президента РФ, таким компаниям предоставляется также право на получение льготных кредитов по сниженной ставке – 3 % годовых. Делается это для того, чтобы все возможные финансовые ресурсы IT-компании вкладывали в разработку нового отечественного программного обеспечения, технологий и ЭВМ, а также обеспечения их независимости от импортного рынка. Разработка таких технологий – это развитие рассматриваемой нами сферы деятельности, следовательно, предоставление льготных кредитов должно стимулировать данную сферу.

Следующая мера – это запрет до 3 марта 2025 г. проведения выездных налоговых проверок. Порядок проведения выездной налоговой проверки закреплен в ст. 89 НК РФ. Как уже понятно из наименования, главное ее отличие от камеральной проверки заключается в том, что она осуществляется не только на основании представленных документов, но и с выездом на место, где находится сам налогоплательщик по его юридическому адресу. Таким образом, выездная налоговая проверка осуществляется по месту нахождения не налогового органа, а налогоплательщика. В процессе выездной налоговой проверки могут быть выявлены те или иные нарушения. Они подлежат обязательной фиксации, кроме того, формируется доказательственная база, подтверждающая наличие правонарушения, а также налоговый инспектор проводит расчеты о сумме недоимки по уплаченным налогам, с учетом пени. Следовательно, эта мера – своеобразное «освобождение» IT-компаний от уплаты штрафов от возможных нарушений налогового законодательства, которые иногда могут составлять довольно большие цифры. Кроме того, выездные проверки существенно задерживают работу IT-компаний, так как по времени подобные проверки могут длиться до одного месяца, в течение которого сотрудники компании больше времени уделяют именно обеспечению качества проводимой проверки, а не фактической работе по специальности.

При этом от камеральных проверок IT-компании не освобождаются. В контексте рассмотрения вопроса отметим, что содержание и специфика проведения камеральных налоговых проверок урегулированы ст. 88 НК РФ. Нередко такую проверку именуют документарной, так как деятельность налогоплательщика проверяется только на основании документов без фактического выезда на место его деятельности.

Отметим также следующие меры государственной поддержки:

– освобождение от уплаты таможенных пошлин цифровых технологий, которые вывозятся из России в страны ЕАЭС. Обязательным условием для использования льготы является регистрация декларации на них в период с 28 марта по 30 сентября 2022 г.;

– предоставление ежегодных грантов на разработку наиболее перспективных для России IT-технологий, а также их количественное увеличение и др.

Таким образом, государственная поддержка сферы IT является одним из ключевых направлений государственной деятельности. Анализ действующего законодательства показал, что только эта сфера получила наибольшее количество преференций в связи с введением в отношении России экономических санкций. Несмотря на то что российский цифровой рынок сильно зависит от зарубежных IT-технологий, в Российской Федерации есть все возможности и инструменты реализации собственных разработок, а также их повсеместного внедрения.

Меры государственной поддержки предпринимателей преимущественно носят налоговый или финансовый характер, например:

– запрет на определенный срок проведения выездных плановых налоговых проверок;

– снижение ставок по оплате страховых взносов на работников IT-сферы;

– снижение ставок по кредитованию IT-бизнеса до 3 % при ключевой ставке 14 %;

– предоставление сотрудникам IT-специальностей при соблюдении определенных условий льготных ипотек по ставке до 5 %;

– выделение большого и ежегодного количества государственных грантов на разработку наиболее перспективных для страны цифровых технологий;

– предоставление сотрудникам IT-специальностей при соблюдении определенных условий отсрочки от прохождения военной службы и т. д.

Полагаем, что комплекс мер, принятых государством, является весьма эффективным и позволит предпринимателям успешно осуществлять свою деятельность и дальше. Меры под-

держки малому и среднему предпринимательству оказываются не только на федеральном, но и на региональном уровне. Например, в Белгородской области введены следующее меры по поддержке предпринимателей:

– льготный лизинг, по которому предприниматели получили право приобретать оборудование по сниженной процентной ставке (6 % для отечественного и 8 % для иностранного оборудования);

– продление компенсаций на использование системы быстрых платежей;

– послабления по госзакупкам, реализуемые в рамках Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»;

– выделение грантов для социальных предприятий в размере от 100 до 500 тыс. рублей, но не более 50 % затрат проекта. В качестве основных видов расходов в пределах гранта выделяются аренда помещения, его ремонт, приобретение оргтехники или оборудования и т. д.

В настоящее время довольно сложно судить об эффективности принятых мер, так как прошло слишком мало времени после их введения. Кроме того, достаточно сложно судить о проблематике, поскольку в данном случае она носит практический характер, а все эти меры заработали не в полную силу, чтобы судить, насколько качественно они осуществляются, и какие проблемы при этом могут возникать. Однако с уверенностью можно сказать, что они будут способствовать активному развитию предпринимательства в сфере IT-технологий и созданию отечественных цифровых технологий, которые будут конкурентоспособны на мировом рынке.

Библиографический список

Гребенникова В. А., Остапенко М. И. Обзор современного состояния рынка ипотечного кредитования в Российской Федерации // Современные технологии управления. 2022. № 1 (97). С. 1.

Франгян Ф. Р. Сравнительный анализ поддержки цифровизации малых и средних предприятий в России и за рубежом // Инновации и инвестиции. 2022. № 3. С. 174.

References

Grebennikova V. A., Ostapenko M. I. Review of the current state of the mortgage lending market in the Russian Federation // Modern management technologies. 2022. № 1 (97). P. 1.

Frangyan F. R. Comparative analysis of support for digitalization of small and medium-sized enterprises in Russia and abroad // Innovations and investments. 2022. № 3. P. 174.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Лиликова О. С., кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и предпринимательского права

Гусакова Ю. С., кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и предпринимательского права

E-mail: Strebkova@bsu.edu.ru

Поступила в редакцию: 27.09.2022

Для цитирования:

Лиликова О.С., Гусакова Ю.С. Государственная поддержка предпринимательства в условиях санкций (на примере IT-технологий) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 138–143. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/138-143.

Belgorod State National Research University

Lilikova O. S., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Labor and Business Law Department

Gusakova Yu. S., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Labor and Business Law Department

E-mail: Strebkova@bsu.edu.ru

Received: 27.09.2022

Recommended citation:

Lilikova O. S., Gusakova Yu.S. State support for entrepreneurship in the conditions of sanctions (on the example of IT-technologies) // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 138–143. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/ 2023/1/138-143.

УДК 342.92
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/144-151

РЕФОРМЫ СОВРЕМЕННОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

К. В. Давыдов

Сибирский университет потребительской кооперации,
Новосибирский государственный университет экономики и управления

REFORMS OF MODERN ADMINISTRATIVE LAW IN RUSSIA: SOME TENDENCIES

K. V. Davydov

Siberian University of Consumer Cooperation,
Novosibirsk State University of Economics and Management

Аннотация: проведен анализ ключевых тенденций реформирования таких главных элементов системы административного права России, как позитивное публичное управление, административно-деликтное право, административное судопроизводство. Сделан вывод о неуниверсальности и технократическом характере ранее проведенных, а также реализуемых в настоящее время административных реформ. Обоснован вывод о необходимости более последовательной акцентуации правозащитной цели в рамках преобразований административного права и системы публичного управления Российской Федерации.
Ключевые слова: административная реформа, публичное управление, административная ответственность, административное судопроизводство.

Abstract: the analysis of key trends in reforming such main elements of the system of administrative law in Russia as positive public administration, administrative responsibility law and administrative proceedings is carried out. The conclusion is made about the non-universality and technocratic nature of the previously carried out, as well as currently implemented, administrative reforms. The conclusion about the need for a more consistent emphasis on the human rights goal in the framework of the transformation of administrative law and the public administration system of the Russian Federation is substantiated.
Key words: administrative reform, public administration, administrative responsibility, administrative proceedings.

Полагаем, не будет преувеличением утверждение, что реформирование, рационализация системы публичного управления – объективно неизбежный процесс. В широком смысле, думается, можно говорить об административной реформе как о естественном условии функционирования публичной администрации. Вместе с тем, как отмечается в исследовательской литературе, вплоть до начала 80-х гг. XX в. феномен административных реформ в Европе продолжал носить скорее непоследовательный и эпизодический характер. Правительства сосредоточивали свои усилия на реформах в сферах оказания услуг, которые были особенно важны и поэтому видимы и замечаемы общественностью (здравоохранение, пенсионное обеспечение, строительство, гарантии занятости). Хотя планы осуществления более общей административной реформы иногда и выдвигались, они в конечном счете не были реализованы. Данная ситуация резко изменилась в последнюю четверть XX в. Во-первых, административная реформа стала самостоятельной политической целью. Во-вторых, административная реформа стала од-

© Давыдов К. В., 2023

ной из постоянных задач публичной власти. В-третьих, административная реформа стала первоочередным вопросом на политической повестке дня, который сопровождается энергичным и стойким обязательством гарантировать, чтобы государственный аппарат был организован максимально эффективно для осуществления политики правительства на практике[1].

Всё вышесказанное вполне применимо и к российской действительности. С тем лишь уточнением, что задача коренного усовершенствования публичной администрации встала на повестку дня в силу ряда объективных и субъективных причин с некоторой задержкой в начале 2000-х гг. Вместе с тем подчеркнем: думается, до настоящего времени, несмотря на отдельные официальные заявления и действия, в постсоветской России еще не было ни одной реформы, которая одновременно охватила бы все институты административного права и публичного управления. Следовательно, можно скорее говорить о реформах отдельных административно-правовых институтов и сфер государственного управления[2].

Анализ эволюции *позитивного управления* России позволяет выделить следующие основные направления.

Во-первых, нельзя не сказать об «официальной» административной реформе, идея которой была закреплена в Указе Президента РФ от 23 июня 2003 г. № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003-2004 годах», провозгласившего несколько самостоятельных задач: ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регулирования; исключение дублирования функций и полномочий федеральных органов исполнительной власти; развитие системы саморегулируемых организаций в области экономики; организационное разделение функций, касающихся регулирования экономической деятельности, надзора и контроля, управления государственным имуществом и предоставления государственными организациями услуг гражданам и юридическим лицам; завершение процесса разграничения полномочий между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ, оптимизация деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти[3]. Одним из основных шагов в рамках данного модернизационного процесса рассматривался Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»[4]. Думается, не будет преувеличением утверждение, что административная реформа 2003–2005 гг. заключалась преимущественно в преобразованиях федеральной публичной администрации и преследовала две основные цели: сокращение численности органов исполнительной власти и государственных служащих, а также оптимизацию компетенции федеральных органов исполнительной власти (в том числе за счет закрепления трехзвенной системы федеральных министерств, федеральных служб и федеральных агентств). Впрочем, практически сразу стали очевидны, с одной стороны, некая искусственность упомянутых организационных преобразований, а с другой стороны, ограниченная восприимчивость таковых со стороны субъектов РФ[5].

[1] См.: *Кассезе С.* Развитие административного государства в Европе // Дайджест публичного права. 2012. № 2. С. 272–273.

[2] Анализу административно-правового реформирования в России посвящена весьма обширная научная литература, например, см.: *Аврутин Ю. Е.* Бытие административного права в социокультурном и аксиологическом измерении (перечитывая проф. В. Д. Сорокина) // Административное право и процесс. 2014. № 3. С. 11–21 ; *Винокуров В. А.* Тупик административной реформы и пути выхода из него // Административное право и процесс. 2017. № 10. С. 11–14 ; *Клименко А. В.* Десятилетие административной реформы : результаты и новые вызовы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 1. С. 8–51 ; Модернизация административного законодательства (цели, задачи, принципы и актуальные направления) / отв. ред. А. Ф. Ноздрачев. М., 2018 ; *Россинский Б. В.* Государственное управление и административные реформы // Законы России : опыт, анализ, практика. 2018. № 11. С. 3–9 ; *Его же*. Реализация концепций административной реформы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 1 (41). С. 31–38 ; *Паршин М. В.* Качество государственных и муниципальных услуг : на пути к сервисному государству. М., 2013 ; *Старилов Ю. Н., Давыдов К. В.* Административная реформа в Российской Федерации на современном этапе : основные достижения, проблемы и перспективы // Правовая наука и реформа юридического образования. 2011. № 1 (24). С. 125–151 ; и др.

[3] Рос. газета. 2003. 25 июля.

[4] Там же. 2004. 12 марта.

[5] Одной из первых монографических работ по анализу первых итогов административной реформы в РФ является следующая публикация: Административная реформа в России : науч.-практ. пособие / под ред. С. Е. Нарышкина, Т. Я. Хабриевой. М., 2006.

Вторым важным направлением соответствующих эволюций была реформа государственной службы. Важными этапами ее реализации, как известно, стало принятие федеральных законов от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»[6] и от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»[7]. Указанные нормативные акты стали прогрессивным шагом в непростом пути модернизации служебного права. Думается, формирование сравнительно разветвленного российского антикоррупционного законодательства, начало которому было положено принятием Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[8], можно рассматривать как элемент данного направления административной реформы.

В качестве третьего элемента упомянем «новейшую» «административную реформу», анонсированную и проведенную в январе-апреле 2021 г. Главной целью последней провозглашалось сокращение штатов в центральных аппаратах федеральных органов исполнительной власти на пять процентов, а в территориальных органах федеральных органов исполнительной власти – на десять процентов. По данным СМИ, это (надо признать, довольно локальное) преобразование завершилось сокращением свыше тридцати тысяч должностей[9].

Четвертым направлением обозначим конституционную реформу государственного управления, начатую Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»[10]. С точки зрения административного права речь идет в первую очередь о перераспределении управленческих полномочий между Президентом РФ, Правительством РФ и федеральным парламентом.

Пятой сравнительно самостоятельной компонентой представляется развитие административно-правового института контроля и надзора. Контрольно-надзорная деятельность традиционно привлекала внимание как законодателя, так и исследователей, что неудивительно в контексте перманентного возрастания значимости данной функции (особенно заметного на фоне известного угасания роли непосредственного управления)[11]. Примечательны упорно осуществляемые с начала 2000-х гг. систематические усилия законодателя по внедрению в традиционно «недружелюбные» к невластным лицам правоотношения элементы правозащитных гарантий «надлежащего управления», в том числе установление более строгих требований к внеплановым проверкам, закрепление прав на участие в отдельных контрольно-надзорных процедурах, на ознакомление с процессуальными документами (вроде акта проверки) и т. д.[12] В новейшем Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Закон о государственном контроле 2020 г.) предпринята попытка «кодификации» множества новых (или как минимум отчасти уже апробированных) идей и практик, включая риск-ориентированный подход[13], декларирование принципа соразмерности и т. д. Отдельного упоминания заслуживают эксперименты по упрощению законодательства в рамках так называемой «регуляторной гильотины»[14].

[6] Рос. газета. 2003. 31 мая.

[7] Там же. 2004. 31 июля.

[8] Там же. 2008. 30 дек.

[9] URL: https://rg.ru/2021/04/04/ekspert-ocenil-rezultaty-pervogo-etapa-administrativnoj-reformy.html (дата обращения: 01.09.2022).

[10] Рос. газета. 2020. 16 марта.

[11] Из новейших работ по данной тематике укажем: Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства : материалы VI Всероссийской науч.-практ. конф. (г. Н. Новгород, 1 июля 2021 г.) / отв. ред. А. В. Мартынов. Н. Новгород, 2021.

[12] Здесь можно вспомнить Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» и пришедший ему на смену Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

[13] См.: *Мартынов А. В.* Риск-ориентированный контроль и надзор : понятие, содержание и основные направления внедрения в существующую практику // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (г. Н. Новгород, 9–10 июня 2016 г.) / отв. ред. А. В. Мартынов. Н. Новгород, 2016. С. 50–85.

[14] Подробнее см.: *Мартынов А. В.* Перспективы применения механизма «регуляторной гильотины» при реформировании контрольно-надзорной деятельности //

Однако, думается, оценки эффективности данного начинания пока несколько преждевременны.

Шестая грань реформы позитивного управления – это внедрение в отечественную практику феномена государственных (шире – публичных) услуг[15]. Данному направлению уделялось большое внимание еще в Концепции административной реформы в 2006–2010 гг.[16] Важным шагом в юридизации указанного правового института стало принятие Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее – Закон о публичных услугах)[17], который действительно привнес немало позитивных новелл. В частности, он создал законодательные основы единой системы межведомственного взаимодействия (некий аналог германского института «взаимной помощи» административных органов), запретив при этом истребование от граждан (организаций) документов, находящихся в базах данных государственных (муниципальных) органов. Во-вторых, закон 2010 г. «легализовал» электронные административные процедуры. В-третьих, впервые в нормативном акте высшей юридической силы получили закрепление институты административных регламентов и многофункциональных центров.

Тесно примыкает к предыдущему седьмой вектор реформы российского позитивного административного права, заключающийся во внедрении в государственное управление электронных технологий и искусственного интеллекта[18]. Мощное ускорение этому тренду придали кризисные вызовы последних лет, в том числе пандемия коронавирусной инфекции. Симптоматично, что одним из первых после введения в марте 2020 г. режима повышенной готовности к чрезвычайной ситуации был принят Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»[19] (значение которого еще предстоит осмыслить). В качестве еще одного примера можно привести внедрение феномена так называемых «проактивных процедур». Данная новелла была легализована в ст. 7.3 Закона о публичных услугах и предполагает оказание государственных услуг (например, осуществление социальных выплат) в связи с наступлением определенных юридических фактов, часто без заявления адресата благоприятного административного акта. Достоинства данной новеллы уже успели оценить миллионы российских граждан, когда новые вводимые в период пандемии выплаты (например, семьям, имеющим детей) начислялись автоматически адресатам при условии регистрации на сайте «Государственные услуги». Безусловно, подобные правовые технологии можно только приветствовать в правоотношениях, лишенных дискреции.

Развитие второго ключевого блока российского административного права – *административной ответственности* – подчинено также определенной внутренней логике. Начнем с того, что КоАП РСФСР 1984 г. стал первым отечественным кодексом административно-правового характера. Сменивший его КоАП РФ 2001 г. при всем множестве поправок в целом демонстрирует завидную устойчивость; работы над новыми проектами кодексов, старт которым был дан еще весной 2019 г., до настоящего времени не привели к практическому результату.

Вестник Нижегородского ун-та имени Н. И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 143–165.

[15] По данному вопросу см.: *Винницкий А. В.* Институт публичных услуг в России : перспективы в контексте европейского опыта // Административное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 299–308 ; *Гриценко Е. В.* Административные процедуры организации оказания услуг в странах Европейского союза : проблемы имплементации Директивы об услугах в национальном праве (на примере Германии) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 3. С. 133–153 ; Публичные услуги и право : науч.-практ. пособие / О. В. Гутников [и др.] ; под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 2007 ; Публичные услуги : правовое регулирование (российский и зарубежный опыт) : сб. статей / под общ. ред. Е. В. Гриценко, Н. А. Шевелевой. М., 2007.

[16] Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах : утв. распоряжением Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 46. Ст. 4720 (утратила силу).

[17] Рос. газета. 2010. 30 июля.

[18] По данному вопросу см., например: *Амелин Р. В., Чаннов С. Е.* Тенденции и перспективы использования государственных информационных систем в государственном управлении : правовые аспекты. М., 2019.

[19] Рос. газета. 2020. 28 апр.

Современные тенденции развития административной ответственности в России, как представляется, носят разнонаправленный характер. С одной стороны, мы имеем дело с ее ужесточением: появлением новых составов административных правонарушений, расширением системы административных наказаний, возрастанием размеров «традиционных» наказаний (так, если максимальный размер определяемого в рублях административного штрафа до 2012 г. для физических лиц составлял 5 тысяч рублей, для должностных лиц – 50 тысяч рублей, для юридических лиц – до 5 миллионов рублей, то в настоящее время размеры санкций увеличились до 500 тысяч, 1 миллиона и 60 миллионов рублей соответственно). Более того, КоАП РФ в ч. 1 ст. 3.5 предусматривает и так называемые «оборотные» административные штрафы, размер которых определяется по законодательно закрепленному алгоритму (кратность стоимости предмета административного правонарушения, доля суммы выручки и т. д.). Примечательно, что именно в 2022 г., на фоне противодействия санкциям и информационной агрессии западных стран и корпораций по отношению к России, был поставлен своего рода правоприменительный рекорд: при привлечении компании Google к административной ответственности по ч. 5 ст. 13.41 КоАП РФ (повторное неудаление противоправной информации) ей был назначен «оборотный» административный штраф в размере 21,7 млрд рублей[20]. Наконец, федеральный законодатель постоянно расширяет систему составов административных правонарушений. Хронологически последний всплеск соответствующей активности связан со специальной военной операцией российских войск на Украине в 2022 г. и установлением административной и уголовной ответственности за ряд чувствительных с точки зрения безопасности и общественного порядка деяний, в том числе за дискредитацию Вооруженных сил РФ.

С другой стороны, нельзя не отметить и противоположную тенденцию – на гуманизацию административной ответственности. Так, весной 2022 г. КоАП РФ пополнился нормами о возможности снижения размеров административных штрафов для социально ориентированных НКО и субъектов малого и среднего бизнеса[21]. Впрочем, утверждение, что именно данный тренд является доминирующим, представляется некоторым преувеличением.

Наконец, даже самый краткий обзор развития российского административного права совершенно неполон без проблематики *административного судопроизводства*. Как известно, последнее может рассматриваться через призму как институционального, так и процессуально-компетенционного аспектов. В первом случае речь идет о создании специально уполномоченных органов (как правило, административных судов); во втором – о специальном правовом регулировании компетенции субъектов административной юстиции и порядка ее реализации. Теперь уже практически очевидно, что надеждам на создание самостоятельной ветви судебной власти в Российской Федерации не суждено сбыться. Данное обстоятельство весьма справедливо критикуется в исследовательской литературе по административному праву[22], однако потенциальные издержки от ненадлежащей регламентации судебных полномочий и процедур рассмотрения административных дел представляются еще более значительными. Здесь необходимо отметить, что первые три постсоветские десятилетия прошли под знаком даже доктринального отрицания со стороны специалистов в гражданском праве и процессе административно-правовой природы отношений по обжалованию незаконных административных актов. Позиция законодателя, долгое время регулировавшего соответствующие правоотношения в гражданских процессуальных кодексах (в качестве так называемого «публичного производства»), также отличалась известной

[20] URL: https://www.vedomosti.ru/business/news/2022/9/09/940169-sud-utverdil-oborotnii-shtraf-google?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 01.10.2022). Данный оборотный штраф был назначен мировым судом Таганского района г. Москвы в отношении американской компании 18 июля 2022 г. Несколько ранее, в декабре 2021 г., этот же суд постановил взыскать с корпорации в России около 7,2 млрд руб. В дальнейшем Google оспаривал упомянутое решение, но оно осталось в силе в апелляционной инстанции; сумма штрафа была полностью взыскана с Google.

[21] О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 26 марта 2022 г. № 70-ФЗ // Рос. газета. 2022. 29 марта.

[22] По данному вопросу см., например: *Старилов Ю. Н.* Административное судопроизводство в Российской Федерации : развитие теории и формирование административно-процессуального законодательства. Воронеж, 2013. С. 27 ; и др.

категоричностью. Ситуация существенно изменилась с принятием в 2015 г. Кодекса административного судопроизводства РФ, потенциал которого до настоящего времени реализован еще не в полной мере[23]. Впрочем, чрезмерный пессимизм также представляется ошибочным; экспансивность прогрессивной судебной практики в известной мере восполняет пробелы и откровенно спорные позиции законодателя.

Подводя промежуточные итоги преобразований административного права России, необходимо отметить, с одной стороны, их динамичный, а с другой – несколько «прерывистый», не всегда надлежаще скоординированный характер. Полагаем, указанная ситуация обусловлена не только непростым социально-экономическим и политическим фоном, но и преобладанием технократических воззрений на природу и перспективы эволюции публичного управления и административного права России. Как справедливо отмечается в исследовательской литературе стран СНГ, при всей значимости оптимизации структуры государственного управления, пересмотра и оптимизации функций органов власти, оптимизации численности управленческого персонала, самое важное и трудное направление – «…изменение *содержания деятельности* органов исполнительной власти с точки зрения их взаимоотношений с гражданином, кардинального изменения формулы, определяющей обязанности должностных лиц по отношению к гражданину (институт административных процедур), их транспарентностью…»[24].

Полагаем, что несмотря ни на какие трудности, встающие перед российской государственностью и правовой системой, именно правозащитный аспект должен стать одним из важнейших лейтмотивов новейших преобразований системы публичного управления в Российской Федерации. Дальнейшее реформирование российского административного права представляется невозможным без развития и адаптации доктрины принципов административного права, совершенствования административного судопроизводства и поддержания баланса публичных и частных интересов при одновременной защите таковых от внешнеполитического давления со стороны недружественных правопорядков.

[23] Административное судопроизводство : проблемы и перспективы развития : сб. науч. трудов / отв. ред. С. В. Никитин. М., 2019.

[24] *Хван Л. Б.* Административная юстиция в современной правовой системе Республики Узбекистан : постановка вопроса // Административная юстиция : к разработке научной концепции в Республике Узбекистан : материалы Междунар. конф. на тему «Развитие административного права и законодательства Республики Узбекистан в условиях модернизации страны» (18 марта 2010 г.) / отв. ред. Л. Б. Хван. Ташкент, 2011. С. 49–50.

Библиографический список

Аврутин Ю. Е. Бытие административного права в социокультурном и аксиологическом измерении (перечитывая проф. В. Д. Сорокина) // Административное право и процесс. 2014. № 3. С. 11–21.

Административная реформа в России : науч.-практ. пособие / под ред. С. Е. Нарышкина, Т. Я. Хабриевой. М. : Контракт : ИНФРА-М, 2006. 341 с.

Административное судопроизводство в Российской Федерации : развитие теории и формирование административно-процессуального законодательства. Вып. 7. Сер. : Юбилеи, конференции, форумы. / отв. ред. Ю. Н. Старилов. Воронеж, 2013. 1060 с.

Административное судопроизводство : проблемы и перспективы развития : сб. науч. трудов / отв. ред. С. В. Никитин. М. : РГУП, 2019. 236 с.

Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства : материалы VI Всерос. науч. практ. конф. (г. Н. Новгород, 1 июля 2021 г.) / отв. ред. А. В. Мартынов. Н. Новгород : Изд-во Нижегородского гос. ун-та имени Н. И. Лобачевского, 2021. 442 с.

Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Тенденции и перспективы использования государственных информационных систем в государственном управлении : правовые аспекты. М. : ДМК Пресс, 2019. 172 с.

Винницкий А. В. Институт публичных услуг в России : перспективы в контексте европейского опыта // Административное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 299–308.

Винокуров В. А. Тупик административной реформы и пути выхода из него // Административное право и процесс. 2017. № 10. С. 11–14.

Гриценко Е. В. Административные процедуры организации оказания услуг в странах Европейского союза : проблемы имплементации Директивы об услугах в национальном праве (на примере Германии) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 3. С. 133–153.

Кассезе С. Развитие административного государства в Европе // Дайджест публичного права. 2012. № 2. С. 243–282.

Клименко А. В. Десятилетие административной реформы : результаты и новые вызовы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 1. С. 8–51.

Мартынов А. В. Перспективы применения механизма «регуляторной гильотины» при реформировании контрольно-надзорной деятельности // Вестник Нижегородского ун-та имени Н. И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 143–165.

Мартынов А. В. Риск-ориентированный контроль и надзор : понятие, содержание и основные направления внедрения в существующую практику // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (г. Н. Новгород, 9–10 июня 2016 г.) / отв. ред. А. В. Мартынов. Н. Новгород, 2016. С. 50–85.

Модернизация административного законодательства (цели, задачи, принципы и актуальные направления) : монография / отв. ред. А. Ф. Ноздрачев. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ : ИНФРА-М, 2018. 496 с.

Паршин М. В. Качество государственных и муниципальных услуг : на пути к сервисному государству. М. : Статут, 2013. 272 с.

Публичные услуги и право : науч.-практ. пособие / О. В. Гутников [и др.] ; под ред. Ю. А. Тихомирова. М. : Норма, 2007. 415 с.

Публичные услуги : правовое регулирование (российский и зарубежный опыт) : сб. статей / под общ. ред. Е. В. Гриценко, Н. А. Шевелевой. М. : Волтерс Клувер, 2007. 245 с.

Россинский Б. В. Государственное управление и административные реформы // Законы России : опыт, анализ, практика. 2018. № 11. С. 3–9.

Россинский Б. В. Реализация концепций административной реформы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 1 (41). С. 31–38.

Старилов Ю. Н., Давыдов К. В. Административная реформа в Российской Федерации на современном этапе : основные достижения, проблемы и перспективы // Правовая наука и реформа юридического образования. 2011. № 1 (24). С. 125–151.

Хван Л. Б. Административная юстиция в современной правовой системе Республики Узбекистан : постановка вопроса // Административная юстиция : к разработке научной концепции в Республике Узбекистан : материалы Междунар. конф. на тему «Развитие административного права и законодательства Республики Узбекистан в условиях модернизации страны» (18 марта 2010 г.) / отв. ред. Л. Б. Хван. Ташкент : ABU Matbuot-Konsalt, 2011. С. 25–53.

References

Avrutin Yu. E. The existence of administrative law in the socio-cultural and axiological dimension (re-reading Prof. V. D. Sorokin) // Administrative law and process. 2014. № 3. P. 11–21.

Administrative reform in Russia: scientific and practical. allowance; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; ed. S. E. Naryshkina, T. Ya. Khabrieva. M. : Contract : INFRA-M, 2006. 341 p.

Administrative legal proceedings in the Russian Federation: development of the theory and formation of administrative procedural legislation. Issue 7. – Ser. Anniversaries, conferences, forums. / resp. ed. Yu. N. Starilov. Voronezh, 2013. 1060 p.

Administrative legal proceedings: problems and prospects of development: Collection of scientific papers. M. : RGUP, 2019. 236 p.

Actual issues of control and supervision in socially significant areas of activity of society and the state: materials of the VI All-Russian scientific and practical conference (Russia, Nizhny Novgorod, July 1, 2021) / ed. Doctor of Law, Professor A. V. Martynov. Nizhny Novgorod : Publishing House of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2021. 442 p.

Amelin R. V., Channov S. E. Trends and prospects for the use of state information systems in public administration: legal aspects. M. : DMK Press, 2019. 172 p.

Vinnitsky A. V. Institute of public services in Russia: perspectives in the context of European experience // Administrative and municipal law. 2013. № 4. P. 299–308.

Vinokurov V. A. Dead end of administrative reform and ways out of it // Administrative law and process. 2017. № 10. P. 11–14.

Gritsenko E. V. Administrative procedures for organizing the provision of services in the countries of the European Union: problems of implementing the Directive on services in national law (on the example of Germany) // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2009. № 3. P. 133-153.

Cassese S. The Development of the Administrative State in Europe // Public Law Digest. 2012. № 2. P. 243–282.

Klimenko A. V. A decade of administrative reform: results and new challenges // Issues of state and municipal management. 2014. №1. P. 8–51.

Martynov A. V. Prospects for the application of the mechanism of the "regulatory guillotine" in the reform of control and supervision activities // Vestnik of State University of Nizhny Novgorod Lobachevsky. 2019. № 5. P. 143–165.

Martynov A. V. Risk-based control and supervision: concept, content and main directions of implementation in existing practice // Actual issues of control and supervision in socially significant areas of society and the state: mat. II All-Russian. scientific-practical. conf. (Russia, Nizhny Novgorod, June 9–10, 2016) / ed. Dr. jurid. Sciences, Associate Professor A. V. Martynov. N. Novgorod, 2016. P. 50–85.

Modernization of administrative legislation (goals, objectives, principles and current trends): monograph / ed. A. F. Nozdrachev. M. : Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation : INFRA-M., 2018. 496 p.

Parshin M. V. The quality of state and municipal services : on the way to a service state. M. : Statut, 2013. 272 p.

Public services and law: scientific-practical. allowance / O. V. Gutnikov [et al.]; ed. Yu. A. Tikhomirov; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. M. : Norma, 2007. 415 p.

Public services: legal regulation (Russian and foreign experience): collection of articles / ed. E. V. Gritsenko, N. A. Sheveleva. M. : Wolters Kluver, 2007. 245 p.

Rossinsky B. V. Public administration and administrative reforms // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. № 11. P. 3–9.

Rossinsky B. V. Implementation of the concepts of administrative reform // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (MSLA). 2018. № 1 (41). P. 31–38.

Starilov Yu. N., Davydov K. V. Administrative reform in the Russian Federation at the present stage: main achievements, problems and prospects // Legal science and legal education reform. 2011. № 1 (24). P. 125–151.

Khvan L. B. Administrative justice in the modern legal system of the Republic of Uzbekistan: posing the question // Administrative justice: to the development of a scientific concept in the Republic of Uzbekistan: materials of the International Conference on the topic: "Development of administrative law and legislation of the Republic of Uzbekistan in conditions of modernization of the country", March 18, 2010 / [responsible. ed. L. B. Khvan]; University of World Economy and Diplomacy. Tashkent: ABU Matbuot-Konsalt, 2011. P. 25–53.

Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирский государственный университет экономики и управления

Давыдов К. В., декан юридического факультета СибУПК, профессор кафедры административного, финансового и корпоративного права НГУЭиУ, доктор юридических наук, доцент

E-mail: davkon@yandex.ru

Поступила в редакцию: 30.01.2023

Для цитирования:

Давыдов К. В. Реформы современного административного права России: некоторые тенденции// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 144–151. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/144-151

Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk State University of Economics and Management

Davydov K. V., Dean of the Faculty of Law of the SibUPK, Professor of the Department of Administrative, Financial and Corporate Law of the NSUEM, Doctor of Law, Associate Professor

E-mail: davkon@yandex.ru

Received: 30.01.2023

Recommended citation:

Davydov K. V. Reforms of modern administrative law in Russia: some tendencies // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 144–151. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/144-151

УДК 342.9
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/152-160

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

С. В. Табельский
Прокуратура Краснодарского края

ON SOME PROBLEMS OF THE SUBJECT COMPOSITION OF ADMINISTRATIVE PROCEDURAL LEGAL RELATIONS

S. V. Tabelsky

Prosecutor of the Krasnodar Territory

Аннотация: освещаются проблемы субъектного состава административно-процессуальных правоотношений. Обращается внимание на двойственность административно-процессуального статуса некоторых категорий специальных субъектов, таких как судьи, депутаты различных уровней, прокуроры.
Ключевые слова: административное судопроизводство, административная юстиция, административно-процессуальное правоотношение, судья, депутат, прокурор.

Abstract: the article is devoted to highlighting the problems of the subject composition of administrative procedural legal relations. Attention is drawn to the duality of the administrative procedural status of certain categories of special subjects, such as judges, deputies of various levels, prosecutors.
Key words: administrative legal proceedings, administrative justice, administrative procedural legal relationship, judge, deputy, prosecutor.

Субъектом административно-процессуального правоотношения может выступать любое правосубъектное физическое лицо и организация, вне зависимости от наделения ее (организации) статусом юридического лица.

Общее свойство административно-процессуальной правосубъектности по-разному трансформируется в разных видах субъектов административно-процессуальных правоотношений.

Административно-процессуальные правоотношения разнородны по своему характеру, и их субъектный состав предполагает участие властвующего субъекта, причем в различных ролях. Административно-процессуальное правоотношение может включать в свой состав властвующих субъектов, которые наделены полномочиями по разрешению административного дела, в том числе если оспариваются действия, бездействия другого властвующего субъекта. Практически все административно-правовые споры построены по такому субъектному составу. Другими словами, в административно-процессуальных правоотношениях существуют властвующие субъекты, разрешающие дело, и властвующие субъекты, акты которых выступают предметом комплексных материально-процессуальных спорных административных правоотношений, либо властвующие субъекты, привлекаемые к административной ответственности как должностные лица либо на общих основаниях.

Физические лица, не ограниченные в административно-процессуальной дееспособности в силу возраста, состояния здоровья, обладают общей административно-процессуальной правосубъектностью и являются субъектами административно-процессуальных правоотношений. Особую группу составляют иностранные граждане и лица без гражданства.

В то же время отдельного внимания заслуживает вопрос об особенностях участия некоторых категорий должностных лиц в администра-

© Табельский С. В., 2023

тивном процессе, а точнее, в отдельных видах административно-процессуальных правоотношений. Вопрос этот отражает как материально-правовую составляющую административной ответственности должностных лиц, так и специфику возможности их участия в производстве по делам об административных правонарушениях, т. е. в административно-деликтных правоотношениях процессуального типа.

В данном контексте важно различать физическое лицо, замещающее государственную должность, например прокурора субъекта РФ, федерального судью, депутата органа законодательной власти и единоличный государственный орган, например Президента РФ, высшее должностное лицо субъекта РФ. Конструкция единоличного государственного органа находит свое отражение в юридической литературе, законодательстве и в судебной практике[1].

Президент РФ, безусловно, является физическим лицом, но, по мнению В. В. Невинского, это «отнюдь не снимает вопрос о государственно-правовых признаках статуса носителя власти – Президента РФ как единоличного органа государственной власти вообще»[2]. В любом случае, исследуя процессуальные правоотношения административно-деликтного типа, можем со всей очевидностью утверждать, что Президент РФ не может быть участником этих административно-процессуальных отношений в силу имеющегося у него иммунитета от административной ответственности[3].

В. И. Шкатулла называет высшее должностное лицо субъекта РФ «единоличным органом государственной власти, принимающим решения путем самостоятельного волеизъявления»[4]. Ряд авторов относят высшее должностное лицо субъекта РФ к стандартным должностным лицам, а не к единоличным государственным органам[5]. Принятое в рамках конституционной реформы 2020–2022 гг. законодательство об органах публичной власти в субъектах РФ специально не оговаривает особенностей привлечения высших должностных лиц субъектов РФ к административной ответственности, останавливаясь лишь на применении со стороны Президента РФ мер ответственности к высшим должностным лицам субъектов РФ в соответствии со ст. 29 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Это дает нам все основания говорить, что высшие должностные лица субъектов РФ могут быть участниками любых административно-процессуальных правоотношений без специальных условий и оговорок.

К лицам, замещающим государственные должности, предполагающие специфику административно-процессуального статуса, действующие нормативные акты относят судей. Судья как участник административно-процессуальных правоотношений может иметь двоякий статус. В одном случае он выступает как представитель судебной власти, разрешающий от имени Российской Федерации административное дело единолично или коллегиально, в другом – может быть административным истцом, например по делам, связанным с привлечением судей к дисциплинарной ответственности в порядке главы 23 КАС РФ. Кроме того, существует специфика административно-процессуального статуса судьи при привлечении его к административной ответственности. В соответствии с ч. 4 ст. 16 Закона РФ от 26 июня 1992 г. (с последующими изменениями) «О статусе судей» установлен особый порядок привлечения судьи к администра-

---

[1] О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации : заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 12. Ст. 1855.

[2] *Невинский В. В.* Сущность президентской власти в России в трудах профессора Е. И. Козловой // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 3. С. 70.

[3] См.: *Бояршинова А. К.* Абсолютные административно-деликтные иммунитеты // Труды академии управления МВД России. 2011. № 1(17). С. 108.

[4] *Краснов Ю. К., Шкатулла В. И.* Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] См.: *Гущин В. З.* Особенности привлечения к административной ответственности членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы и особенности президентского иммунитета от привлечения к административной ответственности // Современное право. 2013. № 8. С. 21–23 ; *Усенко Ю. Н.* К вопросу об административной ответственности органов исполнительной власти в РФ // Вестник РГУ имени И. Канта. 2007. Вып. 9. Экономические и юридические науки. С. 99.

тивной ответственности. Означает ли это, что судья до момента получения такого согласия не является участником административно-процессуальных правоотношений? Думается, что является. Это обусловлено тем, что возбуждению дела об административном правонарушении могут предшествовать процессуальные действия, носящие, с одной стороны, правообеспечительный характер, а с другой – выступают в качестве особых условий привлечения к административной ответственности. Рассмотрение данного вопроса судебной коллегией суда соответствующего уровня по представлению Генерального прокурора РФ уже является пусть и факультативной, но стадией административно-деликтного процесса. Некоторые авторы считают, что до возбуждения дела об административном правонарушении к судье нельзя применять некоторые обеспечительные меры. Так, А. Р. Нобель считает, что «системное толкование положений ст. 16 Закона РФ № 3132-1 и КоАП РФ позволяет сделать вывод о том, что к судье не могут быть применены такие меры обеспечения, как доставление, задержание, личный досмотр, досмотр вещей и транспортного средства, изъятие вещей и документов»[6]. П. А. Скобликов задается вопросом: «…остается неясность относительно того, означает ли решение судебной коллегии лишь разрешение на последующее возбуждение дела об административном правонарушении или оно заменяет собой постановление уполномоченного органа, который должен возбудить дело в обычном порядке?»[7]. На наш взгляд, обжалование подобных заключений судов о даче согласия на привлечение судей к административной ответственности в порядке статей КАС РФ свидетельствует лишь о том, что заключение о возможности привлечения судьи к административной ответственности выступает в роли не административного, а судебного акта[8], причем акта суда первой инстанции. Отсюда мы можем сделать вывод, что процессуальные отношения, связанные с принятием такого заключения регулируются КАС РФ и, следовательно, судья, в отношении которого дается заключение о возможности его привлечения к административной ответственности уже является участником административно-процессуальных правоотношений административно-деликтного типа, хотя и урегулированных иным административно-процессуальным законодательством. Отношения, регулируемые Кодексом административного судопроизводства РФ, предшествуют отношениям, регулируемым Кодексом РФ об административных правонарушениях. Очевидно, что в КоАП РФ имеется пробел, связанный с отсутствием в кодифицированном акте норм, отражающих специфику привлечения к административной ответственности отдельных категорий субъектов, таких как судей, прокуроров, сотрудников Следственного комитета РФ и некоторых иных лиц. Конструкция бланкетной нормы, заложенная в ст. 1.4 КоАП РФ не отвечает требованиям к кодифицированному акту и снижает эффективность правоприменительной практики.

В отношении прокуроров как субъектов административно-процессуальных правоотношений действуют те же принципы порядка привлечения к административной ответственности, что и для судей, но, естественно, с учетом установленных Законом РФ «О прокуратуре Российской Федерации» особенностей. Особенность эта состоит в том, что информация, являющаяся основанием для проверки в отношении прокурора, проверяется на основании подзаконного акта, а именно приказа Генеральной прокуратуры РФ от 18 апреля 2008 г. № 70 (в ред. от 28.04.2016) «О проведении проверок в отношении прокурорских работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации»[9]. Таким образом, можно констатировать, что прокурор выступает участником административно-деликтных правоотношений процессуального типа уже до возбуждения дела об административном правонарушении. Нельзя не согласиться с Д. В. Осинцевым, который пишет, что «особенности законодательного регулирования ад-

[6] *Нобель А. Р.* Особенности производства по делам об административных правонарушениях в контексте реализации принципа равенства при привлечении к административной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5. С. 58.

[7] *Скобликов П. А.* Ответственность по ст. 5.59 КоАП РФ как способ предупреждения коррупции при рассмотрении обращений граждан : законодательство, правоприменительная практика и возможные пути усовершенствования // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 23.

[8] См., например: Заключение Верховного Суда РФ от 1 июня 2016 г. № АКПИ16-534 // Официально не опубликовано. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 21 июля 2016 г. № АПЛ16-3. Официально не опубликовано. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[9] Законность. 2008. № 6.

министративно-процессуального статуса прокурора (а равно и иных особых субъектов административной ответственности), разнообразные примеры порой не бесспорной правоприменительной практики дают достаточные основания для того, чтобы в действующие положения КоАП РФ был введен самостоятельный раздел, детально регулирующий особенности материально-правовых и процессуальных аспектов привлечения лиц, пользующихся иммунитетами, специфическими мерами государственной защиты и прочими привилегиями, к административной ответственности, выбор надлежащих мер воздействия (административных санкций), а также основания и условия освобождения или замены мер административной репрессии на иные средства государственного принуждения»[10]. Критически относясь к сложившемуся порядку привлечения прокуроров к административной ответственности, Н. В. Романенко высказывает мнение о том, что «создавая благоприятные предпосылки для фактической невозможности применения мер административной ответственности к лицам, подтвердившим свой особый должностной статус, законодатель, во-первых, освобождает их от бремени доказывания: совокупность уличающих фактов разбивается не другой совокупностью тщательно собранных доказательств, подтверждающих невиновность (непричастность, отсутствие в деянии состава правонарушения и пр.), как это и должно быть в состязательном процессе, а применением административных механизмов»[11]. Не согласимся с данным предположением в силу того, что оно не обосновано какими-либо фактическими или статистическими данными.

Немаловажной проблемой участия прокуроров в административно-процессуальных правоотношениях выступают случаи обжалования в порядке административного судопроизводства актов органов прокуратуры[12]. Ряд авторов не исключают такой возможности[13]. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»[14] не исключает органы прокуратуры из числа субъектов, чьи действия (бездействие) могут быть оспорены в порядке административного судопроизводства, хотя и оговаривают в п. 8 случаи, когда оспаривание действий (бездействия) прокурора является предметом не административно-процессуальных, а уголовно-процессуальных правоотношений в соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК РФ. Таким образом, не любой случай оспаривания действий (бездействия) прокурора облекается в форму административно-процессуальных правоотношений.

Специфика участия сенаторов и депутатов органов законодательной власти в административно-процессуальных правоотношениях определяется законодательством о статусе сенаторов и депутатов как федерального, так и регионального уровня. В отличие от Президента РФ или высшего должностного лица субъекта РФ ни сенатор, ни депутат не являются единоличным государственным органом и принимают общеобязательные решения коллегиально. Тем не менее и сенаторы, и депутаты законодательных органов различных уровней являются должностными лицами, соответственно, имеют двойственный административно-процессуальный статус.

Двойственность административно-процессуального статуса указанных лиц предполагает, что есть особенности участия их в административно-деликтных правоотношениях процессуального типа как обычных физических лиц и как должностных лиц. Федеральное законодательство оговаривает особенности привлечения сенаторов и депутатов Государственной Думы к административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, в связи с исполнением ими своих должностных обязанностей, т. е. как должностных лиц[15]. Хотелось бы обратить внимание

[10] *Осинцев Д. В.* Прокурор как субъект административного правонарушения // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 39.

[11] *Романенко Н. В.* О согласии на преследование неприкосновенных лиц за совершение преступлений и административных правонарушений // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 109.

[12] См.: Решение № 2А-1727/2019 от 2 декабря 2019 г. по делу № 2А-1727/2019 Березовского городского суда (Свердловская область). URL: https://sudact.ru/regular/doc/rJBjnypabfVP/?ysclid=l9ws7ly5sl517399096 (дата обращения: 31.10.2022).

[13] См.: *Винокуров А. Ю.* О некоторых вопросах участия прокурора в административном судопроизводстве // Административное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 178–182.

[14] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.

[15] См., например: *Китаев А. А.* Регулирование административно-правовой ответственности парламентари-

на то, что ст. 19 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» говорит лишь об особенностях привлечения данной категории специальных субъектов к административной ответственности в судебном порядке, что априори определяет общий порядок внесудебного привлечения к административной ответственности. Еще одна особенность состоит в том, что существует разница в административно-процессуальном статусе депутатов различных уровней. Ни для депутатов органов законодательной власти субъектов РФ, ни для депутатов органов местного самоуправления особенности привлечения к административной ответственности действующим законодательством не установлены.

Если перейти к характеристике организаций как субъектов административно-процессуальных правоотношений, то, как и в случае с физическими лицами, требуется дифференцированный подход, разделяющий организации с властными полномочиями и без таковых.

Начать, на наш взгляд, следует с краткой характеристики самого понятия «организация». Нередко, особенно в науке гражданского права, это понятие смешивается с понятием «юридическое лицо». Действующее законодательство иногда употребляет термин «организация» и термин «юридическое лицо» как синонимичные. Такая конструкция, в частности, определена для целей налогового законодательства: ч. 2 ст. 11 НК РФ трактует понятие организации через понятие юридического лица. Кодекс РФ об административных правонарушениях в качестве субъекта административной ответственности наряду с различными категориями физических лиц признает только такие организации, которые имеют статус юридического лица.

Вообще, термин «организация» достаточно давно используется в различных отраслях публичного права, а также в административно-процессуальном законодательстве, в частности в Кодексе административного судопроизводства РФ – в ч. 1 ст. 5.

В доктринальном смысле для легальной организации характерны такие признаки, как:

– определенная организационно-правовая форма;

– наличие органов управления организацией;

– наличие не противоречащих действующему законодательству целей создания организации;

– наличие имущественного комплекса, закрепленного за организацией (факультативный признак);

– наличие коллектива физических лиц в составе организации (факультативный признак).

Факультативность такого признака организации, как наличие имущественного комплекса, характерно, прежде всего, для организаций со статусом юридического лица. Для целей публичного права такой статус важен исходя из фискальных задач финансового или административно-деликтного законодательства.

Для нужд административно-процессуального права этот признак является вторичным, что оговаривается в ст. 5 КАС РФ и постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»[16], в п. 7 которого подчеркивается, что оспариванию в порядке главы 22 КАС РФ подлежат в том числе действия (бездействие) наделенных публичными полномочиями органов, не имеющих статуса юридического лица (например, межведомственных комиссий, экзаменационных, призывных комиссий, Высшей аттестационной комиссии, комиссий по разработке территориальных программ обязательного медицинского страхования). Более того, Конституционным Судом РФ дано расширительное толкование положений ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 2 и ст. 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»[17], в котором выражена правовая позиция, согласно которой право на обращение имеют не только граждане, но и их объединения, включая юридические лица, а также иностранные граждане и лица без гражданства. Именно исходя из данного постановления Конституционного Суда РФ в Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан

ев // Административное право и процесс. 2021. № 4. С. 31–32 ; *Хромов Е. В.* Привлечение к административной ответственности лиц, обладающих особым правовым статусом // Lex Russica. 2017. № 6. С. 60–67.

[16] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.

[17] Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 31. Ст. 4470.

Российской Федерации» в 2013 г. и были внесены изменения, вытекающие из позиции Конституционного Суда РФ. Таким образом, применительно к исследуемому вопросу можно говорить, что организации без статуса юридического лица выступают участниками спорных административно-процессуальных правоотношений вне зависимости от порядка разрешения такого рода споров.

Для участия в административно-процессуальном правоотношении факультативным является также такой признак организации, как наличие коллектива физических лиц в составе организации. В современной теории гражданского права и в гражданском законодательстве юридические лица, имеющие в качестве учредителя одно лицо и состоящие из одного лица, воспринимаются вполне нормально, примером чему могут служить положения ст. 88 ГК РФ об обществах с ограниченной ответственностью. Может возникнуть вопрос: что это меняет для административно-процессуальных правоотношений? Если говорить об административно-правовых спорах, то ничего, а если говорить об административно-деликтных правоотношениях процессуального типа, то в зависимости от субъекта привлечения к административной ответственности одно и то же лицо может выступать и как физическое, и как должностное лицо юридического лица им же учрежденного. Повсеместно такие ситуации встречаются при привлечении физических, должностных и юридических лиц к ответственности за нарушение правил применения контрольно-кассовых машин при продаже товаров или оказании услуг. Так, организация, состоящая из одного лица, которое в нем же является работником и учредителем, может выступать субъектом административно-процессуальных правоотношений деликтного типа при привлечении к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.5 КоАП РФ, а по ч. 1 этой же статьи уже будет фигурировать учредитель (участник) данной организации, но уже как должностное лицо.

Различные организации могут выступать и как носители властных полномочий, и как защищающие свои действительные или мнимые публичные права, законные интересы, порядок реализации публичных обязанностей.

Отдельного внимания заслуживает характеристика органов, управомоченных разрешать административные дела, если речь идет о спорных или административно-деликтных процессуальных правоотношениях.

Среди них выделяются судьи и суды, административные органы, а также должностные лица административных органов.

Как ранее говорилось, административно-процессуальные правоотношения предусматривают различные «процессуальные роли» органов и лиц, управомоченных на рассмотрение дела.

Следует различать такие легальные понятия, как «участники производства по делу об административном правонарушении», «лица, участвующие в деле, и другие участники судебного процесса», с понятием «субъекты административно-процессуальных правоотношений». Эти понятия носят соподчиненный характер. В легальном смысле суды и судьи, а также административные органы, управомоченные рассматривать административные дела, не являются участниками процесса или конкретного производства. В доктринальном смысле термины «лица, участвующие в деле, и другие участники судебного процесса», «участники производства по делу об административном правонарушении» выступают частью более общего понятия – «субъекты административно-процессуальных правоотношений».

Принято считать, что специфика административно-процессуального статуса органа или лица, рассматривающего дело, состоит в том, что она не имеет материально-правового интереса, а лишь интерес процессуальный[18] по поводу рассматриваемого дела, если речь идет об административно-процессуальных правоотношениях спорного типа. Суд, судья в данном случае «возвышается» над иными участниками данного вида административно-процессуальных правоотношений. С. А. Бурмистрова считает, что «процессуальный интерес есть объективно-субъективная категория, представляющая собой осознание субъектом процессуальной потребности и реализуемая в поведении, направленном на приобретение или сохранение процессуального блага или их совокупности. Процессуальными интересами обладают все участники процессуальных отношений, включая судей. У всех субъектов процесса материально-правовая сфера

[18] См.: *Бурмистрова С. А.* О правовой природе процессуальных интересов // Юрист. 2018. № 8. С. 45–51 ; *Зеленцов А. Б.* Субъективное публичное право : учеб. пособие. М., 2012. С. 99.

влияет на процессуальную, в известной мере определяя возникновение интересов и процессуальное поведение по их реализации»[19]. Такую позицию можно считать обоснованной лишь в части наличия у суда процессуального интереса, но никак не приемлемой с точки зрения влияния материально-правовой сферы на процессуальный интерес судей. Можно говорить о том, что административно-процессуальные правоотношения с участием суда или судьи, рассматривающего дело, являются, по мнению Р. В. Шагиевой, которая пишет о признаках юридического процесса вообще, «сложной формой правоприменения»[20].

Сложность процессуальных правоотношений в данном случае состоит в разном, не всегда корреспондирующем друг другу объеме и содержании процессуальных прав и обязанностей субъектов таких административно-процессуальных правоотношений. У каждого из участников свой процессуальный интерес. У суда, судьи единственным процессуальным интересом выступает законное, справедливое и своевременное рассмотрение административного дела. При этом процессуальный интерес суда или административного органа, разрешающего административное дело – неотъемлемый атрибут административно-процессуального правоотношения.

Статус судьи в отдельных процессуальных производствах, в частности в производстве по делам об административных правонарушениях, порой вызывает неоднозначную трактовку. Так, в одной из последних своих работ А. А. Демин писал: «Ну, нельзя называть судьей лицо, которое выполняет административные функции. КоАП РФ это позволяет. Множатся случаи в законодательстве, когда судья выполняет функцию выдачи разрешения администрации действовать, выполнять свои материально-правовые обязанности. В этом случае судья как бы подменяет плохо налаженную, неработающую нормально администрацию»[21]. Позволим себе не согласиться с такой позицией. Судья в административно-процессуальных правоотношениях деликтного типа привлекает лиц к административной ответственности на основании не им составленных процессуальных актов, т. е. все же выполняет роль арбитра между лицом, составившим протокол об административном правонарушении и направившим его в суд, и лицом, привлекаемым к административной ответственности. Почему-то подобный вопрос не возникает при определении роли суда в уголовно-процессуальных правоотношениях, хотя они по своему юридическому генотипу сходны с административно-процессуальными правоотношениями деликтного типа, которые возникают в рамках административно-деликтного процесса[22].

Аналогичную с судом роль в административном правоотношении играет административный орган, на который возложено рассмотрение административно-правовых споров во внесудебном порядке. Но все же роль этого участника административно-процессуальных правоотношений имеет свою специфику.

Специфика эта состоит в том, что административно-процессуальные отношения с участием должностного лица или административного органа, как привлекающего к административной ответственности, так и разрешающего административно-правовой спор во внесудебном порядке, могут носить производный характер отношений второго уровня по отношению к ранее сложившимся административно-процессуальным правоотношениям между иными участниками административно-процессуального правоотношения.

Библиографический список

Бояршинова А. К. Абсолютные административно-деликтные иммунитеты // Труды академии управления МВД России. 2011. № 1(17). С. 108.

Бурмистрова С. А. О правовой природе процессуальных интересов // Юрист. 2018. № 8. С. 45–51.

Винокуров А. Ю. О некоторых вопросах участия прокурора в административном судопроизводстве // Административное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 178–182.

Гущин В. З. Особенности привлечения к административной ответственности членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы и особенности президентского иммунитета от при-

[19] *Бурмистрова С. А.* Указ. соч. С. 51.

[20] *Шагиева Р. В.* Нормы процессуального права : теория и практика их реализации. М., 2014. С. 19.

[21] *Демин А. А.* Проблема судов административной юстиции не отменена // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 37.

[22] См. о некоторых аспектах использования термина «административно-деликтный процесс»: *Татарян В. Г., Круглов В. А., Хадисов Г. Х.* Меры обеспечения административно-деликтного процесса по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь : проблемы и пути их совершенствования // Административное право и процесс. 2019. № 6. С. 25–28.

влечения к административной ответственности // Современное право. 2013. № 8. С. 21–23.

Демин А. А. Проблема судов административной юстиции не отменена // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 37.

Зеленцов А. Б. Субъективное публичное право : учеб. пособие. М. : РУДН, 2012.

Китаев А. А. Регулирование административно-правовой ответственности парламентариев // Административное право и процесс. 2021. № 4. С. 31–32.

Краснов Ю. К., Шкатулла В. И. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Невинский В. В. Сущность президентской власти в России в трудах профессора Е. И. Козловой // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 3. С. 70.

Нобель А. Р. Особенности производства по делам об административных правонарушениях в контексте реализации принципа равенства при привлечении к административной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5. С. 58.

Осинцев Д. В. Прокурор как субъект административного правонарушения // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 39.

Романенко Н. В. О согласии на преследование неприкосновенных лиц за совершение преступлений и административных правонарушений // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 109.

Скобликов П. А. Ответственность по ст. 5.59 КоАП РФ как способ предупреждения коррупции при рассмотрении обращений граждан : законодательство, правоприменительная практика и возможные пути усовершенствования // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 23.

Татарян В. Г., Круглов В. А., Хадисов Г. Х. Меры обеспечения административно-деликтного процесса по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь : проблемы и пути их совершенствования // Административное право и процесс. 2019. № 6. С. 25–28.

Усенко Ю. Н. К вопросу об административной ответственности органов исполнительной власти в РФ // Вестник РГУ имени И. Канта. 2007. Вып. 9. Экономические и юридические науки. С. 99.

Хромов Е. В. Привлечение к административной ответственности лиц, обладающих особым правовым статусом // Lex Russica. 2017. № 6. С. 60–67.

Шагиева Р. В. Нормы процессуального права : теория и практика их реализации. М. : Норма : ИНФРА-М., 2014. С. 19.

References

Boyarshinova A. K. Absolute administrative and tort immunities // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 1(17). P. 108.

Burmistrova S. A. On the legal nature of procedural interests // Lawyer. 2018. № 8. P. 45–51.

Vinokurov A. Yu. On some issues of the prosecutor's participation in administrative proceedings // Administrative and municipal law. 2016. № 2. P. 178–182.

Gushchin V. Z. Features of bringing to administrative responsibility members of the Federation Council, deputies of the State Duma and features of presidential immunity from bringing to administrative responsibility // Modern Law. 2013. № 8. P. 21–23.

Demin A. A. The problem of administrative justice courts has not been canceled // Administrative law and process. 2020. № 8. P. 37.

Zelentsov A. B. Subjective public law: Proc. allowance. M. : RUDN, 2012. P. 99.

Kitaev A. A. Regulation of administrative and legal responsibility of parliamentarians // Administrative law and process. 2021. № 4. P. 31–32.

Krasnov Yu. K., Shkatulla V. I. Scientific and practical commentary to the Federal Law of December 21, 2021 № 414-FZ «On the general principles of organizing public authorities in the constituent entities of the Russian Federation» (item-by-article). SPS ConsultantPlus.

Nevinsky V. V. The essence of presidential power in Russia in the works of Professor E. I. Kozlova // Actual problems of Russian law. 2020. № 3. P. 70.

Nobel A. R. Features of proceedings in cases of administrative offenses in the context of the implementation of the principle of equality when bringing to administrative responsibility // Actual problems of Russian law. 2022. № 5. P. 58.

Osintsev D. V. The prosecutor as a subject of an administrative offense // Actual problems of Russian law. 2019. № 4. P. 39.

Romanenko N. V. On consent to the prosecution of inviolable persons for committing crimes and administrative offenses // Journal of Russian Law. 2017. № 5. P. 109.

Skoblikov P. A. Liability under Art. 5.59 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation as a way to prevent corruption when considering citizens' appeals: legislation, law enforcement practice and possible ways to improve // Russian justice. 2019. № 2. P. 23.

Tataryan V. G., Kruglov V. A., Khadisov G. Kh. Measures to ensure the administrative-tort process under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus: problems and ways to improve

them // Administrative law and process. 2019. № 6. P. 25–28.

Usenko Yu. N. On the issue of administrative responsibility of executive authorities in the Russian Federation // Bulletin of the Russian State University. I. Kant. 2007. Issue. 9. Economic and legal sciences. P. 99.

Khromov E. V. Bringing to administrative responsibility persons with a special legal status // Lex Russica. 2017. № 6. P. 60–67.

Shagieva R. V. Norms of procedural law: theory and practice of their implementation. M. : Norma : INFRA-M., 2014. P. 19.

Прокуратура Краснодарского края
Табельский С. В., прокурор
E-mail: info@prokuratura-krasnodar.ru

Поступила в редакцию: 25.01.2023

Для цитирования:
Табельский С. В. О некоторых проблемах субъектного состава административно-процессуальных правоотношений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 152–160. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/152-160

Prosecutor of the Krasnodar Territory
Tabelsky S. V., Prosecutor
E-mail: info@prokuratura-krasnodar.ru

Received: 25.01.2023

Recommended citation:
Tabelsky S. V. On some problems of the subject composition of administrative procedural legal relations // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 152–160. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/152-160

УДК 343.8
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/161-166

РЕАЛИЗАЦИЯ ЦЕЛЕЙ РАСПОРЯЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ ОТ 29.04.2021 № 1138-Р В ЧАСТИ СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ ПРОБАЦИИ РОССИИ НА ОСНОВЕ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

А. В. Звонова
Владимирский юридический институт ФСИН России

IMPLEMENTATION OF THE OBJECTIVES OF THE DECREE OF THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION DATED 29.04.2021 № 1138-R REGARDING THE CREATION OF A PROBATION SYSTEM IN RUSSIA BASED ON THE EXPERIENCE OF FOREIGN COUNTRIES

A. V. Zvonova
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Аннотация: рассматриваются перспективы создания в Российской Федерации института пробации с учетом требований распоряжения Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года». Автор приходит к выводу, что создание национальной службы в Российской Федерации имеет огромные перспективы, поскольку проработанная система пробации не только предупреждает криминализацию личности, снижает повторную преступность и уменьшает нагрузку на пенитенциарную систему, но и способствует снижению общего уровня преступности в обществе.
Ключевые слова: пробация, уголовное наказание, осужденный, гуманизм, альтернативные наказания, лишение свободы.

Abstract: the article is devoted to the consideration of the issue of the prospects of creation in the Russian Federation, the Institute of Probation, taking into account the requirements of the Decree of the Government of the Russian Federation dated 04.29.2021 No. 1138-r "On the Concept of development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030". The author comes to the conclusion that the creation of a national service in the Russian Federation has great prospects, since a well-developed probation system not only prevents criminalization of the individual, reduces repeat crime and reduces the burden on the penitentiary system, but also contributes to reducing the overall crime rate in society.
Key words: probation, criminal punishment, convicted, humanism, alternative punishments, deprivation of liberty.

Рассматривая перспективы развития УИС РФ, стоит отметить, что создание системы пробации предусмотрено в Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р. По мнению законодателя, это позволит в обозримой перспективе эффективно противодействовать преступности, существенно нейтрализовать ее детерминанты, связанные с десоциализацией и социальной дезинтеграцией лиц, совершивших преступления[1].

© Звонова А. В., 2023

[1] О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138–р. URL: https://bazanpa.ru/pravitelstvo-rf-rasporiazhenie-n1138-r-ot29042021-h5159398/ (дата обращения: 21.06.2022).

Пробация и наказание являются разными институтами по своей юридической природе, целям и задачам. Наказание представляет собой крайнюю форму реагирования государства на совершение наиболее опасных форм человеческого поведения – преступлений. Его сущностью выступает кара за содеянное. Кроме того, в зависимости от политических и социальных условий перед наказанием могут ставиться различные цели. В настоящее время согласно ст. 43 УК РФ это: восстановление социальной справедливости, исправление осужденных, предупреждение совершения новых преступлений.

Пробация не является наказанием либо иной мерой уголовно-правового характера, в ее рамках не реализуется уголовная ответственность. В отличие от наказания она представляет собой альтернативу уголовному преследованию, имеющую следующие задачи: гуманизация уголовной политики, обеспечение возможности разрешения конфликта, вызванного преступлением без применения карательных средств, возмещение причиненного вреда, примирение с потерпевшим, оказания помощи лицам, в отношении которых применяется пробация в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, в том числе путем психологического сопровождения, консультирование по социально-правовым вопросам, оказание содействия в восстановлении социальных связей, трудоустройстве, получении общего и профессионального образования, медицинской и иной помощи и т. п.

Таким образом, пробация представляет собой некарательную форму нейтрализации причин и последствий совершения преступления, дающую возможность лицам, совершившим преступления, не представляющие высокой общественной опасности, доказать желание и способность к законопослушной жизни без стигматизации (получения фактически пожизненного статуса судимого лица с существенными ограничениями в социальной жизни, трудоустройстве и прочих сферах) и неизбежной личностной деформации, вызываемой наказанием.

Вместе с тем пробация не должна восприниматься как законный способ ухода от ответственности. В тех случаях, когда лицо и совершенное им деяние отвечает правовым критериям, лежащим в основании применения пробации, к нему применяются процедуры, на него возлагаются обязанности, которые также образуют особую форму социальной ответственности, альтернативную уголовной, если привлечение к последней будет признано компетентным государственным органом нецелесообразным.

Целью государственной политики противодействия преступности не может и не должна выступать безусловная месть за содеянное. Ее основной целью является предупреждение преступности, предполагающее устранение ее причин и условий, а также возвращение лица, совершившего преступление, к нормальной (законопослушной) жизни в обществе.

Поэтому, когда можно обойтись без применения наказания, государство применяет более гуманные формы реагирования как в рамках уголовной ответственности (условное осуждение, освобождение от наказания), так и вне ее (освобождение от уголовной ответственности, принудительные меры медицинского характера, а также воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних и т. п.).

Ключевым отличием пробации от таких мер является то, что она применяется за пределами уголовного преследования и уголовно-исполнительной деятельности. Социальная функция пробации состоит в альтернативном способе разрешения социального конфликта, вызванного преступлением.

Зарубежный опыт однозначно свидетельствует, что пробация не может выступать универсальным институтом и подменять собой наказания и иные формы реализации уголовной ответственности. Вместе с тем он имеет определенные различия в ряде стран и поэтому не предоставляет однозначно приемлемой для нашей страны модели пробации, что очевидно, поскольку каждое государство при разработке соответствующей системы учитывает собственный исторический опыт, социальный менталитет, особенности преступности и т. п.

Следовательно, учитывая его, необходимо разрабатывать собственную систему пробации, отражающую потребности нашего общества в функционировании этого института.

Думается, что перспективной для нашей страны будет модель пробации, включающая два вида: испытательную (досудебную) и постпенитенциарную (ресоциализирующую).

Испытательная пробация представляет собой модель разрешения социального конфликта, вызванного преступлением, альтернативную официальному уголовному преследованию. Ее

социальное предназначение заключается в выявлении и реализации возможностей нейтрализации последствий преступления (в том числе возмещения ущерба, примирительных процедур, медиации, ресоциализации лица, привлекаемого к ответственности и т. п.). В случаях, когда принимается решение о возможности применения процедур пробации (судом), их реализация приостанавливает официальное уголовное преследование, что, с одной стороны, обеспечивает экономию репрессии там, где это возможно и целесообразно, а с другой – позволяет избежать деструктивного воздействия наказания на лицо, совершившее преступление, но готовое к ресоциализации и последующему правопослушному поведению. Такая возможность обеспечивает подлинное воплощение принципа гуманизма, поскольку уголовная ответственность, наказание – не самоцель, а лишь средство обеспечения законности, правопорядка, противодействия преступности[2].

Название «испытательная» отражает правовую природу и содержание данного вида пробации, поскольку ее основной целью по аналогии с условным осуждением является основанное на пробационном докладе оказанное лицу доверие и отложение уголовного преследования с возложением определенных обязанностей и реализацией индивидуальной программы ресоциализации в течение установленного испытательного срока, когда лицо, к которому применена пробация, должно доказать, что оно раскаялось в содеянном, готово к примирению с потерпевшим, способно возместить ущерб, нанесенный преступлением и поэтому не нуждается в применении мер уголовной ответственности.

Важным аспектом являются основания применения указанного вида пробации и категории лиц, подпадающих под эти основания.

При разработке законодательной модели испытательной пробации необходимо брать в расчет зарубежный опыт, который однозначно свидетельствует, что пробация не может выступать универсальным институтом и подменять собой наказания и иные формы реализации уголовной ответственности. Так, в США возможность назначения пробации предусматривается законодательством федерации и всех штатов. Она не применяется к лицам, осужденным за преступления, караемые смертной казнью, пожизненным заключением или тюремным заключением на длительный срок. В некоторых штатах существуют дополнительные условия: отсутствие судимости в прошлом, назначение наказания не более 10 лет и возмещение всех судебных издержек.

Во Франции действуют следующие условия назначения пробации:

1) может быть назначена только физическим лицам;

2) за совершение общеуголовного преступления или такого же проступка (за политические преступные деяния пробация не назначается);

3) при отсрочке исполнения наказания пробация возможна при назначении лишения свободы на срок не более 5 лет;

4) установление испытательного срока;

5) выполнение определенных обязанностей;

6) возможность воспользоваться мерами помощи, в том числе материальной[3].

В Германии условная отсрочка исполнения наказания может быть предоставлена судом при следующих условиях:

1) осуждении к наказанию в виде лишения свободы сроком до одного года;

2) если можно ожидать, что осужденный учтет приговор и в будущем больше не совершит преступных деяний, в связи с чем реальное исполнение наказания не является необходимым.

В Японии существует институт отсрочки исполнения наказания. К основным условиям предоставления отсрочки относятся:

1) назначение лишения свободы с принудительным трудом или без него на срок не более трех лет либо штрафа, размер которого не превышает пятьсот тысяч иен;

2) подсудимый ранее не был осужден к лишению свободы без принудительного труда или к более строгому наказанию, либо подсудимый хотя и осуждался ранее к лишению свободы без принудительного труда или к более строгому наказанию, но в течение пяти лет после отбытия данного наказания не был вновь осужден к лишению свободы без принудительного труда или более строгому наказанию[4].

[2] См.: *Дворянсков И. В.* Перспективы внедрения системы пробации в России // V Междунар. пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сб. тез. выступлений и докл. участников : в 9 т. (Рязань, 17–19 ноября 2021 г.). Рязань, 2021. С. 114–120.

[3] См.: *Пертли В. А.* Сущность организации пробации во Франции, Великобритании и Швеции // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 2. С. 233–234.

[4] См.: *Бражников М. Ю.* Особенности осуществления уголовных наказаний, не связанных с лишением свобо-

Альтернативность пробации означает, что она, во-первых, применяется в тех случаях, когда назначение соответствующих процедур не будет противоречить задачам уголовного права, к которым согласно ст. 2 УК РФ отнесены: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Во-вторых, уже на стадии принятия решения о применении пробации должна быть видна перспектива ее реализации в аспекте достижения соответствующих целей. Очевидно, что такая перспектива отсутствует при совершении лицом тяжкого или особо тяжкого преступления, свидетельствующего о высокой общественной опасности личности виновного, крайне отрицательном отношении к охраняемым законом социальным ценностям, стойких антисоциальных установках и высокой степени криминальной патологии личности.

В связи с этим предлагается выделить две группы оснований применения процедур пробации:

1) формальные (правовые);

2) криминологические.

К формальным (правовым) основаниям следует отнести:

а) категорию совершенного преступления (ст. 15 УК РФ) – предлагается ограничиться преступлениями небольшой и средней тяжести, по которым сохраняется возможность назначения наказания, не связанного с изоляцией от общества. С учетом законодательной практики, касающейся построения санкций, в категорию тяжких иногда попадают преступления, к которым добавляется квалифицирующий или особо квалифицирующий признак. Так, сам факт проникновения в жилище делает даже незначительную по ущербу кражу тяжким преступлением (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ). В подобных случаях в виде исключения и исходя из фактических обстоятельств дела можно допустить возможность применения пробации;

б) наличие или отсутствие рецидива;

в) вид преступления согласно Особенной части УК РФ (нецелесообразно применять пробацию в отношении лиц, совершивших преступления против жизни, против несовершеннолетних, против половой свободы и половой неприкосновенности личности, против общественной безопасности, против государственной власти, против мира и безопасности человечества).

К криминологическим основаниям следует отнести:

а) характеристику личности лица;

б) нахождение в тяжелой жизненной ситуации;

в) готовность участвовать в реализации процедур пробации.

В связи с этим обязательным условием пробации в законопроекте называется письменное ходатайство подозреваемого (обвиняемого), свидетельствующее о его осознанном выборе и готовности к процедурам пробации. Это также позволяет избежать ситуаций коррупционного характера, когда должностное лицо произвольно за определенное вознаграждение может принимать решение о применении пробации как способа ухода лица от ответственности.

Субъектом, принимающим решение о пробации, может быть только суд (судья) как независимый орган, не находящийся на чьей-либо стороне в процессе. Тем самым можно избежать двойственной роли следователя (дознавателя), с одной стороны, призванного осуществлять уголовное преследование, а с другой – отказывающегося от него по нереабилитирующему основанию.

Решение об испытательной пробации должно приниматься только на основании пробационного доклада, составленного с учетом криминолого-психологического изучения личности с привлечением соответствующих специалистов и содержащего положительное заключение о возможности ресоциализации обвиняемого без уголовного преследования.

В основе осуществления испытательной пробации лежит специально разработанная с учетом данных пробационного доклада и сведений о трудной жизненной ситуации лица индивидуальная программа ресоциализации.

Индивидуальная программа ресоциализации должна опираться на сведения и выводы, изложенные в пробационном докладе.

Содержание индивидуальной программы ресоциализации зависит от изучения его личности и потребностей и включает тематический и календарный планы мероприятий, направлен-

ды, в Японии // Вестник Кузбасского института. 2016. № 4 (29). С. 26–29.

ных на ресоциализацию, социальные адаптацию и реабилитацию подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления, осужденных, отбывших наказание либо освобожденных от его отбывания, защиту прав и интересов указанных лиц, разрешение социального конфликта, вызванного преступлением, профилактику совершения новых преступлений. Индивидуальная программа ресоциализации может содержать меры, направленные на оказание психологической помощи, решение социально-бытовых вопросов, прохождение лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, помощь в трудоустройстве, получение среднего, среднего специального, высшего образования, профессиональной подготовки, посещение культурно-массовых, оздоровительных, просветительских мероприятий.

Постпенитенциарная пробация имеет несколько иное значение. Она может применяться, согласно законопроекту, в отношении лиц, отбывших любое наказание или освобожденных от его отбывания по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным уголовным законодательством. Она представляет собой совокупность мер, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию осужденных, отбывших наказание либо освобожденных от его отбывания, оказавшихся в трудной жизненной ситуации на основании их заявления.

Основными направлениями деятельности в сфере постпенитенциарной пробации являются ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация осужденных, отбывших наказание и изъявивших желание участвовать в подобных процедурах. Условиями применения постпенитенциарной пробации должны выступать нахождение осужденного, отбывшего наказание или освобожденного от его отбывания и (или) его семьи в трудной жизненной ситуации, готовность данного лица участвовать в реализации процедур пробации.

Пробация должна реализовываться посредством деятельности системы пробации в Российской Федерации, в которую входит ряд полномочных государственных органов, учреждений и организаций. При этом головным учреждением определена уголовно-исполнительная инспекция Федеральной службы исполнения наказаний. В связи с этим в структуре уголовно-исполнительных инспекций предполагается создать специализированные отделы пробации. Это не потребует ни переименования УИИ, ни создания новой службы, таким образом, не повлечет больших финансовых затрат. Необходимо лишь определенное расширение штатной численности уголовно-исполнительных инспекций для создания соответствующих подразделений пробации в их структуре.

Библиографический список

Бражников М. Ю. Особенности осуществления уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, в Японии // Вестник Кузбасского института. 2016. № 4 (29). С. 26–29.

Дворянсков И. В. Перспективы внедрения системы пробации в России // V Междунар. пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (приуроченный к проведению в 2021 г. в Российской Федерации Года науки и технологий) : сб. тез. выступлений и докл. участников : в 9 т. (Рязань, 17–19 ноября 2021 г.). Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. С. 114–120.

Пертли В. А. Сущность организации пробации во Франции, Великобритании и Швеции // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 2. С. 233–234.

References

Brazhnikov M. Yu. Features of the implementation of criminal penalties not related to imprisonment in Japan // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2016. № 4(29). P. 26–29.

Dvoryanskov I. V. Prospects for the introduction of the probation system in Russia // V International Penitentiary Forum "Crime, punishment, correction" (dedicated to the Year of Science and Technology in the Russian Federation in 2021) : A collection of abstracts of speeches and reports of participants. In 9 volumes, Ryazan, November 17-19, 2021. Ryazan : Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2021. P. 114–120.

Pertli V. A. The essence of the organization of probation in France, Great Britain and Sweden // Gaps in Russian legislation. 2011. № 2. P. 233–234.

Владимирский юридический институт ФСИН России
Звонова А. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права
E-mail: salikova.a@yandex.ru

Поступила в редакцию: 12.07.2022

Для цитирования:
Звонова А. В. Реализация целей распоряжения Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р в части создания системы пробации России на основе опыта зарубежных стран // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 161–166. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/161-166.

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
Zvonova A. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Penal Enforcement Law Department
E-mail: salikova.a@yandex.ru

Received: 12.07.2022

Recommended citation:
Zvonova A. V. Implementation of the objectives of the decree of the government of the Russian Federation dated 04.29.2021 no. 1138-r regarding the creation of a probation system in Russia based on the experience of foreign countries// Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 161–166. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/161-166.

УДК 342.9
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/167-174

О ДОБАВЛЕНИИ В СТАТЬЮ 6.1.1 КОАП РФ «ПОБОИ» КВАЛИФИЦИРОВАННОГО СОСТАВА (ТЕ ЖЕ ДЕЙСТВИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО И (ИЛИ) СОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ЛИЦА В ПРИСУТСТВИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО)

А. В. Равнюшкин
Санкт-Петербургский университет МВД России

ABOUT THE ADDITION TO ARTICLE 6.1.1 OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION «BEATINGS» OF QUALIFIED SIDE (THE SAME ACTIONS COMMITTED AGAINST A MINOR AND (OR) TO AN ADULT PERSON IN THE PRESENCE OF A MINOR)

A. V. Ravnyushkin
Saint-Petersburg University of the MIA of Russia

Аннотация: исследуются такие обстоятельства, как совершение одним совершеннолетним членом семьи (как правило, родителем) насильственных действий (побоев) в отношении другого совершеннолетнего члена семьи в присутствии несовершеннолетнего, а также причинение побоев несовершеннолетнему, поскольку они не получили должной правовой и научной оценки. Исследование некоторых актов США показало, что насильственные действия в семье, совершенные одним совершеннолетним членом семьи (партнером) в отношении другого совершеннолетнего члена семьи в присутствии несовершеннолетнего, являются как признаком жестокого обращения с детьми, так и отягчающим наказание обстоятельством. Предлагается рассматриваемые обстоятельства учесть в качестве отягчающих при совершении такого административного правонарушения, как побои, и в связи с этим предусмотреть квалифицированный состав этого административного правонарушения.
Ключевые слова: семейное насилие, нанесение побоев в присутствии несовершеннолетних, российское и американское законодательство, отягчающие административную ответственность обстоятельства.

Abstract: despite its mental and legal significance (in terms of consequences), such circumstances as the commission by one adult family member (usually a parent) of violent acts (beatings) against another adult family member in the presence of a minor, as well as the infliction of beatings to a minor, have not received due legal and scientific evaluation. A study of some US acts has shown that violent acts in the family committed by one adult family member (partner) against another adult family member in the presence of a minor are both a sign of child abuse and an aggravating circumstance. It is proposed to take into account the circumstances under consideration as aggravating when committing such an administrative offense as beatings (Article 6.1.1 of the Administrative Code of the Russian Federation) and, in this regard, to provide for the qualified composition of this administrative offense.
Key words: family violence, beatings in the presence of minors, Russian and American legislation, circumstances aggravating administrative responsibility.

© Равнюшкин А. В., 2023

Ребенок, подвергшийся насилию, став взрослым, более склонен к жестокому обращению с другими людьми. Так что насилие передается из поколения в поколение. Поэтому крайне важно разорвать этот цикл насилия и тем самым создать позитивные последствия для многих поколений[1].

Общеизвестно, что совершение фактов семейного насилия происходит в большинстве случаев латентно, носит закрытый характер от посторонних лиц, даже родственников и близких лиц. «О сложной, конфликтной ситуации в семье могут знать родственники, знакомые, соседи, однако сами конфликтующие стороны, как правило, стараются об этом не распространяться. К помощи полиции прибегают только тогда, когда иным способом нельзя разрешить сложившуюся ситуацию в семейно-бытовых отношениях»[2].

Кроме того, семейное насилие является одной из доминант детской беспризорности, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних[3].

По данным МВД России, в 2021 г. в стране в отношении несовершеннолетних было совершено 30 001 насильственное преступление, среди которых 7594 – членом семьи. Из этого следует, что в структуре насильственной преступности удельный вес насильственных посягательств в отношении несовершеннолетних со стороны члена семьи составил 25,3 %[4]. Имеются статистические данные и по другим видам совершения противоправных насильственных действий в отношении несовершеннолетних.

Однако статистикой учитываются только те действия, которые непосредственно совершаются в отношении несовершеннолетних.

По причине сложности этого социального негативного явления общественные и научные дискуссии о мерах противодействия этому дефективному фактору продолжаются до сих пор. Несмотря на масштабы и социальную опасность семейного насилия, складывается парадоксальная ситуация: с одной стороны, общество и государство признают обозначенную проблему глобальной и требующей немедленного реагирования, а с другой – предпочитают не вмешиваться в семейную сферу. В итоге реальные меры профилактики семейного насилия остаются в основном предметом общественных и научных дискуссий[5].

Существенные, а во многих случаях и совершенно противоположные мнения и оценки относительно возможности совершения насильственных действий в отношении детей затрудняют процесс выработки согласованной национальной концепции профилактики семейного насилия. О необходимости разработки концепции указывает Д. А. Шестаков[6].

В целях преодоления имеющихся сложностей первостепенное значение приобретает необходимость определиться с понятийным аппаратом. Прежде всего научный интерес вызывает само понятие семейного насилия в аспекте административного законодательства, определения границ его негативного воздействия на личность, включая детскую.

Представляется, что помимо традиционного рассмотрения основного вида административно-противоправного деяния, совершаемого в семье (побои), и таких образующих его компонентов, как насильственные действия и физическая боль (щипание, сечение, причинение небольших повреждений тупыми или острыми предметами, воздействие термических факторов и другие аналогичные действия)[7], «нарушение целостности кожных покровов

[1] Жестокое обращение с детьми. Основные факты. ООН. URL: https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/child-maltreatment (дата обращения: 17.07.2022).

[2] *Гайдуков А. А.* Полицейское реагирование на правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (56). С. 121.

[3] См.: *Вихляев А. А., Харламова Д. А.* К вопросу о совершенствовании системы профилактики безнадзорности, беспризорности и правонарушений среди несовершеннолетних // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи : региональные модели и технологии : материалы Второй междунар. науч.-практ. конф. (Ялта, 8–10 октября 2020 г.). Симферополь, 2020. С. 24–30.

[4] Статистика ГИАЦ МВД России. Сводный отчет по России «Сведения о потерпевших и совершенных в отношении их преступлениях» за 2021 г. (статистическая форма 455).

[5] О содержании обозначенной дискуссии см.: *Ловцова Н. И., Зайцев Д. В.* Насилие в семье или насилие над семьей // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16, № 3. С. 529–536.

[6] См.: *Шестаков Д. А.* Криминогенное законодательство в свете семейной криминологии (о проамериканском законопроекте «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации») // Криминология : вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (56). С. 23–28.

[7] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. / А. В. Бриллиантов

(ссадины, царапины, порезы, ожоги), заламывание рук, связывание, болезненные толчки, сдавливание отдельных частей тела»[8], «длительное лишение пищи, питья или тепла; помещение (или оставление) потерпевшего во вредных для здоровья условиях либо другие сходные действия»[9] и т. д., необходимо исследовать и другие сопутствующие и (или) образующие его элементы.

В научных разработках отсутствует правовая оценка тех случаев обращения с детьми, которые осуществляются опосредованно, т. е. в обстоятельствах, когда насильственные действия совершаются одним совершеннолетним членом семьи в отношении другого совершеннолетнего члена семьи. В связи с этим возникает вопрос: если происходит семейно-бытовой конфликт, в ходе которого применяется насилие (например, побои), направленное в отношении совершеннолетнего лица (как правило, матери), в присутствии детей, то следует ли признавать это насилие в качестве отягчающего вину обстоятельства? Как известно, что в большинстве случаев при акте семейного насилия присутствуют несовершеннолетние. В отечественной административной науке практически не исследована проблема о такой выступающей составляющей семейного насилия части (совершаемое при побоях), как причинение побоев в присутствии детей.

В отечественной научной среде многие ученые рассматривают зарубежный опыт регулирования различных общественных отношений, включая и те, которые связаны с профилактикой и пресечением семейного насилия[10] и насилия, совершаемого в отношении несовершеннолетних, а также международный правовой механизм противодействия семейному насилию[11].

Однако изучения вопроса, связанного с правовой оценкой присутствия несовершеннолетних в случаях, когда при семейно-бытовых конфликтах применяется насилие в отношении совершеннолетнего члена семьи, в частности при побоях, фактически не проведено.

В правоприменительной деятельности с данными фактами более всего сталкиваются в полиции. Результаты проведенного автором социологического опроса участковых уполномоченных полиции, которые непосредственно прибывают на сообщения о правонарушениях, связанных с семейно-бытовыми конфликтами, показывают, что дети в большинстве случаев являются очевидцами насильственных действий одного родителя (члена семьи) в отношении другого: в семьях с детьми очевидцами таких деяний являются именно дети – 67 %. При этом сотрудники полиции указали, что акты насилия оставляют определенное негативное воздействие на психическое состояние несовершеннолетних. В некоторых случаях (47 %) дети (от 3 до 17 лет) пытаются защитить одного члена семьи, как правило, свою мать от насилия со стороны отца (отчима). Однако по действующему законодательству эти факты никак не отражаются при назначении виновному наказания за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ.

Данный факт подтвердился и результатами изучения административной практики по делам об административных правонарушениях, прежде всего предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ «Побои» и ст. 116.1 УК РФ, где обозначается, что ребенок являлся очевидцем совершения правонарушения в отношении одного из родителей, однако это обстоятельство в силу имеющегося правового вакуума не получает соответствующей правовой оценки. Аналогично и по преступлениям.

В одном из приговоров суда установлено, что «из оглашенных показаний Жихарева А. Н., данных им в ходе предварительного следствия в качестве подозреваемого, следует, *что ранее он сожительствовал с Л. и ее малолетней дочерью* (курсив автора. – *А. Р.*). С начала их совместной жизни

[и др.] ; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М., 2016. С. 415–416.

[8] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры / под ред. В. В. Малиновского ; науч. ред. А. И. Чучаев. М., 2011. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

[9] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. М., 2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[10] См., например: *Бучакова М. А., Гайдуков А. А.* Противодействие насилию в семье административно-правовыми средствами : опыт применения в Российской Федерации и Республике Беларусь //Алтайский юрид. вестник. 2021. № 4 (36). С. 40–45.

[11] См.: *Бучакова М. А., Гайдуков А. А.* Международно-правовой механизм противодействия насилию в семье // Алтайский юрид. вестник. 2021. № 1 (33). С. 42–45.

Жихарев закодировался, так как понимал, что в состоянии опьянения ведет себя агрессивно. С сентября 2019 г. он сорвался, стал вновь употреблять спиртное, избил Л., за что был привлечен к административной ответственности, ему было назначено 80 часов обязательных работ. Потом он с Л. помирился, они вновь стали проживать вместе до декабря 2019 г. 30 декабря 2019 г. около 23 часов он, будучи в состоянии алкогольного опьянения, в ходе ссоры с Л. разозлился, вскочил и ударил ее несколько раз по лицу кулаком, кроме того, ударил ее в грудь. Потом он успокоился, извинился перед Л. и лег спать. От его ударов у Л. на лице под обоими глазами были синяки, поэтому она на работу не ходила до 5 января 2020 г. 5 января 2020 г. Л. ушла с утра на работу, а он на протяжении всего дня употреблял спиртное»[12].

В данном случае из приговора суда и из других материалов не устанавливается, совершались ли указанные акты насилия в присутствии малолетней или нет, так как в этом не имеется цели доказательственной. Вероятнее всего, что в присутствии (был факт причинения побоев в ночное время – в 23:00).

Нередко потерпевшие женщины за оказанием помощи обращаются в психологические службы, где делятся со специалистами обстоятельствами происшедшего, в том числе посредством электронного обращения. Среди этих обстоятельств имеются нанесения побоев в присутствии детей. Вот один из примеров:

«Здравствуйте! Гражданский муж нанес побои в присутствии трех несовершеннолетних детей (6 лет, 6 лет и 1,5 года). Дети страшно кричали, а я ничего не могла сделать, спастись, пока он не остановился, возможности не было.... Старшие девочки до сих пор в шоке, плачут, боятся, что он приедет (я и дети после инцидента уехали к моим родителям)...»[13].

Обращений такого характера немало[14].

Напротив, наличие у виновного, причинившего побои, на иждивении детей, судом нередко признается обстоятельством, смягчающим наказание, даже в случаях совершения противоправных деяний в их присутствии[15]. Представляется, что причиной тому является именно недооценка данного негативного фактора как в науке, так и в законодательстве.

В российской науке уже была высказана мысль о том, чтобы «предусмотреть в ч. 2 ст. 6.1.1 КоАП РФ ответственность в отношении их родителей и иных законных представителей за побои или иные насильственные действия в отношении несовершеннолетних»[16].

Кроме того, следует учитывать, что в уголовном законодательстве совершение преступления в отношении малолетнего, беззащитного, беспомощного или зависимого лица признается отягчающим наказание обстоятельством (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ), что в целом указывает на правильную направленность развития идеи ответственности.

Однако факт присутствия детей при семейно-бытовых конфликтах, в ходе которых причиняются побои, остается малоизученным.

Думается, что в осмыслении многих сложных проблем, связанных с противодействием семейному (домашнему) насилию и насилию, совершаемому в отношении детей, может способствовать исследование зарубежного законодательства.

По оценкам «Обследования преступности в Англии и Уэльсе (CSEW)», каждый пятый взрослый (8,5 млн человек)[17] в возрасте от 18 до 74

---

[12] Приговор № 1-272/2020 от 2 ноября 2020 г. по делу № 1-272/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/GESqOFLddrdV (дата обращения: 19.07.2022).

[13] Побои в присутствии несовершеннолетних детей. Помогаем преодолевать трудности. Портал PPT.ru. URL: https://ppt.ru/question/?id=34908 (дата обращения: 06.10.2022).

[14] Муж ударил при детях. URL: https://www.ya-roditel.ru/parents/consultation/psycholog/muzh-udaril-pri-detyakh (дата обращения: 06.10.2022) ; Муж избил меня при ребенке. URL: https://upsihologa.com.ua/ask/ask.php?id=14270 (дата обращения: 06.10.2022) ; Неоднократно избивает муж при родителях, при ребенке. URL: https://www.all-psy.com/konsultacii/otvet/269305 (дата обращения: 06.10.2022) ; Муж поднимает руку на меня при ребенке. URL: https://psycabi.net/vopros-psikhologu/semya-otnosheniya-mezhdu-muzhem-i-zhenoj/73253-muzh-podnimaet-ruku-na-menya-pri-rebenke (дата обращения: 06.10.2022).

[15] Приговор по делу № 1-172/2021 от 21 июня 2021 г. по ст. 116.1 УК РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/SlZenXNOUfUV (дата обращения: 06.10.2022) ; Приговор по делу № 1-61/2020 от 3 ноября 2020 г. по ст. 116.1 УК РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/1WfR4hjYKiVJ (дата обращения: 06.10.2022) ; Приговор по делу № 1-37/2020 от 25 сентября 2020 г. по ст. 116.1 УК РФ URL: https://sudact.ru/regular/doc/qTsH1J3wqY5j (дата обращения: 06.10.2022).

[16] *Полякова Н. В.* Особенности применения ст. 6.1.1 КоАП РФ в отношении несовершеннолетних и с их участием // Полиция и общество : проблемы и перспективы взаимодействия. 2019. № 1(3). С. 183.

[17] Child abuse in England and Wales: March 2020 (Жестокое обращение с детьми в Англии и Уэльсе: март

лет сталкивался, по крайней мере, с одной формой жестокого обращения с детьми (в возрасте до 16 лет), будь то эмоциональное, физическое или сексуальное насилие или свидетель домашнего насилия или жестокого обращения.

Данная проблема является актуальной для многих стран мира, в том числе и США. Осознавая, что американская правовая система входит в так называемую англосаксонскую правовую семью, отличающуюся от романо-германской правовой системы, в которую входит российская, следует отметить, что определенные научные работы и положения законодательства этого государства вызывают живой научный интерес, и данное отличие не должно пугать исследователя.

В 13 штатах США ужесточены наказания за нарушения закона о насилии в семье, совершенные в присутствии несовершеннолетнего. Разберем на конкретном примере.

Так, начиная с 1999 г. законодательный орган штата Миннесота квалифицирует определенные случаи домашнего насилия как формы пренебрежения правами ребенка. Так, в разделе 2 [626.5552] «Ребенок, подвергшийся воздействию насилия в семье» статутов штата Миннесота содержит несколько закрепленных случаев:

«(а) Считается, что ребенок подвергся насилию в семье, когда:

(1) родитель или другое лицо, ответственное за уход за ребенком, принимает насильственную форму поведения, которое неизбежно или серьезно угрожает физическому или психическому здоровью ребенка;

(2) родитель или другое лицо, ответственное за уход за ребенком, участвует в повторном домашнем насилии;

(3) *ребенок был свидетелем неоднократных случаев бытового насилия* (курсив автора. – *А. Р.*);

(4) родитель или другое лицо, ответственное за уход за ребенком, занимается хроническим и серьезным употреблением алкоголя или подлежащих контролю веществ, что отрицательно сказывается на основных потребностях и безопасности ребенка»[18].

Аналогичным образом данное обстоятельство расценивается и в законодательном акте штата Колорадо:

«е. Лицо, которое ранее было осуждено за нарушение этого раздела или за правонарушение в любом другом штате Соединенных Штатов или на любой территории, подпадающей под юрисдикцию Соединенных Штатов, которое представляло бы собой жестокое обращение с детьми, если бы было совершено в этом штате, и которое совершает жестокое обращение с детьми, как это предусмотрено в подпункте (V) или (VI) пункта (а) настоящего подраздела (7) или как предусмотрено в подпункте (I) или (II) пункта (b) настоящего подраздела (7) совершает уголовное преступление 5-го класса, если суд по факту установит, что новое преступление связано с любым из следующих действий:

I. Ответчик, который пользовался доверием, как описано в разделе 18-3-401 (3.5), в отношении ребенка, участвовал в продолжающемся поведении, которое привело к недоеданию ребенка, или не смог обеспечить доступ ребенка к надлежащей медицинской помощи;

II. Обвиняемый участвовал в продолжающемся жестоком наказании или необоснованной изоляции или заточении ребенка;

III. Обвиняемый неоднократно угрожал причинением вреда здоровью или смертью ребенку или значимому лицу в жизни ребенка, причем угрозы были высказаны в присутствии ребенка;

IV. Обвиняемый постоянно совершал акты домашнего насилия, как этот термин определен в разделе 18-6-800.3, в присутствии ребенка (курсив автора. – *А. Р.*)[19].

Обозначенное курсивом обстоятельство так или иначе закреплено в качестве отягчающего размер наказания в большинстве штатов США.

Так, согласно разделу 18-904 «Наказание за нанесение побоев» законодательного акта штата Айдахо такое деяние «наказывается штрафом, не превышающим одной тысячи долларов (1000 долларов), или тюремным заключением в окружной тюрьме, не превышающим шести (6) месяцев, или и тем и другим»[20].

2020 года). URL: https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/crimeandjustice/bulletins/childabuseinenglandandwales/march2020 (дата обращения: 21.07.2022).

[18] 2000 Minnesota Statutes. Section 626.5552 Child exposed to domestic violence. (Уставы Миннесоты 2000. Раздел 626. 5552 Ребенок, подвергшийся насилию в семье). URL: https://www.revisor.mn.gov/statutes/2000/cite/626.5552 (дата обращения: 21.07.2022).

[19] 2020 Colorado Revised Statutes Title 18 – Criminal Code Article 6. Offenses Involving the Family Relations Section 18-6-401. Child abuse – definition. E (IV). (Раздел 18 пересмотренных законов штата Колорадо 2020 года – Статья 6 Уголовного кодекса. Преступления, связанные с разделом 18-6-401 семейных отношений. Жестокое обращение с детьми – определение). URL: https://law.justia.com/codes/colorado/2020/title-18/article-6/section-18-6-401 (дата обращения: 02.07.2022).

[20] 2021 Idaho Code Title 18 – CRIMES AND PUNISHMENTS Chapter 9 – ASSAULT AND BATTERY Section 18-904 –

В другой норме этого акта законодатель усиливает наказание: «При этом максимальное наказание, предусмотренное настоящей статьей, удваивается, если акт бытового насилия или побоев, за который лицо осуждено или признает себя виновным, имел место в присутствии ребенка. Для целей этого раздела «в присутствии ребенка» означает физическое присутствие ребенка или знание того, что ребенок присутствует и может видеть или слышать акт домашнего насилия или избиения. Для целей настоящего раздела «ребенок» означает лицо, не достигшее шестнадцатилетнего (16) возраста»[21].

Можно добавить, что вывод, представленный в американской научной литературе, ярко демонстрирует состояние исследуемой проблемы в американской обществе: «Быть свидетелем домашнего насилия – это обычное явление среди детей, но лишь недавно оно было признано особой формой жестокого обращения»[22].

В научной литературе было обоснованно высказано мнение, что по правонарушениям, предусмотренным ст. 5.35, ч. 2 ст. 6.10 и ч. 2 ст. 6.23, необходимо предусмотреть такую форму производства по делам об административных правонарушениях, как административное расследование, поскольку опрос ребенка, обязательное участие педагога или психолога может потребовать значительных временных затрат[23].

Кроме названного предложения о признании такого обстоятельства, как причинение побоев в отношении совершеннолетнего (родителя или иного законного представителя) в присутствии несовершеннолетнего, в качестве отягчающего административную ответственность обстоятельства, необходимо в данном качестве признать и другое: причинение побоев в отношении несовершеннолетнего.

Таким образом, необходимо предпринять меры, обозначенные в постановлении Конституционного Суда РФ, в котором отмечено, что «повторность нанесения побоев указывает на устойчивость поведения виновного, склонность к разрешению конфликтов насильственным способом, неуважение к достоинству личности» (п. 5 постановления)[24].

Такие факты, как причинение побоев (ст. 6.1.1 КоАП РФ), совершенных в отношении несовершеннолетнего и (или) совершеннолетнему (родителю или иному законному представителю) в присутствии несовершеннолетнего, следует признать в качестве отягчающих административное наказание обстоятельств и предусмотреть квалифицированный состав. В ст. 6.1.1 КоАП РФ следует добавить часть вторую следующего содержания:

«Те же действия, совершенные в отношении несовершеннолетнего и (или) совершеннолетнего лица в присутствии несовершеннолетнего, влекут наложение административного штрафа в размере от десяти до шестидесяти тысяч рублей либо административный арест на срок от пятнадцати до тридцати суток, либо обязательные работы на срок от ста двадцати до двухсот сорока часов».

Думается, что сделанные выводы и представленное предложение позволят в определенной степени изменить общественное сознание и правосознание, а также модель поведения лиц, намеревающихся совершить насильственные правонарушения (побои), совершаемые в присутствии несовершеннолетних (и в целом), в сторону отказа от их совершения.

Библиографический список

Антонова Л. Б. О проблемных вопросах административной ответственности законных представителей за насильственные действия в отношении

BATTERY – PUNISHMENT. (Кодекс Айдахо. 2021. Раздел 18 – Преступления и наказания. Глава 9. Нападение и нанесение побоев. Раздел 18-904 – Наказание за нанесение побоев). URL: https://law.justia.com/codes/idaho/2021/title-18/chapter-9/section-18-904/ (дата обращения: 22.07.2022).

[21] 2021 Idaho Code Title 18 – CRIMES AND PUNISHMENTS Chapter 9 – ASSAULT AND BATTERY Section 18-918 – DOMESTIC VIOLENCE. (4). (2021 Кодекс Айдахо. Раздел 18 – Преступления и наказания. Глава 9. Нападение и нанесение побоев. Раздел 18-918 Насилие в семье, пункт 4. URL: https://law.justia.com/codes/idaho/2021/title-18/chapter-9/section-18-918/ (дата обращения: 22.07.2022).

[22] *Dodaj A.* Children witnessing domestic violence // Journal of Children's Services. 2020. № 15 (3). P. 161.

[23] См.: *Антонова Л. Б.* О проблемных вопросах административной ответственности законных представителей за насильственные действия в отношении несовершеннолетних // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2021. № 7-2. С. 133.

[24] По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой : постановление Конституц. Суда РФ от 8 апреля 2021 г. URL: https: //www.garant.ru/products/ipo/prime/ doc/400464561/#review (дата обращения: 21.07.2022).

несовершеннолетних // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2021. № 7-2. С. 130–136.

Бучакова М. А., Гайдуков А. А. Международно-правовой механизм противодействия насилию в семье // Алтайский юридический вестник. 2021. № 1 (33). С. 42–45.

Бучакова М. А., Гайдуков А. А. Противодействие насилию в семье административно-правовыми средствами : опыт применения в Российской Федерации и Республике Беларусь // Алтайский юридический вестник. 2021. № 4 (36). С. 40–45.

Вихляев А. А., Харламова Д. А. К вопросу о совершенствовании системы профилактики безнадзорности, беспризорности и правонарушений среди несовершеннолетних // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи : региональные модели и технологии : материалы Второй международной науч.-практ. конф. (Ялта, 8–10 октября 2020 г.). Симферополь : Изд-во типографии «Ариал», 2020. С. 24–30.

Гайдуков А. А. Полицейское реагирование на правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2019. № 2 (56). С. 120–123.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры / под ред. В. В. Малиновского ; науч. ред. А. И. Чучаев. М., 2011.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. / А. В. Бриллиантов [и др.] ; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М. : Проспект, 2016. 792 с.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. М., 2012.

Ловцова Н. И., Зайцев Д. В. Насилие в семье или насилие над семьей // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16, № 3. С. 529–536.

Полякова Н. В. Особенности применения ст. 6.1.1 КоАП РФ в отношении несовершеннолетних и с их участием // Полиция и общество : проблемы и перспективы взаимодействия. 2019. № 1 (3). С. 181–186.

Шестаков Д. А. Криминогенное законодательство в свете семейной криминологии (о проамериканском законопроекте «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации») // Криминология : вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (56). С. 23–28.

Dodaj A. Children witnessing domestic violence // Journal of Children's Services. 2020. № 15 (3). P. 161–174.

References

Antonova L. B. On problematic issues of administrative responsibility of legal representatives for violent acts against minors // Public safety, legality and law and order in the III millennium. 2021. № 7-2. P. 130–136.

Buchakova M. A., Gaidukov A. A. The international legal mechanism of countering domestic violence // Altai Legal Bulletin. 2021. № (33). P. 42–45.

Buchakova M. A., Gaidukov A. A. Countering domestic violence by administrative and legal means: experience of application in the Russian Federation and the Republic of Belarus // Altai Legal Bulletin. 2021. № 4 (36). P. 40–45.

Vikhlyaev A. A., Kharlamova D. A. On the issue of improving the system of prevention of neglect, homelessness and delinquency among minors // Prevention of deviant behavior of children and youth: regional models and technologies: collection of materials of the Second International Scientific and practical Conference (Yalta, October 8–10, 2020). Simferopol : Publishing House Printing House "Arial", 2020. P. 24–30.

Gaidukov A. A. Police response to offenses in the sphere of family and household relations // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2(56). P. 120–123.

Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation for prosecutors / edited by V. V. Malinovsky ; scientific ed. A. I. Chuchaev. M., 2011.

Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article by article): in 2 volumes / A. V. Brilliantov [et al.] ; edited by A. V. Brilliantov. 2nd ed. M., Prospect, 2016. 792 p.

Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article by article) / edited by A. I. Chuchaeva. M., 2012.

Lovtsova N. I., Zaitsev D. V. Domestic violence or violence against the family // Journal of Social Policy Research. 2018. Vol. 16, № 3. P. 529–536.

Polyakova N. V. Features of the application of Article 6.1.1 of the Administrative Code of the Russian Federation in relation to minors and with their participation // Police and society: problems and prospects of interaction. 2019. № 1(3). P. 181–186.

Shestakov D. A. Criminogenic legislation in the light of family criminology (on the pro-American bill "On the prevention of domestic violence in the Russian Federation") // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2020. № 1(56). P. 23–28.

Dodaj A. Children witnessing domestic violence // Journal of Children's Services. 2020. № 15(3). P. 161–174.

Санкт-Петербургский университет МВД России
Равнюшкин А. В., кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административного права
E-mail: ravnyushkin@mail.ru

Поступила в редакцию: 30.01.2023

Для цитирования:
Равнюшкин А. В. О добавлении в статью 6.1.1 КоАП РФ «Побои» квалифицированного состава (те же действия, совершенные в отношении несовершеннолетнего и (или) совершеннолетнего лица в присутствии несовершеннолетнего) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 167–174. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/167-174.

Saint-Petersburg University of the MIA of Russia
Ravnyushkin A. V., Candidat Legal Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Administrative Law Department
E-mail: ravnyushkin@mail.ru

Received: 30.01.2023

Recommended citation:
Ravnyushkin A. V. About the addition to article 6.1.1 of the Administrative code of the Russian Federation "Beatings" of qualified side (the same actions committed against a minor and (or) to an adult person in the presence of a minor) // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 167–174. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/ 2023/1/167-174.

УДК 347.73
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/175-181

ВЕЩНЫЕ НАЛОГОВЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

А. В. Красюков
Воронежский государственный университет

PROPERTY TAX RELATIONS

A. V. Krasyukov
Voronezh State University

Аннотация: статья посвящена изучению имущественных налоговых правоотношений, выделению их правовой природы. Анализируются критерии разделения имущественных отношений на вещные и обязательственные применительно к имущественным правам. Обосновывается соответствие права требовать уплаты налога, принадлежащего публично-правовому образованию, признакам имущественного права. Уделяется также внимание порядку и формам реализации правомочий собственника в отношении имущественного права требовать уплаты налога. Обосновывается существование отказа от реализации имущественного права как формы распоряжения им.
Ключевые слова: налоговое имущественное правоотношение, имущественное право, вещное правоотношение, право требовать уплаты налога, отказ от реализации права, распоряжение.

Abstract: the article is devoted to the study of property tax legal relations, highlighting their legal nature. The author analyzes the criteria for dividing property relations into real and liability relations in relation to property rights. The article substantiates the conformity of the right to demand the payment of tax, which belongs to a public legal entity, to the signs of a property right. The author also pays attention to the procedure and forms of realization of the owner's powers in relation to the property right to demand the payment of tax. The article substantiates the existence of a refusal to implement a property right as a form of disposing of it.
Key words: tax property legal relationship, property law, property legal relationship, the right to demand payment of tax, refusal to exercise the right, disposal.

В юридической литературе теория права собственности выступает ключом к решению многих проблем финансового и налогового права[1]. Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) неоднократно обращался к положениям о праве собственности при обосновании своих правовых позиций по различным вопросам налогового права[2].

Традиционно финансово-правовые аспекты отношений собственности учеными рассматриваются в контексте бюджетно-правового регулирования права собственности публично-пра-

[1] См., например: *Комягин Д. Л.* О понятии бюджетных средств // Финансы. 2000. № 10. С. 17–19 ; *Его же.* О собственнике средств, поступающих от сбора федеральных налогов и иных обязательных платежей // Право и экономика. 1999. № 8. С. 43–45.

[2] См., например: По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 г. «О федеральных органах налоговой полиции» : постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 г. № 20-П ; По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы : постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 1996 г. № 9-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 16. Ст. 1909 ; По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» : постановление Конституционного Суда РФ от 12 октября 1998 г. № 24-П // Там же. 1998. № 42. Ст. 5211.

© Красюков А. В., 2023

вовых образований на средства соответствующих бюджетов[3]. При этом М. В. Каресевой отдельные аспекты теории права собственности использовались также при анализе некоторых налогово-правовых вопросов[4]. Кроме того, Д. В. Винницким предлагалось понимать налоговые имущественные отношения как отношения собственности в сфере распределения бремени публичных расходов[5].

КС РФ сформулировал и впоследствии неоднократно подтверждал подход к налогообложению как к форме ограничения права собственности[6], предусматривающей определенные ограничения по распоряжению налогоплательщиком своим имуществом[7]. В юридической литературе на основе данной правовой позиции приходят к выводу, что финансовое право регулирует отношения собственности частных субъектов посредством ограничивающего влияния налогообложения на право собственности налогоплательщика[8].

В научной литературе к числу имущественных из всех перечисленных в ст. 2 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) отношений традиционно относят отношения по взиманию налогов, сборов, пеней и штрафов, которые характеризуются учеными как обязательственные[9]. Однако из анализа налогового законодательства можно сделать вывод, что наряду с обязательственными отношениями в налоговой сфере существуют имущественные отношения вещного характера (отношения присвоения).

Вещные правоотношения в соответствии со ст. 209 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) заключаются во владении, пользовании и распоряжении (в той или иной степени) имуществом. При этом имущество согласно ст. 128 ГК РФ представляет собой вещи (в том числе наличные деньги и документарные ценные бумаги) и имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права).

Традиционно имущественные налоговые отношения характеризуются как денежные, поскольку в подавляющем большинстве случаев их объектом являются денежные средства. При этом налоговым правом отношения по владению, пользованию и распоряжению денежными средствами не регулируются. До момента поступления налогового платежа в бюджетную систему денежные средства, как правило, находятся в собственности или на другом вещном праве у налогового должника. После же поступления денежных средств в бюджет соответствующего публично-правового образования возникшее право собственности регулируется уже бюджетным правом.

Однако с момента возникновения имущественного налогового правоотношения и до момента его исполнения между публично-правовым образованием и налогоплательщиком существует правовая связь, которая может быть охарактеризована как право публично-правового образования требовать уплаты налога в установленный законом срок (далее – право требования или право требования уплаты налога). Иными словами, публично-правовое образование имеет право на получение от налогоплательщика денежных средств в качестве уплаты налога (сбора или других налоговых платежей) в установленный законом срок.

Представляется, что данное право требования вполне может быть охарактеризовано как

---

[3] См.: *Карасева М. В.* Бюджетное право в контексте теории права собственности // Государство и право. 2008. № 2. С. 52–62 ; *Пауль А. Г.* Доходы бюджетов (бюджетно-правовое исследование) / под ред. М. В. Карасевой. М., 2012. С. 67–96.

[4] См.: *Карасева М. В.* Бюджетное и налоговое право России (политический аспект). М., 2005. С. 9–11.

[5] См.: *Винницкий Д. В.* Российское налоговое право : проблемы теории и практики. СПб., 2003. С. 134–135.

[6] По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы : постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 1996 г. № 9-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 16. Ст. 1909.

[7] По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 г. «О федеральных органах налоговой полиции» : постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 г. № 20-П.

[8] См.: Финансовое право : учебник / отв. ред. М. В. Карасева. М., 2009. С. 44. Следует отметить, что, по мнению цивилистов, использование термина «ограничение» в отношении влияния налогообложения на право собственности является некорректным, поскольку в гражданском праве сложилось четкое понимание ограничений права собственности (см.: *Рябов А. А.* Влияние гражданского права на налоговые отношения (доктрина, толкование, практика). М., 2014. С. 27–29).

[9] См., например: *Карасева М. В.* Финансовое правоотношение. Воронеж, 1997. С. 279 ; *Винницкий Д. В.* Указ. соч. С. 135.

имущественное право в смысле ст. 128 ГК РФ, т. е. отнесено к разновидности имущества, поскольку оно соответствует всем существенным признакам имущества.

Учеными, посвятившими свои работы исследованию имущественных прав как объектов правоотношений, выделены следующие признаки имущественного права как имущества.

1. Любое имущество обладает определенной потребительской ценностью для своего владельца, т. е. является экономическим благом. Ценность права требования заключается в возможности получить то или иное благо от должника[10]. Иными словами, право требования, как и любое имущество, служит средством удовлетворения имущественного интереса своего владельца[11].

Право требования уплаты налога также обладает экономической ценностью для публично-правового образования, поскольку представляет собой возможность получить от налогоплательщика денежные средства в форме налогового платежа и тем самым удовлетворить публичный фискальный интерес.

2. Право требования является экономическим благом только в том случае, когда в правоотношении существует временной разрыв между его возникновением и осуществлением платежа[12]. Пока налогоплательщик не произвел платеж, право требования публично-правового образования обладает определенной самостоятельной экономической ценностью и является объектом абсолютного имущественного правоотношения.

В рамках налогового обязательства с момента возникновения правоотношения и до момента уплаты налога в зависимости от продолжительности налогового периода проходит от месяца до года и даже больше. В течение данного периода право требования уплаты налога в силу предстоящего платежа также обладает определенной ценностью, т. е. является экономическим благом.

3. Способность принадлежать определенному лицу является свойством любого имущества, без которого оно как юридическая категория не существует. При этом наличие данного признака у прав требования в науке презюмируется в силу невозможности существования бессубъектных прав[13]. Такое отношение принадлежности составляет основу абсолютного права кредитора на право требования[14].

Право требования налога также обладает свойством принадлежности публично-правовому образованию и не существует в отрыве от данного субъекта.

4. Оборотоспособность права требования выделяется некоторыми учеными как обязательный признак имущественного права[15]. Другими учеными данный признак не принимается, поскольку он противоречит факту существования множества объектов имущественных правоотношений, которые ограничены в обороте или совсем из него изъяты, но при этом обладают определенной потребительской ценностью для их владельцев. В силу этого данными учеными предлагается различать оборотоспособность имущества и способность быть объектом вещного права[16]. Полагаем также, что объектоспособность имущественных прав не может быть поставлена в зависимость от их оборотоспособности.

Право требования уплаты налога в силу публично-правового характера имущественных налоговых отношений ограничено в обороте, поскольку налоговый платеж предназначен исключительно для финансового обеспечения деятельности публично-правовых образований. Соответственно право требования может быть передано только от одного публично-правового образования другому. Например, это происходило при объединении нескольких субъектов РФ в один.

Однако, несмотря на ограниченную оборотоспособность права требования уплаты налога, оно обладает для публично-правовых образований реальной экономической ценностью и подлежит охране со стороны государства.

Тем самым право требования уплаты налога соответствует всем сущностным признакам имущественного права как разновидности имущества и представляет собой имущественное право, принадлежащее на праве собственности (присвоения) определенному публично-правовому образованию.

---

[10] См.: *Байбак В. В.* Обязательственное требование как объект гражданского оборота. М., 2005. С. 30.

[11] См.: *Яковлев А. С.* Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. М., 2009. С. 54.

[12] См.: *Байбак В. В.* Указ. соч. С. 27.

[13] См.: *Яковлев А. С.* Указ. соч. С. 53.

[14] См.: *Байбак В. В.* Указ. соч. С. 65.

[15] См.: *Яковлев А. С.* Указ. соч. С. 55.

[16] См.: *Гамбаров Ю. С.* Гражданское право : Общая часть. М., 2003. С. 599.

Вещный характер данных правоотношений подтверждается, кроме вышеуказанного, тем, что владелец права требования уплаты налога пользуется абсолютной защитой своего права. На всех лиц, которые противостоят публично-правовому образованию как владельцу права требования уплаты налога, возлагается обязанность не осуществлять посягательство на это имущественное право. Абсолютная защита права собственности на имущественное право предполагает, что должник по обязательству, по сути, приравнивается к третьим лицам, не являющимся субъектами относительного правоотношения в случае посягательства им на такое право[17]. В силу чего абсолютная защита права на требование обеспечивается мерами деликтной, а не договорной ответственности[18].

Вред имущественному праву требовать уплаты налога может быть причинен действиями как самого налогоплательщика, так и других физических лиц, как правило, связанных с ним. В результате причинения вреда право требования уплаты налога теряет свою ценность в силу невозможности получить налог от налогоплательщика полностью или в части. В результате право требования как экономическое благо теряет свои свойства, в том числе в силу фактического уничтожения, прекращения своего существования.

Исходя из существующей практики КС РФ, вред праву требования уплаты налога причиняется путем совершения действия, влекущего невозможность добровольного либо принудительного исполнения обязанности по уплате налога в рамках налоговых обязательств, образующего состав преступления или административного правонарушения при условии:

– либо внесения записи в ЕГРЮЛ о прекращении (ликвидации) организации;

– либо установления судом, что организация является фактически недействующей и (или) взыскание недоимки с нее или лиц, привлекаемых к ответственности в порядке принудительного исполнения налогового обязательства, невозможно;

– установления судом, что организация-налогоплательщик является прикрытием для деятельности контролирующего ее физического лица.

Невозможность получение налогов в такой ситуации рассматривается КС РФ как утрата имущественного права[19]. При этом должна быть установлена причинно-следственная связь между действием и причиненным вредом[20].

Таким образом, объектом имущественных правоотношений собственности (присвоения), регулируемых налоговым правом, является право требования уплаты налога.

Применительно к возможности существования права собственности на имущественные права, несмотря на однозначное указание действующего законодательства (ст. 209 ГК РФ) о наличии такой возможности, в науке до настоящего времени ведется оживленная дискуссия. Некоторые ученые придерживаются точки зрения о невозможности существования права собственности на имущественное право, поскольку объектом классического права собственности может быть только вещь[21]. Распространение правового режима собственности на такие объекты, по их мнению, обусловлены необходимостью обеспечить вещно-правовую защиту имущественным правам[22]. Разные авторы синхронно предлагали ввести в законодательство специальное абсолютное (вещное) право для имущественных прав и других бестелесных вещей. Одни ученые характеризуют данное абсолютное

[17] См.: *Смирнов В. Т., Собчак А. А.* Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л., 1983. С. 9.

[18] См.: *Байбак В. В.* Указ. соч. С. 60.

[19] По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева : постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2017 г. № 39-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 51. Ст. 7914.

[20] По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и части первой статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. С. Машукова : постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2020 г. № 32-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 28. Ст. 4498.

[21] Обзор различных точек зрений по данному вопросу см.: *Байбак В. В.* Указ. соч. С. 44–64.

[22] См.: *Суханов Е. А.* О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2006. № 12.

право как особое отношение принадлежности[23], другие – как присвоения[24].

Не вдаваясь в данную дискуссию по причине выхода ее за пределы настоящего научного исследования, полагаем необходимым руководствоваться действующим законодательством, которое, как указано выше, признает любое имущество объектом права собственности. Более того, применительно к задачам настоящего исследования не имеет принципиального значения, какое вещное право возникает у публично-правового образования на право требования– право собственности или иное абсолютное имущественное право (право присвоения). В любом случае данное абсолютное право имеет вещную природу, а имущественные отношения, возникающие по поводу права требования, имеют, тем самым, вещный характер.

Любое вещное право, как указано выше, состоит из трех правомочий: владение, пользование и распоряжение[25]. Применительно к имущественным правам вообще и праву требования уплаты налога в частности реализация правомочий владения и пользования не имеет очевидного внешнего проявления. С юридической точки зрения они могут быть охарактеризованы через категории «подтверждение» или «оформление» права. Владение имущественным правом заключается по общему правилу в наличии подтверждающих данное право документов. Применительно к праву требования уплаты налога таким документом, олицетворяющим взаимоотношение налогоплательщика и государства, является карточка расчетов с бюджетом (РСБ)[26].

Правомочие пользования правом требования заключается в извлечении его полезных свойств, которые сводятся к возможности получать исполнение по такому требованию[27].

Распоряжение в теории права обычно понимается как действие, определяющее юридическую судьбу объекта распорядительного акта[28]. Юридическая власть распорядиться правом не является свойством личности самой по себе, а представляет собой отношение к подлежащему распоряжению праву – правомочие[29]. Правомочие распоряжения имущественным правом не является частью структуры обязательственного правоотношения, поскольку ему не соответствует какая-либо обязанность должника[30].

Правомочие распоряжения объектом права собственности является одним из элементов юридического содержания правоотношения собственности[31]. Характер такого распоряжения напрямую зависит от оборотоспособности обязательственного права требования[32]. Если имущественное право передаваемо, то оно может быть предметом самых различных сделок и договоров. Ограниченное в обороте право требования может являться лишь предметом ограниченного распоряжения со стороны кредитора – такое требование может быть или передано ограниченному кругу субъектов, или прекращено кредитором полностью либо частично.

Право требования уплатить налог, безусловно, является ограниченно передаваемым, поскольку налог по своему прямому предназначению должен поступить в бюджетную систему РФ, а круг субъектов, входящих в бюджетную систему, ограничен. Следовательно, таким правом требования возможно распорядиться посредством либо передачи его другому публично-правовому образованию, либо отказа от его реализации полностью или в существующем виде, т. е. изменение.

Передать право требования уплаты налога другому публично-правовому образованию без потери своей правосубъектности в настоящее время возможно только путем установления нормативов отчисления от налоговых доходов в другие бюджеты бюджетной системы. Посредством установления таких нормативов законодательные (представительные) органы от имени публично-правовых образований осу-

[23] См.: *Байбак В. В.* Указ. соч. С. 65.

[24] См.: *Суханов Е. А.* К понятию вещного права // Правовые вопросы недвижимости. 2005. № 11.

[25] См.: *Генкин Д. М.* Право собственности в СССР. М., 1961. С. 22.

[26] Подробнее см.: Об утверждении Единых требований к порядку ведения карточки «Расчетов с бюджетом» : приказ ФНС России от 18 января 2012 г. № ЯК-7-1/9@. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[27] См.: *Байбак В. В.* Указ. соч. С. 46–52.

[28] См.: Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 2015. Ч. 1. С. 327.

[29] См.: *Эннкцерус Л.* Курс германского гражданского права. М., 1950. Т. 1, полут. 2. С. 99–100.

[30] См.: *Байбак В. В.* Указ. соч. С. 56.

[31] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Рысьевой Натальи Николаевны на нарушение ее конституционных прав положениями подпункта 1 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации : определение КС РФ от 1 июня 2010 г. № 753-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[32] См.: *Байбак В. В.* Указ. соч. С. 66.

ществляют распоряжение путем передачи части установленных и (или) введенных ими доходов другим публично-правовым образованиям[33]. Однако данная форма распоряжения правом требования регулируется бюджетным правом, а не налоговым.

Налоговое законодательство непосредственно не регулирует отношения по владению, пользованию и распоряжению имуществом публично-правовых образований. Однако из анализа отдельных его норм (прежде всего, ст. 44, 56, 59, 63–64, 66–67 НК РФ) можно доктринальным путем выявить механизмы, посредством которых публично-правовое образование производит распоряжение принадлежащим ему правом требования уплаты налога.

К таким механизмам, по нашему мнению, следует отнести списание безнадежных долгов по налогам и сборам, применение налоговых льгот и соглашений об избежании международного двойного налогообложения, изменение срока уплаты налога и сбора. Исходя из юридической сущности данных механизмов, списание безнадежных налоговых долгов, применение налоговых льгот и соглашений об избежании международного двойного налогообложения являются формами отказа от осуществления права требовать уплаты налога, а изменение срока уплаты налога – формой изменения данного права требования.

При этом еще одним доводом в пользу вещно-правового характера данных отношений является участие в данных отношениях, регулируемых налоговым законодательством, финансовых органов субъектов РФ, федеральных территорий и муниципальных образований в целях согласования акта распоряжения правом требования (в случае изменения срока уплаты налога) либо наделение соответствующих публично-правовых образований правом самостоятельно определить орган, уполномоченный на такое распоряжение (при списании безнадежных долгов по налогам и сборам).

Отношения по распоряжению правом требования уплаты налога являются налоговыми, поскольку регулируются налоговым законодательством. В силу ст. 2 НК РФ налоговым законодательством регулируются среди прочих отношения по установлению и взиманию налогов. При этом установление налоговой льготы является составной частью установления налога, а применение налоговых льгот и соглашений об избежании международного двойного налогообложения, списание безнадежных налоговых долгов и изменение срока уплаты являются составными частями механизма взимания налогов.

Кроме того, данные отношения являются по своей природе вещными, поскольку соответствуют всем сущностным признакам таких отношений:

1) реализуются не за счет активных действий других лиц, а за счет господства, обладания имущественным правом требования уплаты налога;

2) являются абсолютными, так как единственный определенный субъект в этих отношениях – публично-правовое образование (собственник имущественного права), которому противостоит неопределенный круг лиц, обязанных воздержаться от любых посягательств на это имущество;

3) являются статичными, поскольку опосредуют состояние принадлежности экономического блага, а не его перемещение от одного субъекта к другому.

[33] См.: *Пауль А. Г.* Доходы бюджетов (бюджетно-правовое исследование). М., 2012. С. 73.

Библиографический список

Байбак В. В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота. М., 2005.

Винницкий Д. В. Российское налоговое право : проблемы теории и практики. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003.

Гамбаров Ю. С. Гражданское право : Общая часть. М., 2003.

Генкин Д. М. Право собственности в СССР. М. : Госюриздат, 1961.

Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 2015. Ч. 1.

Карасева М. В. Бюджетное право в контексте теории права собственности // Государство и право. 2008. № 2. С. 52–62.

Карасева М. В. Бюджетное и налоговое право России (политический аспект). М., 2005.

Карасева М. В. Финансовое правоотношение. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1997.

Комягин Д. Л. О понятии бюджетных средств // Финансы. 2000. № 10. С. 17–19.

Комягин Д. Л. О собственнике средств, поступающих от сбора федеральных налогов и иных обязательных платежей // Право и экономика. 1999. № 8. С. 43–45.

Пауль А. Г. Доходы бюджетов (бюджетно-правовое исследование). М. : Инфотропик Медиа, 2012.

Рябов А. А. Влияние гражданского права на налоговые отношения (доктрина, толкование, практика) : монография. М., 2014.

Смирнов В. Т., Собчак А. А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л., 1983.

Суханов Е. А. К понятию вещного права // Правовые вопросы недвижимости. 2005. № 11.

Суханов Е. А. О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2006. № 12.

Финансовое право : учебник / отв. ред. М. В. Карасева. М. : Юристъ, 2009.

Эннкцерус Л. Курс германского гражданского права. М., 1950. Т. 1, полут. 2. С. 99–100.

Яковлев А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. М. : Ось-89, 2009.

References

Baibak V. V. Obligation requirement as an object of civil circulation. M., 2005.

Vinnitsky D. V. Russian tax law: problems of theory and practice. St. Petersburg : Publishing House "Legal Center Press", 2003.

Gambarov Yu. S. Civil law: General part. M., 2003.

Genkin D. M. Ownership in the USSR. M. : Gosjurizdat, 1961.

Civil law: textbook. / Ed. A. P. Sergeeva, Yu. K. Tolstoy. M., 2015. Part 1.

Karaseva M. V. Budget law in the context of the theory of property rights // Gosudarstvo i pravo. 2008. № 2. P. 52–62.

Karaseva M. V. Budget and tax law in Russia (political aspect). M., 2005.

Karaseva M. V. Financial relationship. Voronezh : Voronezh State University Publishing House, 1997.

Komyagin D. L. On the concept of budgetary funds // Finance. 2000. № 10. P. 17–19.

Komyagin D. L. On the owner of the funds coming from the collection of federal taxes and other obligatory payments // Pravo i economica. 1999. № 8. P. 43–45.

Paul A. G. Incomes of budgets (budget-legal research). M. : Infotropic Media, 2012.

Ryabov A. A. Influence of civil law on tax relations (doctrine, interpretation, practice): monograph. M., 2014.

Smirnov V. T., Sobchak A. A. The general doctrine of tort obligations in Soviet civil law. L., 1983.

Sukhanov E. A. To the concept of property law // Legal issues of real estate. 2005. № 11.

Sukhanov E. A. On the concept and types of rights in rem in Russian civil law // Journal of Russian Law. 2006. № 12.

Financial Law: Textbook / ed. M. V. Karasev. M. : Jurist, 2009.

Ennktserus L. The course of German civil law. M., 1950. T. 1, Polut. 2. P. 99–100.

Yakovlev A. S. Property rights as objects of civil legal relations. M. : Os-89, 2009.

Воронежский государственный университет
Красюков А. В., доктор юридических наук, доцент кафедры финансового права
E-mail: kav@law.vsu.ru

Поступила в редакцию: 23.01.2023

Для цитирования:
Красюков А. В. Вещные налоговые правоотношения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 175–181. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/175-181

Voronezh State University
Krasyukov A. V., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor of the Financial Law Department
E-mail: kav@law.vsu.ru

Received: 23.01.2023

Recommended citation:
Krasyukov A. V. Property tax relations // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 175–181. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/175-181

УДК 342.951: 347.731: 347.132: 657
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/182-190

ЗАПРЕТ НА ПРИТВОРНОСТЬ В БУХГАЛТЕРСКОМ УЧЕТЕ РОССИИ (МЕЖОТРАСЛЕВАЯ ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

Д. А. Кириллов, С. И. Коренкова
Тюменский государственный университет

FEIGNFULLNESS PROHIBITION IN RUSSIAN'S ACCOUNTING (CROSS-SECTORAL LEGAL DESCRIPTION)

D. A. Kirillov, S. I. Korenkova
Tyumen State University

Аннотация: в 2013 г. в России был введен законодательный запрет, а в 2016 г. – административная наказуемость регистрации притворных объектов бухгалтерского учета в учетных регистрах (далее – запрет на притворность). Проведенное в 2021 г. правовое сравнение понятий «притворный объект бухгалтерского учета» и «притворная сделка» продемонстрировало отсутствие интереса к запрету на притворность со стороны как юридической науки, так и правоприменительной практики. Экономисты же, проявляя с 2013 г. к изучению запрета на притворность отраслевой научный интерес, не дают оценки не только правовой необоснованности данного запрета, но и степени нарушения прав экономических субъектов. Данное обстоятельство послужило импульсом к межотраслевому правовому изучению запрета на притворность с учетом его экономических свойств. В результате сделан вывод, что данный запрет сопряжен с излишними ограничениями прав экономических субъектов, не является в полной мере юридически обоснованным и требует коррекции законодательства о бухгалтерском учете. В ходе исследования проведено сравнение запрета на включение притворных объектов бухгалтерского учета в учетные регистры с требованием приоритета экономического содержания перед юридической формой в российском бухгалтерском учете, с правилами международных стандартов бухгалтерской отчетности, с последствиями притворных сделок; охарактеризованы причины отсутствия внимания судебной практики к соответствующим нарушениям. Сделан вывод, что запрет на включение в учетные регистры притворных объектов бухгалтерского учета сопряжен с излишними ограничениями прав экономических субъектов, не является в полной мере обоснованным, что предопределяет необходимость коррекции законодательства.
Ключевые слова: объект бухгалтерского учета, притворный объект, учетный регистр.

Abctract: in 2013, a legislative prohibition was introduced in Russia, and in 2016, the administrative punishability of registering feigned accounting objects in accounting registers (hereinafter referred to as the «feignfullness prohibition»). A legal comparison of the concepts of "feigned accounting object" and "feigned transaction" conducted in 2021 demonstrated a lack of interest in the «feignfullness prohibition» on the part of both legal science and law enforcement practice. Economists, however, have been showing a scientific interest in studying the «feignfullness prohibition» since 2013, do not assess not only the legal invalidity of this prohibition, but also the degree of violation of the rights of economic entities. This circumstance served as an impetus for an intersectoral legal study of the «feignfullness prohibition», taking into account its economic properties. In the course of the study, a comparison was made between the prohibition on the inclusion of feigned accounting objects in accounting registers with the requirement of priority of economic content over legal form in Russian accounting, with the rules of international accounting standards, with the consequences of feigned transactions; the characteristic of the reasons for the inattention of law enforcement to the relevant violations is given. As a result, it was concluded that the prohibition on the inclusion of feigned accounting objects

© Кириллов Д. А., Коренкова С. И., 2023

in accounting registers is associated with excessive restrictions on the rights of economic entities, is not fully justified, which determines the need for correction of legislation.
Key words: accounting object, feigned object, accounting register.

Предпосылки исследования

В 2013 г. в Федеральный закон «О бухгалтерском учете» (далее – ФЗ о бухучете)[1] были включены понятие «притворный объект бухгалтерского учета» и указание о недопустимости регистрации притворных объектов в учетных регистрах[2]. Тем самым был оформлен законодательный запрет на регистрацию в учетных бухгалтерских регистрах притворных объектов бухгалтерского учета, который можно обозначить как «запрет на притворность» в российском бухгалтерском учете (далее – запрет на притворность). В марте 2016 г. соответствующие действия стали наказуемыми по ст. 15.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)[3].

Между тем в 2013–2021 гг. правовая наука не проявила заметного интереса к понятию «притворный объект бухгалтерского учета». В 2016–2021 гг. также не было выявлено административных дел о нарушениях «запрета на притворность»[4]. Последовательный интерес к запрету на притворность проявляют ученые-экономисты начиная с 2013 г. Однако в их работах отсутствует оценка разумности и правовой обоснованности запрета.

Сложившееся положение вещей привело нас к исследованию запрета на притворность, основываясь на правовом подходе, но с учетом его экономических свойств. Результаты соответствующего исследования отражены в настоящей статье.

Притворный объект бухгалтерского учета как правовая категория

В российском праве термин «притворность» еще с «досоветских» времен был относим только к сфере цивилистики, где применялся для обозначения сущности сделок с рассогласованными номинальной и реальной сторонами[5]. Такие сделки именовались релятивно-симулятивными, а позже притворными[6]. В отношении же множества иных явлений с подобной «рассогласованностью» термины «притворность» и смежные понятия до 2013 г. в российских правовых актах не применялись и правовой наукой практически не исследовались[7].

В декабре 2013 г. в ФЗ о бухучете были включены понятие «притворный объект бухгалтерского учета» – «…объект, отраженный в бухгалтерском учете вместо другого объекта с целью прикрыть его…», а также норма о том, что «… регистрация притворных объектов бухгалтерского учета в регистрах бухгалтерского учета…» не допускается. Содержательная часть данных положений была легализована в Информации Минфина России от 4 декабря 2012 г. № ПЗ-10/2012 «О вступлении в силу с 1 января 2013 г. Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (далее – Информация МФ), где указывалось: «не подлежат регистрации в регистрах бухгалтерского учета… объекты, отражаемые в бухгалтерском учете вместо другого объекта с целью прикрыть его…»[8]. Одновременно с Информацией МФ появился законопроект Правительства РФ от 18 декабря 2012 г. № 192810-6 «О внесении изменений в Федеральный закон от 6 декабря 2011 года № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (далее – Правительственный законопроект)[9]. Его текст

---

[1] О бухгалтерском учете : федер. закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 50. Ст. 7344.

[2] О внесении изменений в Федеральный закон «О бухгалтерском учете» : федер. закон от 21 декабря 2013 г. № 357-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 51. Ст. 6677.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[4] См.: *Бакулина И. П., Кириллов Д. А.* О соотношении притворного объекта бухгалтерского учета в административном праве и притворной сделки // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3. С. 48–49.

[5] См.: *Габов А. В.* Притворные сделки в отечественном праве : история и современность // Государство и право. 2021. № 2. С. 52–53.

[6] См.: *Поляков А.* Симулятивные сделки // Zakon.ru. Судебная практика. URL: https://zakon.ru/blog/2020/06/22/simulyativnye_sdelki

[7] См.: *Бакулина И. П., Кириллов Д. А.* Указ. соч. С. 48.

[8] Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2012. № 50.

[9] Пояснительная записка к законопроекту № 192810-6. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/192810-6

содержал новый термин, но юридической силы не имел.

Положения о притворном объекте бухгалтерского учета сразу же нашли[10] и продолжают находить отражение в экономической литературе[11]. При этом по состоянию на начало 2021 г. ни сторонники идеи об экономическом праве[12], рассматривающие учетное право как его подотрасль, ни финансовые правоведы, ни иные правовые исследователи бухгалтерского учета научного интереса к понятию «притворный объект бухгалтерского учета», как и к новой для финансово-ориентированных отраслей права категории «притворность», не проявили.

В марте 2016 г. нарушение запрета на притворность стало признаваться одним из видов грубого нарушения правил бухгалтерского учета, наказуемого по ст. 15.11 КоАП РФ[13]. Тем самым понятие «притворный объект бухгалтерского учета» появилось и в административном праве, что, как представляется, должно было привлечь внимание отраслевиков, в том числе для осмысления оснований ответственности за новое правонарушение и разработки рекомендаций для правоприменения. Однако за более чем пять лет, истекшие с момента появления в КоАП РФ понятия «притворный объект бухгалтерского учета», ни оно, ни категория «притворность», ни смежные понятия не нашли отражения в научных трудах юристов-административистов. Дел по ст. 15.11 КоАП РФ, возбужденных за нарушение «запрета на притворность», по состоянию на август 2022 г. нет.

Таким образом, ни юридическая наука, ни практика интереса к запрету на притворность и смежным понятиям в целом не продемонстрировали. В связи с этим следует, на наш взгляд, обратить внимание на несколько моментов.

Значения понятия «притворный объект бухгалтерского учета» в КоАП РФ и в ФЗ о бухучете совпадают[14]. Согласно текстам Правительственного законопроекта и, как следствие, соответствующему положению ФЗ о бухучете, притворная сделка является видом притворного объекта бухгалтерского учета. В пояснительной же записке к Правительственному законопроекту[15] логика иная: понятие «притворный объект бухгалтерского учета» совпадает с понятием «притворная сделка» из ст. 170 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

На сегодняшний день в юридической научной среде сложилась странная ситуация. Явная, на наш взгляд, ложность тезиса пояснительной записки о соответствии понятий «притворный объект бухгалтерского учета» и «притворная сделка» (далее – ложный тезис) отнюдь не очевидна для отраслевых правоведов, в том числе специально изучающих вопросы, сопряженные с каждым из слов межотраслевого понятия «притворный объект бухгалтерского учета». Отраслевым правоведам, говоря условно, не хватает общей юридической компетентности: цивилисту «не вполне ясно», что такое «объект бухгалтерского учета», финансисту – «притворность», а административисту – и то и другое. Ситуация усугубляется самим фактом смысловой рассогласованности «правительственного законопроекта» и пояснительной записки к нему. Поскольку оба документа были представлены в Государственную Думу «единым пакетом», очевидно отсутствие непротиворечивой концепции[16] Правительственного законопроекта, что согласно ст. 105 и 118 Регламента Государственной Думы[17] ставило принятие соответствующего закона[18] «под вопрос». Данный аспект конституционно-правового свойства дополнительно угнетает и без того низкий уровень мотивации отраслевых исследователей-юристов к изучению запрета на притворность.

[10] См.: *Звягинцева М.С.* Вопрос-ответ // Торговля : бухгалтерский учет и налогообложение. 2014. № 1. С. 15–16 ; *Кувалдина Т. Б.* Мнимые и притворые объекты бухгалтерского учета // Бухгалтерский учет. 2015. № 10. С. 91–94.

[11] См.: Мнимые и притворные объекты бухгалтерского учета : предмет судебной экономической экспертизы и методика исследования / Н. Г. Гаджиев [и др.] // Экономика и предпринимательство. 2020. № 4 (117). С. 1243–1248.

[12] См.: *Ашмарина Е. М.* Учетное право (финансовый учет) как комплексное правовое образование экономического права // Вопросы экономики и права. 2012. № 9. С. 16–23.

[13] Федеральный закон от 30 марта 2016 г. № 77-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 14. Ст. 1907.

[14] Пояснительная записка к законопроекту № 890123-6. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/890123-6

[15] Пояснительная записка к законопроекту № 192810-6. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/192810-6

[16] Постановление Правительства РФ от 2 августа 2001 г. № 576 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 32. Ст. 3335.

[17] Постановление ГД ФС РФ от 22 января1998 г. № 2134-II // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 7. Ст. 801.

[18] Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 357-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 51. Ст. 6677.

В конечном счете названные, а возможно, и некоторые другие свойства ситуации привели к тому, что более почти десяти лет принципиально новая правовая новелла оставалась *без научного осмысления*.

Переходя к причинам невнимания к притворности в бухгалтерском учете *со стороны правоприменителей*, заметим следующее. Административные протоколы для передачи в суды материалов по ст. 15.11 КоАП РФ составляют сотрудники налоговых органов по результатам выездных налоговых проверок. Опрошенные сотрудники отделов выездных проверок из налоговых органов пяти субъектов РФ были практически единодушны в том, что доказывание в судах нарушений запрета на притворность имело бы повышенную сложность. Учитывая распространенность выборочного метода выездных проверок, отказ налоговых органов от реагирования на нарушения запрета на притворность с переносом внимания на другие нарушения организационно выглядит гораздо более эффективным, чем подготовка для суда материалов о нарушении запрета на притворность. Кроме того, в большинстве подобных случаев есть возможность привлечь лицо к ответственности по той же ст. 15.11 КоАП РФ, но по «менее сложному» для доказывания основанию.

Правовая притворность в российском бухгалтерском учете до законодательного запрета на притворность

Исходя из ст. 170 ГК РФ, правовую притворность можно определить как системное единство бессодержательного, но *оформленного* и *содержательно значимого*, но не оформленного правовых явлений; первое из явлений правового значения не имеет, а второе, напротив, значимо[19]. Ущербность правовой притворности соответствует «бухгалтерскому правилу» о приоритете *содержания* перед *формой*[20]. Для целей унификации учета после распада СССР правило сформулировано методологической конференцией стран СНГ по бухгалтерскому учету (Кишинев, октябрь 1997 г., далее – Конференция СНГ) в виде тезиса: «…при формировании бухгалтерской отчетности организации должны руководствоваться…», в частности, *принципом* «… приоритета содержания перед формой – отражение в бухгалтерском учете фактов хозяйственной деятельности исходя не столько из их правовой формы, сколько из экономического содержания и условий хозяйствования…»[21]. Правило нашло отражение и в экономической доктрине. Так, «…в случае, если между юридическим и экономическим осмыслением факта хозяйственной жизни существует противоречие, бухгалтеру следует выбрать экономическую интерпретацию факта хозяйственной жизни в ущерб юридической»[22].

В России тезис Конференции СНГ об экономической ущербности правовой притворности (далее – тезис) был почти дословно, хотя и без использования слов «принцип приоритета содержания перед формой», воспроизведен уже в декабре 1997 г. в Концепции бухгалтерского учета в рыночной экономике России (далее – Концепция 1997 г.)[23], согласно п. 6.3.2 которой «…факты хозяйственной деятельности должны отражаться в бухгалтерском учете исходя не столько из их правовой формы, сколько из их экономического содержания и условий хозяйствования». Для последующего правового регулирования отечественного бухгалтерского учета Концепция 1997 г. сыграла ориентирующую роль.

Так, в декабре 1998 г. тезис, пусть и в несколько измененной редакции, получил нормативное закрепление в п. 7 «Положения по бухгалтерскому учету «Учетная политика организации» ПБУ 1/98» (далее – ПБУ 1/98), согласно которому «…учетная политика организации должна обеспечивать… отражение в бухгалтерском учете факторов хозяйственной деятельности исходя не столько из их правовой формы, сколько из экономического содержания фактов и условий хозяйствования (требование приоритета содержания перед формой)…»[24]. Преемственная фор-

[19] См.: *Бакулина И. П., Кириллов Д. А.* Указ. соч. С. 50–52.

[20] См.: *Демин А. В., Николаев А. В.* Доктрина бенефициарной собственности в контексте BEPS : новые горизонты // Закон. 2018. № 8. С. 102.

[21] Письмо Минфина РФ от 23 декабря 1997 г. № 16-00-16-267. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18321/

[22] *Соколов Я. В., Бычкова С. М.* О приоритете содержания перед формой : проблемы учета // Бухгалтерский учет. 2000. № 1. С. 72.

[23] Концепция бухгалтерского учета в рыночной экономике России : одобрена Методологическим советом при Минфине РФ 29 декабря 1997 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17312/

[24] Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учетная политика организации» ПБУ 1/98» : при-

мулировка сохранилась и через десять лет в заменившем ПБУ 1/98 «Положении по бухгалтерскому учету «Учетная политика организации» (ПБУ 1/2008)» (далее – ПБУ 1/2008), в соответствии с п. 6 которого «учетная политика организации должна обеспечивать…», в частности, «… отражение в бухгалтерском учете фактов хозяйственной деятельности исходя не столько из их правовой формы, сколько из их экономического содержания и условий хозяйствования (требование приоритета содержания перед формой)»[25].

Вместе с тем обращает на себя внимание, что используемый в Резолюции Конференции СНГ термин «принцип», характеризующий особое значение для бухгалтерского учета приоритета содержания, был сначала не упомянут в Концепции 1997 г., а затем и вовсе заменен в ПБУ 1/98 и ПБУ 1/2008 на термин «требование». Для правоприменения термин «требование», возможно, понятней, чем термин «принцип», однако менее значим для коннотации важности и значения приоритета экономического содержания перед правовой формой. Так, после указанной замены очевидно, что без указания на принципиальность, правило о приоритете в виде требования сформулировано и в ПБУ 1/98, и в ПБУ 1/2008 достаточно, на наш взгляд, аморфно, поскольку базируется на мягкой конструкции «не столько из… формы, сколько из… содержания». Поэтому навряд ли есть основания, чтобы применительно к нормативному установлению в ПБУ 1/98 и ПБУ 1/2008 требования приоритета содержания перед формой говорить об использовании императивного метода правового регулирования, в том числе в сравнении с использованием последнего, например в ст. 170 ГК РФ, где в качестве одного из последствий притворности сделки указана ее безусловная ничтожность. В анализируемых же фрагментах ПБУ содержится указание на вариативность, что, на наш взгляд, характерно для не исключающей дискреции диспозитивности из п. 4 ст. 421 ГК РФ, а не для императивности.

Интересно, что даже «мягкий» диспозитивно-рекомендательный подход, изложенный в ПБУ 1/98, по мнению ряда авторов, гораздо жестче подхода, содержащегося в Международных стандартах финансовой отчетности (МСФО), согласно которому «…приоритет содержания перед формой… требует отражения операций и других событий в соответствии с их экономической реальностью, а не только их юридической формой и признается условием надежности»[26]. То есть в МСФО речь о приоритете экономического содержания над правовой формой вообще не идет. Налицо же еще более мягкий по сравнению с ПБУ 1/98 и ПБУ 1/2008 подход, содержащий, по сути, указание на применение, говоря условно, *интегративного метода* при отображении в бухгалтерском учете факта хозяйственного бытия.

Однако имеется обстоятельство, обусловившее иной по сравнению с ПБУ 1/98 и ПБУ 1/2008 реальный смысл правила о приоритете содержания перед формой. Так, нередко отмечается декларативный характер положений ПБУ 1/98 при сравнении их с подходом МСФО к реализации «требования приоритета». В частности, указывается, что фактически «…российские принципы бухучета… отдают пальму первенства форме…», причем во многом ввиду того что это привычно для восприятия «…органами государственного регулирования и статистики»[27]. Тем самым если оценивать сложившуюся в России ситуацию с реализацией «требования приоритета», то фактически она гораздо мягче подхода МСФО, не говоря уже о подходе ПБУ 1/98. То есть реально в период действия ПБУ 1/98 государство не требовало «приоритета содержания». Данное «обыкновение» сохранялось и после преемственной замены ПБУ 1/98 на ПБУ 1/2008, а в какой-то части актуально до сих пор.

В декабре 2013 г. в ФЗ о бухучете включен запрет на регистрацию в учетных регистрах притворных объектов бухгалтерского учета. Предпосылок к изменению закона было несколько. Формально препятствовать «…созданию скрытых счетов, заключению …сомнительных сделок …»[28] Россию обязывало ее присоединение к

каз Минфина РФ от 9 декабря 1998 г. № 60н (в ред. от 30.12.1999) // БНА ФОИВ. 1999. № 2.

[25] Приказ Минфина России от 6 октября 2008 г. № 106н (вместе с Положением по бухгалтерскому учету «Учетная политика организации» (ПБУ 1/2008)) // БНА ФОИВ. 2008. № 44.

[26] *Луговской Д. В., Оломская Е. В., Молодцова Ю. Н.* Приоритет экономического содержания над правовой формой // Международный бухгалтерский учет. 2007. № 5. С. 31–37.

[27] *Пугачева Ю. Ф.* Зачем российским банкам МСФО? // МСФО и МСА в кредитной организации. 2007. № 2. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PBI&n=90287#FT37tiSgWjc9E5GB1

[28] Пояснительная записка к законопроекту № 192810-6. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/192810-6

антикоррупционной Конвенции[29]. Также это доктрины деловой цели и смежные[30], появление которых явилось следствием реакции на распространение притворных правовых явлений, в частности учет операций не в соответствии с действительным экономическим смыслом[31], в том числе при попустительстве государства[32]. Кроме того, выявились трудности с внедрением консолидированной финансовой отчетности[33], а также «остававшаяся низкой» даже после принятия ПБУ 1/2008 эффективность «требования приоритета».

Правовая притворность в российском бухгалтерском учете после установления законодательного запрета

Вступление с 2014 г. в силу запрета на притворность означает, что формулировка 6 ПБУ 1/2008 об отражении хозяйственных обстоятельств «не столько из их правовой формы, сколько из их экономического содержания…» противоречит п. 2 ст. 10 ФЗ о бухучете. Из логики последнего, по сути, очевиден императив – отражать в учете хозяйственные обстоятельства исходя из их экономического содержания, а также условий хозяйствования практически независимо от правовой формы. Как видно, приказ Минфина и закон предписывают противоречащие друг другу варианты поведения. Здесь налицо «вертикальная конкуренция» норм, в силу чего п. 6 ПБУ 1/2008 в части описания «требования приоритета» юридической силы не имеет.

Как уже указывалось, до внесения в ФЗ о бухучете изменений, цивилистическая конструкция притворности по степени императивности и правовым последствиям была более жесткой, чем финансово-правовая конструкция, выраженная в формулировке п. 6 ПБУ 1/2008. С внесением же в п. 10 ФЗ о бухучете запрета на притворность финансово-правовая конструкция притворности стала жестче цивилистической.

Так, в цивилистике притворность прямо не запрещена, характеризуется, как видно, хотя и императивными, но достаточно щадящими последствиями притворной сделки, а именно: ее «безреституционной» ничтожностью и применением правил о сделке, которую стороны действительно имели в виду. И если прикрываемая сделка закону не противоречит, то неблагоприятных последствий для экономического субъекта нередко вообще не наступает. В финансовом же праве (ФЗ о бухучете) сегодня регистрация притворных объектов запрещена, а согласно КоАП РФ – административно наказуема.

В связи с этим очевидны основания для постановки вопроса о том, что запретом на притворность поражаются хозяйственные права экономических субъектов. Так, до внесения в ФЗ о бухучете изменений несущественная или «извинительная» притворность, которая не вредоносна ни для фискальной сферы, ни для третьих лиц, представляла собой обыденное, легко корректируемое хозяйственное обстоятельство. Соответствующую коррекцию добросовестные участники отношений совершали «в рабочем порядке». Ординарность и допустимость таких ситуаций следует, к примеру, и из положений п. 1 ст. 54, п. 3 ст. 75, п. 1 ст. 81 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ)[34], где, в частности, указано о порядке пересчета в подобных случаях налоговой базы, обязанности по уплате пеней и правилах представления уточненной налоговой декларации. С введением же запрета на притворность организации, на наш взгляд, лишились права даже на ошибку. Особенно учитывая влияние конструкции неосторожной вины в налоговом праве, сформулированной в ст. 110 НК РФ «не в пользу налогоплательщика».

Запрет на притворность, очевидно, ущербен и для хозяйственной активности. К примеру, законопослушные субъекты вынуждены нести расходы на «аудит притворности»; избегать «непоименованных договоров», легальность которых прямо вытекает из ст. 1, 421 ГК РФ; примитивизировать до простейших юридическую форму договорных конструкций в хозяйственных операциях со сложными экономическими связями

[29] Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 17. Ст. 1899.

[30] Постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.

[31] См.: *Сухарев А. Н.* Переквалификация сделок субъектов предпринимательской деятельности в налоговых целях // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 144–151.

[32] См.: *Пугачева Ю. Ф.* Указ. соч.

[33] О консолидированной финансовой отчетности : федер. закон от 27 июля 2010 г. № 208-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31. Ст. 4177.

[34] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. № 31. 1998. Ст. 3824.

и, как следствие, искажать свою хозяйственную волю и т. д. Подобные факторы неразумно ограничивают предпринимательскую активность, негативно влияют на экономическую эффективность отдельных операций и рентабельность деятельности в целом.

Неблагоприятные для экономических субъектов правовые последствия от введения запрета на притворность достаточно масштабны. Для их описания понятия «убытки» и смежных инструментов хозяйственного права явно недостаточно. В подобных случаях нарушаются права экономических субъектов на свободу договора и на свободу экономической деятельности, предусмотренные содержащей нормы-принципы ст. 1 ГК РФ.

Заметим также, что участие в хозяйственных связях не исключает заблуждения экономического субъекта относительно природы хозяйственной операции и целого ряда свойств иных объектов бухгалтерского учета. В ФЗ о бухучете о последствиях включения в учетные регистры ошибочно оцениваемых сделок (ст. 178 ГК РФ), а соответственно, и иных подобных объектов, ничего не сказано. С юридической точки зрения в подобных случаях налицо отсутствие, по крайней мере, умышленной вины. Однако внешне ситуации с ошибочной регистрацией объектов практически неотличимы от ситуаций с умышленной регистрацией притворных объектов. Это создает как поводы для отождествления субъектами финансового контроля обычного заблуждения с недобросовестной притворностью, так и дополнительные экономико-управленческие неудобства для хозяйствующих субъектов.

С внесением в 2016 г. в ст. 15.11 КоАП РФ санкции за нарушение запрета на регистрацию в учетных регистрах притворного объекта бухгалтерского учета изменились не только конструкция состава «грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету, в том числе к бухгалтерской (финансовой) отчетности», но и уровень репрессивного воздействия на экономических субъектов. Прежде под грубым нарушением понимались только деяния, приводившие к искажениям сумм налогов или отчетности не менее чем на 10 процентов. Как видно, состав с юридической точки зрения был «материальным», поэтому и его деликтолизация выглядела логичной. Теперь же состав в части запрета на притворность стал формальным – предусматривающим наказание за само действие, независимо от того, последовали или нет вслед за этим реальные искажения показателей. Здесь, как представляется, также имеет место не в полной мере корректный факт законотворчества. Между тем ситуацию, по-видимому, компенсирует, говоря условно, разумная реакция правовой действительности на небесспорное с точки зрения обоснованности положение закона: правоприменительная практика по соответствующему составу, как было показано выше, отсутствует.

О путях коррекции ситуации

По логике «ложного тезиса», понятие «притворный объект бухгалтерского учета» содержательно соответствует понятию «притворная сделка»[35], чего быть не может. Между тем в этой логике видится важное, на наш взгляд, рациональное зерно, если, к примеру, повести речь *о содержательном соответствии* не самих сделки и объекта, а их правовых *последствий*. Учитывая охарактеризованную выше противоречивость концепции «правительственного законопроекта», в плане исправления законотворческой неточности 2013 г. есть возможность оптимизировать текст п. 2 ст. 10 ФЗ о бухучете путем указания в законе не на запрет регистрации притворного объекта бухгалтерского учета, а на правовые последствия подобной регистрации. Такой подход можно выразить в дополняющей п. 2 ст. 10 ФЗ о бухучете формулировке: «Регистрация притворного объекта бухгалтерского учета не имеет правового значения, при этом зарегистрированным считается объект, вместо которого был зарегистрирован притворный». Полагаем, эта формулировка в экономико-правовом смысле эффективнее, чем запрет на притворность. Достижению целей антикоррупционной Конвенции[36] дополнение не воспрепятствует.

После дополнения указанной формулировкой п. 2 ст. 10 ФЗ о бухучете представляется логичным и внесение изменений в КоАП РФ в виде исключения из примечания к ст. 15.11 указания на то, что сама регистрация в учетных регистрах притворного объекта бухгалтерского учета относится к числу грубых нарушений требований к бухгалтерскому учету.

---

[35] Пояснительная записка к законопроекту № 192810-6. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/192810-6

[36] Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 17. Ст. 1899.

Изложенное позволяет сделать вывод о полезности межотраслевого правового исследования такого сегмента экономической сферы жизни общества, как бухгалтерский учет, в частности запрета на включение в учетные регистры притворных объектов бухгалтерского учета.

К числу основных выводов исследования можно отнести следующие. В существующем виде запрет с правовой точки зрения противоречит целому ряду норм о правах, предоставляемых участникам хозяйственного оборота российским законодательством, в частности о свободе договора и свободе экономической деятельности. С экономической точки зрения запрет представляет собой фактор, снижающий уровень экономической эффективности и рентабельности деятельности экономических субъектов.

Выводы позволяют утверждать о разумности замены в ФЗ о бухучете запрета действий по регистрации в учетных регистрах притворных объектов бухгалтерского учета на указание о последствиях подобных действий. Эти последствия целесообразно определять по аналогии с последствиями притворных сделок. Соответствующие изменения в виде исключения записи о том, что регистрация в учетных регистрах притворного объекта бухгалтерского учета относится к числу грубых нарушений требований к бухгалтерскому учету необходимо будет внести и в примечание к ст. 15.11 КоАП РФ.

Библиографический список

Ашмарина Е. М. Учетное право (финансовый учет) как комплексное правовое образование экономического права // Вопросы экономики и права. 2012. № 9. С. 16–23.

Бакулина И. П., Кириллов Д. А. О соотношении притворного объекта бухгалтерского учета в административном праве и притворной сделки // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3. С. 47–54.

Габов А. В. Притворные сделки в отечественном праве : история и современность // Государство и право. 2021. № 2. С. 49–64.

Демин А. В., Николаев А. В. Доктрина бенефициарной собственности в контексте BEPS : новые горизонты // Закон. 2018. № 8. С. 102–113.

Звягинцева М. С. Вопрос-ответ // Торговля : бухгалтерский учет и налогообложение. 2014. № 1. С. 15–16.

Крохина Ю. А. Правовая охрана механизма налоговых отношений // Финансовое право. 2010. № 11. С. 27–32.

Кувалдина Т. Б. Мнимые и притворые объекты бухгалтерского учета // Бухгалтерский учет. 2015. № 10. С. 91–94.

Луговской Д. В., Оломская Е. В., Молодцова Ю. Н. Приоритет экономического содержания над правовой формой // Международный бухгалтерский учет. 2007. № 5. С. 31–37.

Мнимые и притворные объекты бухгалтерского учета : предмет судебной экономической экспертизы и методика исследования / Н. Г. Гаджиев [и др.] // Экономика и предпринимательство. 2020. № 4 (117). С. 1243–1248.

Поляков А. Симулятивные сделки // Zakon.ru. Судебная практика. 2020. 22 июня. URL: https://zakon.ru/blog/2020/06/22/simulyativnye_sdelki

Пугачева Ю. Ф. Зачем российским банкам МСФО? // МСФО и МСА в кредитной организации. 2007. № 2. URL: http://www.reglament.net/bank/msfo/2007_2.htm

Соколов Я. В., Бычкова С. М. О приоритете содержания перед формой : проблемы учета // Бухгалтерский учет. 2000. № 1. С. 72–75.

Сухарев А. Н. Переквалификация сделок субъектов предпринимательской деятельности в налоговых целях // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 144–151.

References

Ashmarina E. M. Accounting law (financial accounting) as a complex legal formation of economic law // Economics and Law Issues. 2012. № 9. P. 16–23.

Bakulina I. P., Kirillov D. A. On the ratio between the feigned financial accounting object in administrative law and the feigned deal // Herald of Tver State University. Series: Law. 2021. № 3. P. 47–54.

Gabov A. V. Fake transactions in Russian law: History and modernity // State and Law. 2021. № 2. P. 49–64.

Demin A. V., Nikolaev A. V. The doctrine of beneficial ownership in the context of BEPS: The new horizons // Law. 2018. № 8. P. 102–113.

Zvyaginceva M. S. Question and answer // Trade: accounting and taxation. 2014. № 1. P. 15–16.

Krohina Yu. A. Legal protection of the mechanism of tax relations // Financial Law. 2010. № 11. P. 27–32.

Kuvaldina T. B. Imaginary and feigned objects of accounting // Accounting. 2015. № 10. P. 91–94.

Lugovskoj D. V., Olomskaya E. V., Molodcova Yu. N. Priority of economic content over legal form // International Accounting. 2007. № 5. P. 31–37.

Imaginary and fake accounting objects: the subject of forensic economic examination and the methodology of research / N. G. Gadzhiev [et al.] // Economy and Entrepreneurship. 2020. № 4 (117). P. 1243–1248.

Polyakov A. Simulated transactions // Zakon.ru. Judicial Practice. 2020. June 22. URL: https://zakon.ru/blog/2020/06/22/simulyativnye_sdelki

Pugacheva Yu. F. Why do Russian banks need IFRS? // IFRS and ISAs in a Credit Institution. 2007. № 2. URL: http://www.reglament.net/bank/msfo/2007_2.htm

Sokolov Ya. V., Bychkova S. M. On the priority of content over form: Accounting problems // Accounting. 2000. № 1. P. 72–75.

Suharev A. N. Requalification of transactions of business entities for tax purposes // TvSU Bulletin. Series: Law. 2018. № 1. P. 144–151.

Тюменский государственный университет
Кириллов Д. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин
E-mail: kdakda@yandex.ru

Коренкова С. И., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода
E-mail: s.i.korenkova@utmn.ru

Поступила в редакцию: 19.09.2022

Для цитирования:
Кириллов Д. А., Коренкова С. И. Запрет на притворность в бухгалтерском учете России (межотраслевая правовая характеристика) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 182–190. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/182-190.

Tyumen State University
Kirillov D. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Theoretical and Public Law Disciplines Department
E-mail: kdakda@yandex.ru

Korenkova S. I., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Economic Security, System Analysis and Control Department
E-mail: s.i.korenkova@utmn.ru

Received: 19.09.2022

Recommended citation:
Kirillov D. A., Korenkova S. I. Feignfullness prohibition in Russian's accounting (cross-sectoral legal description) // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 182–190. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/182-190.

УДК 343.21
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/191-197

О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ МОДЕЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

С. А. Маркунцов, И. А. Маркунцова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

TO THE QUESTION OF THE NEED TO DEVELOP THE CONCEPTUAL FRAMEWORK FOR MODELING THE CRIMINAL LAW

S. A. Markuntsov, I. A. Markuntsova
National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: анализируется проблема моделирования уголовного закона. Обосновывается необходимость введения в научный оборот и разработки понятия концептуальных основ моделирования уголовного закона, раскрывается их содержание.
Ключевые слова: моделирование уголовного закона, преступление, наказание, криминализация, концептуальные основы моделирования уголовного закона.

Abstract: the article analyzes the problem of modeling the criminal law. Having proposed a general description of the process of modeling criminal law, the authors justify the need to introduce into scientific circulation and develop the concept of conceptual foundations for modeling criminal law, and reveal their content.
Key words: criminal law modeling; crime; punishment; criminalization; conceptual foundations of criminal law modeling.

Общее понятие моделирования можно определить как исследование каких-либо явлений, процессов или систем объектов путем построения и изучения их моделей; использование моделей для определения или уточнения характеристик и рационализации способов построения вновь конструируемых объектов[1]. Моделирование – одна из основных категорий теории познания: на идее моделирования, по существу, базируется любой метод научного исследования – как теоретический (при котором используются различного рода знаковые, абстрактные модели), так и экспериментальный (использующий предметные модели). В философии понятие моделирования представлено как метод научного познания или метод гносеологии, особенность которого сводится к воспроизведению характеристик некоторого объекта на другом объекте, специально созданном для изучения (модели)[2].

По утверждению некоторых авторов, моделирование является terra incognita для юристов, в особенности для теоретиков права, поскольку выходит за пределы привычного узконормативного, догматического правопонимания и требует владения широким набором познавательных средств – от социолого-экономических и культурологических теорий, объясняющих поведение человека, до математики, используемой при создании математических моделей[3].

Справедливости ради необходимо отметить, что этот метод на протяжении многих лет ис-

[1] См.: Большой энциклопедический словарь. М., 2000.

© Маркунцов С. А., Маркунцова И. А., 2023

[2] См.: Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1991. С. 267.

[3] См.: *Салыгин Е. Н.* Моделирование в праве : проблемы и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 3. С. 12.

пользовался в криминалистике, криминологии[4]. О моделировании в уголовном праве как на уровне доктрины, так и на уровне практики речь обычно шла применительно к уголовному закону, отдельным его институтам или конструкциям[5]. Вместе с тем собственно понятие моделирования уголовного закона не выделялось и не анализировалось в уголовно-правовой доктрине.

Под моделированием уголовного закона следует понимать определение его модели, внутреннего строения (структуры) посредством наполнения его базовыми уголовно-правовыми институтами и структурирование институтов Особенной части уголовного закона путем наполнения их уголовно-правовыми запретами с позиции криминализации и декриминализации с учетом тенденций социально-экономического развития государства и общества, концепции развития уголовной политики, анализа правоприменительной практики.

Представляется, что моделирование уголовного закона должно быть на уровне формулирования не только базовых институтов, принципов и задач уголовно-правового воздействия, но и конкретных уголовно-правовых запретов. Исходя из сущности процесса моделирования, возможно выделить следующие его уровни: уровень формирования, определения уголовно-правовой политики (формулирование базовых институтов, принципов, задач, расстановка приоритетов) и догматический (юридико-технический) уровень (формулирование конкретных уголовно-правовых запретов в рамках диспозиций статей).

Исходя из положения зарубежных исследователей теоретических и концептуальных основ социальных наук о том, что модель является «основным путем для исследователя проникнуть в концептуальные основы»[6], А. Д. Нечаев пришел к выводу, что «она служит отражением концептуальных основ, и следовательно, входит в ее структуру»[7]. Если с первой частью вывода ученого представляется возможным согласиться, то второе, производное умозаключение, вызывает определенные сомнения. Представляется, что не модель входит в структуру концептуальных основ, а скорее наоборот: концептуальные основы выступают своеобразным базисом, фундаментом построения модели. В этом смысле выделение концептуальных основ моделирования уголовного закона, очевидно, необходимо ввиду потребности уяснения фундаментальных начал, исходных основ данного процесса.

Обсуждение вопросов концептуальных основ (начал) уголовного права, уголовного законодательства либо криминализации и декриминализации в науке уголовного права всегда происходит в периоды, когда уголовное право «находится на распутье», когда начинают обсуждаться стратегические направления развития отечественного уголовного законодательства. В частности, Т. Г. Понятовская (в монографии «Концептуальные основы уголовного права России: история и современность». Ижевск, 1994) поставила вопрос о признании и необходимости последующей разработки концептуальных основ уголовного права России в период становления нового российского уголовного закона – действующего Уголовного кодекса РФ[8]. А. Б. Баумштейн, Т. Г. Верина, А. Д. Нечаев и некоторые другие ученые продолжили разрабаты-

[4] См., например: *Антонян Ю. М., Блувштейн Ю. Д.* Методы моделирования в изучении преступника и преступного поведения. М., 1974 ; *Волчецкая Т. С.* Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике : учеб. пособие. Калининград, 1997 ; *Варчук Т. В.* Виктимологическое моделирование в криминологии и практике предупреждения преступности : монография. М., 2012 ; и др.

[5] См.: Уголовный закон : опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. М., 1987 ; *Келина С. Г.* Некоторые принципиальные идеи, лежащие в основе теоретической модели Уголовного кодекса // Проблемы совершенствования уголовного закона / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1984 ; *Иванов Н. Г.* Модельный уголовный кодекс. Общая часть. Опус № 1. М., 2003 ; и др.

[6] *Ngulube P.* Theoretical and Conceptual Framework in the Social Sciences // Addressing Research Challenges: Making Headway in Developing Researchers. Noordywk, 2015. P. 43–66.

[7] *Нечаев А. Д.* Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2017. С. 21.

[8] Напомним, что примерно с начала 90-х гг. XX в. началась активная законотворческая деятельность по разработке проекта нового уголовного кодекса (см.: Уголовный кодекс РСФСР : проект // Закон. 1991. Декабрь. Спецвыпуск ; Уголовный кодекс Российской Федерации : проект // Юридический вестник. 1992. № 20 ; Уголовный кодекс Российской Федерации : проект // Записки криминалиста. 1993. Вып. 1 ; Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 декабря 1994 г. № 418-I ГД «О проекте Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 1. Ст. 10 ; и др.

вать соответствующие вопросы после того, как в доктрине стал активно обсуждаться вопрос о путях «реформирования российского уголовного законодательства»[9]. В этом контексте вполне логичным представляется выделение и исследование концептуальных основ моделирования уголовного закона.

Вместе с тем, прежде чем подойти к пониманию концептуальных основ моделирования уголовного закона, необходимо разобраться, что понимается в доктрине под концептуальными основами (началами) уголовного права, уголовного законодательства либо криминализации и декриминализации.

Так, Т. Г. Понятовская, не предлагая четкого определения понятия концептуальных основ уголовного права, доказывает непосредственное влияние господствующей в обществе политико-правовой теории на содержание уголовно-правовых доктрин и систем уголовного законодательства, так как лежит в основании системного представления о целях уголовного права, уголовного закона, т. е. является основой уголовно-правовой концепции. В работе на основе ретроспективного анализа проиллюстрировано, что в истории российского уголовного права существовали две уголовно-правовые концепции, основанные на противоположных политико-правовых идеях о границах наказательной (репрессивной) власти государства[10]. По мнению Т. Г. Понятовской, уголовно-политическая концепция (производная от концепции политико-правовой) представляет собой систему воззрений на государство и право в сфере репрессивной функции государства, все элементы которой находятся во взаимосвязи и строгом подчинении у «концепта» – вопроса о происхождении государства. Понятия «преступление» и «наказание» являются концептуальными категориями, входят в число концептуальных основ уголовного права. Их содержание определяется элементами уголовно-политической концепции и находится в подчинении у «концепта». К концептуальным основам уголовного права относятся те его институты, которые служат юридическому оформлению понятий «преступление» и «наказание»[11].

Очередной виток исследования начал уголовного права, основ уголовного законодательства, а также основ криминализации и декриминализации начался примерно во втором десятилетии XXI в., когда всем стала очевидна необходимость концептуального реформирования либо разработки и принятия нового УК РФ.

По мнению А. Б. Баумштейна, концептуальные начала уголовного права представляют собой основные идеи, определяющие содержание и наполнение уголовного права и обусловленные определенной системой социально-философских взглядов на природу уголовного права, его задачи и используемый им инструментарий в их решении[12]. По мнению ученого, современные концептуальные начала российского уголовного права покоятся преимущественно на воззрениях классической школы уголовного права с привнесением идей социологической школы и могут быть сведены в три крупных блока, которые можно назвать «закон», «преступление» и «наказание»[13].

Г. В. Верина определила концептуальные основы российского уголовного законодательства как систему идей (концепций), на которых строятся уголовно-правовые нормы, уголовно-правовые институты. Такой подход к определению концептуальных основ представляется более удачным как с позиции их объекта (который более четко определен через уголовное законодательство), так и с позиции менее абстрактной формулировки определения[14]. Обозначив, что значение концептуальных основ многоаспектно: 1) востребованные уголовным законодательством концепции являются зеркальным отражением уголовно-правовой политики; 2) влияют на вектор уголовно-правовой политики; 3) способствуют совершенствованию уголовного за-

[9] Об этом, например, см.: *Наумов А. В.* Пути реформирования российского уголовного законодательства // Законы России : опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 3–10.

[10] См.: *Понятовская Т. Г.* Концептуальные основы уголовного права России : история и современность. Репр. изд. М., 2019. С. 5–6.

[11] См.: *Понятовская Т. Г.* Концептуальные основы уголовного права России : история и современность : дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 10.

[12] См.: *Баумштейн А. Б.* Концептуальные начала современного российского уголовного права. М., 2014. С. 13.

[13] См.: *Баумштейн А. Б.* Концептуальные начала уголовного права России : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 11.

[14] См.: *Верина Г. В.* Наука уголовного права, концепция, концептуальные основы российского уголовного законодательства : сущность и соотнесение понятий // Вестник Сарат. гос. юрид. академии. 2017. № 4 (117). С. 171.

кона; 4) позволяют корректировать уголовный закон в случае обнаружения пробельности в законе; 5) определяют приоритетные направления правоприменительной практики и т. д., ученый приходит к выводу, что базовые концепции современного российского уголовного законодательства порой противоречат друг другу, что создает сложности в правоприменении и требует поиска путей их преодоления[15].

Наконец, А. Д. Нечаев полагает, что концептуальными основами (де)криминализации выступают системы связанных между собой и вытекающих одно из другого положений, определяющих понятие, виды и типы, основание и иные детерминанты, систему принципов и теоретическую модель (де)криминализации деяний[16]. Очевидно, основываясь при исследовании процессов криминализации и декриминализации на методе теоретического моделирования, ученый использовал конструкцию «концептуальных основ» в контексте исследования более частных процессов (явлений) в рамках уголовно-правовой теории.

В контексте всего вышесказанного представляется возможным и необходимым выделение понятия концептуальных основ моделирования уголовного закона как многоаспектного комплексного понятия, которое вместе с тем позволит более четко увидеть сущность и правовую природу моделирования уголовного закона. По своей природе моделирование уголовного закона представляет собой двуединый социально-политический и юридико-технический процесс. Исходя из этого представляется, что в содержание концептуальных основ моделирования уголовного закона должны входить:

1. *Собственно базовые идеи (концепции), на которых строятся уголовно-правовые нормы, уголовно-правовые институты*, которые условно могут быть представлены в виде триады: *«закон» – «преступление» – «наказание»*. Именно те положения, которые ученые относят к концептуальным основам (началам) уголовного законодательства (права) в статике.

Концепт – это основополагающая ценностная изначальная идея, не требующая доказательств ее сущности[17], особая ментальная конструкция, обладающая эвристическим потенциалом, находящаяся в рамках культуры, отражающая принципы построения систем данной общественной формации и формирующая ментальную концептосферу общества. Концепт представляется основной содержательной единицей аксиологической картины мира, но в его структуре выделяются как ценностная, так и идейная и понятийная составляющие. Концепт в праве – это многомерная смысловая конструкция, интегрирующая в себе идею определенного юридического явления, его ценность и нормативное (логико-понятийное) выражение, а также включающая в свой горизонт прагматические, оценочные, коммуникативные и иные смысловые компоненты. Концепт права в своей логико-понятийной форме представляет собой попытку соединить нормативную и аксиологическую трактовку права с помощью их общей идейной базы[18]. Следует отметить, что именно система действующего законодательства является правовой формой бытия базовых концептов общества, оформляющих жизненное пространство и опыт человека и нуждающихся в юридической защите со стороны государства[19].

Исходя из этого представляется, что базовые концепты «преступление» – «наказание» могут в полном объеме рассматриваться в качестве концептуальных основ моделирования уголовного закона. В этом смысле следует согласиться с Т. Г. Понятовской, что к концептуальным основам уголовного права относятся те его институты, которые служат юридическому оформлению понятий «преступление» и «наказание» (в зависимости от их концептуального содержания) и обеспечивают связь между ними (индивидуализацию и пропорциональность наказания или целесообразную и непропорциональную, надлежащую или достаточную наказуемость в каждом конкретном случае)[20].

Вместе с тем в контексте моделирования уголовного закона собственно концепт «закон», на наш взгляд, не может рассматриваться в полном объеме. Во-первых, потому, что, по справедли-

---

[15] См.: *Верина Г. В.* Указ. соч. С. 171.

[16] См.: *Нечаев А. Д.* Концептуальные основы криминализации и декриминализации деяний : монография / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2018. С. 15.

[17] См.: *Понятовская Т. Г.* Концептуальные основы уголовного права России : история и современность : дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 1996. С. 112.

[18] См.: *Гаврилова Ю. А.* Смысл права в общекультурном контексте // Правовая культура. 2013. № 2 (15). С. 38.

[19] См.: Там же. С. 39.

[20] См.: *Понятовская Т. Г.* Концептуальные основы уголовного права России : история и современность : дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 10.

вому замечанию А. Б. Баумштейна, концептуальное начало закона ориентировано *на определение круга источников уголовного права* (курсив наш. – *С. М.* и *И. М.*) и выдвижение к ним определенных требований[21]. Как известно, круг источников уголовного права в широком смысле не ограничивается только уголовным законом.

Во-вторых, указанный концепт уголовного права не может рассматриваться в полном объеме применительно к моделированию уголовного закона, даже в силу того, что отдельные положения этого концепта применительно к моделированию уголовного закона должны быть конкретизированы в определенных правилах построения уголовно-правовых предписаний, которые, на наш взгляд, выступают самостоятельной основой моделирования (о них речь пойдет несколько позже). Например, вопросы бланкетности уголовного закона, рассматриваемые А. Б. Баумштейном рамках тезиса nullum crimen sine lege scripta – одного из трех тезисов, раскрывающих в лаконичном варианте содержание соответствующего концепта[22], безусловно, должны детализироваться в рамках правила построения уголовно-правовых предписаний.

2. *Доктринально-теоретические предпосылки моделирования уголовного закона*. Представляется, что в данном контексте такими предпосылками будут выступать, прежде всего, научные предпосылки криминализации[23].

В. Н. Кудрявцев писал, для того чтобы в законодательной практике принять решение об отнесении того или иного поведения к преступному и наказуемому, необходимо последовательно рассмотреть, по меньшей мере, четыре конкретных вопроса, а именно: а) существует ли потребность (необходимость) в законодательном запрещении подобных действий; б) допустимо ли это запрещение в рамках существующей общественной и правовой системы; в) осуществимо ли оно с практической точки зрения; г) полезно ли (целесообразно ли) запрещение с учетом комплекса всех иных социальных, политических, психологических и т. п. обстоятельств[24]. Потребность в запрете, его допустимость, практическая осуществимость и целесообразность – эти четыре аспекта являются, по мнению ученого, научными предпосылками криминализации. В. Н. Кудрявцев достаточно детально анализирует систему факторов и обстоятельств, раскрывающих научные предпосылки криминализации, приходя к выводу, что оценка большинства вышеназванных факторов требует проведения развернутых научных исследований[25].

3. Наконец, в содержание концептуальных основ моделирования уголовного закона должны входить упомянутые ранее определенные правила построения уголовно-правовых предписаний. Применительно к правилам построения конкретных уголовно-правовых запретов как раз и может идти речь о положениях, определяющих понятие, виды и типы, основание, теоретическую модель криминализации/декриминализации.

Таким образом, для более четкого и системного понимания моделирования уголовного закона необходимо не только понимание его механизма, но и его концептуальных основ. Представляется, что вопрос концептуальных основ моделирования уголовного закона нуждается в признании и дальнейшей разработке, подобно тому, как разрабатываются вопросы о концептуальных основах (началах) уголовного права и концептуальных основах уголовного законодательства.

Библиографический список

Антонян Ю. М., Блувштейн Ю. Д. Методы моделирования в изучении преступника и преступного поведения. М., 1974.

Баумштейн А. Б. Концептуальные начала современного российского уголовного права : монография. М., 2014.

Баумштейн А. Б. Концептуальные начала уголовного права России : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2015.

Большой энциклопедический словарь. М., 2000.

Варчук Т. В. Виктимологическое моделирование в криминологии и практике предупреждения преступности. М., 2012.

Верина Г. В. Наука уголовного права, концепция, концептуальные основы российского уголовного законодательства : сущность и соотнесение понятий // Вестник Сарат. гос. юрид. академии. 2017. № 4 (117). С. 171.

[21] См.: Там же. С. 14.

[22] Подробнее об этом см.: *Баумштейн А. Б.* Концептуальные начала уголовного права России : дис. … д-ра юрид. наук. С. 14–15.

[23] Подробнее об этом см.: *Кудрявцев В. Н.* Научные предпосылки криминализации // Криминология и уголовная политика / ред. кол.: С. Г. Келина, В. М. Коган, М. М. Славин. М., 1985. С. 105–108.

[24] См.: Там же. С. 105.

[25] См.: Там же. С. 107–108.

Волчецкая Т. С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике : учеб. пособие. Калининград, 1997.

Гаврилова Ю. А. Смысл права в общекультурном контексте // Правовая культура. 2013. № 2 (15). С. 38.

Иванов Н. Г. Модельный уголовный кодекс. Общая часть. Опус № 1. М., 2003.

Келина С. Г. Некоторые принципиальные идеи, лежащие в основе теоретической модели Уголовного кодекса // Проблемы совершенствования уголовного закона / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1984.

Кудрявцев В. Н. Научные предпосылки криминализации // Криминология и уголовная политика / ред. кол.: С. Г. Келина, В. М. Коган, М. М. Славин. М., 1985. С. 105–108.

Наумов А. В. Пути реформирования российского уголовного законодательства // Законы России : опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 3–10.

Нечаев А. Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2017.

Нечаев А. Д. Концептуальные основы криминализации и декриминализации деяний / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2018.

Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России : история и современность : дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 1996.

Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России : история и современность : монография. Репр. изд. М., 2019.

Салыгин Е. Н. Моделирование в праве : проблемы и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 3. С. 12.

Уголовный закон : опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. М., 1987.

Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1991.

Ngulube P. Theoretical and Conceptual Framework in the Social Sciences // Addressing Research Challenges: Making Headway in Developing Researchers. Noordywk, 2015. P. 43–66.

References

Antonyan Yu. M., Bluvshtein Yu. D. Modeling methods in the study of offenders and criminal behavior. M., 1974.

Baumshtein A. B. Conceptual principles of modern Russian criminal law : monograph. M., 2014.

Baumshtein A. B. Conceptual principles of criminal law in Russia : Dis. … doct. jurid. sciences. M., 2015.

Big encyclopedic dictionary. M., 2000.

Varchuk T. V. Victimological modeling in criminology and crime prevention practice. M., 2012

Verina G. V. Science of criminal law, concept, conceptual foundations of Russian criminal legislation: essence and correlation of concepts // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. № 4 (117). P. 171.

Volchetskaya T. S. Modern problems of modeling in forensic science and investigative practice: Textbook. Kaliningrad, 1997.

Gavrilova Yu. A. The meaning of law in a general cultural context // Legal culture. 2013. № 2 (15). P. 38.

Ivanov N. G. Model Criminal Code. A common part. Opus № 1. M., 2003.

Kelina S. G. Some fundamental ideas underlying the theoretical model of the Criminal Code // Problems of improving the criminal law / Otv. ed. V. N. Kudryavtsev. M., 1984.

Kudryavtsev V. N. Scientific prerequisites for criminalization // Criminology and criminal policy / ed. count.: S. G. Kelina, V. M. Kogan, M. M. Slavin. M., 1985. P. 105–108.

Naumov A. V. Ways of reforming the Russian criminal legislation // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2013. № 10. P. 3–10.

Nechaev A. D. Conceptual foundations and theoretical modeling of criminalization and decriminalization: Dis. … Cand. jurid. sciences. Saratov, 2017.

Nechaev A. D. Conceptual bases of criminalization and decriminalization of acts: monograph / ed. N. A. Lopashenko. M., 2018.

Ponyatovskaya T. G. Conceptual foundations of criminal law in Russia. History and modernity : Dis. … doct. jurid. sciences. Kazan, 1996.

Ponyatovskaya T. G. Conceptual foundations of criminal law in Russia : history and modernity: monograph. Repr. ed. M., 2019.

Salygin E. N. Modeling in Law : Problems and Prospects // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2013. № 3. P. 12.

Criminal law: the experience of theoretical modeling / eds. V. N. Kudryavtsev, S. G. Kelina. M., 1987.

Philosophical Dictionary / ed. I. T. Frolov. M., 1991.

Ngulube P. Theoretical and Conceptual Framework in the Social Sciences // Addressing Research Challenges : Making Headway in Developing Researchers. Noordywk, 2015. P. 43–66.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Маркунцов С. А., доктор юридических наук, доцент, профессор департамента систем судопроизводства и уголовного права факультета права

E-mail: smarkuntsov@hse.ru

Маркунцова И. А., заместитель заведующего Центра административного обеспечения факультета права

E-mail: imarkuntsova@hse.ru

Поступила в редакцию: 23.12.2022

Для цитирования:

Маркунцов С. А., Маркунцова И. А. О необходимости разработки концептуальных основ моделирования уголовного закона // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 191–197. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/191-197.

National Research University «Higher School of Economics»

Markuntsov S. A., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Judicial Systems and Criminal Law, Faculty of Law

E-mail: smarkuntsov@hse.ru

Markuntsova I. A., Deputy Head of the Center for Administrative Support of the Faculty of Law

E-mail: imarkuntsova@hse.ru

Received: 23.12.2022

Recommended citation:

Markuntsov S. A., Markuntsova I. A. To the question of the need to develop the conceptual framework for modeling the criminal law // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 191–197. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/191-197.

УДК 343.2/.7
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/198-206

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПРОРАБОТАННОСТЬ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА «О ПЫТКАХ» В СВЕТЕ НОРМАТИВНЫХ ТРЕБОВАНИЙ К КОНЦЕПЦИЯМ ЗАКОНОПРОЕКТОВ

С. С. Тихонова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

CONCEPTUAL ELABORATION OF THE CRIMINAL LAW «ON TORTURE» IN THE LIGHT OF REGULATORY REQUIREMENTS TO THE CONCEPTS OF DRAFT LAWS

S. S. Tikhonova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Аннотация: на примере концепции уголовной ответственности за пытки, положенной в основу уголовного закона, принятого 14 июля 2022 г., анализируется действующее нормативное регулирование порядка разработки и оформления концепций уголовных законов и перспективы его совершенствования с учетом опыта государств – членов ЕАЭС в целях устранения его бессистемности, противоречивости, пробельности и санкционной необеспеченности. Автор особо отмечает, что отсутствие нормативного требования о развернутом описании в отраслевой концепции законопроекта проблемы правового регулирования, доказанной негативными статистическими данными правоприменительной практики, включая данные об отсутствии эффективности применения правовых и организационных мер государственного реагирования, позволяет инициировать законопроекты, не связанные с объективными потребностями государства.

Ключевые слова: концепция законопроекта, пояснительная записка, пытки, субъект права законодательной инициативы, уголовный закон.

Abstract: using the example of the concept of changes in criminal legislation regarding the establishment of responsibility for torture, which is the basis of the criminal law adopted on July 14, 2022, the article analyzes the current regulatory regulation of the procedure for developing and formalizing concepts of draft laws and prospects for its improvement, taking into account the experience of the EAEU member states in order to eliminate its unsystematic, inconsistency, gaps and sanctions insecurity. The author emphasizes that the absence of a regulatory requirement for a detailed description in the sectoral concept of the draft law of the problem of legal regulation, proven by negative statistical data of law enforcement practice, including data on the lack of effectiveness of the application of legal and organizational measures of state response, allows to initiate bills that are not related to the objective needs of the state, distracting significant resources.

Key words: concept of the draft law, explanatory note, torture, subject of the right of legislative initiative, criminal law.

2022 год ознаменовался принятием в России более десяти *вторичных (текущих) уголовных законов,* т. е. федеральных законов о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), в числе которых и Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ, основанный на поступившем в Государственную Думу Федерального Собрания

© Тихонова С. С., 2023

РФ 20 декабря 2021 г. законопроекте № 42307-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части установления ответственности за пытки»[1] (далее – *Законопроект о пытках*).

Согласно п. «а» ч. 1 ст. 105 постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 января 1998 г. № 2134-II «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 15.12.2020)[2] (далее – *Регламент)* «изложение концепции предлагаемого законопроекта» осуществляется в таком сопроводительном документе к законопроекту, как пояснительная записка. Однако состав информации, образующий концепцию законопроекта, определяется не *Регламентом,* а такими документами, как: *Рекомендации по подготовке* и оформлению *проектов федеральных законов* (далее – *Рекомендации*), утвержденные письмом Министерства юстиции РФ от 23 февраля 2000 г. № 1187-ЭР[3]; *Основные требования к концепции и разработке проектов федеральных законов* (далее – *Основные требования*), утвержденные постановлением Правительства РФ от 2 августа 2001 г. № 576[4] (в ред. от 13.03.2015); *Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов* (далее – *Методические рекомендации*), утвержденные распоряжением руководителя Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 18 ноября 2003 г. № вн2-18/490[5] (в ред. от 15.03.2021).

В рамках настоящей статьи обратимся к вопросу о концептуальной проработанности *Законопроекта о пытках* с учетом предусмотренных указанными документами нормативов изложения концепций законопроектов, оценив полноту и системность данных нормативов, а также учет ими отраслевой специфики законопроектов.

В первую очередь, анализируя указанные документы, нельзя не обратить внимание на вариативность наблюдающихся в них подходов в отношении вопроса об отражении в пояснительных записках к законопроектам информации о целях законопроектов. Так, *Основные требования* никак не регламентируют данный вопрос. Согласно подп. 2.8.1 п. 2.8 ст. 2 *Рекомендаций* «цели, которые имеется в виду достигнуть изданием нового закона», должны быть отражены в концепции законопроекта. В ст. 1 *Методических рекомендаций* цели законопроекта рассматриваются в отрыве от концепции законопроекта: «предмет правового регулирования, изложение концепции предлагаемого законопроекта, а также его цель… должны содержаться в пояснительной записке к законопроекту».

В государствах – членах ЕАЭС цели законопроектов включаются в состав информации, образующей их концепцию, и подлежат обязательному отражению в пояснительных записках. Так, согласно ч. 2 ст. 43 «Концепция проекта нормативного правового акта» Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее – *Закон Республики Беларусь*): «концепция проекта нормативного правового акта должна содержать: информацию о целях подготовки проекта нормативного правового акта». Часть 2 ст. 27 «Разработка проектов правовых актов» Закона Республики Армения от 28 марта 2018 г. № ЗР-180 «О нормативно-правовых актах» (в ред. от 28.04.2021) также предусматривает, что «в концепции содержатся… цели будущего правового акта…». Пунктом 1 ч. 2 ст. 29 «Внесение проекта законодательного акта в Мажилис Парламента Республики Казахстан и его отзыв» Закона Республики Казахстан от 6 апреля 2016 г. № 480-V «О правовых актах» (в ред. от 12.03.2021) в содержание пояснительной записки к проекту законодательного акта также включена «развернутая характеристика целей».

Вместе с тем ни в отечественных, ни в рассмотренных выше иностранных источниках не определено местонахождение информации о целях законопроектов в тексте пояснительных записок, что представляется упущением. В Российской Федерации целесообразно было бы нормативно закрепить в едином документе, регламентирующем требования к разработке и оформлению концепций законопроектов, требование презентовать цели законопроекта в самом начале текста пояснительной записки, что позволило бы устранить законотворческую практику «прятать» их среди иной информации.

[1] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/42307-8 (дата обращения: 18.08.2022).

[2] Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 51. Ст. 8372.

[3] URL: http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_84394.html (дата обращения: 18.08.2022).

[4] Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 32. Ст. 3335.

[5] Комментарий к Методическим рекомендациям по юридико-техническому оформлению законопроектов. М., 2005.

Так, только по прочтении половины текста пояснительной записки к *Законопроекту о пытках* можно обнаружить информацию о его целях: «направлен на модернизацию положений Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающих ответственность за пытки». И лишь почти в конце текста пояснительной записки дважды указано направление соответствующей «модернизации»: «законопроектом усиливается наказание за пытки, организованные и/или проводимые представителями власти», «законопроект устанавливает повышенную ответственность за пытки, совершенные представителями власти». Формулировка цели свидетельствует о том, что речь в *Законопроекте о пытках* идет не обо всех случаях применения пыток в России, а лишь о случаях, когда субъектом выступает должностное лицо, выполняющее функцию представителя власти, и в первую очередь те, кто относится к так называемым «силовым структурам» и может использовать в своей деятельности «силовые средства». До принятия Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ в случае применения пыток соответствующие представители власти привлекались к уголовной ответственности по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий» за квалифицированное превышение своих полномочий с применением насилия. Что же и зачем понадобилось изменить?

Согласно п. 1.5 ст. 1 *Рекомендаций,* «приступая к работе над законопроектом, важно всесторонне оценить необходимость издания закона», в том числе согласно подп. 1.5.1 «уяснить, имеется ли в действительности проблема, требующая принятия законодательных решений на федеральном уровне».

В п. 3 *Основных требований* перечислены типичные проблемы правового регулирования, которые могут быть обнаружены субъектом права законодательной инициативы: концепция проекта нормативного правового акта должна содержать информацию о «наличии противоречий и пробелов в законодательстве (правовом регулировании), устаревших либо неэффективных норм, причины недостаточной эффективности норм» (интересно отметить, что данное нормативное предписание фактически воспроизведено в ч. 2 ст. 43 «Концепция проекта нормативного правового акта» главы 4 «Требования нормотворческой техники» *Закона Республики Беларусь)*. Применительно к уголовно-правовой сфере учеными отмечается, что «изменение уголовно-правового воздействия необходимо в тех случаях, когда очевидно неэффективны действующие меры, или появились новые позитивные отношения, которые нужно защищать в уголовном порядке, или есть аргументированная уверенность в том, что предпринимаемые меры воздействия являются чрезмерными, а то и вовсе в них отсутствует необходимость»[6]. Данный доктринальный подход вполне согласуется с п. 3 *Основных требований.*

В отличие от *Рекомендаций* и *Основных требований* в ст. 1 *Методических рекомендаций* о проблемах правового регулирования, для устранения которых разрабатывается соответствующий законопроект, не упоминается, а говорится лишь о том, что в концепции требуется «мотивированное обоснование необходимости принятия или одобрения законопроекта».

Таким образом, в действующих отечественных нормативных источниках, регламентирующих требования к разработке и оформлению концепций законопроектов, вновь наблюдается вариативность подходов – на этот раз в отношении вопроса об отражении в пояснительных записках к законопроектам информации о проблеме правового регулирования, которую требуется устранить. Кроме того, ими не запрашивается развернутое описание обнаруженной субъектом права законодательной инициативы проблемы правового регулирования, что для уголовно-правовой сферы представляется существенным упущением, поскольку позволяет соответствующим субъектам описывать проблему правового регулирования по собственному усмотрению.

Так, легальная дефиниция пытки до принятия Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ содержалась в примечании к ст. 117 Уголовного кодекса РФ «Истязание», согласно которому пыткой признавалось «причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях». Пытки рассматривались, как посягательство на физическую неприкосновенность и волевой суверенитет личности, заключались в причинении боли

[6] *Лопашенко Н. А.* Уголовно-правовое воздействие в современной России : цифры, факты, парадоксы и иллюстрации // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности : сб. статей / под общ. ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2018. С. 12.

и унижений, не позволяя потерпевшим свободно принимать решения о своих действиях, лишая их возможности выражать свои мысли и чувства или сохранить определенную информацию в тайне от других. В зависимости от целей применения пытки могли представлять собой проявление жестокости и агрессии, выступающее в качестве самоцели – в случае применения пытки для наказания потерпевшего либо в качестве средства – в случае применения пытки для получения информации. Уголовная ответственность за пытки непосредственно была установлена в п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ «Истязание» и в ч. 2 ст. 302 УК РФ «Принуждение к даче показаний», где говорилось о соединенном с применением пытки принуждении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля к даче показаний либо эксперта и специалиста к даче заключения или показаний. В чем же заключалась проблема, требующая законодательного вмешательства? Обращение к тексту пояснительной записки *Законопроекта о пытках* не позволяет это понять. Лишь опираясь на фразы о том, что выдвигаемое субъектом права законодательной инициативы предложение изменить модель уголовной ответственности за пытки в России «позволит избежать сложности при квалификации деяния и назначении наказания виновным», а также повлечет «устранение выявленного диссонанса санкций за пытки», можно сделать вывод о наличии определенных «сложностей» и «диссонанса», каковые в тексте документа не описаны.

Однако для демонстрации высокого уровня концептуальной проработанности проекта вторичного (текущего) уголовного закона проблема правового регулирования не просто должна быть названа в тексте пояснительной записки, а подтверждена определенными доказательствами, перечень которых применительно к законопроектам в уголовно-правовой сфере целесообразно было бы нормативно закрепить в едином документе, регламентирующем требования к разработке и оформлению концепций законопроектов.

Очевидно, что «принятие правовых норм должно происходить с учетом тех коллизий и недостатков, которые выявлены в ходе правоприменительной практики»[7]. Поэтому наличие проблемы правового регулирования в первую очередь должно подтверждаться в пояснительной записке к проекту вторичного (текущего) уголовного закона материалами общероссийской (не региональной!) правоприменительной практики.

В настоящее время нормативное регулирование учета материалов правоприменительной практики при разработке и оформлении концепций законопроектов представлено следующим образом.

В подп. 1.5.6 п. 1.5 ст. 1 *Рекомендаций* при перечислении источников информации, которые следует изучать субъектам права законодательной инициативы при разработке концепции законопроекта, указано на необходимость «ознакомиться с практикой применения действующих нормативных правовых актов». За какой период должна быть изучена правоприменительная практика и каким образом она должна быть отражена в пояснительной записке к законопроекту *Рекомендации* не говорят.

Пункт 3 *Основных требований* указывает, что общая характеристика состояния правового регулирования в концепции законопроекта «должна… содержать анализ соответствующей российской и зарубежной правоприменительной практики». Однако включать анализ зарубежной правоприменительной практики в состав информации о характеристике состояния правового регулирования какой-либо сферы общественных отношений в Российской Федерации нелогично. Подобный анализ может быть включен только в состав информации о предлагаемом в концепции законопроекта способе устранения выявленной проблемы правового регулирования. Характеризовать же состояние правового регулирования какой-либо сферы общественных отношений в Российской Федерации можно только анализом российской правоприменительной практики. За какой период должна быть изучена правоприменительная практика и каким образом она должна быть отражена в пояснительной записке к законопроекту *Основные требования* не сообщают.

Статья 1 *Методических рекомендаций* также содержит императивный норматив, упоминающий «практику», но довольно «размытый» по содержанию: «мотивированное обоснование необходимости принятия или одобрения законопроекта с фактическими данными или судебной практикой должны содержаться в пояснительной записке к законопроекту». О каких именно фактических данных и судебной (и почему толь-

[7] *Коржиков О. Н., Трофимов В. В.* Формирование приоритетов правоохранительной политики в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2008. № 4. С. 69.

ко судебной) практике идет речь и как именно они должны быть представлены в тексте пояснительной записки к законопроекту, *Методические рекомендации* умалчивают.

Таким образом, следует отметить, что в действующих нормативных предписаниях вышеперечисленных документов, во-первых, не установлена зависимость законодательных изменений от выявленной на практике проблемы правового регулирования. Во-вторых, не уточнено число субъектов РФ, в которых должна быть изучена правоприменительная практика, в связи с этим трансформация права не поставлена в зависимость от признания за проблемой правового регулирования статуса общероссийской, а не региональной. В-третьих, не уточнен период, за который должна быть изучена правоприменительная практика, поэтому трансформация права не поставлена в зависимость от системности проблемы правового регулирования.

Российскими учеными резко критикуется «поспешность в создании уголовного законодательства»[8] и «режим скоростной динамики нормативного реагирования в ответ на возникновение законодательного повода»[9], отмечается, что «зачастую в основе принятия закона лежит какое-то резонансное событие»[10]. О неоднозначной роли событий, «шокирующих общественность», в «отборе социальных проблем» для законодательного вмешательства пишут и иностранные коллеги[11]. Нормативное регулирование разработки и оформления концепций законопроектов должно исключать подобный правовой дилетантизм со стороны субъектов права законодательной инициативы в уголовно-правовой сфере. Для этого критерием допустимости изменений кодифицированного уголовного закона следует считать установленную *системную проблему правового регулирования,* нормативно закрепив требование подтверждать ее наличие не просто материалами, а статистическими данными общероссийской правоприменительной практики за определенный период.

В действующих подзаконных нормативных актах, регламентирующих порядок разработки и оформления концепций законопроектов, статистические данные упоминаются (за исключением *Методических рекомендаций)*, но вне какой-либо связи с информацией о правоприменительной практике и с их целевым назначением – доказать наличие определенной проблемы правового регулирования, требующей для ее устранения принятия законодательных решений. Так, в подп. 1.5.7 п. 1.5 ст. 1 *Рекомендаций* сообщается о необходимости «проанализировать... соответствующие статистические данные». В п. 3 *Основных требований* также указывается, что «общая характеристика состояния правового регулирования должна... содержать результаты проведения статистических исследований». Для повышения результативности вторичного (текущего) уголовного законотворчества соответствующее нормативное регулирование должно быть изменено, а правоприменительная практика и статистические данные – взаимосвязаны.

Проведенный 28–29 ноября 2019 г. опрос 26 адвокатов Нижегородской области в рамках прохождения ими курсов повышения квалификации на юридическом факультете Университета имени Н. И. Лобачевского продемонстрировал следующее видение опрошенными оптимального периода наблюдения за негативными статистическими данными правоприменительной практики для решения вопроса об изменении и дополнении УК РФ: не менее 1 года – 19 %; не менее 2 лет – 15 %; не менее 3 лет – 34 %; не менее 5 лет – 7 %; остальные не смогли определиться с ответом.

Обращаясь к тексту пояснительной записки к *Законопроекту о пытках*, напомним, что проблема правового регулирования обозначена в ней как «острая проблема современной российской действительности», представляющая собой «сложности при квалификации деяния и назначении наказания виновным», а также «диссонанс санкций за пытки». Однако никаких общероссийских статистических данных правоприменительной практики, свидетельствующих об этом, в сопроводительном документе не содержалось. Более того, в пояснительной записке к *Законопроекту о пытках* открыто говорилось о

[8] *Попова С. А., Грузинская Е. И.* Качество закона как элемент юридической техники (на примере уголовного закона) // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 5А. С. 48.

[9] *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Российская уголовная политика XXI века. М., 2020. С. 30–31.

[10] *Корецкий Д. А.* Уголовно-правовое законотворчество в условиях «новой нормальности» и современный конституционализм // Российская юстиция. 2022. № 5. С. 31.

[11] См.: *Блумер Г.* Социальные проблемы как коллективное поведение // Социальные проблемы : конструкционистское прочтение. Казань, 2007. С. 18–19.

том, что «в правоприменительной практике имеют место отдельные факты применения пыток», упоминались исключительно «последние громкие скандалы в системе ФСИН России», а также «выявленные в 2021 г. нарушения прав человека в системе исполнения уголовных наказаний». Таким образом, из текста пояснительной записки к *Законопроекту о пытках* вовсе не следовало, что проблема применения пыток представителями власти в России является системной, общероссийской и существует на протяжении нескольких лет.

Статус проблемы уголовно-правового регулирования имеет смысл присваивать проблеме только в случае установления доказанной невозможности ее устранения иными средствами государственного реагирования. Поэтому в пояснительной записке к проекту текущего (вторичного) уголовного закона целесообразно представить перечень мер, предпринятых государством для устранения возникшей проблемы правового регулирования без изменения уголовного законодательства. Соответствующие меры могут быть *правовыми*, представляя собой изменения и дополнения законодательства иной отраслевой принадлежности, либо *организационными,* к числу которых может быть отнесено увеличение численности и материальной оснащенности сотрудников определенных служб и ведомств, информатизация определенных видов деятельности и т. д. В связи с этим нельзя не обратить внимание, например, на позицию специалистов-пенитенциаристов. Так, по результатам проведенного С. А. Хохриным, О. А. Емельяновым и А. Г. Емельяновой исследования отмечается, что применение ***средств охранного телевидения*** в местах наибольшего распространения пыток (38 % случаев – спальные места осужденных; 18,8 % – цеха производственной зоны; 14,1 % – места за пределами исправительных учреждений; 6,6 % – административные здания производственной зоны исправительных учреждений; 2 % – локальные участки исправительных учреждений) могло бы служить действенной организационной мерой, способствующей оперативному реагированию на возникающие конфликтные ситуации между осужденными, и предупреждать совершение соответствующих преступлений[12]. Компетентные представители прокуратуры, анализирующие ситуацию с применением пыток в исправительных учреждениях Российской Федерации, также предлагают организационные меры воздействия, в числе которых – усиление прокурорского надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих наказание в виде лишения свободы, но никак не изменение модели уголовной ответственности за пытки. Не следует забывать и о начавшихся в уголовно-исполнительной системе процессах реформирования, заключающихся в поиске новых форм функционирования подведомственных учреждений. Так, распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года»[13] принято решение о реализации на базе одного из территориальных органов ФСИН России пилотного проекта объединенного исправительного учреждения с изолированными участками различных видов режима и помещения, функционирующего в режиме следственного изолятора.

Отсутствие эффективности применения правовых и организационных мер государственного реагирования на негативное развитие общественных отношений в определенной сфере также следовало бы подтверждать в пояснительной записке к проекту вторичного (текущего) уголовного закона официальными статистическими данными общероссийской правоприменительной практики. Однако, поскольку в настоящее время соответствующего нормативного требования не существует, не удивительно, что в тексте пояснительной записки к *Законопроекту о пытках* нет данных о предпринимаемых государством организационных мерах реагирования на «выявленные в 2021 году нарушения прав человека в системе исполнения уголовных наказаний». Более того, очевидно, что времени для принятия и оценки соответствующих мер, если исходить из того, что соответствующие нарушения были обнаружены только в 2021 г., прошло недостаточно.

Следующим важнейшим видом доказательства наличия проблемы правового регулирования следует считать *позицию правоприменителей*. К сожалению, в российских нормативных документах, регламентирующих разработку и оформление концепций законопроектов, не на-

[12] См.: *Хохрин С. А., Емельянов О. А., Емельянова А. Г.* Предупреждение пенитенциарного рецидива преступлений осужденных к лишению свободы. М., 2022. С. 50.

[13] URL: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-29042021-n-1138-r-o-kontseptsii/ (дата обращения: 18.08.2022).

шла отражения потребность в предоставлении в пояснительной записке к законопроекту информации об оценке эффективности законодательства правоприменителем. Аналогичная ситуация сложилась и в государствах – членах ЕАЭС. Неким «отголоском» потребности в учете позиций правоприменителей можно считать лишь указание ч. 2 ст. 43 «Концепция проекта нормативного правового акта» *Закона Республики Беларусь* о том, что концепция проекта нормативного правового акта должна содержать «оценку предложений заинтересованных государственных органов и иных организаций о необходимости изменения правового регулирования соответствующих общественных отношений».

В подп. 1.5.7 п. 1.5 ст. 1 *Рекомендаций* при перечислении источников информации, которые следует изучать субъектам права законодательной инициативы при разработке концепции законопроекта, вместо обращения к позиции правоприменителей указана необходимость «проанализировать… результаты опроса общественного мнения». Как именно данный анализ должен быть отражен в тексте пояснительной записки к законопроекту при изложении в ней концепции закона, *Рекомендации* не говорят. Пункт 3 *Основных требований* указывает, что «общая характеристика состояния правового регулирования должна… содержать результаты проведения… социологических исследований». Таким образом, ни в одном из приведенных документов не поставлен акцент на выяснении позиции правоприменителя, а *Методические рекомендации* вообще не включают результаты проведения социологических исследований или опросов общественного мнения в состав информации, образующей концепцию законопроекта.

Не удивительно, что в пояснительной записке к *Законопроекту о пытках* не представлено никаких результатов проведения социологических исследований по обозначенным в пояснительной записке проблемам уголовно-правового регулирования («сложности при квалификации деяния и назначении наказания виновным», а также «диссонанс санкций за пытки»). Кроме того, несмотря на то что вскрытые факты пыток заключенных под стражу и осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы России вызвали в 2021 г. широкий общественный резонанс, реальное изучение общественного мнения было подменено авторами концепции *Законопроекта о пытках* их собственными «правовыми ощущениями». Так, в тексте пояснительной записки к *Законопроекту о пытках* бездоказательно утверждалось, что в России наблюдается «отрицательное отношение общества ко всей правоохранительной системе», каковое «порождает в обществе нигилизм к правопорядку и приводит к ошибочному выводу, что насилие, жестокость и несправедливость являются естественными вещами, а их применение необходимо для социально значимых целей».

Правореализационная сущность пояснительной записки к законопроекту заключается в том, что данный документ представляет собой «официальное выражение правовых позиций»[14] субъектов права законодательной инициативы, от имени которых он направляется в Государственную Думу Федерального Собрания РФ. Проведенный анализ концепции *Законопроекта о пытках,* трансформировавшегося в Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ, позволил выявить отступления в изложении соответствующей правовой позиции субъекта права законодательной инициативы от существующих в настоящее время подзаконных нормативных требований к разработке и оформлению концепций законопроектов. Нельзя не отметить, что данные отступления являются типовыми для законотворческой практики в уголовно-правовой сфере, независимо от персоналий субъектов права законодательной инициативы, на что уже обращалось внимание автором настоящей статьи[15]. К причинам подобных отступлений можно отнести, с одной стороны, отсутствие санкционного обеспечения существующих нормативных предписаний, а с другой – бессистемность подзаконного нормативного регулирования порядка разработки и оформления концепций законопроектов, проиллюстрированную выше ссылками на соответствующие документы. В результате отсутствие четко определенных нормативных параметров концепций законопроектов позволяет инициировать в уголовно-правовой сфере законопроекты, не связанные с объективными потребностями государства, отвлекая на их разработку, оформление и

[14] *Баранов В. М.* Концепция законопроекта : учеб. пособие. Н. Новгород, 2003. С. 11.

[15] См.: *Тихонова С. С.* Результаты законотворческой деятельности последнего пятилетия в уголовно-правовой сфере через призму концепций уголовных законов // Уголовное право : стратегия развития в XXI веке : материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 20–21 января 2022 г.). М., 2022. С. 51–57.

последующее рассмотрение значительные человеческие и финансовые ресурсы.

Изложенные в настоящей статье предложения по введению ряда нормативных требований к концепциям вторичных (текущих) уголовных законов могут быть использованы при создании эффективной системы правового регулирования разработки и оформления концепций законопроектов, включающей как универсальную, так и отраслевые составляющие. В качестве оптимальной санкции, обеспечивающей функционирование данной системы, представляется возможным рассмотреть обязательный возврат законопроекта субъекту права законодательной инициативы профильным комитетом, проверяющим на основании ч. 2 ст. 107 *Регламента* полноту поступивших в Государственную Думу Федерального Собрания РФ сопроводительных документов к законопроекту, включающих пояснительную записку. Подобная «санкция возврата» призвана повысить политическую ответственность субъектов права законодательной инициативы за предлагаемые законотворческие решения, в частности в уголовно-правовой сфере, поскольку неизбежно приведет к дискредитации недобросовестных участников законодательного процесса, а следовательно, выполнит профилактическую функцию и остановит порочную законотворческую практику отсутствия концептуальной проработанности вторичных (текущих) уголовных законов, проявившуюся и в отношении *Законопроекта о пытках*.

Библиографический список

Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Российская уголовная политика XXI века. М. : Юрлитинформ, 2020. 200 с.

Баранов В. М. Концепция законопроекта : учеб. пособие. Н. Новгород : Изд-во НА МВД России, 2003. 190 с.

Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Социальные проблемы : конструкционистское прочтение. Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С. 18–19.

Корецкий Д. А. Уголовно-правовое законотворчество в условиях «новой нормальности» и современный конституционализм // Российская юстиция. 2022. № 5. С. 30–34.

Коржиков О. Н., Трофимов В. В. Формирование приоритетов правоохранительной политики в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2008. № 4. С. 67–70.

Лопашенко Н. А. Уголовно-правовое воздействие в современной России : цифры, факты, парадоксы и иллюстрации // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности : сб. статей / под общ. ред. Н. А. Лопашенко. Саратов : Изд-во СГЮА, 2018. С. 9–28.

Попова С. А., Грузинская Е. И. Качество закона как элемент юридической техники (на примере уголовного закона) // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 5А. С. 43–50.

Тихонова С. С. Результаты законотворческой деятельности последнего пятилетия в уголовно-правовой сфере через призму концепций уголовных законов // Уголовное право : стратегия развития в XXI веке : материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 20–21 января 2022 г.). М. : Блок-Принт, 2022. С. 51–57.

Хохрин С. А., Емельянов О. А., Емельянова А. Г. Предупреждение пенитенциарного рецидива преступлений осужденных к лишению свободы. М. : РУСАЙНС, 2022. 164 с.

References

Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Russian criminal policy of the XXI century. M.: Yurlitinform, 2020. 200 p.

Baranov V. M. The concept of the bill: A Textbook. N. Novgorod : Publishing House of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 190 p.

Blumer G. Social problems as collective behavior // Social problems: constructionist reading: Collection of Essays. Kazan' : Kazan University Press, 2007. P. 18–19.

Koretsky D. A. Criminal law lawmaking in the conditions of "new normality" and modern constitutionalism // Russian justice. 2022. № 5. P. 30–34.

Korzhikov O. N., Trofimov V. V. Formation of priorities of law enforcement policy in Russia // Legal policy and legal life. 2008. № 4. P. 67–70.

Lopashenko N. A. With Criminal law impact in modern Russia: Figures, facts, paradoxes and illustrations // Criminal law impact and its role in crime prevention: Collection of Essays / Ed. by N. A. Lopashenko. Saratov : Publishing House of the Saratov State Law Academy, 2018. P. 9–28.

Popova S. A., Gruzinskaya E. I. The quality of law as an element of legal technique (on the example of criminal law) // Issues of Russian and international law. 2019. Vol. 9, № 5A. P. 43–50.

Tikhonova S. S. The results of the legislative activity of the last five years in the criminal law sphere through the prism of concepts of criminal laws // Criminal law: development strategy in the XXI century: Collection of Essays. M. : Blok-Print, 2022. P. 51–57.

Khokhrin S. A., Emelyanov O. A., Emelyanova A. G. Prevention of penitentiary recidivism of crimes sentenced to imprisonment. M. : RUSAINS, 2022. 164 p.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Тихонова С. С., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета

E-mail: sstikhonova@yandex.ru

Поступила в редакцию: 22.10.2022

Для цитирования:

Тихонова С. С. Концептуальная проработанность уголовного закона «О пытках» в свете нормативных требований к концепциям законопроектов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 198–206. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/198-206.

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Tikhonova S. S., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Law and Process Department

E-mail: sstikhonova@yandex.ru

Received: 22.10.2022

Recommended citation:

Tikhonova S. S. Conceptual elaboration of the criminal law "On torture" in the light of regulatory requirements to the concepts of draft laws // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 198–206. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/198-206.

УДК 343.45
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/207-213

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ТАЙНОЙ

А. Е. Маслов
Воронежский государственный университет

ABUSE OF SECRECY

A. E. Maslov
Voronezh State University

Аннотация: статья посвящена некоторым аспектам злоупотребления закрепленными в законе тайнами: государственной, следственной и адвокатской.
Ключевые слова: злоупотребление, государственная тайна, тайна следствия, адвокатская тайна.

Abstract: the article is devoted to some aspects of the abuse of secrets enshrined in the law: state, investigative and lawyer.
Key words: abuse, state secret, secrecy of investigation, lawyer's secret.

Тайна – это враг истины.
Алистер Кроули «Магия без слез»

Злоупотребление тайной – малоизученная проблема права.

Злоупотребление тайной, как представляется, следует рассматривать с двух сторон.

Наиболее распространенный вариант – это разглашение тайны и наступление известных негативных последствий. С другой стороны, это сокрытие от потерпевших (назовем обобщенно их так) чего-либо важного, под предлогом сохранения некой информации в секрете, иначе говоря, – неразглашение той или иной информации, вопреки обязанности доводить ее до заинтересованных лиц.

Что касается разглашения тайны (государственной, коммерческой, личной, банковской, налоговой и др.), то эта проблема достаточно детально изучена в уголовном праве, учтена в определенной степени законодателем и известна правоприменителю.

По действующему Уголовному кодексу наказуемо: разглашение личной или семейной тайны (ст. 137 УК РФ); нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых сообщений, телеграфных сообщений, иных сообщений (ст. 138 УК РФ); нарушение тайны голосования (ст. 141 УК РФ); разглашение тайны усыновления (ст. 155 УК РФ); незаконное получение и разглашение коммерческой тайны, налоговой тайны, банковской тайны (ст. 183 УК РФ); неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ); выдача государственной тайны (ст. 275 УК РФ); собирание, похищение, хранение и передача сведений, составляющих государственную тайну (ст. 276 УК РФ); разглашение государственной тайны (ст. 283–284 УК РФ); разглашение тайны предварительного расследования (ст. 310 УК РФ); разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса (ст. 311 УК РФ).

Если тайна – это определенная информация, то и злоупотребление тайной чаще всего проявляется в сфере информационных отношений.

Проблема сокрытия информации, вопреки обязанности доводить ее до заинтересованных лиц, изучена в меньшей степени и лишь фрагментарно отражена в уголовном законодательстве. Действующий Уголовный кодекс РФ закрепляет следующие составы: отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК РФ); сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей (ст. 237 УК РФ); отказ в предоставлении информации Федеральному Собранию Российской Федерации или Счетной палате Российской Федерации (ст. 287 УК РФ).

© Маслов А. Е., 2023

Объекты уголовно-правовой охраны перечисленных составов преступлений различны, это: конституционные права и свободы граждан, отношения собственности, законная предпринимательская деятельность, интересы правосудия и др. Вместе с тем указанные составы связывает то обстоятельство, что субъект, обладающий охраняемой законом тайной, употребляет это право на тайну во зло – злоупотребляет. Таким образом, объединяющим в вышеперечисленных составах, выступает способ совершения преступления, а именно злоупотребление тайной посредством разглашения или сокрытия таковой.

В уголовном праве и уголовном процессе правовые и нравственные отношения взаимосвязаны. Это определяется тем, что в правовых и процессуальных нормах находят свое отражение нравственные начала. Осуществление нравственных начал в уголовном судопроизводстве во многом зависит от того, насколько все участники процесса добросовестно пользуются своими правами и исполняют свои обязанности. В этом контексте обратимся к некоторым аспектам злоупотребления тайной обладателями (субъектами) государственной тайны, тайны предварительного расследования и адвокатской тайны.

Тайна объективна, это и благо, и зло. Тайна – категория правовая. С одной стороны, защищает права и законные интересы граждан, общества и государства, а с другой – их же ограничивает. Тайна – это благо и инструмент позитивной составляющей, а также инструментарий, в том числе и для совершения преступлений (злоупотребления).

В нашем анализе исходим из того, что под тайной понимается *информация (сведения), отражающая особо важные интересы ограниченного круга субъектов (лиц, организаций, государства), конфиденциальность которой защищается законом в целях устранения реальной или потенциальной опасности причинения ущерба указанным интересам*.

Тайна предполагает не просто информацию, а ее определенное состояние, иначе – правовой режим. Защищая те или иные сведения, мы, прежде всего, защищаем объективно существующие интересы. Вне этих интересов тайны не существует. Защищаемая информация имеет ценность в силу ее неизвестности третьим лицам.

А имеет ли ценность уже разглашенная конфиденциальная информация? Разглашенная информация, как правило, теряет свое значение для лица, заинтересованного в ее сокрытии. В то же время для тех, кто стремится использовать такую информацию, она представляет реальную или потенциальную ценность и может быть объективно значимой, вне зависимости от того, заинтересован ли кто-либо в ее непосредственном использовании. Очевидно, речь следует вести не о том, что информация ценна в силу ее неизвестности, а о том, что в связи с неизвестностью другим субъектам она имеет особое значение для ее обладателя. Таким образом, вне субъекта тайна не существует.

Объектом правоотношения по поводу тайны служат интересы, которым может быть нанесен ущерб в результате несанкционированного разглашения или использования конфиденциальной информации. Это могут быть интересы как непосредственного субъекта тайны, так и иных, прикосновенных к тайне субъектов. Например, в случае неправомерного завладения тайной усыновления наносится ущерб усыновленному и семье усыновленного, а также авторитету суда и органов опеки и попечительства.

Как мы уже отметили, проблему злоупотребления тайной можно рассматривать с двух сторон. Классический вариант – это разглашение или раскрытие чужой тайны и наступление известных негативных последствий. С другой стороны, это сокрытие от потерпевших чего-либо важного, под предлогом сохранения, неразглашения той или иной тайны. В настоящей статье остановимся именно на сокрытии тайны как злоупотреблении таковой.

Вопрос, возможно ли употребить тайну во зло, не вызывает сомнения. Да, возможно. Что же понимать под злоупотреблением? В юриспруденции, как правило, под злом понимаются вред (ущерб) или убытки. Вред – не что иное, как уничтожение (умаление) материальных или нематериальных благ. Если тайна – категория правовая, а это не вызывает сомнения, соответственно ей свойственны все признаки права.

Злоупотребление тайной есть такая форма реализации института тайны, посредством которой обладателем тайны причиняется вред другим субъектам.

Субъектами злоупотребления тайной в контексте исследуемого вопроса чаще всего выступают должностные лица правоохранительных органов: оперативные сотрудники, дознаватели, следователи, руководители правоохранительных подразделений, а также адвокаты.

Действия субъектов преступны, в крайнем случае – аморальны, если они не соотносятся с принятыми в обществе представлениями о добре и зле, хорошем и плохом во взаимоотношениях между людьми.

Сфера злоупотребления тайной весьма разнообразна и, соответственно, можно выделить:

– злоупотребления с использованием конкретных видов тайн (государственной, следственной, адвокатской, коммерческой, банковской, личной и др.);

– злоупотребления по сферам взаимодействия личности, общества и государства (например, в сфере обеспечения прав и свобод человека, в сфере борьбы с преступностью, в политике).

В сфере обеспечения государственной тайны нередко наблюдается такое злоупотребление, как чрезмерное расширение ее пределов. Соответственно имеет место расширительное толкование ряда статей УК РФ, в первую очередь обеспечивающих уголовно-правовую защиту государственной тайны. Формирующаяся тенденция, в свою очередь, является предпосылкой объективного вменения.

Почти четверть века назад И. В. Смолькова справедливо отмечала: «Чрезмерное увлечение засекречиванием ложится непомерным бременем на казну»[1]. Эта проблема характерна и в наше время. Помимо вредоносных последствий для обеспечения государственной безопасности, необоснованное засекречивание вся и всех в государственных структурах ко всему прочему, превратилось и в один из способов хищения путем изъятия бюджетных средств недобросовестными должностными лицами. Снижение гласности в обществе и келейность в принятии решений ведет к вредоносным просчетам и их неэффективности. Гласность сдерживает криминализацию власти.

Кроме расширительного толкования положений закона, имеет место и реальное расширение сферы применения правовых норм о государственной тайне, и все больше информации подпадает под статус секретной[2].

Закон «О государственной тайне» при принятии решения об отнесении сведений к государственной тайне и их засекречиванию обязывает исходить из обоснованности и целесообразности такого решения, политических, экономических и социальных последствий засекречивания. Критерием отнесения фигурирующих в уголовном деле тех или иных сведений может служить только экспертное заключение по содержанию таковых. Субъективное расширение применения норм (уголовно-правовых и уголовно-процессуальных) о государственной тайне не что иное, как злоупотребление тайной.

Судебная практика по делам о государственной тайне позволяет сделать вывод, что лишь незначительная часть подобных уголовных дел касается государственной измены, шпионажа, разглашения государственной тайны или утраты документов, ее содержащих. Предмет доказывания по подавляющему большинству засекреченных уголовных дел с государственными секретами никак не связан. Это уклонение от уплаты налогов, незаконное предпринимательство, получение взятки, а также преступления против личности, грабежи, разбои и др. Как правило, «засекречивание» уголовных дел происходит на стадии предварительного расследования органами предварительного следствия и в редких случаях на стадии судебного производства. Обеспечение режима секретности – трудоемкая процедура, которая создает неудобства всем участникам уголовного судопроизводства. Засекречивание уголовного дела в первую очередь влечет ограничение прав и возможностей в реализации стороной защиты своей функции. Так, при засекречивании уголовного дела защитник лишается возможности привлечения специалиста без соответствующего допуска, у адвоката ограничиваются возможности получать доказательства на основании содержащихся в уголовном деле сведений. Адвокат вынужден работать с делом только в местах нахождения такового, а это, как правило, помещение спецслужбы с особым пропускным режимом, там же должны находиться и письменные материалы защитника.

Засекречивание уголовного дела производится следователем (начальником следственного подразделения) или дознавателем (началь-

[1] *Смолькова И. В.* Тайна и уголовно-процессуальный закон. М., 1997. С. 8.

[2] О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 11 июня 2021 г. № 206-ФЗ ; О внесении изменений в статьи 183 и 320 Уголовного кодекса Российской Федерации : федер. закон от 11 июня 2021 г. № 216-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ником органа дознания) на основании, как правило, поступившего от органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, засекреченного документа (меморандума) по результатам проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), которому оперативным подразделением уже присвоен соответствующий гриф секретности. В ст. 5 закона о государственной тайне действительно к сведениям, составляющим государственную тайну, отнесена информация об оперативно-розыскной деятельности, в том числе о силах, средствах, источниках, методах, планах, результатах и финансировании этой деятельности, о лицах, сотрудничающих или сотрудничавших на конфиденциальной основе с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Как показывает судебная практика, подобная методика перевода уголовного дела в категорию секретного ничего общего с реальной защитой секретов не имеет и чаще всего является лишь тактическим приемом по созданию наиболее благоприятных условий для стороны обвинения и усложнению работы по делу адвокатов-защитников.

Нередко в материалах таких дел отсутствуют какие-либо сведения, которые в соответствии со ст. 12 закона об оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) составляют государственную тайну и подлежат засекречиванию. Органы дознания и следствия таким способом нередко «прячут» грубые нарушения законности при проведении ОРМ и следственных мероприятий, нарушения прав человека, незаконные методы допросов, очных ставок, применения технических средств, фальсификацию материалов и другие злоупотребления.

Проблему «секретного» меморандума можно (и нужно) решать посредством рекомендуемого в специальной литературе и широко известного способа легализации оперативной информации.

Легализация оперативной информации – это один из этапов стадии реализации результатов ОРД, направленный на рассекречивание перед передачей оперативной информации следователю или в суд для использования при расследовании или рассмотрении уголовных дел. Если в последующем предполагается использование этой информации в качестве доказательственной, ее необходимо облечь в процессуальную форму.

При передаче результатов ОРМ следователю реальная информация об источнике таковой не передается, вместе с тем гриф секретности присваивается делу в целях сохранности сведений о силах и средствах, методах ОРД, речь идет об агентурной деятельности. В современном информационном обществе вербовка – это секрет Полишинеля. Таким образом, засекречивание по этому основанию уголовного дела не что иное, как злоупотребление тайной.

Касаясь средств, используемых при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий, составляющих государственную тайну, иногда предлагают указывать в меморандуме вымышленные данные о примененных технических средствах. В реальности, при проверке доказательств, несоответствие действительности указанных данных может повлечь обвинение правоохранительных органов в фальсификации доказательств.

Некая неопределенность имеет место быть в ситуации, когда оперативный сотрудник подозревается в совершении должностного преступления и решается вопрос о мере пресечения и о дальнейшем ходе уголовного дела. Наиболее вероятным советом адвоката подзащитному будет рекомендация по существу подозрений – без купюр (о силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах ОРМ, о штатных негласных сотрудниках, о лицах, внедренных в организованные группы и пр.). Так как в случае избрания меры пресечения в виде заключения под стражу возможность прекращения дела по реабилитирующим обстоятельствам для субъекта-секретоносителя весьма проблематична. Оперативный сотрудник сообщает адвокату, что дело не засекречено, но он не имеет права давать показания по существу подозрения ввиду наличия в предполагаемых показаниях сведений, составляющих государственную тайну. Следователь, как правило, на этом этапе не усматривает оснований для засекречивания дела, заявляя, что этот вопрос будет решаться после дачи показаний в зависимости от их существа. Возникает конфликт между правом гражданина на защиту (ст. 48 Конституции РФ, ст. 16, 46, 47 УПК РФ) и необходимостью сохранять государственную тайну. Как развивается ситуация в таком случае? При недобросовестном отношении следователя – злоупотребление тайной, при индифферентном отношении – коллизия конституционных норм о

праве на защиту и обязанностью соблюдать государственную тайну.

Органы, осуществляющие оперативно-розыскные мероприятия по поручениям следователей, самостоятельно засекречивают практически все свои материалы, а органы предварительного следствия по существующим правилам секретного делопроизводства, получая материалы об ОРД уже с грифом «секретно», вынуждены или засекречивать все уголовное дело, или прятать секретные материалы в непроцессуальных производствах. Материалы с копиями могут находиться в надзорном (наблюдательном) производстве прокуратуры, в материалах судебного контроля за законностью действий органов предварительного следствия и дознания, у сторон (например, в адвокатском производстве или у общественного защитника).

Нередко, к сожалению, в подобных делах просматривается наличие сведений о криминальном характере деятельности потерпевших, на сторону которых порой, из соображений оперативной целесообразности, становятся правоохранительные органы и спецслужбы, осуществлявшие ОРД. Незаконными оперативно-розыскными действиями, возбуждением уголовного дела, злоупотребляя его засекречиванием от широкого круга лиц, полиция, спецслужбы фактически защищают указанных субъектов.

Такая практика засекречивания уголовных дел не оправдана с точки зрения защиты государственных секретов, кроме того, ограничивает как процессуальные права подсудимых, так и гарантированные Конституцией РФ и международными нормами права человека и гражданина.

Засекреченность всех материалов полностью исключает публичность рассмотрения дела и ограничивает возможности подсудимого и его адвокатов по преданию огласке незаконных методов ведения следствия.

В ряде случаев профессиональная и личная тайны становятся известными представителям органов расследования не по их желанию, инициативе, а попутно, в ходе расследования обстоятельств того или иного преступления. Чаще всего это становится возможным в следующих случаях: в ходе наложения ареста на корреспонденцию, при производстве обыска, осмотра помещения, допросов подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, при проведении оперативного наблюдения, в процессе обследования зданий, помещений, сооружений, транспорта, при контроле почтовых, телеграфных и иных сообщений, при прослушивании телефонных переговоров, снятии информации с технических каналов связи. Каким образом следует поступать в подобных случаях? Линия поведения сотрудников правоохранительных органов в данной ситуации как в законе, так и подзаконных актах преимущественно не урегулирована. В подобных случаях весьма вероятны также злоупотребления полученной информацией.

Отсутствие федерального закона, посвященного служебной тайне, а также самостоятельной системы мер охраны, обеспечивающих эффективную защиту конфиденциальности в рамках режима служебной тайны, и обособленной системы мер ответственности за незаконное использование информации, охраняемой в режиме служебной тайны, свидетельствует об отсутствии сформированной государственной позиции по вопросу дальнейшего развития института служебной тайны.

Некоторые соображения о злоупотреблении тайной адвокатской.

Наиболее типичные злоупотребления в данной сфере – это сокрытие неправосудной деятельности как самого адвоката, так и его доверителя, а также умаление значения профессионального и гражданского долга адвоката.

В силу ст. 15 (ч. 2) Конституции РФ не могут быть защищены режимом адвокатской тайны сведения, свидетельствующие о совершении уголовно наказуемых деяний. В частности, о злоупотреблениях правом на юридическую помощь и защиту от подозрения и обвинения, допускаемых как адвокатом, так и лицом, которому юридическая помощь оказывается, а также третьим лицом (например, оплачивающим услуги адвоката)[3].

Злоупотребление адвокатской тайной возможно при осуществлении адвокатом консультирования, составления юридических документов, правовом консалтинге. Можно выделить несколько вариантов злоупотребления адвокат-

[3] По жалобе гражданина Мошкина Михаила Игоревича на нарушение его конституционных прав статьями 165, 183 и 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2016 г. № 186-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ской тайной, таких как адвокатская «крыша», интеллектуальное пособничество, использование адвокатской тайны в личных целях. Нередко адвокатская тайна используется как самостоятельный вид адвокатских услуг. Клиент, будучи осведомленным об абсолютном характере адвокатской тайны, предлагает адвокату «крышевать» незаконные сделки, обеспечить сохранность «черной» бухгалтерии под видом адвокатского архива. Как установлено законом об адвокатуре, на подобную информацию распространяется привилегия адвокатской тайны.

Еще одним примером недобросовестного использования института адвокатской тайны в личных целях в ряде случаев стало воспрепятствование со стороны адвокатов проведению оперативно-следственных мероприятий, например воспрепятствование обыску в офисе адвокатской конторы или коллегии.

Нередки случаи неправомерного использования самими адвокатами сведений, составляющих предмет адвокатской тайны, в том числе случаи не санкционированного доверителями распространения таких сведений. Такие действия наносят вред охраняемым законом правам и интересам граждан, нарушают направленные на обеспечение адвокатской тайны положения федерального закона и Кодекса профессиональной этики адвоката[4].

Типичным злоупотреблением тайной является и использование института адвокатской тайны для решения хозяйственных споров своих адвокатских образований. Тем самым под угрозу ставится тайна клиентов адвокатских палат и коллегий, которая может находиться в документах, хранящихся в их офисах. Подобные случаи приравнивают адвокатов к ряду представителей депутатского корпуса, которые пользуются депутатской неприкосновенностью для решения своих коммерческих проблем. Приведенные способы злоупотребления адвокатской тайной описывают такую деятельность, которая, хотя и обладает внешними признаками адвокатской (наличие договора с доверителем, адвокатского ордера), в действительности таковой не является. Гарантии адвокатской тайны на подобную деятельность не должны распространяться.

До настоящего времени особенно острым остается вопрос о злоупотреблении институтом адвокатской тайны со стороны доверителя. Он возникает в ситуации, связанной со свидетельствованием адвоката против своего клиента. В судебной практике получил распространение такой способ самозащиты обвиняемого, как «очернение» своего защитника, жалобы на некачественную юридическую помощь. Практика пошла по следующему пути: в случае если доверитель обвиняет адвоката в неисполнении его профессиональных обязанностей, то адвокат в целях самозащиты имеет право раскрыть адвокатскую тайну и давать показания против клиента.

Злоупотребление или как минимум недобросовестное использование института адвокатской тайны со стороны органов адвокатского самоуправления, к сожалению, не только получило массовый характер, но и не воспринимается сегодня как правонарушение. Речь идет о финансовой деятельности адвокатских палат. Закон об адвокатуре содержит статьи, посвященные распределению полномочий между руководящими органами адвокатского самоуправления, однако их вывода из-под финансового государственного контроля он не предусматривает. Такие требования создают благоприятную среду для финансовых злоупотреблений и умаления института адвокатской тайны.

Злоупотребление тайной для отечественного законодательства в значительной части остается нерешенной проблемой. Вместе с тем последние изменения в уголовный, уголовно-процессуальный закон[5] и законодательство об административной ответственности значительно конкретизировали правила функционирования института тайны и исключения злоупотребления.

Библиографический список

Смолькова И. В. Тайна и уголовно-процессуальный закон. М., 1997. С. 8.

References

Smolkova I. V. Secrecy and criminal procedure law. M., 1997. P. 8.

[4] Рекомендации по обеспечению адвокатской тайны : утв. решением Совета ФПА РФ от 30 ноября 2009 г. (протокол № 3). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ // Соб. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 17. Ст. 2455.

Воронежский государственный университет
Маслов А. Е., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
E-mail: maslovalevg@yandex.ru

Поступила в редакцию: 25.01.2023

Для цитирования:
Маслов А. Е. Злоупотребление тайной // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 207–213. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/207-213.

Voronezh State University
Maslov A. E. Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Law Department
E-mail: maslovalevg@yandex.ru

Received: 25.01.2023

Recommended citation:
Maslov A. E. Abuse of secrecy // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 207–213. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/207-213.

УДК 343.12
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/214-217

СКОРРЕЛИРОВАННОСТЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Н. В. Бушная, Н. П. Вишникина
Ставропольский филиал МПГУ

CORRELATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES AND MODERN SYSTEM OF PREVENTIVE MEASURES

N. V. Bushnaya, N. P. Vishnikina
Stavropol Branch of MPGU

Аннотация: представлен взгляд законодателя на цифровизацию сферы уголовного судопроизводства, в частности института мер пресечения. Цифровизация сферы уголовного судопроизводства – ответ на современные вызовы развития общества и государства, необходимый инструментарий в руках правоприменителя, обеспечивающий решение поставленных задач. Проведенный анализ нормативной базы свидетельствует о необходимости и значимости использования цифровых технологий в механизме избрания отдельных видов мер пресечения.
Ключевые слова: цифровизация, система мер пресечения, технические средства контроля, цифровые технологии.

Abstract: the paper presents the legislator's view on the digitalization of the sphere of criminal proceedings, in particular, the institution of preventive measures. Digitalization of the sphere of criminal proceedings is a response to the modern challenges of the development of society and the state, the necessary tools in the hands of the law enforcement officer, ensuring the solution of the tasks set. The analysis of the regulatory framework indicates the need and importance of using digital technologies in the mechanism of choosing certain types of preventive measures.
Key words: digitalization, system of preventive measures, technical means of control, digital technologies.

Выступая в декабре 2020 г. на Международной онлайн-конференции Artificial Intelligence Journey, Президент РФ В. В. Путин обозначил стратегическую задачу как ориентир мощного пространственного развития страны на ближайшие десятилетия – развитие цифровых технологий, цифровая трансформация всей страны с тем, чтобы быть глобально конкурентоспособными в этой сфере[1]. Постановка и решение такой задачи на государственном уровне свидетельствует о значимости апробации современных цифровых технологий для всех сфер жизни и производства.

Внедрение цифровизации в область российского права – новый вектор развития, тесно связанный с задачами цифровой эпохи в целом и правами человека в частности. Применение цифровых технологий, технических средств оцифровки различных видов документов касается различных видов производств, в том числе сферы реализации уголовно-процессуальной деятельности, для которой имманентно присущей является возможность избрания мер пресечения: запрета определенных действий, домашнего ареста, залога, предполагающих в определенных случаях осуществление контроля за поведением подозреваемого, обвиняемого с использованием цифровых технических средств. Однако цифровизация уголовного судопроизводства должна проходить в определенных рамках без нарушения прав человека, поскольку в

[1] См.: *Никольский А.* Путин заявил о необходимости цифровой трансформации России. URL: https://tass.ru/ekonomika/10172635

© Бушная Н. В., Вишникина Н. П., 2023

противном случае существует «великий риск судебных и следственных ошибок»[2], необходимо определение, обозначение правильных ориентиров, «направлений использования в уголовном судопроизводстве цифровых технологий»[3].

Согласно действующему уголовно-процессуальному закону, цифровые технические средства могут применяться с целью реализации контрольных мероприятий по соблюдению лицом, попавшим в сферу запретов, регламентированных п. 1–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Такие запреты ограничивают лицо в возможности свободного передвижения и нахождения в определенное время и в определенном месте, коммуникации с определенным кругом субъектов, в том числе с использованием средств телеграфно-почтовой связи и интернет-ресурсов.

Ретроспективный взгляд на точку отсчета действия УПК РФ свидетельствует о кардинальном изменении подхода законодателя к регулированию механизма реализации тех мер пресечения, которые предполагают необходимость контроля за поведением подозреваемого, обвиняемого. Ранее речь шла о домашнем аресте, сейчас к ней добавились залог и запрет на совершение определенных действий указанными участниками досудебного производства.

В вопросе применения технических средств контроля, в том числе аудиовизуальных, электронных, помимо УПК РФ, важными информационными ресурсами являются приказ Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета РФ и ФСБ России от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог»[4] и постановление Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134 «Перечень аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог»[5]. Название указанного нормативного акта представлено в редакции от 24 ноября 2018 г., выразившееся в появлении уточняющей части относительно конкретных мер пресечения, избранных в отношении лица, привлеченного к уголовной ответственности. Появление такого уточнения абсолютно обоснованно и связано с трансформацией на тот период системы мер пресечения – появлением абсолютно нового средства принуждения – запрета определенных действий.

В соответствии с постановлением все цифровые средства контроля ранжированы следующим образом: средства персонального контроля, устройство аудиовизуального контроля, технические средства и устройства региональных информационных центров. Указанное постановление Правительства РФ содержит модель использования цифровых средств, в том числе временные рамки, что является немаловажным в свете характера избираемых мер пресечения, по своим конструктивным признакам имеющие ограничительные ресурсы для конституционных прав и свобод лица, к которому они применены.

Исходя из определенных судом запретов и с учетом технических требований к использованию средств контроля, уполномоченный орган, в качестве которого определена уголовно-исполнительная инспекция, осуществляет комплекс действий по их установке, активированию в месте исполнения меры пресечения, выдачи лицу, имеющему статус подозреваемого, обвиняемого. В зависимости от установленного запрета инспекция определяет, какое контрольно-цифровое средство подлежит применению. Так, непосредственно на теле подозреваемого или обвиняемого устанавливаются такие средства персонального контроля, как электронный браслет и персональный трекер, а установка, активация стационарных технических средств осуществля-

[2] *Воскобитова Л. А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии : проблемы совместимости // Lex Russica. 2019. № 5 (150). С. 94.

[3] *Гаврилин Ю. В., Победкин А. В.* Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51). С. 28.

[4] URL: http://www.consultant.ru

[5] URL: http://www.consultant.ru

ется в месте, определенном для исполнения установленных судом ограничений.

Установление устройства, предназначенного для аудиовизуального наблюдения за лицом, оказавшимся под воздействием меры пресечения, возможно только при условии получения согласия лиц, проживающих совместно с подозреваемым или обвиняемым в качестве собственника или нанимателя либо на иных законных основаниях, что коррелируется с конституционной защищенностью прав и свобод человека и гражданина. Указанное согласие оформляется в письменной форме.

Применение технических средств контроля осуществляется на основании постановления начальника уголовно-исполнительной инспекции, в обязанности которого включено проведение проверок по ведению подчиненными сотрудниками контрольно-учетной документации.

Весь комплекс действий, связанных с технической стороной использования цифровых средств, касающихся их установки, замены в случае поломки и т. п., предполагает ведение соответствующей документации. Кроме того, регламент применения указанных средств обязывает инспекцию на вручение лицу, которое подвергнуто определенным запретам процессуально-пресекательного характера, памятки о мерах безопасности и соблюдению эксплуатационных требований.

С нашей точки зрения, весь комплекс действий, производимых органами предварительного расследования от момента подготовки документов, необходимых для осуществления контроля за подозреваемым, обвиняемым в тех случаях, о которых идет речь, до принятия решения о снятии с учета указанных лиц объединяется такой категорией, как «контроль». Последний, помимо перечисленного, предполагает ведение личного дела подозреваемого или обвиняемого, включающего не только документы, касающиеся подвергнутого соответствующим запретам, но и материалы, демонстрирующие осуществление контрольной деятельности со стороны инспекции: объяснения, справки о проведении бесед, результатах проверок, рапорты.

Если в ходе производства по уголовному делу мера пресечения отменена либо изменена на другую, не предусматривающую аналогичных запретов, истек срок действия ограничительных средств, инспекция должна незамедлительно отреагировать принятием решения о прекращении дальнейшего применения технических средств.

Несмотря на цифровизацию процедуры применения запрета определенных действий, залога, домашнего ареста и предусмотренных ими запретов, невозможно ее представить без человека, отвечающего за ее эффективное внедрение, бесперебойное функционирование и своевременное реагирование на случаи нарушения подозреваемым, обвиняемым установленных запретов либо факты, связанные с нарушением нормального функционирования применяемых технических средств контроля.

Библиографический список

Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии : проблемы совместимости // Lex Russica. 2019. № 5 (150). С. 91–104.

Гаврилин Ю. В., Победкин А. В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51). С. 27–38.

Никольский А. Путин заявил о необходимости цифровой трансформации России. URL: https://tass.ru/ekonomika/10172635

References

Voskobitova L. A. Criminal proceedings and digital technologies: compatibility problems // Lex Russica. 2019. № 5 (150). С. 91–104.

Gavrilin Yu. V., Pobedkin A. V. Modernization of the criminal procedure form in the conditions of the information society // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3 (51). С. 27–38.

Nikolsky A. Putin stated the need for Russia's digital transformation. URL: https://tass.ru/ekonomika/10172635

Ставропольский филиал МПГУ
Бушная Н. В., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой общегуманитарных и юридических дисциплин
E-mail: Natalyabushnaya@mail.ru

Вишникина Н. П., старший преподаватель кафедры общегуманитарных и юридических дисциплин, старший научный сотрудник криминалистической лаборатории
E-mail: nat.vishnikina@yandex.ru

Поступила в редакцию: 11.05.2022

Для цитирования:
Бушная Н. В., Вишникина Н. П. Скоррелированность цифровых технологий и современной системы мер пресечения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 214–217. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/ 214-217.

Stavropol Branch of MPGU
Bushnaya N. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the General Humanitarian and Legal Disciplines Department
E-mail: Natalyabushnaya@mail.ru

Vishnikina N. P., Senior Lecturer of the General Humanitarian and Legal Disciplines Department, Senior Researcher at the Forensic Laboratory
E-mail: nat.vishnikina@yandex.ru

Received: 11.05.2022

Recommended citation:
Bushnaya N. V. Vishnikina N. P. Correlation of digital technologies and modern system of preventive measures // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 214–217. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/214-217.

УДК 343.9
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/218-224

МУНИЦИПАЛЬНАЯ УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Е. З. Сидорова

Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации

MUNICIPAL CRIMINAL POLICY IN THE FIELD OF CRIME PREVENTION IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

E. Z. Sidorova

East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia

Аннотация: в настоящее время в уголовно-правовой науке отсутствует единство понимания термина «уголовная политика». В связи с этим автор представляет собственное определение данного термина, рассматривая его в контексте предупреждения преступности в образовательной среде. Выделяя несколько уровней уголовной политики, в настоящей статье автор обращается к уголовной политике, реализуемой на муниципальном уровне, и приводит конкретные примеры.

Ключевые слова: уголовная политика, муниципальные нормативно-правовые акты, профилактика преступности, преступность в образовательной среде, борьба с преступностью в системе образования, правовые предписания муниципалитетов.

Abstract: currently, there is no unity of understanding of the term "criminal policy"in criminal law science. In this regard, the author presents his own definition of this term, considering it in the context of crime prevention in the educational environment. Highlighting several levels of criminal policy, in this article the author refers to the criminal policy implemented at the municipal level and gives specific examples.

Key words: criminal policy, municipal normative legal acts, crime prevention, crime in the educational environment, combating crime in the education system, legal regulations of municipalities.

В ранее опубликованных научных работах мы обращались к раскрытию понятия «уголовная политика в сфере предупреждения преступности в образовательной среде»[1]. Под указанным термином мы понимаем целенаправленную деятельность государственных органов и органов местного самоуправления, ориентированную на борьбу с преступностью, проявляющейся в сфере образования, а также иными негативными социальными явлениями криминального и криминогенного характера в данной области общественных отношений (коррупция, экстремизм, скулшутинг, склонение обучающихся к суицидальному поведению и т. д.).

Государственная политика в сфере образования, в том числе политика уголовная, направленная на предупреждение преступности в образовательной среде, проявляется в первую очередь в нормативно-правовых актах, действующих на территории данного государства, а также в судебных решениях.

Следует также отметить, что уголовная политика реализуется на нескольких уровнях:

1) уголовная политика, реализуемая на международном уровне посредством международного сотрудничества;

[1] См.: *Сидорова Е. З.* Современная уголовная политика в области предупреждения преступности в сфере образования, реализуемая на международном уровне // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 1 (57). С. 20–23.

© Сидорова Е. З., 2023

2) уголовная политика, реализуемая на федеральном уровне;

3) уголовная политика, реализуемая на региональном уровне;

4) уголовная политика, реализуемая на муниципальном уровне.

Несмотря на существование нескольких уровней реализации уголовной политики, важно, чтобы их положения и предписания не противостояли друг другу.

В настоящей статье раскроем четвертый из названных уровней уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовательной среде – муниципальную уголовную политику, реализуемую на местном уровне, т. е. на территории конкретного муниципального образования.

В связи с тем что уголовная политика государства выражается в первую очередь в нормативно-правовых актах, классифицируем принимаемые на уровне муниципалитетов правовые акты, затрагивающие названную сферу общественных отношений.

1. Устав муниципального образования.

Например, ст. 57 Устава г. Ханты-Мансийска предусмотрено, что к полномочиям администрации города относится, в частности, осуществление учета детей, подлежащих обязательному обучению в образовательных учреждениях, реализующих образовательные программы основного общего образования[2]. Данное положение означает, что в муниципальном образовании ведется официальный учет всех подростков, которые должны учиться в школе. То есть органы власти контролируют получение детьми школьного образования, а также случаи бродяжничества и беспризорности среди несовершеннолетних, что является серьезнейшим фактором криминализации подростков[3].

2. Муниципальные правовые акты, принимаемые представительным органом муниципального образования.

Так, на основании решения Думы г. Иркутска от 26 октября 2012 г. № 005-20-390644/2 администрация г. Иркутска участвует в осуществлении мероприятий по профилактике незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании среди детей и подростков[4].

3. Муниципальные правовые акты, принимаемые главой муниципального образования, местной администрацией. Например, постановлением администрации Киренского муниципального района Иркутской области от 11 сентября 2014 г. № 957 утверждена муниципальная программа Киренского района «Развитие образования на 2015–2024 годы»[5], в которой прямо указывается, что открытие новых образовательных организаций на территории муниципального образования явится одной из действенных мер профилактики сиротства, ранней детской безнадзорности.

В свою очередь, на территории г. Самары действует утвержденная администрацией муниципальная программа «Профилактика правонарушений на территории городского округа Самара» на 2019–2021 годы[6]. Так, в целях социальной адаптации подростков, состоящих на внутришкольном профилактическом учете, образовательные организации должны способствовать их трудоустройству.

4. Правовые акты, предписания, рекомендации, принимаемые образовательными и иными организациями муниципального образования.

Например, специальной (коррекционной) школой-интернатом № 6 г. Зима (Иркутская область) утверждена адаптированная основная общеобразовательная программа для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (интеллектуальными нарушениями) 2–9-х классов[7]. Данная программа позволяет учесть осо-

[2] Устав города Ханты-Мансийска : принят решением Думы города Ханты-Мансийска от 11 марта 2011 г. № 1169 (в ред. от 27.09.2019) // Самарово-Ханты-Мансийск. 2011. № 14.

[3] См.: *Бутова М. В.* О современном состоянии профилактики правонарушений среди несовершеннолетних // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2021. № 1 (44). С. 186.

[4] О реализации права на участие в осуществлении отдельных государственных полномочий, не переданных в установленном порядке : решение Думы г. Иркутска от 26 октября 2012 г. № 005-20-390644/2 (в ред. от 21.12.2017) // Иркутск официальный. 2012. № 45 (430).

[5] URL: http://kirenskrn.irkobl.ru/economy/programs (дата обращения: 01.01.2021).

[6] Об утверждении муниципальной программы городского округа Самара «Профилактика правонарушений на территории городского округа Самара» на 2019–2021 годы : постановление Администрации городского округа Самара от 20 сентября 2018 г. № 759 (в ред. от 07.10.2020). URL: http://docs.cntd.ru/document/550200197 (дата обращения: 01.01.2021).

[7] URL: http://скши6-зима.образование38.рф/files/dokumenti/obrazovatelnie_standvrti_(fgos)/aoop_nachal_nogo_i_osnovnogo_obwego_obrazovaniya_obuchayuwi-

бенности развития детей с особенностями здоровья и дает таким детям возможность получить основы образования, культурного развития и социальной адаптации, что является необходимым для их дальнейшей жизни и трудоустройства.

Кроме того, большую роль в превенции преступности в образовательной среде, особенно среди несовершеннолетних, играют комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Поскольку несовершеннолетние лица в большинстве случаев имеют статус школьников или студентов, указанные комиссии относятся к важнейшим субъектам профилактики преступности обучающихся. Согласно нормам федерального законодательства одной из целей деятельности данных комиссий является координация деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по предупреждению правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявлению и устранению причин и условий, способствующих этому[8]. При этом не только законодательными, но и судебными органами Российской Федерации указывается на значимость проведения названными комиссиями воспитательной работы с детьми, проявившими признаки девиантности[9].

Ранее нами освещалась проблема суицидального воздействия на обучающихся, в первую очередь детей и подростков[10]. Некоторые элементы уголовной политики также прослеживаются в тех актах, которые направлены на борьбу с данной криминальной угрозой. На местном уровне реализуются отдельные мероприятия, направленные на предупреждение самоубийств гражданами. Например, на основании методических рекомендаций «Организация межведомственной работы по снижению числа суицидов в муниципальных образованиях Пермского края», утвержденных приказом Министерства здравоохранения Пермского края от 5 августа 2015 г. № СЭД-34-01-06-644, местные органы власти разрабатывают свои нормативно-правовые акты, направленные на профилактику суицидального поведения граждан, проживающих на территории того или иного муниципального образования[11]. Подобные методические рекомендации разработаны также, например, в Свердловской области[12].

В Амурской области действует постановление администрации Зейского района от 9 декабря 2014 г. № 1145 «О Порядке межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по выявлению фактов суицидальных попыток среди несовершеннолетних»[13].

В Пермском крае можно также ознакомиться с постановлением комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Пермского края от 3 декабря 2014 г. № 11 «Об эффективности работы по профилактике суицидального поведения несовершеннолетних, мерах по снижению количества суицидов и суицидальных попыток»[14].

На уровне муниципалитетов решаются также многие вопросы профилактики суицидов среди местного населения, однако проблемы часто остаются теми же: дефицит специализированных кадров и недостаток финансирования. В связи с этим при осуществлении политики на местном уровне по вопросу профилактики суицидов своих граждан органы местного самоуправления должны уделить первоочередное внимание именно данным проблемам.

---

hsya_s_ovz_intellektual_nymi_narusheniyami_2_9_klassov.pdf (дата обращения: 01.01.2021).

[8] Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (в ред. от 24.04.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177.

[9] О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (в ред. от 29.11.2016) // Рос. газета. 2011. № 29.

[10] См.: *Сидорова Е. З.* Современные антисуицидальные меры и уровни предупреждения суицида // Век качества. 2020. № 2. С. 215–224.

[11] URL: http://docs.cntd.ru/document/430505890 (дата обращения: 23.06.2021).

[12] Организация межведомственной работы по снижению числа суицидов в муниципальных образованиях Свердловской области : методические рекомендации, разработанные Министерством здравоохранения Свердловской области и Свердловской областной клинической психиатрической больницей. URL: http://centerlado.ru/uploadedFiles/files/METODIChESKIE_REKOMENDATsII_po_profilaktike_suitsidov_2017_god.pdf (дата обращения: 24.06.2021).

[13] URL: https://admzr.ru/index.php/dokumenty/normativnye-dokumenty/postanovleniya/1447-postanovlenie-1145 (дата обращения: 24.06.2021).

[14] URL: http://docs.cntd.ru/document/438834678 (дата обращения: 24.06.2021).

В целом следует констатировать, что большинство документов носит разрозненный характер, урегулированы только отдельные вопросы в сфере профилактики суицидального поведения граждан. В связи с этим можно заключить, что в настоящее время в России отсутствует единая государственная политика в области предупреждения совершения самоубийств представителями нашего населения (как и уголовная политика в целом). Реализуются самостоятельные превентивные мероприятия, но единой государственной концепции, направленной на значительное снижение суицидов в нашей стране, на борьбу с этим негативным социальным явлением, к сожалению, нет.

Продолжая анализ превентивной уголовной политики, следует обозначить следующее.

Установленные современным законодательством основы государственного и муниципального управления в сфере образования базируются на закрепленном в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» принципе, в соответствии с которым организация управленческой деятельности осуществляется с учетом положений названного федерального закона, и в случае возникновения юридических коллизий или несоответствий правовых норм друг другу применяется именно федеральный закон[15].

Говоря о правовых основах государственного и муниципального управления в сфере образования, необходимо исследовать принципы, на которых строится обозначенная деятельность. Под принципами понимаются основные, исходные положения какой-нибудь теории, учения, мировоззрения. Учитывая действующее отечественное законодательство, можно назвать следующие основные принципы осуществления управления в сфере образования, в том числе на муниципальном уровне:

1) соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, недопустимость дискриминации в сфере образования;

2) законность;

3) системность и комплексность применения органами власти политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер;

4) защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации;

5) информационная открытость и публичная отчетность;

6) взаимодействие органов власти с общественными объединениями, международными организациями и гражданами;

7) недопустимость ограничения или устранения конкуренции в сфере образования.

Современным отечественным законодательством регулируются такие вопросы государственного и муниципального управления в сфере образования, как:

1) закрепление полномочий в сфере образования за определенными органами государственной и муниципальной власти. Например, постановление правительства Иркутской области от 29 декабря 2009 г. № 391/170-пп (в ред. от 04.09.2020) «О министерстве образования Иркутской области» (с изменениями и дополнениями)[16];

2) разграничение полномочий в сфере образования между государственными (федеральными и региональными) и муниципальными органами власти. Например, Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (в ред. от 09.11.2020) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)[17];

3) установление прав и обязанностей граждан, обращающихся в органы государственной и муниципальной власти с вопросом из сферы образования. Например, Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (в ред. от 27.12.2018) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)[18];

4) установление прав и обязанностей государственных служащих, исполняющих государственные и муниципальные функции в сфере образования. Например, Закон Иркутской области от 4 апреля 2008 г. № 2-оз «Об отдельных вопросах государственной гражданской службы Иркутской области» (с изменениями и дополнениями)[19];

[15] Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 31.07. 2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

[16] Областная. 2010. № 19.

[17] Рос. газета. 1999. № 206.

[18] Там же. 2006. № 95.

[19] Областная. 2008. № 37.

5) организационные вопросы, касающиеся сферы образования. В частности, устанавливаются требования к образовательным организациям, уровням образования, образовательным программам. Например, Приказ Минтранса Российской Федерации № 14, Минюста Российской Федерации № 24, МВД Российской Федерации № 58 от 28 января 2009 г. «Об утверждении Требований к образовательным программам профессиональной переподготовки и повышения квалификации экспертов-техников» (с изменениями и дополнениями)[20].

Таким образом, современное законодательство является очень обширным и регулирует множество аспектов осуществления государственного и муниципального управления в сфере образования.

Следует также обратить внимание на участников образовательных отношений. Отечественный законодатель разделяет понятия «участники образовательных отношений» и «участники отношений в сфере образования». К первой категории относятся обучающиеся, родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся, педагогические работники и их представители, организации, осуществляющие образовательную деятельность. Ко второй категории – все вышеперечисленные, а также федеральные государственные органы, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, работодатели и их объединения. Таким образом, понятие «участники отношений в сфере образования» является более широким. Вместе с тем в настоящей работе названные понятия используются как равнозначные.

В целом можно констатировать наличие целой системы государственных органов различных уровней, выполняющих те или иные функции в сфере образования, в том числе на муниципальном уровне, а значит, в той или иной мере участвующих в реализации превентивной уголовной политики.

Важно отметить, что в настоящее время в нашей стране используется программно-целевой метод использования бюджетных средств: в целях разрешения тех или иных социальных проблем государство осуществляет финансирование и реализацию определенных государственных и муниципальных программ[21]. Учитывая три уровня органов власти, участвующих в отношениях в сфере образования, на государственном и муниципальном уровне разрабатываются и утверждаются соответствующие программы, направленные на развитие системы образования. Говоря о муниципальных программах (на примере муниципальных образований Иркутской области), можно обозначить, следующие: «Иркутск – территория детства на 2013–2021 годы»[22], «Совершенствование сферы образования на территории Шелеховского района» на 2019–2030 годы[23], муниципальная программа Киренского района «Развитие образования на 2015–2024 годы»[24], муниципальная программа г. Братска «Образование» на 2020–2024 годы[25], «Развитие системы образования Усольского района» на 2020–2025 годы[26].

В каждой из названных программ ответственным исполнителем выступает орган местного самоуправления, осуществляющий управление в сфере образования на соответствующей территории.

[20] Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 12.

[21] См.: *Батавина М. А.* Программно-целевой метод как инструмент управления экономикой муниципального образования // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2019. № 1 (16). С. 3.

[22] О муниципальной программе «Иркутск – территория детства на 2013–2021 годы» : постановление администрации г. Иркутска от 15 октября 2012 г. № 031-06-2052/12 // Иркутск официальный. 2012. № 43.

[23] Об утверждении муниципальной программы «Совершенствование сферы образования на территории Шелеховского района» на 2019–2030 годы : постановление администрации Шелеховского муниципального района от 19 декабря 2014 г. № 1388-па. URL: http://www.sheladm.ru/qa/874.html (дата обращения: 01.01.2021).

[24] Об утверждении муниципальной программы Киренского района «Развитие образования на 2015–2024 годы» : постановление администрации Киренского муниципального района от 11 сентября 2014 г. № 957 (в ред. от 04.09.2020). URL: http://kirenskrn.irkobl.ru/economy/programs (дата обращения: 01.01.2021).

[25] Муниципальная программа г. Братска «Образование» на 2020–2024 годы : постановление администрации муниципального образования г. Братска от 8 ноября 2017 г. № 1729. URL: https://www.bratsk-city.ru/now/programms/mp/perechen/ (дата обращения: 01.01.2021).

[26] Об утверждении муниципальной программы «Развитие системы образования Усольского района» на 2020–2025 годы : постановление администрации муниципального района Усольского районного муниципального образования от 1 ноября 2019 г. № 1104. URL: http://usolie-raion.ru/zakonodatelstvo/munitsipalnye-programmy (дата обращения: 01.01.2021).

Целью таких программ в основном является повышение доступности качественного образования, обеспечение его соответствия потребностям социально-экономического развития. Отдельные задачи ряда муниципальных программ связаны с безопасностью образовательной среды. Например, задачами программы г. Братска «Образование» на 2020–2024 гг. является организация отдыха и оздоровления детей, создание безопасных условий для организации образовательного процесса, а также развитие инфраструктуры и укрепление материально-технической базы образовательных учреждений. В программе «Иркутск – территория детства на 2013–2021 годы» названа такая задача, как формирование безопасного образовательного пространства для всех участников учебного процесса.

Некоторые целевые показатели муниципальных программ также ориентированы на обеспечение безопасности образовательной среды, например: увеличение количества образовательных организаций, отвечающих требованиям пожарной и антитеррористической безопасности, с 60 до 80 % к концу 2021 г.; увеличение доли образовательных организаций, в которых созданы безопасные условия от общего числа образовательных организаций; уровень материально-технической обеспеченности образовательных учреждений в соответствии с требованиями законодательства и нормами безопасности жизнедеятельности.

Таким образом, можно констатировать, что в нашей стране, в том числе в ее субъектах и отдельных муниципальных образованиях, разработаны и утверждены государственные и муниципальные программы и подпрограммы, ориентированные на обеспечение отдельных видов безопасности системы образования. Однако, несмотря на наличие отдельных «безопасноориентированных» показателей, говорить о системном подходе к защите образовательной среды от различного вида угроз (рисков) в настоящее время нельзя. Наличие отдельных показателей не свидетельствует о существовании единой системы. В связи с существованием огромного ряда проблем в сфере образования необходимо пересмотреть подходы к выделению подпрограмм, ведомственных и муниципальных целевых программ, целевых показателей и индикаторов[27].

Таким образом, несмотря на кажущееся значительное число муниципальных нормативно-правовых актов и иной документации, затрагивающей вопрос профилактики преступности в образовательной среде, многие вопросы на общегосударственном уровне в данной сфере по-прежнему не урегулированы. Многие акты носят отсылочный или рекомендательный характер. Четких инструкций того, что именно необходимо предпринять для снижения случаев совершения преступлений участниками образовательных отношений, по-прежнему нет. Несмотря на свою значимость, проблема преступности в образовательной среде остается по-прежнему нерешенной, и уголовная политика в данном направлении только начинает развиваться.

Библиографический список

Батавина М. А. Программно-целевой метод как инструмент управления экономикой муниципального образования // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2019. № 1 (16). С. 3–5.

Бутова М. В. О современном состоянии профилактики правонарушений среди несовершеннолетних // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2021. № 1 (44). С. 178–187.

Набиуллина И. Ф. Правовое регулирование государственного контроля и надзора в сфере образования в Российской Федерации : проблемы и пути решения // Правовестник. 2019. № 8 (19). С. 27–29.

Сидорова Е. З. Современная уголовная политика в области предупреждения преступности в сфере образования, реализуемая на международном уровне // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 1 (57). С. 20–23.

Сидорова Е. З. Современные антисуицидальные меры и уровни предупреждения суицида // Век качества. 2020. № 2. С. 215–224.

References

Batavina M. A. Program-target method as a tool for managing the economy of a municipal formation // Spiritual situation of time. Russia XXI century. 2019. № 1 (16). P. 3–5.

Butova M. V. About the current state of prevention of offenses among minors // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2021. № 1 (44). P. 178–187.

[27] См.: *Набиуллина И. Ф.* Правовое регулирование государственного контроля и надзора в сфере образования в Российской Федерации : проблемы и пути решения // Правовестник. 2019. № 8 (19). С. 27–29.

Nabiullina I. F. Legal regulation of state control and supervision in the field of education in the Russian Federation : problems and solutions // Pravovestnik. 2019. № 8 (19). P. 27–29.

Sidorova E. Z. Modern criminal policy in the field of crime prevention in the field of education, implemented at the international level // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2021. № 1 (57). P. 20–23.

Sidorova E. Z. Modern antisuicidal measures and levels of suicide prevention // Century of quality. 2020. № 2. P. 215–224.

Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации

Сидорова Е. З., кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии

E-mail: ketrik6@mail.ru

Поступила в редакцию: 06.07.2021

Для цитирования:

Сидорова Е. З. Муниципальная уголовная политика в сфере предупреждения преступности в образовательной среде // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 218–224. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/218-224.

East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia

Sidorova E. Z. Candidate of Legal Sciences, Lecturer of the Criminal Law and Criminology Department

E-mail: ketrik6@mail.ru

Received: 06.07.2021

Recommended citation:

Sidorova E. Z. Municipal criminal policy in the field of crime prevention in the educational environment // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 218–224. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/218-224.

УДК 343.13
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/225-230

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТРАСЛЯХ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Е. В. Вовк

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN PROCEDURAL FIELDS OF RUSSIAN LAW

E. V. Vovk

South-Russian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

Аннотация: анализируются формально-юридические и общетеоретические аспекты реализации принципа справедливости в процессуальных отраслях российского права, в контексте обоснования тезиса о невозможности и нецелесообразности выработки единого подхода к пониманию данного принципа на уровне отдельных отраслей российского законодательства. Автор показывает особенности используемой законодателем юридической техники и проводит аналогии с бывшим советским законодательством по соответствующей проблематике. Наряду с пониманием справедливости как общего принципа права, использование которого стало традиционным, в частности для Конституционного Суда РФ, автор предлагает рассматривать принцип справедливости в отдельных отраслях российского законодательства как в контексте обобщенных и относительно единообразных, так и оригинальных подходов к нормативному содержательному наполнению данного принципа.
Ключевые слова: принцип справедливости, процессуальное законодательство, справедливое судебное разбирательство, справедливый приговор, справедливый человек, юридическая техника.

Abstract: the article analyzes the formal legal and general theoretical aspects of the implementation of the principle of justice in the procedural branches of Russian law, in the context of substantiating the thesis about the impossibility and inexpediency of developing a unified approach to understanding this principle at the level of individual branches of Russian legislation. The author shows the features of the legal technique used by the legislator and draws analogies with the former Soviet legislation on the relevant issues. Along with the understanding of justice as a general principle of law, the use of which has become traditional, in particular for the Constitutional Court of the Russian Federation, the author proposes to consider the principle of justice in certain branches of the Russian legislator both in the context of generalized and relatively uniform, and original approaches to the normative content of this principle.
Key words: principle of justice, procedural legislation, fair trial, fair sentence, fair person, legal technique.

Понимание принципа справедливости как принципа судебной деятельности (принципа правосудия) в отечественной юриспруденции активно изменялось. Аналогичным образом изменялись и подходы к его оформлению на уровне законодательства. На первоначальных этапах своего развития молодое Советское государство оказалось в ситуации, близкой к правовому вакууму, когда старые законы уже не могли быть использованы в должной мере, а новых было явно недостаточно. По этой причине одним из базовых принципов правосудия, на который было вынуждено опираться государство, выступил принцип справедливости, производный от «социалистического правосознания». Под-

© Вовк Е. В., 2023

тверждение этого тезиса можно найти в ст. 36 Декрета ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде», в которой указывалось, что по гражданским и уголовным делам судам предлагалось руководствоваться гражданскими и уголовными законами, действующими «доныне», лишь постольку, поскольку таковые не отменены декретами Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров и не противоречат социалистическому правосознанию. Кроме того, не ограничиваясь формальным законом, а руководствуясь соображениями справедливости, и гражданский, и уголовный суд могли, вопреки соображениям формального характера, присудить «справедливое требование». Таким образом, свобода судебного усмотрения была практически ничем не ограничена, а сам принцип справедливости выступал как единственный официально заявленный принцип правосудия (в том виде, в каком это принято в современном российском законодательстве), предполагающий, в том числе, руководствоваться социалистическим правосознанием в случаях, когда судья находит существующий закон неприменимым.

Обращаясь к правовой системе бывшего СССР, также отметим, что советское законодательство в сфере уголовного судопроизводства оперировало категорией «справедливость» в значении «справедливое наказание» (Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик»). Сами же советские ученые выходили за рамки идеи «справедливого наказания», анализируя в том числе проблему справедливости приговора. Справедливость приговора рассматривалась в достаточно широком смысле не только как производное от строгой индивидуализации наказания, но и, в первую очередь, «как правильное разрешение вопроса виновности или невиновности»[1].

Современная российская юриспруденция использует идею справедливости и как общий правовой (конституционный) принцип (что получает свое развитие в интерпретационной деятельности Конституционного Суда РФ), и как относительно самостоятельный принцип отдельных отраслей российского права, и в контексте субъективного права на справедливое судебное разбирательство, хотя самой категорией «право на справедливое судебное разбирательство» отечественное законодательство оперирует нечасто. Исключением являются положения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), однако, на наш взгляд, мы имеем дело с легитимизацией на уровне отраслевого российского законодательства уже устоявшейся в отечественной науке и практике правовой конструкции, пришедшей из международного права, в частности ст. 6 Европейской конвенции.

Попытки законодательно придать принципу справедливости самостоятельное звучание (ведь последний заявлен в качестве относительно самостоятельного в тексте процессуальных кодексов) мы также наблюдаем, но, к сожалению, не обнаруживаем четкого понимания проблемы самим законодателем. Так, принцип справедливости рассматривается в одном ряду с принципами соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения (ч. 3 ст. 206 ГПК РФ и ч. 4 ст. 174 АПК РФ). АПК РФ также использует принцип справедливости в одном ряду с принципом разумности (ч. 2 ст. 98).

Вопрос, почему гражданское и арбитражное процессуальное законодательства могут значительным образом различаться – это отдельная тема для дискуссии. Как отмечают исследователи данной проблемы, современные российские процессуальные кодексы в целом отражают преемственность в подходах к формулированию задач гражданского судопроизводства. Однако стремление к дифференциации процессуального законодательства порождает разрозненность формулировок. По мнению исследователей, подобное размывание понятий не только создает неопределенность в подходах к формулированию задач судопроизводства по гражданским делам, но и затрудняет их реализацию[2].

Таким образом, в юридической науке сложилась традиция рассматривать принцип справедливости в цивилистическом процессе, в большей степени именно в контексте права на справедливое судебное разбирательство, а не в контексте относительно самостоятельного принципа, в качестве которого он также заявлен.

[1] *Оганесян Р. М.* Оправдательный приговор в советском уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1970. С. 9.

[2] См.: *Багрянская П. Д.* Задачи гражданского судопроизводства : законодательное развитие понятия // Мировой судья. 2020. № 12. С. 32–37.

Одновременно отметим, что и институциональный аспект справедливости правосудия – «независимость, беспристрастность, компетентность суда, срок его полномочий» также не обходится вниманием[3], правда, в таком представлении он содержательно пересекается с процессуальным аспектом.

В свою очередь, анализируя содержание Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), можно обнаружить, что принцип справедливости упоминается в следующих ситуациях: 1) ч. 2 ст. 6 – справедливое наказание, по аналогии с Уголовным кодексом РФ (далее – УК РФ); 2) ч. 4 ст. 226.9; ст. 297, 389.9; ч. 4 ст. 389.28 – справедливый приговор (в значении – приговор, постановленный в соответствии с требованиями Кодекса и основанный на правильном применении уголовного закона, вместе с такими характеристиками приговора, как законный и обоснованный); 3) ч. 1 ст. 332 – «справедливый человек» (присяга присяжных заседателей).

В случае использования сочетания «справедливый приговор», прилагательное «справедливый» используется в ряду таких характеристик приговора, как «законный» и «обоснованный». Однако обращает на себя внимание тот факт, что предметом судебного разбирательства в кассационном порядке не выступает справедливость приговора, а только его законность (ст. 401.1) в отличие от судебного разбирательства в апелляционном порядке (ст. 389.9). Анализ данной статьи также показывает, что справедливость может распространяться только на судебный приговор, а не любое иное решение суда первой инстанции. Таким образом, очевидно желание законодателя все же разграничить принципы справедливости и законности.

Отметим, что в юридической науке (в отличие от УПК РФ) категория «справедливый приговор» нередко используется как приговор, постановленный в ходе справедливого судебного разбирательства, по аналогии с использованием данного понятия в ст. 6 Европейской конвенции. Что же касается использования категории «справедливость» в присяге судебного заседателя, отметим, что ст. 8 Закона РФ «О статусе суда в Российской Федерации» по аналогии с УПК РФ предусматривает клятву «быть справедливым». Безусловный интерес вызывает тот факт, что в присяге судей Конституционного Суда РФ, как и во всем тексте федерального конституционного закона, упоминание справедливости в каком-либо виде отсутствует.

В целом, анализ УПК РФ позволяет сделать следующие выводы.

1. Справедливость не заявлена в качестве принципа (требования) уголовного судебного производства в отечественном законодательстве, а только в качестве требования, предъявляемого к итоговому судебному приговору.

2. Требование справедливости судебного разбирательства на уровне практики уголовного судопроизводства производно от положений, сформулированных Европейской конвенцией по правам человека «право на справедливое судебное разбирательство», обеспечение которого гарантируется путем обязывания соблюдения правомочий, его конкретизирующих, рассматриваемых в отечественном законодательстве как принципы судопроизводства, перечень которых значительно шире, чем в соответствующей статье Конвенции. Не случайно в юридической науке отмечается, что большинство принципов уголовного судопроизводства ориентировано на реализацию принципа справедливости в формальном смысле, если они соблюдаются, значит, судопроизводство справедливо[4].

3. Справедливым может быть только судебный приговор, а не любое другое судебное решение (ст. 389.9), что подтверждает понимание правосудия как судебной стадии производства по уголовному делу.

4. Законность приговора отделяется от обоснованности и справедливости приговора путем введения различий в предмет судебного разбирательства, в кассационном порядке таковым выступает только его законность (ст. 401.1) в отличие от судебного разбирательства в апелляционном порядке (ст. 389.9), в котором предметом разбирательства выступают дополнительно обоснованность и справедливость, т. е. законность приговора гарантируется.

5. Исключая из определения справедливости и обоснованности приговора положение о том, что приговор должен быть «постановлен в соответствии с требованиями настоящего кодекса» как

[3] См.: *Шамшурин Л. Л.* Справедливость как принцип российского цивилистического процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 11. С. 15–20.

[4] См.: *Васильев О. Л.* Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях российского уголовного процесса : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 12.

явно относящееся к характеристике «законности», можно заключить, что содержание данных принципов исходит из предписания о необходимости правильного применения головного закона.

6. Законность и обоснованность приговора отделяется от справедливости приговора, так как суд апелляционной инстанции проверяет по апелляционным жалобам и представлениям только справедливость приговора, тогда как по иным решениям проверяется только законность и обоснованность. Таким образом, вопрос о различиях между требованиями разумности и справедливости формально должен решаться в рамках более общего требования – правильного применения закона. Однако требование обоснованности приговора не раскрывается через понятие «правильное применение закона». Таким образом, правильное применение закона и есть реализация требования справедливости судебного приговора, которое раскрывается через правильный выбор нормы права, ее правильное толкование, включающее в том числе так называемое судебное правотворчество.

В советской юридической науке позднего периода высказывалось мнение, что несправедливость судебного решения в широком смысле возможна в следующих случаях:

– норма, которая применяется судом, является несправедливой;

– судом была избрана «не та» норма права;

– суд не установил в необходимой степени обстоятельства дела;

– верно избранная юридическая норма была неправильно истолкована[5].

Отметим также, что коллизия между справедливостью и формальной законностью – достаточно часто обсуждаемый в юридической науке аспект соответствующей проблематики[6]. В свою очередь коллизии между справедливостью и законностью могут быть смягчены путем выбора наиболее «справедливого» варианта истолкования.

Что же касается Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), на наш взгляд, законодатель сумел относительно определенно сформулировать понимание принципа справедливости, пусть и в конкретно отраслевом, ограничительном ключе. Так, в соответствии со ст. 9 законность и справедливость при рассмотрении и разрешении судами административных дел обеспечиваются соблюдением положений, предусмотренных законодательством об административном судопроизводстве, точным и соответствующим обстоятельствам административного дела правильным толкованием и применением законов и иных нормативных правовых актов. Другими словами, законодатель четко ограничивает внутренне содержание принципа справедливости – правильное толкование и применение нормативных актов.

Таким образом, КАС РФ в отличие от УПК РФ, формально не рассматривая принцип справедливости как требование к приговору, представляет его в качестве принципа судопроизводства («рассмотрения дел») и требования к разрешению административных дел, определяя его как точное и правильное толкование и применение нормативных правовых актов, что сближает понимание справедливости приговора (разрешения дел) в уголовном и административном процессе.

Однако на практике достаточно сложно в формально-юридическом и этимологическом ключе оценить реальные сходства и различия использования принципа справедливости в уголовном и административном процессуальном праве как во внутриотраслевом, так и в межотраслевом аспектах, особенно в соотношении с принципом законности и обоснованности. Кроме того, современная судебная практика часто опирается на нормы наднационального права. Не случайно в практике Верховного Суда РФ можно встретить ситуации, когда нарушением принципа справедливости судебного разбирательства обозначается нарушение принципа подсудности в значении нарушения права на доступ к правосудию, в частности «…разрешение дела с нарушением правил подсудности не отвечает и требованию справедливого правосудия, поскольку суд, не уполномоченный на рассмотрение того или иного конкретного дела, не является, по смыслу ч. 1 ст. 46 и ч. 1 ст. 47 Конституции РФ, законным судом, а принятые в результате такого рассмотрения судебные акты не обеспечивают гарантии прав и свобод в сфере пра-

[5] См.: *Чечина Н. А., Экимов А. И.* Категории справедливости в советском гражданском процессуальном праве // Материальное право и процессуальные средства его защиты : межвуз. тематический сборник. Калинин, 1981. С. 14–20.

[6] См.: *Цыбулевская О. И., Милушева Т. В.* Справедливо-сть в праве : аксиологический подход // Вестник Поволжского ин-та управления. 2017. № 5. С. 54.

восудия» (постановление Верховного Суда РФ от 09.01.2020 № 33-АД19-8).

Что же касается рассмотрения дел об административных правонарушениях, то, по мнению исследователей, принцип справедливости в ходе оценки доказательств по делам об административных правонарушениях выступает в качестве практической реализации правоприменителем нравственных критериев при осуществлении оценочной деятельности при назначении наказания на основе законности[7]. При этом следует учитывать, что в самом кодексе об административных правонарушениях (в ситуации отсутствия специального процессуального кодекса) упоминание принципа справедливости не встречается. Однако ряд авторов утверждают, что «не имея официального законодательного закрепления, принцип справедливости нашел свое непосредственное отражение и в иных статьях КоАП РФ» («Общие правила назначения административного наказания (ст. 4.1), «Презумпция невиновности» (ст. 1.5), «Возможность освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения» (ст. 2.9)).

В заключение отметим следующее. Особенности юридического оформления идеи (принципа) справедливости на уровне правосудия целесообразно рассматривать применительно к отдельным отраслям российского права. Современный отечественный законодатель сумел заложить оригинальное, пусть и не единое, понимание справедливости в отдельных отраслях российского права, однако не смог сформулировать его достаточно четко и однозначно. Не удалось законодателю систематизировать и обособить различные «уровни» юридического оформления идеи справедливости.

Относительно устойчивым и сформировавшимся выглядит «принцип справедливого судебного разбирательства» на уровне уголовно-процессуального законодательства (в значении, придаваемом ему Европейской конвенцией и ЕСПЧ). Однако его дальнейшая судьба в России не ясна, вызывает большое количество вопросов теоретического и практического характера и ждет своего, в том числе законодательного, разрешения по причине выхода России из Совета Европы. Одновременно право на «справедливое судебное разбирательство» получило частичное законодательное оформление (с усеченным набором характеристик) на уровне цивилистических отраслей процессуального права.

От права на справедливое судебное разбирательство следует отличать принцип справедливости как оригинальный принцип отдельных отраслей отечественного законодательства. В материальных отраслях российского права допустимо сложившееся понимание справедливости как морально-нравственной категории, характеризуемой: в гражданском праве посредством морально-нравственного критерия в процессе оценочной деятельности и реализации полномочий судьи, производной от свободы судейского усмотрения; в уголовном праве – как соразмерности наказания совершенному преступлению.

Обоснованно также использование идеи справедливости в ее морально-нравственном оценочном значении в процессуальном цивилистическом законодательстве.

Вместе с тем на уровне процессуальных отраслей российского права необходимо также сформулировать понимание принципа справедливости как самостоятельного и относительно обособленного принципа деятельности судебных органов, включающего (на уровне уголовно-процессуального законодательства данный принцип просматривается вполне явно):

– правильный выбор правовой нормы;

– правильное толкование правовой нормы, включающее ликвидацию пробелов в праве, а также судебное правотворчества (пусть данное понятие и не получило своего формально-юридического оформления на уровне российского законодательства);

– правильное применение правовой нормы.

Библиографический список

Багрянская П. Д. Задачи гражданского судопроизводства : законодательное развитие понятия // Мировой судья. 2020. № 12. С. 32–37.

Васильев О. Л. Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях российского уголовного процесса : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2018.

Недведская В. А. Реализация принципа справедливости при назначении судом административного наказания по делам об административных пра-

[7] См.: *Недведская В. А.* Реализация принципа справедливости при назначении судом административного наказания по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2018. № 10. С. 40–42.

вонарушениях // Административное право и процесс. 2018. № 10. С. 40–42.

Оганесян Р. М. Оправдательный приговор в советском уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1970.

Цыбулевская О. И., Милушева Т. В. Справедливость в праве : аксиологический подход // Вестник Поволжского ин-та управления. 2017. № 5. С. 52–59.

Чечина Н. А., Экимов А. И. Категории справедливости в советском гражданском процессуальном праве // Материальное право и процессуальные средства его защиты : межвуз. тематический сборник. Калинин : Изд-во Калин. ун-та, 1981. С. 14–20.

Шамшурин Л. Л. Справедливость как принцип российского цивилистического процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 11. С. 15–20.

References

Bagryanskaya P. D. Tasks of civil proceedings : legislative development of the concept // Justice of the Peace. 2020. № 12. P. 32–37.

Vasiliev O. L. Theoretical aspects of the action of the principle of justice at the pre-trial stages of the Russian criminal process: dis. … Dr. jurid. Sciences. M., 2018.

Nedvedskaya V. A. Implementation of the principle of justice in the appointment by the court of administrative punishment in cases of administrative offenses // Administrative law and process. 2018. №10. P. 40–42.

Oganesyan R. M. Acquittal in the Soviet criminal process : author. dis. … cand. legal Sciences. M., 1970.

Tsybulevskaya O. I., Milusheva T. V. Justice in law : an axiological approach // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2017. № 5. P. 52–59.

Chechina N. A., Ekimov A. I. Categories of justice in Soviet civil procedural law // Substantive law and procedural means of its protection. Interuniversity thematic collection. Kalinin : Kalin Publishing House. un-ta, 1981. P. 14–20.

Shamshurin L. L. Justice as a principle of Russian civil procedural law // Arbitration and civil process. 2016. № 11. P. 15–20.

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Вовк Е. В., аспирант

E-mail: vev.412@mail.ru

Поступила в редакцию: 31.10.2022

Для цитирования:

Вовк Е. В. Реализация принципа справедливости в процессуальных отраслях российского права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 225–230. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/225-230.

South-Russian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

Vovk E. V., Post-graduate Student

E-mail: vev.412@mail.ru

Received: 31.10.2022

Recommended citation:

Vovk E. V. Implementation of the principle of justice in procedural fields of Russian law // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 225–230. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/225-230.

УДК 343.98
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/231-238

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДВОКАТСКОЙ И ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

П. Ю. Махобей, И. А. Фурсова
Воронежский экономико-правовой институт

CRIMINALISTIC ASPECTS OF ADVOCACY AND PROSECUTORIAL ACTIVITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

P. Yu. Makhobey, I. A. Fursova
Voronezh Institute of Economics and Law

Аннотация: статья посвящена анализу предмета криминалистики и ее системы, а также криминалистических аспектов адвокатской и прокурорской деятельности в уголовном судопроизводстве.
Ключевые слова: криминалистика, предмет криминалистики, криминалистическая тактика, адвокат, защитник, прокурор, доказательство, уголовный процесс.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the subject of criminology and its system, as well as the criminalistic aspects of advocacy and prosecutorial activities in criminal proceedings.
Key words: criminalistics, subject of criminalistics, criminalistic tactics, lawyer, defender, prosecutor, evidence, criminal procedure.

После продолжавшихся более столетия научных дискуссий о криминалистике как таковой и составляющих ее предмета, большинство ученых согласились с мнением Р. С. Белкина, согласно которому «криминалистика – это наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений»[1].

Как и определение понятия и предмета криминалистики, ее система в окончательном виде была сформирована не сразу.

Первые криминалисты полагали, что криминалистика представляет собой, по сути, лишь только «полицейскую технику» – использование естественных и технических наук в расследовании преступлений. По И. Н. Якимову, криминалистика состояла из двух частей: криминалистической техники и криминалистической тактики. Б. М. Шавер также делил науку криминалистики лишь на две части, но в иных наименованиях: «Общая часть» и «Особенная часть». В. И. Громов ввел понятие «методика расследования преступлений», которым стали обозначать самостоятельный, третий раздел криминалистики.

В конечном итоге длительные споры ученых привели к современному, общепризнанному пониманию системы науки криминалистики, согласно которому она состоит из относительно самостоятельных, но взаимосвязанных и взаимообусловленных подсистем: общая теория криминалистики, криминалистическая техника, криминалистическая тактика и криминалистическая методика.

Каждый из этих разделов и подсистем рассматривает и изучает свой спектр научных положений, технических средств и рекомендаций. Адвокат-защитник, следователь (дознаватель), прокурор – государственный обвинитель, без сомнений, являются субъектами судебного иссле-

[1] *Белкин Р.С.* Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 112.

© Махобей П. Ю., Фурсова И. А., 2023

дования преступлений, однако цели деятельности у них существенно разнятся, поэтому указанные участники уголовного судопроизводства нередко находятся в условиях определенного противодействия. При таких обстоятельствах каждому из них необходима выработка тактики своих действий для достижений конечной стратегической цели.

Под криминалистической тактикой следует понимать систему научных положений и разрабатываемых на их основе соответствующих средств (приемов, рекомендаций по их реализации, операций) допустимого и рационального собирания, исследования и использования доказательственной информации следователем (дознавателем), прокурором – государственным обвинителем, адвокатом-защитником и адвокатом-представителем, каждым в соответствии со своей процессуальной функцией в условиях потенциального или реального, непосредственного или опосредованного противодействия со стороны лиц или органов, имеющих иные интересы в уголовном судопроизводстве, чем те, которые имеет субъект, для оптимизации деятельности которого соответствующий вид криминалистической тактики создается[2].

Из анализа приведенного выше определения следует, что как сами научные положения, так и отдельные тактические приемы, рекомендации и операции разрабатываются криминалистикой с целью оказания практической помощи субъектам криминалистической тактики[3], в частности адвокату-защитнику и прокурору – государственному обвинителю.

Таким образом, если и адвокат, и прокурор являются субъектами криминалистической тактики, то криминалистические аспекты их деятельности в уголовном судопроизводстве можно свести к допустимому и рациональному собиранию, исследованию и использованию доказательств (доказательственной информации).

Осуществляя защиту по уголовным делам, адвокат-защитник вправе как собирать доказательства самостоятельно (п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), так и заявлять ходатайства о сборе доказательств отдельными представителями стороны обвинения (ч. 2 ст. 159 УПК РФ). Эти полномочия адвоката представляются нам не чем иным, как тактическими средствами защиты, поскольку их реализация направлена на сбор и последующее исследование и использование доказательственной информации. Решение об использовании того или иного тактического средства принимается защитником в зависимости от конкретной ситуации.

Однако здесь необходимо небольшое отступление.

Рассматривая в контексте заданной темы адвоката-защитника как субъекта доказывания, необходимо сразу отметить, что по смыслу действующего законодательства собранные им самим уголовно-релевантные сведения и материалы «доказательствами» в уголовно-процессуальном смысле не являются. На причинах их непризнания таковыми подробно останавливаться в настоящей статье мы не будем, пояснив лишь, что эти причины прямо следуют из анализа действующего УПК РФ. Тем не менее сведения и материалы, добытые защитником и представленные стороне обвинения или суду однозначно указывают им на источник получения доказательств уже в уголовно-процессуальном смысле. Учитывая обязанность следователя провести по делу полное, объективное и всестороннее расследование, а суда – исследовать все без исключения доказательства (как защиты, так и обвинения), с момента представления защитником материалов, указывающих на источник получения доказательства, у следователя и суда (в рамках своих полномочий) возникает обязанность это доказательство добыть в уголовно-процессуальном смысле и исследовать его.

Итак, как уже было отмечено выше, одним из полномочий защитника является самостоятельный сбор доказательств.

В действующем процессуальном законодательстве защитнику предоставлено право собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии (ч. 3 ст. 86 УПК РФ).

[2] См.: *Баев О. Я.* Избранные работы : в 2 т. Воронеж, 2011. Т. 1. С. 276.

[3] См.: *Комбарова Е. Л.* О научных подходах к определению сущности криминалистической тактики // Вестник Воронеж. ин-та ФСИН России. 2018. № 4. С. 178–184.

Отстаивая позицию об адвокате-защитнике как о профессиональном участнике уголовного процесса, что накладывает на него обязанности по соблюдению определенных профессиональных стандартов[4], добытые им доказательства предлагается подвергать проверке и оценке по правилам ст. 88 УПК РФ. В условиях отсутствия вышестоящего руководства и органов, осуществляющих текущий процессуальный контроль и надзор за деятельностью адвоката, такую проверку и оценку доказательств адвокату-защитнику предлагается осуществлять самостоятельно.

Напомним, что под относимостью доказательства следует понимать его прямую или косвенную связь с подлежащими доказыванию обстоятельствами. Критерий допустимости подразумевает невозможность использования в доказывании недопустимых доказательств, перечень которых определен ст. 75 УПК РФ. Достоверность доказательства означает истинность содержащихся в нем сведений и соответствие их объективной действительности.

Так, проведение адвокатом опроса лица без предварительного получения на то его согласия делает результаты такого опроса недопустимыми. Аналогично и с фиксацией в опросе сведений, источник осведомленности о которых опрашиваемый не может указать, либо сведений, основанных на предположении опрашиваемого или слухе. Получение адвокатом предметов или документов, не связанных с исследуемыми в рамках уголовного дела обстоятельствами, не отвечает критерию относимости. В аспекте проверки добытого доказательства на предмет соответствия критерию достоверности необходимо в первую очередь избегать различного рода фальсификаций (справки о состоянии здоровья, не соответствующие действительности; хозяйственные документы юридического лица с поддельными подписями и т. д.).

Представление адвокатом доказательств, не отвечающих требованиям относимости, допустимости и достоверности дает стороне обвинения или суду право как минимум отказать в приобщении их к материалам уголовного дела, а в случае представления официального документа, содержание которого не соответствует действительности, – право инициировать процессуальную проверку в порядке ст. 144–145 УПК РФ со всеми вытекающими последствиями.

Наоборот, приобщив к материалам уголовного дела надлежащие доказательства защиты, у стороны обвинения возникает обязанность принять меры к их опровержению, а у суда – проанализировать и исследовать их в совокупности с иными доказательствами по делу.

Таким образом, тактически верным для защитника представляется собирать доказательства, отвечающие требованиям относимости, допустимости и достоверности.

Представляется, что для успешной защиты доверителей в уголовном процессе, кроме соответствия действующему законодательству по своему содержанию, доказательства защиты должны быть облачены в надлежащую форму.

Часть 3 ст. 86 УПК РФ, как известно, не предъявляет к доказательствам защиты, а также к процессу их собирания требований о какой-либо форме. Однако отсутствие таковой может привести к ряду негативных последствий, среди которых утрата или повреждение доказательства, сомнения в его достоверности и т. д.

Так, устно опросив лицо с его согласия в порядке п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ, без составления соответствующего протокола, имеется существенный риск последующего отказа лица от данных пояснений, неверного понимания защитником сообщенных сведений, искажения их в памяти защитника, утраты лицом возможности повторно сообщить их стороне обвинения или суду (в случае, например, смерти). В связи с этим опрос лица предлагается проводить с письменной фиксацией его пояснений на определенном бланке, по аналогии с бланком протокола опроса или допроса лица следователем (дознавателем). Такой бланк каждый адвокат-защитник вправе разработать для себя самостоятельно, однако, полагаем, что в обязательном порядке в нем должны содержаться определенные сведения и графы.

Так, по нашему мнению, бланк опроса лица должен обязательно содержать сведения об адвокате, производящем опрос: наименование его адвокатского образования; ФИО; регистрационный номер в соответствующем реестре; номер и дату выдачи удостоверения, орган, выдавший удостоверение. В указанном бланке должны содержаться также графы для фиксации даты, времени и места производства опроса, анкетных данных опрашиваемого лица, существа его пояснений, поступивших замечаний и заявлений,

[4] См.: *Воложанин С. Н., Буфетова М. Ш.* Об актуальных проблемах участия адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам // Адвокатская практика. 2021. № 6. С. 47–50.

подписей опрашиваемого; отметки о желании или нежелании опрашиваемого воспользоваться услугами переводчика, о разъяснении ему адвокатом положений п. 2 ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ, о подтверждении опрашиваемым добровольного характера проведения опроса и о его согласии на передачу копии протокола опроса третьим лицам, о разъяснении ему адвокатом причин необходимости его опроса, а также о подтверждении опрашиваемым истинности своих пояснений. Протокол должен быть подписан опрашиваемым лицом и адвокатом в соответствующих графах.

Соблюдение такой формы адвокатского опроса нивелирует приведенные выше риски, поскольку отказаться в последующем от своих слов опрошенному будет труднее с психологической точки зрения; неверно понятые и неверно зафиксированные в протоколе защитником сведения подлежат корректировке на месте, при изучении лицом протокола опроса по его итогам; в случае полной или частичной утраты в памяти защитника сообщенных опрошенным сведений сохраняется возможность обратиться к их первоисточнику; необходимость учета данных опрошенным лицом пояснений сохранится у стороны обвинения и суда даже в случае невозможности повторения им изложенных сведений.

Что касается формы таких доказательств защиты, как полученные предметы, документы, справки и характеристики от органов или организаций, то единственным требованием здесь представляется наличие адвокатского запроса и сопроводительного документа в ответ на него (если эти документы не общедоступны). Соблюдение такой формы получения этих доказательств исключит сомнения стороны обвинения и суда в достоверности изложенных в них сведений.

Отдельно необходимо обратить внимание на случаи добычи защитником предметов, получение которых не требует обращения в определенные органы или организации (например, обнаружение защитником на месте происшествия, осмотр которого уже произведен следствием и оцепление с которого снято, предметов, имеющих значение для уголовного дела и не изъятых следствием). Простое изъятие защитником таких предметов, во-первых, не обеспечит сохранности, возможно, сохранившихся на них следов; во-вторых, поставит под сомнение как сам факт изъятия предмета именно с места происшествия, так и факт отсутствия возможных злоупотреблений со стороны защитника. Поэтому в таких случаях рекомендуется проведение защитником фактически (не процессуально) адвокатского осмотра места происшествия.

В целях приведения такого доказательства в соответствие по своей форме полагаем возможной адаптацию бланка протокола осмотра места происшествия следователем под бланк его адвокатского осмотра. В соответствующем бланке предлагается изменить текст «получив сообщение…» на «в рамках осуществления защиты …(ФИО подзащитного)»; указание на присутствие понятых изменить на указание на присутствие «присутствующих лиц» (по понятным причинам); удалить ссылки на нормы УПК РФ, регламентирующие производство осмотра следователем; вместо разъяснения прав, обязанностей и порядка производства следственного действия сделать отметку о добровольности присутствия при осмотре соответствующих лиц; удалить отметку о разъяснении специалисту ст. 58 УПК РФ; изменить наименование «лиц, участвующих при производстве следственного действия» на «лиц, присутствующих при производстве адвокатского осмотра»; привести в соответствие с произведенными изменениями подстрочный текст.

Кроме того, при получении таких доказательств в обязательном порядке необходимо принимать известные меры к сохранности изымаемого предмета и сохранности, возможно, сохранившихся на нем следов, что подлежит отражению в протоколе.

Добыв определенное доказательство, соответствующее критериям относимости, допустимости и достоверности, закрепленное в соответствующей форме, неизбежно возникает вопрос о приобщении его к материалам конкретного уголовного дела.

Действующее законодательство однозначно определяет способ приобщения защитником своих доказательств, посредством заявления ходатайства о приобщении доказательств защиты. В зависимости от стадии уголовного судопроизводства такое ходатайство может быть заявлено следователю (дознавателю) либо суду.

По смыслу действующего законодательства, стороне защиты не может быть отказано в при-

общении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами (ст. 159 УПК РФ).

Говоря о досудебной стадии уголовного судопроизводства, на данном этапе своей деятельности защитники нередко сталкиваются с противодействием со стороны должностных лиц органов предварительного расследования. Проблема заключается в субъективной, часто выгодной только им оценке значимости для уголовного дела конкретного доказательства защиты. В целях преодоления такого противодействия защитникам рекомендуется раскрывать существо добытого доказательства в заявленном ходатайстве о его приобщении. Рекомендуется там же отразить и содержание прямой или косвенной связи добытого доказательства с обстоятельствами, подлежащими доказыванию по конкретному уголовному делу с учетом положений ст. 73 УПК РФ.

Что касается заявления ходатайства о сборе доказательств отдельными представителями стороны обвинения (следователем, дознавателем), то здесь в первую очередь необходимо обратить внимание на требование ч. 2 ст. 159 УПК РФ, согласно которому обстоятельства, подлежащие установлению посредством производства заявленных следственных действий, в обязательном порядке должны иметь значение для соответствующего уголовного дела.

Тактически заявление такого ходатайства требует приведения в его описательно-мотивировочной части глубокого анализа материалов уголовного дела и всех содержащихся в нем доказательств, сопоставления их между собой, четкой, логически обоснованной констатации факта их противоречивости или недостаточности, мотивированных доводов о возможных источниках получения новых доказательств и указания на производство конкретных следственных действий, посредством производства которых возможно получить то или иное дополнительное доказательство.

Фактически в заявленном ходатайстве защитник должен доказать, что доказательство, подлежащее добыче посредством производства заявленного следственного действия, подтверждает или опровергает определенное обстоятельство, имеющее значение для уголовного дела.

Кроме надлежащей мотивировки соответствующего ходатайства, возникает также и вопрос о выборе тактически верного момента для его заявления.

Так, в отдельных случаях, в зависимости от конкретной ситуации, целесообразно использование фактора внезапности. В таких случаях рекомендуется приобщать собранные защитой доказательства на завершающих этапах расследования, после предъявления лицу обвинения в окончательной редакции и производства всех экспертных исследований по делу. Откладывать представление своих доказательств на стадию судебного следствия не рекомендуется по причине наличия риска отказа в их приобщении к материалам уголовного дела по формальным основаниям и, как следствие, утраты возможности на них ссылаться.

В тех же случаях, когда подзащитный, например, содержится под стражей и добытые защитой доказательства (включая опровергающие его причастность к инкриминируемому) могут повлиять на мнение следствия, прокуратуры или суда о необходимости его дальнейшего там содержания, приобщать их к материалам дела необходимо незамедлительно для последующих ссылок.

Таким образом, в число криминалистических аспектов деятельности адвоката в уголовном процессе входят вопросы о выборе способа добычи доказательств (самостоятельно или посредством заявления ходатайства о производстве следственных действий), вопросы соответствия добытых доказательств критериям оценки в тактических целях их обязательного приобщения к материалам уголовного дела, вопросы закрепления доказательств в соответствующей форме в тактических целях их сохранности, а также тактические вопросы момента их приобщения к материалам уголовного дела.

В отличие от адвоката-защитника, действующим уголовно-процессуальным законодательством прокурор не наделен полномочиями по сбору доказательств, поэтому соответствующих тактических средств, приемов и способов в его деятельности существенно меньше.

Однако, осуществляя надзор за законностью деятельности органов дознания и предварительного следствия на досудебной стадии уголовного судопроизводства, прокурор имеет ряд полномочий, обусловливающих его участие в процессе доказывания по уголовному делу.

Так, ст. 37 УПК РФ предусмотрено право прокурора знакомиться с материалами находящегося в производстве уголовного дела по письменному запросу. Той же статьей предусмотрено, что прокурор вправе выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства; требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при производстве дознания или предварительного следствия; давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий и т. д.

Что касается прокурорской тактики при расследовании уголовного дела в форме дознания, то здесь криминалистические аспекты деятельности прокурора выражены наиболее ярко, поскольку руководит расследованием, направляет его ход, оценивает собранные доказательства по критерию их достаточности для предъявления обвинения и дает указание о производстве конкретных следственных действий, направленных на сбор доказательств, именно прокурор[5].

Напротив, криминалистические аспекты деятельности прокурора на стадии предварительного расследования в форме предварительного следствия существенно ограничены.

Так, на досудебной стадии производства по уголовному делу в форме предварительного следствия прокурор в этом аспекте уполномочен лишь ознакомиться с материалами уголовного дела и внести требование об устранении нарушений федерального законодательства. Поскольку формулировка «нарушение действующего законодательства» довольно размыта, это дает прокурору право оценивать собранные следствием доказательства по критерию их достаточности для предъявления обвинения тому или иному лицу в целях недопущения фактов незаконного привлечения граждан к уголовной ответственности[6]. Разумеется, что дать следователю указание о производстве конкретных следственных действий прокурор не вправе, однако в своем требовании он может констатировать, что версия защиты, например о наличии у подозреваемого (обвиняемого) алиби, в достаточной степени следствием не опровергнута, и потребовать производства дополнительных следственных действий, направленных на закрепление доказательственной базы обвинения.

Ознакомившись с материалами уголовного дела по окончании любой из форм предварительного расследования, прокурор также вправе возвратить уголовное дело для производства дополнительного следствия или дознания. В соответствующем постановлении в числе прочего может быть указано и на недостаточность собранных по делу доказательств.

Кроме того, в случаях установления прокурором факта несоответствия определенного доказательства критериям относимости, допустимости или достоверности в любой момент на стадии предварительного следствия прокурор вправе признавать доказательства недопустимыми. Данное полномочие прокурора представляет собой тактическое средство нивелирования риска поддержания государственного обвинения в суде по уголовному делу, содержащему недопустимые доказательства.

На стадии судебного следствия основным тактическим средством прокурора является выбор порядка представления суду и исследования доказательств обвинения.

Необходимо отметить, что вопреки сложившейся практике, тактически верным с позиции государственного обвинителя представляется порядок исследования доказательств, при котором сначала подлежат представлению суду и исследованию письменные доказательства, а затем показания свидетелей и потерпевших. Такая позиция обусловлена тем, что нередко показания допрошенных в судебном заседании лиц (свидетелей, потерпевших) вступают в противоречие с письменными доказательствами по уголовному делу. После допроса указанных лиц и выявления противоречий их показаний с иными материалами дела возникает необходимость в их повторном вызове в судебное заседание для повторного допроса с целью устранения выявленных противоречий, что неизбежно затягивает процессуальный срок рассмотрения судом уголовного дела.

[5] См.: *Сабельфельд Т. Ю.* Полномочия прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2020. № 20-1. С. 109–112.

[6] См.: *Алиев Р. А.* Функции и полномочия прокурора в уголовном процессе России // Закон и право. 2021. № 2. С. 104–105.

Иным аспектом прокурорской тактики является отказ прокурора от поддержания государственного обвинения по уголовному делу полностью или в части, предусмотренный ч. 7 ст. 246 УПК РФ. Если стратегической целью прокурора в судебном заседании является обвинительный приговор, вынесенный в отношении обвиняемого, то полный или частичный отказ от обвинения в случае недостаточности доказательств его виновности представляется верным тактическим приемом.

Таким образом, в число криминалистических аспектов деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве входят контроль и надзор за соответствием собранных следствием и дознанием доказательств предъявляемым требованиям (относимость, допустимость, достоверность и достаточность), руководство расследованием в форме дознания, изучение материалов уголовного дела, определение порядка представления суду и исследования доказательств на стадии судебного следствия, возможность полностью или частично отказаться от поддержания государственного обвинения.

Как следует из изложенного выше, аспекты деятельности адвоката и прокурора по собиранию, исследованию, использованию и оценке доказательств в уголовном судопроизводстве носят ярко выраженный криминалистический характер. Поскольку раздел криминалистики «Криминалистическая тактика» изучает систему научных положений и разрабатываемых на их основе соответствующих средств (приемов, рекомендаций по их реализации, операций) допустимого и рационального собирания, исследования и использования доказательственной информации, указанные аспекты деятельности защитника и государственного обвинителя подлежат детальному исследованию и изучению в рамках данного раздела криминалистики.

Библиографический список

Алиев Р. А. Функции и полномочия прокурора в уголовном процессе России // Закон и право. 2021. № 2. С. 104–105.

Баев О. Я. Избранные работы : в 2 т. / Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. Т. 1. 616 с.

Воложанин С. Н., Буфетова М. Ш. Об актуальных проблемах участия адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам // Адвокатская практика. 2021. № 6. С. 47–50.

Комбарова Е. Л. О научных подходах к определению сущности криминалистической тактики // Вестник Воронеж. ин-та ФСИН России. 2018. № 4. С. 178–184.

Белкин Р. С. Курс криминалистики : Общая теория криминалистики : в 3 т. М. : Юристъ, 1997. Т. 1. 408 с.

Сабельфельд Т. Ю. Полномочия прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2020. № 20-1. С. 109–112.

References

Aliyev R. A. Functions and powers of the prosecutor in the criminal process of Russia // Law and right. 2021. № 2. P. 104–105.

Baev O. Ya. Selected works: in 2 volumes. Voronezh : Publishing House of Voronezh. State University, 2011. Vol. 1. 616 p.

Vologzhanin S. N., Bufetova M. S. About the actual problems of the participation of a defense lawyer in proving criminal cases // Lawyer practice. 2021. № 6. P. 47–50.

Belkin R. S. Criminology course : General theory of Criminology. in 3 volumes. M. : Jurist, 1997. Vol. 1. 408 p.

Kombarova E. L. On scientific approaches to the definition of the essence of forensic tactics // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2018. № 4. P. 178–184.

Sabelfeld T. Yu. Powers of the prosecutor at the pre-trial stages of the criminal process // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2020. № 20-1. P. 109–112.

Воронежский экономико-правовой институт
Махобей П. Ю., ассистент кафедры юриспруденции
E-mail: corleone_05@mail.ru

Фурсова И. А., старший преподаватель кафедры юриспруденции
E-mail: fursova_irina_vrn@mail.ru

Voronezh Institute of Economics and Law
Makhobey P. Yu., Assistant of the Jurisprudence Department
E-mail: corleone_05@mail.ru

Fursova I. A., Senior Lecturer of the Jurisprudence Department
E-mail: fursova_irina_vrn@mail.ru

Поступила в редакцию: 12.01.2022

Для цитирования:
Махобей П. Ю., Фурсова И. А. Криминалистические аспекты адвокатской и прокурорской деятельности в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 231–238. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/231-238.

Received: 12.01.2022

Recommended citation:
Makhobey P. Yu., Fursova I. A. Criminalistic aspects of advocacy and prosecutorial activity in criminal proceedings // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 231–238. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/231-238.

УДК 343.121
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/239-242

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ

И. С. Тройнина
Воронежский институт МВД России

SOME ASPECTS OF APPREHENDING A SUSPECT ACCORDING TO THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF RUSSIA

I. S. Troynina
Voronezh Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs

Аннотация: рассматривается правовая природа задержания подозреваемого, отличие уголовно-процессуального задержания от административного. Проанализированы процессуальные условия задержания лица, подозреваемого в совершении преступления.
Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальное принуждение, задержание, подозреваемый, условия задержания, мотивы задержания.

Abstract: the article considers the legal nature of the detention of a suspect, the difference between criminal procedure detention and administrative detention. The author also analyzed the procedural conditions for the detention of a person suspected of committing a crime.
Key words: criminal process, criminal procedure coercion, detention, suspect, conditions of detention, motives for detention.

Сущность задержания неразрывно связана с правами человека в целом и специального субъекта права – подозреваемого – в частности. Прежде всего, это право на свободу и личную неприкосновенность. В рамках уголовного процесса человек не теряет этого права, однако это право может быть ограничено краткосрочно (задержание) или среднесрочно (арест) у подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления[1].

Как полагает С. Ю. Денисова, общей для всех мер уголовно-процессуального принуждения является возможность их применения независимо от воли и желания лица, в отношении которого они осуществляются. Внешне процессуальное принуждение выражается в форме психического, физического или морального воздействия на поведение субъекта с целью пресечения, предупреждения его неправомерного поведения, а также раскрытия преступления[2]. Стоит согласиться с данным мнением ученого, так как меры процессуального принуждения как раз и предназначены для того, чтобы оказать противодействие преступнику, прекратить его противоправные действия, повлиять на его поведение, оградить потерпевших и свидетелей от возможного его деструктивного воздействия.

При этом следует помнить, что целью уголовного судопроизводства в соответствии с ч. 1 ст. 6 УПК РФ является защита личности от необоснованного и незаконного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод. Следовательно, использование данной принудительной меры обязывает быть не только лишь законным, но и разумным[3].

[1] См.: *Францифоров Ю. В., Манова Н. С.* Уголовный процесс : учеб. и практикум для вузов. М., 2019.

© Тройнина И. С., 2023

[2] См.: *Денисова С. Ю.* Задержание подозреваемого – фактическое и процессуальное. Судебный контроль за его законностью // Рос. следователь. 2012. № 16. С. 6.

[3] См.: *Томин В. Т., Зинченко И. А.* Уголовный процесс. Проблемные лекции. М., 2019.

Анализ многих точек зрения ученых-процессуалистов позволяет отнести задержание подозреваемого, обвиняемого к мерам уголовно-процессуального принуждения, полагая, что оно заключается в кратковременном лишении права на свободу и личную неприкосновенность лица посредством его содержания в специализированном учреждении[4].

Необходимо отличать задержание как меру уголовно-процессуального принуждения от административного и иных видов задержания. Общий перечень лиц, которые могут быть подвергнуты задержанию полицией, содержится в ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Из приведенного перечня лиц, в котором указано тринадцать категорий граждан, только три относятся к уголовно-процессуальному задержанию:

1) подозреваемые в совершении преступления, а также лица, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу;

2) военнослужащие и призванные на военные сборы, подозреваемые в совершении преступления, – до передачи их военной полиции, командирам ВЧ, военным комиссарам;

3) в отношении которых поступило требование о выдаче – до передачи их иностранному государству[5].

Еще две категории граждан, а именно: лица, уклоняющиеся от исполнения административного наказания в виде административного ареста, и лица, в отношении которых ведется производство по делам об административных правонарушениях, относятся к административному задержанию, реализуемому в ходе производства по делам об административных правонарушениях, а оставшиеся категории вообще не охватываются процессуальным законодательством, их задержание урегулировано материальными нормами права.

Административное задержание урегулировано ст. 27.3–27.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Оно представляет собой кратковременное ограничение свободы физического лица и может быть применено лишь в исключительных случаях, если это необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения постановления по делу об административном правонарушении. Основанием административного задержания не может быть подозрение в совершении преступления, однако на практике периодически встречаются случаи «подмены» необходимого уголовно-процессуального задержания административным. Это происходит по причине ослабленного, по сравнению с уголовным процессом, надзора за административной практикой органов внутренних дел, размытостью оснований административного задержания, а также особенностей исчисления сроков этого задержания, которые начинаются не с момента фактического ограничения свободы передвижения, а с момента доставления в орган внутренних дел.

Не исключены и случаи, когда административное задержание перетекает в уголовно-процессуальное, а к задержанному лицу в последующем может быть применена мера пресечения в виде заключения под стражу. Например, при выявлении лица, имеющего при себе наркотическое средство, сотрудник не имеет возможности сразу определить его вид и размер, следовательно, лицо будет задержано в административном порядке. Однако после получения результатов соответствующей экспертизы, когда можно утверждать о наличии признаков уголовно наказуемого деяния, в отношении гражданина будут применены нормы уголовно-процессуального законодательства.

Уголовно-процессуальный закон (п. 11 ст. 5 УПК РФ) определяет задержание как меру процессуального принуждения, применяемую органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. Эта норма соотносится с положениями ч. 2 ст. 22 Конституции РФ, согласно которой «до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов».

Задержание, являясь одной из основных мер процессуального принуждения, призвано воздействовать на ситуацию с преступностью посредством временной изоляции потенциального преступника от социума и создания условий

[4] См.: *Смирнов А. В., Калиновский К. Б.* Уголовный процесс : учебник. М., 2008. С. 230.

[5] См.: *Насонов А. А.* О состоянии правовой регламентации процессуальных возможностей лица, запрашиваемого иностранным государством к выдаче осужденных иностранных граждан // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 266–270.

для полного и своевременного расследования уголовных дел.

Применение уголовно-процессуального задержания требует наличия ряда процессуальных условий, т. е. конкретных требований, которые должны соблюдаться при принятии решения о задержании подозреваемого, чтобы оно было допустимым и законным. К процессуальным условиям задержания возможно отнести:

1. Наличие возбужденного уголовного дела по факту совершения преступления, за совершение которого может быть назначено наказание в виде лишения свободы.

2. Расследование уголовного дела уполномоченным органом предварительного расследования. Производить задержание подозреваемого могут следующие уполномоченные лица: дознаватель и орган дознания; следователь и руководитель следственного органа, а также иные лица, круг которых очерчен ст. 40 УПК РФ[6].

3. Наличие оснований для задержания, указанных в ст. 91 УПК РФ. Согласно принципу «Неприкосновенность личности», закрепленному в ст. 10 УПК РФ никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления при отсутствии законных оснований, предусмотренных Кодексом.

4. Необходимость немедленной изоляции подозреваемого из-за опасения, что, будучи оставленным на свободе, он скроется от дознания или предварительного следствия либо будет препятствовать установлению истины в уголовном деле[7]. С. Б. Россинский справедливо отмечает, что «основная цель задержания подозреваемого – это обеспечение нахождения лица «при уголовном деле», т. е. в условиях процессуальной доступности для производства с его участием следственных действий и иных процессуальных процедур, направленных на установление его причастности к совершению преступления и решение вопроса о возможности применения к нему заключения под стражу или домашнего ареста»[8].

Помимо условий, сущность уголовно-процессуального задержания образуют и мотивы применения данной меры принуждения, которые согласно ч. 2 ст. 92 УПК РФ подлежат обязательному указанию в протоколе задержания. Следует отметить, что УПК РФ не раскрывает, что может быть отнесено к мотивам задержания. Понятие «мотив» означает побудительную причину, повод для какого-либо действия, аргумент в пользу чего-либо.

Процессуалисты рассматривают мотивы в самых разных плоскостях:

– в качестве конкретных обстоятельств, определяющих необходимость задержания лица и указывающих на его законность;

– побудительные причины, оправдывающие применение данной меры принуждения;

– обстоятельства, которые имеют отношения к основаниям задержания[9].

Уделившие много внимания проблемам, касающимся мотивов задержания, И. М. Гуткин и В. Ю. Мельников утверждали, что мотив как побудительное начало для принятия решения о задержании должен вытекать из материалов дела, основываться на доказательствах[10]. Таким образом, мотивами задержания следует считать субъективные побуждения следователя (дознавателя) воспрепятствовать предполагаемым действиям подозреваемого, которые в случае их осуществления могли бы помешать реализации целей применяемой меры процессуального принуждения либо привести к совершению преступления.

Библиографический список

Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого. М. : ЮрИнфоР, 1999.

Гуткин И. М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания : учеб. пособие. М. : Изд-во Акад. МВД СССР, 1980.

Денисова С. Ю. Задержание подозреваемого – фактическое и процессуальное. Судебный контроль за его законностью // Рос. следователь. 2012. № 16. С. 6.

Магомед П. Р. Задержание как мера процессуального принуждения // Государственная служба и кадры. 2020. № 1. С. 143–145.

Насонов А. А. О состоянии правовой регламентации процессуальных возможностей лица, запра-

[6] См.: *Магомед П. Р.* Задержание как мера процессуального принуждения // Государственная служба и кадры. 2020. № 1. С. 143–145.

[7] См.: *Григорьев В. Н.* Задержание подозреваемого. М., 1999. С. 79.

[8] *Россинский С. Б.* Дискуссия «Тарасов *vs* Россинский» о задержании подозреваемого : подведение первых итогов // Юридический вестник Самарского ун-та. 2019. № 5. С. 13–19.

[9] См.: *Стецовский Ю. И.* Право на свободу и личную неприкосновенность. М., 1999. С. 140.

[10] См.: *Гуткин И. М.* Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания : учеб. пособие. М., 1980. С. 36–37.

шиваемого иностранным государством к выдаче осужденных иностранных граждан // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 266–270.

Россинский С. Б. Дискуссия «Тарасов *vs* Россинский» о задержании подозреваемого : подведение первых итогов // Юридический вестник Самарского ун-та. 2019. № 5. С. 13–19.

Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник. М. : КНОРУС, 2008.

Стецовский Ю. И. Право на свободу и личную неприкосновенность. М. : Дело, 1999.

Томин В. Т., Зинченко И. А. Уголовный процесс. Проблемные лекции. М. : Юрайт, 2019. 800 с.

Францифоров Ю. В., Манова Н. С. Уголовный процесс : учеб. и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2019. 422 с.

References

Grigoriev V. N. Detention of a suspect. M. : Yurinfor, 1999.

Gutkin I. M. Topical issues of criminal procedural detention. Textbook. M. : Publishing House of the Academy of Sciences. Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1980.

Denisova S. Yu. The detention of a suspect is factual and procedural. Judicial control over its legality // Russian investigator. 2012. № 16. P. 6.

Magomed P. R. Detention as a measure of procedural coercion // Civil service and personnel. 2020. № 1. P. 143–145.

Nasonov A. A. On the state of legal regulation of procedural capabilities of a person requested by a foreign state to extradite convicted foreign citizens // Judicial power and criminal procedure. 2016. № 2. P. 266–270.

Rossinsky S. B. Discussion "Tarasov vs Rossinsky" on the detention of a suspect: summing up the first results // Legal Bulletin of Samara University. 2019. № 5. P. 13–19.

Smirnov A. V., Kalinovsky K. B. Criminal procedure: textbook. M. : KNORUS, 2008.

Stetsovsky Yu. I. The right to freedom and personal inviolability. M. : Delo, 1999.

Tomin V. T., Zinchenko I. A. Criminal process. Problem lectures. M. : Yurayt, 2019. 800 p.

Franciforov Yu. V., Manova N. S. Criminal procedure: textbook and workshop for universities. M. : Yurayt, 2019. 422 p.

Воронежский институт МВД России
Тройнина И. С., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса
E-mail: i.troynina@mail.ru

Voronezh Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs
Troynina I. S., Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Criminal Process Department
E-mail: i.troynina@mail.ru

Поступила в редакцию: 30.09.2022

Received: 30.09.2022

Для цитирования:
Тройнина И. С. Некоторые аспекты задержания подозреваемого по уголовно-процессуальному законодательству России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 239–242. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/239-242.

Recommended citation:
Troynina I. S. Some aspects of apprehending a suspect according to the criminal procedure legislation of Russia // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 239–242. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/239-242.

УДК 343.140.02
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/243-249

ОБЪЯСНЕНИЕ ЭКСПЕРТА В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ РАССЛЕДОВАНИИ

Л. А. Зашляпин

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия

EXPLANATION OF THE EXPERT IN THE PRELIMINARY INVESTIGATION

L. A. Zashlyapin

Northwestern branch of the Russian State University of Justice

Аннотация: рассматривается возможность замещения допроса эксперта процедурой получения объяснения эксперта. Сегодня допрос эксперта парадоксально требует реализации активности эксперта, что более присуще процедуре получения его объяснения. Объяснение, не являясь доказательством, может быть получено в процедуре свободной диалоговой формы коммуникации носителя специальных знаний и следователя.
Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, доказательство, показания эксперта, допрос эксперта, объяснение, объяснение эксперта, тактика допроса.

Abstract: the article explores the possibility of replacing the interrogation of an expert with the procedure for obtaining an expert's explanation. Interrogation of an expert requires the activity of an expert. This is inherent in the procedure for obtaining an expert's explanation. An explanation is not proof. It can be obtained in a free dialogue form of communication between the bearer of special knowledge and the investigator.
Key words: criminal process, proof, proof, expert's testimony, expert's interrogation, explanation, expert's explanation, interrogation tactics

Постоянной задачей науки уголовного процесса является поиск противоречий в законе и системе права, выработка предложений по совершенствованию законодательства, верификация имеющихся теоретических позиций. В настоящей статье попробуем обосновать возможность замены допроса эксперта в стадии предварительного расследования получением объяснения эксперта.

Современная конструкция уголовно-процессуального закона содержит процедуру допроса эксперта, но это действие может восприниматься эклектичным, поскольку базируется на модели регулирования, присущей предыдущему законодательству. Консервативность правосознания юристов традиционно подвигает к заимствованиям институтов собирания и проверки доказательств из предыдущего закона, требуя оглядки на актуальные принципы и квинтэссенцию всего действующего законодательства, что удается не во всех случаях.

В настоящее время в институте допроса эксперта проявляются идеи и правила Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. (далее – УПК РСФСР), хотя актуальные факторы процедур использования специальных знаний в предварительном расследовании существенно отличаются от советских, исключая заимствования. Возникающая дисгармония нормативной системы влечет нерациональность уголовно-процессуальной практики, провалы в реализации провозглашенных принципов и целей досудебного производства.

Поиск работ, посвященных объяснению эксперта в предварительном расследовании, на сайте https://cyberleninka.ru/ результатов не дал. На сайте https://elibrary.ru/ выявлена единственная статья, объектом исследования в которой явля-

© Зашляпин Л. А., 2023

ется законодательство и правоприменительная практика Республики Беларусь[1]. В ней анализируются действующие положения ст. 237 УПК Республики Беларусь, регулирующие получение объяснения эксперта в стадии возбуждения уголовного дела. Для нас подобное не актуально постольку, поскольку объектная область представляемого в настоящей статье исследования связывается с получением объяснения эксперта de lege ferenda в стадии предварительного расследования (как конкурирующего с допросом эксперта действия). Отметим, что отечественная наука гражданского процессуального права активно обращается к исследованию объяснений, но в аспекте процессуальной деятельности сторон[2].

Получается, что российская наука уголовного процесса в настоящий период не обращает внимания на объяснение эксперта, хотя контекст ч. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) не исключает подобного. Это может быть знаком неизученной нормативной и правоприменительной ниши, а настоящая публикация – одной из первых, предметное знание которой фокусируется на объяснении эксперта в стадии предварительного расследования.

При этом частота использования специальных знаний в юридической практике видится возрастающей из десятилетия в десятилетие. Одной из форм этого является допрос эксперта, но нет ли в этом законодательной ошибки, неверного ориентирования практики?

В качестве методического приема здесь будет использоваться транспозиция института вопросов в допросах (процедурах объяснения) эксперта на институты участников уголовного процесса, доказывания и доказательств в уголовном процессе – нормативное масштабирование, когда маломасштабный нормативный объект (вопросы как элемент процедуры допроса или получения объяснения) гармонично проявляется или, наоборот, образует дисгармоничный нормативный конгломерат структуры действующего уголовно-процессуального закона.

В ст. 205 УПК РФ определена процедура допроса эксперта в предварительном расследовании, но нормативная конструкция данного действия содержательно весьма схожа с соответствующим следственным действием в советском законодательстве. В первую очередь мы видим сохранение идейной базы регулирования допроса эксперта.

Показания эксперта рассматриваются как результат его допроса. Производство допроса эксперта есть форма уголовно-процессуального принуждения, реализуемая на основании процессуальных полномочий властного участника уголовного судопроизводства. Естественно, что это есть форма реализации его (следователя, дознавателя и т. д.) уголовно-процессуальной активности.

Уголовно-процессуальное принуждение в данной конструкции ориентируется на цели уголовного преследования. Предполагается, что допрос эксперта, позволяющий получить его показания, детерминируется процессуальной задачей собирания или проверки доказательств. Отчасти именно это и проявляется в отечественной практике досудебного производства, когда субъекты доказывания, реализуя функцию обвинения, в стадии предварительного расследования пытаются устранить следственные ошибки, допущенные им при собирании объектов для экспертного исследования и назначении судебной экспертизы (формулирования экспертного задания), стараются реабилитировать (придать обвинительный характер) вероятностным (или оправдательным) выводам эксперта.

Сравнение действующего и предыдущего законов показывает, что правила ст. 192 УПК РСФСР содержали аналогичное нормативное ядро регулирования допроса эксперта, что и указанная выше современная норма. Отличия состоят в следующем.

1. По советскому законодательству следователь был вправе произвести допрос эксперта для разъяснения или дополнения данного ранее заключения. Российский законодатель сузил предмет допроса эксперта задачей разъяснения заключения, что является ограничителем уголовно-процессуальной активности следователя (дознавателя и т. д.) при проведении допроса эксперта.

Задача дополнения ранее данного заключения, конечно же, позволяла бы субъекту доказывания задать эксперту дополнительные вопросы, определив этим предмет допроса и необхо-

[1] См.: *Матвейчев Ю. А.* Допрос и получение объяснения от эксперта на досудебных стадиях уголовного процесса в Республике Беларусь : пробелы в законодательстве и пути их устранения // Судебная экспертиза. 2018. № 1(53). С. 15–25.

[2] См.: *Крипакова Д. Р.* Процессуальная форма дачи объяснений лицами, участвующими в деле (теоретико-практический анализ) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2008. № 2(5). С. 111–116.

димость законодательного регулирования процедур формулирования и использования вопросов в допросе эксперта. Сегодня необходимости в этом нет, ввиду того что процессуальной задачей действия является лишь разъяснение ранее данного заключения эксперта.

De lege lata лицу, осуществляющему предварительное расследование, разрешается допрашивать эксперта (предполагается, что и задавать совокупность вопросов, получая в результате совокупность ответов – показания эксперта) лишь для реализации оговоренной в законе задачи. Квалифицированное умолчание законодателя о возможности допроса эксперта в целях дополнения заключения является важным аргументом, позволяющим обратиться к проблеме объяснения эксперта. Дополнение заключения должно и может связываться с дополнительным экспертным заданием (перечнем вопросов в постановлении о назначении соответствующего экспертного исследования) следователя или иного лица, принявшего соответствующее процессуальное решение. Разъяснение же требует иной нормативно-юридической конструкции.

В случае обнаружения проблем (с точки зрения субъекта доказывания) в полученном заключении нормальным развитием алгоритма уголовного процесса видится возврат на этап назначения судебной экспертизы (цикличность процесса), который обеспечен необходимыми гарантиями для невластных участников уголовного процесса, отсутствующих в процедуре допроса эксперта. Особо это относится к случаям обязательного производства экспертизы (ст. 196 УПК РФ).

Считается, что основанием для допроса эксперта является обнаружение недостатка заключения эксперта. Полагаем, однако, что чаще всего повод для допроса эксперта – ошибки лица, осуществляющего предварительное расследование, на этапе собирания объектов, представляемых для исследования эксперту, и назначения судебной экспертизы.

2. Эксперт сегодня утратил право (как и все иные участники уголовного процесса) на собственноручное изложение своих показаний. Норма ст. 17 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ о ГСЭД) отсылает правоприменителя к уголовно-процессуальному закону, а правило ч. 3 ст. 57 УПК РФ не предоставляет такого субъективного права эксперту, что рационально, поскольку иное создавало бы конкуренцию с письменным заключением эксперта, выполняемым по письменным вопросам в экспертном задании. В этом случае также можно констатировать наличие квалифицированного умолчания законодателя. Невозможность собственноручно дополнить экспертное заключение блокирует так называемую экспертную инициативу. В ходе допроса эксперта он, как предполагается, должен лишь отвечать на устные вопросы уполномоченного лица. Вопросы же в ходе допроса эксперта есть форма уголовно-процессуальной активности допрашивающего лица, но не эксперта.

Одновременно российский законодатель устранил проблемы правопонимания Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. (далее – УПК РСФСР 1923 г.) и Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., конкретизировал само содержание производства экспертизы, ранее воспринимаемых в аспекте правовой неопределенности, когда вопросы для производства экспертизы задавались в судебном заседании, после чего могло следовать ожидание письменных ответов. Сегодня письменная форма более категорично присуща заключению эксперта (ч. 1 ст. 80 УПК РФ), разъяснение же должно быть какой-то устной формой процессуальной коммуникации эксперта и следователя.

3. Действующий закон содержит прямой запрет на использование в допросе эксперта вопросов, предмет которых касается обстоятельств, о которых эксперт узнает в ходе производства экспертизы, но которые не относятся к предмету экспертного исследования, определенного постановлением лица, осуществляющего предварительное расследование (ч. 1 ст. 205 УПК РФ, ст. 31 ФЗ о ГСЭД). В этом случае также проявляется сужения предмета допроса (показаний) эксперта в отличие от допроса, например, свидетеля. Более того, полномочие следователя (ч. 2 ст. 38 УПК РФ) в анализируемой норме сводится лишь к его правомочию на допрос эксперта. Почему так происходит? Ответ, по нашему мнению, связан с особенностью нормативного регулирования уголовно-процессуальных отношений положениями УПК РФ и действующей Конституции РФ, отличного от регулирования этих отношений нормами уголовно-процессуального (конституционного) советского законодательства.

Субъект доказывания, собирая и проверяя доказательства посредством допросов (свидетеля, потерпевшего), реализует свои полномочия, а предмет допросов определяется целью доказывания (предметом доказывания, обязанностью доказывания вины). При допросе эксперта сегодня указанных регуляторов нет. Более того, из-за предполагаемой неясности заключения эксперта для субъекта доказывания в досудебном производстве возникает и неясность предмета допроса (содержания его вопросов эксперту). Имея запрет на одни вопросы эксперту, одновременно мы имеем проблему формулирования и использования других вопросов.

Обращаясь к анализу актуальной нормативной базы статьи о правилах допроса эксперта, прежде всего, обратим внимание на следующие положения.

Во-первых, в гипотезе нормы ст. 205 УПК РФ используется просторечная лексическая форма от глагола «разъяснить» (как задачи допроса), результатом чего по логике должно быть разъяснение эксперта в качестве содержания его возможных показаний. Однако более современной для русского языка лексемой является глагол «объяснить», что можно понимать и процессуальной задачей (гипотезой нормы «если надо объяснить…»), а процессуальным результатом такого действия будет объяснение. В силу консервативности правосознания юристов старый термин «разъяснение» сегодня доминирует в законе и правоприменительной практике, а понятие «объяснение» является элементом содержания стадии возбуждения уголовного дела (объяснения, получаемые при проверке сообщения о преступлении) и процессуальным атавизмом, имеющим минимальное регулирование (лишь упоминание в законе), например право подозреваемого давать объяснения (ч. 4 ст. 46 УПК РФ).

Фактически содержание нормы ч. 1 ст. 205 УПК РФ в ее диспозитивной части сводится к допросу эксперта, в ходе которого (в показаниях) носитель специальных знаний объясняет (т. е. делает понятным) следователю, дознавателю и т. д. свое заключение. Объектом объяснения (лицом, на которое направлена уголовно-процессуальная деятельности) является следователь (сегодня это допрашивающий), а субъектом деятельности (представления объяснения) – эксперт, выполнивший объясняемое заключение. Очевидно, что обнаруживаемая активность в этом случае принадлежит не допрашивающему лицу, а допрашиваемому (эксперту). Присущее допросу принуждение (активность следователя) как бы размывается. Тогда допрос ли это?

Во-вторых, в положениях ч. 1 ст. 205 УПК РФ не упоминается правомочие эксперта собственноручно записать свои показания, на что мы уже обратили внимание. Здесь же подчеркнем, что следствием из этого (необходимостью в допросе) является использование в качестве обязательного элемента вопросов. Правомочие лица, осуществляющего предварительное расследование (руководителя следственного органа, следователя-криминалиста и т. д.), таким образом, должно сводиться к его правомочию задать эксперту совокупность вопросов. Без вопросов не могут быть получены ответы (показания). Без вопросов не может состояться процессуальная коммуникация в допросе между активным допрашивающим и допрашиваемым. Регулирование же вопросов в допросе эксперта в законе (в отличие от иных видов допросов) отсутствует. Надо полагать, что это осознанное решение законодателя. Вопрос как основной инструмент проведения допроса (реализации уголовно-процессуальной активности следователя или иного уполномоченного на допрос лица) в данном случае не регулируется (отсутствует как определенный законодателем инструментарий для получения показаний) потому, что для процессуальной коммуникации в целях объяснения заключения между носителем специальных знаний и лицом, назначившим судебную экспертизу в предварительном расследовании, такой необходимости нет.

Отсутствие у следователя процессуального средства (вопросов) ставит под сомнение возможность получения процессуального результата – показаний эксперта (совокупности ответов на вопросы). При оценке показаний эксперта, к которому нет вопросов, но есть ответы, должно возникать суждение о нелогичности этой ситуации.

Анализ приведенной нормативной базы регулирования допроса эксперта (с использованием института вопросов как элемента допроса) позволяет выйти на промежуточный вывод, что действующий уголовно-процессуальный закон имеет существенные дефекты в регулировании рассматриваемого процессуального действия, ставя научную задачу конструирования иной уголовно-процессуальной формы разъяснения заключения эксперта самим носителем специального знания.

Обращаясь к теоретической базе статьи, с включением в нее различных работ, касающихся объяснений в уголовном процессе, получаем следующую картину.

Так, одно из первых, обнаруженных нами, упоминаний объяснения связано с позицией М. С. Строговича в его учебнике 1946 г. Характеризуя показания и объяснения обвиняемого (для того периода действия уголовно-процессуального закона), данный автор отмечает, что объяснения есть «доводы … в *свою* защиту (здесь и далее курсив наш. – *Л. З.*)», «доводы, которые обвиняемый приводит *в целях смягчения своей* ответственности»[3].

Чтобы понять приведенную точку зрения и соотнести ее с современной проблематикой, отметим, что УПК РСФСР 1923 г. лишь упоминал (совокупно с правилами допроса свидетеля) такое процессуальное действие, как допрос эксперта (ст. 170). При этом задачей такого допроса, как следует из правил данной статьи, являлось получение заключения эксперта. Объяснения эксперта в законе не упоминалось. То же, что М. С. Строгович приводит в качестве признаков объяснения, позволяет нам, однако, понимать объяснение в качестве процессуального инструмента не следователя, а лица, дающего объяснения (своя защита, свои цели, как пишет М. С. Строгович). Уже для действующего правопонимания нам, следовательно, необходимо фиксировать процессуальную задачу объяснения эксперта не как реализацию процессуального средства лица, обязанного доказывать виновность и в связи с этим собирать и проверять доказательства посредством совершения процессуальных действий, а как задачу объяснения (разъяснения, растолкования) уже имеющегося заключения эксперта, связанную с уголовно-процессуальной деятельностью последнего. Задача любого допроса связана с целями доказывания. Эти цели проявляются в полномочиях властных участников правоотношений (лиц, обязанных доказывать). Задача собирания новых и проверки уже имеющихся доказательств не присуща статусу эксперта в рассматриваемом действии.

Логично, что современный законодатель связывает допрос эксперта с разъяснением (ст. 205 УПК РФ). При этом возникает алогизм в части использования допроса для разъяснения уже имеющегося доказательства.

М. С. Строгович, рассматривая форму получения объяснений обвиняемого, прямо подчеркивает, что это происходит вне допроса и не в процессуальной форме допроса, дополняя это указанием на то, что допрос – средство следователя, а объяснение – средство участника со стороны защиты[4]. Для нас же это является указанием на то, что современное предварительное следствие может связывать процедуру разъяснения экспертом ранее данного им заключения с процессуальной активностью эксперта, не являющегося субъектом доказывания, не реализующего уголовно-процессуальное принуждение. Он сам (и только он сам) объясняет свое заключение. Для этого необходима новая уголовно-процессуальная форма, отсутствующая в действующем законодательстве России.

М. А. Чельцов также писал о возможности понимания личных объяснений обвиняемого лишь как средства собственной защиты, в отличие от показаний обвиняемого, которые доминирующе необходимо рассматривать в качестве источника доказательств[5]. Указанное актуально и сегодня. УПК РФ не рассматривает показания эксперта в качестве автономного доказательства (п. 3 ч. 2 ст. 74). Современные показания эксперта – это то, что может следовать за заключением эксперта (ч. 1 ст. 205 УПК РФ). Содержанием показаний может быть только содержание заключения при сохранении в обоих случаях единства источника. В этом случае удвоение процессуальные актов не влечет получения двух доказательств.

При этом, на что мы указали выше, эксперт процессуально не обязан давать показания (ст. 16 ФЗ о ГСЭД, ст. 57 УПК РФ). Эксперт не несет уголовной ответственности за отказ давать показания (отвечать на вопросы допрашивающего лица) (ст. 308 УК РФ). Фактически правоотношения о допросе эксперта юридически не завершены, а имеющаяся уголовно-процессуальная форма дефектна. Если следователь имеет право допросить эксперта, без выделения в законе правомочия на вопросы эксперту, то эксперт обязан дать лишь заключение, но повод допроса – уже состоявшееся заключение эксперта. Оно может быть не ясным следователю, но оно

[3] *Строгович М. С.* Уголовный процесс : учеб. для юрид. ин-тов и фак. М., 1946. С. 204–205.

[4] См.: *Строгович М. С.* Указ. соч. С. 205.

[5] См.: *Чельцов-Бебутов М. А.* Советский уголовный процесс : учеб. для юрид. вузов. М., 1951. С. 181.

содержательно определено объектами, представленными следователем (им собранных), экспертным заданием (совокупностью вопросов, приведенных в постановлении о назначении экспертизы) следователя, поручением производства экспертизы конкретному эксперту или экспертному учреждению (т. е. носителю конкретизированных специальных знаний и возможных методов их применения при производстве экспертизы), также доминирующе определенных самим лицом, назначившим производство судебной экспертизы.

Интерпретация позиции М. А. Чельцова для современного правопонимания и правоприменения несет идею автономности доказательства. Показания эксперта таковыми не являются. Автономно само заключение эксперта. При этом могут существовать объяснения эксперта, которым не требуется придания статуса доказательства. Объяснение – это лишь процессуальное (объясняющее) приложение к заключению. В доказывании (с учетом гарантий участникам процесса, предусмотренных в законе для процедуры его получения) должно использоваться лишь оно (заключение).

В отечественном науковедении отмечается, что «*объяснение* является одним из факторов *понимания*»[6]. Очевидно, что задачей эксперта в предварительном расследовании после дачи заключения являются его действия, дающие понимание его же заключения субъектам уголовного процесса, назначившим производство судебной экспертизы. При этом понимание может быть достигнуто в диалоге эксперта и следователя[7]. Указанное – не парадокс. Следует обратить внимание на вполне конкретную конструкцию, предложенную отечественным законодателем. Предоставляя правомочие следователю на допрос эксперта (ч. 1 ст. 205 УПК РФ), закон не предусматривает соответствующего правомочия на использование вопросов в этом допросе. При этом одновременно эксперту предоставляется право задавать вопросы (ч. 3 ст. 57 УПК РФ), относящиеся к предмету экспертизы. В этом проявляется процессуальная активность эксперта. Следователь констатирует перед экспертом непонимание в какой-то части его заключения, эксперт своими вопросами следователю может уточнить конкретные положения, не ясные следователю, и объяснить их ему. Но это совершенно иной жанр процессуальной коммуникации, а не допрос следователем (иным лицом) эксперта.

В формальной логике считается, что «в хорошо сформулированном вопросе точное указание на категорию или множество, к которому относится искомое, *является необходимой его частью*»[8]. Примерно так считают и лингвисты. В вопросе (в том числе следователя эксперту), если он формально-логически и лингвистически корректный, должна содержаться как минимум половина ответа. Здесь, парадоксально для ученых-процессуалистов и криминалистов, должна всегда иметься какая-то наводка на ответ. Однако вопросы следователя эксперту не регламентируются законом, и он корректно не может их сформулировать потому, что его базой является заключение, а оно не ясно допрашивающему лицу. Для корректного вопроса эксперту необходимо использовать специальные знания, которыми, как предполагается, следователь не обладает.

Приведенные теоретические позиции, по нашему мнению, не исключают допущения в уголовно-процессуальный закон новой уголовно-процессуальной формы объяснения эксперта как проявления его уголовно-процессуальной активности, ориентированной задачей объяснения уже имеющегося заключения, представляющего из себя иной жанр процессуальной коммуникации, в которой вопросы эксперта следователю (и наоборот) не требуют нормативной регламентации.

В итоге, объединяя промежуточные выводы исследования нормативной и теоретической баз настоящей статьи, приходим к выводу, что российский уголовно-процессуальный закон в части допроса эксперта нормативно дефектен (не гармоничен его системе), что проявляется коллизией предлагаемой законодателем задачи для процессуального действия (разъяснения, растолкования уже имеющегося заключения эксперта) и процессуального средства – допроса,

[6] *Щербинина С. Г.* Роль объяснения в развитии характеристик понимания // Мир науки, культуры, образования. 2012. №6. С. 296. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-obyasneniya-v-razvitii-harakteristik-ponimaniya (дата обращения: 11.08.2022).

[7] См.: *Щербинина С. Г.* Взаимосвязь форм понимания, диалога и объяснения в учебном процессе // Известия Российского гос. пед. ун-та имени А. И. Герцена. 2013. № 162. С. 274. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-form-ponimaniya-dialoga-i-obyasneniya-v-uchebnom-protsesse (дата обращения: 11.08.2022).

[8] *Берков В. Ф.* Логика вопросов в преподавании. Минск, 1987. С. 9.

который видится не надлежащим инструментом разъяснения. В науке необходимо рассмотреть возможность дополнения закона правилами об объяснении эксперта (с элементами процессуального диалога) как конкурирующего (возможно, замещающего) положения о допросе эксперта. Объяснение заключения эксперта может быть свободной диалоговой формой коммуникации носителя специальных знаний со следователем.

Библиографический список

Берков В. Ф. Логика вопросов в преподавании. Минск, 1987. 54 с.

Крипакова Д. Р. Процессуальная форма дачи объяснений лицами, участвующими в деле (теоретико-практический анализ) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2008. № 2 (5). С. 111–116.

Матвейчев Ю. А. Допрос и получение объяснения от эксперта на досудебных стадиях уголовного процесса в Республике Беларусь : пробелы в законодательстве и пути их устранения // Судебная экспертиза. 2018. № 1 (53). С. 15–25.

Строгович М. С. Уголовный процесс : учеб. для юрид. ин-тов и фак. М., 1946. 511 с.

Чельцов-Бебутов М. А. Советский уголовный процесс : учеб. для юрид. вузов. М., 1951. 512 с.

Щербинина С. Г. Взаимосвязь форм понимания, диалога и объяснения в учебном процессе // Известия Российского гос. пед. ун-та имени А. И. Герцена. 2013. № 162. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-form-ponimaniya-dialoga-i-obyasneniya-v-uchebnom-protsesse

Щербинина С. Г. Роль объяснения в развитии характеристик понимания // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-obyasneniya-v-razvitii-harakteristik-ponimaniya

References

Berkov V. F. Logic of questions in teaching. Minsk, 1987. 54 p.

Kripakova D. R. Procedural form of giving explanations by persons involved in the case (theoretical and practical analysis) // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2008. № 2 (5). P. 111–116.

Matveychev Yu. A. Interrogation and obtaining an explanation from an expert at the pre-trial stages of the criminal process in the Republic of Belarus: gaps in legislation and ways to eliminate them // Forensic examination. 2018. № 1 (53). P. 15–25.

Strogovich M. S. Criminal process: a textbook for legal institutes and faculties. M., 1946. 511 p.

Cheltsov-Bebutov M. A. Soviet criminal process: [Textbook for legal. higher textbook establishments]. M., 1951. 512 p.

Shcherbinina S. G. Interrelation of forms of understanding, dialogue and explanation in the educational process // Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen. 2013. № 162. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-form-ponimaniya-dialoga-i-obyasneniya-v-uchebnom-protsesse

Shcherbinina S. G. The role of explanation in the development of the characteristics of understanding // World of science, culture, education. 2012. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-obyasneniya-v-razvitii-harakteristik-ponimaniya

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия

Зашляпин Л. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права

E-mail: leonid-zash@yandex.ru

Поступила в редакцию: 11.09.2022

Для цитирования:

Зашляпин Л. А. Объяснение эксперта в предварительном расследовании // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 243–249. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/243-249.

Northwestern Branch of the Russian State University of Justice

Zashlyapin L. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Procedure Law Department

E-mail: leonid-zash@yandex.ru

Received: 11.09.2022

Recommended citation:

Zashlyapin L. A. Explanation of the expert in the preliminary investigation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 243–249. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/243-249.

УДК 343.9
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/250-256

ЭКСПЕРТ КАК СУБЪЕКТ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ

С. О. Севостьянова
Волгоградская академия МВД России

EXPERT AS A SUBJECT OF FALSIFICATION OF EVIDENTIARY INFORMATION

S. O. Sevostyanova
Volgograd Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

Аннотация: рассматриваются особенности, типичные для судебных экспертов, совершающих умышленную фальсификацию доказательственной информации. Несмотря на распространенность, криминалистическая характеристика подобных деяний изучена мало.
Ключевые слова: судебная экспертиза, фальсификация доказательств, криминалистическая характеристика.

Abstract: the article discusses the features typical for forensic experts who deliberately falsify evidence. Despite the deplorable prevalence, the forensic characteristics of such acts have been little studied.
Key words: forensic examination, evidence falsification, forensic characteristics.

Личность преступника занимает центральное звено среди иных элементов в построении криминалистических характеристик преступлений, о чем говорится и в многочисленной юридической литературе[1].

В ходе проведенного нами исследования было установлено, что для экспертов, совершивших преступления, связанные с фальсификацией доказательственной информации (далее – *ДИ*), характерны как общие признаки, присущие в целом для всех субъектов преступлений, так и специфические – типичные именно для рассматриваемой категории лиц.

К общим признакам можно отнести разнообразные деструктивные установки, желание получения быстрой наживы, даже преступая моральные установки и требования закона.

Особенные же черты обусловлены спецификой служебной деятельности самих экспертов, их должностными полномочиям и обязанностями, регламентом работы, устоявшимся порядком осуществления профессиональной деятельности в экспертных бюро и организациях, кругом регулярного общения в ходе осуществления профессиональной деятельности, в том числе с работниками правоохранительных органов (как с коллегами), а также с юристами, адвокатами и иными лицами, имеющими юридическую грамотность.

Как выяснилось, экспертам-фальсификаторам присущ высокий уровень правового нигилизма, уверенности в своей безнаказанности за совершаемые ими противоправные деяния.

При этом специфика деятельности данных субъектов коррелирует с уровнем их образования, возрастными и иными характеристиками этих лиц. Основные социально-демографические характеристики интересующих нас субъектов систематизированы и отображены табл. 1.

[1] См.: *Борминцева А. В.* Психологический портрет личности преступника и его значение в криминалистике // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в РФ : сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2017. С. 61–65 ; *Кривошеин Д. И.* Социально-исторические условия становления и развития познания личности преступника в криминалистике // Современное состояние и проблемы развития российского законодательства : материалы межрегиональной науч.-практ. конф. Горно-Алтайск, 2010. С. 205–210 ; *Темникова О. С.* Криминалистические проблемы изучения личности преступника // Законность и правопорядок в современном обществе. 2012. № 9. С. 106–108 ; и др.

© Севостьянова С. О., 2023

Таблица 1

*Социально-демографическая характеристика экспертов, участвовавших в фальсификации ДИ (составлено по материалам изученных уголовных дел)**

Характеристика личности		Субъект фальсификации *ДИ* – эксперт	
		кол-во, чел.	доля, %
Возраст, лет	До 20	–	–
	21–30	–	–
	31–40	12	33,3
	41–50	14	38,9
	51–60	9	25,0
	Старше 60	1	2,8
Пол	Мужской	30	83,3
	Женский	6	16,7
Образовательный уровень	Ниже среднего и среднее	–	–
	Среднее специальное	–	–
	Высшее образование	27	75,0
	Два и более высших образования, в том числе наличие:	9	25,9
	юрид. образования	12	33,3
	мед. образования	20	55,6
	ученой степени	1	2,8
Категория экспертов по уровню служебного положения	Эксперт-исполнитель, рядовой работник экспертной организации	19	52,8
	Эксперт, занимающий в экспертной организации какую-то руководящую роль или должность	17	47,2
Категория экспертов по статусу	Государственный судебный эксперт (должностное лицо)	29	80,6
	Частный эксперт (без статуса должностного лица)	7	19,4
Наличие / отсутствие постоянного источника дохода	Обладает таким источником	36	100
	Постоянный источник дохода отсутствует	–	–
Всего изученных материалов уголовных дел		27	100
Всего упоминаемых в материалах изученных уголовных дел субъектов		36	100

***** Общее число экспертов в рассматриваемой совокупности (36) превышает число рассмотренных уголовных дел (27), так как в некоторых из изученных материалов дел упоминалось не об одном, а сразу о двух соответствующих субъектах.

Как видно из табл. 1, почти все эксперты-фальсификаторы находились на момент совершения ими преступлений в трудоспособном (активном) возрасте, что объясняется тем, что субъекты рассматриваемой группы являются лицами, осуществляющими трудовую деятельность, так как и сами рассматриваемые преступления связаны прямо или косвенно с такого рода деятельностью, т. е. осуществлением ими служебных, должностных и профессиональных обязанностей.

При этом наибольшая часть совершенных экспертами преступлений пришлась на лиц, которые на момент противоправной деятельности находились в трудоспособной возрастной группе – от 31 года до 60 лет. То есть в группе лиц, которые уже наработали какой-то трудовой стаж, служебные связи и профессиональные коммуникации. При этом в исследованной совокупности изученных материалов эксперты моложе 30 лет не встречались вообще.

Для наглядности приведем статистические данные по общему возрастному составу всех преступников, осужденных по различным статьям Уголовного кодекса в 2020 г. в России (рисунок). Сопоставление среднего возраста экспертов-фальсификаторов со средним возрастом осужденных лиц по всем возможным преступ-

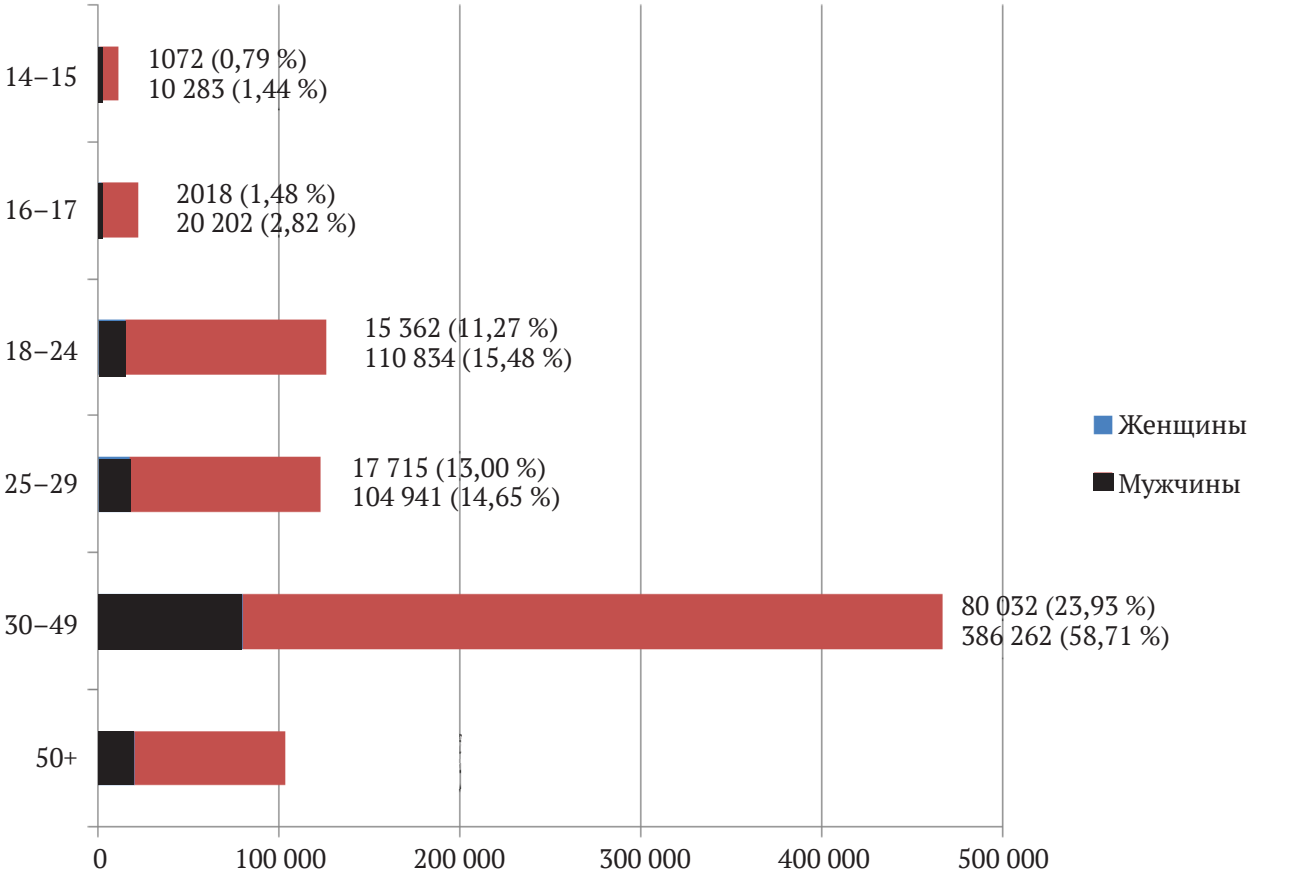

Рисунок. Социальный портрет преступности в России в 2020 г. по возрасту[2]

ным составам представляется специфической и отличительной чертой исследуемой категории противоправных деяний.

Как видно из данных табл. 1 и рисунка, для экспертов-фальсификаторов типичным является относительно высокий средний возраст в сравнении со средним возрастом иных лиц, привлекаемых по другим преступным составам. Как уже отмечалось ранее, все эксперты, участвовавшие в фальсификации *ДИ*, на момент совершения ими соответствующих противоправных деяний, находились в возрасте от 31 года и старше. При этом в возрастной категории до 30 лет вообще не было ни одного лица, в то время как среди иных злоумышленников, совершивших другие преступления, примерно каждый третий находился именно в данной возрастной группе.

Для криминалистической характеристики значим и такой фактор, как гендерное распределение злоумышленников. Как было установлено, большая часть виновных в фальсификации *ДИ* экспертов представлена мужчинами (83,3 %) и лишь незначительная их часть (16,7 %) – женщинами.

Выявленную диспропорцию можно объяснить, прежде всего, характерной неравной представленностью лиц мужского и женского пола среди экспертов. Кроме того, сюда же можно отнести психологические особенности женщин, которые в существенно меньшей степени, в сравнении с мужчинами, склоны к риску и противоправным проявлениям. Данная тенденция (преобладание доли мужчин в общей структуре субъектов различных преступлений) характерна в целом и для преступности в мире.

Помимо указанных элементов, к социально-демографическим характеристикам экспертов-фальсификаторов относится также уровень их образования, взаимосвязанный в данном случае с характером преступного посягательства, занимаемой должностью или служебным поло-

[2] См.: Социальный портрет преступности в России в 2020 году по возрасту // Генеральная прокуратура РФ. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru

жением, общей спецификой осуществляемой ими профессиональной деятельности.

Как выяснилось, для экспертов (субъектов фальсификации *ДИ*) характерным является очень высокий образовательный уровень. Для сравнения заметим, что в среднем для различных субъектов всех преступлений, предусмотренных УК РФ, характерен низкий уровень образования. Так, по статистическим данным, представленным Генеральной прокуратурой РФ, только 10,6 % лиц, осужденных по тем или иным статьям Уголовного кодекса в 2020 г., имели на момент привлечения к уголовной ответственности хотя бы одно высшее образование[3].

Однако, как видно из табл. 1, в отношении экспертов статистика совершенно иная. Как было установлено, все 100 % упоминавшихся в изученной нами совокупности материалов уголовных дел экспертов имели высшее образование, что обусловлено спецификой их рода деятельности, требованиями к уровню квалификации и знаний.

При этом примерно у каждого четвертого такого субъекта (25,9 %) было не одно, а два высших образования, у одного эксперта была и ученая степень. Интересно отметить и то, что у 33,3 % участвовавших в фальсификации *ДИ* экспертов, помимо основного профильного, необходимого для проведения экспертиз, также имелось и юридическое образование. Кроме того, в рамках исследования было установлено, что 55,6 % экспертов в качестве профильного имели высшее медицинское образование.

Следует заметить и то, что около половины субъектов изученной нами совокупности уголовных дел (52,8 %) было представлено рядовыми экспертами-исполнителями и почти такая же их доля (47,2 %) – субъектами, занимающими какую-то руководящую должность (например, старшего эксперта, руководителя экспертного бюро, лаборатории, начальника отдела или иного структурного подразделения какой-либо экспертной организации и др.).

Доля экспертов-фальсификаторов на руководящих должностях оказалась значительной. Данный факт можно объяснить тем обстоятельством, что указанные лица обладали наибольшими возможностями и полномочиями в осуществляемой ими служебной деятельности, а значит, к ним нередко могли обращаться с теми или иными противозаконными просьбами заинтересованные в конкретных результатах экспертиз лица.

Кроме того, распространена практика, когда экспертное заключение заверяется (утверждается) именно лицом, занимающим руководящую должность в самой экспертной организации. В то же время и доля рядовых экспертов-исполнителей, осуществивших фальсификацию *ДИ*, оказалась значительной, что может быть объяснено тем, что вообще в любых экспертных организациях практически всегда работает больше рядовых сотрудников, чем сотрудников из числа начальства.

Для построения полноценной криминалистической характеристики личности субъектов преступлений, весьма важны и более детальные знания об их профессиональной принадлежности (квалификации) и месте работы[4].

Как показал проведенный нами неофициальный опрос, большинство респондентов убеждено, что преступность распространена в одинаковой степени как среди частных, так и государственных экспертов.

По информации, представленной Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, в последние годы лишь для судов, относящихся к общей юрисдикции, негосударственными частными экспертами было проведено более 60 % всех экспертиз[5].

Анализ изученных материалов уголовных дел показал, что в большинстве случаев среди экспертов-фальсификаторов, вовлекаемых в уголовный процесс в статусе подозреваемых, обвиняемых или подсудимых, выступали именно должностные лица – государственные судебные эксперты и значительно реже – частные, не имеющие данного правового статуса.

Среди экспертов-фальсификаторов в исследуемой совокупности материалов встречались

[3] См.: Генеральная прокуратура РФ. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru

[4] См.: *Кудревич Е. П.* Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений, совершаемых должностными лицами в сфере лесного хозяйства // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : материалы 20-й Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2015. С. 351–354 ; *Халиков А. Н.* Элементы криминалистической характеристики должностных преступлений // Южно-Уральские криминалистические чтения : доклады Всерос. науч.-практ. конф. Уфа, 2016. С. 69–74 ; и др.

[5] См.: Официальный сайт Судебного департамента при ВС РФ. URL: https://cdep.sudrf.ru

и сотрудники экспертно-криминалистических групп, подразделений и центров (т. е. работники правоохранительных структур), сотрудники системы Минюста России и государственных учреждений системы Министерства здравоохранения. Более половины всех упомянутых субъектов фальсификации *ДИ* было представлено именно экспертами системы Министерства здравоохранения России (судебно-медицинскими экспертами).

Тем не менее мы, как и опрошенные нами респонденты, полагаем, что выявленная тенденция не отображает реальную картину и структуру преступности среди частных и государственных экспертов, но еще раз демонстрирует глубокую и острую проблему крайне высокого уровня латентности противоправных деяний, совершаемых недобросовестными экспертами, и даже в большей степени – частными экспертами, чья деятельность в сфере фальсификации *ДИ* почти всегда остается не выявленной, но которые в действительности могли быть участвовавшими в различных преступных схемах, в том числе экономического характера и не только.

Помимо рассмотренных выше характеристик, не меньшее значение для формирования социального портрета соответствующих субъектов имеет и такой важный показатель, как их профессиональные и бытовые характеристики, как правило, все эксперты по месту работы и постоянного проживания характеризовались положительно. Согласно полученным следствием характеристикам, экспертам-фальсификаторам не были свойственны прогулы и нарушения трудовой дисциплины. По месту, где они осуществляли свою профессиональную деятельность, начальство и коллеги о них отзывались как о компетентных и работоспособных сотрудниках. Отметим также, что личность эксперта-злоумышленника, как правило, хорошо социально адаптирована, общительна, доброжелательна, не испытывает каких-либо затруднений в межлич-

Таблица 2

Общая характеристика лиц, совершивших преступления в 2020 г. в России[6]

Лица, совершившие преступления	Всего	+, –, %	Удельный вес в общем числе выявленных лиц, %	В том числе несовершеннолетних		
				всего	+, –, %	уд. вес, %***
Выявлено лиц, совершивших преступления:	852 506	– 3,6	100,0	33575	– 11,5	100,0
в том числе:						
– несовершеннолетних	33 575	– 11,5	3,9	23 976	– 15,8	71,4
– женщин	136 318	– 4,3	16,0	185	– 90,2	0,6
– учащихся, студентов	34 773	– 15,0	4,1	39	– 18,8	0,1
– лиц, не имеющих постоянного источника дохода	544 829	– 3,4	63,9	8643	– 7,6	25,7
– безработных	7634	54,7	0,9	3022	– 14,1	9,0
– ранее совершавших преступления	492 107	– 2,4	57,7			
из них:						
ранее судимых за преступления*						
– совершивших преступления, признанные опасным	255 296	– 2,5	51,9			
и особо опасным рецидивом*	19068	– 2,5	3,9			
Из общего числа выявленных лиц совершили преступления						
– в составе группы (всего),	108 918	– 7,4	12,8	15700	– 12,2	46,8
в том числе:						
– организованной группы либо преступного сообщества (преступной организации)**	9764	1,9	9,0	80	– 16,7	0,2
в состоянии опьянения						
– алкогольного	288 367	– 3,4	33,8	4077	– 7,7	12,1
– наркотического	6787	– 16,4	0,8	91	– 7,1	0,3

* Удельный вес от числа лиц, ранее совершивших преступления.
** Удельный вес от общего числа выявленных лиц, совершивших преступления в составе группы (всего).
*** Удельный вес от общего числа несовершеннолетних.

[6] См.: Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 г. М., 2021.

ностных коммуникациях, имея много интересов, высокий уровень культуры и образования.

При этом ни один из экспертов, участвовавших в фальсификации *ДИ*, не злоупотреблял алкогольными напитками. В изученных материалах не содержалось также ни одного упоминания о том, чтобы противоправные деяния совершались в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

Помимо прочей криминалистически важной информации, в ходе исследования было также установлено, что каждый из отмеченных в материалах уголовных дел экспертов (100 %) обладал стабильным и постоянным источником дохода.

Можно констатировать, что в целом для соответствующих субъектов характерен антикриминальный портрет, во многом отличающийся от среднестатистического образа преступника в стране. Для подтверждения данного вывода рассмотрим статистические данные по всем лицам, совершившим различные преступления в 2020 г. на территории России (табл. 2).

Как видно из табл. 2, в большинстве своем субъекты зафиксированных преступлений, в отличие от экспертов-фальсификаторов, не имели на момент совершения преступления постоянного источника дохода. Примерно каждый третий преступник в России совершал свое противоправное деяние в состоянии алкогольного опьянения, что не было характерно для экспертов.

Кроме того, в отличие от экспертов, у которых ранее не было ни одной судимости, примерно у каждого третьего преступника в России к моменту осуждения уже имелась одна или несколько судимостей.

Однако, кроме черт личности «антикриминального» характера, экспертам-фальсификаторам, как уже отмечалось ранее, свойственны также разнообразные внутренние деструктивные установки.

При этом противоправные установки любых преступников, как правило, во многом предопределены самими мотивами их противоправных деяний. В связи с важностью раскрытия данного элемента криминалистической характеристики планируем в дальнейшем выявить и систематизировать ключевые мотивы экспертов как субъектов возможной фальсификации *ДИ*.

Библиографический список

Борминцева А. В. Психологический портрет личности преступника и его значение в криминалистике // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в РФ : сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2017. С. 61–65.

Кривошеин Д. И. Социально-исторические условия становления и развития познания личности преступника в криминалистике // Современное состояние и проблемы развития российского законодательства : материалы межрегиональной науч.-практ. конф. Горно-Алтайск, 2010. С. 205–210.

Кудревич Е. П. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений, совершаемых должностными лицами в сфере лесного хозяйства // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : материалы 20-й Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Восточно-Сибирский ин-т МВД РФ, 2015. С. 351–354.

Темникова О. С. Криминалистические проблемы изучения личности преступника // Законность и правопорядок в современном обществе. 2012. № 9. С. 106–108.

Халиков А. Н. Элементы криминалистической характеристики должностных преступлений // Южно-Уральские криминалистические чтения : доклады Всерос. науч.-практ. конф. Уфа : БашГУ, 2016. С. 69–74.

References

Bormintseva A. V. Psychological portrait of a criminal's personality and its significance in criminalistics // Sat. articles Int. scientific-practical. conf. "Actual problems of lawmaking and law enforcement activities in the Russian Federation". Ufa, 2017. P. 61–65.

Krivoshein D. I. Socio-historical conditions for the formation and development of the knowledge of the identity of the offender in criminalistics // Current state and problems of the development of Russian legislation: mater. interreg. scientific-practical. conf. Gorno-Altaisk, 2010. P. 205–210.

Kudrevich E. P. The identity of the offender as an element of the forensic characteristics of crimes committed by officials in the field of forestry // Activities of law enforcement agencies in modern conditions. Sat. mater. 20th Int. scientific-practical. conf. Irkutsk: Vost.-Sib. in-t of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2015. P. 351–354.

Temnikova O. S. Forensic problems of studying the personality of a criminal // Legality and the rule of law in modern society. 2012. № 9. P. 106–108.

Khalikov A. N. Elements of the forensic characteristics of malfeasance // South Ural forensic readings: Reports of the All-Russian. scientific-practical. conf. Ufa : BashGU, 2016. P. 69–74.

Волгоградская академия МВД России
Севостьянова С. О., старший преподаватель кафедры исследования документов УНК ЭКД
E-mail: Sievostianova1986@mail.ru

Поступила в редакцию: 16.02.2022

Для цитирования:
Севостьянова С. О. Эксперт как субъект фальсификации доказательственной информации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 250–256. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/250-256.

Volgograd Academy of the Russia Ministry of Internal Affairs
Sevostyanova S. O., Senior Lecturer at the Department of Document Research of the UNK EKD
E-mail: Sievostianova1986@mail.ru

Received: 16.02.2022

Recommended citation:
Sevostyanova S. O. Expert as a subject of falsification of evidentiary information // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 250–256. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/ 2023/1/250-256.

УДК 343.98
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/257-262

МАТЕРИАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СТРУКТУРЫ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА И ИХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

А. М. Хлус
Белорусский государственный университет

MATERIAL ELEMENTS OF THE STRUCTURE OF BRIBERY AND THEIR CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS

A. M. Khlus
Belarusian State University

Аннотация: обращается внимание на различие мнений ученых о структурном построении криминалистической характеристики взяточничества. Принимая во внимание значимость научной категории «криминалистическая характеристика преступлений», автор сделал вывод, что для следственной деятельности больший интерес представляет характеристика взяточничества, полнее и детальнее раскрывающая содержание криминалистически значимых материальных элементов, отражающихся в окружающей обстановке совершения преступления. С учетом этого выявлены материальные элементы, составляющие преступную структуру взяточничества, описание которых должно основываться на имеющихся данных криминалистической характеристики, и определено их значение для формирования частной методики расследования взяточничества.
Ключевые слова: взяточничество, криминалистика, криминалистическая характеристика, материальная структура.

Abstract: the article draws attention to the difference of opinions of scientists about the structural construction of the forensic characteristics of bribery. Taking into account the importance of the scientific category “forensic characteristics of crimes”, the author concluded that the characterization of bribery is of greater interest for investigative activity, which reveals more fully and in more detail the content of forensically significant material elements that are reflected in the environment of the crime. Taking this into account, the material elements that make up the criminal structure of bribery were identified, the description of which should be based on the available data of forensic characteristics, and their importance for the formation of a private method of investigating bribery was determined.
Key words: bribery, forensics, forensic characteristics, material structure.

Взяточничество – самое опасное коррупционное преступление, отличающееся высокой степенью латентности, направленное против интересов службы и причиняющее вред интересам общества.

Одним из важнейших средств борьбы со взяточничеством является методика расследования, которая сформирована на основе криминалистической характеристики данной группы преступлений[1].

Общие вопросы криминалистической характеристики преступления исследовались в трудах многих ученых, среди которых Т. В. Аверьянова, И. В. Александров, О. Я. Баев, Р. С. Белкин, А. Н. Васильев, И. А. Возгрин, Т. С. Волчецкая, В. К. Гавло, И. Ф. Герасимов, Л. Я. Драпкин, В. Д. Зеленский, Е. П. Ищенко, В. Я. Колдин, И. М. Комаров, Н. П. Яблоков и др. Проблемы кри-

[1] Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З. URL: http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275 (дата обращения: 24.04.2021). Понятие «взяточничество» объединяет три взаимосвязанных уголовных деяния: получение взятки (ст. 430 УК), дача взятки (ст. 431 УК) и посредничество во взяточничестве (ст. 432 УК).

© Хлус А. М., 2023

миналистической характеристики в своих работах освещали белорусские ученые И. И. Басецкий, Г. И. Грамович, В. Л. Григорович, А. В. Дулов, В. Ф. Ермолович, Г. А. Зорин, Ю. Ф. Каменецкий, Е. И. Климова, А. Н. Лепехин, В. М. Логвин, Н. И. Порубов, А. С. Рубис, Г. В. Федоров и др. Фундаментальный труд данной научной категории посвятил В. Ф. Ермолович[2].

Несмотря на значительное внимание, уделяемое учеными криминалистической характеристике преступлений, до настоящего времени не сформировано единого представления о данной научной категории и ее содержании. Отсутствуют научные работы, в которых, наряду с криминалистической характеристикой преступления, рассматривались бы элементы его материальной структуры.

Аналогичные проблемы характерны для криминалистической характеристики взяточничества, представленной в различных научных трудах, в том числе диссертациях[3], а также в учебниках[4] и научно-практических пособиях[5].

На основе анализа различных мнений криминалистическую характеристику взяточничества можно представить в качестве системы элементов, определяемых способом и механизмом его совершения. В числе общих элементов криминалистической характеристики взяточничества ученые называют: 1) субъектов взяточничества (взяткополучатель, взяткодатель, посредник во взяточничестве); 2) умысел, мотив и цель совершения взяточничества; 3) способы совершения взяточничества; 4) предмет взятки.

Цель данного исследования, основывающегося на криминалистическом анализе, – выявить материальные элементы, составляющие преступную структуру взяточничества, и оценить их содержание в аспекте отражательных возможностей. Определить значение элементов материальной структуры взяточничества для формирования частной методики его расследования, а также указать направление совершенствования криминалистической характеристики данной группы преступлений.

На основе проведенного анализа уголовно-правовых составов преступлений, образующих понятие «взяточничество», учитывая реальность проявления преступного деяния в окружающей обстановке, в структуре взяточничества можно выделить три основных материальных элемента. В своем сочетании они образуют преступную систему, состоящую из субъекта совершения преступления, объекта преступного посягательства и предмета преступления. По своему наименованию эти элементы схожи с элементами состава взяточничества, но отличаются от них своей материальной сущностью.

В каждом деянии, образующем взяточничество, эти структурные элементы повторяются, что позволяет сделать вывод о их типичном характере. При этом количество элементов в структуре взяточничества может отличаться. В процессе совершения взяточничества его элементы взаимодействуют не только между собой, но и с окружающей средой, закономерно оставляя следы, имеющие криминалистическое значение. Значение знаний о типичной структуре взяточничества в том, что на основе познания одного структурного элемента можно выявить всю совокупность следов, отразившихся в окружающей обстановке, на основе которых устанавливаются и познаются все иные, неизвестные элементы, их связи и особенности образования следов, имеющие значение для раскрытия и расследования преступления.

Субъектами совершения взяточничества являются взяткополучатели, взяткодатели и посредники во взяточничестве. Их характеристика ограничивается криминологическими данными, не содержащими сведений о направлениях установления криминалистически значимой информации.

Взяткополучателями всегда являются должностные лица, которые незаконно принимают от взяткодателя материальное вознаграждение в любой форме и совершают в его интересах определенные действия либо воздерживаются от их совершения, используя свое служебное положение.

---

[2] См.: *Ермолович В. Ф.* Криминалистическая характеристика преступлений. Минск, 2001.

[3] См. например: *Лашко Н. Н.* Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования взяточничества и коррупции : дис. … канд. юрид. наук. М., 2001.

[4] См., например: Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3 : Криминалистическая методика. Методика расследования преступлений в сфере экономики, взяточничества и компьютерных преступлений / под ред. О. Н. Коршуновой, А. А. Степанова. СПб., 2004. С. 484–536.

[5] См., например: Методика расследования коррупционных преступлений : науч.-практ. пособие для следователей и оперативных работников правоохранительных органов / под ред. В. Х. Кадырова. Минск, 2005. С. 47–95.

Криминалистическое изучение личности взяточника необходимо осуществлять по двум основным направлениям.

1. Выявить признаки, свидетельствующие об отнесении личности к категории должностных лиц. Это позволит правильно выбрать тактические средства в определенной криминалистической ситуации. Неверное установление статуса лица, совершившего преступное деяние, влечет за собой ошибки в тактическом обеспечении досудебного производства.

2. Необходимо познать особенности поведенческого характера должностного лица в различных ситуациях. Для этого изучаются и оцениваются его полномочия, в связи с которыми совершаются противоправные действия. Отсутствие полномочий у должностного лица для совершения действия (бездействия) не позволяет признать его взяточником в случае принятия им незаконного вознаграждения.

С целью познания правового статуса должностного лица и возможности совершения им служебных действий (бездействия) в процессе расследования подлежат изъятию документы, указывающие на его положение, например приказы о приеме на работу, назначении на должность и др.

Взяткодателем может быть как должностное, так и частное лицо, передающее материальные ценности или предоставляющее выгоду имущественного характера за действие (бездействие), совершаемое должностным лицом в интересах дающего взятку.

В отношении взяткодателя выясняется следующая информация, значимая с точки зрения криминалистики:

– как давно знаком с взяткополучателем, кто инициировал знакомство, при каких обстоятельствах это произошло, кто присутствовал при этом;

– какой установился характер отношений с взяткополучателем (дружеский, деловой и др.);

– часто ли встречались, где встречались, какой был повод для общения;

– приходилось ли ранее передавать взяткополучателю материальные ценности, в том числе и в виде подарка, какие, когда и в связи с чем;

– что послужило поводом для обращения с заявлением о даче взятки и др.

Посредником может быть также как частное, так и должностное лицо, действующее по поручению и в интересах взяткодателя или взяткополучателя.

Криминалистический интерес представляет следующая информация:

– об инициаторе в даче-получении взятки: при каких обстоятельствах это произошло, кто присутствовал в момент обсуждения предложения о взятке;

– отношениях посредника со взяткодателем и взяткополучателем: как давно знакомы, обстоятельства знакомства и т. д.

С точки зрения криминалистической характеристики представляют интерес и иные сведения, характеризующие субъекта совершения взяточничества. Речь идет о составляющих его психической деятельности, выражаемых в виде умысла, мотива и цели совершения преступного деяния. Каждый из субъектов взяточничества, сочетая в своем сознании интеллектуальный и волевой акты, действует с прямым умыслом.

Мотив является фактором, побуждающим субъекта на совершение действий, направленных на удовлетворение его различных потребностей. Мотивы субъектов совершения взяточничества не совпадают, но общее, что их объединяет – это выгода, на достижение которой ориентированы их действия.

Целью совершения взяточничества является результат, в котором заинтересован субъект деяния.

В большинстве случаев для взяточника мотивом его действия (бездействия) является корысть, а целью – получение денег либо иной материальной ценности.

Выбор способа совершения взяточничества зависит от объективных обстоятельств и от личности субъекта совершения деяния, его физических и интеллектуальных способностей. Способ совершения взяточничества направлен на достижение преступной цели, т. е. получение материальной или иной взаимной выгоды, на достижение которой направлена система действий (бездействия) субъектов преступления. Знание способа совершения взяточничества позволяет обнаружить в окружающей обстановке материальные и интеллектуальные следы преступления.

Наиболее распространенным способом совершения взяточничества является дача-получение предмета взятки из рук в руки при непосредственном контакте субъектов преступления.

Способы совершения взяточничества могут быть внешне замаскированы под видом: заключения гражданско-правовой сделки (дарения, займа и т. п.) или фиктивного трудового догово-

ра; возврата несуществующего долга; безвозмездного выполнения в интересах взяткополучателя работ хозяйственного назначения или с их оплатой по явно заниженной цене (ремонт жилого помещения, автомобиля, строительство дома и т. п.) и другие способы.

Субъекты взяточничества, реализуя избранный способ преступления, совершают ряд сопутствующих ему действий, оставляющих в окружающей обстановке дополнительные следы, не являющиеся по своей сути преступными, выявление которых способствует установлению механизма преступного деяния.

Предварительные действия взяткодателя, имеющего намерение дать должностному лицу взятку, состоят в следующем:

– определение органа или учреждения, в котором предполагается реализовать предоставленное законодательством право или решить возникшие жизненные проблемы, изучение обстановки в нем и наведение справок о должностном лице, с которым предстоит вступить в контакт при реализации права или решении проблемы;

– непосредственное или опосредованное установление связи с должностным лицом, от которого зависит решение вопроса;

– определение условий выполнения желаемого для взяткодателя действия, уточнение предмета взятки, его размера (в случае передачи денег) и способа передачи;

– подыскание предмета взятки (например, снятие денег с банковского счета, получение кредита и т. д.).

Действия взяткополучателя в ряде случае не сводятся только к принятию предмета взятки. Его подготовка к совершению преступления может включать следующие действия:

– определение потенциального взяткодателя;

– установление контакта с ним лично либо через посредников, предъявление требования дать взятку, определение условий совершения действий (бездействия) за взятку;

– определение условий передачи взятки (место, время, способ передачи и т. п.);

– вымогательство взятки, т. е. требование дать взятку под угрозой совершения действий, которые могут причинить ущерб законным интересам гражданина и т. д.

Действия посредника во взяточничестве, как правило, согласуются со способом совершения преступления, избранным взяткодателем или взяткополучателем.

Объект преступления, как правило, не упоминается в криминалистической характеристике взяточничества, но он является важным элементом уголовно-правового состава. В совершении любого деяния, связанного со взяточничеством, существует тесная связь между объектом и субъектом преступления, который в результате осуществления своей деятельности, оказывает воздействие на объект преступления. Это приводит к определенным изменениям в объекте. Исследование изменений объекта позволяет познать и оценить действия субъекта с точки зрения соответствия целесообразности, логичности и правомерности их совершения.

Уголовно-правовое и криминалистическое понимание объекта преступления различается. Это создает не только теоретическую, но и практическую проблему. Ученые до сих пор указывают на проблему определения объекта взяточничества, замечая, что она не является только теоретической. Судам рекомендуется исследовать и учитывать объект взяточничества при назначении наказания. Наиболее приемлемым для правоприменительной деятельности с точки зрения уголовно-правовой науки считается определение, согласно которому объектом взяточничества является нормальная деятельность публичного аппарата управления.

Криминалистика, являясь наукой «о реальностях уголовного права»[6], призвана изучать в первую очередь все материальное, что образует структуру системы преступления. Одним из элементов этой системы является объект преступного посягательства (в уголовном праве чаще используют термин «объект преступления»). Объект преступного посягательства как элемент материальной структуры преступления существенно отличается от аналогичного элемента состава преступления, рассматриваемого традиционной уголовно-правовой концепцией в виде общественных отношений. Абстрактные по своей сути общественные отношения не отражают систему следов, содержащих криминалистически значимую информацию о совершенном преступлении и его элементах.

Определение объекта преступного посягательства как материального элемента взяточни-

[6] Цит. по: *Сокол В. Ю.* Ганс Гросс – основатель современной криминалистики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 3 (17). С. 41.

чества представляет определенную трудность, так как не очевиден этот элемент преступной системы, на которого оказывает воздействие субъект взяточничества.

Для понимания объекта посягательства с позиции криминалистики необходимо исходить из понимания, что общественные отношения, на которые посягает взяточник, связаны с деятельностью публичного аппарата управления либо управленческой структуры коммерческой или общественной организации. В пределах этого системного образования (как правило, определенного его звена: органа, службы или подразделения) субъект взяточничества осуществляет свою деятельность. Он реализует предоставленные ему полномочия, которые в момент совершения преступления используются против этой системы, вопреки ее интересам, когда нарушается нормальный, установленный законодательством, а также внутренними правилами, порядок ее функционирования.

Объектом преступного посягательства в материальной структуре взяточничества следует рассматривать значительное количество государственных и общественных органов (организаций), представляющих собой субъекты управления различного уровня, должностные лица которых совершили данное деяние. Совершив взяточничество, должностные лица причиняют вред, т. е. посягают на нормальную деятельность того органа или организации, в которых осуществляется их служебная деятельность.

Вред, причиняемый должностным лицом в связи со взяточничеством, в ряде случаев не имеет фактического проявления, так как взяточник посягает на авторитет и деловую репутацию того субъекта управления, в котором осуществляется его служебная деятельность и локализуются следы преступления.

Предмет взятки является важнейшим признаком взяточничества. В соответствии с уголовным кодексом взятка может быть в виде «материальных ценностей» либо «выгод имущественного характера» (ст. 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

Преимущественно деньги (как отечественная, так и иностранная валюта), находящиеся в обороте, выступают в качестве предмета взятки.

В настоящее время во многих государствах, в том числе и Республике Беларусь, введены в оборот электронные деньги, что позволяет злоумышленникам использовать технические возможности многочисленных электронных платежных систем и сети Интернет. В ситуации использования электронных денег взяткодатели и взяткополучатели существенно затрудняют процесс их изобличения в совершении преступления. С целью передачи такого предмета взятки используется электронная почта взяткополучателя, которому сообщается код электронных денег, обналичиваемых в специализированных банкоматах компаний-гарантов.

Разновидностью электронных денег является криптовалюта, появление которой обусловлено интенсивным развитием информационных технологий, а также объективными процессами, происходящими в мировой экономике. Криптовалюта – это разновидность цифровой валюты, имеющей вид электронных денег. Она используется в качестве альтернативной или дополнительной валюты. В практике противодействия преступности появились первые случаи совершения преступлений, где предметом посягательства выступает криптовалюта. Учитывая высокий уровень латентности взяточничества, нельзя исключать, что при его совершении в качестве предмета взятки может использоваться криптовалюта.

Предметом взятки могут быть ценные бумаги, к которым относятся государственная облигация, облигация, вексель, чек, депозитный и сберегательный сертификаты, банковская сберегательная книжка на предъявителя, коносамент, акция, приватизационные ценные бумаги и другие документы.

Главным свойством предмета взятки является ее имущественный характер, проявляемый в момент его передачи (предоставления) взяткополучателю. Аналогично следует рассматривать и выгоду, имущественный характер которой должен проявляться непосредственно в момент передачи предмета взятки. Этот признак позволяет отделить преступное и непреступное поведение субъектов, а также отграничить взяточничество от смежных составов.

Предмет взятки в ряде случаев выполняет функцию важнейшего связующего звена в преступных отношениях между взяткодателем и взяточником, формирующего систему следов, выявление и использование которых обеспечивает изобличение в совершении взяточничества.

Подводя итог изложенному, можно сделать некоторые выводы.

1. Криминалистическая характеристика взяточничества не в полной мере раскрывает содержание данной группы преступлений. За пределами рассмотрения остаются элементы материальной структуры взяточничества, криминалистическая характеристика которых должна производиться в аспекте их отражательных возможностей.

2. Типичными элементами материальной структуры взяточничества являются субъект совершения преступления, объект преступного посягательства и предмет преступления.

3. В основе описания материальных элементов структуры взяточничества являются данные, содержащиеся в его криминалистической характеристике.

4. Формирование методики расследования взяточничества с учетом его материальной структуры будет способствовать более полному криминалистическому пониманию данного вида преступления и определению направлений его расследования.

Библиографический список

Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Минск : Амалфея, 2001. 304 с.

Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3: Криминалистическая методика. Методика расследования преступлений в сфере экономики, взяточничества и компьютерных преступлений / под ред. О. Н. Коршуновой, А. А. Степанова. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.

Лашко Н. Н. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования взяточничества и коррупции : дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. 212 с.

Методика расследования коррупционных преступлений : науч.-практ. пособие для следователей и оперативных работников правоохранительных органов / под ред. В. Х. Кадырова. Минск, 2005.

Сокол В. Ю. Ганс Гросс – основатель современной криминалистики // Вестник Краснодарского ун-та МВД России. 2012. № 3 (17). С. 41.

References

Ermolovich V. F. Forensic characteristics of crimes. Minsk : Amalfeya, 2001. 304 p.

The course of forensic science: in 3 volumes. T. 3. Forensic techniques. Methods for investigating crimes in the field of economics, bribery and computer crimes. / eds. O. H. Korshunova, A. A. Stepanov. St. Petersburg : Legal Center Press, 2004.

Lashko N. N. Forensic characteristics and the initial stage of the investigation of bribery and corruption: dis. … Cand. jurid. Sciences. M., 2001. 212 p.

Methods of investigating corruption crimes: Scientific and practical guide for investigators and operatives of law enforcement agencies / ed. V. Kh. Kadyrov. Minsk, 2005.

Sokol V. Yu. Hans Gross – the founder of modern forensic science // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 3 (17). P. 41.

Белорусский государственный университет
Хлус А. М., кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики
E-mail: hlus.home@mail.ru

Поступила в редакцию: 21.06.2023

Для цитирования:
Хлус А. М. Материальные элементы структуры взяточничества и их криминалистическая характеристика // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 257–262. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/257-262.

Belarusian State University
Khlus A. M., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminalistics Department
E-mail: hlus.home@mail.ru

Received: 21.06.2023

Recommended citation:
Khlus A. M. Material elements of the structure of bribery and their criminalistic characteristics // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 257–262. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/257-262.

УДК 347.9
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/263-268

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

С. Ф. Афанасьев
Саратовская государственная юридическая академия

TO THE QUESTION OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE LEGAL FIELD

S. F. Afanasiev
Saratov State Law Academy

Аннотация: дается краткий анализ основных проблем, связанных с использованием искусственного интеллекта в правовой сфере. Отмечается, что в настоящее время с точки зрения действующих нормативных правовых актов в Российской Федерации применяется антропологический подход к определению понятия и уяснению сути искусственного интеллекта, который должен обладать двумя базовыми составляющими, имитирующими функциональную деятельность человека, а именно рациональным и эмоциональным интеллектом. Если по поводу первой составляющей, отвечающей за сбор и совмещение воедино разнопотоковых сведений, особых вопросов не возникает, поскольку искусственный интеллект вполне успешно справляется с этой задачей, то эмоциональный интеллект пока находится за границами возможностей искусственного интеллекта. Последнее обстоятельство вызывает необходимость введения ряда объективных ограничений на его использование в рамках материальных и процессуальных правоотношений, в том числе при отправлении правосудия по гражданским, уголовным и административным делам.
Ключевые слова: право, правосудие, искусственный интеллект, правоотношение, антропоморфность, законодательство, правоприменение, морально-этические категории, когнитивные способности.

Abstract: this article provides a brief analysis of the main problems associated with the use of artificial intelligence in the legal field. It is noted that at present, from the point of view of the current regulatory legal acts in the Russian Federation, an anthropological approach is used to define the concept and understand the essence of artificial intelligence. As a consequence, he must have two basic components that mimic the functional activity of a person, namely, rational and emotional intelligence. If there are no special questions about the first component, which is responsible for collecting and combining information from different streams, since artificial intelligence quite successfully copes with this task; then emotional intelligence is still beyond the capabilities of artificial intelligence. The latter circumstance necessitates the introduction of a number of objective restrictions on its use in the framework of substantive and procedural legal relations, including the administration of justice in civil, criminal and administrative cases.
Key words: law, justice, artificial intelligence, legal relationship, anthropomorphism, legislation, law enforcement, moral and ethical categories, cognitive abilities.

В настоящее время проблема применения искусственного интеллекта (далее – ИИ) в правовой сфере обсуждается в юридической науке и практике с разных точек зрения. В частности, всесторонне исследуются вопросы правосубъектности и деликтоспособности ИИ в правоот-

© Афанасьев С. Ф., 2023

ношениях, этико-правовых моделях его использования, влиянии технологий ИИ на судебный процесс и делопроизводство и др.[1] В большинстве случаев правоведы сходятся в единой вполне справедливой мысли: прежде чем допускать применение ИИ в праве нужно de jure определиться с его формальным status quo, поскольку это и есть та опорная точка, которая позволяет в дальнейшем рассуждать по поводу форм и средств участия ИИ в легальной деятельности. Правильно пишет М. В. Залоило, «важным вопросом является определение правового статуса искусственного интеллекта. Ряд ученых отмечают появление новых субъектов или квазисубъектов права в условиях цифровизации общественных отношений, стимулирующей развитие и применение в различных областях жизнедеятельности технологий искусственного интеллекта. В связи с этим актуальной для современной юридической науки задачей является решение вопроса о правосубъектности искусственного интеллекта»[2].

Что же является триггером, толкающим представителей науки и практики высказывать мнение относительно рациональности выявления и закрепления в нормативных документах правового статуса ИИ? Быть может, это обычная дань новомодным тенденциям? Иными словами, мы имеем дело с сиюминутной темой, которая уйдет из дискуссионного поля, как только перестанет быть популярной. Позволим предположить, что объективным основанием, детерминирующим стремление так или иначе установить соответствующий статус ИИ, выступает уровень развития такового, коль скоро уже сейчас ИИ воспроизводит когнитивные человеческие способности и может самообучаться для достижения поставленных перед ним целей[3]. Более того, последнее прямо признается в действующем законодательстве, которое зиждется на антропологическом подходе. Так, согласно положениям Указа Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» под ИИ понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека[4].

Оставляя в стороне многочисленные доктринальные дискуссии по поводу характера правосубъектности ИИ и пределах ее реализации[5], нужно отметить, что с формально-юридических позиций правовой статус такого интеллекта ставится в зависимость от человекоцентрической парадигмы. Проще говоря, правовой потенциал ИИ должен прямо корреспондировать тому, насколько он способен подражать когнициям homo sapiens. Сами по себе они являются чрезвычайно сложными, ибо охватывают рациональную и эмоциональную составляющие высшей нервной деятельности, что обеспечивает эффективную двустороннюю связь человеческого организма с объектами внешней среды и другими людьми. Если говорить о рациональном интеллекте, то ИИ близок к его проекции: он может воспринимать, сохранять, анализировать, синтезировать информацию и делать на основе этого некие выводы.

На языке нейробиологов это называется проявлением теменно-фронтальной интеграции, в рамках которой разные отделы головного мозга собирают и совмещают воедино разнопотоковые сведения, а нейроны полосатого тела мозга сравнивают предполагаемый и реальный результат действия, что позволяет субъекту принимать решения с учетом оценки комплекса преимуществ и рисков[6]. Примерно так, по мне-

[1] См.: *Пашенцев Д. А., Новикова К. С.* Искусственный интеллект как субъект судебного толкования // Образование и право. 2020. № 7. С. 198–201 ; *Соседова В. М.* Возможность применения искусственного интеллекта при рассмотрении отдельных категорий гражданских дел : предсказанное правосудие // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 5. С. 31–37.

[2] *Залоило М. В.* Искусственный интеллект в праве. М., 2021. С. 9–10.

[3] См.: *Рассел С., Норвиг П.* Искусственный интеллект. Современный подход. М., 2021. Т. 1. С. 15–16.

[4] См.: О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] См.: *Спицин И. Н., Тарасов И. Н.* Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия : теоретические аспекты правовой регламентации (постановка проблемы) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 8 (117). С. 96–107.

[6] См.: Обнаружены нейроны, кодирующие взаимосвязь между нашими действиями и полученным результатом. URL: https://naked-science.ru/article/biology/nejrony-kodiruyushhie-reshenie (дата обращения: 30.11.2022).

нию ученых, в самом упрощенном виде выглядит умственная познавательная работа individuum organon.

Очевидно, что искусственные нейросети, организованные по принципу биологических и включающие в себя сотни миллиардов процессоров (для сравнения: головной мозг взрослого человека имеет порядка 90 млрд нейронных клеток), неплохо справляются с такой работой; у них есть даже внутренняя специализация: одни занимаются классификацией информации и распознаванием объектов, другие – осуществляют прогнозирование и генерируют контент. Вполне понятно, что в области права эти и иные «умственные» псевдосознательные компетенции ИИ могут быть действенно использованы. Отсюда и возникает гипотетика наделения подобного интеллекта ex officio правосубъектностью. Но достаточно ли это для полностью антропоморфного поведения ИИ, ведь есть еще и эмоциональный интеллект?

Дэниел Гоулман, признанный эксперт по проблемам эмоционального интеллекта, так обрисовывает его появление: «Из ствола мозга возникли эмоциональные центры. За миллионы лет в ходе эволюции из этих эмоциональных зон развился думающий мозг – основная часть коры больших полушарий головного мозга, или неокортекс (лат. *neo* – новый, *cortex* – кора, скорлупа). Это новая гомогенетическая кора головного мозга – большая луковица из изогнутых тканей, образующих верхние слои думающего мозга. Тот факт, что думающий мозг развился из эмоционального, говорит о взаимосвязи мысли и чувства: эмоциональный мозг существовал задолго до появления рационального»[7]. Словом, сначала были чувства, а затем появились мысли, и всё это вместе взятое обусловливает в самом широком смысле этологию homo sapiens и принятие им решений в том числе профессионального свойства.

Что же вбирает в себя эмоциональный интеллект, который в совокупности с рациональным делает человека человеком? Профильные специалисты здесь расходятся во мнениях, тем не менее большинство из них полагает, что подобающий вид интеллекта в первую очередь выражается в восприятии эмоций, их понимании и управлении, а также порождении ими оценочных морально-этических категорий (добро и зло, справедливость и несправедливость, любовь, добродетель, совесть, честь и пр.)[8]. Как правило, внешне эмоции проявляются вследствие наличия эмпатии либо антипатии, т. е. через искреннее сопереживание другому человеку или наоборот[9], что образует основу морального (аморального) поведения. При этом, как отмечают нейробиологи, мораль столь же физиологична, как и все остальное в человеке, она служит для поддержки социальных взаимосвязей и взаимопомощи внутри популяционной группы с целью ее выживания, а равно индивидуумов, ее образующих. Многие миллионы лет эволюции привели к тому, что социальные животные в большей степени под влиянием окситоцина (его также иногда именуют гормон доверия) на инстинктивном уровне понимают простую истину: только активное совместное взаимодействие и поддержка друг друга обеспечивают комфортное проживание в агрессивной природной среде. Без парохиального альтруизма нельзя осуществить устойчивое жизнеобеспечение, репродуктивный успех и в конечном счете передачу генов следующему поколению, напротив, интроверсия субъекта почти всегда ведет к неудаче[10].

Поэтому у высших приматов в префронтальной коре головного мозга сформировалась целая «моральная нейронная сеть» из так называемых зеркальных нейронов, прежде всего отвечающих за эмоциональное состояние и механизмы подражания; ее синхронизированное колебание обеспечивает проведение социальных сигналов, она же тормозит эгоистические реакции[11]. При разных патологиях, к примеру лобно-височной деменции, аутизме, шизофрении, часто наблюдается явная склонность к тем или иным конфигурациям асоциального поведения; клинические психопаты вообще не испытыва-

[7] *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М., 1995. С. 17–18.

[8] См.: *Резаев А. В., Трегубова Н. Д.* «Эмоциональный утилитаризм» и пределы развития искусственного интеллекта // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 4–23.

[9] См.: *Рудаков С. И., Рудаков К. С.* Эмоциональный интеллект в системе человеческой деятельности // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2022. № 14 (16). С. 104.

[10] См.: *Черчленд П. С.* Совесть : происхождение нравственной интуиции. М., 2021. С. 50–55.

[11] Синхронизированные нейронные колебания в правом полушарии вызывают эмпатичное поведение. URL: https://www.cell.com/neuron/fulltext/S0896-6273(22)01000-5 (дата обращения: 10.12.2022).

ют никакого сочувствия к своим жертвам, ни в чем по-настоящему не раскаиваются, демонстрируют поверхностные эмоциональные маркеры[12]. Джакомо Риццолатти и Коррадо Синигалья, первооткрыватели зеркальных нейронов, так описывают их функционал: «Различные формы подражания как простого, так и сложного, а также научения вербальной и жестовой коммуникации предполагают активацию определенных систем зеркальных нейронов. Кроме того, коррелятом нашей способности понимать эмоциональные реакции других людей тоже оказалась группа мозговых зон, наделенных зеркальными свойствами. Мы делимся эмоциями с окружающими нас людьми столь же непосредственно, как и действиями: восприятие боли, горя или отвращения, переживаемых другим человеком, ведет к активации тех же самых участков коры головного мозга, которые активируются, когда мы сами переживаем эти эмоции»[13].

В связи со сказанным зададимся следующим вопросом: может ли ИИ в одинаковой мере имитировать рациональный и эмоциональный интеллект, чтобы быть полностью антропоморфным? Видимо, пока нет, и причина здесь достаточно проста – он не является частью социальной конструкции, прочно скрепленной многообразными личными и коллективными связями, контекст которых презюмирует соблюдение определенных морально-этических установок, а также прямое или латентное выказывание собственных эмоциональных переживаний и ощущений.

Однако какое отношение все изложенное имеет для позитивного права? Самое прямое, поскольку традиционно-исторически оно пользуется множеством морально-этических оценочных категорий, начиная со справедливости и заканчивая разумностью. Еще римское право, онтологически пронизывающее все институты современного континентального права, провозгласило aequitas квинтэссенцией юриспруденции, многоликость справедливости нисколько не смущала древних законодателей и правоприменителей[14]. Рассматривая ее через призму равенства или соразмерности, корелляции положительного и естественного права, даже понимая под ней некое имманентное чувство, присущее любому нормальному человеку, римляне настаивали на том, что закон или представитель Фемиды должны быть априорно справедливы (говорится ли об имущественных долях сторон – aequae partes portiones или же о вознаграждении по договору – pretium aequus)[15].

И сегодня страны романо-германской правовой семьи, следуя ценностному юридическому наследию, в своих нормативных правовых актах (среди прочего кодифицированного свойства) закрепляют многие разноплановые морально-этические явления, которые затем материализуются правоприменителем в прикладной деятельности[16]. Так, российский судья при отправлении правосудия активно оперирует такими оценочными сентенциями, как «добросовестность и разумность действий», «злоупотребление правом» (ст. 10 ГК РФ), «компенсация морального вреда» (ст. 151 ГК РФ), «основы нравственности» (ст. 169 ГК РФ), «степень заботливости и осмотрительности» (ст. 401 ГК РФ), «особо ценные объекты культурного наследия» (ст. 243 УК РФ), «справедливость при рассмотрении административных дел» (ст. 9 КАС РФ), «разумный срок судопроизводства и исполнения судебного постановления» (ст. 6.1. ГПК РФ) и др.

Безусловно, означенные и иные категории можно логически объяснить с высоты рационального интеллекта, выхолостив из них моральную компоненту. К примеру, справедливость судебного разбирательства банально допустимо свести к процессуальному равноправию истца и ответчика, а заботливость – к надзору pro forma. Но как показывает жизнь, в этих ситуациях актуальность обретает ленинская фраза: «Формально правильно, а по сути издевательство». Видимо, ИИ, пока не способный реализовывать эмоциональный интеллект, в области общественных отношений будет крайне канцелярски подходить к решению правовых проблем, требующих тонкой когнитивной настройки. Во всяком случае, пока! Поэтому люди стремятся ограничить для себя риски, связанные с действием ИИ, в частности посред-

[12] См.: *Свааб Дик*. Мы – это наш мозг. СПб., 2021. С. 338–339.

[13] *Джакомо Риццолатти, Коррадо Синигалья*. Зеркала в мозге : о механизмах совместного действия и сопереживания. М., 2012.

[14] См.: *Кофанов Л. Л.* Lex и Ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н. э. М., 2006. С. 115.

[15] См.: *Темнов Е. И.* Iurisprudentia eloquenta – звучащая юриспруденция. М., 2015. С. 333–335.

[16] См.: *Жалинский А., Рёрихт.* Введение в немецкое право. М., 2001. С. 371.

ством принятия тематических кодексов этики, как это сделано в России[17], а также Европейском союзе[18].

Библиографический список

Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М., 1995.

Джакомо Риццолатти, Коррадо Синигалья. Зеркала в мозге : о механизмах совместного действия и сопереживания. М., 2012.

Жалинский А., Рёрихт. Введение в немецкое право. М., 2001.

Залоило М. В. Искусственный интеллект в праве. М., 2021.

Кофанов Л. Л. Lex и Ius : возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н. э. М., 2006.

Обнаружены нейроны, кодирующие взаимосвязь между нашими действиями и полученным результатом. URL: https://naked-science.ru/article/biology/nejrony-kodiruyushhie-reshenie

Пашенцев Д. А., Новикова К. С. Искусственный интеллект как субъект судебного толкования // Образование и право. 2020. № 7. С. 198–201.

Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект. Современный подход. М., 2021. Т. 1.

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. «Эмоциональный утилитаризм» и пределы развития искусственного интеллекта // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 4–23.

Рудаков С. И., Рудаков К. С. Эмоциональный интеллект в системе человеческой деятельности // Journal «Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research». 2022. № 14 (16). С. 104.

Свааб Дик. Мы – это наш мозг. СПб., 2021.

Синхронизированные нейронные колебания в правом полушарии вызывают эмпатичное поведение. URL: https://www.cell.com/neuron/fulltext/S0896-6273(22)01000-5

Соседова В. М. Возможность применения искусственного интеллекта при рассмотрении отдельных категорий гражданских дел : предсказанное правосудие // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 5. С. 31–37.

Спицин И. Н., Тарасов И. Н. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия : теоретические аспекты правовой регламентации (постановка проблемы) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 8 (117). С. 96–107.

Темнов Е. И. Iurisprudentia eloquenta – звучащая юриспруденция. М., 2015.

Черчленд П. С. Совесть : происхождение нравственной интуиции. М., 2021.

References

Goleman D. Emotional intelligence. Why it might matter more than IQ. M., 1995.

Giacomo Rizzolatti, Corrado Sinigaglia. Mirrors in the brain: about the mechanisms of joint action and empathy. M., 2012.

Zhalinsky A., Roericht. Introduction to German Law. M., 2001.

Zaloilo M. V. Artificial intelligence in law. M., 2021.

Kofanov L. L. Lex and Ius: the emergence and development of Roman law in the VIII–III centuries. BC. M., 2006.

Neurons have been discovered that encode the relationship between our actions and the result. URL: https://naked-science.ru/article/biology/nejrony-kodiruyushhie-reshenie

Pashentsev D. A., Novikova K. S. Artificial intelligence as a subject of judicial interpretation // Education and Law. 2020. № 7. P. 198–201.

Russell S., Norvig P. Artificial intelligence. Modern approach. M., 2021. T. 1.

Rezaev A. V., Tregubova N. D. «Emotional utilitarianism» and the limits of the development of artificial intelligence // Public opinion monitoring: economic and social changes. 2022. № 2. P. 4–23.

Rudakov S. I., Rudakov K. S. Emotional intelligence in the system of human activity // Journal «Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research». 2022. № 14 (16). P. 104.

Swaab Dick. We are our brain. St. Petersburg, 2021.

Synchronized neural oscillations in the right hemisphere cause empathic behavior. URL: https://www.cell.com/neuron/fulltext/S0896-6273(22)01000-5

Sosedova V. M. The possibility of using artificial intelligence when considering certain categories of civil cases: predicted justice // Arbitration and civil process. 2020. № 5. P. 31–37.

Spitsin I. N., Tarasov I. N. The use of artificial intelligence in the administration of justice: theoretical aspects of legal regulation (statement of the problem) // Actual problems of Russian law. 2020. Vol. 15, № 8 (117). P. 96–107.

Temnov E. I. Iurisprudentia eloquenta – Sounding jurisprudence. M., 2015.

Churchland P. S. Conscience: The Origin of Moral Intuition. M., 2021.

[17] См.: Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта от 21 октября 2021 г. URL: https://a-ai.ru/ethics/index.html (дата обращения: 10.12.2022).

[18] См.: Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте 2021 г. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/proposal-regulation-laying-down-harmonised-rules-artificial-intelligence (дата обращения: 10.12.2022).

Саратовская государственная юридическая академия

Афанасьев С. Ф., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой арбитражного процесса

E-mail: af.73@mail.ru

Поступила в редакцию: 11.12.2022

Для цитирования:

Афанасьев С. Ф. Об использовании искусственного интеллекта в правовой сфере // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 263–268. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/ 2023/1/263-268.

Saratov State Law Academy

Afanasiev S. F., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Arbitration Process Department

E-mail: af.73@mail.ru

Received: 11.12.2022

Recommended citation:

Afanasiev S. F. To the question of the use of artificial intelligence in the legal field // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 263–268. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023 /1/263-268.

УДК 340.13
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/269-276

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВА И ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В УСЛОВИЯХ ГИПЕРРЕАЛЬНОСТИ

В. В. Денисенко

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

DIGITALIZATION OF LAW AND LEGAL PROCEDURES IN CONDITIONS OF HYPERREALITY

V. V. Denisenko

Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of Russia

Аннотация: статья посвящена анализу юридических процедур, связанных цифровизацией права. Раскрываются особенности правовой системы в условиях информационного общества. Правовая коммуникация анализируется в контексте формирования феномена гиперреальности и симулякров в праве. Дается обоснование важности коммуникативных процедур в условиях модернизации и цифровизации правовой системы.
Ключевые слова: правовая коммуникация, симулякры в праве, гиперреальность в правовой системе, легитимность закона, цифровое государство, постклассическая теория права, демархия, принцип делиберативности в праве, теория метамодерна.

Abstract: the article is devoted to the analysis of legal procedures related to the digitalization of law. The paper reveals the features of the legal system in the information society. Legal communication is analyzed in the context of the formation of the phenomenon of hyperreality and simulacra in law. The author substantiates the importance of communicative procedures in the conditions of modernization and digitalization of the legal system.
Key words: legal communication, simulacra in law, hyperreality in the legal system, legitimacy of the law, digital state, postclassical theory of law, demarchy, the principle of deliberation in law, metamodern theory.

Правовое регулирование в современном государстве обладает рядом специфических особенностей, которые позволяют говорить о необходимости современной теории, специфике правотворчества и правоприменения, применительно к цифровому государству и обществу. В 70-е гг. XX в. происходит процесс, значение которого сложно переоценить, переход к информационному обществу. Именно в этот период радикально меняется структура экономики и образ жизни в большинстве государств, что нашло отражение в ряде фундаментальных работ по экономике, философии и праву. Процесс перехода от промышленной экономики к информационной неизбежно привел к изменению процедур и институтов в сфере юриспруденции. Информационное общество связано, прежде всего, с переходом экономики к новому типу, который французский ученый Ж.-Ф. Лиотар обозначил как «состояние постмодерна»[1], когда экономика меняется и основные ее активы уже не природные ресурсы, а интеллектуальная собственность. Изменение экономики ведет за собой преобразование в культуре и образе жизни. Не случайно период 70-х гг. XX в. известный современный философ Ф. Фукуяма называет «ве-

© Денисенко В. В., 2023

[1] *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 18–20.

ликий разрыв»[2], так как именно в это время формируются новые принципы построения общества. Ключевой категорией в общественных науках, начиная с 70-х гг. прошлого века, становятся категории «коммуникация» и «информация». Информация начинает играть ключевую роль в жизни как общества, так и правовой системы. Наиболее фундаментальное понимание новой реальности было описано в работах французского социолога Ж. Бодрийяра. В его работах были сформулированы важнейшие характеристики информационного общества, которые нашли выражение в категориях «гиперреальность» и «симулякр». Гиперреальность отличается от иных явлений, таких как реализм или сюрреализм. «Сюрреализм был все еще солидарен с реализмом, критикуя его и порывая с ним, но и дублируя его в сфере воображаемого. Гиперреальность представляет собой гораздо более высокую стадию, поскольку в ней стирается уже и само противоречие реального и воображаемого. Нереальность здесь – уже не нереальность сновидения или фантазма, чего-то до или сверх реального; это нереальность галлюцинаторного самоподобия реальности. Чтобы выйти из кризиса репрезентации, нужно замкнуть реальность в чистом самоповторении»[3]. Гиперреальность – это ключевая характеристика современного общества в целом и правовой системы в частности, поэтому следует дать анализ данной категории, чтобы понять специфику современных юридических процедур. Гиперреальность – это феномен замены в современном обществе постмодерна реальности симулякрами, т. е. знаками и символами, в итоге субъект неспособен отличить реальность от фантазии, а вещи от символов и знаков. По мнению Ж. Бодрийяра, гиперреальность «характеризует ситуацию, когда феномены истины, адекватности, реальности перестают восприниматься в качестве онтологически фундированных и воспринимаются в качестве феноменов символического порядка»[4]. Жан Бодрийяр отмечает, что современную эпоху характеризует формирование виртуальной, искусственной реальности, в которой реальные и их знаки не отличаются друг от друга. Для современного общества характерен огромный объем информации, которая заменяет собой реальные факты и события. Гиперреальность состоит из так называемых симулякров. Симулякр – это знак, символ, который не имеет оригинала. Термин «симулякр» развивали различные философы, однако именно Ж. Бодрийяр дает развернутое описание этого явления и его роли в настоящее время.

Бодрийяр выделяет три вида симулякров на протяжении европейской истории.

1. «*Подделка* составляет господствующий тип «классической» эпохи, от Возрождения до промышленной революции.

2. *Производство* составляет господствующий тип промышленной эпохи.

3. *Симуляция* составляет господствующий тип нынешней фазы, регулируемой кодом»[5].

Более подробно эволюция симулякров, по мнению Ж. Бодрийяра, выглядит следующим образом: «…первый порядок – имитации, чучела, копии, подделки; этот порядок – характеристика эпохи Ренессанса; второй порядок — функциональные аналоги, серии, что характерно для эпохи промышленной революции; третий порядок – гиперреальность (деньги, мода, ДНК, модель, общественное мнение), характеристика эпохи постмодернизма»[6].

В индустриальный период, описанный А. Смитом и К. Марксом, экономика была связана предметами материального мира и характеризовалась категориями «базис» и «надстройка». В условиях информационного общества и цифровизации государства «реальность подменяется продуктами творчества средств массовой информации, создающими собственную реальность. Гиперреальность является воплощением образов-знаков, которые Ж. Бодрийяр определяет как «симулякры». Человек более не воспринимает истинную действительность, оказавшись в плену ее искусственной подмены, симуляции. Таким образом, человек оказывается оторван от реального мира, будучи погруженным в условия гиперреальности»[7]. В результате анализа формирования информационного общества Ж. Бодрийяр делает вывод, что «гиперреаль-

[2] См.: *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М., 2003.

[3] *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 149.

[4] Цит. по: *Закирова Т. В., Кашин В. В.* Концепция виртуальной реальности Жана Бодрийяра // Вестник ОГУ. 2012. № 7. С. 28–36.

[5] *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. С. 113.

[6] *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/42020

[7] *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. С. 113.

ность – это всё больше информации и всё меньше смысла»[8]. По мнению Ж. Бодрийяра, в настоящее время формируется общество, в котором «…реальность превращается в модель, противопоставление между действительностью и знаками стирается, всё превращается в симулякр, т. е. в копию, изображающую что-то, либо вовсе не имевшее оригинала в реальности, либо со временем его утратившее»[9].

Таким образом, следует констатировать, что радикальные изменения в общественных отношениях неизбежно должны найти отражение и в юридической теории. Один из классиков отечественной юриспруденции советского периода профессор В. В. Лазарев констатирует, рассуждая о современном статусе общей теории государства и права: «ОТГП в России, конечно же, сильно изменилась с момента ее расцвета в конце прошлого и начале этого века. И не только по причине радикальной смены экономического и политического строя. Изменили ее и общемировые процессы информатизации. Кому она была доступна ранее и кто имел информацию о ее объекте, о государстве и праве? Узкому кругу просвещенных. Тем более что мы помним об усилиях власть имущих скрывать подводную часть айсберга. Сегодня тоже хотели бы, но удается все реже, и к реалиям государственно-правового закулисья получить доступ легче. К сожалению, на ОТГП это не сказалось пока положительным образом. Скорее наоборот: сработал эффект инфляции информации. … ОТГП – теория, скрывающая отсутствие истины в отношении государства и права. ОТГП – симулякр. Симуля́кр (от лат. *simulo* – «делать вид, притворяться») – «копия», не имеющая оригинала в реальности. Иными словами, семиотически знак, не имеющий означаемого объекта в реальности. ОТГП и есть та копия, то зеркало, тот набор знаков, который призван отразить то, что нельзя ни взвесить, ни измерить, поскольку нет той инстанции, того мерила, которым бы безоговорочно можно было измерить представляемое теорией государство и право. Только сама теория претендует на эту роль, но, как мы понимаем, в теории нет определенности (разные теории, разные оценки), нет и той истинности, на которую могли бы надеяться»[10]. Применительно к практическим вопросам формирование феномена гиперреальности привело к необходимости разработки новых юридических процедур. В последние десятилетия активно развивается законодательство, связанное с цифровизацией юриспруденции, в рамках которой формируются новые юридические инструменты. При этом следует понимать, что процесс информатизации и цифровизации права не сводится лишь к механизации и автоматизации тех либо иных действий, формирование цифрового государства и права влечет также и более глобальные последствия. Прежде всего, это регулирование правом еще большего количества правовых отношений, т. е. процесс юридификации общества[11]. Цифровизация правовой системы приводит к формированию постклассической теории права, которая вынуждена анализировать современные тенденции в правовых отношениях. Так, профессор Ю. А. Веденеев пишет о науке постмодерна следующее: «Новая юридическая картина мира эпохи постмодерна своей апологией размытого, сегментарного, плюралистического правопорядка, по существу, легитимирует отказ от универсального и общего права в пользу ситуативного и партикулярного, а в конечном счете – юридической войны всех против всех. Постклассическая юриспруденция – это юриспруденция возвращения в доправовое социальное состояние, существующее за рамками нормативных принципов формального равенства и эквивалентности. Право социальных отношений вытесняется правом социальных трансакций, юридическое содержание которых непрерывно переопределяется в зависимости от их месторасположения в обезличенной и анонимной сетевой структуре общения»[12].

Важнейшее следствие цифровизации права – это вопрос обеспечения легитимации правовых актов. По нашему мнению, легитимность права следует отличать от его легитимации, так как легитимность – это свойство права, а легитимация – процесс, в котором юридические правила получают признание в обществе. Марк Ван Хук

[8] *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция / пер. А. Качалова. М., 2011. С. 24.

[9] URL: http://cheloveknauka.com/etika-simulyakrovzhana-bodriyyara

[10] *Лазарев В. В.* Юридическая наука : продолжение дискуссии // Lex Russica. 2015. № 11. С. 13–14.

[11] См.: *Денисенко В. В.* Юридификация общества и концепции правового регулирования // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2008. № 2 (5). С. 56–62.

[12] *Веденеев Ю. А.* Юридическая картина мира : между должным и сущим // Lex Russica. 2014. № 6. С. 648.

дает следующее определение данной категории: «Под легитимацией мы понимаем нормативную действительность, признание за ними должной обязательности»[13]. Вопрос легитимации права является одним из главных для современной юриспруденции, которая должна регулировать правовые отношения в условиях гиперреальности. При этом следует констатировать недостаточный уровень научных исследований данного вопроса в отечественной юриспруденции. Как отмечал Г. В. Мальцев: «Юридическая наука с некоторым безразличием относится к изучению феномена легитимации правовых норм, что явно не согласуется с масштабами и значением соответствующих проблем в развитии права»[14]. Причина, по которой данная проблема не разработана в отечественной науке, связана с традицией советского периода, когда господствовал узконормативный подход к пониманию права. Особенностью такого подхода к праву был акцент на государственное принуждение, т. е. в данной концепции вопрос признания норм не поднимался в принципе. Политическая идеология СССР провозглашала единство народа и власти, поэтому любые правовые нормы, идущие от государства, должны были приниматься народом без каких-либо возражений, для тех кто не соблюдал эти правила, действовало принуждение. В настоящее время вопросы легитимации права являются актуальными по ряду причин. Прежде всего, это невозможность обеспечить данный процесс через идеологические авторитеты. Как пишет Г. В. Мальцев о легитимации законов в современный период: «…господствовавшие в древности способы легитимации законов со ссылками на авторитет и волю Бога утратили былую силу, но вместе с тем глубоко укоренился скепсис и в отношении критериев, выражающих человеческие субъективные начала, так как «не все человеческое человечно»[15]. Обоснование для гражданина в авторитете новых юридических правил нельзя рассматривать в качестве удовлетворительного, если на вопрос «почему приняты некоторые нормы и введены определенные институты?» следует ответ: «потому что законодательное собрание или правительство считают их целесообразными»[16]. В условиях формирования в правовой системе феномена гиперреальности и расширения сферы правового регулирования требуется пересмотр юридических процедур, обеспечивающих общественную поддержку правовых актов. В зарубежной юридической науке современную легитимацию права отличают от процедур прошлого, в частности Марк Ван Хук обозначает такую легитимацию, идущую с древности, как формальную[17]. Формальная легитимация изначально основана на религиозном сознании и подчинении божественным силам, с которыми связаны законы и власть. В Новое время религиозное основание права заменяется «коллективной волей народа», которая получила название «народный суверенитет». Впервые данная концепция была сформулирована Ж.-Ж. Руссо, чьи идеи стали основой концепций народовластия. Формальная легитимация характерна для позитивистского типа правопонимания. В качестве примера можно привести теорию «чистого учения о праве» Г. Кельзена, который обосновывал излишний характер легитимации за пределами приказов законной власти, указывая, что любое произвольное указание может быть правом. Специфика современного общества актуализирует второй тип легитимации права – содержательный. Содержательная легитимация связана изначально с концепцией прав человека и юридического равенства. В трудах современных правоведов содержательная легитимация права связывается с таким ее базовым принципом, как взаимное признание: «Взаимное признание означает, что в общественном сознании и во всех институтах общества и официально, и неофициально артикулирована (или просто представлена на уровне подсознания) идея о том, что человек обладает автономным статусом (равным со всеми другими членами общества), в силу которого никто не может навязать ему силой какую-нибудь программу действий, лишить его возможности свободного развития, включая право создавать семью, вступать в общественные объединения, обладать собственностью, иметь возможность свободно доносить свое мнение до окружающих и

[13] *Ван Хук М.* Право как коммуникация. СПб., 2012. С. 254.

[14] *Мальцев Г. В.* Социальные основания права. М., 2007. С. 762.

[15] Там же. С. 763.

[16] Там же.

[17] См.: *Ван Хук М.* Право как коммуникация. СПб., 2012. С. 225.

т. д.»[18]. Начиная с 1990 г. в современных правовых системах происходит так называемый «делиберативный поворот», когда в правотворчестве и правоприменении закрепляются делиберативные процедуры с целью обеспечения необходимого уровня легитимности в современном информационном обществе и государстве. Делиберативность – это категория, которая означает в буквальном смысле *участие*. Делиберативная демократия – это характеристика целого комплекса политико-правовых реформ, которые характеризуют коренные изменения в правовых системах Западной Европы со второй половины XX в., а также и в отечественном праве начиная с 90-х гг. прошлого столетия. Отечественный философ А. В. Зайцев пишет: «В отличие от современной демократической практики, где голосование является центральным элементом демократического процесса (электоральная демократия), теоретики делиберативной демократии утверждают, что подлинная легитимность законодательных актов может возникнуть лишь через их предварительное публичное обсуждение, открытость, терпимость к чужому мнению, готовность скорректировать свою первоначальную позицию в случае появления в процессе дискурса «лучшего аргумента», чем артикулированные ранее. Нами делиберативная демократия рассматривается как публичный диалог (дискурс) институтов государства и граждан, власти и институтов гражданского общества в процессе выработки наиболее приемлемых и оптимальных путей развития социума в целом. Делиберативная демократия сочетает в себе элементы представительной демократии (representative democracy), прямой демократии (direct democracy) и демократии участия (participatory democracy)»[19]. Принцип делиберативности находит свое воплощение как в публичном, так и частном праве. В частном праве воплощением принципа делиберативности является институт медиации[20], так как этот институт основан на равенсте граждан и их демократическом участии в реализации права[21]. В публичном праве делиберация заключается в участии граждан в обсуждении и принятии законопроектов непосредственно, а также в участии в правоприменении. Наибольший интерес представляет такой вид делиберативных процедур, как институт «демархии», разработанный впервые Джоном Бернхеймом[22]. Другое название данных институтов – принцип алеаторности в правотворчестве. Формами демархии, или алеаторных процедур, в публичном праве являются жюри граждан, гражданские ассамблеи и ячейки планирования[23]. Демархия отличается от парламента тем, что участники ее органов, например гражданских ассамблей, формируются при помощи прямого волеизъявления граждан, через случайно отобранных граждан. В последние десять лет алеаторные процедуры активно используются в конституционном и муниципальном праве различных стран, от Ирландии до Австралии. Данные процедуры являются некими «квазипарламентами», которые создаются при принятии наиболее важных актов или решения вопросов, связанных с различными ценностями в обществе. Наиболее известный пример успешного использования процедуры демархии, или алеаторных процедур, это формирование так называемой «ассамблеи граждан»[24]. Такой опыт был предпринят в Ирландии, когда собрали «*Citizens' Assembly*» (ирл. *An Tionól Saoránach*) в 2018 г. по поводу VIII поправки к Конституции (*Eighth Amendment of the Constitution of Ireland*) о запрете абортов (кроме абортов при онкозаболевании матери и внематочной беременности)[25], ко-

[18] *Поляков А. В.* Легитимность как свойство права // Легитимность права / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб., 2019. С. 62.

[19] *Зайцев А. В.* Делиберативная демократия как институциональный диалог власти и гражданского общества // Социодинамика. 2013. № 5. С. 29–44.

[20] См.: *Носырева Е. И.* Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США : дис. … д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 68.

[21] См.: *Денисенко В. В.* Медиация в публичном и частном праве и ее необходимость с позиции современных теорий правопонимания // Мировой судья. 2015. № 8. С. 15–20.

[22] См.: *Burnheim J.* Is Democracy Possible? The Alternative to Electoral Politics : London. Polity Press, 1985.

[23] См.: *Денисенко В. В.* Алеаторная демократия и проблема симулякров в правовой системе // Юридические формы переживания истории : практики и пределы. СПб., 2020. С. 301–310.

[24] *Pal M.* The Promise and Limits of Citizens' Assemblies: Deliberation, Institutions and the Law of Democracy // Queen's University at Kingston. 2012. Vol. 38. P. 259–294.

[25] Напомним, что уголовно-правовой запрет на аборты был установлен в Ирландии еще в бытность ее составной частью Соединенного королевства, в соответствии со ст. 58 Статута о преступлениях против личности (*Offences against the Person Act*) 1861 г. (24 & 25 Vict. c. 100). Лишь спустя полтора столетия новый «Закон о

торая действовала после положительного голосования на референдуме в 1983 г. в качестве нового пункта к ст. 40 Конституции. Принятие противоположного решения, направленного на легализацию абортов, было, безусловно, связано с новыми биоэтическими концепциями и пересмотром религиозных ценностей в ирландском обществе, где всегда была сильна консервативная позиция католической церкви. Поэтому традиционные демократические процедуры (в частности, проведенный пять раз общенациональный референдум и внесение новых законопроектов) не могли автоматически привести к снижению социальной напряженности и конфликтности по поводу абортов при смертельной патологии плода, в случае изнасилования, инцеста, попытке суицида и т. д. Наконец, в июле 2016 г. совместной резолюцией обеих палат парламента Ирландии была создана ассамблея ирландских граждан – «*Citizens' Assembly*» как алеаторная процедура, в рамках деятельности которой предстояло в 12-месячный срок рассмотреть, обсудить и составить отчеты для парламента по поводу изменения в Конституции данного вопроса. Во главе Ассамблеи граждан правительство назначило судью Верховного суда Ирландии Мэри Лаффой, которая в качестве президента этого совещания должна была обеспечивать условия для широкого обсуждения. В состав этой гражданской ассамблеи были приглашены 99 граждан, выбранных случайным образом на основании их принадлежности к ирландскому электорату с учетом их пола, возраста и регионального распределения, но за исключением профессиональных политиков. По данным избирательных списков, уполномоченная комиссия провела по жребию отбор членов-граждан, которых затем опросили об их желании участвовать в ассамблее и далее снова по жребию провели окончательный отбор участников этого собрания[26]. Заседания гражданской Ассамблеи поводились с октября 2016 по июнь 2017 г. в Гранд-отеле в Малахайд, который выиграл тендер на проведение этих рабочих встреч, и транслировались в прямом эфире. Всего состоялось пять сессий в формате круглых столов с дебатами, презентациями и экспертными заключениями: было заслушано 25 экспертов и получено 12 000 сообщений от представителей общественности и заинтересованных групп. На основе рассмотрения итогового доклада «*Citizens' Assembly*» было принято законодательное решение исключить положение о запрете абортов из ирландской Конституции, но при условии, что это предложение будет поддержано гражданами на референдуме. В связи с положительным общенародным голосованием 25 мая 2018 г. по легализации абортов (66,4 % ирландцев высказались «за» отмену поправки), правительство внесло изменения в законодательство, разрешив проводить аборт в течение первых двенадцати недель беременности и, в исключительных случаях, до двадцати четырех недель беременности. Таким образом, снятие конституционного запрета абортов в одной из самых религиозных стран Европы концептуально вернуло ирландским женщинам соматическую (репродуктивную) автономию и право разумного выбора по поводу того, как распоряжаться своим телом. Успех использования алеаторной процедуры заключался в данном случае в формировании консенсуса по довольно болезненному вопросу, так как путем использования ассамблеи удалось достичь понимания позиций сторон и даже изменения их мнения.

Использование алеаторных процедур позволяет обеспечить легитимность правовых актов, так как решает главную проблему репрезентативной демократии – искажение воли избирателей. В период цифрового государства, когда голосование не требует физического участия и личного присутствия, использование юридических процедур позволяет оценить общественное мнение, вынести решение в соответствии с волей избирателей и что самое важное, прийти к консенсусу при регулировании спорных вопросов. В условиях феномена «гиперреальности» новое понимание правотворчества и правоприменения применение делиберативных и алеаторных (демархии) процедур в праве позволяют поддерживать должный уровень легитимации современного права.

защите жизни во время беременности» 2013 г. заменил преступление в виде «незаконного производства аборта», которое по прежней ст. 58 влекло наказание вплоть до пожизненного заключения, на новый состав в виде «уничтожения нерожденной человеческой жизни», наказуемое тюремным заключением до 14 лет (см.: Protection of Life During Pregnancy Act 2013, § 22. Irish Statute Book. URL: http://www.irishstatutebook.ie/eli/2013/act/35/section/22/enacted/en/html#sec22)

[26] Government appoints Chairperson to Citizens' Assembly // MerrionStreet.ie. 2016. July 27.

Библиографический список

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. А. Качалова. М., 2011.

Ван Хук М. Право как коммуникация. СПб., 2012. С. 20–21.

Веденеев Ю. А. Юридическая картина мира : между должным и сущим // Lex Russica. 2014. № 6. С. 648.

Денисенко В. В. Алеаторная демократия и проблема симулякров в правовой системе // Юридические формы переживания истории : практики и пределы. СПб., 2020. С. 301–310.

Денисенко В. В. Медиация в публичном и частном праве и ее необходимость с позиции современных теорий правопонимания // Мировой судья. 2015. № 8. С. 15–20.

Денисенко В. В. Юридификация общества и концепции правового регулирования // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2008. № 2 (5). С. 56–62.

Закирова Т. В., Кашин В. В. Концепция виртуальной реальности Жана Бодрийяра // Вестник ОГУ. 2012. № 7. С. 28–36.

Зайцев А. В. Делиберативная демократия как институциональный диалог власти и гражданского общества // Социодинамика. 2013. № 5. С. 29–44.

Лазарев В. В. Юридическая наука : продолжение дискуссии // Lex Russica. 2015. № 11. С. 13–14.

Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.

Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007.

Носырева Е. И. Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США : дис. … д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001.

Поляков А. В. Легитимность как свойство права // Легитимность права / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб., 2019.

Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2003. 476 с.

Burnheim J. Is Democracy Possible? The Alternative to Electoral Politics. London : Polity Press, 1985. 205 p.

Government appoints Chairperson to Citizens' Assembly // MerrionStreet.ie. 2016. July 27.

Pal M. The Promise and Limits of Citizens' Assemblies: Deliberation, Institutions and the Law of Democracy // Queen's University at Kingston. 2012. Vol. 38. P. 259–294.

References

Baudrillard J. Symbolic exchange and death. M., 2000.

Baudrillard J. Simulacra and simulation / translator A. Kachalov. M., 2011.

Van Hook M. Law as communication. St. Petersburg, 2012.

Vedeneev Yu. A. The legal picture of the world: between the proper and the existent // Lex Russica. 2014. № 6. P. 648.

Denisenko V. V. Aleatory democracy and the problem of simulacra in the legal system // Legal forms of experiencing history: practices and limits. St. Petersburg, 2020. P. 301–310.

Denisenko V. V. Mediation in public and private law and its necessity from the perspective of modern theories of legal understanding // Justice of the Peace. 2015. № 8. P. 15–20.

Denisenko V. V. Yuridification of society and concepts of legal regulation // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2008. № 2 (5). P. 56–62.

Zakirova T. V., Kashin V. V. The concept of virtual reality by Jean Baudrillard // Bulletin of OSU. 2012. № 7. P. 28–36.

Zaitsev A. V. Deliberative democracy as an institutional dialogue between government and civil society // Sotsodynamika. 2013. № 5. P. 29–44.

Lazarev V. V. Legal science: continuation of the discussion // Lex Russica. 2015. № 11. P. 13–14.

Liotar J. F. The State of Postmodernity. St. Petersburg, 1998.

Maltsev G. V. Social foundations of law. M., 2007.

Nosyreva E. I. Alternative resolution of civil law disputes in the USA: dis. … Dr. yurid. sciences'. Voronezh, 2001.

Polyakov A. V. Legitimacy as a property of law // Legitimacy of law / eds. E. N. Tonkov, I. L. Chestnova. St. Petersburg, 2019. P. 62.

Fukuyama F. The Great Gap. M., 2003. 476 p.

Burnheim J. Is Democracy Possible? The Alternative to Electoral Politics. London : Polity Press, 1985. 205 p.

Government appoints Chairperson to Citizens' Assembly // MerrionStreet.ie. 2016. July 27.

Pal M. The Promise and Limits of Citizens' Assemblies: Deliberation, Institutions and the Law of Democracy // Queen's University at Kingston. 2012. Vol. 38.

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Денисенко В. В., доктор юридических наук, доцент кафедры публичного права
E-mail: v.denisenko@odin.mgimo.ru

Поступила в редакцию: 25.01.2023

Для цитирования:
Денисенко В. В. Цифровизация права и правовые процедуры в условиях гиперреальности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 269–276. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/269-276

Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of Russia
Denisenko V. V., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor of the Public Law Department
E-mail: v.denisenko@odin.mgimo.ru

Received: 25.01.2023

Recommended citation:
Denisenko V. V. Digitalization of law and legal procedures in conditions of hyperreality // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 269–276. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/269-276.

УДК 070
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/277-282

ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБУЧЕНИИ КРЕАТИВНЫМ ПРОФЕССИЯМ

А. М. Шестерина
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

THE POTENTIAL OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN TEACHING CREATIVE PROFESSIONS

A. M. Shesterina
Lomonosov Moscow State University

Аннотация: развитие технологий искусственного интеллекта все острее ставит вопрос о возможностях использования его потенциала в креативных сферах. Рассматриваются уже существующие практики такого рода, а также потенциал их применения в образовательном процессе.
Ключевые слова: нейросети, искусственный интеллект, креативные технологии в образовании.

Abstract: the development of artificial intelligence technologies increasingly raises the question of the possibilities of using its potential in creative areas. The article discusses already existing practices of this kind, as well as the potential for their application in the educational process.
Key words: neural networks, artificial intelligence, creative technologies in education.

В аспекте развития технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) вопрос о его креативном потенциале всегда звучал достаточно остро. Считалось, что именно в творческой сфере ИИ не может составить конкуренцию человеку по целому ряду причин. Однако уже в 2007 г. А. И. Столетов обозначил перспективы развития креативного уровня ИИ[1]. По мере развития технологий и включения работы алгоритмов в различные креативные индустрии волна исследований потенциала ИИ в сфере творчества начала нарастать. Немалый интерес в этой сфере представляют исследования таких авторов, как Т. М. Алясева, К. Р. Зименкова, А. А. Юрова[2], Р. Х. Багдасарян, М. Г. Симонов, Д. А. Крюков[3], Н. К. Гарбовский[4], Е. А. Фадеева, А. В. Шкаленко[5] и др. Наряду с этим процессом наметилось и осознанное стремление ввести технологии ИИ в образовательный процесс, хотя бы на общеознакомительном уровне. Появились исследования, направленные на изучение потенциала использования нейросетей в системе среднего и высшего образования[6]. Однако большая часть таких

[1] См.: *Столетов А. И.* О креативных возможностях искусственного интеллекта // Искусственный интеллект : философия, методология, инновации. СПб., 2007. С. 171–173.

[2] См.: *Юрова А. А., Алясева Т. М., Зименкова К. Р.* Влияние искусственного интеллекта в реактивной индустрии // Инновационное развитие экономики : российский и зарубежный опыт. Уфа, 2022. С. 93–95.

[3] См.: *Багдасарян Р. Х., Симонов М. Г., Крюков Д. А.* Перспективные направления развития искусственного интеллекта в креативных индустриях // Культура и время перемен. 2022. № 2. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49082905_18809335.pdf (дата обращения: 03.01.2023).

[4] См.: *Гарбовский Н. К., Костикова О. И.* Интеллект для перевода : искусный или искусственный? // Вестник Моск. ун-та. Серия 22, Теория перевода. 2019. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/intellekt-dlya-perevoda-iskusnyy-ili-iskusstvennyy (дата обращения: 02.01.2022).

[5] См.: *Фадеева Е. А., Шкаленко А. В.* Влияние искусственного интеллекта на креативные индустрии : тенденции и перспективы // Вестник Волгоградского техн. ун-та. Экономика. 2022. № 3. С. 44–59.

[6] См.: *Оржековский П. А., Степанов С. Ю.* Роль искусственного интеллекта и системы «CREO-DATUM» в цифровизации креативного мышления школьников // Актуальные проблемы химического и биологического

© Шестерина А. М., 2023

работ была направлена на анализ креативных способностей учащихся, а не на возможности использования ИИ как инструмента развития творческих способностей. Вместе с тем современный уровень развития технологий позволяет говорить, что такой потенциал есть и может стать существенным подспорьем для современного педагога. Цель нашего исследования заключается в конкретизации возможностей использования уже существующих технологий ИИ в образовательном процессе в ходе формирования навыков, связанных с развитием креативных компетенций.

Применительно к обозначенной сфере исследования мы будем определять ИИ как неспециальный аппроксиматор функций. При этом функция понимается нами как некий абстрактный математический процесс, который получает на вход числовые значения (аргументы), производит над ними математические операции и дает результат этих операций на выход. С этой точки зрения человек, решающий определенную креативную задачу, является функцией: он получает на входе некоторые данные, обрабатывает их и выдает определенный результат на основе тех законов, которые в него заложены. При таком понимании все мы в определенных ситуациях становимся функциями. Художник, пишущий картину, водитель, управляющий грузовиком, метеоролог, составляющий прогноз погоды – всё это функции. Все они функционируют определенным образом. Очень важно понимать универсальность данной концепции: очевидно, что многие из приведенных примеров – современные области применения искусственного интеллекта. ИИ пытается заменить людей и другие программы в решении таких задач.

Почему тогда мы не называем ИИ функцией, почему это аппроксиматор функций? Данный вопрос подводит нас к сути, определяющей принцип действия ИИ. Аппроксиматор – это нечто, что стремится к подобию, к созданию подобия. Аппроксиматор функции стремится имитировать, приблизительно повторить функцию, которая часто неизвестна.

Мы не можем, например, научить ИИ рисовать картины так же, как учим людей – мы не можем объяснить программе на словах, не можем и написать код с инструкциями, что программе делать. Процесс рисования слишком творческий и неопределенный. Иными словами, мы не можем обозначить функцию явно. Но мы можем показать ИИ тысячи уже существующих картин и научить рисовать похожие вещи. Если мы хотим, чтобы ИИ рисовали хорошие картины, мы присвоим каждой картине рейтинг и дадим ИИ задание писать новые картины так, чтобы их рейтинг был как можно выше. Мы даже можем научить ИИ угадывать рейтинг картины, пытаться угадать, как на нее отреагируют люди, а также затем заставить два ИИ соревноваться и полностью автоматизировать процесс бесконечного совершенствования: одни ИИ создают новые произведения, другие – дают им оценки, а задача пары таких ИИ – генерировать картины с наивысшими оценками.

Это очень показательный пример использования ИИ для решения проблемы, которую мы попросту не можем решить напрямую – мы не можем написать обычную программу для генерации картин, не можем написать программу, мыслящую как человек, которая поймет инструкции наших учителей, так что вместо этого создаем программу, делающую приблизительно то же самое. Искусственному интеллекту не дается информация, как рисовать, что такое картина, цвет, фантазия. На вход ему подаются только пиксели изображений. Здесь художник, который пишет лучшую в истории картину со смыслом и мастерством – неизвестная функция, а ИИ – аппроксиматор.

Последняя составляющая взятого нами за основу определения – неспециальность. Объяснить ее легко: для ИИ нет никакой разницы, какие входные данные введены. Это могут быть картины, музыкальные треки, поэмы, хромосомы, политические выступления. ИИ можно применить к чему угодно, пока не меняется суть выполняемой задачи.

Обобщая вышесказанное, можно предвидеть существенный потенциал ИИ в области как развития креативных технологий, так и обучения им. Искусственный интеллект долго «обучается», но затем довольно быстро синтезирует новые образцы.

Под взятое нами за основу определение так или иначе попадает большая часть того, что мы называем искусственным интеллектом в повседневной жизни – самоуправляемые машины, автокоррекция фотографий, контекстная реклама. Так, искусственный интеллект, управляющий со-

образования. М., 2022. С. 134–140 ; *Их же.* Перспективы использования искусственного интеллекта в оценке креативного развития обучающихся // Шамовские педагогические чтения. М., 2022. С. 790–793.

бакой в видеоигре, аппроксимирует собаку – как бы она себя вела, что бы она делала, будь настоящей собакой. Однако последний пример подпадает под определение лишь формально, потому что термин существовал в индустрии игр до того, как ИИ стали чем-то определенным и самобытным.

Для формализации этого различия мы вводим понятия «жестких» и «гибких» методов. Вышеописанный пример – жесткий. Пример с картинами – гибкий. ИИ, который способен обучаться, сложным неочевидным образом менять свое поведение и вообще адаптироваться к непредвиденным изменениям, называется гибким. Алгоритмы, в которых тем или иным способом содержится инструкция ко всем их возможным действиям, называются жесткими. Безусловно, в сфере обучения креативным навыкам потенциал гибких алгоритмов выше.

Именно гибкие методы являются причиной современного бума ИИ. Несколько ключевых открытий и рост технических возможностей позволили создавать быстрые, эффективные и компактные алгоритмы, сферы применения которых, как описано выше, принципиально не ограничены.

При обсуждении гибких методов ИИ нам важны также термины «машинное обучение» и «машинный интеллект». Под ними понимается описанный в примере с картинами процесс обучения через абстрактные данные – когда ИИ даются стандартизированные образцы данных, но не дается информация об их природе. Такой искусственный интеллект делает то, что делает, не зная и не понимая ничего, в особенности природы своих действий. Это ИИ, которые пишут процедурную музыку, генерируют чат-ботов, решают капчи, играют на бирже, управляют автомобилями. Существуют гибкие методы, не использующие машинное обучение, и существуют методы машинного обучения, не являющиеся нейросетями. Однако, говоря о машинном обучении, мы чаще всего имеем в виду именно искусственные нейросети.

Новые типы нейросетей как раз и стали прорывом, который привел к востребованности данной области науки. Искусственные нейросети такие же неспециальные аппроксиматоры функций, как и другие, однако справляются со своими задачами на порядок лучше остальных, в особенности – задач классификации и дискриминации. Например, задача с картинами, где ИИ угадывает их рейтинг, – задача классификации. Здесь у нейросетей нет соперников. Искусственные нейросети действуют подобно биологическим и хорошо справляются с биологическими задачами, например нейросеть, учащуюся распознавать образы в картинах, по принципу работы можно сравнить со зрительным центром человеческого мозга. Однако в их работе есть существенные отличия: с точки зрения принципа работы, их структуры, а главное – размера. В итоге не важно, как именно работают искусственные нейросети. Важно, что они могут делать и насколько хорошо. В настоящее время они умеют выполнять описанные выше задачи на уровне, достаточном для их интеграции в продукцию – самоуправляемые автомобили, голосовые помощники и т. д.

Важно понимать их ограничения, например все нейросети по размеру во много раз уступают их биологическим аналогам. Мозг млекопитающего содержит миллиарды нейронов. Искусственные нейросети, создаваемые сейчас, сотни нейронов.

Люди способны писать картины с сюжетом, со смыслом, с глубинным посылом. Нейросети умеют рисовать узнаваемые формы, цвета, композиции.

Люди умеют писать книги. Нейросети умеют составлять связные предложения и более-менее связные абзацы.

Между людьми и ИИ здесь нет принципиальной разницы. Со временем ИИ научится всему вышеперечисленному и для этого не требуется фундаментального научного прорыва – только продолжения исследований, усложнения их архитектуры и увеличения доступных вычислительных мощностей. Однако на сегодняшний день они могут то, что могут, и ничего больше. Например, поскольку ИИ – аппроксиматор функции, а значит, по определению, несовершенное подражание искомой функции, ИИ совершает ошибки[7]. Поэтому ИИ применяется в областях с высокой конкуренцией, где усилия стоят результата, или в областях, где более простых решений вовсе не существует (например, для генерации процедурной музыки).

В настоящее время подавляющее большинство решаемых ИИ задач – анализ клиентских баз. Это может быть анализ поведения клиента в целом, групп клиентов, анализ конкретных людей.

[7] Например, очень сложно научить ИИ комплексному поведению.

Вторым по популярности применением ИИ является анализ контента – какой контент наиболее популярен, какой контент приводит к появлению постоянных покупателей и т. д.

Далее по популярности следует ИИ как часть продукта – распознавание речи для голосовых помощников, автонабор и автокоррекция текста для мобильных устройств, автокоррекция фотографий.

Работа с изображениями – пожалуй, наиболее востребованное и эффективное применение искусственного интеллекта вне научного поиска. Ярче всего это проявляется в различных творческих индустриях, связанных с синтезом статичного и динамичного видеоконтента. Именно последний аспект позволяет включить ряд технологий в процесс преподавания этих индустрий.

Так, в изучении музыки могут быть использованы технологии синтеза мелодий, успешно применяемые уже сегодня в создании музыкальных произведений и продемонстрированные в проекте «Aiva»[8]. Важно отметить, что в ходе экспериментов было установлено, что технологии, предлагаемые этим проектом, создают музыку, которая сопоставима с результатами человеческого творчества. Слушатели не могут отличить, какие музыкальные произведения созданы ИИ, а какие – реальным композитором. Это, безусловно, открывает большие возможности как для стимулирования творчества учащихся в области создания музыкальных произведений, так и в сфере аудио- и видеопроизводства, когда музыка необходима для сопровождения текста.

Еще одна креативная сфера, в которой ИИ достиг высоких результатов, – это синтез статичных изображений. Так, ИИ «Midjourney»[9] позволяет обычному пользователю синтезировать на основании текстового описания любое изображение (в том числе декоративные элементы, логотипы, рекламные плакаты и т. п.), что, безусловно, можно использовать в области дизайна.

На уровне обучения созданию видеоконтента технологии ИИ могут быть использованы на этапе предпродакшна для прогнозирования успеха будущего фильма на основе заявки или сценария. Кроме того, эти технологии могут стать подспорьем в создании нелинейных сценариев резомного типа. Уже сегодня существуют видеопроизведения, снятые на основе сценария, написанного ИИ[10].

На этапе производства видеофильма ИИ позволяет провести статистически обоснованный кастинг актера или адаптировать внешний вид актера к запросам аудитории. Иногда для этого используются достаточно простые технологии замены изображения (VTubers), а иногда более сложные технологии deepfake. Технологии ИИ также успешно справляются с синтезом или коррекцией реальности, что позволяет избавиться от необходимости построения декораций.

Чуть хуже ИИ работает в сфере синтеза голоса. Однако и здесь уже существуют заметные успехи. Например, актер Вэл Килмер, известный по таким фильмам, как «Лучший стрелок», «Схватка» и «Бэтмен навсегда», потерял голос вследствие рака гортани. В 2014 г. он перенес трахеотомию, химио- и лучевую терапию, после чего, как он сам отмечает, окружающие стали с трудом понимать его речь. Актеру вернули голос с помощью искусственного интеллекта компании «Sonantic». Свой аудиоредактор компания называет «фотошопом для голоса» и в основном сотрудничает со студиями видеоигр.

Для разработки голосовой модели «Sonantic» использует записи голосов профессиональных актеров, которые читают текст по специально разработанным сценариям (скриптам). Эти записи пропускают через программу «Voice Engine», которая с помощью ИИ генерирует голосовую модель. Затем в приложении «Sonantic» пользователь вводит текст, и разработанный голос его озвучивает, подбирая верную интонацию. Результат можно скорректировать вручную или автоматически.

Технология воссоздания голоса может быть полезна для людей, испытывающих затруднения в речи, но также поднимает этические, юридические и экономические вопросы. Например, за месяц до презентации воссозданного голоса Килмера режиссера Моргана Невилла обвинили в неэтичности из-за того, что он использовал эту технологию в фильме «Бегущий: фильм об Энтони Бурдене». Это трагическая история о шеф-поваре и телеведущем Энтони Бурдене, который в 2018 г. покончил с собой. Проблема за-

[8] Aiva. URL: https://www.aiva.ai/ (дата обращения: 05.01.2023).

[9] Midjourney. URL: https://lifehacker.ru/kak-polzovatsya-midjourney/ (дата обращения: 05.01.2023).

[10] Sunspring. URL: https://www.youtube.com/watch?v=-LY7x2Ihqjmc&t=121s&ab_channel=ArsTechnica (дата обращения: 05.01.2023).

ключалась в том, что в фильме ИИ озвучил слова, которые Бурден в действительности никогда не произносил. В результате в медиа разразился спор о том, имел ли автор право использовать искусственный голос умершего человека, не предупредив об этом зрителя, а главное – заставив говорить ИИ слова, которые, возможно, герой никогда не произносил. Но эти дискуссии никак не повлияли на рейтинг фильма. Он вызвал огромный интерес.

Комбинация двух технологий – синтеза видео и голоса – уже сегодня способна создавать видеоряд с фальсифицированными людьми, практически не отличимыми от реальности, во всяком случае в первые дни циркуляции таких видеовбросов в Интернете. А ведь ИИ еще может выбирать наиболее востребованные форматы и синтезировать именно то видео, которое прямо сейчас любят смотреть в сети. Такие технологии, в купе с ИИ, создающими или просто отбирающими наиболее популярные и «заразные» форматы видео и новостных постов, дают их обладателям нечеловеческую власть, особенно над массами, незнакомыми с возможностями таких технологий и вообще с концепцией того, что любые новости могут быть фейковыми. Всё это позволяет говорить о том, что включение подобных технологий в образовательный процесс решает прикладную задачу на уровне формирования не только креативных компетенций, но и критического отношения к произведениям, созданным с применением технологий ИИ.

Библиографический список

Багдасарян Р. Х., Симонов М. Г., Крюков Д. А. Перспективные направления развития искусственного интеллекта в креативных индустриях // Культура и время перемен. 2022. № 2. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49082905_18809335.pdf

Гарбовский Н. К. Интеллект для перевода : искусный или искусственный? // Вестник Моск. ун-та. Серия 22, Теория перевода. 2019. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/intellekt-dlya-perevoda-iskusnyy-ili-iskusstvennyy

Оржековский П. А., Степанов С. Ю. Перспективы использования искусственного интеллекта в оценке креативного развития обучающихся // Шамовские педагогические чтения. М. : Изд-во МГПУ, 2022. С. 790–793.

Оржековский П. А., Степанов С. Ю. Роль искусственного интеллекта и системы «CREO-DATUM» в цифровизации креативного мышления школьников // Актуальные проблемы химического и биологического образования. М. : Изд-во МПГУ, 2022. С. 134–140.

Столетов А. И. О креативных возможностях искусственного интеллекта // Искусственный интеллект : философия, методология, инновации. СПб. : Изд-во СПБГУ, 2007. С. 171–173.

Фадеева Е. А., Шкаленко А. В. Влияние искусственного интеллекта на креативные индустрии : тенденции и перспективы // Вестник Волгоградского техн. ун-та. Экономика. 2022. № 3. С. 44–59.

Юрова А. А., Алясева Т. М., Зименкова К. Р. Влияние искусственного интеллекта в реактивной индустрии // Инновационное развитие экономики : российский и зарубежный опыт. Уфа : Агентство международных исследований, 2022. С. 93–95.

References

Bagdasaryan R. Kh., Simonov M. G., Kryukov D. A. Perspective Directions for the Development of Artificial Intelligence in Creative Industries // Culture and Time of Change. 2022. № 2. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49082905_18809335.pdf

Garbovsky N. K. Intelligence for translation: skillful or artificial? // Bulletin of Moscow University. Series 22, Translation Theory. 2019. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/intellekt-dlya-perevoda-iskusnyy-ili-iskusstvennyy

Orzhekovsky P. A., Stepanov S. Yu. Prospects for the use of artificial intelligence in assessing the creative development of students // In the book: Shamov Pedagogical Readings. M. : MGPU Press, 2022. P. 790–793.

Orzhekovsky P. A., Stepanov S. Yu. The role of artificial intelligence and the CREO-DATUM system in the digitalization of schoolchildren's creative thinking // Actual problems of chemical and biological education. M. : Publishing House of Moscow State Pedagogical University, 2022. P. 134–140.

Stoletov A. I. On the creative possibilities of Artificial Intelligence // In the book: Artificial Intelligence: philosophy, methodology, innovations. St. Petersburg : St. Petersburg State University Press, 2007. P. 171–173.

Fadeeva E. A., Shkalenko A. V. Influence of Artificial Intelligence on Creative Industries: Trends and Prospects // Bulletin of the Volgograd Technical University. Economy. 2022. № 3. P. 44–59.

Yurova A. A., Alyaseva T. M., Zimenkova K. R. Influence of Artificial Intelligence in the reactive industry // In the book: Innovative development of the economy: Russian and foreign experience. Ufa : International Research Agency, 2022. P. 93–95.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Шестерина А. М., доктор филологических наук, профессор Высшей школы (факультета) телевидения
E-mail: shesterina8@gmail.com

Поступила в редакцию: 25.01.2023

Для цитирования:
Шестерина А. М. Потенциал использования технологий искусственного интеллекта в обучении креативным профессиям // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 277–282. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/277-282.

Lomonosov Moscow State University
Shesterina A. M., Doctor of Phylology, Professor at Higher School (Faculty) of Television
E-mail: shesterina8@gmail.com

Received: 25.01.2023

Recommended citation:
Shesterina A. M. The potential of using artificial intelligence technologies in teaching creative professions // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 277–282. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/277-282.

УДК 347.4
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/283-289

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СМАРТ-КОНТРАКТА В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

А. К. Кусаинова
Казахский национальный университет имени аль-Фараби

LEGAL NATURE OF A SMART CONTRACT IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

A. K. Kussainova
al-Farabi Kazakh National University

Аннотация: развитие современных технологий повлекло за собой создание нового способа заключения соглашений посредством автоматизированных систем – смарт-контрактов, возникновение которых произошло во многом благодаря разработке технологии распределенных реестров (Blockchain). Статья посвящена анализу законодательства и доктринальных взглядов правоведов различных стран о понятии и правовой природе смарт-контракта. Множество разнородных точек зрения на понятие и природу смарт-контракта, на способы их правового регулирования свидетельствует об отсутствии надлежащей правовой концепции смарт-контрактов, способной адекватно совместить как технические, так и правовые особенности рассматриваемого технико-правового явления. Целью работы является анализ законодательства и доктрины различных стран для определения правовой природы смарт-контракта и обоснования предложений по совершенствованию законодательства и позволяющих устранить основные недостатки применения смарт-контракта на практике.
Ключевые слова: цифровизация, смарт-контракт, договор, блокчейн, информационные технологии.

Abstract: the development of modern technologies has led to the creation of a new way of concluding agreements through automated systems - smart contracts, the emergence of which was largely due to the development of distributed ledger technology (Blockchain). The article is devoted to the analysis of legislation and doctrinal views of lawyers from different countries on the concept and legal nature of a smart contract. Many diverse points of view on the concept and nature of a smart contract, on the methods of their legal regulation indicate the absence of a proper legal concept of smart contracts that can adequately combine both the technical and legal features of the considered technical and legal phenomenon. The aim of the work is to analyze the legislation and doctrine of various countries to determine the legal nature of the smart contract and substantiate proposals for improving the legislation and eliminating the main shortcomings of the smart contract in practice.
Key words: digitalization, smart contract, contract, blockchain, information technology.

Современное развитие мирового сообщества характеризуется очередным этапом научно-технической революции («цифровой революции») – внедрением во все сферы жизни информационно-коммуникационных технологий, которые меняют уклад жизни людей и составляют фундамент и материальную базу для перехода к информационному обществу, обществу с высоким социально-экономическим, политическим и культурным развитием.

Еще в 1997 г. первый Президент РК Н. А. Назарбаев в своем Послании народу Казахстана «Казахстан – 2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев» отметил: «Стоит выделить три основные возможности для Казахстана… Третье. Процесс гло-

© Кусаинова А. К., 2023

бализации и научно-технического прогресса, особенно в развитых новых информационных и телекоммуникационных технологиях, представляет уникальные возможности для нашей большой, но малонаселенной страны. Следовательно, крайне важно понимать эти технологии, добиваться их полной интеграции в наше общество, поддерживая научно-технические кадры»[1].

Внедрение современных передовых технологий в бизнес-процессы оказало влияние и на систему права. Казахстан в свою очередь объективно вовлечен в процесс становления глобального цифрового общества. Поэтому для создания всех необходимых условий в декабре 2017 г. была утверждена Государственная программа «Цифровой Казахстан», направленная на ускорение темпов развития экономики страны и улучшение качества жизни населения, а также создание цифровой экономики будущего.

Цифровой формат современной жизни требует изменения законодательства, а виртуальное пространство Интернета, ставшее реальным фактором общественных отношений, переформатирует традиционные представления о способах и механизмах хранения, оборота и защиты данных, иных объектов современного гражданского оборота.

Стремительное развитие информационных технологий обусловливает необходимость внедрения в гражданский оборот новых институтов гражданского права, к числу которых следует отнести цифровые финансовые активы, цифровую валюту, а также смарт-контракты.

Впервые идея смарт-контракта была предложена в 1994 г. ученым в сфере информатики, криптографии и права Ником Сабо. Smart-contract (умный контракт) – это цифровые протоколы для передачи информации, которые используют математические алгоритмы для автоматического выполнения транзакции после выполнения установленных условий и полного контроля процесса[2].

В 2018 г. в США в некоторых штатах приняли первые законы, признающие смарт-контракты. В соответствии с законодательством штата Аризона подписи в блокчейне и использование смарт-контрактов официально признаются имеющими юридическую силу. В соответствии с нормами закона этого штата «смарт-контракты могут быть использованы в коммерческих целях. При этом соответствующая сделка не может быть опротестована в случае, если в ней оговорено использование смарт-контрактов».

По закону штата Теннесси об электронных сделках при проведении электронных транзакций признается право использовать технологию блокчейн и смарт-контракты: «ни один контракт, относящийся к транзакции, не может быть лишен юридической силы, действительности или исковой силы только потому, что этот контракт содержит условие смарт-контракта».

Если обратиться к опыту правового регулирования смарт-контрактов в Евросоюзе, то следует отметить, что 10 апреля 2018 г. было создано Европейское блокчейн-партнерство (European Blockchain Partnership, EBP). Это договор стран Евросоюза о развитии блокчейн-технологий и создании инфраструктуры блокчейна для государственных услуг. Его подписали 20 стран – членов ЕС, а сейчас в партнерство входят уже 30 стран.

По законодательству Евросоюза смарт-контракт не является договором. Это программный код, а точнее, очень специфическое описание, определяющее порядок действий в технологии блокчейн. Смарт-контракт базируется на компьютерном протоколе, который по установленным правилам получает или посылает информацию. С технической точки зрения смарт-контракт – это программный код.

В феврале 2019 г. после вступления в Европейское блокчейн-партнерство Италия приняла законы, устанавливающие правовую основу для обоснованности и применимости технологий распределенного реестра («DLT») и смарт-контрактов. В Италии смарт-контрактом признается программное обеспечение, которое, после подтверждения соответствующей записи в распределенном реестре, автоматически приводит в действие соответствующие условия, согласованные между двумя или более сторонами.

В декабре 2017 г. в юрисдикции Республики Беларусь смарт-контракты были официально признаны. В соответствии с п. 9 Приложения 1 к

[1] Казахстан – 2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев : послание Президента Республики Казахстан народу Казахстан от 10 октября 1997 г. Стратегический план развития Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K970002030_

[2] См.: *Szabo N.* Smart contracts: building blocks for digital markets. URL: https://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html

Декрету Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» смарт-контрактом признается программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий[3].

Следует отметить, что в юридической литературе можно выделить несколько традиционных подходов к определению и правовой природе смарт-контракта.

В соответствии с мнением первой группы авторов, смарт-контракт – компьютерная программа, способная без участия человека и его воли регулировать общественные отношения. Данная точка зрения основана на концепции невозможности регулирования компьютерной технологии правовыми средствами.

Н. Э. Сафарли считает, что «смарт-контракт является алгоритмом, предназначенным для автоматизации процесса исполнения контрактов»[4].

Некоторые авторы полагают, что правильнее понимать под смарт-контрактом договор в форме программного кода (разновидность письменной формы договора), который исполняется автоматизированным образом[5].

В. А. Якунин понимает смарт-контракт как программу, условия которой невозможно изменить. По его мнению, она самостоятельно производит расчеты с контрагентами и информацию об этом вносит в блокчейн.

По мнению второй группы исследователей, смарт-контракты рассматриваются как способ исполнения традиционных договоров, иногда – также как способ его заключения. Н. Сабо считает, что смарт-контракт не является самостоятельной разновидностью договора, а представляет лишь его форму. В данном случае речь идет о компьютерных программах, которые облегчают переговоры, проверяют и обеспечивают исполнение контракта или могут даже устранить необходимость в базовом договоре между сторонами. С использованием технологии распределенных реестров исполнение смарт-контрактов происходит автоматически, что дает дополнительные возможности для сокращения затрат участников отношений, возникающих при заключении сделки и исполнении ее условий[6].

Сторонниками данной концепции являются Ю. В. Трунцевской и В. В. Севальнев. По их мнению, «смарт-контракт является лишь способом оформления соглашения между участниками хозяйственной деятельности, основанный на технологии (блокчейн) и направленный на минимизацию временных, технических и материальных издержек, а также на снижение и предотвращение для участников сделки правовых рисков[7].

Третье направление исследователей рассматривает смарт-контракт как настоящий гражданско-правовой договор. Здесь в качестве примера можно привести мнение из германской юридической доктрины, в соответствии с которым программный код является языком изложения условий договора, заключенного сторонами. В таком случае волеизъявление сторон выражено на другом языке. Поскольку Германское гражданское уложение гарантирует свободу выбора языка изложения текста договоров, такой способ заключения договора является законным. В соответствии с параграфом 126а ГГУ письменная форма сделки может быть заменена на электронную, которая признается самостоятельной формой сделки, выступающей аналогом ее письменной формы. Сторонниками данной концепции являются также французские авторы, по их мнению, «смарт-контракт представляет собой юридическую сделку, переведенную на информационный язык»[8].

Сторонники следующего направления считают, что смарт-контракт является новым способом обеспечения исполнения обязательств. Такой вывод основан на правовых и технических особенностях смарт-контракта.

---

[3] О развитии цифровой экономики : декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008&p1=1

[4] *Сафарли Н. Э.* Смарт-контракт : понятие, правовая природа, особенности заключения и исполнения // Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 4. С. 58.

[5] См.: *Зайнутдинова Е. В.* Смарт-контракт : возникновение и развитие в гражданском праве // Предпринимательское право. 2020. № 3. С. 27.

[6] См.: *Szabo N.* Smart contracts: building blocks for digital markets. URL: https://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html

[7] См.: *Трунцевской Ю. В., Севальнев В. В.* Смарт-контракт : от определения к определенности // Журнал Высшей школы экономики. 2020. №1. С. 142.

[8] *Godefroy L.* Algorithmic code at service of law // Dalloz collection. 2018. № 4. P. 713– 792.

Как отмечает Дж. Клайн, смарт-контракты не могут быть квалифицированы в качестве договоров; они являются способом исполнения договорного обязательства. Их основная задача – обеспечить неизбежное исполнение договора, исключить неисполнение или ненадлежащее исполнение договора[9]. Поскольку автоматическое исполнение договора не может быть отменено или изменено, эта правовая особенность может быть квалифицирована как новый способ обеспечения исполнения обязательств, который устанавливает доверие между сторонами.

А. А. Карцхия рассматривает смарт-контракт как соглашение, направленное на установление, изменение и прекращение прав и обязанностей, например оплатить стоимость оказанной услуги или переданного товара. То есть с его позиции это не дополнительное условие уже существующей сделки, а сама форма такой сделки[10].

По мнению Л. А. Новоселовой, смарт-контракт представляет собой часть программного кода на платформе блокчейн, которая осуществляет транзакции и вносит записи в блокчейн. В данном случае в качестве основы смарт-контракта выделяется его программная природа. Его рассматривают не как полноценный договор, выраженный в электронной форме, а как часть системы блокчейна, которая необходима для автоматизации процесса исполнения обязательств[11]. Аналогичной точки зрения также придерживается А. И. Савельев[12].

Следует отметить, что некоторые исследователи полагают, что при определении дефиниции смарт-контракта необходимо определять ее как в техническом, так и юридическом аспектах. Исходя из этого предложено использовать различные термины:

1) smartcontract – компьютерный код, который при наступлении определенного состояния или условий способен работать автоматически в соответствии с заранее определенными функциями. Код может храниться и обрабатываться в распределенном реестре и записывать любые результирующие изменения в него;

2) legal smartcontract – сформулированные и автоматизированные с помощью программного кода соответствующие закону условия соглашения между двумя или более сторонами[13].

Следует отметить, что термин «контракт» подразумевает юридический аспект, а «умный контракт» – согласно определению Ника Сабо, как «набор обещаний, указанных в цифровой форме, включая протоколы, в рамках которых стороны выполняют эти обещания»[14], – не обязательно является договором. По закону в большинстве правовых систем договор состоит из двух соответствующих заявлений о намерениях – оферты и акцепта, которые предоставляют достаточную информацию о *essentialia negotii* (существенных условиях), т. е. о сторонах договора, объекте соглашения, способах исполнения и т. д. Смарт-контракт, с другой стороны, представляет собой просто программный журнал действий, который может иметь юридическое значение (в этом случае он протоколирует заявления о намерениях) и который, если он запрограммирован соответствующе, выполняет дополнительную сделку.

Если подходить к понятию с юридической точки зрения, то под смарт-контрактом предлагаем понимать договоры, изложенные (написанные) путем кодирования и автоматически исполняющиеся в соответствии с установленными в них алгоритмами. Исходя из общего понимания «контракта», смарт-контракт должен являться гражданско-правовым договором в электронной форме и, тем самым, должен подпадать под соответствующее регулирование национального законодательства.

Смарт-контракты базируются на компьютерном протоколе, который по установленным правилам посылает или получает определенную информацию или изменяет данные. Основанием является заложенный в протоколе программный код. При этом применяются простые правила «если…, то…»: «если» определенное условие будет исполнено, «то» будет совершено определенное действие или транзакция. Таким образом, с

[9] См.: *Klein J.* Repenser le contrat à l'èrè numérique // Revue des juristes de science PO. 2019. № 17. P. 68–75.

[10] См.: *Карцхия А. А.* Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 31.

[11] См.: *Новоселова Л.* «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 41.

[12] См.: *Савельев А. И.* Договорное право 2.0 : «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 34.

[13] См.: *Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В.* Правовая конструкция смарт-контракта : юридическая природа и сфера применения // Lex Russica. 2019. № 8 (153). С. 53.

[14] См.: *Szabo N.* Formalizing and Securing Relationships on Public Networks. URL: https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/548/469

технической точки зрения смарт-контракт – это программный код.

Смарт-контракт в общем виде можно определить как запрограммированный договор, условия которого прописаны в программном коде и который автоматически исполняется с помощью блокчейна. Блокчейн является распределенной информационной цепью, состоящей из криптографически соединенных блоков, в которых записана (закодирована) информация.

В феврале 2019 г. в Астане на платформе блокчейна запустили аукционы по распределению земельных участков. Квалификационный отбор участников торгов Самрук-Казына также проводится на платформе блокчейн.

В действующем законодательстве Республики Казахстан не закреплено понятие смарт-контракта. Однако в Концепции проекта закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий» предлагалось включить ряд норм о смарт-контрактах в Закон РК от 7 января 2003 г. «Об электронном документе и электронной цифровой подписи». В данном проекте смарт-контракт определялся как вид электронного документа, содержащий информацию в программном коде, удостоверенную посредством применения технологии блокчейн, обеспечивающий автоматическое совершение и (или) исполнение сделок либо иных действий в соответствии с программным кодом. В окончательной версии данного закона понятие смарт-контракта было исключено.

По этому поводу М. К. Сулейменов высказал следующее: «…определения, предлагаемые в проекте, являлись чисто технологическими и не отражали юридическую сущность смарт-контракта. А эта юридическая сущность заключается в том, что исполнение здесь производится автоматически, без волеизъявления стороны договора, при наступлении определенного договором условия»[15].

Интересным представляется решение этого вопроса в России. В соответствии с ч. 2 ст. 309 ГК РФ условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки[16]. По замыслу российского законодателя, на наш взгляд, смарт-контракт не является отдельной сделкой, это всего лишь условие об автоматическом исполнении любого гражданско-правового договора.

Многие страны мира предусматривают возможность совершения сделки в электронной форме, что охватывает механизм смарт-контрактов, но не выделяет его в отдельную категорию.

В настоящее время в Казахстане смарт-контракты не признаются в качестве отдельной формы заключения сделки. Однако существует довольно подготовленная основа для внедрения таких контрактов, так как в соответствии с п. 1-1 ст. 152 Гражданского кодекса Республики Казахстан письменная форма сделки совершается на бумажном носителе или в электронной форме. При этом сделка, заключенная в письменной форме должна быть подписана сторонами или их представителями.

Допускается при совершении сделки использование средств факсимильного копирования подписи, электронной цифровой подписи, если это не противоречит законодательству или требованию одного из участников (подп. 2 п. 2 ст.151 ГК РК).

В случае интеграции электронной цифровой подписи в систему блокчейн смарт-контракта такие сделки будут иметь юридическую силу.

На основании проведенного анализа теоретических концепций и действующего законодательства мы пришли к выводу: смарт-контракты используются в различных сферах экономики, однако в науке и законодательстве еще не выработано единого определения данного понятия.

Основными позициями относительно правовой природы умного контракта являются: признание его программой, функционирующей

[15] *Сулейменов М. К.* Смарт-контракт как промышленный код и как гражданско-правовой договор // Новые формы контрактных отношений цифровой экономики Республики Казахстан в условиях пандемии : материалы республиканской науч.-практ. конф., посвященной памяти доктора юридических наук Амирхановой Ирины Викторовны (Алматы, 29 апреля 2022 г.). Алматы, 2022. С. 3–11.

[16] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : федер. закон от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30396612&pos=2913;-52#pos=2913;-52

на основании распределенного, децентрализованного, реестра; электронным договором или способом исполнения договора. Такие противоречия в понимании смарт-контракта и его правовой природы объясняются в первую очередь отсутствием доктринальной концепции и усложняют его применение.

Данный договор исполняется автоматически, при наступлении определенных условий.

С правовой точки зрения смарт-контракт может классифицироваться как письменная форма сделки, совершенная с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки.

Библиографический список

Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В. Правовая конструкция смарт-контракта : юридическая природа и сфера применения // Lex Russica. 2019. № 8 (153). С. 53.

Зайнутдинова Е. В. Смарт-контракт : возникновение и развитие в гражданском праве // Предпринимательское право. 2020. № 3. С. 27.

Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 31.

Новоселова Л. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 41.

Савельев А. И. Договорное право 2.0 : «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 34

Сафарли Н. Э. Смарт-контракт : понятие, правовая природа, особенности заключения и исполнения // Правовая парадигма. 2019. Т.18, № 4. С. 58.

Сулейменов М. К. Смарт-контракт как промышленный код и как гражданско-правовой договор // Новые формы контрактных отношений цифровой экономики Республики Казахстан в условиях пандемии : материалы республиканской науч.-практ. конф., посвященной памяти доктора юридических наук Амирхановой Ирины Викторовны (Алматы, 29 апреля 2022 г.). Алматы : Қазақ университеті, 2022. С. 3–11.

Трунцевской Ю. В., Севальнев В. В. Смарт-контракт : от определения к определенности // Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 142.

Godefroy L. Algorithmic code at service of law // Dalloz collection. 2016. № 4. P. 713–792.

Klein J. Repenser le contrat à l'èrè numérique // Revue des juristes de science PO. 2019. № 17. P. 68–75.

Szabo N. Formalizing and Securing Relationships on Public Networks. URL: https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/548/469

Szabo N. Smart contracts: building blocks for digital markets. URL: https://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html

References

Grin O. S., Grin E. S., Soloviev A. V. Legal structure of a smart contract: legal nature and scope // Lex Russica. 2019. № 8 (153). P. 53.

Zainutdinova E. V. Smart contract: emergence and development in civil law // Entrepreneurial Law. 2020. № 3. P. 27.

Kartskhiya A. A. Civil law model of regulation of digital technologies: Abstract of the thesis. dis. … dr. jurid. sciences. M., 2019. P. 31.

Novoselova L. "Tokenization" of objects of civil law // Economy and law. 2017. № 12. P. 41.

Saveliev A. I. Contract law 2.0: "smart" contracts as the beginning of the end of classical contract law // Bulletin of Civil Law. 2016. № 3. P. 34.

Safarli N. E. Smart contract : concept, legal nature, features of the conclusion and execution // Legal paradigm. 2019. Vol 18, № 4. P. 58.

Suleimenov M. K. Smart contract as an industrial code and as a civil law contract // New forms of contractual relations of the digital economy of the Republic of Kazakhstan in a pandemic: materials of the republican scientific and practical conference dedicated to the memory of Doctor of Law Amirkhanova Irina Viktorovna. Almaty, April 29, 2022. Almaty : Kazakh University, 2022. P. 3–11.

Truntsevskoy Yu. V., Sevalnev V. V. Smart contract: from definition to certainty // Journal of the Higher School of Economics. 2020. № 1. P. 142.

Godefroy L. Algorithmic code at service of law // Dalloz collection. 2016. № 4. P. 713–792.

Klein J. Repenser le contrat à l'èrè numérique // Revue des juristes de science PO. 2019. № 17. P. 68–75.

Szabo N. Formalizing and Securing Relationships on Public Networks. URL: https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/548/469

Szabo N. Smart contracts: building blocks for digital markets. URL: https://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html

Казахский национальный университет имени аль-Фараби

Кусаинова А. К., доктор PhD, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса, трудового права

E-mail: kussaunova_75@mail.ru

Поступила в редакцию: 16.01.2023

Для цитирования:

Кусаинова А. К. Правовая природа смарт-контракта в контексте цифровизации// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 283–289. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/283-289.

al-Farabi Kazakh National University

Kussainova A. K., PhD, Senior Lecturer of the Civil Law and Civil Process, Labor Law Department

E-mail: kussaunova_75@mail.ru

Received: 16.01.2023

Recommended citation:

Kussainova A. K. Legal nature of a smart contract in the context of digitalization // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 283–289. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/ 2023/1/283-289.

УДК 168.522; 303.01
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/290-294

ТРАНСФОРМАЦИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: АЛГОРИТМИЗАЦИЯ VS ПОНИМАНИЕ

Е. Н. Ищенко
Воронежский государственный университет

TRANSFORMATION OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE IN DIGITAL SPACE: ALGORITHMISATION VS UNDUSTANDING

E. N. Ishchenko
Voronezh State University

Аннотация: использование информационных технологий в сфере гуманитарного знания ставит целый ряд проблем, которые носят фундаментальный характер. Развитие цифровых гуманитарных наук как особой области междисциплинарных исследований показало, что в современной ситуации представления о человеке, обществе и культуре опосредованы не только установками научного сообщества, но и способами их репрезентации в цифровом пространстве. Интерактивность и интермедиальность объектов, с которыми сталкиваются исследователи цифровой среды, требуют не только новых алгоритмов описания и интерпретации, но и релевантных способов достижения понимания. Трансформация представлений о человеке как цифровом субъекте, а также фрагментация информационного пространства актуализируют проблему полноты культурных смыслов.
Ключевые слова: цифровые гуманитарные науки, алгоритмизация, понимание, методология, цифровой субъект.

Abstract: the use of information technology in the field of humanitarian knowledge poses a number of fundamental problems. The development of the digital humanities as a special area of interdisciplinary research has shown that in contemporary situation, ideas about a human, society and culture are mediated not only by arrangements of the scientific community, but also by ways they are represented in the digital space. The interactivity and intermediality of objects faced by researchers in the digital environment require not only new algorithms for description and interpretation, but also relevant ways to achieve understanding. The transformation of ideas about a human as a digital subject, as well as the fragmentation of the information space, actualize the problem of the completeness of cultural senses.
Key words: digital humanities, algorithmisation, understanding, methodology, digital subject.

Развитие цифровых информационных технологий привело к масштабным изменениям во всех сферах современного общества, затронув разные уровни бытования: от социальных институтов до повседневных практик. Анализ трансформации гуманитарного знания позволяет не только оценить противоречивость происходящих процессов, но и более четко обозначить социокультурный контекст современной науки, выявить возможности и перспективы, а также проблемные зоны и связанные с ними риски.

Проблема специфики гуманитарных наук, обсуждение которой началось в XIX в., с приходом цифровых технологий репрезентации и трансляции знаний приобрела новое звучание. Натуралистическая парадигма гуманитарного познания в отличие от культурцентристской, основанная на представлении об универсальности идеалов и образцов знания, представленных в точных и естественных науках, получила дополнительные аргументы в свою пользу. Экспансия

© Ищенко Е. Н., 2023

математических методов анализа казалась единственно возможным выходом для разрешения эпистемологических и методологических трудностей, с которыми сталкивались гуманитарные науки в XX в.

Использование возможностей вычислительных машин для проведения исследований в области гуманитарных наук началось еще в сороковые годы XX в. с создания «index verborum, указателя всех слов корпуса текстов Фомы Аквинского и других средневековых философов, насчитывающего в целом до одиннадцати миллионов слов средневековой латыни»[1]. До определенного момента компьютер рассматривался исключительно в качестве более совершенного средства для реализации исследовательских задач. В начале 2000-х гг. К. де Смедт проводил довольно красноречивую аналогию, характеризующую инструментальный подход к пониманию «гуманитарной информатики». «Телескоп был изобретен в 1608 г. и считался сначала полезным устройством для военных действий. Галилей купил телескоп, подправил его немного и использовал, чтобы поставить под сомнение существующие концепции Солнечной системы. Хотя сам по себе телескоп и являлся отличным техническим изобретением, он не применялся в научных целях, пока Галилей не применил его для создания новых знаний»[2]. Именно «духом Галилея» вдохновлялись ученые-гуманитарии, сменившие пишущую машинку на компьютер как более совершенное техническое средство. «Ручной» способ работы с текстами, изображениями, кодексами и т. п. не выдерживал никакой конкуренции с машинными алгоритмами, позволяющими освободить исследователя от рутинной деятельности, а также открывающими возможности для реализации новых идей и подходов.

Однако уже в первое десятилетие XXI в. ситуация в гуманитарных науках стала стремительно меняться. Представления о том, что использование информационных технологий не затрагивает фундаментальные основания научного поиска, перестали соответствовать революционным изменениям, происходящим в условиях становления «альтернативной» цифровой реальности.

В качестве ответа на вызовы времени возникла особая область научного знания – цифровые гуманитарные науки (digital humanities)[3], которая за несколько лет обрела академическую институционализацию, заняла законное место в ведущих вузах по всему миру, способствуя становлению новых исследовательских коллективов, объединивших программистов и представителей разных отраслей наук. Между тем нельзя не отметить, что институционализация в некотором смысле опередила рефлексию как по поводу природы изучаемых объектов, так и методологических оснований проводимых исследований. Многообразие областей, охватывающих изучение исторических источников, художественных и документальных текстов, социальных сетей, визуальных арт-объектов, музыкальных произведений, с одной стороны, привело к бурному росту знания, а с другой – не могло не актуализировать «классические» дискуссии об «истине и методе».

Опыт развития digital humanities позволяет выделить наиболее существенные эпистемологические проблемы, с которыми сталкиваются современные гуманитарные науки.

Прежде всего, коренным трансформациям подвергается *объект исследования*. В современной ситуации представления о человеке, обществе и культуре опосредованы не только установками научного сообщества, но и способами их репрезентации в цифровом пространстве. Популярный концепт пост-правды (post-truth) точно фиксирует настроение современного человека, утратившего веру в саму возможность достоверного знания. В гуманитарных науках проблема факта непосредственным образом связана с эпистемической верой в существование объективных реалий, которые в нем зафиксированы. Следовательно, в современной ситуации проблема факта для исследователя трансформи-

[1] *Хоки С.* История гуманитарного компьютинга // Логос. 2015. Т. 25, № 2(104). С. 38.

[2] *de Smedt K.* Some Reflections on Studies in Humanities Computing // Literary and Linguistic Computing. 2002. Vol. 17, № 1. P. 99.

[3] См.: *Greengrass M. and Hughes L.* Virtual Representations of the Past, UK: Ashgate, 2008 ; *Kirschenbaum M.G.* What is Digital Humanities and What's it Doing in English Departments? // ADE Bulletin. 2010. Vol.150. P. 1–7 ; A New Companion to Digital Humanities / *Schreibman S., Siemens R. and Unsworth J.* 2015. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/book/10.1002/9781118680605 (дата обращения : 20.11.2022) ; *McGann J.* Culture and Technology: The Way We Live Now, What Is To Be Done?// Interdisciplinary Science Reviews. 2005. Vol. 30, № 2. P. 179–188 ; *Katz S. N.* Why technology matters: the humanities in the twenty-first century. Interdisciplinary // Science Reviews. 2005. Vol. 30, № 2. P. 105–118.

руется в проблему отделения знания от информации, селекции и критики источников, на основании которых возможными и релевантными окажутся результаты и выводы научной работы. Кроме того, развитие широкого спектра возможностей, связанных с использованием информационно-коммуникационной среды в научных исследованиях человека, культуры и общества, в свою очередь, трансформирует способы репрезентации и интерпретации результатов научного поиска. Междисциплинарность становится неотъемлемым атрибутом современных исследований, поскольку объекты усложняются в процессе их перемещения в цифровую среду, изменяются процессы их восприятия, трансформируются коммуникативные практики (в том числе в рамках самого научного сообщества).

Наряду с объектом меняется и *методологический инструментарий* научного поиска. Непростую ситуацию выбора исследовательских стратегий существенно осложняют интерактивность и интермедиальность объектов цифровой среды, их принципиальная открытость и незавершенность. Цифровой хронотоп, лишенный традиционной пространственно-временной определенности, задает новую предметность. «Текучая современность» (по меткому определению З. Баумана) сопротивляется концептуализации, «схватыванию» в понятии, фиксации. Однако, как нам представляется, изменчивость, темпоральность объектов парадоксальным образом возвращают нас к культурцентристской парадигме гуманитарного познания, в частности к идее человекоразмерности смыслов, составляющих гуманистическое измерение «наук о духе». Недостаточность натуралистической парадигмы, «снимающей» проблему специфики гуманитарных наук путем внедрения алгоритмов, проявляется, прежде всего, в неустранимой необходимости интерпретации получаемых с их помощью данных, которые сами по себе оказываются лишь информационным конгломератом.

Фрагментированность цифрового дискурса, равно как и феномен «знания по запросу», связанный с использованием алгоритмов поисковых систем, представляют серьезную проблему на всех этапах научной работы. В подобной ситуации системный подход, равно как и холистическая установка на целостное представление изучаемого объекта выступают на первый план. Задача исследователя состоит не столько в фиксации актуальных трендов, сколько в обнаружении исторической и культурной перспективы, воссоздании и реконструкции контекста, в рамках которого разрозненные факты обретают значимый характер.

Поскольку использование цифровых технологий в гуманитарных науках влечет за собой формализацию и алгоритмизацию методологии исследования, неизбежно возникает целый ряд «неудобных» вопросов не только о релевантности результатов, но и о способах их содержательной интерпретации. В некоторых областях гуманитарных исследований формализация как метод работы с источниками имеет более длительную историю, но нередко сам «материал», с которым работает гуманитарий, не укладывается в прокрустово ложе формальных процедур. Если же речь идет о работе с *big data* – структурированными и неструктурированными данными, обладающими большим объемом, скоростью прироста и многообразием, становится совершенно очевидным тот факт, что алгоритмы способны учитывать лишь определенные стороны изучаемых объектов. Под угрозой оказывается полнота понимания, составляющая специфику гуманитарного знания per se. Выход из подобной ситуации предлагает Л. Манович, склонный не противопоставлять «аналоговые» и «цифровые» методологические программы, но ориентироваться на их взаимодействие. «…Вдобавок к теоретизированию о воображаемом абстрактном пользователе (типичная для гуманитариев стратегия) или использованию опросов с целью ознакомления с культурным опытом людей, или этнографии (исследованиям коммуникаций) – вдобавок ко всему этому мы можем собирать и анализировать данные о действительных взаимодействиях людей с программными артефактами»[4]. Нельзя сказать, что сам по себе «принцип дополнительности» в сфере методологического синтеза в полной мере разрешает эпистемологические проблемы цифровых гуманитарных наук. Тем не менее его использование может оказаться действенным инструментом на пути к полноте понимания, поскольку «взаимодействия людей с программными артефактами», вне всякого сомнения, открывают новые грани бытования современного человека в цифровом пространстве.

На постановку *исследовательских задач, методы и способы их достижения* существенное влияние оказывает также усиление визуальной

[4] *Манович Л.* Как следовать за пользователями программ? // Логос. 2015. Т. 25, № 2 (104). С. 205–206.

составляющей цифровой среды. «Визуальный поворот» в современной культуре оказывается следствием особых способов организации и распространения информации в новых медиа. Гуманитарная наука, ориентировавшаяся в большей степени на вербальный дискурс, оказывается в ситуации значительной методологической неопределенности. Осмысление специфики процесса «перевода» объектов гуманитарных исследований в цифровой формат требует выработки новых герменевтических процедур, учитывающих практики взаимодействия визуального и вербального в рамках различных дискурсов (от политического до повседневного). Работа с потоками визуальных образов подразумевает изучение исторического контекста, процесса «миграции» изображений, пронизывающего культурное пространство. Не случайно идеи А. Варбурга о роли универсальных изобразительных «формул пафоса», высказанные столетие назад, сегодня оказались столь актуальными. Трансгрессия визуального за пределы эстетического, эмоциональные аспекты восприятия изобразительности, вытеснение вербального контента характеризуют новые области междисциплинарных гуманитарных исследований.

Опыт реализации проектов, осуществляемых в рамках digital humanities, отчетливо показал трансформацию *представлений о человеке как субъекте*. Понятие цифрового (дигитального) субъекта в современной ситуации лучше всего описывает образ номада, кочевника, легко меняющего сферу обитания, однако оставляющего цифровой след. Ускользание от заданности, определенности, стремление к анонимности, постоянные переходы границ, отсылают к известным постмодернистским концепциям «смерти субъекта» и «смерти автора». Между тем предельно острый характер проблемы авторства в современной культуре фиксируется представителями различных отраслей гуманитарных наук. Не случайно, вводя понятие постцифрового поворота, Д. Берри и М. Дитер размышляют о новой для истории культуры ситуации «вирусного» распространения идей, установление авторства которых, как и сама интеллектуальная собственность, подвергаются серьезным угрозам[5]. Можно сказать, что представителям частных наук приходится иметь дело с «реальным» автором, который всячески сопротивляется объявленной «смерти». Не стоит забывать также о прагматических аспектах, связанных, к примеру, с установлением авторства в юридической деятельности. Работы, появившиеся в последние годы[6], показывают, что юридическая практика зачастую не поспевает за трансформациями реалий творческого процесса в цифровой среде. Не случайно материалы судебных заседаний становятся не только предметом «цехового» интереса юридической науки, но и важными искусствоведческими, социологическими и философскими исследовательскими кейсами, необходимыми для осмысления *трансформации* феномена авторства в современной культуре[7].

Подводя итог, следует отметить, что распространение цифровых технологий открывает перед гуманитарной наукой новые возможности, которые требуют переосмысления как исторического наследия, так и фундаментальных эпистемологических оснований научного поиска. Контекст современного социума, определяющего себя в качестве «общества знания», возлагает на ученых-гуманитариев особую ответственность, связанную с сохранением полноты смыслового пространства культуры. Понимание как антитеза алгоритмизации не только не утрачивает своего значения в качестве методологической процедуры «наук о духе», напротив, обретает особое значение в контексте трансформации гуманитарного знания.

Библиографический список

Ищенко Е. Н. Творчество в цифровой среде : метаморфозы авторства // Творчество как национальная стихия : медиа и социальная активность : сб. статей / под ред. Г. Е. Аляева, О. Д. Маслобоевой. СПб. : Изд-во СПБГЭУ, 2018. С. 383–394.

Манович Л. Как следовать за пользователями программ? // Логос. 2015. Т. 25, № 2 (104). С. 189 – 218.

Хоки С. История гуманитарного компьютинга // Логос. 2015. Т. 25, № 2(104). С. 37–65.

[5] См.: *Berry D. M., Dieter M.* Thinking Postdigital Aesthetics: Art, Computation and Design // Postdigital Aesthetics : Art, Computation and Design / ed. by D. M. Berry, M. Dieter. [S. l.] : Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–11.

[6] См.: *Goldstein P.* Copyrights's Highway: From Gutenberg to Celectial Jukebox. Stanford, 2003 ; *Ng A.* Copyright Law and the progress of Science and Useful Arts. Cheltenham, 2011 ; Intellectual Property Law and History. L., 2012 ; и др.

[7] См.: *Ищенко Е. Н.* Творчество в цифровой среде : метаморфозы авторства // Творчество как национальная стихия : медиа и социальная активность : сб. статей / под ред. Г. Е. Аляева, О. Д. Маслобоевой. СПб., 2018. С. 383–394.

A New Companion to Digital Humanities / Schreibman S., Siemens R. and Unsworth J. 2015. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/book/10.1002/781118680605

Berry D. M., Dieter M. Thinking Postdigital Aesthetics : Art, Computation and Design // Postdigital Aesthetics : Art, Computation and Design / ed. by D. M. Berry, M. Dieter. [S. l.] : Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–11.

de Smedt K. Some Reflections on Studies in Humanities Computing // Literary and Linguistic Computing. 2002. Vol. 17, № 1. P. 89–101.

Goldstein P. Copyrights's Highway: From Gutenberg to Celectial Jukebox. Stanford : Stanford University Press, 2003. 240 p.

Greengrass M. and Hughes L. Virtual Representations of the Past. UK : Ashgate, 2016. 276 p.

Intellectual Property Law and History / S. Wilf (ed.) L. : Routledge, 2012. 518 p.

Katz S. N. Why technology matters: the humanities in the twenty-first century. Interdisciplinary // Science Reviews. 2005. Vol. 30, № 2. P. 105–118.

Kirschenbaum M. G. What is Digital Humanities and What's it Doing in English Departments? // ADE Bulletin. 2010. Vol. 150. P. 1–7.

McGann J. Culture and Technology: The Way We Live Now, What Is To Be Done? // Interdisciplinary Science Reviews. 2005. Vol. 30, № 2. P. 179–188.

Ng A. Copyright Law and the progress of Science and Useful Arts. Cheltenham : Elgar Publ., 2011. 176 p.

References

Ishchenko E. Creativity in Digital Environment: Metamorphoses of Authorship // Creativity as National Spontaneity: Media and Social Activity / G. E. Alyaev, O. D. Masloboeva (eds.). St. Petersburg : St. Petersburg State Economical University Publ., 2018. P. 383–394.

Manovich L. How to Follow Software Users // Logos. 2015. Vol. 25, № 2 (104). P. 189–218. (in Russian)

Hockey S. The History of Humanities Computing // Logos. 2015. Vol. 25, № 2 (104). P. 37–64. (in Russian)

A New Companion to Digital Humanities / Schreibman S., Siemens R. and Unsworth J. 2015. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/book/10.1002/9781118680605

Berry D. M., Dieter M. Thinking Postdigital Aesthetics : Art, Computation and Design // Postdigital Aesthetics : Art, Computation and Design / ed. by D. M. Berry, M. Dieter. [S. l.] : Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–11.

de Smedt K. Some Reflections on Studies in Humanities Computing // Literary and Linguistic Computing, 2002. Vol. 17, № 1. P. 89–101.

Goldstein P. Copyrights's Highway: From Gutenberg to Celectial Jukebox. Stanford : Stanford University Press, 2003. 240 p.

Greengrass M. and Hughes L. Virtual Representations of the Past. UK : Ashgate, 2016. 276 p.

Intellectual Property Law and History / S. Wilf (ed.) L. : Routledge, 2012. 518 p.

Katz S. N. Why technology matters: the humanities in the twenty-first century. Interdisciplinary // Science Reviews. 2005. Vol. 30, № 2. P. 105–118.

Kirschenbaum M. G. What is Digital Humanities and What's it Doing in English Departments? // ADE Bulletin. 2010. Vol. 150. P. 1–7.

McGann J. Culture and Technology: The Way We Live Now, What Is To Be Done? // Interdisciplinary Science Reviews. 2005. Vol. 30, № 2. P. 179–188.

Ng A. Copyright Law and the progress of Science and Useful Arts. Cheltenham : Elgar Publ., 2011. 176 p.

Воронежский государственный университет
Ищенко Е. Н., доктор философских наук, профессор, и.о. зав. кафедрой онтологии и теории познания
E-mail: ischenko@phipsy.vsu.ru

Поступила в редакцию: 25.12.2022

Для цитирования:
Ищенко Е. Н. Трансформации гуманитарного знания в цифровом пространстве: алгоритмизация *vs* понимание // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 290–294. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/290-294.

Voronezh State University
Ischenko E. N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Acting Head of the Ontology and Epistemology Department
E-mail: ischenko@phipsy.vsu.ru

Received: 25.12.2022

Recommended citation:
Ischenko E. N. Transformation of Humanitarian Knowledge in Digital Space: Algorithmisation *vs* Understanding // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 290–294. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/290-294.

УДК 94 (73)
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/295-303

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ЧЕТВЕРТАЯ ВОЛНА ФЕМИНИЗМА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Г. И. Лепехина

Воронежский государственный педагогический университет

INFORMATION TECHNOLOGIES, FOURTH-WAVE FEMINISM AND THE PERSPECTIVES OF ITS STUDYING

G. I. Lepekhina

Voronezh State Pedagogical University

Аннотация: в XXI в. в связи с широким распространением информационных технологий феминистское движение приобрело невиданные возможности для распространения информации и консолидации усилий тех, кто стремится отстаивать свои достоинство и честь. Зародившись в США, борьба с харассментом вскоре приобрела огромное значение для женщин, ставших жертвами или желающих проявить свою солидарность с ними независимо от места проживания и гражданства, движение #MeToo приобрело международный характер. На примере дела Харви Ванштейна рассматриваются перспективы изучения данного феномена с использованием различных электронных источников, а также документальных и художественных фильмов.
Ключевые слова: четвертая волна феминизма, харассмент, интернет-ресурсы и фильмы как исторические источники.

Abstract: the article deals with the problems of fourth-wave feminism including the huge role of social media and increasing number of online sexual abuse and harassment The paper analyzes the case of Harvey Weinstein and international #MeToo movement using variety of historical sources such as internet resources, documentaries and feature films.
Key words: fourth-wave feminism, sexual harassment, abuse, internet as a historical source.

Возможности использования Интернета для влияния на общественное сознание, организацию разнообразных массовых акций огромны. Это в полной мере продемонстрировала история «цветных революций» в арабских странах, без координации действий в сетевых сообществах Египта победа антиправительственных сил была бы невозможна.

Еще больший размах приобрела деятельность активисток феминистского движения так называемой четвертой волны феминизма, которая изучается представителями разных наук (философами, социологами, политологами, лингвистами, историками). В Кубанском государственном университете предпринимаются попытки выработать оригинальную гибридную трехступенчатую методологию исследования политического контента, акцентировав внимание на таких методах, как структурный сетевой анализ, реляционный анализ, лингводискурсивный анализ[1]. Благодаря этому для ученых разных специальностей появилась возможность проводить совместные исследования, примером может послужить статья доктора филологических наук В. В. Катерминой и кандидата политических наук А. А. Гнедаш[2]. Эта методология была

© Лепехина Г. И., 2023

[1] См.: Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств : методология анализа и исследовательская практика / Н. А. Рябченко [и др.] // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19, № 5. С. 139–162.

[2] См.: *Катермина В. В., Гнедаш А. А.* Формирование политического контента в онлайн-пространстве : структурно-сетевой и лингво-дискурсивный анализы современных социальных движений (на примере «WOMENS

апробирована и для анализа информации в конкретной социальной сети Твиттер[3].

Характеристика различных аспектов развития феминистского дискурса в цифровых медиа представлена в работе петербургских философов Е. А. Кавериной и Э. Декич, рассмотревших наиболее успешные практики феминистских хештег-компаний в США и России, использование феминистских идей в коммуникативных практиках брендов с целью увеличения прибыли, а также отношение селебрети к феминистским идеям. Деятельность фемсообществ в России проанализировала доктор филологических наук Т. Л. Каминская[4].

Феминизм необходимо изучать комплексно, свой вклад должны внести и историки. Представляется важным рассмотреть и вопрос о перспективах изучения этого мощного политического направления благодаря введению в научный оборот сравнительно новых исторических источников: интернет-ресурсов[5]. Бесспорно, публикации в разных социальных сетях признаются как исторические источники[6].

С одной стороны, в Интернете размещаются уже изданные в печатном виде работы, это делает их доступными для читателей, тираж больше не имеет значения, такие источники можно считать «дубликатами источников-оригиналов». Иногда труды размещаются только в электронном виде, тогда их можно считать «первоисточниками»[7].

СМИ являются традиционным историческим источником, но Интернет дает возможность получить информацию от непосредственных участников событий, легко фиксировать исторические факты благодаря наличию селфи, видеосъемок, интервью и т. п. Важно, что одновременно предлагаются разнообразные, нередко полярные интерпретации этого факта, ведь не случайно появилась поговорка «врет, как очевидец!».

Автор сообщения может высказать собственную точку зрения, избегая какой-либо цензуры, оно вызывает много откликов, возникает диалог между людьми, которые могут никогда не встретиться в реальной жизни, что предполагает как высокий уровень откровенности, так и риск появления фейков. В марте 2019 г. в России был принят закон о наказании за распространение в Интернете фейковых новостей[8]. Под фейковыми новостями в тексте закона понимается недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений и создающая угрозу безопасности. Определять достоверность информации будет прокуратура. Если прокуратура установит, что в сообщении есть недостоверные данные, она обращается в Роскомнадзор, а Роскомнадзор – к конкретному интернет-СМИ. После этого материал должен быть «незамедлительно» удален, в противном случае доступ к нему блокируется.

Многие участники событий или наблюдатели предлагают анализ того или иного процесса, глубина которого зависит от философской и политической позиции, профессионализма и честности. Часто ученые, желая донести свою точку зрения до заинтересованных читателей, публикуют научные статьи, не размещая их в печатных изданиях.

Интернет также сделал возможным просмотр документальных и художественных фильмов, созданных на основе реальных событий, их авторы предлагают свой вариант осмысления ситуации, оказывая непосредственное влияние на общественное мнение.

Конечно, изучение фильмов как исторических источников вызывает неоднозначное от-

---

MARCH»). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-politicheskogo-kontenta-v-onlayn-prostranstve-strukturno-setevoy-i-lingvodiskursivnyy-analizy-sovremennyh-sotsialny (дата обращения: 08.12.2022).

[3] См.: *Гнедаш А. А.* Четвертая волна феминизма : политический дискурс и лидеры мнений в социальной сети Твиттер // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2022. № 1. С. 64–89.

[4] См.: *Каминская Т. Л.* Феминизм как модный медиадискурс : речевой аспект // Мир русского слова. 2021. № 2. С. 25–35.

[5] См.: Историк, источник и Интернет : круглый стол // Новая и новейшая история. 2001. № 2. URL: rudocs.exdat.com/docs/index-187183.html (дата обращения: 08.12.2022).

[6] См.: *Васильев И. Ю.* Социальные сети как исторический источник // Исторический формат. 2018. № 4. С. 200–203. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-istoricheskiy-istochnik

[7] См.: *Боровкова О. В.* Электронный исторический источник : проблемы и возможности : в 2 ч. Тамбов, 2014. № 9 (47), ч. 1. С. 26–28. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1674652534&tld=ru&lang=ru&name=issn_1997-292X_2014_9-1_05.pdf&text=Боровкова%20Электронный%20исторический%20источник%20статья&url=https%3A%2F%2Fwww.gramota.net%2Farticles%2Fissn_1997-292

[8] Статья 207.1. Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан Уголовного кодекса Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ношение, полемику между сторонниками и противниками такого подхода изложил в своей статье французский историк Морис Ферро[9]. На конкретных примерах он убедительно показал эффективность анализа фильмов как исторических документов.

Феминизм как идеология и политическое движение привлекает пристальное внимание, традиционно в истории его развития выделяют как три, так и четыре его этапа (волны):

I этап – середина XIX – начало XX в., ознаменовался борьбой женщин за равенство в правах с мужчинами: на получение высшего образования, избирать и быть избранными, выступать в качестве полноценного субъекта с правовой точки зрения, движение за эмансипацию женщин;

II этап – 60–70-е гг. XX в. характеризуется борьбой с дискриминацией по признаку пола в самых разных сферах жизни общества: за равную оплату труда, право на аборт, право на место в руководящем составе компаний и т. д.;

III этап – с конца 80-х гг. XX в. – 2010-е гг. отличается расширением состава участников и стремлением выйти за рамки «женского вопроса»;

IV этап – с 2010-х гг. до настоящего времени, его главная особенность – активное использование информационных технологий не только для распространения феминистских идей, но и для организации массовых акций, чтобы добиться заявленной цели, заставить общество и правящие круги отреагировать на существование проблемы и принять меры для ее решения.

Важнейшей проблемой, с точки зрения радикальных феминисток, является борьба против харассмента, а женщина особенно беззащитна, если становится жертвой мужчины-руководителя, от которого непосредственно зависит.

Сам термин «харассмент» в английском языке гораздо шире по значению, чем используемое в русском языке понятие «домогательство» (притеснение, преследование, оскорбление, приставание). В научной литературе всё, что может унизить или оскорбить человека, вывести его из зоны психологического комфорта, не только слова, но и жесты, свист вслед, любое посягательство на честь человека, любое давление извне, любые действия, даже если они совершаются неосознанно, маскируясь под следование обычаям и традициям, являются харассментом. По мнению доктора медицинских наук, профессора Н. Агазаде, признаки харассмента могут быть разделены на четыре группы: запугивание, блокирование, изоляция и унижение[10]. Разумеется, в роли жертв могут выступать не только женщины, но они гораздо чаще сталкиваются с этим феноменом. Попытку дать социально-философский анализ феномену харассмента в России и США предприняли Е. А. Марьясова и К. А. Страхова[11]. Разница позиций россиян и американцев очевидна, что нашло отражение и в цифровых медиа[12].

Сексуальный харассмент привлекает особое внимание не только феминистских организаций, но и общества в целом. Когда жертвами становятся медийные фигуры, событие становится знаковым. США были потрясены скандальной историей привлечения к уголовной ответственности влиятельного голливудского продюсера Харви Ванштейна, на протяжении многих лет использовавшего свое служебное положение для сексуальных домогательств к актрисам. 5 октября 2017 г. в газете «The New York Times» была опубликована статья журналисток Дж. Кантор и М. Твохи, основанная на интервью актрисы Эшли Джадд, затем появилась серия публикаций журналиста Ронана Фэрроу, что стало результатом журналистских расследований на основании сведений, полученных от актрис и сотрудниц компании. Составленный по инициативе Азии Ардженто список из 84 имен актрис, испытавших на себе «благосклонность продюсера», выглядел очень внушительным, среди них были такие знаменитости, как Гвинет Пэлтроу, Кортни Лав, Сальма Хайек, Анжелина Джоли, Мира Сорвино. Все они получали непристойные предложения, но одни отказывались от сотрудничества, а другие были вынуждены мириться с травмирующей ситуацией из-за страха потерять карьеру.

[9] См.: *Ферро М.* Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 47–57.

[10] См.: *Агазаде Н.* Психологическое притеснение (харассмент) на рабочем месте и проблемы психического здоровья, сопровождающиеся суицидальными тенденциями // Медицинская психология в России : электрон. науч. журн. 2013. № 3 (20). URL: http://medpsy.ru (дата обращения: 08.12.2022).

[11] См.: *Марьясова Е. А., Страхова К. А.* Феномен харассмента в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки : социально-философский анализ // Контекст и рефлексия : философия о мире и человеке. 2019. Т. 8, № 24. С. 24–30.

[12] См.: *Каверина Е. А., Декич Э.* Развитие феминистского дискурса в цифровых медиа (опыт России и США) // Медиаальманах. 2020. № 4. С. 26–36.

Опозоренный Харви Ванштейн не только был вынужден давать разъяснения и пытаться обелить себя; его супруга Джорджина Чапман уже через пять дней подала на развод; ему пришлось уйти из собственной The Weinstein Company по решению совета директоров, несмотря на эту решительную меру в марте 2018 г. она разорилась. Харви Ванштейн навсегда перестал быть почетным членом многих профессиональных сообществ и был лишен почетных наград, наконец, по приговору Верховного суда 11 марта 2020 г. он получил 23 года тюремного заключения за два доказанных эпизода уголовного дела, а 20 декабря 2022 г. суд присяжных в Лос-Анджелесе признал его виновным в изнасиловании еще одной женщины[13].

Однако гораздо более важным по последствиям, чем решение по конкретному, пусть и такому резонансному делу является изменение настроений в обществе, стремление обозначить правомерность или неприемлемость новой системы ценностей.

Еще в 2006 г. видный общественный деятель Тарана Берк использовала в документальном фильме, снятом в поддержку женщин, подвергнувшимся сексуальному насилию, фразу «Me too» («Я тоже»), которая привела к созданию хештега, позволяющего женщинам, имевшим этот печальный опыт, объединиться, чтобы получить поддержку друг друга. В 2017 г. под впечатлением от дела Ванштейна американская актриса Алиса Милано обратилась к общественности с призывом поддержать пострадавших, найдя проникновенные слова: «Если бы все женщины, подвергшиеся сексуальному домогательству или нападению, также написали “Я тоже” в своем статусе, мы могли бы дать людям понять масштабы этой проблемы». Эта инициатива способствовала своеобразному возрождению «#MeToo»[14].

Это вызвало отклик не только в западных странах, но и по всему миру, а затем начались флешмобы, тысячи женщин вышли на улицы, чтобы выразить свои чувства и потребовать решения этой проблемы. Акция #MeToo распространилась на другие страны и языки в социальных сетях. Обвинения против нескольких британских политиков вызвали общественный скандал и привели к проверке и отставке троих чиновников. В Канаде ушел в отставку основатель фестиваля комедии Жильбер Розон и более десятка лиц обвинили радиоведущего из Квебека Эрика Сальвейла в сексуальных домогательствах[15].

В США благодаря размаху движения #MeToo произошли заметные изменения в киноиндустрии: в знак протеста против харассмента во время процедуры вручения награды «Золотой глобус» активистки-актрисы надели черные платья, Натали Портман открыто выразила удивление из-за отсутствия женщин в качестве номинантов в категории «Лучший режиссер», после этого организаторы различных кинопремий в обязательном порядке стали включать в качестве номинантов женщин-режиссеров, а в 2020 г. Американская киноакадемия изменила правила присуждения главной награды – «Оскара», теперь только в том случае, если треть актерского состава и технического персонала относятся к меньшинствам (женщины, геи, лесбиянки, трансгендеры и т. д.), фильм может претендовать на награду[16]. Этот шаг вызвал неоднозначную реакцию, с одной стороны, уважение к правам меньшинств, а с другой – необходимость подбора кадров не из-за профессионализма и таланта, а из-за необходимости соблюдать требования. Чем будут руководствоваться продюсеры и режиссеры? Ответ очевиден.

Дело Ванштейна и движение #MeToo преобразили общественное сознание США, тема харассмента была доминирующей до тех пор, пока ее не вытеснила пандемия COVID-19. Появился специальный термин для обозначения изменений – «эффект Харви Ванштейна», это: множество новых секс-скандалов в разных сферах, жесткие меры против обвиняемых без каких-либо доказательств их вины, их преследование в прессе, увольнения и т. д. до принятия судебных решений; о презумпции невиновности, кажется, забыли.

[13] Ванштейн : история скандала и схема, по которой он домогался актрис. URL: https://ren.tv/longread/1058838-vainshtein-istoriia-skandala-i-skhema-po-kotoroi-on-domogalsia-do-aktris (дата обращения: 18.01.2023).

[14] Цит. по: *Жирнова Э. Н.* Феминизм как часть медиакультуры // Медиа, информация, коммуникация. 2018. № 27. С. 8–16.

[15] См.: *Забелина Т. Ю.* Канада говорит #MeToo. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kanada-govorit-metoo

[16] См.: *Дворянкин О. А.* Феминизм и харассмент – монстры нового мира, стремящиеся покорить людей через интернет…?! // Евразийский союз ученых. 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/feminizm-i-harassment-monstry-novogo-mira-stremyaschiesya-pokorit-lyudey-cherez-internet (дата обращения: 08.12.2022).

Значимость публикаций, разоблачивших преступления Харви Ванштейна, трудно переоценить, они положили начало беспрецедентному расследованию, вышеперечисленные журналисты получили Пулитцеровскую премию за служение обществу, они участвовали в создании фильмов «по реальным событиям».

О значимости этой истории для американского общества свидетельствует то, что вышли документальные фильмы, раскрывшие ее подробности. Режиссером «Неприкасаемого», вышедшего в 2019 г. еще до судебного процесса, стала Урсула Макфарлейн, в кинотеатрах России под названием «Быть Харви Ванштейном» он был показан еще летом того же года, что свидетельствует об интересе публики. Здесь впервые авторы широко использовали интервью с многочисленными жертвами, которым еще предстояло давать свои показания, хотя были перечислены основные вехи биографии и яркие детали поведения продюсера-насильника. Хотя фильм привлек зрителей, кинокритик Егор Беликов выразил недовольство однозначным «образом сумрачного злодея», становление личности и причины успеха которого не раскрыты. С точки зрения критика, настоящим героем фильма можно считать лишь проводившего расследование журналиста Ронона Фэрроу[17].

Фильм «Дело Харви Ванштейна», снятый TLC в 2020 г. уже после заключения продюсера в тюрьму, интересен тем, что негативно оценивались действия «команды Х. Ванштейна», например адвоката Донны Ротунно, всегда защищавшей обвинявшихся в насилии и проигравшей до этого лишь одно дело. С точки зрения авторов, она слишком жестко допрашивала жертв насилия, добиваясь от них признания факта «романа по согласию» с целью извлечения выгоды, приводя яркие выдержки из любовной переписки, чтобы присяжные усомнились в самой возможности насилия, ведь отношения продолжались годами. Обращает на себя внимание и своеобразное «давление» на детективного агента из Израиля Сэта Фридмана, отказавшегося от публичного осуждения своих действий, наоборот, он подчеркивал, что выполнение требований заказчика – Ванштейна было его прямой обязанностью. Сбор компромата и слежка должны были заставить женщин отказаться от показаний[18].

Оба фильма переведены на русский язык, размещены на Ютубе и доступны российскому зрителю.

В 2021 г. появился 6-серийный мини-сериал «Поймай и убей: запись подката», снятый режиссерами Рэнди Барбато и Фентана Бэйли по материалам одноименной книги Ронана Фэрроу. Автор взял интервью не только у потерпевших, но и у сотрудников его компании, детективов, детально воспроизведя ход своего расследования. Сериал не переведен на русский язык[19]. Само название фильма призывает не только к сочувствию жертвам «хозяина жизни», оно говорит о вере в то, что никакой статус не является гарантией безнаказанности, женщин можно было запугать, заставить их замолчать на какое-то время, но предотвратить обнародование подлинных фактов в принципе невозможно.

Наконец, в ноябре 2022 г. американские зрители познакомились с художественным фильмом режиссера Марии Шрабер «Она сказала» или «Ее правда», созданного на основе автобиографической книги «Она сказала» журналисток Джоди Кантор и Меган Туи, впервые открыто обвинивших Х. Ванштейна в сексуальных домогательствах. К сожалению, российским зрителям пока нельзя посмотреть этот фильм, но вышедший на русском языке трейлер уже познакомил их с основной сюжетной линией. Предполагается, что главными героинями будут «разоблачители»-журналистки и самые смелые жертвы, работа которых требовала умения держать удар и самоотверженности. В США они стали поистине культовыми фигурами. Очевидно, что художественный фильм в отличие от документального предполагает художественный вымысел, но он должен лучше передать атмосферу в обществе, придать драматизм действиям, акцентируя внимание на их чувствах того или иного персонажа[20].

[17] См.: *Беликов Е.* Не быть Харви Ванштейном : почему фильм о крахе скандального продюсера не говорит о самом главном? URL: https://www.forbes.ru/forbeswoman/382373-ne-byt-harvi-vaynshteynom-pochemu-film-o-krahe-skandalnogo-prodyusera-ne-govorit (дата обращения: 08.12.2022).

[18] См.: Дело Харви Ванштейна. Документальный фильм. 2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=V_CzMmzRUz8 (дата обращения: 08.12.2022).

[19] Поймай и убей : запись подката. Документальный фильм. URL: https://kinoreporter.ru/pojmaj-i-ubej-delo-vajnshtejna-v-licah/ (дата обращения: 08.12.2022).

[20] Сколько веревочке ни виться или с чего началось metoo. URL: https://irecommend.ru/content/skolko-verevochke-ne-vitsya-ili-s-chego-nachalos-metoo-lichnyi-krakh-kharvi-vainshteina-i-ty

Конечно, в американском обществе немало и тех, кто осмеливается «идти против течения», достаточно вспомнить об организациях «разгневанных белых мужчин», защищающих свою гегемонную маскулинность и осуждающих феминисток за нарушение традиций. В других странах есть свои особенности. Что же характерно для России?

Дело Ванштейна по-прежнему продолжает волновать тех, кто пытается найти тайные причины его размаха. Так, в 17 января 2018 г. в Интернете появилась статья с хлестким названием «Сексуальный скандал с политическим подтекстом: кто подставил Харви Ванштейна?», автор которой обвиняет в разжигании дела не только «неблагодарных актрис», получивших высокие награды, вплоть до «Оскара», но и Президента США Дональда Трампа, якобы сумевшего благодаря этому умело избежать во время предвыборной кампании обвинений в сексизме и отстранить от участия в ней яростного демократа Харви Ванштейна, приводится даже термин Ванштейнгейт по аналогии с Уотергейтом[21]. Автор считает, что сексуальный скандал наиболее эффективное средство политической борьбы, полагая, что впервые это было апробировано путем устранения несомненного фаворита на предстоящих выборах Президента Франции, когда 21 января 2013 г. главу МВФ Доминика Стросс-Кана удалось дискредитировать, обвинив в изнасиловании горничной, его политическое влияние было утрачено, хотя он и был впоследствии оправдан.

О политической подоплеке сексуального скандала Х. Ванштейна пять лет назад рассуждал и видный российский политик Максим Шевченко, оценивший его историю как проявление раскола политических элит США: поскольку продюсер был одним из главных противников кандидата в президенты Д. Трампа, он стал своеобразной «жертвой» мести со стороны республиканцев. Автор не выражает никакого сочувствия к женщинам, зависимым от Ванштейна, он воспринимает их не как жертвы, а скорее как циничные создания, стремящиеся только к славе и обогащению. Крайне иронично он обратился и к своей коллеге журналистке Екатерине Мциуридзе, также заявившей о домогательствах по отношению к ней[22]. Несмотря на профессиональное образование, в таком же ключе о деле Ванштейна задолго до вынесения судебного решения рассуждал и известный адвокат А. А. Добровинский[23]. Думается, такой подход свидетельствует, насколько чуждыми для многих россиян остаются популярные в западном обществе ценности.

Критическое отношение к процедуре рассмотрения и последствиям решения по делу Ванштейна демонстрирует и О. А. Дворянкин. Его позиция четко обозначена в аннотации его работы: «В статье исследуется женское течение “феминизм”, создавшее новое направление “харассмент”, чтобы совместно с его новейшими технологиями добиться превосходства над мужчинами в гендерном противостоянии, которое существует между мужчинами и женщинами с момента появления их на земле. Предполагается, что, объединившись, возможно, они смогут стать “монстрами нового мира”, и при этом основным инструментом, который им в этом поможет покорить людей и навязать свое видение мира станет Интернет и непосредственно его информационные технологии»[24]. Следует отметить, что автор ввел в научный оборот новые факты, предоставил стройное обоснование своей позиции, хотя с ней трудно согласиться.

Каковы основные доводы автора?

Во-первых, «борьба с харассментом является неотъемлемой частью корпоративной культуры: согласно американскому гражданскому законодательству дискриминация по какому-либо принципу на рабочем месте запрещена». Задолго до «дела Ванштейна» в США уже существовал эффективный механизм защиты жертв харассмента, первые иски в суде рассматривались уже в 1976–1977 г., речь шла не только о домогательствах к женщинам со стороны начальства, но и о расовой дискриминации. В 2015 г. апелляционным судом был признан харассментом случай домогательств к женщине-руководителю со стороны подчиненных, а вышестоящее начальство закрывало на это глаза. Таким

[21] Сексуальный скандал с политическим подтекстом : кто подставил Харви Ванштейна? URL: https://news.rambler.ru/other/38905497-seksualnyy-skandal-c-politicheskim-podtekstom-kto-podstavil-harvi-vaynshteyna (дата обращения: 08.12.2022).

[22] См.: *Шевченко М.* Ванштейн – сексуальный террорист или жертва? URL: https://www.youtube.com/watch?v=pKtAdniZ9CA (дата обращения: 08.12.2022).

[23] Адвокат Добровинский о секс-скандале с Харви Ванштейном! URL: https://www.youtube.com/watch?v=hO92AnpCcP0 (дата обращения: 08.12.2022).

[24] См.: *Дворянкин О. А.* Указ. соч.

образом феминистки акцентировали внимание лишь на одном аспекте, чтобы увеличить общественный резонанс. Кстати, с этим доводом в какой-то мере можно согласиться, не случайно во многих компаниях категорически запрещены служебные романы, чтобы не возникало двусмысленных ситуаций.

Во-вторых, сексуальные пристрастия Х. Ванштейна ни для кого не были секретом, поэтому можно рассматривать обвинения в его адрес как попытку «хайпа» и привлечения внимания к действиям радикальных феминисток. Автор говорит о «двойных стандартах», упоминая факт обвинения в харассменте в отношении несовершеннолетнего одной из активисток фем-движения Азии Арженто, которая постаралась решить дело в досудебном порядке, принеся извинения и выплатив денежную компенсацию. Многие мужчины из сферы киноиндустрии (Бен Афлек, Дастин Хоффман, Джеймс Франко) также смогли избежать суда, признав харассмент и принеся свои извинения. Автор обвиняет многих женщин в стремлении улучшить свое финансовое положение, отмечая, что их действия вызвали ответ в виде мужского движения, радикализацию мужчин в сети, кибербуллинг в социальных сетях, электронных письмах и СМС, что, по его мнению, мизандрия – ненависть к мужчинам, присущая радикальным феминисткам, грозит наступлением «гендерной войны»[25].

Является ли это утверждение преувеличением? В 2022 г. была опубликована книга Нины Янкович «Как быть женщиной в Интернете»[26], где анализировалась предвыборная кампания 2020 г., агрессивные высказывания в адрес ее участниц-женщин составили 15 %, в адрес мужчин – 5 %. Автор изучила высказывания в адрес 13 женщин-политиков, которые получили 336 тысяч агрессивных, сексистских высказываний в свой адрес всего за два месяца. Главная жертва Камала Деви Харрис, ставшая вице-президентом после победы демократической партии, в ее адрес было направлено 78 % агрессивных высказываний. Таким образом, скорее можно говорить о мизогинии.

В 2020 г. ЮНЕСКО и международный центр журналистики опросили 900 женщин-журналистов из 125 стран, 75 % респондентов были жертвами кибербулинга, в том числе угроз физического и сексуального насилия. Для 20 % угрозы были воплощены в реальной жизни.

Разумеется, часть россиян выражает озабоченность состоянием «женского вопроса» в нашей стране, феминистские организации как активная часть гражданского общества неоднократно пытались поддержать своих единомышленников на Западе, предлагая принять закон «о домашнем насилии», организуя помощь женщинам, страдающим от абьюза. Часть россиян, уповая на традиционные ценности, предпочитает рассматривать взаимоотношения полов с религиозных позиций, отказываясь воспринимать необходимость изменения гендерных ролей.

[25] См.: *Дворянкин О. А.* Указ. соч.

[26] См.: *Jankowicz N.* How to Be A Woman Online: Surviving Abuse and Harassment, and How to Fight Back. Bloomsbury Publishing, 2022.

Библиографический список

Агазаде Н. Психологическое притеснение (харассмент) на рабочем месте и проблемы психического здоровья, сопровождающиеся суицидальными тенденциями // Медицинская психология в России : электрон. науч. журн. 2013. № 3 (20). URL: http://medpsy.ru

Адвокат Добровинский о секс-скандале с Харви Ванштейном! URL: https://www.youtube.com/watch?v=hO92AnpCcP0

Беликов Е. Не быть Харви Ванштейном : почему фильм о крахе скандального продюсера не говорит о самом главном. URL: https://www.forbes.ru/forbes-woman/382373-ne-byt-harvi-vaynshteynom-pochemu-film-o-krahe-skandalnogo-prodyusera-ne-govorit

Боровкова О. В. Электронный исторический источник : проблемы и возможности : в 2 ч. Тамбов : Грамота, 2014. № 9 (47), ч. 1. С. 26–28. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1674652534&tld=ru&lang=ru&name=issn_1997-292X_2014_9-1_05.pdf&text=Боровкова%20Электронный%20исторический%20источник%20статья&url=https%3A%2F%2Fwww.gramota.net%2Farticles%2Fissn_1997-292

Ванштейн : история скандала и схема, по которой он домогался актрис. URL: https://ren.tv/longread/1058838-vainshtein-istoriia-skandala-i-skhema-po-kotoroi-on-domogalsia-do-aktris

Васильев И. Ю. Социальные сети как исторический источник // Исторический формат. 2018. № 4. С. 200–203. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-istoricheskiy-istochnik

Гнедаш А. А. Четвертая волна феминизма : политический дискурс и лидеры мнений в социальной сети Твиттер // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2022. № 1. С. 64–89.

Дворянкин О. А. Феминизм и харассмент – монстры нового мира, стремящиеся покорить людей через Интернет…?! // Евразийский союз ученых. 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/feminizm-i-harassment-monstry-novogo-mira-stremyaschiesya-pokorit-lyudey-cherez-internet

Дело Харви Ванштейна. Документальный фильм. 2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=V_CzMmzRUz8

Жирнова Э. Н. Феминизм как часть медиакультуры // Медиа, информация, коммуникация. 2018. № 27. С. 8–16.

Забелина Т. Ю. Канада говорит #MeToo. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kanada-govorit-metoo

Историк, источник и Интернет : круглый стол // Новая и новейшая история. 2001. № 2. URL: rudocs.exdat.com/docs/index-187183.html

Каверина Е. А., Декич Э. Развитие феминистского дискурса в цифровых медиа (опыт России и США) // Медиаальманах. 2020. № 4. С. 26–36.

Каминская Т. Л. Феминизм как модный медиадискурс : речевой аспект // Мир русского слова. 2021. № 2. С. 25–35.

Катермина В. В., Гнедаш А. А. Формирование политического контента в онлайн-пространстве : структурно-сетевой и лингво-дискурсивный анализы современных социальных движений (на примере «WOMENS MARCH»). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-politicheskogo-kontenta-v-onlayn-prostranstve-strukturno-setevoy-i-lingvo-diskursivnyy-analizy-sovremennyh-sotsialny

Марьясова Е. А., Страхова К. А. Феномен харассмента в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки : социально-философский анализ // Контекст и рефлексия : философия о мире и человеке. 2019. Т. 8, № 24. С. 24–30.

Поймай и убей : запись подката. Документальный фильм. URL: https:// kinoreporter.ru/pojmaj-i-ubej-delo-vajnshtejna-v-licah/

Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств : методология анализа и исследовательская практика / Н. А. Рябченко [и др.] // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19, № 5. С. 139–162.

Сексуальный скандал с политическим подтекстом : кто подставил Харви Ванштейна? URL: https://news.rambler.ru/other/38905497-seksualnyy-skandal-c-politicheskim-podtekstom-kto-podstavil-harvi-vaynshteyna/

Сколько веревочке ни виться или с чего началось metoo. URL: https://irecommend.ru/content/skolko-verevochke-ne-vitsya-ili-s-chego-nachalos-metoo-lichnyi-krakh-kharvi-vainshteina-i-ty

Шевченко М. Ванштейн – сексуальный террорист или жертва? URL: https://www.youtube.com/watch?v=pKtAdniZ9CA

Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 47–57.

Jankowicz N. How to Be A Woman Online: Surviving Abuse and Harassment, and How to Fight Back. Bloomsbury Publishing, 2022. 128 p.

References

Agazade N. Psychological harassment (harassment) in the workplace and mental health problems accompanied by suicidal tendencies // Medical psychology in Russia: electron. scientific magazine. 2013. № 3 (20). URL: http://medpsy.ru

Lawyer Dobrovinsky about the sex scandal with Harvey Weinstein! URL: https://www.youtube.com/watch?v=hO92AnpCcP0

Belikov E. Not to be Harvey Wainstein: why the film about the collapse of the scandalous producer does not talk about the most important. URL: https://www.forbes.ru/forbes-woman/382373-ne-byt-harvi-vaynshteynom-pochemu -film-o-krahe-skandalnogo-prodyusera-ne-govorit

Borovkova O. V. Electronic historical source: problems and opportunities : in 2 parts. Tambov : Diploma. 2014. № 9 (47). Part 1. P. 26–28. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1674652534&tld=ru&lang=ru&name=issn_1997-292X_2014_9-1_05.pdf&text=Borovkova%20Electronic%20historical%20source%20article&url=https% 3A%2F%2Fwww.gramota.net%2Farticles%2Fissn_1997-292

Wainstein : the history of the scandal and the scheme by which he harassed actresses

Vasiliev I. Yu. Social networks as a historical source // Historical format. 2018. № 4. P. 200–203. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-istoricheskiy-istochnik

Gnedash A. A. The fourth wave of feminism: political discourse and opinion leaders in the social network Twitter// Bulletin of RUDN University. Series: POLITICAL. 2022. № 1. P. 64–89.

Dvoryankin O. A. Feminism and harassment are the monsters of the new world, seeking to conquer people through the Internet…?! // Eurasian Union of Scientists. 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/feminizm-i-harassment-monstry-novogo-mira-stremyaschiesya-pokorit-lyudey-cherez-internet

The Harvey Wenstein Case Documentary. 2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=V_CzMmzRUz8

Zhirnova E. N. Feminism as part of media culture // Media, information, communication. 2018. № 27. P. 8–16.

Zabelina T. Yu. Canada says #MeToo. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kanada-govorit-metoo

Historian, source and the Internet: "round table" [Electronic resource] // New and recent history. 2001. № 2. URL: rudocs.exdat.com/docs/index-187183.html

Kaverina E. A., Dekic E. The development of feminist discourse in digital media (the experience of Russia and the USA) // Media Almanac. 2020. № 4. P. 26–36.

Kaminskaya T. L. Feminism as a fashionable media discourse: speech aspect // World of the Russian Word. 2021. № 2. P. 25–35.

Katermina V. V., Gnedash A. A. Formation of political content in the online space: structural-network and linguo-discursive analyzes of modern social movements (on the example of "WOMENS MARCH"). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-politicheskogo-kontenta-v-onlayn-prostranstve-strukturno-setevoy-i-lingvodiskursivnyy-analizy-sovremennyh-sotsialny

Maryasova E. A., Strakhova K. A. The phenomenon of harassment in the Russian Federation and the United States of America: socio-philosophical analysis // Context and reflection: philosophy about the world and man. 2019. Vol. 8, № 24. P. 24–30.

Catch and Kill: Recording a tackle. Documentary. URL: https://kinoreporter.ru/pojmaj-i-ubej-delo-vajnshtejna-v-licah/

Political content of social movements in the online space of modern states: analysis methodology and research practice / N. A. Ryabchenko [et al.] // South Russian Journal of Social Sciences. 2018. T. 19, № 5. P. 139–162.

Sex scandal with political overtones: Who framed Harvey Wenstein? URL: https://news.rambler.ru/other/38905497-seksualnyy-skandal-c-politicheskim-podtekstom-kto-podstavil-harvi-vaynshteyna/

How long does the rope not twist or how did me-too start. URL: https://irecommend.ru/content/skolko-verevochke-ne-vitsya-ili-s-chego-nachalos-me-too-lichnyi-krakh-kharvi-vainshteina -i-ty

Shevchenko M. Vanshtein – a sexual terrorist or a victim? URL: https://www.youtube.com/watch?v=pK-tAdniZ9CA

Ferro M. Cinema and History // Issues of History. 1993. № 2. P. 47–57.

Jankowicz N. How to Be A Woman Online: Surviving Abuse and Harassment, and How to Fight Back. Bloomsbury Publishing. 2022. 128 p.

Воронежский государственный педагогический университет

Лепехина Г. И., кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории

E-mail: gil7@list.ru

Поступила в редакцию: 25.01.2023

Для цитирования:

Лепехина Г. И. Информационные технологии, четвертая волна феминизма и перспективы его изучения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 295–303. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/295-303.

Voronezh State Pedagogical University

Lepekhina G. I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Foreign History Department

Received: 25.01.2023

Recommended citation:

Lepekhina G. I. Information technologies, fourth-wave feminism and the perspectives of its studying // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 295–303. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/295-303.

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Общие положения

1.1. К публикации принимаются материалы, содержащие результаты научных исследований, оформленные в виде полных статей, кратких сообщений, обзоров. В журнале могут быть опубликованы рецензии и материалы-обзоры проведенных научных конференций (форумов, семинаров).

1.2. Содержание присылаемых в редакционную коллегию журнала материалов и их оформление должно соответствовать установленным требованиям (см. сайт журнала: http://www.vestnik.vsu.ru/content/pravo/; http://www.law.vsu.ru/science/publications/vestnik.html).

1.3. Материалы необходимо представлять в редакционную коллегию по электронной почте или через личный кабинет пользователя на сайте журнала (https://journals.vsu.ru/law).

1.4. Подписанный автором (соавторами) текст публикации оформляется одним файлом, который содержит следующую информацию и структуру:

– индекс УДК;

– название статьи на русском и английском языках;

– инициалы и фамилия автора (соавторов);

– наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работает (или занимает соответствующую должность);

– дата направления материала в редакцию журнала;

– аннотация статьи на русском и английском языках;

– ключевые слова на русском и английском языках;

– текст статьи;

– библиографический список на русском и английском языках, который составляется в порядке алфавита из научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи;

– сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, адреса электронной почты.

1.5. Для аспирантов и соискателей дополнительно необходимо прислать в редакцию журнала выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения организации) о рекомендации присланного материала к опубликованию в журнале или краткий отзыв научного руководителя с рекомендацией опубликования статьи.

1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

1.7. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией журнала.

1.8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. Требования к оформлению материалов, направляемых в редакционную коллегию журнала для опубликования

2.1. Текст печатается в текстовом редакторе WinWord шрифтом Times New Roman 14-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.2. Все поля на листе составляют по 2 сантиметра.

2.3. Объем статьи не должен превышать 16–18 страниц (к сведению: 22 страницы, или 40 000 знаков, включая пробелы и знаки препинания, составляют один печатный лист).

2.4. Сноски оформляются постранично. Нумерация – сквозная.

2.5. Правила оформления сносок – в соответствии с ГОСТом 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

2.6. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

2.7. Наименования организаций, органов государственной власти, учреждений, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

2.8. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (ко-

лонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечаниях), а не в названии таблиц. Для сноски применяется символ – *. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, то приводится полностью его название.

2.9. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

2.10. Иллюстрации (фотографии) могут быть черно-белыми и цветными, отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм и сохранены в отдельном файле в формате tif или jpg.

3. Рецензирование материалов, поступающих в редакцию

3.1. Все материалы, поступающие в редакцию журнала, соответствующие его тематике, подвергаются рецензированию с целью их экспертной оценки.

3.2. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов.

3.3. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции журнала в течение 5 лет.

3.4. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

4. Решение о публикации и отказ в публикации

4.1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

4.2. В случае если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

4.3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи автору (соавторам) необходимо приложить письмо, содержащее ответы на сделанные редакцией замечания и поясняющее все произведенные в статье изменения.

4.4. Отказ в публикации возможен в случаях:

– несоответствия статьи профилю и специфике журнала;

– грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на нормы права;

– несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;

– отрицательного заключения редакционной коллегии;

– опубликования статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания;

– несоответствия статьи предъявляемым требованиям к оформлению материалов.

4.5. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

4.6. Мнение редакционной коллегии не всегда может совпадать с точкой зрения автора.

REQUIREMENTS TO THE MATERIALS DIRECTED TO AN EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

1. General provisions

1.1. To the publication the materials containing the results of scientific researches issued in the form of full articles, short messages, reviews are accepted. Reviews and materials reviews of the held scientific conferences (forums, seminars) can be published in the journal.

1.2. The content of the materials sent to the editorial board of the journal and their arrangement must conform to the established requirements (see website: http://www.vestnik.vsu.ru/content/pravo/; http://www.law.vsu.ru/science/publications/vestnik.html).

1.3. Materials should be sent to the editorial board by e-mail or through the user's personal account on the journal's website (https://journals.vsu.ru/law).

1.4. The text of the publication signed by the author (coauthors) should be made out by one file which contains the following information and structure:

– UDC identifier;

– article heading in Russian and in English;

– author's (coauthors') initials and surnames;

– name of educational, scientific or other organization where the author (coauthors) works (or holds any appointment);

– date of directing materials to the editorial board of the journal;

– summary of the article in Russian and in English;

– key words in Russian and in English;

– text of article;

– list of bibliography (this list shall be prepared in alphabetical order and contain names of scientific sources mentioned in footnotes);

– data on the author (coauthors) in Russian and in English with the full indication of a surname, name, middle name, academic degree, academic status, primary place of employment, post, e-mail.

1.5. For postgraduate students and degree-seeking students it is also necessary to send an extract from the minutes of chair (sector, division of the organization) about the recommendation of the sent material to publication in the journal or a short response of the research supervisor with the recommendation of publication of article to editorial board of the journal.

1.6. Articles sent to the editorial board shall be reviewed, and in case of the positive review – scientific and control correcting.

1.7. The decision on the publication of the article is made by the editorial board of the journal.

1.8. The publication of articles is free of charge.

2. Requirements to arrangement of the materials directed to the editorial board of the journal for publication

2.1. The text is printed in a text editor of WinWord; font – Times New Roman; size – 14th; interval – 1,5.

2.2. All page-sides shall be 2 centimeters.

2.3. The volume of article shouldn't exceed 16–18 pages (note: 22 pages, or 40 000 symbols, including gaps and punctuation marks, make one printed page).

2.4. References are made out page by page. Numbering goes through.

2.5. References are arranged according to state standard specification 7.0.5 – 2008 "The bibliographic references. General requirements and rules of drawing up". In order to avoid mistakes the editorial board recommends not to reduce references independently, each time pointing out full data on the citing source.

2.6. All pages of the manuscript should be numbered.

2.7. Names of the organizations, public authorities, institutions, international organizations aren't reduced. All abbreviations and reductions, except for well-known, shall be deciphered at the first use in the text.

2.8. All tables shall be mentioned in the text. Each table is printed on the separate page and numbered according to its first mention in the text. Each column must have short heading (reductions and abbreviations can be used there). Explanations of terms, abbreviations are located in references (notes), but not in the table headings. The symbol – * is applied for references. If data from other published or unpublished source are used, its heading has to be named completely.

2.9. Schemes and charts shall be numbered and submitted in separate files.

2.10. Illustrations (photos) can be black-and-white or colored, scanned with the dimension of 300 dots per inch and kept in the separate file in the tif or jpg format.

3. Reviewing of the materials coming to edition

3.1. All materials sent to editorial office of the magazine, corresponding to its subject are exposed to reviewing for the purpose of their expert assessment.

3.2. All reviewers are recognized specialists in subject of the reviewed materials.

3.3. Reviews are stored in the publishing house and in editorial office of the magazine within 5 years.

3.4. Editorial office of the magazine sends the copy of reviews or motivated refusal to authors of the presented materials.

4. The decision to publish and to refuse publication

4.1. Sending the article to the journal, the author is obliged not to represent identical material to other publishers before decision on the publication is made.

4.2. The editorial board sends articles for the conclusion to specialists or experts in case if knowledge of narrow area of law is necessary to make decision on the publication.

4.3. According to the recommendation of the editorial board completion (quality improvement) of article by the author is in some cases possible. Article sent to the author to completion has to be returned in the corrected form together with its initial version in the shortest terms. The author (co-authors) needs to attach the letter containing answers to the remarks made by edition and explaining all changes made in article to the processed manuscript.

4.4. Refusal in the publication is possible in cases:

– article's discrepancy to a profile and specifics of the journal;

– the rough violations in citing including references to statute rules;

– article's discrepancy to scientific level and practical usefulness criteria;

– negative conclusion of the editorial board;

– the article (or identical materials) is published or submitted for publication in other printed editions;

– non-compliance of the article with the requirements for the design of materials.

4.5. Manuscripts submitted for publication are not returned.

4.6. The opinion of the editorial board does not always coincide with the author's point of view.

ВЕСТНИК
ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПРАВО. 2023. № 1 (52)
Дата выхода в свет 22.05.2023

Ведущий редактор *Н. Н. Масленникова*
Компьютерная верстка *Е. Н. Попуга*

Формат 60×84/8.
Уч.-изд. л. 35,3. Усл. п. л. 35,8. Тираж 100 экз. Заказ 84

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3